

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН

БУКОЛИКИ

●

ГЕОРГИКИ

●

ЭНЕИДА

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1971

Вступительная статья
С. Шервинского

А
В 31

Иллюстрации
Д. Бисти

7-4-4
Подп. изд.

ВЕРГИЛИЙ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В музее Бардо в Тунисе среди мозаичных полов, сохраненных слоем песка в прибрежных областях Северной Африки и относящихся к первым векам нашей эры, выставлена мозаика, вывезенная из города Суса, изображающая Вергилия. Конечно, портрет — «идеальный», созданный, когда модели давно не было в живых, но черты изображенного носят характер столь индивидуальный, что невольно думается о портретном сходстве. Кроме того, черты поэта на сусской мозаике убедительно совпадают с тем, как описал Вергилия Светоний. Он тоже воссоздал образ поэта спустя лет сто после его кончины, но позволительно думать, что предание хранило еще с достаточной точностью его подлинный облик. Светоний говорит, что Вергилий был высокого роста, черноволос и костист, при этом добавляет, что вид у него был скорее селянина, а не человека высшего круга. Именно таким рисуется Вергилий и на мозаике музея Бардо. В его внешности нет никакой утонченности, которая в век Августа уже свойственна была образованным слоям римского общества и принимала иной раз формы щегольства. Вергилий сусской мозаики сидит очень прямо, коротко острижен, взгляд у него глубок и выражение сосредоточенно.

По сторонам поэта стоят две музы. Та, что за правым плечом, держит свиток, другая, со скорбным лицом и театральной маской в левой руке, пригорюнилась, облокотившись на спинку кресла, где сидит поэт. Никакой иной музой она не может быть, кроме Мельпомены. Нас не должно удивлять ее присутствие рядом с поэтом, не сочинявшим драматических произведений: Гораций, тоже не бывший драматургом, упоминает в последнем стихе своего знаменитого «Памятника» именно Мельпомену и призывает ее гордиться заслуженной славой.

Прежде чем знакомить читателя с жизнью Вергилия, необходимо оговориться, что ни одна его биография не может быть достоверной, поскольку основана на источниках довольно поздних и уже поэтому ненадежных. К сожалению, и авторы новых и новейших исследований жизни Вергилия противоречат друг

другу. В результате приходится мириться с тем, что в биографии поэта остаются пустоты и туманности, которые вряд ли удастся когда-нибудь заполнить или прояснить.

Вергилий родился около Мантуи 15 октября 70 года до н. э. Отец его был зажиточным человеком, владельцем не только земли, но и мастерской керамических изделий — изящные цизальпинские глиняные вазы широко расходились по всему Средиземноморью. О матери Вергилия мы не имеем сведений, кроме легендарных, приписывающих ей вещий сон, связанный с рождением ее великого сына.

В ту пору, когда Юлий Цезарь, подчинивший Риму большую часть Западной Европы, победоносно продвигался к Риму, встречаемый недоброжелательством приверженцев республики, Вергилий был школьником. Отец отправил его учиться сначала в Кремону, а потом в Милан, где в то время были выдающиеся педагоги. Лет пятнадцати он приехал в Рим и поступил в учение к известному ритору Эпидию. Само поступление в эту школу свидетельствует, что отец Вергилия принадлежал к уважаемому общественному слою, так как в ней получали образование и представители знатнейших римских фамилий. Достаточно сказать, что там обучался внучатый племянник Цезаря Октавиан, будущий Август. Октавиан был моложе Вергилия на шесть лет, но, поскольку учение Вергилия в Риме длилось долго, поэт, вероятно, успел лично встретиться в школе с будущим властителем мира. Тогда Октавиан был уже назначен Цезарем в преемники и возведен четырнадцати лет в сан великого понтифика, то есть духовного главы народа. В школе возникли дружеские связи, обеспечившие Вергилию положение в высшем обществе Рима. Что касается Октавиана, то он всю жизнь покровительствовал Вергилию и питал к нему личную приязнь.

Вергилий усердно занимался философией, преимущественно эпикурейской, и много читал. Может быть, уже здесь усвоил он основы медицины, физики и математики. В 54 году до н. э. вышла в свет, посмертно, поэма Лукреция «О природе вещей». Она оказала на юношу решающее влияние своей материалистической теорией мироздания, опирающейся на учение Эпикура, и своей поэтической силой. В эти годы Вергилий нашел свою истинную дорогу поэта. Попытка заняться адвокатурой, профессией, открывавшей доступ к государственным должностям, была тут же оставлена. Нельзя при этом не учесть, что Вергилий, по свидетельству древних, которое мы должны принять на веру, лишен был природного ораторского таланта, — речь его была медлительна, он был несвободен в движениях и крайне застенчив. В 45 году Вергилий переехал в окрестности Неаполя к философу-эпикурейцу Сирону и стал обладателем скромного поместья, где ему предстояло до конца дней заниматься на лоне природы неторопливой литературной работой. В эпикуровом «саду» Сирона среди просвещенных молодых друзей был и поэт Гораций.

За истекшее с приезда в Рим десятилетие Вергилием было, по-видимому, написано немало. Однако дошедшие до нас под его именем произведения, далеко

не достигающие совершенства остальных его творений, признаются филологической наукой сомнительными. Лишь в последнее время снова обозначилась тенденция считать эти произведения первыми опытами начинающего таланта с естественными для «школьного» периода недостатками. Они обычно публикуются в качестве «Приложения» к сочинениям поэта и в настоящее издание не включены. Среди них выделяется «эпиллий» (маленькая эпическая поэма) «Комар», где, по мнению некоторых, высмеивается ритор Эпидий; «Комар» посвящен был младшему товарищу, «божественному мальчику Октавию» (Октавиану), который мог по достоинству оценить пародию на знакомый им обоим преподавательский стиль. Если верно, что стихи «Приложения», хотя бы некоторые, действительно сочинены Вергилием, мы имеем в них лишнее доказательство того, что он усвоил с юности поэтический вкус и приемы школы «новаторов», одним из главных представителей которой был Катулл (умер в 54 г. до н. э.).

Между тем Юлий Цезарь был убит приверженцами республики. Роковой 44 год открыл период междоусобных войн и политических переворотов, ставших через много веков материалом шекспировских драм. Когда на злосчастном поле при Филиппах разгромлены были республиканские войска, предводимые убийцами Цезаря Брутом и Кассием, впервые на политической арене заявил о себе восемнадцатилетний Октавиан. Став членом триумвирата, избранник Цезаря учинил безжалостную расправу с противниками,— проскрипции и казни устрашили Рим. Возникшая распря с другим триумвиром, Антонием, в конечном итоге развязала руки молодому претенденту на власть. Флот Антония был разгромлен при Акциуме, и он бежал в Египет вслед за своей Клеопатрой, чтобы разделить с ней славу добровольной смерти. Октавиан стал единодержавным правителем Римского государства, осторожно сохранив за ним название и даже внешний статут республики.

«Средь бурь гражданских и тревоги» Вергилий продолжал жить у себя близ Неаполя, как истинный последователь Эпикура, не вмешиваясь в волнения форума, культивируя в тишине свою поэзию. Лишь один раз был он потревожен,— из Мантуи пришли недобрые вести.

Октавиан, взяв в руки управление государством, оказался во главе страны, разоренной усобицами, голодной, с низко упавшим сельским хозяйством, полной недовольными, готовыми каждую минуту поднять мятеж. Для наведения порядка молодому правителю нужно было неотложно обеспечить себе, прежде всего, поддержку военных. Октавиан пошел на крайность, тоже не безопасную: он конфисковал земли у множества владельцев и роздал их тем, кому был обязан своими победами. Отец Вергилия оказался в списке лиц, чьи земли подлежали конфискации. Поэт поспешил в Рим и — видимо, без труда — отхлопотал поместье отца, правда, уже после того, как новый владелец чуть было не убил прежнего хозяина. Эти события отражены в первом крупном, не вызывающем сомнения в подлинности, произведении Вергилия, в «Буколиках».

Посетил ли поэт когда-либо вновь свою родиую Маитую, сказать трудио. Вернее, что оиа осталась для иего лишь дорогим воспомииаиием. С Римом же его связи, разумеется, не прекращались; есть иепровереиное сведение, что у поэта был в Риме свой дом.

Следующее большое произведение Вергилия — поэма о сельском хозяйстве, «Георгики». Написаиа она была по совету Мецеиата, за которым стояла воля самого Августа, считавшего своевремеииым подкрепить поэзией свои усилия, иаправленные к возрождению земледелия в стране. Над «Георгиками» поэт трудился ряд лет. Ои должен был перечитать немало специальиых сочииений — и Гесиода, и Колумеллу, и Варрона,— но ие приходится сомневаться, что одиих книг было бы недостаточно для создания поэмы, изумляющей сочетаиием поэтических достоииств со знаиием дела. Проницательный Август верио выбрал нужного ему автора, усмотрев еще в «Буколиках» любовиое отиошение Вергилия к земле. «Георгики» считаются по праву совершеииейшим поэтическим произведением Вергилия; оии заслужили ему уже громкую славу, а с ней и новые милости Августа.

По окончании «Георгик» Вергилий стал виутренне готовить себя к создаиию произведения высокой, обобщающей тематики. Это стремление поэта счастливо совпадало с предначертаниями Августа,— случилось редкое в истории литературы слияние поощрения сверху и душевной склоииости автора. Римский народ не имел своего Гомера, нужио было заполнить иедостойиый великой нации вакуум, при этом связав судьбы народа с дальнейшими политическими расчетами Августа. Эта эпопея долженствовала по своему значению соперничать с Гомером.

На создаиие римской нациоиальиой эпопеи Вергилий потратил более десяти лет. Еще не закончив ее, он почувствовал потребность воочию увидеть те места, где происходят описываемые им события. С этой целью он отправился в Грецию и иа Малоазийское побережье. В Афинах произошла встреча поэта с его державиым поощрителем. Август посоветовал Вергилию возвратиться в Италию, взял его иа свой корабль. Всегда виимательиый к своему и общественному здоровью, Август, вероятио, приметил, что поэт иосит в себе какую-то подтачивающую его болезиь, и иа самом деле Вергилий уже был так болен, что ие мог добраться до Неаполя. 21 сеитября 19 года до и. э. поэт скончался в калабрийском городе Брундизии (теперь Бриидизи), откуда его прах был перевезен в Неаполь и погребеи иа дороге в Позилиппо. Можно ие без осиоваиий предполагать, что Вергилий страдал с юности туберкулезом легких, который под влиянием жгучей греческой жары дал роковую вспышку в организме, к тому же ослабленном многодневной морской болезиью.

В античиое время могила Вергилия благоговейно чтилась. Плиний Младший, в письме III, свидетельствует, что просвещениый Силий Италик подходил к ией, «как к храму». Ее вплоть до иового времени увереиио показывали приезжим, да и теперь в путеводителях попадается указание иа место погребения поэта.

Есть предание, что Вергилий сам сочинил свою эпитафию, где намекает на три основных своих произведения. Текст ее сохранился:

Мантуей был я рожден, Калабрией отнят. Покоюсь
В Партенопее [1]. Воспел пастбища, сёла, вождей.

«Буколики» («пастушеские» песни), сочиненные Вергилием в сороковых годах, были им же самим объединены в сборник из десяти «эклог» («избранных» стихов), без соблюдения хронологического порядка.

Вергилий, как уже было упомянуто, примыкал по своему поэтическому направлению к «новаторам» предшествующего поколения и разделял с ними пристрастие к «александрийскому» стилю поэзии, предпочитавшему короткие эпиллии и широко пользовавшемуся мифологическими мотивами. Катулл обессмертил себя неповторимыми по свежести лирическими стихами и эпиграммами, но не они оказались на потребу начинающему Вергилию, а Катулловы эпиллии, и среди них в первую очередь «Эпиталама Пелея и Фетиды». Наряду с этим эпиллием должен быть упомянут и другой, «Смирна», принадлежавший Цинне, современнику и другу Катулла. Цинну высоко ценил Вергилий, и нам тем более приходится жалеть об утрате его произведений. Кроме того, Вергилий, конечно, читал греческих «александрийцев» и в подлиннике, что нам недоступно, поскольку их творения, изысканные и академичные, в большинстве до нас не дошли. К счастью, уцелело наследие одного из знаменитейших и особо стоящих поэтов «александрийского» направления — сицилийского уроженца Феокрита.

Феокрит почитается «отцом буколической поэзии», поскольку до него пастушеская тема имелась лишь в народных произведениях. Постоянно встречающаяся у Феокрита «ответная» («амебейная») песня двух состязающихся пастухов впервые превратилась у него в литературный прием. Феокрит утвердил пастушескую тему в поэзии Европы, где она заняла на удивление устойчивое положение, отразившись в «идиллиях» едва ли не всех европейских народов.

Вергилий, по своей склонности ко всему деревенскому, не мог не увлечься буколической поэзией Феокрита. Для Рима пастушеская тема была новостью, и Вергилий, подражая Феокриту, оказался если не первооткрывателем, то первым латиноязычным представителем этого рода поэзии.

Вергилий в «Буколиках» более или менее близко следовал своему греческому предшественнику. Самого Феокрита он нигде не называет по имени, но муз именует «сицилийскими», тем самым указывая на свой источник.

Находились критики, которые готовы были попрекать Вергилия отсутствием самостоятельности. Это положение неверно уже тем, что оно высказывается с наших современных позиций. Прежде чем упрекать античного поэта в подражательности,— иногда похожей на то, что ныне называется плагиатом,— надо удостовериться в том, как сама античность относилась к «подражанию». Самый

[1] Партенопея — древнее название Неаполя.

факт заимствования или близкого следования за образцом не был тогда унизительным для поэта.

В пределах XX века критика, преимущественно французская, выдвинула заманчивую проблему показать не «подражательность» Вергилия, а его «оригинальность».

В самом деле, стоит вчитаться в эклоги Вергилия без предубеждения, как отличия между ними и Феокритом бросятся в глаза. Мы обнаружим, что, безусловно, общим у обоих поэтов оказывается лишь тот мир, где происходит все, ими описанное. С тем, однако, различием, что пастухи Феокрита — рабы, а пастухи Вергилия, в плане их социального положения, охарактеризованы по-разному. Так, в эклоге I ясно говорится, что Титир был раньше рабом, но впоследствии выкупил себе свободу. Трудно сказать, раб ли пастух Дамет (эклога III), который пасет стадо, порученное ему Эгоном. Вероятнее всего, что Эгон — владелец скота, но нет прямых оснований считать, что пастух — его раб; вернее предположить, что он принадлежит к тем обедневшим мелким хозяевам, которых в условиях общей смуты и упадка в сельских областях нужда заставляла идти в работники к более обеспеченным соседям (иногда это могло перерождаться и в настоящее рабство). Таким же свободным, хоть и зависимым работником представляется и Мерис из эклоги IX. Он несет ягнят новому «пришельцу», завладевшему его землей при распределении угодий между ветеранами; но и в этом нельзя видеть указания на рабское положение пастуха. А в эклоге III Меналк не решается поставить что-либо из стада в заклад, потому что у него дотошные отец и мачеха, и это явно показывает, что данная семья работает в собственном хозяйстве.

Мир сельских пастухов, их незатейливый быт у Феокрита изображен более остро реалистически, чем у Вергилия; Феокрит более точно локализует своих пастухов в сицилийском пейзаже. Существеннее, однако, то, что подоплека пастушеской поэзии у Феокрита совсем иная, чем у Вергилия.

Феокрит писал в III веке до н. э., то есть уже в пору разложения тех политических формаций и того общества, которое сложилось в V—IV столетиях до н. э., чтобы перегодиться после походов Александра, открывших миру новые горизонты и сблизивших запад и восток. Для тогдашнего общества, поглощенного материальными заботами, потерявшего религиозность предков и политическую страстность, пастушеская тема была скорее развлечением, уводившим от цивилизации, подобно тому как это было в Европе XVIII века.

Идиллии Феокрита целесообразно рассматривать в сравнении с «салонным» искусством его эпохи, особенно с «александрийскими» рельефами, изобилующими буколической тематикой. Нельзя не отметить, что идиллии Феокрита далеко не чужды эротики, иногда откровенной.

Идилличность Вергилия носит иную окраску. Дело не в том, что у Вергилия тоже встречается пристрастие к юношам, вообще свойственное античному миру и не казавшееся предосудительным, а в том, что, как бы ни изображалась любовь в его эклогах, она не теряет целомудрия. Вергилий относится к своим

пастухам серьезно и почти не прибегает к юмору, отчего у его эклог несколько приподнятый тон, несмотря на отдельные участки простой, хотя и не грубой речи. Этот общий тон позволил Вергилию посвятить некоторые эклоги более возвышенным темам.

Если мы в идиллиях Феокрита вправе усматривать поэзию, угодную обществу, клонящемуся к упадку, то в эклогах Вергилия, несмотря на внешнее сходство с Феокритом, мы чувствуем здоровье молодой эпохи, времени становления, а не разрушения. Их автор не увлекается бытовыми сценками, напоминающими известные мимиамбы Герода, он смело касается больших философских тем, отражающих воспринятые и продуманные автором философские концепции эпикуреизма и отчасти стоицизма.

В свете сказанного приходится иначе оценивать подражательность Вергилия, и не так уж существенно сопоставлять у того и другого поэта отдельные приемы, утверждать лишний раз, что и там и тут пастухи состязаются в пении, дарят девушкам яблоки, смотрятся в гладь воды, чтобы убедиться в своей красоте, и, наконец, исполняют множество одинаковых пастушеских обязанностей.

Если мы понимаем уход Феокрита в пастушескую примитивность как реакцию просвещенного, утонченного человека против надоедливой цивилизованной суеты, то это не может относиться к Вергилию. Ему не от чего было бежать. Если он томился, то лишь от вечных распрей, терзавших Италию, если он жаждал тишины, то не тишины трианонов, а мира для своего народа, мира, который станет темой и пафосом также и последующих его сочинений.

Эклога I написана Вергилием после того, как он отхлопотал у Августа землю своего отца. В диалоге между старым и благополучным Титиром и пострадавшим Мелибеем, вынужденным покинуть родовое владение, запечатлена картина того, что происходило в Италии, в частности, в окрестностях Мантуи и Кремоны. Конкретность пейзажного письма Вергилия побудила ученых искать как в первой, так и в прочих эклогах поэта точных указаний на действительно существующие местности. Ученая мысль начала рыскать по Италии, обеспокоенная тем, что география эклог полна противоречий и неточностей. Но каждому, кто подойдет к «Буколикам» с точки зрения поэзии, ясно, что все пейзажи эклог — условны, что в этой воображаемой Аркадии встретятся и мантуанские черты, и черты окрестностей Неаполя, что все соединено ради поэтической, а не географической правды.

Та же эклога I дала повод критикам нового времени обвинять Вергилия в низкопоклонстве. Действительно, на наш современный взгляд, Вергилий расточал Августу непозволительно прямолинейные похвалы, переходившие как бы в поклонение. Но опять-таки, чтобы правильно оценить позицию Вергилия, мы должны перенестись в тогдашнюю атмосферу Рима. Главное, что ее характеризует, это всеобщее утомление бесконечными, ненужными народу, кровопролитными усобицами, следствием необузданных честолюбий и корыстей. После мира с Антонием положение изменилось; юноше, захватившему, опираясь на имя Цезаря, власть, уже некого было опасаться; во весь рост встала

основная, единственно животрепещущая, единственно обязательная проблема — восстановления мирной жизни в Италии. Смотрели больше вперед, чем назад. Неустойчивость власти, приводившая к всенародным бедствиям, заставляла чаять сильной и благонаправленной руки. Римлянин перестал доверять эдиктам сената и риторике ораторов. Октавиан встал над Римом, как символ умиротворения. Люди уже успели оценить его такт, его непреклонность в сочетании с доброжелательством, его скромность в сочетании с ясностью ума. Римляне, привыкшие к крови, скоро позабыли его казни; они не могли не оценить, что участвовавшие в битве при Филиппах бывшие сторонники Брута и Кассия были приняты им в свой избранный круг,— к ним принадлежали известный покровитель поэтов Мессала и Гораций, украсивший время Августа своей совершенной лирикой. Октавиан не мог не казаться современникам явлением чудесным, неким посланцем богов. Смутная идея божественного единодержавия воплощалась воочию; герои, такие, как Ахилл или Геракл, приобщены были к сонму олимпийцев. То, что Октавиан был признан земным «богом», не должно вызывать у нас удивления, особенно в обратной перспективе двух тысячелетий. Поэтому, когда мы читаем в эклоге I слова Титира-Вергилия:

> О Мелибей, нам бог спокойствие это доставил —
> Ибо он бог для меня, и навек...—

мы должны признать это не только данью личной благодарности, выраженной в возвышенных формах. Нам, конечно, естественно думать, что в сознании Вергилия, принявшего учение Эпикура и знакомого со стоицизмом, понятие «бога», в применении к живому человеку, было условно. Но, во всяком случае, мы можем отметить, что в эклоге I нет никаких подобострастных выражений.

К сказанному следует добавить, что Неаполь был местом схождения разнообразных религиозных и философских систем, притекавших с Востока, главным образом из Сирии. Там перекрещивались и мистерии Митры, и иудейские идеи единобожия, и иранское миропонимание, с дуалистической основой и выработавшимся культом единовластия. Вергилий знакомился со всеми этими течениями и в некоторых восточных концепциях мог находить идейное оправдание того, на что уповала его патриотическая и миролюбивая душа. Вероятно, Август искал в них опоры своему небывалому единодержавству.

Кроме всего прочего, постыдное царство лести настало в Риме позже, чтобы потом перейти к ориентализованному двору Византии. Между признательностью «божественному» Августу Вергилия и низкопоклонством Марциала разница принципиальная.

Среди «Буколик» есть несколько эклог, ограниченных узко пастушеской тематикой (III, VII и отчасти IX),— в них наиболее сохранна народная традиция амебейного пения с его разнообразием, переданная Вергилию Феокритом. Две посвящены непосредственно любовной теме (II, X). Десятая представляет особый интерес. Излияния ревнивой тоски покинутого любовника вложены в уста не условного, вымышленного действующего лица, но реального

человека, близкого Вергилию по поэтическим занятиям и общественному кругу. Ее герой — Галл, один из самых блистательных личностей века, баловень судьбы, пользовавшийся совершенным доверием Августа, расточительный правитель Египта, впоследствии из-за своего легкомыслия утративший это доверие, смещенный со своей высокой должности и в отчаянии покончивший с собой. Эклога о Галле стоит особняком в ряду буколической поэзии: в ней выражаются от первого лица любовные страдания определенной, конкретной личности, и это сближает ее с выражениями любви у «элегиков», таких, как Тибулл или Проперций.

Интересна, особенно с точки зрения реалий, близкая к идиллии II Феокрита эклога VIII, где с большой точностью описаны магические действия девушки, стремящейся приворожить и вернуть своего надолго отлучившегося милого.

Эклога V представляет собою некий «трэнос» («плач») по молодом пастухе, безвременно и жестоко погибшем, по имени Дафнис. Эта эклога — одна из первых загадок, заданных Вергилием будущим исследователям. Посмертная хвала Дафнису настолько возвышенна, память его обязывает покинутых им навсегда друзей на столь ответственные — уже приближающиеся к культу — действия, что возникло естественное желание проникнуть в реальную основу стихотворения, угадать, кого разумел Вергилий под именем Дафниса. Эту загадку решали по-разному, видели в Дафнисе даже Катулла, но эта концепция, как, впрочем, и остальные, не приблизила ученых к разгадке тайны, потому, может быть, что никакой тайны у эклоги V и нет вовсе, и она представляет собою лишь развитие отвлеченной темы, имя же «Дафнис» заимствовано у Феокрита.

Аналогичную загадку науке задает и эклога VI, по своему стилю самая «александрийская» из эклог. Три шаловливых представителя пастушеского, но вместе с тем и мифологического мира, двое мальчишек и девочка-нимфа, застают в пещере спящего с похмелья Силена, отца козлоногих обитателей леса, опутывают его плетеницами из цветов, мажут ему лицо соком тутовых ягод и заставляют его спеть им те песни, какие давно были обещаны. Проснувшийся Силен соглашается и отвечает шалуньям песней, вовсе не соответствующей их игривости. Он поет о сотворении мира, следуя философской концепции эпикурейцев, затем переходит к различным мифологическим темам и включает в свою космогоническую фантазию несколько стихов, посвященных тому же поэту Галлу, о котором говорится в эклоге X. Ученые пытались уточнить, кого же Вергилий разумел под Силеном, предполагали, что в его гротесковом образе отразился кто-нибудь из преподавателей философского «сада», но эти попытки также остаются бесплодными и оставляют за нами право думать, что Силен эклоги VI просто Силен популярной народной мифологии, наделенный по воле поэта какими-то сверхъестественными познаниями.

Однако не всегда стремление найти разгадку той или иной неясности Вергилия может вызвать лишь скептическое отношение. Одна из эклог, четвертая, в самом деле представляется настолько герметичной в своем исключительно

интересном содержании, что если на ее истолкование и тратились века пытливой мысли, то такие старания оправданы ее значительностью.

Эклога IV посвящена Азинию Поллиону и приветствует рождение какого-то не названного по имени ребенка. Поэт, как бы в пророческом вдохновении, предсказывает будущее новорожденного. С его появлением на свет связывается приход иного, благодатного времени. Ему будет дано принести на землю то главное, чего жаждала в те годы душа каждого римлянина,— мир. Сама природа обновится, станет доброхотно приносить все нужные человеку плоды,— словом, с рождением таинственного ребенка ожидается возврат «золотого» века Сатурна. Поэтическое пророчество приблизительно совпадало с вещаниями Кумской сивиллы. В нем, конечно, не трудно угадать отражение концепции, на сей раз не эпикурейской, а стоической, что развитие мира идет по спирали и что по прошествии известного количества «веков», не совпадающих, впрочем, с понятием сто- или тысячелетия, мир вернется к тому состоянию, когда-то уже бывшему, когда волк и ягненок бродили вместе по лугам и деревья плодоносили без всякого ухода. Но кому же, какому таинственному младенцу поэт предсказывает миссию обновления жизни во всем мире? Концепция слишком величественна, предсказания слишком определенны, чтобы не вызывать законного стремления осветить поэтическое предвидение исторической критикой. Перед наукой Вергилием поставлен вопрос большой ответственности, вопрос, который может увести отвечающего в глубины мистического и дебри суеверного, но на этот раз исследователь не может успокоиться мыслью, что тайны никакой нет и что не стоит тратить время на разгадку несуществующего, ибо тайна (историческая, а в устах Вергилия и мистическая) действительно налицо.

Под новорожденным обновителем мира разумели многих младенцев: самого Октавиана,— что было бы наиболее убедительно ввиду его деятельности как умиротворителя государства, но уже одно то, что Октавиану было в то время за двадцать лет, опровергает такое предположение; видели в мальчике и сына Марцелла, любимого племянника Цезаря; видели и сына Поллиона, который вот-вот должен был родиться. Но все эти концепции встречают непреодолимые препятствия, о которых здесь, в пределах короткой статьи, было бы неуместным распространяться.

В это тревожное время, когда сознание мыслящего римлянина металось от одной философской доктрины к другой и впитывало различные религиозные учения, наводнившие Италию, могло ли таинственное содержание эклоги IV пройти мимо всех тех, кто искал правды, мира и равенства людей? В эклогу IV стали вчитываться с предубеждением, подготовленным восточной идеологией, в ней стали находить то, что соответствовало обновлявшемуся человеческому сознанию; она не могла не показаться христианам отвечающей библейским пророчествам.

С другой стороны, многие новообращенные продолжали быть и ценителями своей литературы. Христианину казалось, что величайший поэт Рима (а он постепенно стал таковым) предрекает из своей языческой темноты явление спа-

сителя мира: можно было оправдать Вергилия перед лицом формирующегося христианства. Таким образом, эклога IV заняла особое положение в истории европейской мысли, но тайна младенца так и осталась неразрешенной.

Второе, и самое совершенное, произведение Вергилия — «Георгики» — обнимает около двух тысяч стихов и разделено на четыре части; в них последовательно излагаются основные отрасли тогдашнего сельского хозяйства: хлебопашество, виноградарство, скотоводство и пчеловодство.

Возникает вопрос: можно ли воспринимать «Георгики» как руководство к сельскому хозяйству? В них отсутствуют такие разделы, как птицеводство, весьма развитое в Италии того времени, в разделе скотоводства ничего не говорится о разведении свиней, занимавших почетное место в питании римлянина и в культовых жертвоприношениях. Нет ни одного слова о рыбе, хотя мы знаем, что римляне не ограничивались ловлей ее на удочку или сетями, но и разводили рыб в специальных водоемах. Впрочем, и Колумелла, которым руководствовался Вергилий, не охватывает всех хозяйственных отраслей.

Второй вопрос: на кого же рассчитана поэма и как могла она выполнить свою задачу оживления интереса к сельскому хозяйству?

Поскольку поэма содержит множество конкретных предписаний и советов, хотя иногда неточных и даже фантастических, она могла в известной степени обогащать и знанием. Но весь характер поэмы, с ее постоянными отступлениями иногда философского, иногда мифологического содержания, ее намеки на исторические события — все это было недоступно простому селянину. Ясно, что поэма не была рассчитана на неграмотного деревенского жителя с ограниченным и примитивным бытием, вроде пастухов из «Буколик». Потребителем поэмы мог быть только широкий читатель из более или менее образованного круга. Излишне добавлять, что он должен был любить и понимать «язык муз». Мы можем, следовательно, заключить, что пропаганду интереса к земледелию Август осуществлял в данном случае не столько распространением в населении полезной специальной рецептуры, сколько возбуждением живого и любовного отношения к сельскому хозяйству среди тех кругов, от которых во многом зависело его процветание. Август, как у нас Петр I, отдавал должное эстетическому началу, он верил в то, что поэзия — могучее средство воздействия на людей, поэтому поручил пропаганду поэту. Разумеется, ни сам Август, ни Меценат, ни другие читатели «Георгик» не смотрели на труд Вергилия как на простое «руководство», они отдавались наслаждению поэзией, но поэзия наводила их попутно и на практические размышления.

Если это так, почему же Вергилий во всех частях своей поэмы столь подробно и «профессионально» излагает сельскохозяйственные приемы — проверку качества почвы, прививку деревьев, лечение захворавших овец, способы поимки отроившихся пчел?

Можно думать, что деловая подробность изложения зависит от специфики материала, обрабатываемого поэтом. Всякий, близко соприкасавшийся с деревенским трудом, знает, что говорить о нем сколько-нибудь отвлеченно, как это нередко делалось в поэмах нового времени, значит утратить самый вкус этого труда. Деловитость изложения сельскохозяйственных процессов представляет особую эстетическую категорию; без такой деловитости поэт рискует утратить рабочую конкретность, прямую направленность к полезной цели — характерную черту сельского труда и мышления.

Труд земледельца, единственно признававшийся достойным римского гражданина, освященный заветами отцов и дедов и преподанный великим поэтом, не мог не привлечь и тех, кто не отличал пшеницы от ячменя. Именно эта конкретность изложения сливает в неповторимое единство поэзию «Георгик» с ее дидактическим субстратом. В сознание читателя, увлекаемого благозвучными, прозрачными стихами Вергилия, незаметно проникали сведения, давно позабытые в римских образованных кругах, и укреплялось главное: уважение к труду. Наряду с мифологическими божествами, покровительствующими сельским работам, в «Георгиках» постоянно присутствует подлинный земной владыка, имя которому Труд; так «Георгики» выполняли функцию еще более ответственную, более значительную, чем поэтическая пропаганда земледелия,— они призывали вообще к государственно важной трудовой деятельности, оказывали на римское общество влияние нравственное.

Вся поэма Вергилия построена в форме советов кому-то, кому поэт не дал ни имени, ни образа, ни характера. Его адресат — лишь второе лицо спряжения. Вергилий не дает нам повода поинтересоваться, стар он или молод, черноволос или белокур; он существует как обобщенная немая фигура, нигде не выступающая активно, ни в чем не противоречащая автору. Однако кто же он в смысле социальном?

Из прочтения поэмы явствует, что этот безымянный адресат принадлежит к слою мелких свободных земледельцев, он работает и сам со своей семьей, но, видимо, пользуется и помощью работников, участие которых в труде хозяина естественно, если принять во внимание, что его хозяйство может охватывать все четыре затронутых в поэме области. Август считал особенно важным укрепить именно этот слой мелких землевладельцев, грозивший совсем сойти на нет. Указаний на труд рабов не имеется в «Георгиках», хотя в эпоху Августа рабский труд уже широко и повсеместно применялся как в городах, так и в латифундиях: для обеспечения рабочими руками обширных землевладений помещиков, обогащенных завоеваниями, требовались целые толпы рабов. Позволительно думать, что Вергилий с намерением оставил своего адресата в условной социальной неопределенности, подчеркивая этим некое равенство людей труда в их обязательствах перед кормилицей-землей и Римским государством.

Но может быть и другое: что Вергилий, как законченный римлянин,

вовсе не счел нужным обращать внимание на рабов, которые в его сознании только физически были людьми, но с точки зрения гражданской и моральной были просто орудием производства; впрочем, это относится скорее ко всему римскому обществу в целом, чем к Вергилию лично. Судя по впечатлениям современников, Вергилий был мягок, может быть, даже чувствителен, во всяком случае, гуманен, и как в «Буколиках», так и в «Георгиках» эти качества души явственно проступают. Сочувственное отношение к простым людям, работающим на земле, прослеживается по всем «Георгикам». Отношение Вергилия к животным человечно, звери для поэта чувствующие существа,— вспомним вола, огорченного смертью своего дружки, из книги третьей (стих 518).

Не может быть сомнения, что Вергилий и самолично работал на земле, вернее всего — как пчеловод. Его деревенская внешность могла зависеть и от постоянного загара, от неизбежной грубости сельского труда.

Коренной уроженец Италии, всю жизнь проведший на земле своей плодородной страны, Вергилий глубоко привязан к родине. В книге второй «Георгик» находится знаменитая вставка, посвященная восхвалению Италии:

Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаев...

Поскольку Вергилий ставил себе целью привлечь внимание читателей к сельскому хозяйству, он должен был постараться, чтобы книга была занимательной, и более того — подлинно поэтической. Приемы, примененные для этого Вергилием, показывают не только всю силу его дарования, но и изобретательность зрелого мастера. Он не задерживает слишком долго читателя на деловой, неизбежно прозаизирующей дидактике. Он перебивает свое спокойное изложение то вопросом, то неожиданным обращением, то восклицанием, как бы переводя регистры, и тем постоянно освежает внимание. Кроме того, основное дидактическое изложение он перемежает со вставками вроде только что упомянутой, то длинными, то в несколько строк, которые лишь ассоциативно связаны с основной темой. Иногда эти отступления носят характер вставных рассказов в духе поэтики «новаторов», как, например, заканчивающий поэму эпиллий об Аристее с его, вероятно, отвратительным и для автора бесчеловечным смертоубийством тельца в жертву материальной пользе и с волшебными картинами подводного царства. Эпиллий свидетельствует о власти утилитаризма в позднегреческой культуре и гегемонии моря в греко-италийском пейзаже.

Каждый, внимательно читающий «Георгики», не пройдет мимо описания таинственных явлений природы, сопутствовавших кончине Юлия Цезаря и повергших в суеверный ужас современников его убиенья. К лучшим страницам «Георгик» принадлежит и знаменитое описание эпизоотии, поразившей незадолго перед тем некоторые области, так и оставшиеся после этого пустынными. Иные отступления не могут не изумлять: Вергилий является

в них как бы непосредственным наблюдателем, на деле же он никогда не бывал в тех местностях, жизнь которых изобразил со всеми ее деталями. Таковы описания жизни ливийских пастухов, и особенно рассказ о скифах, переносящий нас на север (относительно Италии) и поражающий точностью бытовых подробностей, не уступающих описаниям Овидия, который вскоре оказался, к своему несчастью, жителем причерноморских степей. Отступления Вергилия, разнообразные и по содержанию, и по стилю, в течение всей поэмы периодически поднимают нас на уровень высокой и величественной поэзии.

Мы подошли к третьему, если не наилучшему, то самому прославленному произведению Вергилия — «Энеиде», то есть повествованию об Энее. Напомним для начала, что Эней был второстепенным героем Троянской войны, сыном Анхиза и самой Афродиты-Венеры; что он чудом избег гибели при падении Илиона и, забрав с собой старика отца, отплыл с несколькими кораблями на запад, где по предначертанию богов должен был основать новое царство тевкров (троянцев), иначе говоря, заложить Рим. Народные предания об Энее как основателе Римского государства издавна распространены были в Италии. Ранние авторы исторических поэм-хроник, Энний и Невий, уже говорят об Энее, основываясь на этих преданиях, восходящих к Гомеру. Впоследствии сказание об основании Рима троянскими выходцами было включено в изложение отечественных «начал» величайшим из римских историков Титом Ливием. Прародителем Рима считался древнейший италийский город Альба-Лонга, основателем которого был, согласно легенде, Асканий, сын Энея. Вторым именем Аскания было — Юл. Это вызвало к жизни довольно-таки невероятную официозную генеалогическую концепцию. Возникнув, видимо, при Юлии Цезаре, она приобрела особое государственное значение при Октавиане, одной из главных забот которого было укрепление в столице мира державства рода Юлиев. Ход мысли основывался на звуковом совпадении — «Юл» и род «Юлиев». Но для воли Августа этого было достаточно. Если в свое время ему нужна была, из государственных соображений, поэма, призванная оживить любовь к земле и сельскому труду, теперь его дальновидному честолюбию требовалась опять общественная поддержка, и он решил снова искать ее в поэзии. Опыт с «Георгиками» был удачен, и Август счел возможным ответственную тему о божественном происхождении своего рода доверить снова старому другу и безупречному приверженцу — Вергилию.

Искусственные героические эпопеи не часто встречаются в истории литературы,— античность, оплодотворенная народным гением Гомера, потратила, однако, немало сил на этот трудно себя оправдывающий род поэзии: в III веке до н. э. появилась «Аргонавтика» Аполлония Родосского, поэта александрийского направления; вслед за поэтами-историками и за Вергилием Лукан во второй половине I века создал в Риме свою «Фарсалию». Жанр искусственной эпопеи не оказался счастливым и в новые времена. Даже

величественно-скучная португальская поэма «Лузиады» не может соперничать с подлиными народными эпопеями, а такие произведения, как «Франсиада» Ронсара или «Россиада» Хераскова, так и ветшают в поэтическом забвении.

Редкое произведение литературы вызывало и вызывает столь двойственное к себе отношение, как «Энеида». Восторгу одних противостоит решительное неприятие других. Всемирный резонанс «Энеиды» одним представляется естественным следствием гениальности ее творца, другим же эта слава кажется вовсе неоправданной. Между тем как француз Сент-Бёв посвящает «Энеиде» страницы, полные восхищения, немец Кролль считает ее целиком неудачей (вообще отношение к «Энеиде» в странах романской и германской культуры весьма различно).

Первые противоречия относятся к самой личности Энея. В центре эпического произведения люди привыкли видеть героя со всеми свойственными героям чертами. Однако героизация смертных, столь свойственная мифотворчеству греков, была чужда трезвым, деловым римлянам. И у Вергилиева Энея мы не встречаем обычных героических черт. Основная черта Энея — благочестие; выражение «пиус Энеас» повторяется постоянно. Благочестие выражается в совершенной покорности року, лишающей Энея какой-либо инициативы и превращающей его в пассивное игралище божественных предначертаний. Для читателя неубедительно, что Эней— здоровый, сильный мужчина— столь часто проливает слезы. Сам Вергилий, задачей которого было возвеличение Энея, предка рода Юлиев, позволяет почувствовать между строк симпатию к главному противнику своего героя, Турну, герою по всем статьям, хотя и характеризованному «одной краской». Пальма победы заранее предназначена пришлым троянцам, но местные, коренные италийцы не могут не вызывать сочувствия,— не сказалось ли в этом естественное пристрастие автора к «своим»? Тусклая судьба образа Энея в последующих веках достаточно показывает, что он не приобрел устойчивой популярности. Добавим, что Эней, сомнительным образом избежавший гибели под стенами Трои и давший этим Турну повод обозвать его «изменником Азии», и впоследствии особой доблести не проявил. Чуть ли не единственный решительный его поступок состоял в том, что он покинул любимую женщину, после чего она наложила на себя руки. Черту какой-то женственности придает фигуре Энея и неуклонное покровительство вечно юной матери, которая так ловко умеет вовремя скрыть богатыря-сына в облако.

Вообще, если у Гомера боги вмешиваются в людские дела тоже по причинам неубедительным и непонятным для смертных, то в «Энеиде» это вмешательство принимает почти пародийный характер: Венера ссорится со свекровью, Юноной, настолько мелко и назойливо, что сам громовержец вынужден наконец отказаться от решения их надоедливой свары. Не много прибавляют к героизму Энея и его троянские спутники.

В целом Эней все же не производит отрицательного впечатления: он

незлоблив, чужд лукавства, благочестив без ханжества,— черты, отражающие характер автора эпопеи. Когда в последнем поединке Турн, видя неизбежность гибели, умоляет Энея о пощаде, троянский герой уже готов простить его, и только замеченная на плече врага повязка, ранее принадлежавшая убитому другу, вызывает в нем взрыв рокового для Турна гнева. Эней, чей образ присутствует во всех двенадцати книгах эпопеи, остается неизменно ее осью.

Художественная ткань эпопеи неровна. Первая книга, хотя она психологически не разработана и хотя сюжетное развитие опирается целиком на прихоть богов, все же достаточно насыщена фактическим содержанием. В ней дана экспозиция: прибытие Энея с его моряками в Карфаген, появление царицы Дидоны, пробуждение в ней по воле Венеры любовного пламени к Энею; наконец, пир, устроенный Дидоной своему неожиданному избраннику. Однако впечатление от первой книги таково, что она сочинена автором без подъема, по необходимости дать экспозицию, и приписана, вероятно, потом.

Книга вторая — перепев Гомера. Она, более чем другие, могла возбудить упреки Вергилию в том, что его подражательность перешла в набор заимствованных стихотворных строк. Это, разумеется, преувеличено, и мы уже оговорили особое отношение древних к подражанию.

Книга третья вся в целом отражает мотивы «Одиссеи» Гомера, и нельзя не признать, что греческий песнетворец одарил своего подражателя с большой поэтической щедростью.

Книга четвертая возвращает нас к теме любви Дидоны, заявленной в экспозиции. Для описания страсти Дидоны у Вергилия оказались в избытке и сила воображения, и психологическая наблюдательность. Вергилий возвел свою африканскую царицу в ранг мировых образов женщин, охваченных пламенем любви, ее героинь и жертв,— таких, как Медея или Федра у отца психологической любовной драмы Еврипида. Книга четвертая считается по праву шедевром Вергилия, она была излюбленной книгой и крупнейшего по поэтическим возможностям, но неудачливого переводчика «Энеиды» — Валерия Брюсова.

Возможно, что Вергилий ставил себе сознательно задачу дать читателю отдых после эмоционального возбуждения, которого не могла не вызвать трагическая книга о любви и смерти Дидоны. Но в нас, читателях нового времени, книга пятая «Энеиды» рождает некоторое недоумение, как, вероятно, бывало у иных современников Вергилия,— в его окружении, по свидетельству древних, уже достаточно было «ядовитых критиков».

Старец Анхиз, не выдержав странствий по морю, скончался. Смерть Анхиза была, конечно, большим горем для любящего сына, но событием только его личной жизни и никакого отношения к главной теме поэмы, основанию Рима, не имеет. Более того, о смерти Анхиза сказано еще в книге третьей, однако там нет развития этой темы. Эней, радуясь тому,

что стихии привели его вторично на то прибрежье, где скончался и был погребен старец, приказывает справить у его холма «веселую почесть». Царь Сицилии Акест идет навстречу его желанию и устраивает пышные поминальные игры. Соревнования на кораблях, конские ристания, гимнастические упражнения — все это изображено Вергилием с мастерством и даже воодушевлением. Но и это тем более не имеет отношения к «сквозному» действию эпопеи. Спортивные состязания занимают четыреста тридцать три стиха, иначе говоря, почти половину громадной пятой книги.

Переходная книга шестая с полным основанием считается, наряду с четвертой, одной из вершин эпопеи. Ее содержание исполнено таинственности. Мысли о будущем человечества, выраженные в эклоге IV «Буколик», сочетались у поэта с жаждой проникнуть воображением в бездну загробного мира, туда, где обитель умерших. Сошествием Орфея в Тартар завершается последняя книга «Георгик», сошествие Энея занимает всю шестую книгу «Энеиды». Готовые не обращать внимания на дробность эпизодов книги шестой, мы не можем не испытывать душевного трепета, следя за тем, как Эней, сопровождаемый Кумской сивиллой, совершает свое странствие по загробному царству. Сивилла научает Энея, как достать «золотую ветвь», открывающую доступ к недоступному, ту «золотую ветвь», которая, отомкнув ему врата подземного обиталища теней, осталась в последующих веках знаком мистического посвящения. В царстве мертвых происходят встречи живого Энея с умершими; ради одной из них он и стремился сойти в Аид: в сонме теней он находит любимого отца.

Но прежде чем Эней мог насладиться отрадой свидания с ним, происходит другая, для читателя неожиданная, но художественно и морально необходимая встреча: к Энею подходит тень, чей облик ему слишком знаком,— это когда-то любимая им женщина, та самая царица Дидона, что была им покинута и в отчаянье наложила на себя руки. Эней тронут, клянется, что всему виною воля богов, что он не мог предположить, каким для нее горем будет его отплытие,— обычные слова мягкосердечных изменников,— оскорбленная тень скрывается в лес, где ее ожидает верный законный супруг. Так Вергилий не пожелал снять с души своего героя вину вероломства.

Эней встретил Анхиза в момент, когда старец обозревал сонм своих будущих потомков. На вопрос Энея о судьбе этих неприкаянных теней Анхиз отвечает изложением доктрины, восходящей к Пифагору,— учения о метампсихозе, то есть переселении души. Чистота доктрины снижается в устах Анхиза обнаженной политической тенденцией, перечислением представителей будущего «дома Юлиев», и завершается прямым восхвалением Августа. Встреча Энея с Анхизом заканчивается в буколической обстановке наивной конкретности, в уединенной роще, среди шумящего тихо кустарника. Сыновняя и отцовская любовь явлены поэтом с величайшей теплотой — это про-

свет, позволяющий заглянуть в нежную душу Вергилия. Описание в книге шестой подземного царства принадлежит к лучшим страницам мировой поэзии. Разве лишь Данте мог так сочетать земные детали с образами загробного мира, плотское с бесплотным.

Последние шесть книг «Энеиды» не соответствуют по качеству тому лучшему, что есть в первых шести. Они посвящены непосредственной борьбе тевкров за обладание Италией, точнее той ее срединной областью, где стоит Рим. Эпическая тема распадается на десятки эпизодов, где геройство измельчено, причины и следствия запутаны, отдельные фигуры не рельефны. Сомнительно, могли ли и современники Вергилия без скуки следить за однообразными перипетиями третьестепенных храбрецов, с их мало внятными именами,— а имена перечисляются в удручающем множестве, разве лишь для удовлетворения тщеславных начетчиков или любителей вымышленных имен. Конечно, события десятилетней осады Трои, с нашей, современной, точки зрения,— тоже ничтожны. Но, однажды зародившись в народном воображении, они со временем только укреплялись и оформлялись, их образы оставались живыми, приобретали устойчивость, на тысячу ладов варьируемые поэзией, театром, скульптурой. А образы «Энеиды», кроме разве лишь финикиянки Дидоны, не дали даже в самой римской поэзии живучих ростков. Вплетенная в последние книги «Энеиды» любовная тема — мало обоснованное соперничество «женихов», приезжего Энея и местного Турна, из-за царевны Лавинии — не оказалась отраженной в каком-либо значительном литературном произведении последующего времени. От общего впечатления не спасают ни дружеская чета Нис и Эвриал — образцовый пример верности,— ни девушка-воительница Камилла, они остаются в памяти только действующими лицами недостаточно внушительного спектакля.

В описании боев щедрость поэта становится решительно излишней. Они повторяются в «Энеиде» четыре раза. В книге десятой автор вводит нас в битву, в которой семьдесят пять убитых, и все они перечисляются поименно! Сочувствие сражающимся — тем или иным — парализуется внешним напором батальности. В мировой литературе едва ли сыщется произведение, где с такой расточительностью были бы явлены картины самого зверского натурализма. Один из талантливейших критиков Вергилия, г-жа Гийемен, решилась даже высказать несколько странное предположение, что Вергилий громоздил ужас на ужас «шутки ради». По-видимому, нам трудно переключиться в эстетическую категорию жестокости, и мы недоумеваем: откуда же у Вергилия, смиренного и гуманного, этот кровожадный паноптикум?

Ответ, нам кажется, в том, что Вергилий был творчески чужд батальной стороне избранной им темы. Ни его характер, ни умонастроение, ни предшествующий поэтический опыт не могли оказаться предпосылками воинственного пафоса. В его кровопролитных сценах проявляется лишь внешнее совершенство. Пусть блаженный Иероним называл Вергилия «истинным

Гомером латинян», мы не можем разделить его точки зрения. В свое время Музы отплатили забвением Аполлонию Родосскому за открытую попытку превзойти Гомера, теперь они наказали и более скромного Вергилия.

Что же обеспечило «Энеиде» ее мировую славу?

Если можно не совсем согласиться с Валерием Брюсовым в высокой оценке композиции поэмы, то нельзя не сочувствовать тому, что он говорит о поэтическом мастерстве ее автора: «Для поэта чтение «Энеиды» в подлиннике помимо художественного наслаждения,— пишет Брюсов,— есть сплошной ряд изумлений перед великим мастерством художника и перед властью человека над стихией слов». Поэтическая эвфония, разработанная уже Катуллом и другими «новаторами», достигла у Вергилия высочайшего уровня. Разнообразие звукосочетаний, обилие тропов и стилистических фигур, безупречность и звуковая весомость гекзаметров свидетельствуют о мастерстве, для которого уже нет трудностей. Едва ли какой-либо другой поэт в такой степени выявил качества родного языка,— сказанное относится не только к «Энеиде», но и к созданным в юности «Буколикам», и тем более к зрелой поэме «Георгики». Та свобода, с которой Вергилий пользуется материалом,— тоже свидетельство его высокого поэтического мастерства. Он не боится противоречий, зная, что смещенность во времени и месте не только не снижает общего впечатления, но дает немалые преимущества поэтическому изложению. События протекают у него без оглядки на хронологическую точность, иногда с неестественной быстротой. О неправдоподобности временных координат у Вергилия неодобрительно отзывался Наполеон, критикуя поэта с точки зрения военного дела, в частности, искусства брать крепости.

«Мягкий, но непреодолимый наклон все время тянул поэта обратно к историческому построению,— пишет г-жа Гийемен,— но, имея постоянно в виду предписания Аристотеля, невысокие качества своих латинских предшественников и плоскость Аполлония, он (то есть Вергилий.—*С. Ш.*) не переставал грести против течения, не отводя глаз от Гомера, мастера из мастеров эпопеи...» Г-жа Гийемен оправдывает чисто поэтическое, чуждое какой-либо регистрации отношение Вергилия к числу и собственному имени: «Для него число, так же как имя собственное, только элемент прекрасного... но элементом прекрасного можно быть, лишь перестав быть элементом подсчета. Эта истина представляется столь очевидной, что чувствуешь себя вправе спросить, каким образом критика до сих пор ею пренебрегала». Подобное заявление находит естественную опору в суждении Аристотеля, что «дух истории и дух поэзии полностью различны».

В целом поэтический стиль «Энеиды» достигает того, что можно назвать великолепием. Это великолепие может с первого взгляда показаться совершенством имитации, искусным повторением пройденного, пышной пеной над кубком, где нет вина, но эти упреки отпадают, поскольку поэт оправдан первичностью своей работы над словом, стихом и образом.

Среди поэтического богатства «Энеиды» мы от времени до времени с особой радостью останавливаемся на небольших, в несколько строк, вставках, большею частью сравнениях, где Вергилий вдруг переносит нас в мир деревенских образов «Георгик». Их теплота явственно отграничена от холодного в общем стиля его гомерообразной эпопеи. Чувствуется, что у Вергилия был еще целый запас не нашедших места в его поэзии впечатлений сельской, милой ему жизни.

Дальнейшее выходит за пределы поэтической оценки. Вергилий был в «Энеиде» глашатаем грандиозной, убедительной для политиков его времени идеи — идеи миродержавства Рима. Он еще в «Георгиках» утверждал эту идею. Относясь с ненавистью к междоусобицам, он не восхвалял и внешних завоеваний. Позиция Вергилия была диалектична. Он был от природы миролюбив,— в такой век! — но, как патриот, не мог не радоваться успехам римского оружия, не гордиться, видя, как Рим на его глазах превратился в мировую империю. Однако Вергилий никогда не восхвалял территориальную экспансию, как таковую. Идея римского всемирного владычества принимала у Вергилия утопические черты. Его мечтой была не всемирная монархия, хотя бы и с Августом во главе, а некий золотой век, мерещившийся ему еще в молодости, в пору сочинения «Буколик», некое время, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Август несколько иначе думал о Риме и о себе, с таким рвением заботясь о потомках Юла, но охотно читал творения своего поэта, оказавшие ему столь нужную общественную поддержку.

Мы говорим об Энее как герое «Энеиды», но это верно лишь отчасти. На самом деле в «Энеиде» неизменно присутствует другой герой, не искусственный, не заимствованный: этот герой — дух Рима. В центре поэмы — идея его бессмертия, основанного на божественном промысле, оправданная эпитетом «Вечный».

Поэт самолично дважды читал Августу отдельные книги «Энеиды», а именно четвертую и шестую, — знаменательный выбор. Автор учитывал, насколько именно эти две книги достойны подобного слушателя. Вторую из них Вергилий, по-видимому, огласил не только ради ее поэтических или философских достоинств, — прямая хвала не могла не льстить Августу.

Светоний сообщает, что перед смертью, уже в Брундизии, Вергилий завещал уничтожить «Энеиду», считая ее «незаконченной». Мы лишены возможности судить о том, что понимал поэт под «незаконченностью». Едва ли думал он о коренной переработке поэмы,— но его недовольство выполнением грандиозного замысла несомненно. Друзья не послушались поэта. Они, с благословения Августа, только подвергли «Энеиду» легкой редакции, сохранив целый ряд недоработанных автором более коротких строк, и отдали поэму в переписку для широкого распространения.

При жизни Вергилий был очень знаменит. Есть сведения, что, когда он входил в театр читать свои стихи, граждане оказывали ему почести, подобав-

шие Августу. Уже много лет спустя после кончины поэта день его смерти, иды октября, считался священным.

Вергилий не потерял своего авторитета и в последующие века, когда литературные вкусы стали совсем иными,— но слава его пошла по двум весьма различным руслам. Она суживалась в тех кругах, которые могли оценить его поэтические достоинства, и расширялась в народной массе, которая знакомилась, однако, лишь с отрывками из произведений Вергилия, приводимыми в качестве грамматических и стилистических примеров в школах, или же вовсе его не читала, зато много слышала о нем и постепенно создавала свой, народный образ поэта, доверяя ходячей молве. Обе эти славы переступили порог, отделявший рабовладельческий мир от феодального, языческий от христианского. Низовая слава Вергилия представляет явление уникальное и в высшей степени любопытное.

Непонятная в своем пророческом стиле эклога IV «Буколик», подробно изложенная в эклоге VII церемония волшебства, неоднократное упоминание Кумской сивиллы и схождения в загробный мир, описанный с такой ощутимой конкретностью,— все это овеяло образ Вергилия таинственностью, перед которой опасливо трепетали и благоговейно изумлялись. Уже начиная с времени самого Августа, более чем на тридцать лет пережившего своего поэта, Вергилий стал приобретать легендарные черты, все более отдалявшие подлинный его облик. Суеверному простолюдину он стал представляться чародеем, описанные им заклинания или посещения обители умерших принимались за личный опыт. Всегда отличавшийся примитивным суеверием Неаполь особенно усердствовал в нагромождении на память Вергилия умственного хлама. В средневековой «Партенопейской хронике» читаем, что Вергилий, как добрый волшебник, оказал неаполитанцам ряд благодеяний: уничтожил мух, разносивших болезни, изгнал цикад, мешавших людям спать своим «грубым пением», устроил купанья в Байях, увеличил число рыбы в мелком Неаполитанском заливе и т. д. Автор «Хроники» видит в этом «милость божию», а вместе с тем убежден, что Вергилий — чернокнижник, научившийся всяким сатанинским делам у Хирона,— тут неаполитанцы путали Гераклова наставника, кентавра Хирона, с реальным преподавателем «эпикурова сада», Сироном. Век за веком Вергилий, забытый толпою как поэт, продолжал считаться «злодеем, поклонником демонов», ничего не умевшим делать без помощи нечистой силы. Такое мракобесие в отношении к Вергилию было устойчиво,— в XIV столетии Боккаччо еще верил некоторым неаполитанским нелепостям.

Не угасла и идея римского миродержавства. Рим был на низшем уровне падения, но обаяние вечного города оставалось столь могучим, что империя, образованная наследниками Карла Великого, с гордостью стала именоваться «Священной Римской империей германской нации». Рим превратился в духовный центр христианства; папа и император встали друг против друга в борьбе за власть.

Между тем рукописи творений Вергилия переписывались в монастырях, оставаясь достоянием лишь избранных умов. Мыслители продолжали углубляться в толкование поэта, привлеченные его мессианскими и пророческими высказываниями. Гению Данте суждено было перекинуть мост между античностью и миром молодой, обновляющейся Европы. «Анима кортэзэ» мантуанского лебедя нашла родственную душу в авторе «Божественной комедии». Вергилий стал провожатым Данте по загробному миру. Так, по выходе из легенд суеверья, новая Европа создала свой миф о Вергилии.

С. ШЕРВИНСКИЙ

БУКОЛИКИ

ПЕРЕВОД С. ШЕРВИНСКОГО

ЭКЛОГА I

Мелибей, Титир.

Мелибей

Ти́тир, ты, лежа в тени широковетвистого бука,
Новый пастуший напев сочиняешь на тонкой свирели,—
Мы же родные края покидаем и милые пашни,
Мы из отчизны бежим,— ты же учишь леса, прохлаждаясь,
Имени вторить своей красавицы Амариллиды.

Титир

О Мелибей, нам бог спокойствие это доставил —
Ибо он бог для меня, и навек,— алтарь его часто
Кровью будет поить ягненок из наших овчарен.
Он и коровам моим пастись, как видишь, позволил,
И самому мне играть, что хочу, на сельской тростинке.

Мелибей

Нет, не завидую я, скорей удивляюсь: такая
Смута повсюду в полях. Вот и сам увожу я в печали
Коз моих вдаль, и одна еле-еле бредет уже, Титир.
В частом орешнике здесь она только что скинула двойню,
Стада надежду, и — ах! — на голом оставила камне.
Помнится, эту беду — когда бы я был поумнее! —
Мне предвещали не раз дубы, пораженные небом.
Да, но кто же тот бог, однако, мне, Титир, поведай.

Титир

Глупому, думалось мне, что город, зовущийся Римом,
С нашим схож, Мелибей, куда — пастухи — мы обычно
Из году в год продавать ягнят народившихся носим.

Знал я, что так на собак похожи щенки, а козлята
На матерей, привык, что с бо́льшим меньшее схоже.
Но меж других городов он так головою вознесся,
Как над ползучей лозой возносятся ввысь кипарисы.

Мелибей

Рим-то тебе увидать что было причиной?

Титир

Свобода.
Поздно, но все ж на беспечность мою она обратила
Взор, когда борода уж белее при стрижке спадала.
Все-таки взор обратила ко мне, явилась, как только,
Амариллидой пленен, расстался я с Галатеей.
Ибо, пока, признаюсь, Галатея была мне подругой,
Не было ни на свободу надежд, ни на долю дохода.
Хоть и немало тельцов к алтарям отправляли загоны,
Мы хоть и сочный творог для бездушного города жали,
С полной пригоршней монет не случалось домой воротиться.

Мелибей

Что, я дивился, богам ты печалишься, Амариллида,
И для кого ты висеть оставляешь плоды на деревьях?
Титира не было здесь! Тебя эти сосны, о Титир,
Сами тебя родники, сами эти кустарники звали.

Титир

Что было делать? Никак не выйти б иначе из рабства.
Столь благосклонных богов я в месте ином не узнал бы.
Юношу видел я там, для кого, Мелибей, ежегодно
Дней по дважды шести алтари наши дымом курятся.
Вот какой он ответ просящему дал, не помедлив:
«Дети, пасите коров, как прежде, быков разводите!»

Мелибей

Счастье тебе, за тобой под старость земля остается —
Да и довольно с тебя, хоть пастбища все окружает
Камень нагой да камыш, растущий на иле болотном.
Не повлияет здесь корм непривычный на маток тяжелых,
И заразить не сможет скота соседское стадо.
Счастье тебе, ты здесь на прибрежьях будешь знакомых
Между священных ручьев наслаждаться прохладною тенью.
Здесь, на границе твоей, ограда, где беспрестанно,

В ивовый цвет залетя, гиблейские трудятся пчелы,
Часто легким ко сну приглашать тебя шепотом будет.
Будет здесь петь садовод под высокой скалой, на приволье.
Громко — любимцы твои — ворковать будут голуби в роще,
И неустанно стенать на соседнем горлинка вязе.

Титир

Ранее станут пастись легконогие в море олени,
И обнажившихся рыб на берег прибой перебросит,
Раньше, в скитаньях пройдя родные пределы, изгнанник
К Арару парф испить подойдет, а к Тибру германец,
Чем из груди у меня начнет исчезать его образ.

Мелибей

Мы же уходим — одни к истомленным жаждою афрам,
К скифам другие; дойдем, пожалуй, до быстрого Окса
И до британнов самих, от мира всего отделенных.
Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полем, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали!
Груши теперь, Мелибей, прививай, рассаживай лозы!
Козы, вперед! Вперед,— когда-то счастливое стадо!
Не полюбуюсь теперь из увитой листвою пещеры,
Как повисаете вы вдалеке на круче тернистой,
Песен не буду я петь, вас не буду пасти,— без меня вам
Дрок зацветший щипать и ветлу горьковатую, козы!

Титир

Все ж отдохнуть эту ночь ты можешь вместе со мною
Здесь на зеленой листве: у меня творога изобилье,
Свежие есть плоды, созревшие есть и каштаны.
Уж в отдаленье — смотри — задымились сельские кровли,
И уж длиннее от гор вечерние тянутся тени.

ЭКЛОГА II

Страсть в Коридоне зажег прекрасный собою Але́ксис.
Был он хозяину люб — и пылал Коридон безнадежно.
Он что ни день уходил под частые буки, в прохладу
Их густолиственных крон, и своих неотделанных песен
Жалобы там обращал к лесам и горам, одинокий.

«Песням моим ты не внемлешь, увы, жестокий Алексис!
Иль не жалеешь ничуть? Доведешь ты меня до могилы!
Даже и скот в этот час под деревьями ищет прохлады,
Ящериц даже укрыл зеленых терновник колючий,
И Тестиллида уже для жнецов, усталых от зноя,
К полднику трет чабер и чеснок, душистые травы.
Вторя мне громко, пока я слежу за тобою прилежно,
Пеньем цикад кустарник звенит под солнцем палящим.
Иль не довольно того, что гнев я Амариллиды
Либо презренье терпел, выносил и упреки Меналка? —
Хоть черномазый он был, а ты белолицый, Алексис!
Не доверяй чересчур, прекрасный юноша, цвету:
Мало ли белых цветов, но темных ищут фиалок.
Ты презираешь меня; откуда я, кто — и не спросишь,
Сколько скота у меня, молока белоснежного сколько.
Тысячи бродят овец у меня по горам сицилийским,
Нет в парном молоке ни в зной недостатка, ни в стужу.
Те же я песни пою, которые, стадо сгоняя,
Пел Амфион у Диркэ на том Аракинфе Актейском.
Я уж не так некрасив: недавно себя я увидел
С берега в глади морской; суди нас — так Дафнис, пожалуй,

Не устрашил бы меня, если только не лгут отраженья.
О, лишь бы ты захотел со мною в скудости сельской,
В хижинах низеньких жить, стрелять на охоте оленей
Или же коз погонять хворостиной из мальвы зеленой.
Вместе со мною в лесах подражал бы пением Пану.
Первым Пан изобрел скрепленные воском тростинки,
Пан, предводитель овец и нас, пастухов, повелитель.
Так не жалей же о том, что натер себе губы свирелью.
Чтобы сравняться с тобой, как только Аминт не старался!
Есть свирель у меня из семи тростинок цикуты
Слепленных, разной длины,— Дамет ее, умирая,
Передал мне и сказал: вторым ей станешь владельцем.
Так сказал мне Дамет — и Аминт завидует глупый.
Двух еще горных козлят с трудом достал я в ущелье
Небезопасном, их шерсть пока еще в крапинах белых.
Вымя овцы они два́ раза в день осушают — тебе я
Их берегу, хоть давно у меня Тестиллида их просит,—
Да и получит, коль ты от нас презираешь подарки.
Мальчик прекрасный, приди! Несут корзинами нимфы
Ворохи лилий тебе; для тебя белоснежной наядой
Сорваны желтый фиоль и высокие алые маки;
Соединен и нарцисс с душистым цветом аниса;
С благоуханной травой сплела она и лаванду;
Нежных фиалок цветы ноготки желтизной оживляют.
Бледных плодов для тебя нарву я с пуховым налетом,
Также каштанов, моей излюбленных Амариллидой.
Слив восковых прибавлю я к ним,— и сливы уважу!
Лавр, тебя я сорву, вас, мирты, свяжу с ним теснее.
Благоуханья свои вы все воедино сольете!..
Ты простоват, Коридон! К дарам равнодушен Алексис.
Если ж дарами борьбу затевать,— Иолл не уступит.
Горе! Что я натворил? В своем я безумии Австра
Сам напустил на цветы, кабанов в прозрачные воды...
Что, безрассудный, бежишь? И боги в лесах обитали,
Да и дарданец Парис. Пусть, крепости строя, Паллада
В них и живет,— а для нас всего на свете милее
Наши пусть будут леса. За волком гонится львица,
Волк — за козой, а коза похотливая тянется к дроку,—
А Коридон, о Алексис, к тебе! У всех свои страсти.
Видишь, волы на ярмах уж обратно плуги свои тащат,
Скоро уж солнце, клонясь, удвоит растущие тени.
Я же горю от любви. Любовь возможно ль измерить?
Ах, Коридон, Коридон! Каким ты безумьем охвачен!

Недообрезал листвы я у лоз виноградных на вязе...
Лучше б сидеть да плести что-нибудь полезное, к делу
Гибкий камыш применив иль ивовых прутьев нарезав.
Этот Алексис отверг — другой найдется Алексис».

ЭКЛОГА III

Меналк, Дамет, Палемон.

Меналк

Ты мне, Дамет, скажи: скотина чья? Мелибея?

Дамет

Стадо Эгона— его мне пасти поручил он недавно.

Меналк

Бедные овцы! Ой, скот злополучный! Покамест хозяин
Льнет к Неере, боясь, не дала б она мне́ предпочтенья,
Маток два́ раза в час доит пастух посторонний —
И молока он лишает ягнят, и маток — здоровья.

Дамет

Поберегись, на людей наговаривать остерегайся!..
Знаем мы, кто тебя... — козлы-то недаром косились! —
В гроте священном каком... а резвые нимфы смеялись!

Меналк

Видели, верно, как я у Микона серпом своим на́зло
Лозы с деревьев среза́л и губил молодые посадки?

Дамет

Иль как у Дафниса ты вот здесь, меж буков столетних,
Лук и тростинки сломал? Ведь ты, Меналк непутевый,
С зависти сох, увидав, что мальчику их подарили;
Не навредивши ему, ты, наверно бы, с жизнью расстался.

Меналк

Как поступать господам, коль так обнаглели воришки?
Разве, подлец ты, подлец, я не видел, как ты у Дамона
Свел потихоньку козла? — залаяла громко Лициска.
Я лишь успел закричать: «Куда ж он, куда удирает?
Титир, скот собери!» — а ты уже скрылся в осоке.

Дамет

Разве козленка он сам не отдал бы мне, побежденный
В пенье? Свирелью своей его заслужил я по праву.
Знай, что моим уже был козленок, Дамон и не спорил,
Лишь говорил, что пока передать открыто не сможет.

Меналк

Как? Ты его победил? Да была ль у тебя и свирель-то,
Воском скрепленная? Ты ль не привык хрипящею дудкой,
Неуч, на стыке дорог выводить свои жалкие песни?

Дамет

Хочешь, кто в чем силён, испытаем друг перед другом?
Эту корову свою, чтобы ты отказаться не вздумал,—
Дважды доится на дню, двух выменем кормит теляток,—
Ставлю. А ты с чем выходишь на спор, что ставишь залогом?

Меналк

Я не решусь ничего в заклад поставить из стада:
Строгий отец у меня и придира мачеха дома,—
Два́ раза в день он сам отару считает, козлят же
Он иль она... Мой заклад, наверно, призна́ешь ты бо́льшим,—
Раз уж сошел ты с ума: два буковых кубка я ставлю.
Точены оба они божественным Алкимедонтом.
Поверху гибкой лозой резец их украсил искусный,
Гроздья свисают с нее, плющом бледнолистным прикрыты.
Два посредине лица: Коно́н... Как же имя другого?.,
Тот на благо людей начертал весь круг мирозданья
И предсказал жнецу и согбенному пахарю сроки.
Спрятав, их берегу, губами еще не касался.

Дамет

Тот же Алкимедонт и мне два выточил кубка.
Мягким он ручки обвил аканфом, посередине
Изображен им Орфей с лесами, идущими следом.

Спрятав, их берегу, губами еще не касался.
Видя корову мою, не станешь расхваливать кубки.

Меналк

Нынче тебе не сбежать. Идем, на все я согласен.
Первый нам встречный — судьей. Как раз Палемона я вижу.
Сделаю так, чтобы впредь ни с кем не тягался ты в пенье.

Дамет

Ну начинай, что ни есть,— за мною задержки не будет.
Ни от кого не бегу. Но, сосед Палемон, ты поближе
К сердцу спор наш прими — ведь это не малое дело.

Палемон

Пойте, благо втроем на мягкой траве мы уселись.
Все плодоносит кругом, и поля, и деревья; одеты
Зеленью свежей леса — пора наилучшая года!
Ты начинаешь, Дамет, а ты, Меналк, отвечаешь.
В очередь будете петь — состязания любят Камены.

Дамет

Первый Юпитеру стих — все полно Юпитером, Музы!
Он — покровитель полей, он к нашим внимателен песням.

Меналк

Я же — Фебом любим. У меня постоянно для Феба
Есть приношения — лавр с гиацинтом, алеющим нежно.

Дамет

Яблоком бросив в меня, Галатея игривая тут же
В ветлы бежит, а сама, чтобы я увидал ее, хочет.

Меналк

Мне добровольно себя предлагает Аминт, мое пламя,—
Делия даже не столь моим знакома собакам.

Дамет

Я для Венеры моей подарок достал: я приметил
Место, где в вышине гнездо себе голуби свили.

Меналк

Мальчику с дерева снял я подарок,— что мог, то и сделал:
Яблок десяток послал золотых и еще к ним добавлю.

Дамет

Ах, что мне говорит — и как часто! — моя Галатея!
Ветры, хоть часть ее слов донесите до слуха бессмертных!

Меналк

Много ли проку мне в том, что тобой я, Аминт, не отвергнут,
Если я сеть сторожу, пока кабанов ты гоняешь?

Дамет

Ты мне Филлиду пришли, Иолл,— мое нынче рожденье;
Сам приходи, когда телку забью для праздника жатвы.

Меналк

Всех мне Филлида милей: когда уезжал я, рыдала;
«Мой ненаглядный, прощай, мой Иолл, прощай!» — говорила.

Дамет

Волки страшны стадам, дожди — урожаям созревшим,
Бури — деревьям, а мне — попрекания Амариллиды.

Меналк

Сладостна всходам роса, отнятым земляничник козлятам,
Стельным коровам — ветла, а меня лишь Аминт услаждает.

Дамет

Любит мою Поллион, хоть она и простецкая, Музу.
Вы для чтеца своего пасите, Камены, телицу.

Меналк

В новом вкусе стихи Поллион сам пишет — пасите,
Музы, тельца, что уж рогом грозит и песок подрывает.

Дамет

Тот, кому друг Поллион, да возвысится другу на радость!
Мед да течет для него, и аммо́м ежевика приносит.

Меналк

Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни,—
Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрягает.

Дамет

Дети, вы рвете цветы, собираете вы землянику,—
Прочь убегайте: в траве — змея холодная скрыта.

Меналк

Овцы, вперед забегать берегитесь — здесь ненадежен
Берег, глядите: вожак и тот до сих пор не просохнет,

Дамет

Титир, пасущихся коз пока отгони от потока,—
Сам, как время найду, в источнике их перемою.

Меналк

В кучу сгоняйте овец, молоко свернется от зноя —
Вот и придется опять сосцы сжимать понапрасну.

Дамет

Ой! До чего же мой бык исхудал на пастбище сочном! —
Сушит любовь равно и стада, и тех, кто пасет их.

Меналк

Этих уж, верно, любовь не сушила — а кожа да кости!
Видно, глазом дурным ягнят моих кто-то испортил.

Дамет

В землях каких, скажи,— и признáю тебя Аполлоном! —
Неба пространство всего шириною в три локтя открыто?

Меналк

В землях каких, скажи, родятся цветы, на которых
Писано имя царей? — и будет Филлида твоею.

Палемон

Нет, такое не мне меж вас разрешать состязанье.
Оба телицы равно вы достойны,— и каждый, кто сладкой
Не убоится любви, а горькой не испытает.
Время, ребята, закрыть канавы, луга утолились.

ЭКЛОГА IV

Музы Сицилии, петь начинаем важнее предметы!
Заросли милы не всем, не всем тамариск низкорослый.
Лес воспоем, но и лес пусть консула будет достоин.

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорождённому будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.
При консулате твоем тот век благодатный настанет,
О Поллион! — и пойдут чередою великие годы.
Если в правленье твое преступленья не вовсе исчезнут,
То обессилят и мир от всечасного страха избавят.
Жить ему жизнью богов; он увидит богов и героев
Сонмы, они же его увидят к себе приобщенным.
Будет он миром владеть, успокоенным доблестью отчей.
Мальчик, в подарок тебе земля, не возделана вовсе,
Лучших первин принесет, с плющом блуждающий бáккар
Перемешав и цветы колокассий с аканфом веселым.
Сами домой понесут молоком отягченное вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут.
Будет сама колыбель услаждать тебя щедро цветами.
Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом
Сгинет, но будет расти повсеместно аммóм ассирийский.
А как научишься ты читать про доблесть героев
И про деянья отца, познавать, чтó есть добродетель,

Колосом нежным уже понемногу поля зажелтеют,
И с невозделанных лоз повиснут алые гроздья;
Дуб с его крепкой корой засочится медом росистым.
Все же толика еще сохранится прежних пороков
И повелит на судах Фетиду испытывать, грады
Поясом стен окружать и землю взрезать бороздами.
Явится новый Тифис и Арго, судно героев
Избранных. Боле того: возникнут и новые войны,
И на троянцев опять Ахилл будет послан великий.
После же, мужем когда тебя сделает возраст окрепший,
Море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут
Мену товаров вести — все всюду земля обеспечит.
Почва не будет страдать от мотыг, от серпа — виноградник;
Освободит и волов от ярма хлебопашец могучий;
Шерсть не будет хитро различной морочить окраской,—
Сам, по желанью, баран то в пурпур нежно-багряный,
То в золотистый шафран руно перекрашивать будет,
И добровольно в полях багрянец ягнят принарядит.
«Мчитесь, благие века!» — сказали своим веретенам
С твердою волей судеб извечно согласные Парки.
К почестям высшим гряди — тогда уже время наступит,—
Отпрыск богов дорогой, Юпитера высшего племя!
Мир обозри, что плывет под громадою выгнутой свода,
Зе́мли, просторы морей обозри и высокое небо.
Все обозри, что вокруг веселится грядущему веку,
Лишь бы последнюю часть не утратил я длительной жизни,
Лишь бы твои прославить дела мне достало дыханья!
Не победить бы меня ни фракийцу Орфею, ни Лину,
Если и матерью тот, а этот отцом был обучен —
Каллиопеей Орфей, а Лин Аполлоном прекрасным!
Даже и Пан, пред аркадским судом со мной состязаясь,
Даже и Пан пред аркадским судом пораженье признал бы.
Мальчик, мать узнавай и ей начинай улыбаться,—
Десять месяцев ей принесли страданий немало.
Мальчик, того, кто не знал родительской нежной улыбки,
Трапезой бог не почтит, не допустит на ложе богиня.

ЭКЛОГА V

Меналк, Мопс.

Меналк

Что бы нам, Мопс, если мы повстречались, искусные оба —
Я — стихи говорить, ты — дуть в тростинки свирели,—
Здесь не усесться с тобой под эти орехи и вязы?

Мопс

Старший ты, и тебя, Меналк, мне слушаться надо,—
Хочешь, сядем в тени, волнуемой легким Зефиром,
Хочешь, в пещеру зайдем. Смотри, как все ее своды
Дикий оплел виноград,— везде его редкие кисти.

Меналк

В наших горах лишь Аминт поспорить может с тобою.

Мопс

Что же? — он спорить готов, что и Феб ему в пенье уступит!

Меналк

Первым, Мопс, начинай: о влюбленной спой ты Филлиде;
Вспомни Алкона хвалу или спой про вызовы Кодра.
Так начинай,— на лугу за козлятами Ти́тир присмотрит.

Мопс

Лучше уж то, что на днях на коре неокрепшего бука
Вырезал я, для двоих певцов мою песню разметив,
Спеть попытаюсь — а ты вели состязаться Аминту.

Меналк

Так же, как гибкой ветле не равняться с седою оливой
Или лаванде простой не спорить с пурпурною розой,
Так, по суду моему, не Аминту с тобой состязаться.
Но перестанем болтать, уже мы с тобою в пещере.

Мопс

Плакали нимфы лесов над погибшим жестокою смертью
Дафнисом,— реки и ты, орешник, свидетели нимфам,—
В час, как, тело обняв злополучное сына родного,
Мать призывала богов, упрекала в жестокости звезды.
С пастбищ никто в эти дни к водопою студеному, Дафнис,
Стада не вел, в эти дни ни коровы, ни овцы, ни кони
Не прикасались к струе, муравы не топтали зеленой.
Даже пунийские львы о твоей кончине стенали,
Дафнис,— так говорят и леса, и дикие горы.
Дафнис армянских впрягать в ярмо колесничное тигров
Установил и вести хороводы, чествуя Вакха;
Мягкой листвой обвивать научил он гибкие копья.
Как для деревьев лоза, а гроздья для лоз украшенье
Или для стада быки, а для пашни богатой посевы,—
Нашею был ты красой. Когда унесли тебя судьбы,
Па́лес и сам Аполлон поля покинули наши.
И в бороздах, которым ячмень доверяли мы крупный,
Дикий овес лишь один да куколь родится злосчастный.
Милых фиалок уж нет, и ярких не видно нарциссов,
Чертополох лишь торчит да репей прозябает колючий.
Землю осыпьте листвой, осените источники тенью,
Так вам Дафнис велит, пастухи, почитать его память.
Холм насыпьте, на нем такие стихи начертайте:
«Дафнис я — селянин, чья слава до звезд достигала,
Стада прекрасного страж, но сам прекраснее стада».

Меналк

Богоподобный поэт, для меня твоя дивная песня —
Что для усталого сон на траве,— как будто при зное
Жажду в ручье утолил, волною стекающем сладкой.
Ты не свирелью одной, но и пеньем наставнику равен.
Мальчик счастливый, за ним вторым ты будешь отныне.

Я же, какие ни есть, тебе пропою, отвечая,
Песни свои и Дафниса в них до неба прославлю,
К звездам взнесу,— ведь и я любим был Дафнисом тоже.

Мопс

Может ли быть для меня, о Меналк, дороже подарок?
Мальчик достоин и сам, чтоб воспели его, и об этих
Песнях твоих Стилихон мне уже с похвалой отзывался.

Меналк

Светлый, дивится теперь вратам незнакомым Олимпа,
Ныне у ног своих зрит облака и созвездия Дафнис.
Вот почему и леса ликованьем веселым, и села
Полны, и мы, пастухи, и Пан, и девы дриады.
Волк скотине засад, никакие тенета оленям
Зла не помыслят чинить — спокойствие Дафнису любо.
Сами ликуя, теперь голоса возносят к светилам
Горы, овраги, леса, поют восхваления скалы,
Даже кустарник гласит: он — бессмертный, Меналк, он бессмертный!
Будь благосклонен и добр к своим: алтаря вот четыре,
Дафнис,— два для тебя, а два престола для Феба.
С пенным парным молоком две чаши тебе ежегодно
Ставить я буду и два с наилучшим елеем кратéра.
Прежде всего оживлять пиры наши Вакхом обильным
Буду, зимой у огня, а летом под тенью древесной,
Буду я лить молодое вино, Ареусии нéктар.
С песнями вступят Дамет и Эгон, уроженец ликтейский.
Примется Алфесибей подражать плясанью сатиров.
Так — до скончанья веков, моленья ль торжественно будем
Нимфам мы воссылать иль поля обходить, очищаясь.
Вепрь доколь не разлюбит высот, а рыба — потоков,
Пчел доколе тимьян, роса же цикаду питает,
Имя, о Дафнис, твое, и честь, и слава пребудут!
Так же будут тебя ежегодно, как Вакха с Церерой,
Все земледельцы молить — ты сам их к моленьям побудишь!

Мопс

Как я тебя отдарю, что дам за песню такую?
Ибо не столь по душе мне свист набежавшего Австра,
Ни грохотание волн, ударяющих в берег скалистый,
Ни многоводный поток, что в утесистой льется долине.

Меналк

Легкую эту свирель тебе подарю я сначала.
«Страсть в Коридоне зажег...» — певал я с этой свирелью,
С нею же я подбирал: «Скотина чья? Мелибея?»

Мопс

Ты же мой посох возьми — его Антигену я не дал,
Он хоть и часто просил и в то время любви был достоин.
Посох в ровных узлах, о Меналк, и медью украшен.

ЭКЛОГА VI

Первой решила, что петь пристойно стихом сиракузским,
И средь лесов обитать не гнушалась наша Талúя.
Стал воспевать я царей и бои, но щипнул меня Кинфий
За ухо, проговорив: «Пастуху полагается, Титир,
Тучных овец пасти и петь негромкие песни!»
Стало быть (ибо всегда найдется, кто пожелает,
Вар, тебя восхвалять и петь о войнах прискорбных),
Сельский стану напев сочинять на тонкой тростинке.
Не без приказа пою. Но, Вар, кто мое сочиненье
Будет с любовью читать, увидит: все наши рощи,
Верески все воспевают тебя! Нет Фебу приятней
В мире страницы, чем та, где есть посвящение Вару.

В путь, Пиериды мои!.. Хромид и Мназилл, мальчуганы,
Раз подсмотрели: Силен лежит, уснувший, в пещере.
С вечера был он хмелен, как обычно,— жилы надулись,
И, соскользнув с головы, плетеницы поодаль лежали.
Тут же тяжелый висел и кáнфар на ручке потертой.
Тихо подкравшись (старик их обманывал часто обоих,
Петь им суля), на него плетениц накинули путы.
К ним, робевшим еще, подходит союзницей Эгла,
Эгла, наяда красы несравненной, и только открыл он
Веки, она шелковицею лоб и виски его мажет.
Он же, их шутке смеясь: «Что меня оплетаете? — молвит.—
Дети, пустите меня! Сумели — так с вас и довольно.
Песни, каких вы просили, спою,— но лишь вам, мальчуганы,
Ей же награду найду не такую». Сказал он и начал.
Ты увидал бы тогда, как пляшут фавны и звери

В такт и качают дубы непреклонными кронами, вторя.
Даже о Фебе не так веселятся утесы Парнаса,
Исмар с Родопой — и те не столько дивятся Орфею.
Петь же он начал о том, как в пустом безбрежном пространстве
Собраны были землѝ семена, и ветров, и моря,
Жидкого также огня; как зачатки эти, сплотившись,
Создали все; как мир молодой из них появился.
Почва стала твердеть, отграничивать в море Нерея,
Разные формы вещей принимать начала понемногу.
Земли дивятся лучам дотоль неизвестного солнца,
И воспарению туч, с высоты низвергающих ливни,
И поражает их лес, впервые возросший, и звери
Редкие, что по горам, дотоле неведомым, бродят.

Вот о камнях он Пирры поет, о царстве Сатурна
И о кавказских орлах, о хищенье поет Прометея.
Пел он, как, возле воды оставив юношу Гилла,
Звали его моряки, «Гилл! Гилл!» — неслось побережьем.
Пел, как жилось хорошо — если б не было стад! — Пасифае,
Как ее страсть облегчил, полюбив ее, бык белоснежный.
Женщина бедная! Ах! Каким ты безумьем объята!
Дочери Прета и те по-коровьи в поле мычали,—
Всё же из них ни одна не пошла на постыдное ложе
Скотского брака, хотя и страшилась плуга на шею,
Хоть и частенько рогов на лбу своем ровном искала.
Женщина бедная! Ах! Теперь по горам ты блуждаешь.
Он же на мягком простер гиацинте свой бок белоснежный,
Бледную щиплет траву и жвачку жует под дремучим
Ясенем иль на лугу за коровою гонится. Нимфы!
Нимфы диктейские! Рощ, молю, заградите опушки,—
Может быть, вам на глаза блуждающий вдруг попадется
След быка, если он травой увлечется зеленой
Или за стадом пойдет. Когда бы его проводили
Сами к какому-нибудь гортинскому хлеву коровы!
Деву, что яблок красой гесперидовых залюбовалась,
Пел он, Фаэтонтиад замшелою горькой корою
Стан облекал, из земли высоко подымал он деревья.
Пел и о том, как шедшего вдоль по теченью Пермеса
Галла одна из сестер увела в Аонийские горы.
Пел, как навстречу ему поднялся весь хор Аполлона,
Пел, как сказал ему Лин языком божественной песни,
Кудри цветами убрав и душистою горькой травою:
«Эти тростинки тебе (возьми их!) Музы даруют.

Ранее ими владел аскрейский старец; нередко
Ясени стройные с гор их пением долу сводил он.
Им и поведай о том, как возникла Гринийская роща,
Чтобы равно ни одна Аполлоном впредь не гордилась».

Что мне добавить? — он пел и о Нисовой Сцилле, чье лоно,
Снега белей, говорят, опоясали чудища, лая;
Как Одиссея суда в пучину она заманила
И истерзала, увы, пловцов устрашенных морскими
Псами; припомнил потом превращенные члены Терея
И Филомелой ему, как дар, поднесенные яства.
Вспомнил о бегстве ее и о том, как на крыльях нежданных,
Бедная, стала порхать над своею же собственной кровлей.

Все, что в оные дни замыслил Феб и блаженный
Слышал когда-то Эврот, что выучить лаврам велел он,
Все он поет, и к звездам несут его голос долины,—
Но уже вечер велит овец загонять по овчарням
И поголовье считать, наступив не по воле Олимпа.

ЭКЛОГА VII

Мелибей, Коридон, Тирсис.

Мелибей

Как-то уселся в тени под лепечущим иликом Дафнис,
Тирсис меж тем с Коридоном стада воедино собрали,
Тирсис — овец, а коз Коридон, молоком отягченных,—
Оба в цветущей поре и дети Аркадии оба,
В пенье искусны равно, отвечать обоюдно готовы.

Тут, пока нежные я защищаю от холода мирты,
Стада вожак и супруг, козел затерялся, и тут же
Дафниса вижу, и он меня тоже приметил: «Скорее!
К нам подходи, Мелибей! Козел твой цел и козлята!
Если свободен, присядь отдохнуть в прохладе,— не бойся,
По́ лугу сами сойдут твои к водопою коровы.
Мягким здесь камышом зеленые кроет прибрежья
Минций, и пчел доносится гул из священного дуба».
Как поступить? Под рукой ни Филлиды нет, ни Алкиппы,
Кто бы ягнят без меня, от вымени отнятых, запер.
Был поединок меж тем — Коридона с Тирсисом — знатный!
Все же я делом своим пренебрег ради их состязанья.
Вот приступили они, на стихи отвечая стихами,—
Те, что поются в черед, стихи Пиеридам угодны.
Первым вступил Коридон, отвечал ему в очередь Тирсис.

Коридон

Нимфы, наша любовь, Либетриды! Или вы дайте
Песню такую же мне, как нашему Кодру,— стихами
К Фебу приблизился он,— иль, если не всем это впору,
Пусть на священной сосне моя звонкая флейта повиснет.

Тирсис

Вы увенчайте плющом, пастухи, молодого поэта —
Пусть же у Кодра кишки от зависти лопнут,— но если
Станет расхваливать он чересчур, наперстянкой натрите
Лоб мне, чтобы певца он не сглазил своими хвалами.

Коридон

Делия, мальчик Микон шелковистую голову вепря
Дарит тебе и, как ветви, рога матерого оленя.
Мне бы добычу его — изваянием мраморным встанешь,
Ноги обвяжут тебе пунцовых шнуровки котурнов.

Тирсис

Только сосуд с молоком да лепешку тебе ежегодно
Буду я ставить, Приап: ты сада скромного сторож.
Мраморный ты у меня, но до времени: если приплодом
Стадо умножишь мое, целиком ты из золота будешь.

Коридон

Ты, о Нереева дочь, Галатея, гиблейского меда
Слаще, белей лебедей, плюща бледнолистого краше,
Только лишь под вечер в хлев возвратятся, насытясь, коровы,
О, приходи, если помнишь еще своего Коридона!

Тирсис

Пусть я горше тебе покажусь сардонийского сока,
Злее терновника, трав бесполезней, извергнутых морем,
Ежели мне этот день не кажется длительней года.
Сыты вы, к дому теперь! — имейте же совесть, коровы!

Коридон

Дремы приют, мурава, источники, скрытые мохом,
Вы, земляничники, их осенившие редкою тенью,
В солнцестоянье стада защитите,— лето подходит
Знойное, почки уже набухают на лозах обильных.

Тирсис

В доме у нас и очаг, и лучины смолистые; пламя
Жарко горит, косяки почернели от копоти вечной.

Столько же дела нам здесь до зимнего холода, сколько
Лютым волкам до скота иль до берега бурным потокам.

Коридон

Здесь можжевельник растет, каштаны топорщатся рядом,
Всюду, опавши, плоды под своими лежат деревами.
Все веселится кругом. Но если б красавец Алексис
Горы покинул, тебе и поток бы сухим показался.

Тирсис

Высохло поле; трава, умирая от злобного зноя,
Жаждет. Лоза на холме напрасно о тени тоскует,—
Зазеленеют леса с возвращеньем нашей Филлиды,
И благотворным дождем многократно прольется Юпитер.

Коридон

Любит Алкид тополя, а Вакх — виноградные лозы,
Мирт — Венерой любим, а лавр — его собственный — Фебом.
Любит Филлида орех,— пока его любит Филлида,
Не пересилить его ни мирту, ни Фебову лавру.

Тирсис

Вяз прекрасен в лесу, сосна — украшение сада,
Тополь растет у реки, а ель на высоких нагорьях,
Если бы чаще со мной ты, Ликид прекрасный, видался,
Вяз бы лесной с садовой сосной тебе уступили!

Мелибей

Помню я все,— и как Тирсис не мог, побежденный, бороться.
С этого времени стал для нас Коридон — Коридоном.

ЭКЛОГА VIII

Дамон, Алфесибей.

Музу двух пастухов, Дамона и Алфесибея,
Пенью которых, забыв о траве, дивилась корова,
Чье состязанье не раз в изумленье вводило и рысей,
И заставляло стихать, свой бег изменяя, потоки,—
Музу припомним теперь Дамона и Алфесибея.

Твой пролегает ли путь через бурные русла Тимава
Иль огибает края Иллирийского моря,— придет ли
День, когда я твои удостоюсь прославить деянья,
Время придет ли, дано ли мне будет рассеять по миру
Песни твои, что одни лишь достойны котурна Софокла?
Начал с тебя и кончу тобой,— прими ж эти песни!
Сам ты велел их начать,— теперь же мне дай дозволенье
Плющ у тебя на челе вплести в победные лавры.

Ночи прохладная тень едва низошла с небосклона,
В час, когда на траве роса всего слаще скотине,
Петь так начал Дамон, к стволу прислонившись оливы:
«О, народись, Светоносец, и день приведи благодатный!
Нисы моей между тем недостойной обманут любовью,
Жалуюсь я и к богам,— в ручательстве слишком неверным,—
В этот последний свой час обращаюсь теперь, умирая.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Рощ звонкозвучных листвой и шумящими соснами Ме́нал
Вечно одет, любви пастухов он и Пана внимает,
Первого в наших горах ненавистника праздной свирели.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Мопсу Ниса дана — чего не дождаться влюбленным!
Вместе коня и грифона впрягут, и, время настанет,—
Вместе с псами пойдут к водопою пугливые лани!
Факелов, Мопс, настругай, ведут молодую супругу!
Муж, сыпь орехи! Для вас разлучается с Этою Геспер.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

К мужу достойному в дом ты вошла! А нас презираешь,
И ненавистны тебе моя дудка и козы; противно,
Что борода у меня неподстрижена, брови косматы.
Значит, смертных дела, полагаешь, богам безразличны?
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Маленькой в нашем саду тебя я впервые увидел,
С матушкой рвать ты зашла росистые яблоки,— я же
Вас провожал, мне двенадцатый год пошел в это лето,
И уж до ломких ветвей я мог с земли дотянуться.
Лишь увидал — и погиб! Каким был охвачен безумьем!
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Знаю теперь, что такое Амур. На суровых утесах,
Верно, Родопа, иль Тмар, или край гарамантов далекий
Мальчика произвели не нашего рода и крови.
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Мать научил свирепый Амур детей своих кровью
Руки себе запятнать! И ты не добрее Амура.
Мать, жестокая мать,— или матери мальчик жесточе?
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

Ныне пусть волк бежит от овцы, золотые приносит
Яблоки кряжистый дуб и ольха расцветает нарциссом!
Пусть тамарисков кора источает янтарные смолы,
С лебедем спорит сова,— и Титир да станет Орфеем,
Титир — Орфеем в лесах, меж дельфинов — самим Арионом!
Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!

В море пускай обратится весь мир! О рощи, прощайте!
В бурные волны стремглав с утеса высокого брошусь!
Дар пусть примет она последний от близкого к смерти,
Ряд меналийских стихов прерви, прерви, моя флейта!»

Так пел Дамон. А стихи отвечавшего Алфесибея,
Музы, поведайте вы: не все человеку доступно.
«Воду сперва принеси, алтарь опоясай тесемкой,
Сочных вербен возожги, воскури благовоннейший ладан!
Справлю обряд колдовской, помутить попытаюсь волшбою
Здравый любовника ум: все есть, не хватает заклятий.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

С неба на землю луну низвести заклятия могут;
Ими Цирцея в свиней обратила друзей Одиссея,
Змей холодных волшба разрывает надвое в поле;
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Изображенье твое обвожу я, во-первых, тройною
Нитью трех разных цветов; потом, обведя, троекратно
Вкруг алтаря обношу: угодно нечетное богу.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Свяжешь трижды узлом три цвета, Амариллида;
Свяжешь и тут же скажи: плету я тенета Венеры.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Глина ссыхается, воск размягчается, тем же согреты
Жаром — от страсти моей да будет с Дафнисом то же.
Малость посыпав муки, затепли лавры сухие.
Дафнис сжигает меня, я Дафниса в лавре сжигаю.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Дафнисом пусть любовная страсть овладеет, какая
Телку томит,— и она по лесам и чащобам дремучим
Ищет быка, у реки под зеленой ложится ольхою,
В муках своих позабыв от сгустившейся ночи укрыться.
Дафнис такой пусть любовью горит,— врачевать я не стану.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Эти одежды свои мне оставил когда-то изменник
Верным залогом любви,— тебе их, Земля, возвращаю
Здесь, на пороге моем. За Дафниса будут залогом:
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Трав вот этих набор и на Понте найдённые яды
Мерис мне передал сам — их много родится на Понте.
Видела я, и не раз, как в волка от них превращался
Мерис и в лес уходил; нередко души умерших
Он из могил вызывал и сводил урожаи к соседу.
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

Амариллида, за дверь ты вынеси пепел, к потоку,
Там через голову брось, но назад не смотри. Присушу я
Дафниса так,— хоть ему ни заклятья, ни боги не страшны!
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!

На алтаре — посмотри! — взметнувшимся пламенем пепел
Вспыхнул сам по себе, пока медлю. Ко благу да будет!
Что это? И не пойму... Залаял Гилак у порога...
Верить ли? Иль создает себе сам сновиденья, кто любит?
Полно! Заклятьям конец! Домой возвращается Дафнис».

ЭКЛОГА IX

Ликид, Мерис.

Ликид

Мерис, куда тебя ноги несут? Направляешься в город?

Мерис

Вот чего мы, Ликид, дождались: пришлец, завладевший
Нашей землицей,— чего никогда я досель не боялся,—
«Это мое,— нам сказал,— уходите, былые владельцы!»
В горести, выгнанный вон,— до чего ж переменчиво счастье!—
Этих козлят я несу для него же — будь ему пусто!

Ликид

Всё ж говорят, и не зря, что оттуда, где начинают
К нашей равнине холмы спускаться отлогим наклоном,
Вплоть до реки и до тех обломанных бурею буков
Песнями землю свою ваш Меналк сохранил за собою.

Мерис

Правду, Ликид, сказали тебе,— но, при звоне оружья,
Песни мои не сильней голубей, когда, по рассказам,
На хаонийских полях почуют орла приближенье.
Да, когда б из дупла, прокаркав слева, ворона
Не повелела мне впредь не пускаться в новые тяжбы,
Больше ни Мерису здесь не жить бы, ни даже Меналку.

Ликид

Кто же надумал, увы, такое злодейство? С тобою
Лучшей утехи своей мы едва, о Меналк, не лишились!

Нимф кто пел бы у нас? Кто землю травой и цветами
Стал бы здесь устилать, родники укрывал бы листвою;
Песни бы пел, какие на днях у тебя я подслушал,—
К Амариллиде как раз ты спешил, к моему наслажденью:
«Титир, пока я вернусь, попаси моих коз,— я не долго.
А наедятся — веди к водопою. Когда же обратно
Будешь идти, берегись, не встреться с козлом — он бодучий!»

Мерис

Лучше споем, что Вару он пел, еще не отделав:
«Имя, о Вар, твое — лишь бы Мантуя нашей осталась,
Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая бедной,—
В песнях своих возносить до созвездий лебеди будут!»

Ликид

Пусть же пчелы твои кирнейских тисов избегнут!
Пусть же дрок и коров насытит, чтоб вымя надулось!
Если что есть, начинай! И меня Пиериды поэтом
Сделали, и у меня есть песни; меня называют
Тоже певцом пастухи,— да не очень я им доверяю:
Знаю, что песни мои недостойны Вария с Цинной —
Право, как гусь гогочу посреди лебединого пенья.

Мерис

Молча, Ликид, в уме я песни перебираю,
Вспомнить смогу ли,— одна все ж есть достойная песня:
«О Галатея, приди! В волнах какая забава?
Здесь запестрела весна, земля возле рек рассыпает
Множество разных цветов; серебристый высится тополь
Возле пещеры, шатром заплетаются гибкие лозы.
О приходи! Пусть волны, ярясь, ударяются в берег!»

Ликид

А не пропеть ли нам то, что, помнится, ясною ночью
Пел ты один? Я знаю напев,— слова бы припомнить!
«Дафнис, зачем на восход созвездий смотришь ты вечных?
Цезаря ныне взошло светило, сына Дионы,
То, под которым посев урожаем обрадован будет,
И на открытых холмах виноград зарумянится дружно.
Груши, Дафнис, сажай — плоды пусть внуки срывают!»

Мерис

Всё-то уносят года,— и память. Бывало, нередко
Мальчиком целые дни проводил я, помню, за пеньем.

Сколько я песен забыл! Сам голос Мериса ныне
Уж покидает его. Онемел я от волчьего взгляда.
Все же ты песни мои от Меналка нередко услышишь.

Ликид

Мерис, так говоря, ты мои лишь удвоил желанья.
Ради тебя приумолкла вода и не движется; ветры
Стихли. Только взгляни — совсем не колеблется воздух.
Здесь как раз полпути до города. Вон Бианора
Холм погребальный уже показался. Тут, где селяне
Лоз прорезают листву, давай пропоем свои песни!
Рядом козлят положи. Мы вовремя в город поспеем.
А коли страшно, что ночь нагонит дождя до прихода
В город, можем идти мы и петь — так легче дорога.
А чтоб идти нам и петь, тебя я избавлю от ноши.

Мерис

Нет, мальчуган, перестань: сперва неотложное справим.
А как Меналк подойдет, тогда и споем на досуге.

ЭКЛОГА X

К этой последней моей снизойди, Аретуза, работе.
Галлу немного стихов сказать я намерен, но только б
И Ликориде их знать. Кто Галлу в песнях откажет?
Пусть же, когда ты скользить под течением будешь сиканским,
Горькой Дорида струи с твоей не смешает струею.
Так начинай! Воспоем тревоги любовные Галла,
Козы ж курносые пусть тем временем щиплют кустарник.
Не для глухих мы поем,— на все отвечают дубравы.

В рощах каких, в каких вы ущельях, девы наяды,
Были, когда погибал от страсти своей злополучной
Галл? Ни Пинд не задерживал вас, ни вершины Парнаса,
Ни Аганиппа, что с гор в долины Аонии льется,
Даже и лавры о нем, тамариски печалились даже,
Сам, поросший сосной, над ним, под скалою лежащим,
Плакал и Мéнал тогда, и студеные кручи Ликея.
Овцы вокруг собрались,— как нас не чуждаются овцы,
Так не чуждайся и ты, певец божественный, стада,—
Пас ведь отары у рек и сам прекрасный Адóнис.

Вот пришел и овчар, с опозданьем пришли свинопасы,
Вот подошел и Меналк, в желудевом настое намокший.
Все вопрошают: «Отколь такая любовь?» Появился
Сам Аполлон: «Что безумствуешь, Галл,— говорит,— твоя радость,
В лагерь ужасный, в снега с другим Ликорида сбежала».
Вот пришел и Сильван, венком украшенный сельским,
Лилии крупные нес и махал зацветшей осокой.

Пан, Аркадии бог, пришел — мы видели сами:
Соком он был бузины и суриком ярко раскрашен.
«Будет ли мера?» — спросил. Но Амуру нимало нет дела.
Ах, бессердечный Амур, не сыт слезами, как влагой
Луг не сыт, или дроком пчела, или ко́зы листвою.

Он же в печали сказал: «Но все-таки вы пропоете
Вашим горам про меня! Вы, дети Аркадии, в пенье
Всех превзошли. Как сладко мои упокоятся кости,
Ежели ваша свирель про любовь мою некогда скажет!
Если б меж вами я жил селянином, с какой бы охотой
Ваши отары я пас, среза́л бы созревшие гроздья.
Страстью б, наверно, пылал к Филлиде я, или к Аминту,
Или к другому кому,— не беда, что Аминт — загорелый.
Ведь и фиалки темны, темны и цветы гиацинта.
Он бы со мной среди ветел лежал под лозой виноградной,
Мне плетеницы плела б Филлида, Аминт распевал бы.
Здесь, как лед, родники, Ликорида, мягки луговины,
Рощи — зелены. Здесь мы до старости жили бы рядом.
Но безрассудная страсть тебя заставляет средь копий
Жить на глазах у врагов, при стапе жестокого Марса.
Ты от отчизны вдали — об этом не мог я и думать! —
Ах, жестокая! Альп снега и морозы на Рейне
Видишь одна, без меня,— лишь бы стужа тебя пощадила!
Лишь бы об острый ты лед ступней не порезала нежных!

Я же достану свирель, стихом пропою я халкидским
Песни, которые мне сицилийский передал пастырь.
Лучше страдать мне в лесах, меж берлогами диких животных,
И, надрезая стволы, доверять им любовную нежность.
Будут стволы возрастать,— возрастай же с ними, о нежность!
С нимфами я между тем по Меналу странствовать буду,
Злобных травить кабанов,— о, мне никакая бы стужа
Не помешала леса оцеплять парфенийские псами.
Вижу себя,— как иду по глухим крутоярам и рощам
Шумным. Нравится мне пускать с парфянского лука
Стрелы Цидонии,— но исцелить ли им яростный пыл мой?
Разве страданья людей жестокого трогают бога?
Нет, разонравились мне и гамадриады, и песни
Здешние. Даже и вы, о леса, от меня отойдите!
Божеской воли своим изменить мы не в силах стараньем!
Если бы даже в мороз утоляли мы жажду из Гебра
Или же мокрой зимой подошли к берегам Ситонийским,

Иль, когда сохнет кора, умирая, на вязе высоком,
Мы эфиопских овец пасли под созвездием Рака.
Все побеждает Амур, итак — покоримся Амуру!»

О Пиериды, пропел ваш поэт достаточно песен,
Сидя в тени и плетя из проскурников гибких кошелку.
Сделайте так, чтоб они показались ценными Галлу,
Галлу, к кому, что ни час, любовь моя так возрастает,
Как с наступленьем весны ольховые тянутся ветки.

Встанем: для тех, кто поет, неполезен сумрак вечерний,
Где можжевельник — вдвойне; плодам он не менее вреден.
Козоньки, к дому теперь, встал Геспер,— козоньки, к дому!

ГЕОРГИКИ

ПЕРЕВОД С. ШЕРВИНСКОГО

Посвящаю этот свой труд
жене моей Елене Шервинской

С. Ш.

КНИГА ПЕРВАЯ

Как урожай счастливый собрать, под какою звездою
Землю пахать, Меценат, и к вязам подвязывать лозы
Следует, как за стадами ходить, каким попеченьем
Скот разводить и каков с бережливыми пчелами опыт,
Стану я здесь воспевать. Ярчайшие светочи мира,
Вы, что по кругу небес ведете бегущие годы,
Либер с Церерой благой! Через ваши деяния почва
Колосом тучным смогла сменить Хаонии желудь
И обретенным вином замешать Ахелоевы чаши!
Также и вы, для селян божества благодатные, фавны!
С фавнами вместе сюда приходите, о девы дриады!
Ваши дары я пою. И ты, кто ударом трезубца
Из первозданной земли коня трепетавшего вывел,
Грозный Нептун! И ты, покровитель урочищ, где щиплют
Триста коров белоснежных траву среди зарослей Кеи!
Рощи покинув свои, Ликея тенистые склоны,
Пан, блюститель овец, приди, коли помнишь свой Ме́нал,
Будь благосклонен ко мне, о тегеец! Минерва, маслину
Нам подарившая! Ты, о юноша, нам показавший
Плуг, и Сильван, кипарис молодой несущий с корнями!
Боги, богини! Вы все, которых о поле забота!
Вы, что питаете плод, чье было не сеяно семя,
Вы, что обильно с небес дождем поливаете всходы!
Ты, наконец,— как знать, какие собранья бессмертных
Вскоре воспримут тебя,— города́ ли увидеть, о Цезарь,
Иль все пределы земли пожелаешь, иль целой вселенной,
Ты, как земных податель плодов и властитель погоды,
Будешь смертными чтим, материнским увенчанный миртом?

Станешь ли богом морей беспредельных, и чтить мореходы
Будут тебя одного, покоришь ли ты крайнюю Фулу,
Куплен ли будешь в зятья Тефидой за все ее воды,
Новой примкнешь ли звездой к медлительным месяцам лета
Меж Эригоной и к ней простертыми сзади Клешнями?
Их Скорпион пламенеющий сам добровольно отводит,
Освобождая тебе в небесах пространства избыток.
Кем ты ни будь (назвать царем тебя Тартар не смеет,
Ты не сгораешь и сам столь сильною жаждою власти,
Хоть Элизийским полям дивятся исстари греки,
И не спешит выходить Прозерпина на зов материнский),
Легкий даруй нам ход, начинаньям способствуй отважным
И, пожалев поселян, еще не знакомых с дорогой,
Нас предводи, наперед призывания наши приемля.

Ранней весною, когда от седых вершин ледяная
Льется вода и земля под Зефиром становится рыхлой,
Пусть начинает стенать, со вдавленным двигаясь плугом,
Вол, и сошник заблестит, добела бороздою оттертый.
Нива ответит потом пожеланьям селян ненасытных,
Ежели два́ раза жар испытает и два́ раза холод.
Жатвы такой ожидай, что будут ломиться амбары!
Но перед тем, как взреза́ть начнем незнакомое поле,
Надобно ветры узнать и различные смены погоды,
Также отеческих мест постигнуть обычай и способ;
Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет:
Здесь счастливее хлеб, а здесь виноград уродится.
Здесь плодам хорошо, а там зеленеет, не сеян,
Луг. Не знаешь ли сам, что Тмол ароматы шафрана
Шлет, а Индия — кость, сабей же изнеженный — ладан,
Голый халиб — железо, струю бобровую с тяжким
Запахом — Понт, а Эпир — кобыл для побед олимпийских?
Установила навек законы и жизни условья
Разным природа краям, когда при начале вселенной
Девкалион побросал на пустынную землю каменья,—
Вышли же люди из них — род крепкий! За дело же! Тотчас
Тучной почву земли, от первых же месяцев года,
Мощные пусть взрывают волы, чтобы пыльное лето
Свежий прогрело отвал, обожгло его пламенем солнца.
Если же почва скупа, незадолго тогда до Арктура
Будет довольно в нее борозду неглубокую врезать,
Здесь — чтоб не мог повредить урожаю счастливому плевел,
Там — чтобы тощий песок не утратил сырости скудной.

Но торопись, пусть год отдыхает поле под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая.
Или, как сменится год, золотые засеивай злаки
Там, где с поля собрал урожай, стручками шумящий,
Или где вика росла мелкоплодная с горьким лупином,
Чьи, целым лесом шумя, подымаются ломкие стебли.
Ниву посев иссушает льняной, иссушает овсяный,
Также спаляет и мак, напитанный дремой летейской.
Но с промежутками в год посев их бывает оправдан,
Лишь бы ты почву сырым удобрил щедро навозом
Или нечистой золой утомленное поле посыпал.

Так, сменяя посев, полям ты покой предоставишь.
Так не обманет надежд, коль и вовсе не вспахано, поле.
Пользу приносит земле опалять истощенную ниву,
Пусть затрещавший огонь жнивье легковесное выжжет.
То ли закрытую мощь и питанье обильное зе́мли
Так извлекают, иль в них бывает пламенем всякий
Выжжен порок и, как пот, выходит ненужная влага,
Или же множество пор открывает и продухов тайных
Жар, которыми сок восходит к растениям юным,
То ль, укрепляясь, земля сжимает раскрытые жилы,
Чтобы ни частый дождь, ни сила палящего солнца
Не погубили семян, ни Борея пронзительный холод.
Тот, кто мотыгой дробит нерадивые глыбы, кто выйдет
В поле с плетеной своей бороной, тот пашне помощник.
Он с олимпийских высот белокурой замечен Церерой,
Также и тот, кто отвал, который он поднял на пашне,
Станет распахивать вновь наклоненным в сторону плугом,
Кто, постоянно трудясь на полях, над ними хозяин.
Влажных молите вы лет, а зим молите бездождных,
О земледельцы! Хлеба веселят, коль зима не без пыли;
Нива обильна. Таким урожаем и Мизия вряд ли
Может хвалиться, такой не дивится и Га́ргара жатве!
Что мне добавить о том, кто, бросив семя, на пашню
Тотчас налег, чтобы комья разбить неподатливой почвы,
Или же воду привел на посев и пустил по канавкам;
Кто, когда поле горит и от зноя трава умирает,
Вдруг из-под самых бровей обрыва нагорного воду
Выведет? — и, грохоча, ниспадает она, и сдвигает
Мелкие камни, волной освежая засохшие нивы.
Или о том, кто, боясь, что поляжет под грузом колосьев
Нива, на пищу скоту обратит ее пышные всходы,

Лишь с бороздами ростки подымутся вровень? О том ли,
Кто от набухнувших нив отведет застойную воду,—
А особливо, когда в ненадежные месяцы года
Паводок, ширясь, вокруг затопит поднявшимся илом
Всё, и остатки воды, согревшись, начнут испаряться.
Все же, хоть тягостный труд и людьми и волами приложен
Был к обработке земли, однако же наглые гуси,
И стримонийский журавль, и с корнем горьким цикорий
Делу в ущерб. Тень тоже вредит. Отец пожелал сам,
Чтоб земледельческий труд был нелегок, первый искусством
Пахаря вооружил, к работе нуждой побуждая,
Не потерпев, чтоб его закоснело в бездействии царство.
Вовсе не знали поля до Юпитера пахарей власти.
Даже значком отмечать иль межой размежевывать нивы
Не полагалось. Всё сообща добывали. Земля же
Плодоносила сама, добровольно, без понужденья.
Он же, Юпитер, и яд даровал отвратительным змеям,
Волку велел выходить на добычу и морю — вздыматься,
Мед с листвы он стряхнул, огонь от людей он запрятал,
Остановил и вино, бежавшее всюду ручьями,
Чтобы уменья во всем достигал размышляющий опыт,
Мало-помалу, и злак выводить из борозд научился,
Чтобы из жилы кремня извлекал он огонь потаенный.
Реки впервые тогда об ольхах долбленых узнали,
В первый раз мореход назвал и исчислил светила,
Звезды Плеяд и Гиад и сияющий Аркт Ликаона.
Зверя сетями ловить и птиц обманывать клеем
Способ нашли, оцеплять лесные урочища псами.
Тот по широкой реке заметным неводом плещет
В поисках глуби, другой сеть мокрую тащит по морю;
Вот и железо у них, и пил визжащие зубья,—
А поначалу бревно кололи некрепкое клином.
Разные тут мастерства появились; труд неустанный
Все победил, да нужда в условьях гнетущая тяжких.
Землю железом пахать научила впервые Церера
В пору, когда по священным лесам оказалась нехватка
В ягодах и желудях и Додона питать перестала.
Вскоре постигла хлеба и невзгода: злая изгара
Стебли грызет, волчец на ниве торчит непригодный,
И погибает посев, сменяется лесом колючим.
Вот и орех водяной, и репей на ухоженной ниве,
Дикий овес и злосчастный пшенец господствует в поле.
Если усердно рыхлить не потрудишься граблями почву,

Шумом отпугивать птиц и листву, затенявшую ниву,
Острым серпом прорезать, моленьями дождь призывая,
Будешь ты видеть, увы, что полны закрома у соседа,
Голод же свой утолять по лесам, дубы сотрясая.

Надо сказать, каковы хлебопашцев суровых орудья,
Те, без которых нельзя ни засеять, ни вырастить жатву.
Первым делом — сошник могучего гнутого плуга,
С медленным ходом колес элевсинской богини телега,
И молотильный каток, волокуша и тяжкие грабли;
Не обойтись без простых плетеных изделий Келея
И деревянных решёт, мистических веял Иакха,—
Предусмотрительно ты изготовишь все это задолго,
Если достойной ты ждешь от полей божественных славы.
Для рукояти в лесу присмотрев молодую вязину,
Изо всех сил ее гнут, кривизну придавая ей плуга.
В восемь от корня ступней протянув деревянное дышло,
Приспособляют хваткй, а с тылу — рассоху с развилкой.
Валят и липу в лесу для ярма, и бук легковесный
Для рукояти берут, чтобы плуг поворачивать сзади.
Дерево над очагом подлежит испытанию дымом.

Много могу передать старинных тебе наставлений,
Если ты прочь не бежишь и забот не чуждаешься мелких.
Ток надо прежде всего вальком увесистым сгладить,
Землю рукой перебрать и сплотить ее вязкою глиной,—
Не проросла бы травой, не дала бы от рыхлости трещин.
Иначе много грозит напастей: то мышка-малышка
Дом заведет под землей и свои там устроит амбары,
Либо лишенные глаз кроты себе нор понароют.
Жабу ты в яме найдешь: землей порожденные твари
Все налицо: червяк населит огромные груды
Хлеба, а то муравей, страшащийся старости скудной.
Также миндаль наблюдай, когда он в лесу изобильно
Цветом покрыт и к земле душистыми никнет ветвями.
Ежели много плодов, за ними последуют злаки,—
Значит, при щедрой жаре молотьбы дождешься ты щедрой.
Если ж обилье листвы раскинется тенью чрезмерной,
Цеп понапрасну тогда бить пышную будет солому.
Видывал я: кое-кто семена готовит для сева,
Их селитрой сперва и отстоем маслин поливая,
Чтобы крупнее зерно в шелухе-обманщице было,
Чтобы на слабом огне поскорее оно разбухало.

Видел, что давний отбор, испытанный вящим стараньем,
Перерождается все ж, коль людская рука ежегодно
Зерен крупнейших опять не повыберет. Волею рока
Так ухудшается все и обратным несется движеньем,—
Точно гребец, что насилу челнок свой против теченья
Правит, но ежели вдруг его руки нежданно ослабнут,
Он уж стремительно вспять увлекаем встречным теченьем.

Следует, кроме того, нам также созвездье Арктура,
И восхожденье Козлят наблюдать, и яркого Змея,
Как морякам, плывущим домой по бурной пучине,
Понт проходя иль пролив Абидосский, где устриц обилье.
Лишь уравняют Весы для сна и для бдения время
И пополам небеса разделят меж светом и тенью,
В дело пускайте волов, хлебопашцы, ячмень засевайте
Вплоть до последних дождей сурового солнцеворота.
Тут же и мак Церерин, и лен засеянный надо
Слоем земли покрывать да налечь расторопней на плуги,
Почва пока не мокра и тучи пока лишь нависли.
Боб засевают весной; и тебя, мидийка, тогда же
Рыхлые борозды ждут. Что ни год, и о просе забота,
Чуть лишь Телец белоснежный своим позолоченным рогом
Год приоткроет, и Пес уступит звезде супротивной.
Если ж надумаешь ты под пшеницу иль грубую полбу
Землю готовить, стремясь получить от нее лишь колосья,
Раньше на западе пусть золотые зайдут Атлантиды,
Пусть и Кносский Венец, сияющий звездами, канет
Раньше, чем ты бороздам семена подходящие вверишь,
Года надежду спеша поручить неподатливой почве.
Многие сев начинают, когда не зашла еще Майя,—
Разочарует потом пустыми колосьями нива.
Если же вику начнешь засевать с кормовыми бобами
И не обделишь трудом пелузийскую ты чечевицу,
Ясные знаки тебе ниспосланы будут Боотом:
Тут надо сев начинать, продолжать до срединных морозов.

Вот для чего, свой круг разделив соразмерно на части,
Солнце сроки вершит, проходя сквозь двенадцать созвездий.
Пять поясов небеса охватили; под блещущим солнцем
Вечно пылает один, сжигается пламенем вечно.
Крайние пóяса два простираются справа и слева,—
Синие, эти во льду коченеют, в дождях беспросветных.
Пояса два, что идут между средним и крайними, боги

Смертным отдали в дар,— и их разделяет дорога,
Чтобы вращался по ней наклонных знаков порядок.
Возле Рифейских твердынь, близ Скифии, мир недоступно
Высится и под уклон понижается к Австрам Ливийским.
Встала вершина одна над нами навечно, другую
Видит у ног своих Стикс и маны в подземных глубинах.
Там, извиваясь рекой, выползает размером огромный
Змей и этак и так оплетает Арктов обоих,
Арктов, которым в волнах океанских страшно намокнуть.
Там,— как молва говорит,— глубокая ночь молчалива,
И под покровом ее темнота не редеет густая.
Здесь Аврора встает и день постепенно приводит,
И лишь задышат на нас, запыхавшись, кони Востока,
Там зажигает, багрян, вечерние светочи Веспер.
Так нам возможность дана предсказать по неверному небу
Смены погоды, и дни для жнитва́, и время для сева,
Сроки, когда ударять обманчивый веслами мрамор
Следует, в море когда выводить оснащенные флоты
Иль когда нам по лесам своевременно сваливать сосны.

Мы не напрасно следим, как заходят и всходят созвездья,
Как изменяются, в чем, четыре времени года.
Если холодным дождем задержан в дому земледелец,
Многое, с чем бы спешить пришлось под безоблачным небом,
Выполнить можно: тогда сошника отбивает оратай
Попритупившийся зуб; из дерева точат корыта,
Или же ставят тавро на скоте иль число на припасах,
Или же колья острят, куют двурогие вилы,
Или для вьющихся лоз жгуты америйские крутят.
Можно удобную плесть и утварь из красной лозины,
Жарить можно зерно на огне и размалывать камнем.
Да и по праздничным дням кое-что выполнять позволяют
Божий закон и людской. Ручьи очищать благочестье
Не запрещало, в полях огораживать тыном посевы,
Птицам силки расставлять, сжигать терновник колючий,
Блеющих стадо овец погружать в целебную реку.
Часто тогда селянин ленивца-осла погоняет,
Маслом его нагрузив и всяким добром огородным,
С рынка ж обратно везет для жернова камень и деготь.

Разные дни приводит луна, не все деревенским
Благоприятны трудам. Ты пятого — бойся: он бледный
Орк произвел и богинь Эвменид; Земля несказанно

Кея в тот день родила, Япета, Тифона и оных
Для сокрушенья небес вступивших в заговор братьев.
Трижды на Пелион выдрузить они Оссу пытались,
Трижды на Оссу взвалить Олимп многолиственный. Так-то!
Трижды перуном Отец разбросал взгроможденные горы.
Счастлив семнадцатый день для посадки лозы виноградной,
Для прирученья быков, прибавления к ткацкой основе
Нитей. Девятый хорош для побега, ворам же враждебен.

Многое лучше всегда совершается ночью прохладной
Или когда на заре росится земля под Денницей.
Ночью пустую стерню и ночью же луг пересохший
Лучше косить,— по ночам достаточно влажности мягкой.
Вечером долгим иной, при светильнике, глаз не смыкая,
Время проводит зимой, ножом заостряя лучины.
Свой продолжительный труд облегчая тем временем песней,
Звонко бегущий челнок пропускает жена по основе
Иль на огне молодое вино сладковатое варит,
С жидкости пену листком снимая в клокочущем чане.
Скашивать следует в зной золотые Церерины нивы.
В самую надо жару вымолачивать спелые зерна.
Голый паши, сей голый,— зима поневоле досужна.
Большею частью зимой земледельцы живут урожаем
И, веселясь, меж собой учиняют совместно пирушки.
Гения время, зима, предлагает забыть о заботах.
Так происходит, когда прибывает груженое судно
В порт и корму моряки украшают в веселье цветами.
Время, однако, сбирать в ту пору и желуди с дуба,
Ягоды лавров, маслин, шелковицу с пурпуровым соком.
Ставить пора и силки журавлям, тенёта оленям,
Зайцев ушастых травить, поражать каменьями ланей,
Ловко пеньковый ремень пращи балеарской вращая,—
Снег в это время глубок и лед на реках громоздится.

Что об осенних теперь непогодах скажу и созвездьях,—
Как поубавится день и зной на исходе, что должен
Не упустить селянин? Иль на спаде весны дожденосной,
Если поля колосятся уже и молочные зерна
На молодых стебельках, что ни день, наливаются дружно.
Часто, когда земледел жнецов выводил уже в поле
Зрелое и уж срезáл колосья с ломких соломин,
Видывал я: как в бою, все сразу, ветры сшибались,
С корнем посев, отягченный зерном, из земли вырывая,

Вверх и вширь его разнося,— так черные вихри
Носят колосья зимой пустые с летучей соломой.
Часто движется вод огромное пó небу войско,
Страшные бури свои собирают с дождем беспросветным
Тучи, в выси накопясь, и вдруг низвергаются с неба
Ливнем таким, что богатый посев, всю работу воловью
Смоет,— канавы полны, пересохшие за лето реки
Ширятся шумно, кипит пучиной вздыхающей море.
Сам же Отец посреди этой облачной ночи десницей
Мечет перуны свои, громада земли содроганьем
Потрясена; убегает зверье, а души людские
Наземь простер унизительный страх. Громовые стрелы
Разом Родопу, Афон и Керавнии пламенной горы
С неба разят — и стремителен Австр, и дождь непроглядеп,
Волн прибой, — и берег морской, и дубравы стенают.
Этого бойся, следи за месячным ходом созвездий,
Знай, отходит куда Сатурна звезда ледяная
И по каким из кругов вращается пламень Килленца.
Прежде всего — богов почитай, годичные жертвы
В злачных лугах приноси богине, великой Церере,
Тотчас, едва лишь зима отойдет, уже ясной весною.
Жирен в ту пору баран и вина особенно мягки,
Легкий сладостен сон и тенисты нагорные рощи.
Сельская вся молодежь да творит поклоненье богине.
С перебродившим вином молока замешай ты и меду,
Трижды пускай зеленя обойдет благосклонная жертва,
Хор и товарищи пусть ее с торжеством провожают.
Криком Церéру в свой дом пускай призывают, и раньше
Пусть никто своим острым серпом не коснется колосьев,
Чем, поначалу листвой виски увенчавши дубовой,
Пляской Цереру почтит неискуспой и песней священной.

А чтоб узнать мы могли заране по признакам верным,
Будет ли зной, или дождь, или ветры, несущие холод,
Сам повелел нам Отец доверять Луны предсказаньям,
Знать наперед, под созвездьем каким обрушатся Австры,
Чтобы скотину держал селянин недалеко от хлева:
Ветер подует едва, и тотчас пучина морская
Пухнуть, волнуясь, начнет; по высоким горам раздается
Треск сухой, и ему берега зашумевшие вторят
Гулом широким своим, и рощ учащается шорох.
Море тогда не щадит крутобоких судов, в это время
Быстрые мчатся нырки, из просторов спасаясь открытых,

К берегу с криком спешат, меж тем как морские лысухи
Рады на суше играть, и, родные покинув болота,
Выше самих облаков летит голенастая цапля.
Часто, лишь ветер задул, увидишь, как падают с неба
Звезды стремглав, а от них, темноту прорезая ночную,
Пламенный тянется путь и, длинный, во мраке белеет.
То облетающий лист, иль легкая вьется солома,
Или плывет перо, резвясь на поверхности водной.
Если ж оттуда гроза, где Борей свирепствует, если
Дом Зефира гремит или Эвра, то бухнут канавы,
Сплошь всплывают поля, корабельщик спешит среди моря
Мокрые снять паруса. Никогда неожиданно ливень
Не навредит: как ему разразиться, к долинам глубоким
Воздуха житель, журавль, поспешает; корова на небо
Смотрит и воздух в себя ноздрями раздутыми тянет.
Или же звонкая вкруг озерков облетает касатка,
Или же в тине начнут свою вечную жалобу лягвы.
Часто из тайных хором муравей выносит яички,
Узенький путь протирая себе, и огромная воду
Радуга пьет; то, снявшись с полей и в стаю собравшись,
Скопищем крыльев густым расшумится воронов войско,
Разных птиц морских наблюдай, и тех азиатских,
Любящих рыться в траве у заводей пресных Каистра,—
Ревностно плечи себе поливают обильною влагой,
То устремятся в волну головой, то в воду сбегают
И веселятся, плещась и напрасно стараясь намокнуть.
Полным голосом дождь зловещая кличет ворона
И по сухому песку одна-одинешенька бродит.
Знают и девушки, ночь коротая за пряжей урочной,
Что непогода грозит, когда замигает светильня
В глиняном их черепке и грибами нагар нарастает.

В самый, однако же, дождь мы солнце и ясное небо
Можем предвидеть — на то свои существуют приметы.
Так, в это время у звезд не бывает блистание тусклым,
И восходящей луне не нужно братнина света.
Тонкие в небе тогда не тянутся шерсти волокна,
Не раскрывают тогда, Фетиды любимицы, чайки
Крыльев своих у воды, на солнышке; грязные свиньи
Сена не станут трепать и вверх подбрасывать рылом.
Но до низин облака ниспадают, над полем ложатся.
Солнца в то время закат наблюдая с высокого места,
Тщетно выводит сова безнадежную позднюю песню.

Вот появляется Нис высоко в лазури, и Сцилла
Новые муки опять из-за волоса красного терпит.
Где б она, легким крылом разрезая эфир, ни спасалась,
Страшный, неистовый враг, проносясь по воздуху с шумом,
Сциллу преследует Нис; где же Нис по воздуху мчится,
Быстро там легкий эфир рассекает крылом своим Сцилла.
Вдруг три раза подряд, а то и четыре, гортанным
Голосом каркать начнут по своим высоким хоромам
Вороны, развеселясь необычно, в каком-то восторге
Между собою в листве зашумят: по прошествии ливней
Сладостно юный приплод и милые гнезда увидеть!
Впрочем, не верю я в то, чтобы им был свыше дарован
Некий особенный дар заранее предвидеть событья.
Но лишь погода, а с ней и небес подвижная влага
Новой дорогой пойдут, и Австрами влажный Юпитер
Редкое поуплотнит и плотное сделает редким,
Сразу меняется душ настроенье, чувства иные
Нежели в дни, когда проносились пó небу тучи,
Полнят грудь,— оттого на полях и пернатых концерты,
И ликование стад, и гортанные воронов клики.

Если ты будешь следить за солнечным зноем и сменой
Лун, чередой проходящих, тебя никогда не обманет
Завтрашний день, не введут в заблужденье прозрачные ночи.
Если, когда, народясь, луна пламенеть начинает,
Тусклым серпом ее круг в пространстве черном охвачен,—
Ливня великого ждать тогда земледельцам и морю.
Если же лик свой зальет румянцем девическим, будет
Ветер — при ветре всегда золотая краснеет Селена.
Коль по четвертому дню (одно из вернейших гаданий)
Чистая небом идет и ее не притуплены рожки,
В этот, стало быть, день и в те, что за ним народятся,
Месяц весь до конца ни дождя не случится, ни ветра.
Спасшись, тогда моряки воздадут вам на суше хваленья,
Чадо Инó Меликерт, Панопея и Главк-беотиец!
Солнце восходом своим, а равно погружением в море
Знаки подаст — и они всех прочих надежнее знаков,—
И поутру на заре, и когда зажигаются звезды.
Ежели солнечный круг при восходе покроется крапом,
Спрячется если во мглу и середка его омрачится,
Жди непременно дождей,— уже угрожает от моря
Нот, и деревьям твоим, и посевам, и стаду зловредный.
Если ж лучи на заре из туманов плотных прорвутся

В разные стороны вдруг иль если бледная ликом
Встанет Аврора, шафран покинув Тифонова ложа,—
Горе! Худо лоза защитит поспевшие гроздья,—
Так сокрушительно град по кровлям твоим загрохочет!
Вот что еще: лишь солнце начнет опускаться с Олимпа,
Будет полезно следить тем более; видим мы часто,
Как по нему самому разливаются разные краски:
Цвет лазоревый — дождь предвещает, огненный — Эвры.
Если же пятна начнут мешаться с огнем золотистым,
Всё — ты увидишь — тогда закипит одновременно ветром
И облаками; никто пусть ночью такой не предложит
В море отправиться мне, от кола отвязавши веревку!
Если же, день возвращая иль день возвращенный скрывая,
Будет сияющим круг, облаков опасаться не надо:
Лишь удалой Аквилон, как увидишь, леса закачает,
И, наконец: что Веспер сулит, откуда нагонит
Ветер пустых облаков, что в мыслях у влажного Австра,—
Солнце тебя обо всем известит. Кто солнце посмел бы
Лживым назвать? О глухих мятежах, о кознях незримых
Предупреждает оно, о тайком набухающих войнах.
В час, когда Цезарь угас, пожалело и солнце о Риме,
Лик лучезарный оно темнотой багровеющей скрыло.
Ночи навечной тогда устрашился мир нечестивый.
А между тем недаром земля, и равнина морская,
И зловещатели псы, и не вовремя вставшие птицы
Знаки давали. Не раз бросалась на нивы циклопов,
Горны разбив и кипя,— и это мы видели! — Этна,
Клубы катила огня и размякшие в пламени камни.
Частый оружия звон Германия слышала в небе.
К землетрясеньям дотоль непривычные, вдруг содрогнулись
Альпы, в безмолвье лесов раздавался откуда-то голос
Грозный, являться порой таинственно-бледные стали
Призраки в темную ночь, и животные возговорили.
Дивно промолвить! Земля поразверзлась, реки недвижны.
В храмах слоновая кость прослезилась и бронза вспотела.
Залил леса и понес на своем хребте сумасшедшем
Царь всех рек Эридан, и стада, и отары с хлевами
Он по полям за собой потащил. Постоянно в то время
На требухе не к добру проступали зловещие жилы,
Алая кровь то и дело текла из фонтанов, и волчий
Вой по ночам долетал до стен городских на высотах.
Не упадало вовек с небес безоблачных столько
Молний, и столько комет никогда не пылало зловещих.

Как друг на друга идут и сражаются, равны оружьем,
Воинов римских ряды, узрели вторично Филиппы.
Не устыдились, увы, всевышние нашею кровью
Дважды Гема поля и Гематии долы удобрить.
Истинно время придет, когда в тех дальних пределах
Согнутым плугом своим борозду прорезающий пахарь
Дротики в почве найдет, изъязвленные ржою шершавой;
Тяжкой мотыгой своей наткнется на шлемы пустые
И богатырским костям подивится в могиле разрытой.
Боги родимой земли! Индигеты, Ромул, мать Веста!
Вы, что тусский Тибр с Палатином римским храните!
Юноше ныне тому одолеть злоключения века
Не возбраняйте! Давно и довольно нашею кровью
Мы омываем пятно той Лаомедонтовой Трои.
Приревновали тебя давно уже неба чертоги,
Цезарь, жалеют они, что триумфы справляешь земные.
Правда с кривдою здесь смешались, всё войны по свету...
Как же обличья злодейств разнородны! Нет уже плугу
Должной чести. Поля засыхают с уходом хозяев
Прежних; и серп кривой на меч прямой перекован.
Там затевает Евфрат, а там Германия брани:
Здесь, договоры порвав, города-соседи враждуют
Непримиримо, и Марс во всем свирепствует мире.
Так происходит, когда, из темниц вырываясь, квадриги
Бега не в силах сдержать и натянуты тщетно поводья;
Кони возницу несут и вожжей не чувствуют в беге.

КНИГА ВТОРАЯ

О хлебопашестве я рассказал и созвездьях небесных.
Ныне тебя воспою, о Вакх, воспою и деревья
Дикие ле́са, и плод неспешно растущей маслины.
К нам, о родитель Леней! Кругом твоими дарами
Полнится все, для тебя созревшими гроздьями поле
Отягчено, и пенится сбор виноградный в точилах.
К нам, о родитель Леней, приди и вместе со мною
Суслом новым окрась себе голени, скинув котурны!

Прежде всего, дерева создает различно природа.
Много таких, что совсем человеческой воли не знали,
Сами собою растут, по полям широко рассеваясь
Иль по извилинам рек: ветла мягколистная, тополь,
Гибкий дрок и с листвою седой серебристая ива.
Часть же деревьев растет, коль посажено семя: каштаны
Стройные, выше всех рощ Юпитеров с пышною кроной
Эскул, также и дуб, что у греков оракулом признан.
Целый лес прегустой иные от корня пускают:
Вишня иль вяз, например; сам лавр парнасский — он тоже,
Маленький, тянется вверх, осенен материнскою тенью.
Так природой самой устроено, чтоб зеленели
Всякого рода леса, и кусты, и священные рощи.
Есть и другие пути, добытые опытом долгим.
Этот, срезав побег с материнского нежного тела,
Сунет его в борозду; тот вроет пенек или всадит
Колышек с острым концом; расщепленную накрест, сажают
Ветку, а иногда сгибают податливый отпрыск
Аркой и садят его отводкой в родимую землю.
Вовсе не надо корней для иных, и смело садовник

Той же земле черенок, с макушки срезав, вверяет.
Даже, коль ствол обрубить, и то — непостижное дело! —
Корень маслины опять из засохшего дерева лезет.
Видели мы: дерева без ущерба сменяют чужими
Ветви свои, и глядишь — привитые зреют на груше
Яблоки, сливы меж тем каменистым кизилом алеют.
Так изучайте ж, когда и какие потребны приемы,
О земледельцы! Плодов смягчайте грубость уходом.
Земли пускай не лежат без дела: с Вакхом полезно
Исмар сдружить, а Табурн одеть обширный в маслины.

Будь же со мной и моей начатой сопутствуй работе,
О украшенье, о часть моей величайшая славы,
Ты, Меценат! Полети с парусами в открытое море!
Нет, я все охватить не стремлюсь моими стихами,
Нет, если даже я сто языков, сто уст возымел бы,
Голос железный. Скользи полосою прибрежною рядом,
Не отходя от земли. Тебя поэтической басней
Не задержу, ни двусмыслием слов, ни приступом долгим.

Те дерева, что привольно взросли на свету и просторе,
Хоть и бесплодны, зато возвышаются бодры и крепки,
Мощь им почва дает. Но если б такие деревья
Кто-нибудь стал прививать и доверил их вырытым ямам,
Дикость пропала б у них и, чуя уход постоянный,
Стали послушно б они подчиняться любому искусству.
То же и с хилым ростком, взошедшим у самого корня,
Будет, коль всю рассадить по пространству широкому поросль.
Здесь же глубокую тень материнские ветви бросают,
Здесь не даст он плода, для завязей соков не хватит.
Ежели, знай, принялось от семени дерево, будет
Медленен рост его, тень оно даст лишь далеким потомкам.
Будет и плод вырождаться, забыв о сочности прежней,
Будут и гроздья хиреть, незавидная птицам добыча.
Стало быть, надобно труд прилагать к любому растенью,
И к бороздам приучать, и ходить за каждым прилежно.
Все же маслину от пня разводить, лозу же отводкой
Лучше, пафосский же мирт от крепкой желательно ветки.
Лучше с корнями сажать орех крепкоствольный, и ясень
Мощный, и с пышным венцом громадное древо Геракла.
Так же и дуб Отца Хаонийского; стройная пальма
Так же родится, и ель,— для грядущих кораблекрушений!
Почку привить миндаля к земляничному дереву можно.

Яблоки сочные вдруг на бесплодном зреют платане,
Бук — каштаны дает; на ясене диком белеет
Грушевый цвет, и свинья под вязом желуди топчет.
Способ же есть не один прививки отводов и почек:
Можно в толще коры, в том месте, где почки выходят
И уже тонкую ткань прорывают, надрез неширокий
Сделать в самом узле и дерева чуждого отпрыск
В щелку вставить, уча с корой постепенно срастаться.
Или ж стволы без сучков надсекают и клином глубоко
В толщу проводят пути; потом черенок плодоносный
Вводят в надрез, и пройдет лишь малость времени — мощно
Тянет уже к небесам благодатное дерево ветви,
Юной дивится листве и плодам на себе чужеродным.
Помни при этом, что вид не один существует могучих
Вязов, лотосов, ив иль идейских дерев, кипарисов.
Также и жирных маслин имеются разные виды:
Круглые, длинные есть и горькие — эти для масла.
Те же в плодовых садах Алкиноя известны различья
Груш крустумийских, и груш сирийских, и грузных волемов.
Гроздья с деревьев у нас иные свисают, чем гроздья,
Что с метимнейской лозы собирает по осени Лесбос;
Фасский есть виноград и белый мареотидский,—
Первому лучше земля пожирней, второму — полегче;
Псифия — лучший изюм для вина, а ла́геос — этот
Пьется легко, но свяжет язык и в ноги ударит.
Как не прославить мне вас, скороспелый, и красный, и ре́тик?
Все-таки спора о них не веди с погребами Фалерна.
Есть аминейский — дает он самые стойкие вина;
Тмол уступает ему и царь винограда — фанейский.
Мелкий аргосский еще,— ни один у него не оспорит
Ни многосочья его, ни способности выстоять годы.
Нежный родосский, приличный богам и второй перемене,
Не обойду и тебя, ни тебя, бумаст полногроздый!
Но чтобы все их сорта перечислить и все их названья,
Цифр не хватит, да их и подсчитывать незачем вовсе,
Ибо число их узнать — все равно, что песок по песчинкам
Счесть, который Зефир подымает в пустыне Ливийской,
Иль, когда Эвр на суда налегает, узнать попытаться,
Сколько о берег крутой разбивается волн ионийских.

Зе́мли же производить не всякие всякое могут:
Ивы растут по рекам, по болотам илистым ольхи.
На каменистых горах разрастается ясень бесплодный,

Благоприятно для мирт побережье, открытые солнцу
Любит холмы виноград, а тис — Аквилонову стужу.
Ты посмотри, как в дальних краях земледел покоряет
Мир,— на арабов взгляни, на гелонов с расписанным телом.
Родина есть у дерев. Эбен лишь Индия знает,
Ветви, которые жгут в курильницах,— только сабеи.
Упоминать ли еще о бальзамных деревьях, точащих
Смолы, иль о плодах зеленого вечно аканфа?
О эфиопских лесах, белеющих мягкою шерстью?
Иль как серийцы с листвы собирают тончайшую пряжу?
Что о лесах я скажу, где крайний предел Океана,
В Индии, где никогда, взлетев, вершины древесной
Не достигала стрела, откуда б ее ни пустили?
Люди, однако же, там ловки, как схватят колчаны!
Мидия горький сок доставляет с устойчивым вкусом,—
Плод благодатный, и нет действительней помощи телу,
Ежели чашу с питьем отравят мачехи злые,
Всяческих трав намешав и к ним заклинаний добавив
Пагубных,— лучше ничем не выгонишь злостного яда.
Дерево то велико и очень походит на лавры.
Если б широко вокруг иной оно запах не лило,
Счел бы за лавр; листвы никогда не сорвет с него ветер;
Цвет его крепко сидит. Устраняют тем соком мидяне
Запах из уст и еще — стариковскую лечат одышку.

Но ни мидийцев земля, что всех богаче лесами,
Ни в красоте своей Ганг, ни Герм, от золота мутный,
Все же с Италией пусть не спорят; ни Бактрия с Индом,
Ни на песчаных степях приносящая ладан Панхайя.
Пусть не вспахали быки, огонь выдыхая ноздрями,
Эти места, и зубов тут не сеяно Гидры свирепой,
Дроты и копья мужей не всходили тут частою нивой,—
Но, наливаясь, хлеба и Вакха массийская влага
Здесь изобильны, в полях и маслины, и скот в преизбытке.
Здесь и воинственный конь выходит на́ поле гордо.
Белы твои, о Клитумн, стада, постоянно омыты
Влагой священной твоей, а бык, драгоценная жертва,
Римским триумфам не раз до божьих сопутствовал храмов.
Здесь неизменно весна и лето во время любое,
Дважды приплод у отар, и дважды плоды на деревьях.
Хищных тигров тут нет, ни львиного злого потомства,
Здесь собирателей трав аконит не обманет злосчастных,
Нет и чешуйчатых змей, огромные кольца влачащих

И, проползая тайком, вращающих тело спиралью.
Столько отменных прибавь городов и труд созиданья,
Столько по скалам крутым твердынь, людьми возведенных,
Столько под скалами рек, обтекающих древние стены!
Море напомню ли, к ней подступившее справа и слева?
Множество разных озер; напомню ли Ларий обширный
Или тебя, о Бенак, как море, вздымающий волны?
Упомяну ли еще о портах и молах Лукрина
Или о море, что, вдаль плотиной отогнано мощной,
В негодованье шумит и у гавани Юлия ропщет,
А закипевший Тиррен вливается в воды Аверна?
Не у нее ли ручьи серебра и залежи меди
В недрах, течет не она ль изобильно золотом чистым?
Крепких она и мужей, сабинских потомков и марсов,
И лигурийцев, трудом закаленных, и с копьями вольсков
Родина, Дециев всех и Мариев, сильных Камиллов,
И Сципионов, столпов войны, и твоя, достославный
Цезарь, который теперь победительно в Азии дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь отвращает.
Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаев!
Мать и мужей! Для тебя в искусство славное древних
Ныне вхожу, приоткрыть святые пытаясь истоки.
В римских петь городах я буду аскрейскую песню.
Свойства земли изложу,— какое в какой плодородье,
Цвет опишу, и к чему различные почвы пригодней.

Первым делом: земля неудобная, горки скупые,
Где и суглинок залег, и камни на поле кустистом,—
Те для Палладиных рощ хороши, для живучей маслины.
Признак тому, что растет маслина и дикая там же
И покрывает своей опадающей ягодой землю.
Если же почва жирна и смягчающей влагой богата,
Если на почве сырой трава вырастает обильно,
Как наблюдаем подчас среди гор в углубленной долине,
Ибо туда от высот скалистых льются потоки,
Ил благотворный неся; если поле открыто на Австры,
Ежели папоротник питает, плугам ненавистный,—
Значит, с годами оно тебе вырастит мощные лозы.
Много получишь вина; принесут в изобилии гроздья
Сок, который потом золотой возливаем мы чашей,—
Жирный тирренец меж тем на кости слоновой играет
У алтаря, и несут на блюдах дымящийся потрох.
Если же крупный скот и телят разводить ты захочешь,

Или ягнят, или коз, грозу насаждений, то лучше
Перебирайся в леса, подальше, к равнинам Тарента
Злачным, как те, что теперь утрачены Мантуей бедной,
Где в камышах на реке лебединые плещутся стаи.
Много там чистых ручьев, и пастбищ для стада достанет.
Сколько за день травы скотина твоя нащипала,
Столько в недолгую ночь возместят прохладные росы.
Черного цвета земля жирна и плугу послушна,
Рыхлая (этого мы достигаем, ее обработав),
Лучше всего для хлебов; не видали, чтоб с поля иного
Столько к дому возов на неспешных волах возвращалось.
Ежели где-нибудь лес сведет в нетерпении пахарь,
Рощи, что столько годов бесполезными были, повалит,
Ежели древние он с корнями вырвет жилища
Птиц и те в высоту устремятся, гнезда покинув,
Новая эта земля заблещет под тяжестью плуга!
А худосочный песок с камнями, на поле наклонном,
Разве лишь пчел угостит розмарином да скромной лавандой.
Пористый туф, говорят, и хелидрой изъеденный черной
Мел,— обиталище змей, никакая им местность иная
Пищи приятней не даст и подземных удобней извилин.
Почва, с которой туман испаряется дымкой летучей,
Та, что, влагу, испив, с охотой обратно выводит
И постоянно, весь год, зеленеет свежей травою
И не язвит сошника солонистою едкою порчей,—
Вязы тебе оплетет благородной лозой виноградной,
Много маслин принесет — увидишь по опыту,— эта
И хороша для скота, и выгнутый лемех приемлет.
Пашет такие поля богатая Капуя, берег
Возле Везувия, где немилостив Кланий к Ацеррам.
Ныне скажу, как узнать любую почву ты сможешь.
Почва рыхла иль чрезмерно плотна, сначала исследуй,
Ибо одна для хлебов подходяща, другая — для Вакха;
Та, что плотней, Церере мила, полегче — Лиэю.
Высмотришь место сперва, потом прикажешь глубокий
Вырыть колодезь и весь засыпать доверху снова
Той же землей, и ее притопчешь крепко ногами.
Если не хватит земли,— легка, скотине и лозам
Больше подходит она; откажется ж если вместиться,
Ежели выше краев над полной подымется ямой,—
Почва плотна; упористых глыб, тяжелых и жирных,
Жди и землю взрезай на волах молодых и могучих.
Почва соленая есть, ее называем мы «горькой»,

Хлеб не родится на ней, ибо вспашка ее не смягчает.
Не сбережет ни качеств лозы, ни названья плодовых.
Вот как ее распознать: плетенья тугого корзину
Или от жома достань цедилку с задымленной кровли,
Землю соленую в них родниковой пресной водою
Ты замешай, и вода с трудом просочится оттуда,
Вскоре, как быть и должно, закапают крупные капли.
Вкус указание даст очевидное, привкусом горьким
Жалостно рот искривив любого, кто пробовать станет.
Почву жирную мы, наконец, и таким отличаем
Способом: если в руках ее мять, не становится пылью,
Но наподобье смолы прилипает, клейкая, к пальцам.
Влажная почва растит высоченные стебли — чрезмерно,
Значит, богата она. Земли́ нам столь пышной не надо,—
Пусть такая земля не вредит неокрепшим колосьям.
Тяжесть и легкость свою безмолвно земля обнаружит
Весом; легко и на глаз угадать, черноземна ли почва
Или же нет. А мороз окаянный предвидеть заране —
Трудно: ели одни да еще вредоносные тисы
Могут нам дать иногда указанья да плющ темнолистый.
Все во вниманье приняв, позаботься землю пораньше
Выжечь рядами канав изре́зать покатые склоны;
Глыбы земли отвалив, Аквилону их надо подставить,
Раньше чем станешь сажать благодатные лозы. Всех лучше —
С рыхлою почвой поля; на пользу им изморозь, ветер
И здоровяк земледел, перепахивать землю охочий.

Те из хозяев, кому не чужда никакая забота,
Место сначала найдут подходящее и заготовят
Саженцы, после же их по порядку рассаживать будут,
Чтоб не узнали они, что мать у детей подменили.
Боле того, на коре отмечают и сторону света,
Чтобы стояли они, как прежде, бок подставляя
Австру со зноем его или к северу тыл обращали:
Надобно всё сохранить — так прежние важны привычки.
Раньше узнай, где лозы сажать, по склонам ли горным
Иль на равнине. Разбив на участки тучное поле,—
Тесно сажай: в тесноте не ленивей лоза плодоносит.
Если ж на склоне горы у тебя расположен участок,
Можешь ряды выверять не так уже строго, но все же
Свой виноградник сперва поровнее разбей на квадраты.
Так на войне легион, растянувшись, строит когорты,
И на открытой стоит равнине пешее войско,

В строгих и ровных рядах, и широкое зыблется поле
Медью горящей, но бой пока не завязан, и бродит
Марс между вражеских войск, еще не принявший решенья.
Все пусть равным числом дорожек измерено будет
Не для того, чтобы вид утешал лишь праздную прихоть,
Но потому, что земля не даст иначе всем равной
Силы, и отпрыски лоз протянуться не смогут в пространство.
Может быть, как глубоко сажаются лозы, ты спросишь?
Я бы решился лозу борозде неглубокой доверить.
Глубже намного сажать деревья следует в землю,
Эскул прежде всего, который настолько вершиной
Тянется в ясный эфир, насколько в Тартар корнями.
И никогда-то его ни стужи, ни ветры, ни ливни
Не сокрушат,— стоит недвижим; он много потомков
И поколений навек проводил, победив долголетьем.
Вширь туда и сюда простерев могучие ветви,
Сам над собой на руках он огромную тень свою держит.
Так же пускай на закат у тебя не глядит виноградник.
Да не сажай между лоз ореха; верхних побегов
Не обрывай, черенков у деревьев не сламывай сверху,—
Дерево дружно с землей. Ножом притупившимся бойся
Ранить росток. Не сажай между лозами дикой маслины:
Неосторожный пастух нередко искру роняет —
И потаенный огонь, под жирною скрытый корою,
Ствол забирает, потом, в листву перекинувшись, громкий
Треск в высоте издает и, набег по ветвям продолжая,
Победоносный, уже над вершинной листвой торжествует.
Рощу он пламенем всю охватил, над нею вздымает
Черную к небу, клубясь смолянистою копотью, тучу —
А особливо, когда на деревья вдобавок нагрянет
Буря, и ветер, несясь, перекидывать станет пожары.
Лозы хиреют тогда с корневищем своим сокрушенным
И не подымутся вновь, зеленея роскошной листвою.
Выжить одной лишь дано горьколистной меж ними маслине.

Пусть не внушает тебе какой-нибудь умный советчик,
Чтобы ты землю копал под холодным дыханьем Борея.
Почву зима леденит и сжимает, корням при посадке,
Слипшимся между собой, в глубину проникать не давая.
Лучше сажать виноград, лишь только весною румяной
Белая птица к нам прилетит, ненавистная змеям,
Иль как придут холода, но пока еще знойное солнце
Не донеслось на конях до зимы, а уж лето проходит.

Благоприятна весна и лесам, и рощам кудрявым,
Земли взбухают весной и просят семян детородных,
Тут всемогущий Отец Эфир, изобильный дождями,
Недро супруги своей осчастливив любовью, великий,
С телом великим ее сопряжен, все живое питает.
Чащи глухие лесов звенят голосами пернатых;
Снова в положенный срок Венеру чувствует стадо;
Нива родит и растит. С дыханием теплым Зефира
Лоно раскрыли поля. Избыточна нежная влага.
Новому солнцу ростки уже не страшатся спокойно
Ввериться, и виноград не боится, что Австры задуют
Или что с неба нашлют Аквилоны могучие ливень.
Гонит он почки свои, всю сразу листву распуская.

Быть лишь такими могли недавно возникшего мира
Дни, не могло быть иной, столь устойчивой ясной погоды.
Верится мне, что была лишь весна, весну неизменно
Праздновал мир, и весь год лишь кроткие веяли Эвры
Вплоть до поры, когда свет увидела тварь и железный
Род людской из земли впервые голову поднял,
Хищные звери в лесах показались и звезды на небе.
И не могли бы стерпеть испытаний подобных растенья,
Если б такой перерыв между зноем и стужей — покоя
Не приносил, и земля не знала бы милости неба.

Вот что еще: какие б кусты на полях ни сажал ты,
Больше навоза клади да прикрой хорошенько землею,
Пористых сверху камней наложи да немытых ракушек, —
Воды меж них протекут и воздушные струйки проникнут.
Лучше тогда насажденья взойдут. Иной из хозяев
Груду навалит камней, а иной тяжелой плитою
Землю придавит, ища от стремительных ливней защиты,
Также от знойного Пса, калящего яростно почву.
Порассадив черенки, окучивать надобно лозы,
Чаще у самых корней мотыгой взмахивать крепкой
Иль, налегая на плуг, разрыхлять между лозами землю,
А иногда и упорных волов проводить в междурядьях.
Тут припаси камыши, из ободранных веток подпорки;
Колышков вязовых впрок наготовь и рогаток-двурожек,
Чтоб, опираясь на них, научились выдерживать лозы
Ветра налеты и вверх по лесенке сучьев взбирались.
Нежной покамест листвой зеленеет младенческий возраст,
Юную надо щадить. Пока жизнерадостно к небу

Веточки тянет она и, свободная, в воздух стремится,
Листьев касаться серпом не следует острым, а нужно
Только рукой обрывать,— однако же часть оставляя.
А как начнут обнимать, понемногу окрепнув корнями,
Вязы, срезай им излишек волос, укорачивай руки.
Раньше им боязен серп, теперь же властью суровой
Смело воздействуй на них и сдерживай рост их чрезмерный.
Надо ограду сплести, не пускать в виноградник скотину,
Зелень пока молода и бедствий еще не знавала.
Лозам, кроме зимы непогожей и жгучего лета,
Тур лесной и коза, охочая к ним особливо,
Пагубны; часто овца и корова их жадная щиплет.
Даже от холода зим в оковах белых мороза
Или от летней жары, гнетущей голые скалы,
Меньше беды, чем от стад, что зубом своим ядовитым
Шрам оставляют на них — прокушенных стволиков метку.
Козья вина такова, что у всех алтарей убивают
Вакху козла и ведут на просцении древние игры.
Вот почему в старину порешили внуки Тесея
Сельским талантам вручать награды,— с тех пор они стали
Пить, веселиться в лугах, на мехе намасленном прыгать.
У авзонийских селян — троянских выходцев — тоже
Игры ведут, с неискусным стихом и несдержанным смехом,
Страшные хари надев из долбленой коры, призывают,
Вакх, тебя и поют, подвесив к ветви сосновой
Изображенья твои, чтобы их покачивал ветер.
После того изобильно лоза, возмужав, плодоносит.
В лоне глубоких долин — виноград и в рощах нагорных,
Всюду, куда божество обратило свой лик величавый.
Будем же Вакху почет и мы воздавать по обряду
Песнями наших отцов, подносить плоды и печенье.
Пусть приведенный за рог козел предстанет священный,
Потрох будем потом на ореховом вертеле жарить.

При разведении лоз и другой немало заботы;
Не исчерпаешь ее! В винограднике следует землю
Трижды-четырежды в год разрыхлять и комья мотыгой,
Зубьями книзу, дробить постоянно; кусты от излишней
Освобождать листвы. По кругу идет земледельца
Труд, вращается год по своим же следам прошлогодним.
В дни, когда виноград потерял уже поздние листья
И украшенье лесов снесено Аквилоном холодным,
Дельный заботы свои уж на будущий год простирает

Сельский хозяин: кривым сатурновым зубом останки
Он дочищает лозы, стрижет и подрезкой образит.
Первым землю копай; свози и сжигай, что обрезал,
Первым, и первым спеши запасти подпорки и колья.
Самым последним сбирай. Два раза лозу затеняют
Листья, два раза трава грозит заглушить насажденья.
С этим борьба не легка. Восхваляй обширные земли,—
Над небольшою трудись. Чтобы лозы подвязывать, надо
Веток терновых в лесу понарезать, набрать очерету
По берегам, не забыть при этом и вербу простую.
Вот привязали лозу, вот серп от листвы отдыхает,
И виноградарь поет, дойдя до последнего ряда.
Все ж надо землю еще шевелить, в порошок превращая,
И хоть созрел виноград, Юпитера все же страшиться.

Наоборот, для маслин обработки не надо, маслины
Не ожидают серпа, не требуют цепкой мотыги.
Лишь укрепятся в земле и ко всяким ветрам приобыкнут,
Выделит почва сама, коль вскрыть ее загнутым зубом,
Влаги им вдоволь. Вспаши — и обильные даст урожаи.
Стоит трудиться над ней, многоплодной оливою мира!
Что до плодовых дерев, то, ствол почувствовав крепким,
В силу войдя, они сами собой подымаются быстро,
К небу стремясь,— никакой им помощи нашей не надо.
Да и в лесу дерева изобилуют плодоношеньем,
Каждый пернатых приют краснеет от ягод кровавых.
Щиплет скотина китис. На хвойных смолу добывают,
Ею ночные огни питаются, свет разливая.
Так сомневаться ль еще в благородном труде плодоводства?

Но о больших деревах не довольно ли? Ветлы и дроки
Скромные корм скоту и тень пастухам доставляют,
Эти идут на плетни, те сок накопляют для меда.
Видеть отрадно Китóр, волнуемый рощами буксов,
Нарика бор смоляной; просторы нам видеть отрадно,
Что не знавали мотыг, никаких забот человека.
Хоть не приносят плодов нагорные пущи Кавказа,
Где их неистовый Эвр и треплет, и, вырвав, уносит,
Разного много дают: немало полезного леса,
Для мореходов — сосну, для стройки — кедр с кипарисом,
Спицы обычных колес и круги для сельских повозок.
Рубят из тех же дерев кузова кораблей крутобоких.
Вязы богаты листвой, а прутьями гибкими — ветлы;

Древки мирта дает и кизил, с оружием дружный.
Тисы гнут, чтобы их превращать в итурейские луки;
Легкая липа и букс, на станке обработаны, форму
Могут любую принять,— их острым долбят железом.
Легкая также ольха по бушующим плавает водам,
Спущена в Пад; рои скрывают пчелы по дуплам
Иль в пустоте под корой загнившего дерева прячут.
Что же нам Вакха дары принесли, чтобы тем же их вспомнить?
Вакх и причиной бывал преступлений различных: он смертью
Буйных кентавров смирил — и Рета, и Фола; тогда же
Пал и Гилей, что лапифам грозил кратéром огромным.

Трижды блаженны — когда б они счастье свое сознавали! —
Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
Им справедливо земля доставляет нетрудную пищу.
Пусть из кичливых сеней высокого дома не хлынет
К ним в покои волна желателей доброго утра,
И не дивятся они дверям в черепаховых вставках,
Золотом тканных одежд, эфирейской бронзы не жаждут;
Пусть их белая шерсть ассирийским не крашена ядом,
Пусть не портят они оливковых масел корицей,—
Верен зато их покой, их жизнь простая надежна.
Всем-то богата она! У них и досуг и приволье,
Гроты, озер полнота и прохлада Темпейской долины,
В поле мычанье коров, под деревьями сладкая дрема,—
Все это есть. Там и рощи в горах, и логи со зверем;
Трудолюбивая там молодежь, довольная малым;
Вера в богов и к отцам уваженье. Меж них Справедливость,
Прочь с земли уходя, оставила след свой последний.

Но для себя я о главном прошу: пусть милые Музы,
Коим священно служу, великой исполнен любовью,
Примут меня и пути мне покажут небесных созвездий,
Муку луны изъяснят и всякие солнца затменья.
Землетрясенья отколь; отчего вздымается море,
После ж, плотины прорвав и назад отступив, опадает;
И в океан почему погрузиться торопится солнце
Зимнее; что для ночей замедленных встало препоной.
Пусть этих разных сторон природы ныне коснуться
Мне воспрепятствует кровь, уже мое сердце не грея,—
Лишь бы и впредь любить мне поля, где льются потоки,
Да и прожить бы всю жизнь по-сельски, не зная о славе,
Там, где Сперхий, Тайгет, где лакедемонские девы

Вакха славят! О, кто б перенес меня к свежим долинам
Гема и приосенил ветвей пространною тенью!
Счастливы те, кто вещей познать сумели основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к моленьям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта.
Но осчастливлен и тот, кому сельские боги знакомы,—
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры.
Фасци — народная честь — и царский его не волнует
Пурпур, или раздор, друг на друга бросающий братьев;
Или же дак, что движется вниз, от союзника Истра;
Рима дела и падения царств его не тревожат.
Ни неимущих жалеть, ни завидовать счастью имущих
Здесь он не будет. Плоды собирает он, дар доброхотный
Нив и ветвей; он чужд законов железных; безумный
Форум ему незнаком, он архивов народных не видит.
Тот веслом шевелит ненадежное море, а этот
Меч обнажает в бою иль к царям проникает в чертоги.
Третий крушит города и дома их несчастные, лишь бы
Из драгоценности пить и спать на сарранском багрянце.
Прячет богатства иной, лежит на закопанном кладе;
Этот в восторге застыл перед рострами; этот пленился
Плеском скамей, где и плебс, и отцы, в изумленье разинул
Рот; приятно другим, облившись братскою кровью,
Милого дома порог сменить на глухое изгнанье,
Родины новой искать, где солнце иное сияет.
А земледелец вспахал кривым свою землю оралом,—
Вот и работы на год! Он родине этим опора,
Скромным пенатам своим, заслужённым волам и коровам.
Не отдохнешь, если год плодов еще не́ дал обильных,
Иль прибавленья скоту, иль снопов из Церериных злаков,
Не отягчил урожаем борозд и амбаров не ломит.

Скоро зима. По дворам сикионские ягоды давят.
Весело свиньи бредут от дубов. В лесу — земляничник.
Разные осень плоды роняет с ветвей. На высоких,
Солнцу открытых местах виноград припекается сладкий.
Милые льнут между тем к отцовским объятиям дети.
Дом целомудренно чист. Молоком нагруженное, туго
Вымя коровье. Козлы, на злачной сойдясь луговине,
Сытые, друг против друга стоят и рогами дерутся.
В праздничный день селянин отдыхает, в траве развалившись,—
Посередине костер, до краев наполняются чаши.

Он, возливая, тебя, о Леней, призывает. На вязе
Вешают тут же мишень, пастухи в нее дротики мечут.
Для деревенской борьбы обнажается грубое тело.
Древние жизнью такой сабиняне жили когда-то,
Так же с братом и Рем. И стала Этрурия мощной.
Стал через это и Рим всего прекраснее в мире,—
Семь своих он твердынь крепостной опоясал стеною.
Раньше, чем был у царя Диктейского скипетр, и раньше,
Чем нечестивый стал род быков для пиров своих резать,
Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью.
И не слыхали тогда, чтобы труб надувались гортани,
Чтобы ковались мечи, на кремневых гремя наковальнях.

Но уж немалую часть огромной прошли мы равнины,—
Время ремни развязать у коней на дымящихся выях.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Также и вас воспоем, великая Пáлес и славный
Пастырь Амфризский, и вас, леса и потоки Ликея!
Все остальное, что ум пленило бы песнями праздный,
Всё — достоянье толпы: жестокого кто Эврисфея,
Кто и Бузи́рида жертв ненавистного ныне не знает?
Кем не воспет был юноша Гилл или Делос Латóнин?
Гипподами́я, Пелоп, с плечом из кости слоновой
Конник лихой? Неторным путем я пойду и, быть может,
Ввысь подымусь и людские уста облечу, торжествуя!
Первым на родину я — лишь бы жизни достало! — с собою
Милых мне Муз приведу, возвратясь с Аонийской вершины.
Первый тебе принесу идумейские, Мантуя, пальмы;
Там на зеленом лугу из мрамора храм я воздвигну
Возле воды, где, лениво виясь, блуждает широкий
Минций, прибрежья свои тростником скрывающий мягким.
Цезарь будет стоять в середине хозяином храма.
В тирский багрец облачен, я сам в честь его триумфально
Сто погоню вдоль реки колесниц, четверней запряженных!
Греция вся, покинув Алфей и рощи Малорка,
Будет ремнем боевым и ристаньем коней состязаться.
Я между тем, увенчав чело свое ветвью оливы,
Буду дары приносить. Мне заране отрадно: ко храму
Шествие я предвожу, быков убиение вижу,
Сцену, где вертится пол с кулисами, где перед действом
Пурпурный занавес вверх британнами тканными вздернут.
Изображу на дверях — из золота с костью слоновой —
Бой гангаридов, доспех победителя в битвах, Квирина;
Также кипящий войной покажу я широко текущий
Нил и медь кораблей, из которой воздвиглись колонны;

Азии грады явлю покоренные, участь Нифата;
Парфов, что будто бегут, обернувшись же, стрелы пускают;
Два у различных врагов врукопашную взятых трофея,
Две на двух берегах одержанных сразу победы;
В камне паросском резец, как живые, покажет и лица:
Ветвь Ассарака, семью, чей род Юпитером начат,
Вас, родитель наш Трос, и Кинфий, Трои создатель!
Зависть злосчастная там устрашится фурий и строгих
Струй Коцита и змей ужасающих вкруг Иксиона,
Свивших его с колесом, и неодолимого камня.
Нет, за дриадами вслед — к лесам, к нетронутым рощам!
Ты, Меценат, повелел нелегкое выполнить дело.
Ум не зачнет без тебя ничего, что высоко. Рассей же
Леность мою! Киферон громогласно нас призывает,
Кличут тайгетские псы, Эпидавр, коней укротитель,—
И не умолкнет их зов, повторяемый о́тгулом горным.
Вскоре, однако, начну и горячие славить сраженья
Цезаря, имя его пронесу через столькие годы,
Сколькими сам отделен от рожденья Тифонова Цезарь.

Если кто-либо, пленен олимпийской победною ветвью,
Станет коней разводить иль волов для плуга, пусть ищет
Маток прежде всего. Наружность у лучшей коровы
Грозная; и голова должна быть огромной, и шея —
Мощной; до самых колен свисает кожа подбрудка.
Бок чем длинней у нее, тем лучше корова; все крупно
В ней, и нога; рога же изогнуты, уши мохнаты.
В белых пежинах я предпочел бы корову, такую,
Чтобы терпеть не желала ярма и рогом грозила,
Мордою схожа была с быком, держалась бы прямо
И, как пойдет, следы концом хвоста заметала.
Срок Луцине служить и вступать своевременно в браки
Тянется до десяти, начавшись по пятому году,—
Возраст иной для отёлов негож, ненадежен для плуга.
В этот, стало быть, срок, пока молодо стадо и бодро,
Пустишь быков. Скотину знакомь с Венерой весною
Ранней, кровь обновляй, молодых примешивай к старым.
Лучшие самые дни убегают для смертных несчастных
Ранее всех; подойдут болезни и грустная старость,
Скорби,— а там унесет безжалостной смерти немилость.
В стаде найдутся всегда, каких заменить ты захочешь.
Будешь их смело сменять. Чтобы впредь не жалеть о потерях,
Исподволь заготовляй пополненье для старого стада.

Что до коней, то подбор и у них производится так же.
Тех, кого ты взрастить пожелал в надежде на племя,
С самых младенческих дней окружи особливой заботой.
Прежде всего, на лугу племенных кровей жеребенок
Шествует выше других и мягко ноги сгибает.
Первым бежит по дороге, в поток бросается бурный
И не боится шаги мосту неизвестному вверить.
Шумов пустых не пугается он; горда его шея,
Морда — точеная, круп налитой, и подтянуто брюхо.
Великолепная грудь мускулиста. Всех благородней
Серая масть иль гнедая; никто не отдаст предпочтенья
Белой иль сивой. Едва прогремит издалёка оружье,
Конь уже рвется вперед, трепещет, ушами поводит,
Ржет и, наполнясь огнем, ноздрями его выдыхает.
Грива густа; коль тряхнет, на плечо она падает вправо.
А между ребер — хребта ложбина глубокая. Оземь
Бьет он ногой, и звенит роговиной тяжелой копыто.
Был по преданью таким, амиклейцем смирённый Поллуксом,
Ки́ллар, также и те, что воспеты поэтами греков:
Марсовых пара коней и великого выезд Ахилла.
Да и Сатурн, что спешил по конской шее рассыпать
Гриву, завидев жену, и, бегством поспешным спасаясь,
Зычным ржаньем своим огласил Пелиона высоты.

Если болезнь изнурила коня иль от старости стал он
Слаб, то его удали; не щади этот возраст постыдный.
Старый, холоден он к Венере и неблагодарный
Труд понапрасну вершит, а коль дело доходит до схватки,
Словно в соломе пожар, который велик, но бессилен,
Тщетно ярится. Смотри особливо на нрав, и на возраст,
И на повадки коня, и на родословную тоже;
Как переносит позор, наблюдай, как пальмой гордится.
Или не видел ты? — вот безудержно кони лихие
Мчатся вскачь, и вослед из затворов гремят колесницы.
Напряжены упованья возниц, и бьющийся в жилах
Страх их выпил сердца, но ликуют они, изгибают
Бич и вожжи, клонясь, отдают, и ось, разогревшись,
Их, пригнувшихся, мчит, а порой вознесенных высоко;
Что-то их гонит вперед — и несутся в пустое пространство.
Не отдохнуть ни на миг. Песок лишь взвивается желтый.
Мочит их пена, кропит дыханье несущихся сзади.
Это ль не жажда хвалы, не страсть к одержанью победы!

Первым посмел четверню в колесницу впрячь Эрихтоний
И победителем встать во весь рост на быстрых колесах.
Повод и кру́гом езда — от пелефронийцев лапифов,
И на коня, и с коня научивших наездника прыгать
В вооруженье, сгибать непокорные конские ноги.
Оба искусства трудны. Коневоды всегда молодого
Ищут коня, что нравом горяч и бегает быстро, —
Пусть другой и гнался́ за врагом, обратившимся в бегство,
Родиной пусть он Эпир называл и микенскую крепость,
Племя ж свое по прямой выводил из Нептунова рода.

Если исполнено все, как срок настанет, заботы
Надо направить на то, чтоб от жира тугим становился
Тот, кто избран вождем и общим назначен супругом, —
Свежей травы нареза́ть и водой ключевой обеспечить,
Также мукой, чтобы смог он труд свой выполнить сладкий
И чтобы голод отцов не сказался на хилом потомстве.
А кобылиц между тем худобой истощают нарочно,
Только лишь явится пыл и к первому совокупленью
Их устремит; им листвы не дают, от фонтанов отводят,
Часто их бе́гом еще растрясают, томят их на солнце
В зной, когда молотьба, и стоит над током тяжелый
Стон, и Зефир, налетев, пустую взвивает мякину.
Так поступают, чтоб жир не закрыл чересчур изобильный
Их детородных полей, не забухли бы борозды праздно,
Но чтоб ловили жадней и глубже внедряли Венеру.

Вот и на убыль опять об отцах забота, на прибыль —
О матерях. Как срок подойдет, жеребые бродят,
Пусть никто им тянуть не позволит тяжелых повозок,
Или дороги прыжком перемахивать, или по лугу
Быстрым галопом бежать, иль в быстром плавать потоке.
Пусть их привольно пасут на просторе, вдоль полноводных
Рек, где по берегу мох и самые злачные травы,
Где им в пещерах приют, и тень под утесом прохладна.
Возле Силарских лесов и Альбу́рна, где падубов рощи,
Есть — и много его — насекомое с римским названьем
«А́зилус» — греки его называют по-своему «ойстрон».
Жалит и резко жужжит; испуганный гудом, по лесу
Весь разбегается скот, оглашая неистовым ревом
Небо, и лес всполошив, и русло сухое Танагра.

В гиеве ужасном своем применила когда-то Юнона,
Вздумав телицу сгубить Инахову, чудище это.
Вот и его берегись — к полудню свирепее жалит —
И от покрытых коров отгоняй; паси же скотину,
Только лишь солнце взойдет или ночь приведут нам созвездья.

А как отелятся, вся на телят переходит забота.
Прежде всего выжигают тавро с названием рода.
Обозначают, каких на племя оставить желают
И для святых алтарей, каких — перепахивать землю
Иль на целинной земле крутые отваливать глыбы.
Весь остальной молодняк на лугах пасется со стадом.
Тех, кого приучить к полевым захочешь работам,
Сызмала ты упражняй, настойчиво их приручая,
Нрав доколь у юнцов податлив и возраст подвижен.
Раньше из тонких лозин сплетенный круг им на шею
Вешай. Потом, когда их свободная шея привыкнет
К рабству, им надевай хомуты из веревок, попарно
Соединяй и ходить приучай одинаковым шагом.
Пусть до срока они лишь порожние тянут повозки
И оставляют следы лишь на самой поверхности пыльной.
Пусть лишь потом заскрипит под грузом тяжелым телега
С буковой осью, таща вдобавок и медное дышло.
Для молодежи, еще не приученной, надо не только
И луговой, и болотной травы приносить, и шершавых
Листьев ветлы, но и злаков с полей. Отелившись, коровы
Впредь наполнять молоком белоснежным не станут подойник,
Новорождённым отдав целиком свое сладкое вымя.

Если ж тебя привлекает война и жизнь строевая,
Или ты хочешь скользить колесом по Алфею у Пизы,
Иль колесницы полет стремить у Юпитера в рощах,
Первое дело — чтоб конь приучился к оружью и духу
Воинских схваток, привык и к трубному звуку, и к стону
Тяжеловесных колес, и к бряцанью удил на конюшне.
Чтобы все больше потом похвалам воспитателя нежным
Был бы он рад, чтобы тот его хлопал ладонью по шее.
Должен он это постичь, едва от сосцов материнских
Отнят. Пусть морду он сам в недоуздок мягкий просунет,—
Слабый, дрожащий еще, своих еще лет не сознавший.
Но как три года пройдет, тогда, по четвертому году,
Пусть он выделывать «круг» начинает и сдержанным шагом
Оземь звенеть и одну за другой вымахивать ноги.

«Энеида»

Книга первая

Пусть это будет — как труд; пусть ветры на спор вызывает
И, по равнине летя на просторе, не сдержан вожжами,
Запечатляет следы на поверхности глади песчаной.
Крепкий так Аквилон налетает от Гиперборейских
Стран и скифские к нам непогоды несет и сухие
Тучи,— нивы тогда волнами идут под дыханьем
Легким его, и шумят высокие ле́са вершины,
И широко в берега прибой ударяет вспененный,
Мчится он, бегом своим и поля и моря подметая.
Так подготовленный конь среди мет на ристаньях элейских,
Взмыленный, будет из губ выпускать кровавую пену,
Выю под иго склонив, боевую возить колесницу.
Ежели конь укрощен, позволяй, чтоб от сытого корма
В весе он стал прибавлять. Строптивым норов бывает
Неукрощенных коней. Смиришь его будто,— не хочет
Хлесткой плети терпеть, удилам подчиняться железным.

Способ их мощь укреплять наилучший, однако,— Венеру
Вовсе от них отстранять, чтобы их не язвило желанье,
Предпочитает ли кто коров иль коней разведенье.
С этой целью быков уводят подальше, пастись их
Там оставляют одних, за горой иль рекою глубокой;
Или, в хлеву заперев, у наполненных держат кормушек,
Ибо их силы сосет постепенно, сжигает их видом
Самка и им не дает о лугах вспоминать и о рощах.
Сладки красоты ее, они заставляют нередко
Двух горделивых быков друг с другом рогами сражаться.
В Сильском обширном лесу пасется красивая телка,
А в отдаленье меж тем с великой сражаются силой,
Ранят друг друга быки, обливаются черною кровью,
Рог вонзить норовят, бодают друг друга с протяжным
Ревом; гудят им в ответ леса на высоком Олимпе.
В хлеве одном теперь им не быть: побежденный соперник
Прочь уходит, живет неведомо где одиноко.
Стонет, свой помня позор, победителя помня удары
Гордого,— и что любовь утратил свою без отмщенья,
И, оглянувшись на хлев, родное селенье покинул.
С тщаньем сугубым теперь упражняет он силы, меж твердых
Скал всю ночь он лежит, простерт на непостланном ложе,
Только колючей листвой питаясь да острой осокой.
Он испытует себя и гневу рога свои учит.
Он на стволы нападает дубов, ударяется в ветер
Лбом и взрывает песок, и взвивает, к битве готовясь.

После же, восстановив свою мощь, вновь силы набравшись,
Двигает рать, на врага, уже все позабывшего, мчится,—
Словно волна: далеко забелеется в море открытом,
И, удлинясь, свой пенит хребет, и потом, закрутившись,
Страшно гремит между скал, и, бросившись, рушится шумно,
Величиною с утес; и даже глубинные воды
В крутнях кипят, и со дна песок подымается черный.

Так-то всяческий род на земле, и люди, и звери,
И обитатели вод, и скотина, и пестрые птицы
В буйство впадают и в жар: вся тварь одинаково любит.
Львица, о львятах забыв, не станет иною порою
В бешенстве лютом бродить по равнине; медведь косолапый
Так не звереет в лесу и бед не творит без разбору,
Сколько тогда; грозны кабаны, и тигры опасны.
Горе! Плохо тогда заблудиться в пустыне Ливийской!
Разве ты не видал, как дрожат, напрягая все тело,
Кони, едва лишь до них донесется знакомый им запах?
Нет, тогда ни вожжам человека, ни плети жестокой,
Ни пропастя́м, ни скала́м, ни встречным не удержать их
Рекам, крутящим в волнах каменья горных обвалов.
Так же свирепствует вепрь сабинский, точит он бивни,
Оземь копытцами бьет и боком о дерево трется,
С той и с другой стороны приучает плечи к увечьям.
А человек молодой, у которого в жилах струится
Пламя жестокой любви? В час поздний, в темень ночную,
В самую бурю плывет возмущенной пучиной. Грохочет
Неба огромная дверь. Гудят, разбиваясь о скалы,
Воды, и тщетно его родители бедные кличут
И злополучно вослед погибнуть готовая дева.
А не покорны ль любви пестрошерстые Вакховы рыси?
Волки свирепые? Псы? Даже смирные нравом олени
Битвы ведут. Но неистовей всех ярятся кобылы.
Пыл тот сама в них Венера влила, когда челю́стями
Тех потнийских квадриг было сжевано Главково тело.
Властно их гонит любовь за Гаргар и за Асканий
Гулкий; взбегают они вскачь на́ гору, переплывают
Реки, едва лишь огонь разогреет их жадные недра,—
Больше весной, ибо жар о весне возвращается в кости.
Грудью встречают Зефир и стоят на утесах высоких,
Ветром летучим полны,— и часто вовсе без мужа
Плод зарождается в них от ветра — вымолвить дивно!
Тут по утесам они, по скала́м, по глубоким долинам

Порознь бегут — нет, Эвр, не к тебе, не в пределы Востока,
Мчатся туда, где Кавр и Борей, где темнейший родится
Австр, где он небеса омрачает стужей дождливой.
Тут-то тягучий течет, называемый меж пастухами
Верным названьем его, «гиппоман», из кобыльей утробы,—
Мачехи злые тот сок испокон веков собирали,
Всяческих трав добавляли к нему и слов не безвредных.

Так,— но бежит между тем, бежит невозвратное время,
Я же во власти любви по частностям всяким блуждаю.
Полно — о крупном скоте; еще остается забота —
Про руноносных овец рассказать и коз длинношерстых.
Вот над чем, селянин, потрудись и жди себе чести!
Не сомневаюсь я в том, как трудно все это словами
Преодолеть и почтенность придать невысоким предметам.
Но увлекает меня к высотам пустынным Парнаса
Некая нежная страсть. Мне любо на этих нагорьях,
Там, где ничья вслея не вилась до криницы Кастальской.
Чтимая Пáлес! Начнем петь ныне голосом полным.

Прежде всего, мой совет, чтобы в теплом хлеву насыщались
Овцы травою, доколь не вернется весеннее время.
Папоротник я велю и солому стелить, не жалея,
На земляные полы, чтобы стужа зимой не вредила
Нежной скотине, чтоб ей ни чесотки не знать, ни подседов.
Перехожу к другим. Листвы земляничника надо
Козам давать и поить их свежей водой родниковой.
Оберегай от ветра хлевá, пусть к югу выходят,
Чтобы без солнца не быть и зимой, доколе холодный
Не западет Водолей, оросив окончание года.
К этим другим отнестись с не меньшей должны мы заботой:
Столько же пользы от коз, хоть овечья милетская стоит
Дорого шерсть, коль она проварена в пурпуре тирском.
Чаще потомство у коз, у них молока изобилье:
Сколько уж струй излило от дойки опавшее вымя,—
Жми лишь потуже сосцы, и пуще запенятся струи!
Бороды, кроме того, стригут не без пользы седые
У кинифийских козлов и шерсть шелковистую козью,—
Для лагерей — на шатры, на плащи для рабов корабельных.
Козы пасутся в лесах, на высоких вершинах Ликея,
Между колючих кустов и зарослей, любящих кручи.
Сами приходят домой — не собьются — и младших приводят.
Столько несут молока, что насилу порог переступят.

Тщательно предохраняй их от зимних ве́тров и стужи;
Прочих забот от тебя почти не потребуют козы —
Весело им подноси их сытное пойло, а также
Ветви с листвой и не думай зимой запирать сеновалы.
Но лишь, явясь на призыв Зефиров, обильное лето
Коз и овец погонит пастись на луга и в ущелья,
Вместе с Денницей тогда выходи на простор и прохладу,
Утром пораньше, когда еще белы бывают лужайки
И на траве молодой — роса, любимая стадом.
После, в четвертом часу, когда уже зной накалится
И оглашают кусты однозвучным звоном цикады,
Стадо к колодцу веди иль к пруду глубокому — воду
Пить, которая к ним по долбленому желобу льется.
В самый же зноя разгар поищи потенистей долину,
Там, где с мощным стволом Юпитеров дуб на просторе
Ветви раскинул свои, где, черной темнея листвою,
Падубов роща густых священную тень простирает.
Чистой их снова водой напои и паси их, лишь только
Солнце зайдет, и опять прохладный Веспер умерит
Зной, и снова Луна оживит росою ущелья,
Чайками вновь берега огласятся, щеглами — дубравы.

Упомяну ли еще пастухов ливийских сухие
Пастбища, хижины их, где живут друг от друга далёко?
Часто весь день, и всю ночь, и целые месяцы кряду
Стадо пасется, бродя по широкой пустыне без крова
Вовсе,— там и краев не видать у равнины! С собою
Всё африканский пастух волочит: жилище, и лара,
И амиклейского пса, и оружье, и критский колчан свой,—
Бдительный римлянин так в привычном вооруженье
С грузом увесистым в путь отправляется, чтобы нежданно
Перед врагом оказаться в строю, раскинув свой лагерь.
Иначе — там, где скифы живут, близ вод Меотийских,
Там, где желтый песок, взбаламученный, крутится в Истре,
Там, где Родопы загиб под самый полюс протянут.
Там в хлевах, взаперти, подолгу содержат скотину;
Нет там в поле травы и нет листвы на деревьях,
Но, безотрадна, лежит подо льдом глубоким, в сугробах
Снежных земля, и они в семь локтей высоты достигают.
Там постоянно зима, постоянно холодом дышат
Кавры. Смурую мглу там солнце рассеять не в силах,
Мчится ль оно на конях наивысшего неба достигнуть
Иль колесницу купать в румяных волнах Океана.

Вдруг на бегущей воде застывают нежданные корки,
И уж река на хребте железные держит ободья,—
Прежде приют кораблей, теперь же — разлатых повозок.
Трещины медь там нередко дает; каленеют одежды
Прямо на теле; вино не течет, топором его рубят.
Целые заводи вдруг обращаются в крепкую льдину,
И, в бороде затвердев непрочесанной, виснут сосульки.
Снег меж тем все идет и воздух собой заполняет;
И погибают стада; стоят неподвижно, морозом
Скованы, туши быков, под невиданным грузом олени
Стынут, сбившись толпой,— рогов лишь видны верхушки.
Не посылая собак, не трудясь расставлять и тенета,
Их, устрашенных уже, пробивающих снежную гору
Тщетно грудью своей, не пугая их красной метелкой,
Копьями бьют, подойдя к ним вплотную, и громко ревущих
Так добивают; потом уносят с радостным гиком.
Сами ж в землянках своих спокойно досуги проводят
Там, в глубине; натаскают полен дубовых и цельных
Вязов к своим очагам и жгут их в пламени дымном.
В играх зимнюю ночь проводят, вину подражая
Брагою или питьем из перебродившей рябины.
Так и живут дикари под Медведицей гиперборейской
Злобные. Тяжко терпеть им удары рифейского Эвра —
И прикрывают тела звериною рыжею шкурой.

Если заботишься ты о руне, то колючего леса
Надо тебе избегать, и волчца, и репья́, но и злачных
Пастбищ. Овец выбирай тонкорунных, с белою шерстью.
Пусть у тебя заведется баран белоснежный,— но если
Черный язык у него и влажное нёбо, такого
Брось: чтобы темными он не испортил пятнами шерсти
Новорожденных ягнят, и высмотри в стаде другого.
Редкостным белым руном — коль тому позволительно верить,—
Пан, Аркадии бог, обольстил тебя, Феба, обманно,
В лес густой заманив,— и просящего ты не отвергла!

Хочет ли кто молока, пусть дрок и трилистник почаще
Сам в кормушку несет, а также травы присоленой:
Будет милей им вода, и туже натянется вымя,
Со́ли же вкус в молоке останется еле заметный.
Многие вовсе ягнят, от вымени отнятых, к маткам
Не допускают, надев им на рыльца на́мордник железный.

То молоко, что они на заре или днем надоили,
Ночью творожат; а то, что пóтемну иль на закате
Выдоят, в город пастух уносит в плетеных корзинах,
Или, слегка присолив, запасают на зимнее время.

Но и собак не оставь заботой, выкармливай разом
Резвых спартанских щенят и молоссов, нравом горячих,
Жирною сывороткой. При таких сторожах опасаться
Нечего будет хлевам ни волков, ни воров полуночных,
С тыла на них нападать не будет ибер не смирённый.
Псами придется не раз преследовать робких онагров,
Зайцев псами травить, на коз охотиться диких,
Громким лаем вспугнув кабанов, из логов лесистых
Их выгонять; на горах с собаками будешь нередко
Криком своим заводить матерого в сети оленя.

Также учись и хлева ароматным окуривать кедром,
Духом гальбана умей отвратную выгнать хелидру.
Чисть кормушки,— не то завестись в них может гадюка;
Трогать опасно ее. От света бежит она в страхе.
Или привыкшая жить в норе, под укрытьем, медянка,—
Худшая стада напасть! — чей яд молоко отравляет,
Там приживется — хватай, пастух, тут камни и палки!
Вставшую грозно беду, надувшую шею со свистом,
Смело рази! Побежит она, голову робкую пряча,—
Тела изгибы меж тем и хвост постепенно слабеют,
И уж последний извив по земле еле-еле влачится.
Водится злая змея еще в Калабрийских ущельях,—
Вся в чешуе, извивается, грудь поднимая высоко,
Длинное брюхо ее усевают крупные пятна.
В пору, когда из глубин вырываются бурно потоки,
Смочена влажной весной и дождливыми Австрами почва,
Эта гнездится в земле у стоячей воды, утоляя
Гнусную жадность свою болтливою лягвой и рыбой.
Но, лишь начнет подсыхать, лишь треснет земля на припеке,
В место сухое ползет и, вращая глаза огневые,
Жаждой томясь, вне себя от жары, свирепствует в поле.
Да не потянет меня заснуть безмятежно под небом
Иль где-нибудь на траве полежать среди рощи нагорной
В дни, когда, кожу сменив, обновленная, юностью блещет,
Вьется, дóма своих оставив малюток иль яйца,
К солнцу поднявшись, а рот языком растроённым мигает.

И о болезнях скажу, о признаках их и причинах.
Овцы чесоткою злой болеют, коль ливень холодный
Тело прохватит у них иль ужасною зимней порою
Лютый мороз; а еще: коль у стриженых пот остается
С них не омытый; иль куст ободрал им кожу колючий.
Ради того пастухи в реках купают отары
Пресных; при этом вожак погружается в кипень и с шерстью
Мокрою вдоль по реке несется по воле теченья.
Или же горьким тела масличным мажут отстоем,
С ним метаргирий смешав и добавив естественной серы,
Также идейской смолы и для мази пригодного воска,
Лука морского еще, чемерицы пахучей и дегтя.
Лучше, однако же, нет против этого бедствия средства,
Нежели, если ножом кто сможет разрезать верхушку
Самых нарывов: живет и питает себя потаенно
Зло, между тем как пастух врачующих рук не желает
К язвам сам приложить и сидит, на богов уповая!
Боле того, коль недуг до костей проникает овечьих,
В теле свирепствует жар и болящие гложет суставы,
Надо его устранить: рассечь овце из-под низу
Вену меж ног, чтобы кровь могла свободная хлынуть,—
Так поступает бизальт и быстрые также гелоны,
В бегстве к Родопе несясь, в пустыни ли гетские,— эти
Кислое пьют молоко, смешав его с конскою кровью.
Если увидишь овцу, которая чаще отходит,
Тени ища, иль траву луговую ленивее щиплет,
Сзади последних идет и на пастбище прямо средь поля
Падает или одна удаляется позднею ночью,
Тотчас беду пресеки железом, пока не проникла
Злая зараза во все тобой небреженное стадо.
Бури, предвестницы зим, не чаще бросаются с моря,
Чем на хлева нападает болезнь, и не одиночек
Губит коварный недуг, но стадо целое сразу,
Все упованье его, все племя, старых и малых.
Может об этом узнать, кто сейчас поднебесные Альпы,
Норика замки в горах и Тимава Иáпида нивы,
Годы спустя, посетит — опустевшие царства пастушьи,
Весь безграничный простор с тех пор заброшенных пастбищ.

Там когда-то беда приключилась от порчи воздушной,
Людям на гóре жара запылала осенняя люто,
Смерти весь род предала животных домашних и диких,

И отравила пруды, и заразой луга напитала.
Смертный исход различен бывал: огневица сначала
Жилы сушила, потом несчастным корчила члены;
После жидкость текла изобильно, в себя вовлекая
Кости все до одной, постепенно язвимые хворью.
Часто при службе богам к алтарю подведенная жертва
Под увенчавшей ее белоснежной повязкой с тесьмами
Между прервавших обряд служителей падала мертвой.
Если же нож успевал прикончить жертву, бывало,
Потрох кладут на алтарь, но огонь разгореться не может,
И на вопросы уже предсказатель не в силах ответить.
Если подставить клинок, еле-еле окрасится кровью,
Бледная жижа из жил поверхность песка окропляет.
Там умирают толпой телята меж трав благодатных
Или же с юной душой расстаются у полных кормушек.
Бесятся кроткие псы, заболевших свиней сотрясает
Кашель, дышать не дает и душит опухшие глотки.
Падает бедный, забыв и труды, и траву луговую,
Конь, любимец побед, избегая ручьев, то и дело
Оземь копытами бьет; не горяч и не холоден, каплет
Пот с поникших ушей,— ледяной перед самою смертью.
Шкура, суха и жестка, противится прикосновенью,—
Перед кончиной сперва появляются признаки эти;
Но коль постигший недуг становится все тяжелее,
Жаром пылают глаза, в груди глубоко дыханье
Выхода ищет и стон прерывистый слышен, икота
Долгая мучит бока, из ноздрей же черная льется
Кровь и шершавый язык стесняет забухшее горло.
Пользу приносит тогда введенье при помощи рога
Соков Ленея: одно их лишь это от смерти спасало.
Вскоре для них и вино обратилось в погибель,— воспрянув,
Стали беситься они и в муках смертельных — о боги!
Благо пошлите благим, врагам лишь — такое безумье! —
Рвали зубами в клоки, неистово тело терзали.
Вот, однако, и вол в пару́ от тяжелого плуга
Валится, кровь изо рта изрыгает с пеною вместе,
Вот он последний стон издает — и печалится пахарь;
Он отпрягает вола, огорченного смертью собрата,
И, не окончив труда, свой плуг в борозде оставляет.
Гибнет вол,— и ни тени дубрав, ни мягким лужайкам
Не оживить в нем души, ни речке, которая льется
По полю между камней, электра чище; впадают
Снизу бока, в глазах неподвижных смертная тупость,

Весом своим тяготясь, склоняется доземи шея.
Польза какая ему от трудов и заслуг,— что ворочал
Тяжкую землю? Меж тем ни дары массийские Вакха
Не навредили ему, ни пиры с двойной переменой,—
Только листва да трава пасущихся были питаньем,
Ясные были питьем родники и с течением быстрым
Реки; здоровый их сон не бывал прерываем заботой!
В те же лихие года,— говорят,— по местностям этим
Тщетно искали быков для Юнониных священнодействий,
И колесницу везли к алтарю два буйвола разных.
Землю мотыгой рыхлить уже не под силу — ногтями
В почву врывают зерно; по крутым нагорным дорогам
Люди, шеи пригнув, скрипящие тащат повозки!
Волк не блуждает уже у овчарен и козней не строит,
Он уж не бродит вкруг стад по ночам: жесточе забота
Волка гнетет. Горячий олень и робкая серна
Ходят промежду собак у самых жилищ человека.
Всех обитателей вод, плавучих всякой породы
Вдоль по морским берегам, как останки кораблекрушенья,
Моет прибой; к непривычным река́м поспешают тюлени;
Дохнет ехидна — не впрок ей извивы подземных укрытий,—
И с чешуей торчащей змея водяная; пернатым
Стал даже воздух и тот неблагоприятен; свергаясь,
С жизнью своей расстаются они в подоблачной выси.
Мало того — бесполезна была и пастбищ замена.
Стало искусство во вред; и врачи уступили болезни —
Амифаонов Меламп и Хирон, рожденный Филирой.
Бросив стигийскую тьму, свирепствует вновь Тисифона
Бледная, перед собой Боязнь гоня и Болезни,
И, выпрямляясь, главу что ни день, то выше подъемлет!
Блеяньем вечным овец, коров постоянным мычаньем
Оглашены берега и холмы, сожженные зноем.
Целые толпы зверья предает она смерти и в самых
Стойлах груды валит гниющих в гнусном распаде
Туш, пока их землей не засыплют и в яму не спрячут.
Даже и кожу нельзя было в дело пустить, даже потрох
Чистой водою промыть или их на огне обезвредить.
Также нельзя было стричь изъеденной грязью и хворью
Шерсти, даже нельзя прикасаться к испорченной во́лне.
Если же кто надевал вредоносную шкуру, по телу
Тотчас шли пупыри воспаленные, и по зловонным
Членам стекал омерзительный пот,— дожидались недолго,
Вскоре болящая плоть в священном огне отгорала.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Ныне о даре богов, о меде небесном я буду
Повествовать. Кинь взор, Меценат, и на эту работу!
На удивленье тебе расскажу о предметах ничтожных,
Доблестных буду вождей воспевать и всего, по порядку,
Рода нравы, и труд, и его племена, и сраженья.
Малое дело, но честь не мала,— если будет угодно
Неблагосклонным богам и не тщетна мольба Аполлону!

Прежде всего, выбирай хорошо защищенное место
Для обитания пчел (известно, что ветер мешает
Взяток домой доносить), где ни овцы, ни козы-бодуньи
Скоком цветов не сомнут и корова, бредущая полем,
Утром росы не стряхнет и поднявшихся трав не притопчет.
Пестрых ящериц пусть со спинкой пятнистой не будет
Возле пчелиных хором, и птиц никаких: ни синицы,
Ни окровавившей грудь руками преступными Прокны.
Опустошают они всю округу, нередко хватают
Пчел на лету,— для птенцов безжалостных сладкую пищу.
Чистые пусть родники и пруды с зеленеющей ряской
Будут близ ульев, ручей в мураве пусть льется тихонько.
Пальмою вход осени́ иль развесистой дикой маслиной.
Только лишь ранней весной у новых царей зароятся
Пчелы, едва молодежь, из келий умчась, заиграет,—
Пусть от жары отдохнуть пригласит их берег соседний,
И в благодатную тень ближайшее дерево примет.
Посередине — течет ли вода иль стоит неподвижно —

Верб наложи поперек, накидай покрупнее каменьев.
Чтобы почаще могли задержаться и крылья расправить
Пчелы и их просушить на солнце, когда запоздавших
Эвр, налетев, разметет иль кинет в Нептунову влагу.
Пусть окружает их дом зеленая касия, запах
Распространяет тимьян, духовитого чобра побольше
Пусть расцветает, и пьют родниковую влагу фиалки.
Улья же самые строй из древесной коры иль из гибких,
Туго плетенных лозин; а в каждом улье проделай
Узенький вход, потому что зимою морозы сгущают
Мед, а от летней жары чересчур он становится жидок.
То и другое для пчел одинаково страшно. Недаром
Каждую щелку они залепляют стретельно воском
В доме своем, и соком цветов, и узой заполняют,
Собранной с почек весной и с тою же целью хранимой,—
Крепче она и смолы, добытой на Иде Фригийской.
Часто — коль верить молве — в прорытых ходах, под землею
Ставили пчелы свой лар, иль их находили глубоко
Спрятанных в пемзе, а то и под сводами дупел, в деревьях.
Сам, заботясь о них, в жилищах пчелиных все щели
Жидкой замазкой промажь да присыпь понемножку листвою.
Не допускай, чтобы тис рос около пасеки; раков
Рядом нельзя опалять докрасна; болот опасайся;
Мест, где запах дурной от всяких отбросов; где скалы
Полые гулки и звук голосов отражается эхом.

Стало быть, зиму едва золотое под землю загонит
Солнце и вновь небеса приоткроет сиянием летним,
Тотчас пчелы начнут облетать луговины и рощи,—
Жатву с ярких цветов собирают; касаясь легонько
Гладкой поверхности рек, летают, счастливые чем-то,
Род свой и гнезда блюдут; потом воздвигают искусно
Новые соты и их наливают медом тягучим.
Если ж покинувший дом, к высокому небу плывущий
Через безоблачный зной ты рой пчелиный приметишь,—
Черной туче дивясь, увлекаемой ветром, за нею
Понаблюдай: полетят непременно к зеленым жилищам.
К пресной воде. Им в этих местах ароматов любимых —
Тертой мелиссы насыпь и обычной травки-вещанки.
Чем-нибудь громко звони, потрясай и Матери бубен,
Сами усядутся все на хоромы душистые, сами —
Это в привычке у них — в глубокие скроются люльки.

Если же выйдут они, задвигавшись вдруг, на сраженье,—
Ибо нередко вражда меж двумя возникает царями,—
То настроенье толпы, воинственный пыл ополченья
Можешь заране признать. Возбуждает еще отстающих
Громко звенящая медь, меж тем как подобное звуку
Труб, возглашающих бой, раздается из улья жужжанье.
Вот торопливо сошлись друг с другом, трепещут крылами,
Хоботом жало острят и конечности приспособляют.
Вот, окружая царя и ставку военную, сбившись
В кучу густую, врага вызывающим криком торопят.
Так при первом тепле, едва лишь поля обнажатся,
Мчатся вон из дверей и сходятся; в небе высоко —
Шум; смешавшись, они в огромный ком громоздятся
И упадают стремглав,— град сыплется с неба не гуще,
Желуди реже дождем с сотрясенного падают дуба!
Сами же оба царя, в строю, крылами сверкая,
В маленьком сердце своем великую душу являют,
Не уступать порешив, пока победитель упорный
В бегстве тыл обратить не принудит тех или этих.
Но их воинственный пыл и любое такое сраженье
Пыли ничтожный бросок подавляет, и снова все тихо.
Только, когда призовешь обоих вождей ты из боя,
Тотчас того, кто слабей, чтоб вреда не принес тунеядец,
Смерти предай: в свободном дворце пусть царствует лучший.
Сразу признáешь: один, крапленный золотом, блещет —
Двух они разных пород,— отличен от всех красотою,
Крыльев чешуйки блестят; другой, обленившийся, гадок
И тяжело волочит, бесславный, огромное брюхо.
Вид каков у царей, такова и у подданных внешность.
Те безобразны собой, косматы, как путник, томимый
Жаждой, плюющий землей, едва лишь с дороги пришедший,
Весь пропыленный. А те сверкают, искрятся блеском,
Золотом ярким горят, и тельце их в крапинках ровных.
Лучшие те племена. От них, как время наступит,
Сладкий выжмешь ты мед, и не только сладкий, но жидкий,—
Медом смягчают таким вкус терпкий вина молодого.

Если летают рои, предаваясь бéз толку играм,
Соты свои позабыв, покои прохладные бросив,
Их неустойчивый дух отврати от забав бесполезных.
Сделать же это легко: у царей ты крылышки вырви.
Стоит лишь их задержать, и пчела ни одна не решится

Вверх куда-то взлететь иль из лагеря вылазку сделать.
Запахом желтых цветов пусть их сады приглашают,
Пусть, устрашая воров и пернатых серпом деревянным,
Гелеспонтийский Приап бережет их своим попеченьем.
С горных высот принеся чабреца и сосенок юных,
Пусть их возле жилищ насажает хозяин радивый;
Сам пусть руки натрет тяжелой работою; сам пусть
В землю воткнет черенки и польет их дождем благосклонным.

О, несомненно, не будь при самом конце я работы,
Не отдавай парусов, не спеши уже к пристани править,
Я, вероятно б, воспел, каким прилежаньем украсить
Пышные можно сады и розарии Пестума, дважды
В год цветущие, как выпиваемым струям цикорий
Рад и петрушка вблизи ручейков; о том рассказал бы,
Как, извиваясь в траве, разрастается в целое брюхо
Тыква, про гибкий аканф, про нарцисс, до морозов зеленый,
Или бледнеющий плющ, или мирт, с прибрежьями дружный.
Припоминается мне: у высоких твердынь эбалийских,
Там, где черный Галез омывает поля золотые,
Я корикийского знал старика, владевшего самым
Скромным участком земли заброшенной, неподходящей
Для пахоты, непригодной для стад, неудобной для Вакха.
Малость все ж овощей меж кустов разводил он, сажая
Белые лилии вкруг с вербеной, с маком съедобным,—
И помышлял, что богат, как цари! Он вечером поздно
Стол, возвратясь, нагружал своею, некупленной снедью.
Первым он розу срывал весною, а осенью фрукты.
А как лихая зима ломать начинала морозом
Камни и коркою льда потоков обуздывать струи,
Он уж в то время срезал гиацинта нежного кудри
И лишь ворчал, что лето нейдет, что медлят Зефиры.
Ранее всех у него приносили приплод и роились
Пчелы; первым из сот успевал он пенистый выжать
Мед; там и липы росли у него, и тенистые сосны.
Сколько при цвете весной бывало на дереве пышном
Завязей, столько плодов у него созревало под осень.
Из лесу даже носил и рассаживал взрослые вязы,
Крепкую грушу и терн, подросший уже, не без ягод;
Также платан, чья уж тень осеняла сошедшихся выпить.
Многое знаю еще, но, увы, ограничен объемом,
Об остальном умолчу и другим рассказать предоставлю.

Ну же, вперед! Изложу, какие свойства Юпитер
Пчелам сам даровал в награду за то, что за звонким
Шумом куретов, за их громкозвучной последовав медью,
Неба владыку они воскормили в пещере Диктейской.
Общих имеют детей лишь они, и дома-общежитья
В городе; жизнь их идет в подчинении строгим законам.
Родину знают они и своих постоянных пенатов.
Помня о близкой зиме, работают пчелы усердно
Летом, в общей казне храня, что трудом пособрали.
О пропитанье одни заботятся и, по согласью,
Делают дело в полях; другие внутренность дома
Мажут нарцисса слезой и клейкой древесной смолою,
Этим для сот основанья кладут, чтоб после привесить
Крепко держащийся воск; иные молоденьких учат,
Улья надежду; меж тем иные сгущают прозрачный
Мед и кельи свои наполняют не́ктаром жидким.
Есть и такие меж них, чей удел быть стражем у двери:
В очередь эти следят за дождем и за тучами в небе;
От прилетающих груз принимают; иль, войском построясь,
Трутней от ульев своих отгоняют,— ленивое стадо.
Дело кипит, чабрецом отзывается мед благовонный.
Так и циклопы: одни куют из податливой глыбы
Молнии, воздух меж тем другие вбирают мехами
И выдувают опять; иные же звонкую в воду
Медь погружают, и вся гудит наковальнями Этна.
Мощным движеньем они поднимают в очередь руки,
Переворачивают с бока на́ бок железо щипцами.
Так и кекроповых пчел,— коль великое сравнивать с малым,—
Всех обрекает на труд прирожденная страсть к накопленью,
Разных по-разному: тем, кто постарше, забота об улье,
Об укреплении сот, о строенье дедаловых зданий.
Те, что моложе, устав от трудов, уже позднею ночью
Чобр на лапках несут; берут с земляничника тоже,
С голубоватой ветлы, с лаванды и сальвии красной,
С липы богатой берут, с гиацинтов железного цвета.
Отдых от дел одинаков у всех, и труд одинаков.
Утром из двери валят, и нет запоздавших; а после,
В час, когда Веспер велит наконец с полей удалиться,
Сбор прекратив, прилетают домой и холятся в ульях.
Шум раздается, жужжат по краям и порогам жилища.
После ж, по спальням когда расположатся, все замолкает
На ночь, и нужный им сон объемлет усталые члены.
Если же дождик навис, они от жилища далеко

Не отлетают; коль Эвр грозит, не верят погоде,
Рядом, у стен городских, осторожные, пó воду ходят,
Лишь на короткий полет решаясь; и камешки часто
(Так при волне неустойчивый челн песком нагружают)
В лапках несут и, качаясь, летят средь бездны пустынной.
Ты удивишься, как жизнь подобная пó сердцу пчелам!
Плотский чужд им союз: не истощают любовью
Тел своих, не рожают детей в усилиях тяжких.
Новорождённых они со сладких злаков и листьев
Ртом берут, назначают царя и малюток-квиритов,
Строят сызнова двор и все царство свое восковое.
Часто стирали они, по жесткому ползая щебню,
Крылья,— и душу свою отдавали охотно под ношей.
Вот что за тяга к цветам, что за честь собирание меда!
Так, хоть у них у самих ограниченный возраст и вскоре
Их обрывается жизнь (до седьмого не выжить им лета),
Все ж остается их род бессмертным, и многие годы
Дом Фортуна хранит, и предки числятся предков.
Так царя своего ни в Египте не чтут, ни в обширной
Лидии, ни у парфян, ни на дальнем Гидаспе мидийском.
Ежели царь невредим, живут все в добром согласье,
Но лишь утратят его, договор нарушается, сами
Грабят накопленный мед и сотов рушат вощину.
Он — охранитель их дел; ему все дивятся и с шумом
Густо теснятся вокруг; сопутствуют целой толпою,
Носят нередко его на плечах, защищают в сраженье
Телом своим и от ран прекрасную смерть обретают.

Видя такие черты, наблюдая такие примеры,
Многие думали: есть божественной сущности доля
В пчелах, дыханье небес, потому что бог наполняет
Зéмли все, и моря, и эфирную высь,— от него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Все, что родится, берет тончайшие жизни частицы
И, разложившись, опять к своему возвращает истоку.
Смерти, стало быть, нет — взлетают вечно живые
К сонму сияющих звезд и в горнем небе селятся.

Если же тесный их дом с кладовыми, полными меда,
Ты пожелаешь открыть, воды набери для начала
В рот, а перед собой неси, от пчел ограждаясь,
Дым; свыше меры их гнев; оскорбленные, яд свой внедряют

Через укусы, внутри оставляя незримые жала,
Впившись в жилы, и так, врага уязвив, издыхают.
Дважды готовый припас вынимай: по первому разу,
Только прекрасный свой лик покажет Тайгета Плеяда
Дольней земле, океан стопой попирая с презреньем,
И по второму, когда, убегая от Рыб водянистых,
Грустная, с неба сойдя, погружается в зимние воды.
Если ж суровой зимы ты боишься, заране тревожась,
Если подавленных душ тебе жаль и хоро́м разоренных,
Чобром окуривать их и воск удалять непригодный
Не сомневайся,— затем, что нередко соты съедает
Ящерица: таракан, от света бегущий, гнездится
В них и на ко́рме чужом сидящий шмель нерабочий;
Или же шершень лихой заберется, вояка отменный;
Ша́шалы,— мерзостный род,— иль еще, ненавистный Минерве,
Редкие сети свои паук в сенях поразвесит.
Чем их сильней разорят, тем с бо́льшим рвением будут
Наново восстановлять развалины падшего рода,
Мед копить и слеплять цветочным житницы соком.

Если же (ибо дала злоключенья людские и пчелам
Жизнь) их тело начнет от прискорбной чахнуть болезни,
Тотчас об этом узнать по явственным признакам можешь:
Сразу не тот уж цвет у больных; худобою ужасной
Обезображен их вид; тела постигнутых смертью
Вон из жилища несут, в процессии шествуют скорбной.
Часто они у дверей, сцепившись лапками, виснут
Или без дела сидят в своих сокровенных покоях,
Голодом изможедены, неподвижны, скованы стужей.
Громче гуденье тогда раздается, жужжат непрестанно,—
Так порой зашумит холодный Австр по деревьям,
Так, отливая от скал, беспокойное море рокочет
Иль за заслонкой в печи огонь, разгоревшись, бушует.
Прежде всего мой совет: окурять благовонным гальбаном,
Мед по тростинкам в дома проводить — поощрять изнемогших
И со своей стороны, маня их к пище знакомой.
В мед хорошо примешать и тертых чернильных орехов,
Розовых листьев сухих, вина, сгущенного варкой,
Также с пифийской лозы на солнце вяленных гроздьев,
Золототысячника с его запахом крепким и чобра.
Есть вдобавок в лугах цветок — ему земледельцы
Дали названье «амелл»; растенье приметить нетрудно:

Целую рощу оно от единого корня пускает.
Сам цветок — золотой, лепестков на венчике много,
И отливают они лиловатостью темной фиалки.
Часто этим цветком богов алтари украшают.
Вкусом он терпок. Его по долинам, после покоса,
Рвут пастухи иль еще по теченью извилистой Меллы.
В благоуханном вине ты вывари корни растенья
И у отверстий входных в наполненных выставь корзинах.

Если же кто-нибудь вдруг весь род целиком потеряет,
Пчел взять негде ему и новое вывести племя,
Я для него изложу пастуха-аркадийца открытье
Славное,— как из убитых тельцов, из испорченной крови
Пчелы при нем родились. Итак, я это преданье
Перескажу, повторив от начала его, по порядку.
Там, где счастливый народ живет, в Канопе Пеллейском,
Около Нила, что степь затопляет в пору разлива,
Там, где селяне к полям подъезжают в расписанных лодках,
Где постоянно грозит стрелоносного парфа соседство,
Там, где, черным песком удобряя зеленый Египет,
На семь делясь рукавов, медлительно катится к морю
Мощная эта река, у индов смуглых начавшись,—
Способ тот принят везде, и всегда он приносит удачу.
Малое прежде всего, как раз подходящее к делу
Место находят; его ограничивают черепицей
Низенькой кровли, теснят стенами, в которых четыре
К солнцу наклонных окна, на четыре стороны света.
После теленка берут, чей уж выгнулся двухгодовалый
Рог. Противится он что есть сил, но ему затыкают
Ноздри, чтоб он не дышал. Под ударами он издыхает.
Кожа цела, но внутри загнивают отбитые части.
Труп оставляют, дверь заперев; под бока подстилают
Всяких зеленых ветвей, и чобра, и свежей лаванды.
Делают это, едва лишь Зефир задвигает волны,
Прежде, чем луг молодой запестреет цветами, и прежде,
Нежели к балке гнездо говорунья подвесит касатка.
В жидком составе костей размягченных тем временем крепнет
Жар, и вдруг существа,— их видеть одно удивленье! —
Лап сперва лишены, но уж крыльями шум издавая,
Кучей кишат, что ни миг, то воздуха больше вбирают
И, наконец, словно дождь, из летней пролившийся тучи,
Вон вылетают иль как с тетивы натянутой стре́лы
В час, когда на́ поле бой затевают быстрые парфы.

Музы, кто ж из богов открыл нам это искусство?
Где же начало берет это новое знанье людское?
Некий пастух Аристей, покинув долину Пенея,
Пчел — говорят — потерял от болезни и голода. Стал он
Возле реки, у ее священных истоков, и, горько
Жалуясь, к матери так обратился: «О мать, о Кирена!
Над глубиною царишь ты омутов этих,— открой мне,
Как совершилось, что ты, от светлой крови бессмертных
(Если, как ты говоришь, Аполлон Тимбрейский отец мне),
Року немилым меня зачала? Куда же девалась
К сыну любовь? Ты зачем уповать мне велела на небо?
Смертной жизни моей всю славу, которой достиг я
Хитрым искусством моим, заботясь о стаде и хлебе,
Все испытав,— хоть ты мне и мать, я ныне теряю.
Что ж! Материнской рукой плодоносные вырви деревья,
В стойла враждебный огонь занеси, уничтожь урожаи,
Выжги посев, топором на лозы обрушься двуострым,
Если тронута так моей ты славы крушеньем!»
Мать услыхала меж тем на дне своей спальни глубинной
Голос некий,— вокруг нее нимфы милетскую пряли
Пряжу окраски густой стекольно-зеленого цвета.
Дрима была там, Ксанфó, Лигейя была с Филодокой,
Золото влажных волос вдоль шеи спустившие белой;
Там и Низея была, Спиó, Кимодока, Талúя;
Рядом с Ликóридой там белокурой сидела Кидиппа,—
Дева покамест, а та впервые познала Луцину;
Клио с сестрой Бероэ́, Океановы дочери обе,
При золотых поясах и в пестрых шкурах звериных;
Óпис, Эфира была и азийская Деиопея,
С резвой, свой наконец отложившей колчан Аретузой.
Нимфам Климена вела рассказ о том, как напрасно
Меры Вулкан принимал, как Марс исхищрялся влюбленный;
С Хаоса повесть начав, исчисляла богов похожденья.
Песнью захвачены той, пока с веретен отвивают
Мягкий урок свой, матери слух поражает вторично
Стон Аристея,— и все на своих сиденьях хрустальных
Диву дались; но из них лишь одна Аретуза решилась
И, золотой головой поднявшись из вод, закричала
Издали: «О! Не напрасно тебя этот стон растревожил:
Сам, Кирена-сестра, твоей всей жизни забота,
Скорбный стоит Аристей над отцом, потоком Пенеем,
Слезы горючие льет и тебя называет жестокой!»
Мать, чье сердце пронзил неожиданный страх, отвечает:

«К нам приведи же его, приведи! — он может касаться
Божьих порогов»,— и вот велит расступиться широко
Водам, чтоб юноша мог между ними пройти. Наподобье
Согнутых скал поднялись и застыли недвижные волны,
Юноше дали проход и его в глубину проводили.
Матери дому дивясь, любуясь на влажное царство,
Скрытые сводом пещер озёра и гулкие рощи,
Шел он — и был поражен воды превеликим движеньем:
Все под громадой земли текущие видел он реки
Разных краев; среди них признал он и Фáзис, и Ли́кос,
Видел источник, отколь Энипей вырывается бурно,
Также отец Тиберин; он и Анио видел теченье,
Средь громыхающих скал Гипанис с Каиком Мезийским,
И Эридан, чьи рога золотые над бычьей личиной
Блещут — река ни одна по землям, возделанным пышно,
С мощью такой не течет, устремляясь к пурпурному морю.
После того, как вошел он под свод свисавшего пемзой
Терема, только лишь плач услыхала Кирена сыновний,
Как уж прозрачной воды ключевой друг за другом подносят
Нимфы, для рук подают полотенца с подстриженной шерстью,
Снедью они загружают столы и полные ставят
Чаши, уже алтари огнем панхейским дымятся.
Мать сказала: «Возьми вина меотийского кубок
И возлиянье сверши Океану»! Потом помолилась
И Океану — отцу всех вещей, и нимфам-сестрицам,
Столько хранящим лесов и столько потоков хранящим,
Трижды в жаркий огонь прозрачный вылила не́ктар,
Трижды пламя взвилось, полыхая, под самые своды.
Знаменьем этим свой дух укрепив, приступила Кирена:

«В бездне морской у Карпафа живет тайновидец Нептунов,
Это — лазурный Протей; на двуногих конях, в колеснице,
Или на рыбах несясь, просторы он меряет моря.
Ныне он прибыл опять в Гематийские гавани, снова
В отчей Паллене живет. Мы, нимфы, его почитаем,
Даже сам старец Нерей: известно все тайновидцу —
Все, что было и есть и что в грядущем случится.
Благоволит к нему и Нептун, чей в море безбрежном
Скот он пасет без числа и отвратных с виду тюленей.
Путами, сын мой, сперва его оплети, чтоб недуга
Вещий причину раскрыл и благому помог бы исходу.
А без насилья не даст никаких наставлений; мольбою
Ты не приклонишь его,— применяй же силу и узы

К пленнику,— будут тогда бесполезны его ухищренья.
Я же сама, лишь зажжет свой зной полуденный солнце,
В час, когда жаждет трава и ста́да взыскуют прохлады,
В тайный приют старика тебя приведу, где усталый,
Выйдя из волн, он лежит,— чтоб легко ты схватил его спящим.
Будешь его ты держать руками и путами, он же
Станет выскальзывать, вид принимая различных животных,
Станет щетинистым вдруг кабаном иль тигром свирепым,
Львицею с желтым хребтом, чешуйчатым станет драконом;
Будет шипеть, как огонь, пронзительно и вырываться
Всячески будет из пут уходить, в струе растворившись.
Но чем он пуще начнет к своим прибегать превращеньям,
Тем ты крепче, мой сын, на пленнике стягивай путы
Вплоть до того, как опять он примет первоначальный
Вид,— как предстал он тебе, закрывающим сонные очи».

Молвив, она излила на ладонь амвросии дивной
И ароматом ее надушила юноше тело —
И от прически его благовоньем повеяло сладким.
Си́лен и ловок он стал. Обширное озеро было
В полой горе, постоянно туда наносило при ветре
Много воды, на два разделявшейся встречных теченья.
В бурю оно морякам служило пристанищем верным.
Там укрывался Протей, в глубине под скалою огромной.
В этом морском тайнике, поставив к свету спиною
Сына, она отошла и поодаль в облаке скрылась.
Сириус знойный уже, опаляя жаждущих индов,
В небе пылал, и пути половину прошло уже солнце.
Вяла трава; обмелев до ила надонного, реки,
Разгорячась от жары, кипели, и сохли истоки.
В это-то время Протей из волн к пещере привычной
Шел, и влажный народ безмерного моря в восторге
Прыгал, широ́ко вокруг соленой брызгаясь влагой.
На берегу, разбредясь, улеглись и дремали тюлени.
Сам же Протей,— так пастух, пасущий стада по нагорьям
В час, когда Веспер домой уже с пастбища стадо пригонит
И привлекают волков своим блеяньем овцы, считает,
Все ли,— сел на скалу и стал проверять поголовье.
Только его одолеть Аристей почуял возможность,
Только лишь дал старику простереть утомленные члены,
Голосом громким вскричал — и вмиг заключает в объятья
Спящего. Тот, своего не забывши, однако, искусства,
Стал превращаться опять в различные дивные вещи:

В страшного зверя, в огонь и в быстротекущую реку.
Но, как побегу обман никакой не помог,— побежденный,
Стал он собою опять и уже человеческой речью:
«Кто же дозволил тебе, юнец дерзновеннейший, к нашим
Тайным дворцам подойти,— сказал,— что нужно?» Пастух же:
«Знаешь, сам знаешь, Протей! Тебя ведь никто не обманет.
Брось же обманы и ты. Согласно богов повеленью
Я попросить пришел прорицания в горе постигшем».
Так он сказал. И пророк, наконец, с необычною силой
Стал очами вращать, горящими светом лазурным,
Страшно проскрежетал и уста разверз, прорицая:

«Некоего божества ты, видно, преследуем гневом.
Важное ты искупаешь: тебе Орфей несчастливец
Беды наслал не в меру вины,— чего боги не терпят,—
Значит, разгневан певец жестоко жены похищеньем,
Ибо, когда от тебя убегала, чтоб кинуться в реку,
Женщина эта, на смерть обреченная, не увидала
В гуще травы, возле ног, огромной змеи прибережной.
Хоры сверстниц дриад огласили тут воплем вершины
Гор, тогда залились твердыни Родопы слезами,
Кручи Пангейских высот с воинственной областью Реса,
Плакали геты, и Гебр, и Орифия с ними актейка.
Сам же он горе любви умерял черепаховой лирой,
Пел, отрада-жена, о тебе у волны, одинокий,
Пел при рождении дня и пел при его угасанье;
В Тенара устье вошел, в преддверье глубокое Дита,
В рощу отважно проник, омраченную теменью жуткой,
К сонму теней подошел и к царю, наводящему трепет,—
К жестким сердцам, которых мольбы не смягчают людские.
Тронуты пеньем его, из жилищ подземных Эреба
Души бесплотные шли и тени лишившихся света,
Словно тысячи птиц, что в деревьях скрываются, если
Веспер сгонит их с гор иль зимний ливень грозовый.
Матери шли и отцы, разобщенные с жизнью герои
Храбрые, отроки шли и в брак не вступившие девы,
Дети, которых костер на глазах у родителей принял,
Все, кто охвачен кольцом тростников безотрадных Коцита,
Черною тиной его, отвратительной топью болотной,
Те, кто навечно пленен девятью оборотами Стикса.
Боле того,— поражен и чертог, и Смерти обитель,
Та́ртар, и с кольцами змей голубых над челом Эвмениды.
Пасть тройную свою удержал, раскрыв было, Цербер,

Ветер внезапно затих, колесо Иксионово стало.
Вот уже, выбравшись вон, он всех избег злоключений,
И уж на воздух земной возвращенная шла Эвридика,
Следуя сзади (такой им приказ дала Прозерпина).
Только безумием вдруг был охвачен беспечный любовник,—
Можно б его и простить — но не знают прощения маны! —
Остановился и вот Эвридику свою на пороге
Света, забывшись,— увы! — покорившись желанью, окинул
Взором,— пропали труды, договор с тираном нарушен!
В миг тот три́ раза гром из глубин раздался Аверна.
Та: «Кто сгубил и тебя, и меня, злополучную? — молвит,—
Чей столь яростен гнев? Жестокие судьбы обратно
Вновь призывают меня, и дрема туманит мне очи.
Ныне прощай навсегда! Уношусь, окутана ночью,
Слабые руки, увы, к тебе — не твоя — простираю».
Только сказала — и вдруг от него, как дым, растворенный
В воздухе тонком, бежит, отвернувшись внезапно,— и друга,
Тщетно хватавшего мрак, сказать ей желавшего много,
Боле с тех пор не видала она, и лодочник Орка
Не допустил, чтоб Орфей через озеро вновь переехал.
Что было делать? Как быть, коль похищена дважды супруга?
Плачем как маны смягчить, как пеньем тронуть бессмертных?
А Эвридика меж тем в стигийской ладье холодела.
И, как преданье гласит, подряд семь месяцев долгих
Он под высокой скалой, на пустынном прибрежье Стримона
Плакал, под сводом пещер прохладных о том повествуя,—
Песнями тигров смирял и сдвигал дубы вековые.
Так Филомела, одна, в тени тополевой тоскуя,
Стонет, утратив птенцов, из гнезда селянином жестоким
Вынутых вдруг, бесперых еще; она безутешно
Плачет в ночи, меж ветвей свою несчастливую песню
Знай повторяет, вокруг все жалобой скорбною полня.
И не склонялся с тех пор ни к Венере он, ни к Гименею.
В гиперборейских льдах, по снежным степям Танаи́са,
Там, где рифейских стуж не избыть, одиноко блуждал он —
Об Эвридике скорбел, напрасном даре Аида!
Пренебреженные им по обету, Киконии жены
Между божественных жертв и оргий Вакха ночного
Там растерзали его и останки в степи разметали.
Голову только одну, разлученную с мраморной шеей,
Мчал, в пучине своей вращая, Гебр Оэагров.
Но Эвридику еще уста охладевшие звали,
Звали несчастную — ах! — Эвридику, с душой расставаясь,

И берега далеко по реке: «Эвридика!» — гласили».
Так Протей провещал и нырнул в глубокое море,
Где же нырнул, кругами пошла над теменем пена.
Что ж до Кирены, она к устрашенному так обратилась:

«Сын мой, теперь отложить докучные можно заботы!
Знаем, откуда болезнь: эту пагубу злостную нимфы,
Те, что вели хоровод с Эвридикой в дубраве дремучей,
Пчелам наслали твоим. А теперь дары и моленья,
Мира прося, принесешь — почтишь напей незлобивых.
Ибо услышат они и простят, и гнев их утихнет.
Как же их надо молить, тебя научу по порядку;
Самых роскошных быков четырех, отменнейшей стати,
Тех, что пасут для тебя на горах луговины Ликея,
Выбери, столько ж телиц, чья шея ярма не знавала.
Возле святилищ богов, наверху, алтаря ты четыре
Установи и из горл истечь дай крови священной.
Самые туши быков рассей по дубраве тенистой.
После, когда небеса зарей заалеют девятой,
Маков летейских снесешь погребальным ты даром Орфею.
Черной масти овцу умертвишь; возвратишься в дубраву
И Эвридику почтишь — ей в жертву заколешь телицу».
Он не помедлил, тотчас исполнил приказ материнский.
К месту святилищ идет, алтари, как велела, возводит;
Самых роскошных быков четырех отменнейшей стати
Вывел и столько ж телиц, чья шея ярма не знавала.
После, когда небеса зарей заалели девятой,
Дар поминальный принес он Орфею и в рощу вернулся.
Тут (нет сил и сказать о таком неожиданном чуде!)
Видит: из бычьих утроб загнивших, из каждого брюха,
Пчелы выходят, ключом закипают в поломанных ребрах,
Тучей огромной плывут и уже на вершине древесной,
Сбившись роем, как кисть лозы виноградной, свисают.

Пел я эти стихи про уход за землей, за стадами
И деревами, меж тем как Цезарь великий войною
Дальний Евфрат поражал и в народах, по доброй их воле,
Как победитель, закон утверждал, по дороге к Олимпу.
Сладостной в те времена был я — Вергилий — питаем
Партенопеей; трудясь, процветал и не гнался за славой;
Песней пастушьей себя забавлял и, по юности смелый,
Ти́тира пел в тени широковетвистого бука.

ЭНЕИДА

ПЕРЕВОД С. ОШЕРОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ф. ПЕТРОВСКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Долго и войны он вел,— до того, как, город построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,
Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,
Столько трудов. Неужель небожителей гнев так упорен?
Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.
Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство возвысить.
Только слыхала она, что возникнет от крови троянской
Род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.
Царственный этот народ, победной гордый войною,
Ливии гибель неся, придет: так Парки судили.
Страх пред грядущим томил богиню и память о битвах
Прежних, в которых она защищала любезных арги́вян.
Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь не забыла
Суд Париса, к своей красоте оскорбленной презренье,
И Ганимеда почет, и царский род ненавистный.

Гнев ее не слабел; по морям бросаемых тевкров,
Что от данайцев спаслись и от ярости грозной Ахилла,
Долго в Лаций она не пускала, и многие годы,
Роком гонимы, они по волнам соленым блуждали.
Вот сколь огромны труды, положившие Риму начало.

Йз виду скрылся едва Сицилии берег, и море
Вспенили медью они, и радостно подняли парус,
Тотчас Юнона, в душе скрывая вечную рану,
Так сказала себе: «Уж мне ль отступить, побежденной?
Я ль не смогу отвратить от Италии тевкров владыку?
Пусть мне судьба не велит! Но ведь сил достало Палладе
Флот аргивян спалить, а самих потопить их в пучине
Всех за вину одного Оилеева сына Аякса?
Быстрый огонь громовержца сама из тучи метнула
И, разбросав корабли, всколыхнула ветрами волны.
Сам же Аякс, из пронзенной груди огонь выдыхавший,
Вихрем вынесен был и к скале пригвожден островерхой.
Я ж, царица богов, громовержца сестра и супруга,
Битвы столько уж лет веду с одним лишь народом!
Кто же станет теперь почитать величье Юноны,
Кто, с мольбой преклонясь, почтит алтарь мой дарами?»
Так помышляя в душе, огнем обиды объятой,
В край богиня спешит, ураганом чреватый и бурей:
Там, на Эолии, царь Эол в пещере обширной
Шумные ветры замкнул и друг другу враждебные вихри,—
Властью смирив их своей, обуздав тюрьмой и цепями.
Ропщут гневно они, и горы рокотом грозным
Им отвечают вокруг. Сидит на вершине скалистой
Сам скиптродержец Эол и гнев их душ укрощает:
Иначе б море с землей и своды высокие неба
В бурном порыве смели и развеяли в воздухе ветры.
Но всемогущий Отец заточил их в мрачных пещерах,
Горы поверх взгромоздил и, боясь их злобного буйства,
Дал им владыку-царя, который, верен условью,
Их и сдержать, и ослабить узду по приказу умеет.

Стала Эола молить Юнона такими словами:
«Дал тебе власть родитель богов и людей повелитель
Бури морские смирять или вновь их вздымать над пучиной.
Ныне враждебный мне род плывет по во́лнам Тирренским,
Морем в Италию мча Илион и сраженных пенатов.
Ветру великую мощь придай и обрушь на корму им,

Врозь разбросай корабли, рассей тела по пучинам!
Дважды семеро нимф, блистающих прелестью тела,
Есть у меня, но красой всех выше Деиопея.
Я за услугу твою тебе отдам ее в жены,
Вас на все времена нерушимым свяжу я союзом,
Чтобы прекрасных детей родителем стал ты счастливым».

Ей отвечает Эол: «Твоя забота, царица,
Знать, что ты хочешь, а мне надлежит исполнять повеленья.
Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера милость,
Ты мне право даешь возлежать на пирах у всевышних,
Сделав меня повелителем бурь и туч дожденосных».

Вымолвив так, он обратным концом копья ударяет
В бок пустотелой горы,— и ветры уверенным строем
Рвутся в отверстую дверь и несутся вихрем над сушей.
На́ море вместе напав, до глубокого дна возмущают
Во́ды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий
Африк, вздувая валы и на́ берег бешено мча их.
Крики троянцев слились со скрипом снастей корабельных.
Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает бурное море.
Вторит громам небосвод, и эфир полыхает огнями,
Близкая верная смерть отовсюду мужам угрожает.
Тело Энею сковал внезапный холод. Со стоном
Руки к светилам воздев, он молвит голосом громким:
«Трижды, четырежды тот блажен, кто под стенами Трои
Перед очами отцов в бою повстречался со смертью!
О Диомед, о Тидид, из народа данайцев храбрейший!
О, когда бы и мне довелось на полях илионских
Дух испустить под ударом твоей могучей десницы,
Там, где Гектор сражен Ахилла копьем, где огромный
Пал Сарпедон, где так много несло Симоента теченье
Панцирей, шлемов, щитов и тел троянцев отважных!»

Так говорил он. Меж тем ураганом ревущая буря
Яростно рвет паруса и валы до звезд воздымает.
Сломаны весла; корабль, повернувшись, волнам подставляет
Борт свой; несется вослед крутая гора водяная.
Здесь корабли на гребне волны, а там расступились
Воды, дно обнажив и песок взметая клубами.
Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы
(Их италийцы зовут Алтарями, те скалы средь моря,—

Скрытый в пучине хребет), а три относит свирепый
Эвр с глубин на песчаную мель (глядеть на них страшно),
Там разбивает о дно и валом песка окружает.
Видит Эней: на корабль, что вез ликийцев с Оронтом,
Падает сверху волна и бьет с неслыханной силой
Прямо в корму и стремглав уносит кормчего в море.
Рядом корабль другой повернулся трижды на месте,
Валом гоним, и пропал в воронке водоворота.
Изредка ви́дны пловцы средь широкой пучины ревущей,
Доски плывут по волнам, щиты, сокровища Трои.
Илионея корабль и Ахата прочное судно,
То, на котором Абант, и то, где Алет престарелый,—
Все одолела уже непогода: в трещинах днища,
Влагу враждебную внутрь ослабевшие швы пропускают.

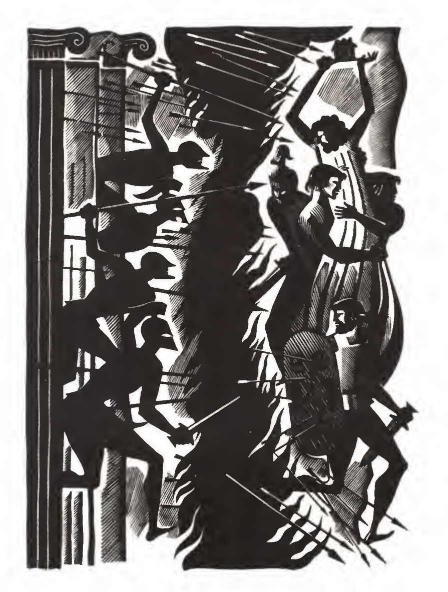
Слышит Нептун между тем, как шумит возмущенное море,
Чует, что воля дана непогоде, что вдруг всколыхнулись
Воды до самых глубин,— и в тревоге тяжкой, желая
Царство свое обозреть, над волна́ми он голову поднял.
Видит: Энея суда по всему разбросаны морю,
Волны троянцев гнетут, в пучину рушится небо.
Тотчас открылись ему сестры́ разгневанной козни.
Эвра к себе он зовет и Зефира и так говорит им:
«Ветры! Уверены вы, что все дозволено роду
Вашему? Как вы могли, моего не спросив изволенья,
Небо с землею смешать и поднять такие громады?
Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны,—
Вы же за эти дела наказаны будете строго!
Мчитесь скорей и вашему так господину скажите:
Жребием мне вручены над морями власть и трезубец,
Мне — не ему! А его владенья — тяжкие скалы,
Ваши, Эвр, дома́. Так пусть о них и печется
И над темницей ветров Эол господствует прочной».
Так говорит он, и вмиг усмиряет смятенное море,
Туч разгоняет толпу и на́ небо солнце выводит.
С острой вершины скалы Тритон с Кимотоей столкнули
Мощным усильем суда, и трезубцем их бог поднимает,
Путь им открыв сквозь обширную мель и утишив пучину,
Сам же по гребням валов летит на легких колесах.
Так иногда средь огромной толпы возникает внезапно
Бунт, и безродная чернь, ослепленная гневом, мятется.
Факелы, камни летят, превращенные буйством в оружье,
Но лишь увидят, что муж, благочестьем и доблестью славный,

Близится,— все обступают его и молча внимают
Слову, что вмиг смягчает сердца и душами правит.
Так же и нá море гул затих, лишь только родитель,
Гладь его обозрев, пред собою небо очистил
И, повернув скакунов, полетел в колеснице послушной.

Правят свой путь между тем энеады усталые к суше —
Лишь бы поближе была! — и плывут к побережьям Ливийским.
Место укромное есть, где гавань тихую создал,
Берег прикрыв, островок: набежав из открытого моря,
Здесь разбивается зыбь и расходится легким волненьем.
С той и с другой стороны стоят утесы; до неба
Две скалы поднялись; под отвесной стеною безмолвна
Вечно спокойная гладь. Меж трепещущих листьев — поляна,
Темная роща ее осеняет пугающей тенью.
В склоне напротив, средь скал нависших таится пещера,
В ней — пресноводный родник и скамьи из дикого камня,
Нимф обиталище здесь. Суда без привязи могут
Тут на покое стоять, якорями в дно не впиваясь.
Семь собрав кораблей из всего их множества, в эту
Бухту входит Эней; стосковавшись по суше, троянцы
Нá берег мчатся скорей, на песок желанный ложатся,
Вольно раскинув тела, увлажненные солью морскою.
Тотчас Ахат из кремня высекает яркую искру,
Листья сухие огонь подхватили, обильную пищу
Дали сучья ему — от огнива вспыхнуло пламя.
Вынув подмоченный хлеб и благой Цереры орудья,
Люди, усталость забыв, несут спасенные зерна,
Чтоб, на огне просушив, меж двух камней размолоть их.
Сам Эней между тем, на утес взобравшись высокий,
Взглядом обводит простор: не плывут ли гонимые ветром
Капис или Антей, кораблей не видать ли фригийских
И не блеснут ли щиты с кормы Кáйка высокой.
Нет в окоеме судов! Но над морем,— заметил он,— бродят
Три оленя больших; вереницею длинной за ними
Следом все стадо идет и по злачным долинам пасется.
Замер на месте Эней, и Ахатом носимые верным
Быстрые стрелы и лук схватил он в руки поспешно.
Прежде самих вожаков уложил, высóко носивших
Гордый убор ветвистых рогов; потом уже стадо
Стрелами он разогнал врассыпную по рощам зеленым.
Кончил не раньше Эней, чем семь огромных оленей
Наземь поверг, с числом кораблей число их сравнявши.

В гавань оттуда идет победитель, меж спутников делит
Ви́на, что добрый Акест поднес, кувшины наполнив,
В дар троянским гостям, покидавшим Тринакрии берег.
Всех вином оделив, он скорбящих сердца ободряет:
«О друзья! Нам случалось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям
Бог положит предел; вы узнали Сциллы свирепость,
Между грохочущих скал проплыв; утесы циклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить.
Через превратности все, через все испытанья стремимся
В Лаций, где мирные нам прибежища рок открывает:
Там предначертано вновь воскреснуть троянскому царству.
Ныне крепитесь, друзья, и для счастья себя берегите!»
Так он молвит друзьям и, томимый тяжкой тревогой,
Боль подавляет в душе и глядит с надеждой притворной.
Спутники тут за добычу взялись, о пире заботясь:
Мясо срывают с костей, взрезают утробу, и туши
Рубят в куски, и дрожащую плоть вертелами пронзают,
Ставят котлы на песке, и костры разводят у моря.
Все, возлежа на траве, обновляют пищею силы,
Старым вином насыщая себя и дичиною жирной.
Голод едой утолив и убрав столы после пира,
Вновь поминают они соратников, в море пропавших,
И, колеблясь душой меж надеждой и страхом, гадают,
Живы ль друзья иль погибли давно и не слышат зовущих.
Благочестивый Эней об отважном тоскует Оронте,
Плачет тайком о жестокой судьбе Амика и Лика,
Также о храбром скорбит Гиасе и храбром Клоанте.

Кончился пир; в этот миг с высоты эфира Юпитер,
Парусолетных морей равнину, простертые земли
И племена обозрев, широко расселенные в мире,
Встал на вершине небес и на Ливии взгляд задержал свой.
Тут к Отцу, что в душе был таких забот преисполнен,
Грустная, слезы в глазах блестящих,— подходит Венера,
Молвит такие слова: «Над делами бессмертных и смертных
Вечная власть тебе вручена и молнии стрелы,—
Чем виноват пред тобой мой Эней, о Родитель? Троянцы
Чем виноваты, скажи? Почему для них, претерпевших
Столько утрат, недоступен весь мир, кроме стран Италийских?
Знаю: годы пройдут, и от крови Тевкра старинной

«Энеида»

Книга вторая

Там, в Италии, род победителей-римлян восстанет,
Будут править они полновластно морем и сушей,—
Ты обещал. Почему же твое изменилось решенье?
Видя Трои закат и крушенье, я утешалась
Мыслью, что тевкров судьбу иная судьба перевесит.
Но и поныне мужей, испытавших столько страданий,
Та же участь гнетет. Где предел их бедам, властитель?
Мог ведь герой Антенор, ускользнув из рук у ахейцев,
В бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства проникнуть
И без вреда перейти бурливый Источник Тимава
Там, где, сквозь девять горл из глубин горы вырываясь,
Он попирает поля, многошумному морю подобен.
Там Антенор основал Патавий — убежище тевкров,
Имя племени дал и оружье Трои повесил;
В сладостном мире теперь он живет, не зная тревоги.
Мы же — потомство твое, нам чертог небесный сулил ты,
Мы, потеряв корабли, из-за гнева одной лишь богини
(Страшно молвить) вдали от Италии вновь оказались.
Вот благочестью почет! Ты так нашу власть возрождаешь?»

Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных и смертных
Светлой улыбкой своей, что с небес прогоняет ненастье,
Дочери губ коснулся Отец поцелуем и молвил:
«Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.
Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,
И до небесных светил высокó возвеличишь Энея
Великодушного ты. Мое неизменно решенье.
Ныне тебе предреку,— ведь забота эта терзает
Сердце твое,— и тайны судеб разверну пред тобою:
Долго сраженья вести он в Италии будет, и много
Сломит отважных племен, и закопы и стены воздвигнет,
Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит,
Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.
Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне,—
Илом был он, пока Илиопское царство стояло),—
Властвовать будет, доколь обращенье луны не отмерит
Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских
Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,

Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
Так я решил. Года пролетят, и время настанет:
Род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией
Будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян.
Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
Стран восточных; ему воссылаться будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людям законы дадут; войны́ проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость,
Связана сотней узлов, восседая на груде оружья,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой».

Так он сказал и с небес посылает рожденного Майей,
Чтоб Карфагена земля и новая крепость для тевкров
Дверь отворила свою, чтоб Дидона перед гостями,
Воле судеб вопреки, ненароком границ не закрыла.
Мчится, плывя на крылах, по воздуху в Ливию вестник,
Там исполняет приказ: по веленью бога пунийцы
Тотчас жестокость свою позабыли; первой царица,
Сердцем к миру склонясь, дружелюбьем исполнилась к тевкрам.

Благочестивый Эней, от забот и дум не сомкнувший
Глаз во всю ночь, поутру, лишь забрезжил рассвет благодатный,
Все решил разузнать: куда их забросило ветром,
Кто владеет страной (невозделано было прибрежье) —
Люди иль звери одни,— и спутникам тотчас поведать.
Флот под сводом лесов укрыв в углубленье скалистом,
Там, где деревья вокруг нависают пугающей тенью,
В путь пустился Эней, с собою взяв лишь Ахата;
Шел он, зажавши в руке две пики с жалом железным.

Мать явилась ему навстречу средь леса густого,
Девы обличье приняв, надев оружие девы —
Или спартанки, иль той Гарпалики фракийской, что мчится
Вскачь, загоняя коней, настигая крылатого Эвра.
Легкий лук за плечо на охотничий лад переброшен,
Отданы кудри во власть ветеркам, свободное платье
Собрано в узел, открыв до колен обнаженные ноги.
Первой молвит она: «Эй, юноши, мне вы скажите,
Может быть, видели вы сестер моих? Здесь они бродят,
Каждая носит колчан и одета шкурой пятнистой
Рыси; гонят они кабана свирепого с криком».

Так Венере в ответ сказал рожденный Венерой:
«Нет, я здесь не видал и не слышал сестер твоих, дева,—
Как мне тебя называть? Ты лицом не похожа на смертных,
Голос не так звучит, как у нас. Ты, верно, богиня,—
Или Феба сестра, иль с нимфами крови единой.
Счастлива будь, кто б ты ни была! Облегчи нам заботу:
Где мы, под небом каким, на берег края какого
Нас занесло, ты открой. Ни людей, ни места не зная,
Здесь мы блуждаем, куда нас прибило волнами и ветром.
Мы ж пред твоим алтарем обильные жертвы заколем».

Им отвечает она: «Я чести такой недостойна.
Девушки тирские все колча́ны носят такие,
Ходят, ноги обвив ремнем пурпурных котурнов.
Царство пунийцев ты зришь, Агеноров город тирийский;
Прежде подвластен был край ливийцам, в бою необорным,
Ныне правит страной Дидона, от брата из Тира
В этот бежавшая край. Велика обида, и так же
Повесть о ней велика: лишь о главном вам расскажу я.
Был ей мужем Сихей, богатейший среди финикийцев.
Крепко любила его жена, впервые вступивши
В брак, ибо отдал отец непорочной злосчастную замуж.
Царствовал в Тире тогда Дидоны брат вероломный
Пигмалион, в преступных делах превзошедший всех смертных.
Распря меж них началась, и он, нечестивый, Сихея
Тайно пред алтарем сразил коварным железом,
Чувства сестры он презрел, ослеплен лишь золота жаждой.
Долго злодейство свое от вдовы тосковавшей скрывал он,
Тщетной надеждой хитро сестру влюбленную тешил.

Но однажды во сне явился ей призрак супруга
Непогребенного. Лик, на диво бледный, подъемля,
Грудь пред ней обнажив пронзенную, всё ей открыл он
Про оскверненный алтарь, про убийство, скрытое в доме.
Призрак ее убедил скорей покинуть отчизну
И, чтобы бегству помочь, старинный клад указал ей —
Золото и серебро, в потайном зарытые месте.
Мужу послушна, жена для побега спутников ищет,—
Все, в ком страх был силен или ненависть злая к тирану,
Сходятся к ней. Захватив корабли, что готовы к отплытью
Были, золотом их нагружают. Увозят скупого
Пигмалиона казну. Возглавляет женщина бегство.
В эти приплыли места, где теперь ты могучие видишь
Стены, где ныне встает Карфагена новая крепость.
Здесь купили клочок земли, сколько можно одною
Шкурой быка охватить (потому и название Бирса).
Но расскажите и вы, от каких берегов вы плывете,
Кто вы, стремитесь куда?» И Эней на это ответил,—
Голос его из груди со вздохом вырвался тяжким:
«Если с первых причин начать рассказ мой, богиня,
Летопись наших трудов не успеешь выслушать за день,
Прежде чем Веспер взойдет и ворота Олимпа запрутся.
Мы из Трои плывем (и до вашего слуха, быть может,
Имя Трои дошло); по волнам, по водным равнинам
Всюду носимся мы; сюда нас буря примчала.
Благочестивым зовусь я Энеем; спасенных пенатов
Я от врага увожу, до небес прославлен молвою.
Род от Юпитера мой; в Италию отчую плыл я,
Следуя воле судьбы. Мать-богиня мне путь указала.
На двадцати кораблях я в просторы Фригийские вышел,—
Ныне осталось их семь, разбитых волнами и ветром.
Я же, безвестен и сир, по Ливийским пустыням скитаюсь,
Нет мне в Европу пути, и в Азию нет мне возврата».
Тут прервала его мать, не в силах жалобы слышать:
«Верю: кто ни был бы ты,— не против воли всевышних
Воздух живительный пьешь, если в город тирийцев ты прибыл.
Я возвещаю тебе, что вернутся спутники с флотом,
Ветер изменит свой бег и примчит их в надежную гавань,
Если меня не вотще научили предки гаданью.
Видишь: там дважды шесть лебедей летят вереницей.
Пав с высоких небес, Юпитера спутник крылатый
Их разогнал; а ныне они ликующим строем
Или стремятся к земле, иль, спустившись, ее озирают.

Вот они все собрались, заплескали крыльями шумно,
Снова вся стая взвилась, небосклон опоясала с кликом.
Так же твоих друзей корабли иль стоят на причалах,
Или, подняв паруса, вплывают в широкие устья.
Ты же прямо иди, не сворачивай с этой дороги».

Молвив, направилась вспять,— и чело озарилось сияньем
Алым, и вкруг разлился от кудрей амбросии запах,
И соскользнули до пят одежды ее, и тотчас же
Поступь выдала им богиню. В то же мгновенье
Мать узнал Дарданид и воскликнул вслед убегавшей:
«Сына вводила зачем, жестокая, обликом лживым
Ты в заблужденье не раз? Почему ни руку с рукою
Соединить не дала, ни твой подлинный голос услышать?»
Так он с укором сказал и путь свой к стенам направил.
Воздухом темным тогда окружила Венера идущих,
Облака плотный покров вкруг них сгустила богиня,
Чтоб ни один человек ни увидеть, ни тронуть не мог их
Иль задержать по пути и спросить о причине прихода.
После в Пафос удалилась сама дорогой воздушной —
В свой любезный приют, где курится в храме сабейский
Ладан на ста алтарях и венки аромат разливают.

В путь пустились меж тем мужи, повинуясь тропинке,
Всходят по склону холма, что над городом новым вздымался
И взирал с высоты на растущую рядом твердыню.
Смотрит Эней, изумлен: на месте хижин — громады;
Смотрит: стремится народ из ворот по дорогам мощеным.
Всюду работа кипит у тирийцев: стены возводят,
Го́рода строят оплот и катят камни руками
Иль для домов выбирают места, бороздой их обводят,
Дно углубляют в порту, а там основанья театра
Прочные быстро кладут иль из скал высекают огромных
Множество мощных колонн — украшенье будущей сцены.
Так по цветущим полям под солнцем раннего лета
Трудятся пчелы: одни приплод возмужалый выводят
В первый полет; другие меж тем собирают текучий
Мед и соты свои наполняют сладким нектаром.
Те у сестер прилетающих груз принимают, а эти,
Выстроясь, гонят стада ленивых трутней от ульев:
Всюду работа кипит, и от меда плывут ароматы.
«Счастливы те, для кого уж возводятся крепкие стены!»

Так восклицает Эней и на кровли глядит городские.
Входит он в город, покрыт (о, чудо!) облаком плотным,
В гущу вступает толпы, незримым для всех оставаясь.

В городе роща была; под ее приветливой сенью
В день, когда в Ливию их забросило ветром и бурей,
Знак тирийцы нашли, явле́нный царицей Юноной:
Быстрого череп коня,— затем, что много столетий
Будет их род отважен в бою и нужды не узнает.
Здесь величавый храм возводила Дидона Юноне,—
Был он дарами богат и любовью взыскан богини;
Медные к входу вели ступени; балки скреплялись
Медью, скрипели шипы дверные из меди блестящей.
Только лишь храм меж дерев очам пришельцев открылся,
Страх Энея утих: на спасенье надеяться снова
Смеет герой и средь бед опять в грядущее верить.
В храма преддверье войдя, в ожиданье прихода Дидоны
Смотрит диковины он, изумленный богатствами царства,
Ловким рукам мастеров и трудам их искусным дивится.
Тут одну за другой илионские битвы он видит,
Слух о которых молва разнесла по целому свету:
Здесь и Атрид, и Приам, и Ахилл, обоим ужасный.
Став перед ними, Эней со слезами молвит Ахату:
«Где, в какой стороне не слыхали о наших страданьях?
Вот Приам. Он и тут награжден хвалою посмертной.
Слезы найдем мы и здесь, и здесь растрогает души
Смертных удел; не страшись: эта слава спасет нас, быть может».
Молвит и душу свою услаждает картиной бесплотной,
Плачет, и слезы лицо орошают обильным потоком,
Ибо видит он вновь под Пергамом грозные битвы:
Вот ахейцы бегут, а юноши Трои теснят их,
Вот на фригийцев Ахилл налетел в своей колеснице,
Шлемом косматым блестя; а там со слезами узнал он
Белые Реса шатры на картине: многих, объятых
Первым предательским сном, тут убил Диомед кровожадный,
В греческий лагерь увел горячих коней, не успевших
С пастбищ троянских травы́ и воды из Ксанфа отведать.
Вот на картине другой Троил, свой щит обронивший:
Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом,
Навзничь упал он, но мчат скакуны колесницу пустую;
Не выпуская вожжей, по земле он влачится затылком,
И наконечником пыль бороздит копье боевое,

К храму идут между тем беспощадной Паллады троянки,
Кудри свои распустив, несут покрывало богине,
Скорбно молят ее, ладонями в грудь ударяя;
Но отвернулась от них и потупила взоры Минерва.
Гектора трижды влачит Ахилл вкруг стен илионских,
Тело его продает он за золото старцу Приаму,—
Громкий вырвался стон из груди Энея, едва лишь
Он увидел доспех, колесницу и друга останки,
Только узрел, как Приам простирал безоружные руки.
Также узнал он себя в бою с вождями ахейцев,
Рядом — пришельцев из стран Зари — Мемноновы рати.
Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья,
Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом,
Груди нагие она золотой повязкой стянула,
Дева-воин, вступить не боится в битву с мужами.

Тою порой, как дарданец Эней смотрел и дивился,
Не отводя ни на миг от картин изумленного взора,
К храму царица сама, прекрасная видом Дидона,
Шла, многолюдной толпой окруженная юношей тирских.
Так на Эврота брегах или Кинфа хребтах хороводы
Водит Диана, и к ней собираются горные нимфы:
Тысячи их отовсюду идут за нею,— она же
Носит колчан за спиной и ростом их всех превосходит
(Сердце Латоны тогда наполняет безмолвная радость),—
Так же, веселья полна, средь толпы выступала Дидона,
Думы трудам посвятив и заботам о будущем царстве.
В храма преддверье вступив, под сводчатой кровлей царица
Тотчас садится на трон, и стражи ее окружают;
Суд вершит и законы дает мужам и работы
Поровну делит она иль по жребию их назначает.
Вдруг увидел Эней: средь большого стеченья народа
Храбрый Клоант и Антей и Сергест приближаются к храму,
Тевкры следом идут, которых свирепые ветры,
По морю врозь разбросав, отнесли к другим побережьям.
Замер Эней, поражен, изумленный Ахат содрогнулся;
Страшно и радостно им: обретенным спутникам руку
Жаждут скорее пожать, но смущает сердца́ неизвестность.
Чувства свои подавив, из-за облака слушают оба,
Что испытали друзья, для чего явились к тирийцам,
Где оставили флот. Ибо с каждого судна посланцы
К храму спешили сейчас и молили о милости громко.

После того как ввели их к царице и дали им слово,
Илионей, старейший из них, промолвил степенно:
«О царица, тебе даровал Юпитер воздвигнуть
Город и диких племен надменность смирить правосудьем!
Молят троянцы тебя, по морям гонимые ветром:
Жалких, нас пощади, корабли спаси от пожара!
Чтит всевышних наш род,— так взгляни на нас благосклонно.
Мы пришли не с мечом — разорять карфагенских пенатов,
Не для того, чтоб, ограбивши вас, умчаться с добычей,
Чуждо насилие нам, и надменности нет в побежденных!
Место на западе есть, что греки зовут Гесперией,
В древней этой стране, плодородной, мощной оружьем,
Прежде жили мужи энотры; теперь их потомки
Взяли имя вождя и назвали себя «италийцы».
Путь мы держали туда.
Вдруг тученосный восстал Орион над пучиной морскою,
Дерзкие ветры снесли корабли на скрытые мели,
Буря, нас всех одолев, размела по волна́м и по скалам
Непроходимым суда; лишь немногие здесь оказались...
Что тут за люди живут, коль ступить на песок не дают нам?
Что за варварский край, если нравы он терпит такие?
Нам, угрожая войной, сойти запрещают на берег!
Если людей презираете вы и оружие смертных,
Бойтесь бессмертных богов, что помнят и честь и нечестье.
Нашим царем был Эней: справедливостью, храбростью в битвах
И благочестьем никто не мог с ним в мире сравниться.
Если его пощадила судьба, если воздухом дышит
Он, если видит эфир и к жестоким теням не спустился,—
Страха в нас нет. Да и ты не раскаешься, если услугу
Первая нам оказать поспешишь: в краях Сицилийских
Есть города и войска, и Акест — троянец по крови.
Пусть нам позволят лишь флот подвести, ураганом разбитый,
Бревна из леса добыть, их приладить, вытесать весла.
Если вновь мы найдем царя и спутников, если
Сможем в Италию плыть — то радостно путь свой направим
В Лаций, в Италию мы. Но если в море Ливийском
Ты погиб, наш отец, и нет надежды для Юла,
Мы к сицилийским пойдем проливам, откуда приплыли,
Будем готовых искать пристанищ в царстве Акеста».
Молвил Илионей, и опять вскричали дарданцы
Все, как один.

Скромно взор опустив, отвечала им кратко Дидона:
«Тевкры, отбросьте страх, прогоните заботы из сердца!
Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это
Бдительно так рубежи охранять меня заставляет.
Кто ж, энеады, о вас и кто о Трое не знает,
Кто не слыхал о пожаре войны, об отваге троянцев?
Нет, не настолько сердца очерствели в груди у пунийцев,
Прочь не гонит коней от тирийского города Солнце.
Если в великую вы Гесперию, к пашням Сатурна,
Или к Эриксу плыть захотите, в царство Акеста,—
Вам помогу, припасы вам дам, отпущу невредимо.
Если же в царстве моем захотите со мною остаться,—
Город, что я возвожу,— он ваш! Корабли приводите!
Будут равны́ предо мной всегда троянец с тирийцем.
Если б и царь ваш Эней, ураганом тем же подхвачен,
Прибыл сюда! А я разошлю по всему побережью
Вестников и прикажу обыскать до крайних пределов
Ливию: может быть, он по лесам иль селеньям блуждает».

Храбрый Ахат и родитель Эней от речи царицы
Духом воспрянули вмиг и прорваться сквозь облако жаждут.
Первым Энея Ахат ободряет: «Отпрыск богини,
Дума какая, скажи, у тебя в душе зародилась?
Видишь, опасности нет, и спутники с флотом вернулись.
Только один не вернулся корабль: мы видели сами,
Как он тонул. В остальном же сбылись предсказанья Венеры».
Чуть лишь промолвил он так,— и тотчас же вкруг них разлито́е
Облако разорвалось и растаяло в чистом эфире.
Встал пред народом Эней: божественным светом сияли
Плечи его и лицо, ибо мать сама даровала
Сыну кудрей красоту и юности блеск благородный,
Радости гордый огонь зажгла в глазах у героя.
Так слоновую кость украшает искусство, и ярче
Мрамор иль серебро в золотой блистают оправе.
Взорам нежданно представ, к собранью всему и к царице
Так обращается он: «Троянец Эней перед вами,
Тот, кого ищете вы, из Ливийского моря спасенный.
Ты, Дидона, одна несказанными бедами Трои
Тронута, нас, беглецов, уцелевших от сечи данайской,
Нас, лишенных всего, испытавших в морях и на суше
Столько тяжких трудов, принимаешь в дом свой и в город.
Сил нам не хватит теперь воздать тебе благодарность,—

Всем, сколько в мире их есть, не сделать этого тевкрам.
Если всевышние чтят благочестье и есть справедливость
Здесь, на земле,— то мысль, что ты поступила как должно,
Будет наградой тебе. Неужели тебя породивший
Век не счастлив? Ужель не достойны родители славы?
Реки доколе бегут к морям, доколе по склонам
Горным тени скользят и сверкают в небе светила,—
Имя дотоле твое пребудет в хвале и почете,
Земли какие бы нас ни призвали». Промолвив, он обнял
Илионея правой рукой, а левой — Сергеста,
Храброго после привлек Гиаса с храбрым Клоантом.

Гостя увидев едва, в изумленье застыла Дидона,
Тронута страшной судьбой, и ему она так отвечала:
«Что за жребий, скажи, через столько опасностей гонит,
Сын богини, тебя? К берегам этим диким какая
Сила тебя занесла? Ты — Эней, Анхиз — твой родитель,
В крае Фригийском, вблизи Симоента, рожден ты Венерой.
Помню доныне, как Тевкр в Сидон явился однажды:
Изгнан из края отцов, стремился он новое царство
С помощью Бела добыть; а Бел, мой отец, плодородный
Кипр тогда разорил и под властью держал, победитель.
С этого времени мне известны бедствия Трои,
Ведомо имя твое и царей имена пеласгийских.
Тевкрам хоть был он врагом, но о них с похвалой отозвался
И утверждал, что рожден от корня старинного тевкров.
Что ж, поспешите, мужи, и под кров мой войдите скорее!
Бедствий таких же сама я изведала много: повсюду
Нас Фортуна гнала и лишь здесь осесть разрешила.
Горе я знаю — оно помогать меня учит несчастным».
Вымолвив это, она увела Энея в палаты
Царские; в храме богам назначив почетные жертвы,
К берегу двадцать быков отправляет царица троянцам,
Сотню огромных свиней со щетиной жесткой и сотню
Жирных ягнят и овец; и с ними веселого бога
Дар посылает она.

Дом изнутри между тем убирают с роскошью царской;
Пир в покоях дворца готовят; ковры расстилают:
Тканы искусно они и украшены пурпуром гордым.
Стол отягчен серебром, на золоте кубков чеканных
Выбиты длинной чредой деянья славные предков,
Подвиги многих мужей от начала древнего рода.

Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя
К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата,
Чтобы Аскания он известил и привел его в город:
Полон родитель всегда об Аскании милом заботы.
Также велит он дары принести, что из гибнущей Трои
Им спасти удалось: от шитья золотого тяжелый
Плащ и шафранный покров с узором из листьев аканта,—
В дар получила его спартанка Елена от Леды,
Но, из Микен устремляясь в Пергам к беззаконному браку,
Дивный убор увезла. И еще принести приказал он
Жезл, что в прежние дни всегда Илиона носила,
Старшая дочь Приама-царя, и с ним ожерелье
Из жемчугов, и венец золотой, сверкавший камнями.
Быстро двинулся в путь Ахат, к кораблям поспешая.
Замысел новый меж тем питает в душе Киферея,
Новый готовит обман: чтоб к Дидоне, плененной дарами,
Вместо Юла пришел Купидон, изменивший обличье,
Сердце безумьем зажег и разлил в крови ее пламя,
Ибо Венеру страшит двоедушье тирийцев двуличных,
Гнев Юноны гнетет всю ночь богиню тревогой.
С речью такою она обратилась к крылатому сыну:
«Сын мой, ты — моя мощь, лишь в тебе моя власть и величье,
Сын, ты Юпитера стрел не боишься, сразивших Тифона,
Я прибегаю с мольбой к твоей божественной силе!
Знаешь ты: брат твой Эней, гонимый злобой Юноны,
Долго по глади морской и по всем побережьям блуждает.
Сам ты об этом скорбел со мною скорбью единой.
Ныне Дидона его задержать стремится словами
Льстивыми. Я же боюсь Юнонина гостеприимства:
Чем обернется оно? Ужель она случай упустит?
Вот и задумала я, упредив ее козни, царице
Пламенем сердце зажечь, чтоб никто не мог из всевышних
Чувства ее изменить, чтоб, как я, любила Энея.
Выслушай замысел мой, как все это можно устроить:
Царственный мальчик сейчас (о нем всех больше пекусь я),
Вызванный милым отцом, собирается в город сидонский.
Дар он несет, что спасен был из волн и пламени Трои.
Мальчика я, усыпив, умчу на высоты Киферы
Или укрою в своем идалийском священном приюте,
Чтобы моих он козней не знал и не мог помешать им.
Ты на одну только ночь свой облик изменишь обманно:
Мальчик сам, ты прими привычный мальчика образ,
Чтобы, лишь только тебя на колени посадит Дидона,

Здесь же, на царском пиру, среди возлияний Лиэя,
Только обнимет тебя, поцелуй тебе сладкий подарит,—
Тайное пламя вдохнуть в нее, отравив ее тайно».
Матери милой словам повинуется бог, и снимает
Крылья, и радостно в путь выступает Юла походкой.
Внука Венера меж тем погружает в сладкую дрему
И на руках уносит его в Идалийские рощи,
Где меж высоких дерев, овеваемый запахом сладким,
Спит он в душистой тени прекрасных цветов майорана.

Весело шел Купидон к тирийцам вслед за Ахатом,
Царские нес им дары, повинуясь матери слову.
Прибыли оба, когда на завешенном гордою тканью
Ложе своем золотом возлегла посредине царица.
Рядом родитель Эней, троянские юноши рядом,
Все за столом возлегли на пурпурных пышных покровах.
Слуги воду для рук и корзины с дарами Цереры
Подали; следом несут полотенца со стриженой шерстью.
В доме рабынь пятьдесят чередою длинной носили
Разные яства гостям, благовонья курили пенатам,
Сто рабынь и столько же слуг, им возрастом равных,
Ставили блюда на стол, подавали емкие чаши.
Много тирийцев в тот день веселый чертог посетило.
Всем царица велит на ложа возлечь расписные,
Все дивятся дарам Энея, дивятся на Юла,
Речи притворной его и лицу цветущему бога.
Смотрят на плащ и покров с узором из листьев аканта.
Пристальней всех остальных финикиянка бедная смотрит,
Не наглядится никак, обреченная будущей муке:
Сердце ее распалили дары и мальчик прекрасный.
Он же, за шею обняв Энея, краткое время
Побыл с мнимым отцом, чтоб любовь его только насытить,
После к царице пошел. А та глядит неотрывно,
Льнет всей грудью к нему, и ласкает его, и не знает,
Бедная, что у нее на коленях бог всемогущий.
Он же, наказ не забыв, начинает память о муже
В ней понемногу стирать, чтобы к новой любви обратились
Праздная дума ее и любить отвыкшее сердце.

Кончили все пировать; убирают столы челядинцы,
Емкий приносят кратéр, до краев наполняются кубки.
Шум по чертогам течет, и возгласы в воздухе реют;
Ярко лампады горят, с потолков золоченых свисая,

Пламенем мрак одолев, покой озаряют обширный.
Тут велела подать золотую чашу царица,
Множеством ценных камней отягченную,— Бела наследье,
Чистым вином налила,— и молчанье вокруг воцарилось.
«Ты даровал чужеземным гостям права, о Юпитер!
Сделай же так, чтобы радость принес и тирийцам и тевкрам
Нынешний день. Пусть память о нем сохранят и потомки!
О Юнона и Вакх, податель веселья, пребудьте
С нами! Вы же наш пир благосклонно почтите, тирийцы!»
Молвила так и, на стол пролив почетную влагу,
Первой коснулась она губами чаши священной,
Битию в руки ее отдала и пить пригласила.
Пенную чашу сполна осушил он до дна золотого;
Прочие гости — за ним. Золоченую взявши кифару,
Тут Иопад заиграл, Атлантом великим обучен.
Пел о блужданьях луны, о трудных подвигах солнца,
Люди откуда взялись и животные, дождь и светила,
Влажных созвездье Гиад, Арктур и двойные Трионы,
Зимнее солнце спешит отчего в Океан окунуться,
Летняя ночь отчего спуститься медлит на землю.
Плеском ладоней его наградили тирийцы и тевкры.
Так, возлежа меж гостей и ночь коротая в беседах,
Долго впивала любовь несчастная Тира царица.
Все о Приаме она и о Гекторе все расспросила,
То пытала, в каких Мемнон явился доспехах,
То каков был Ахилл, то о страшных конях Диомеда.
«Но расскажи нам, мой гость, по порядку о кознях данайцев,
Бедах сограждан твоих и о ваших долгих скитаньях,—
Молвит Энею она,— ибо вот уж лето седьмое
Носит всюду тебя по волнам морским и по суше».

КНИГА ВТОРАЯ

Смолкли все, со вниманьем к нему лицом обратившись.
Начал родитель Эней, приподнявшись на ложе высоком:
«Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица!
Видел воочию я, как мощь Троянской державы —
Царства, достойного слез,— сокрушило коварство данайцев;
Бедственных битв я участником был; кто, о них повествуя,
Будь он даже долоп, мирмидонец иль воин Улисса,
Мог бы слезы сдержать? Росистая ночь покидает
Небо, и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
Но если жажда сильна узнать о наших невзгодах,
Краткий услышать рассказ о страданиях Трои последних,
Хоть и страшится душа и бежит той памяти горькой,
Я начну. Разбиты в войне, отвергнуты роком,
Стали данайцев вожди, когда столько уж лет пролетело,
Строить коня, подобье горы. Искусством Паллады
Движимы дивным, его обшивают распиленной елью,—
Лживая бродит молва — по обету ради возврата.
Сами же прячут внутри мужей, по жребью избра́нных,
Наглухо стену забив и в полой утробе громады
Тайно замкнувши отряд отборный бойцов снаряженных.

Остров лежит Тенедо́с близ Трои. Богат, изобилен
Был он и славен, доколь стояло Приамово царство.
Ныне там бухта одна — кораблей приют ненадежный.
Враг, отплывши туда̀, на пустынном скрылся прибрежье;
Мы же верим: ушли, корабли устремили в Микены!
Тотчас долгую скорбь позабыла тевкров держава.

Настежь створы ворот: как сладко выйти за стены,
Видеть брошенный стан дорийцев и берег пустынный.
Здесь — долопов отряд, там — Ахилл кровожадный стояли,
Здесь был вражеский флот, а там два войска сражались.
Многих дивит погибельный дар безбрачной Минерве
Мощной громадой своей; и вот Тимет предлагает —
С умыслом злым иль Трои судьба уж так порешила —
В город за стены ввести коня и в крепость поставить.
Капис и те, кто судил осмотрительней и прозорливей,
В море низвергнуть скорей подозрительный дар предлагают,
Или костер развести и спалить данайские козни,
Или отверстье пробить и тайник в утробе разведать.
Шаткую чернь расколов, столкнулись оба стремленья...

Тут, нетерпеньем горя, несется с холма крепостного
Лаокоонт впереди толпы многолюдной сограждан,
Издали громко кричит: «Несчастные! Все вы безумны!
Верите вы, что отплыли враги? Что быть без обмана
Могут данайцев дары? Вы Улисса не знаете, что ли?
Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,
Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
Стенам грозить, дома наблюдать и в город проникнуть.
Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий таится!
Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев».
Молвил он так и с силой копье тяжелое бросил
В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
Пика впилась, задрожав, и в утробе коня потрясенной
Гулом отдался удар, загудели полости глухо.
Если б не воля богов и не разум наш ослепленный,
Он убедил бы взломать тайник аргосский железом,—
Троя не пала б досель и стояла твердыня Приама.

Вдруг мы видим: спешат пастухи дарданские с криком,
Прямо к царю незнакомца ведут, связав ему руки,
Хоть и вышел он к ним и по собственной воле им сдался.
Так подстроил он все, чтобы Трою открыть для ахейцев,
В мужество веря свое, был готов он к обоим исходам:
Или в обмане успеть, иль пойти на верную гибель.
Пленного видеть скорей не терпится юношам Трои:
Все подбегают к нему, в насмешках над ним состязаясь...
Ныне о кознях услышь данайских — и все преступленья
Ты постигнешь, узнав об одном!

Пленник стоял на виду у толпы, безоружный, смущенный,
Медленно взглядом обвел он фригийцев ряды и воскликнул:
«Горе! Какая земля теперь иль море какое
Могут дать мне приют? Что, жалкому, мне остается?
Больше места мне нет средь данайцев — но вот и дарданцы,
В гневе упорны, моей желают крови и казни!»
Стон его всех нас смягчил и умерил враждебную ярость,
Мы его просим сказать, от какой происходит он крови,
Что он принес. Пусть скажет: на что он надеялся, сдавшись?

«Царь! Всю правду тебе я открою, что б ни было дальше,
И отрицать не стану, что я по рожденью аргосец.
Это прежде всего; пусть Фортуна несчастным Синона
Сделала — лживым его и бесчестным коварной не сделать!
Верно, из чьих-нибудь уст ты имя слыхал Паламеда,
Сына Бела: ведь он был повсюду молвою прославлен.
Ложно его обвинив по наветам напрасным в измене
Из-за того, что войну порицал он, пеласги безвинно
Предали смерти его — а теперь скорбят по умершем.
Был он родственник нам, и с ним мой отец небогатый
С первого года войны меня в сраженья отправил.
Твердо покуда стоял у власти и в царских советах
Силу имел Паламед,— и у нас хоть немного, но были
Слава, почет... Но когда коварного зависть Улисса
Со свету друга сжила (то, о чем говорю я, известно),
Жизнь с тех пор я влачил во мраке, в горе и скорби,
Гнев питая в душе за его безвинную гибель.
Но не смолчал я, грозя отомстить, коль случай найдется,
Если в Аргос родной суждено мне вернуться с победой;
Речью безумною той я ненависть злобную вызвал.
В этом причина всех бед. С тех пор Улисс то и дело
Начал меня устрашать обвиненьями, сеять средь войска
Темные слухи: искал он оружье, вину свою зная.
Не успокоился он, покуда помощь Калханта...
Но для чего я вотще вспоминаю о прежних невзгодах?
Что я медлю? Коль все равны пред вами ахейцы,—
Слышали вы обо мне довольно! Казнь начинайте!
Этого жаждет Улисс и щедро заплатят Атриды!»
Мы же хотим обо всем разузнать, расспросить о причинах,
Не заподозрив злодейств, пеласгийских не зная уловок.
Он продолжал свою речь, трепеща от притворного страха:
«Чаще данайцы меж тем, истомленные долгой войною,
Стали о бегстве мечтать, о том, чтобы Трою покинуть,—

О, хоть бы сделали так! Но часто свирепые бури
Им не давали отплыть, и Австр устрашал уходящих.
Больше всего бушевала гроза в широком эфире
После того, как воздвигли коня из бревен кленовых.
Мы, не зная, как быть, Эврипила тогда посылаем
Феба оракул спросить,— но печальный ответ он приносит:
«Кровью ветры смирить, заклав невинную деву,
Вам, данайцы, пришлось, когда плыли вы к берегу Трои,—
Кровью должны вы снискать возврат и в жертву бессмертным
Душу аргосца принесть». И едва мы ответ услыхали,
Трепет холодный прошел по костям и замерло сердце:
Кто судьбой обречен, кого Аполлон избирает?
Тут на глазах смятенной толпы итакиец Калханта
На середину повлек, громогласно требуя, чтобы
Волю богов он открыл. Хитреца злодеянье и прежде
Мне предрекали не раз, грядущее втайне провидя.
Дважды пять дней прорицатель молчал и скрывался, чтоб жертву
Не называть и на смерть никого не обречь предсказаньем,—
После молчанье прервал, понуждаемый криком Улисса,
По уговору меж них меня на закланье назначил.
Тут уж никто не роптал: ведь смерть, которой боялся
Каждый, теперь одного, ему на горе, постигла.
Близился день роковой. Готовили все для обряда:
Соль с мукой пополам, вкруг висков мне тугие повязки.
Вырвался я, признаюсь, оковы порвал и от смерти
Ночью в густых тростниках у болотного озера скрылся,
Ждал, чтоб ушли, подняв паруса,— если только поднимут!
Больше надежды мне нет ни древнюю родину снова,
Ни двоих сыновей, ни отца желанного видеть.
Может быть, требуя с них за бегство наше расплаты,
Смертью несчастных мою вину покарают ахейцы...
Именем вышних богов, которым ведома правда,
Именем верности — коль остается еще среди смертных
Неоскверненной она,— молю: над нашими сжалься
Бедами! Сжалься над тем, кто столько вынес безвинно!»

Жизнь мы даруем ему, хитреца слезам сострадая.
Первым Приам приказал от тесных пут ему руки
Освободить и к нему обратился с приветливой речью:
«Кто бы ты ни был, теперь забудь покинутых греков.
Нашим ты будешь. Но мне ответь на вопрос мой правдиво:
Этот чудовищный конь для чего возведен? Кем построен?

Что стремились создать,— орудье войны иль святыню?»
Так он сказал. А Синон, в пеласгийских уловках искусный,
Начал, к небу воздев от оков свободные руки:
«Вечных огней божества нерушимые, вами клянусь я,
Вами, меч и алтарь нечестивый, которых избег я,
Вами, повязки богов, что носил я, идя на закланье!
Нет мне греха разорвать священные узы данайцев,
Нет греха ненавидеть мужей и сказать без утайки
Все, что скрывают они. Я не связан законом отчизны!
Ты лишь обетам своим храни, сохраненная Троя,
Верность, коль щедро тебе отплачу и правду открою!
Веры в победный исход и надежд залогом для греков
Помощь Паллады была всегда. Когда ж нечестивый
Сын Тидея и с ним Улисс — злодейств измыслитель —
В храм священный вошли, роковой оттуда Палладий
Силой исторгли, убив сторожей высокой твердыни,
Образ священный схватив, дерзновенно смели коснуться
Кровью залитой рукой девичьих повязок богини,—
Тотчас на убыль пошла, покидая данайцев, надежда,
Силы сломились у них, и богиня им стала враждебна.
Гнев свой Тритония им явила в знаменьях ясных:
В лагерь едва был образ внесен — в очах засверкало
Яркое пламя, и пот проступил на теле соленый;
И, как была, со щитом и копьем колеблемым, дева —
Страшно об этом сказать — на месте подпрыгнула трижды.
Тут возвещает Калхант, что должны немедля данайцы
Морем бежать, что Пергам не разрушат аргосские копья,
Если в Аргосе вновь не испросят примет, возвратившись
Благоволенье богов, что везли на судах они прежде.
Ныне стремятся они по ветру в родные Микены,
С тем чтобы милость богов вернуть и внезапно явиться,
Море измерив опять. Так Калхант толкует приметы.
Образ же этот они по его наущенью воздвигли,
Чтобы тягостный грех искупить оскорбленья святыни.
Сделать огромным коня, и дубом одеть, и до неба
Эту громаду поднять повелел Калхант, чтоб не мог он
Через ворота пройти и, в городе став за стенами,
Ваш народ охранять исконной силой священной.
Ибо, коль ваша рука оскорбит приношенье Минерве,
Страшная гибель тогда (пусть прежде пошлют ее боги
Вашим врагам) фригийцам грозит и Приамову царству,
Если же в город его вы своими руками введете,—
Азия грозной войной пойдет на Пелоповы стены,

Вам предреченный удел достанется нашим потомкам».
Лживыми клятвами нас убедил Синон вероломный;
Верим его лицемерным слезам, попались в ловушку
Те, кого ни Тидид, ни Ахилл, ни многие сотни
Вражьих судов, ни десять лет войны не смирили.

Новое знаменье тут — страшней и ужаснее прежних —
Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию избран,
Пред алтарем приносил быка торжественно в жертву.
Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:
Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.
Стонет соленый простор; вот на берег выползли змеи,
Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его, прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,
Бедную плоть терзают, язвят, разрывают зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьем потрясая,—
Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вкруг тела ему и дважды вкруг горла обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
Тщится он разорвать узлы живые руками,
Яд и черная кровь повязки жреца заливает,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подъемлет несчастный,—
Так же ревет и неверный топор из загривка стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
Быстро ползут напрямик к твердыне Тритонии грозной,
Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться.
Новый ужас объял потрясенные души троянцев:
Все говорят, что не зря заплатил за свое злодеянье
Лаокоонт, который посмел копьем нечестивым
Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя.
Люди кричат, что в город ввести нужно образ священный,
Нужно богиню молить.
Брешь пробиваем в стене, широкий проход открываем.
Все за дело взялись: катки подводят громаде

Под ноги, шею вокруг обвивают пеньковым канатом,
Тянут. Конь роковой тяжело подвигается к стенам,
Вражьим оружьем чреват. Вокруг невинные девы,
Мальчики гимны поют и ликуют, коснувшись веревки.
Все приближается конь, вступает в город с угрозой...
О Илион, обитель богов, дарданцев отчизна!
Стены, что славу в бою обрели! За порог задевая,
Трижды вставал он, и трижды внутри звенело оружье;
Мы же стоим на своем, в ослепленье разум утратив,
Ставим, на го́ре себе, громаду в твердыне священной.
Нам предрекая судьбу, уста отверзла Кассандра,—
Тевкры не верили ей, по веленью бога, и раньше.
Храмы богов в этот день, что для нас, несчастных, последним
Был,— словно в праздник, листвой зеленой мы украшаем.

Солнце меж тем совершило свой путь, и ночь опустилась,
Мраком окутав густым небосвод, и землю, и море,
Козни данайцев сокрыв. Разбрелись по городу тевкры,
Смолкли все, и сон объял усталые члены.
Тою порой аргивян суда, построясь фалангой,
От Тенодоса в тиши, под защитой луны молчаливой,
К берегу вновь знакомому шли. И лишь только взметнулось
Пламя на царской корме,— Синон, хранимый враждебной
Волей богов, сосновый затвор тайком открывает
Скрытым в утробе бойцам. И конь выпускает наружу
Запертых греков: на свет из дубовой выходят пещеры
Радостно храбрый Фессандр, Сфенел с Улиссом свирепым;
Вниз, по канату скользнув, спустились Фоант с Акамантом,
Неоптолем Пелид, Махаон-врачеватель, и следом
Царь Менелай, и за ними Эпей, строитель засады.
Тотчас на город напав, вином и сном оглушенный,
Стражей убив, встречают они в отворённых воротах
Новых соратников, слив соумышленных оба отряда.

Час наступил, когда на людей усталых нисходит
Крадучись первый сон, богов подарок отрадный.
В этот час мне явился во сне опечаленный Гектор:
Слезы обильно он лил и, как в день, когда влек его тело
За колесницей Ахилл, был черен от крови и пыли;
Мертвые вспухли стопы от ремней, сквозь раны продетых,—
Горе! Как жалок на вид и как на того не похож был
Гектора он, что из битвы пришел в доспехах Ахилла
Или фригийский огонь на суда данайские бросил!

Грязь в бороде у него, и от крови волосы слиплись,
В ранах вся грудь,— ибо множество ран получил он у отчих
Стен. И привиделось мне, что заплакал я сам и с такою
Речью печальной к нему обратился, героя окликнув:
«Светоч Дардании! Ты, о надежда вернейшая тевкров!
Что ты так медлил прийти? От каких берегов ты явился?
Гектор желанный, зачем, когда столько твоих схоронили
Близких и столько трудов претерпели и люди и город,
Видим тебя истомленные мы? И что омрачает
Светлый лик твой, скажи! Почему эти раны я вижу?»
Время не стал он терять, чтоб на праздные эти вопросы
Дать мне ответ, но, тяжко вздохнув, промолвил со стоном:
«Сын богини, беги, из огня спасайся скорее!
Стенами враг овладел, с вершины рушится Троя!
Отдал довольно ты и Приаму и родине! Если б
Мог быть Пергам десницей спасен,— то десницей моею!
Троя вручает тебе пенатов своих и святыни:
В спутники судеб твоих ты возьми их, стены найди им,
Ибо, объехав моря, ты воздвигнешь город великий».
Вымолвив так, своею рукой выносит он Весту,
Вечный огонь и повязки ее из священных убежищ.

Вопли скорби меж тем раздаются по городу всюду.
Хоть и стоял в стороне, густыми деревьями скрытый,
Дом Анхиза-отца, но все ясней и яснее
Шум долетает к нему и ужасный скрежет оружья.
Вмиг воспрянув от сна, я взошел на верхушку высокой
Кровли и там стоял и внимал им, слух напрягая;
Так, если буйным огнем, раздуваемым яростной бурей,
Вдруг займутся поля иль поток стремительный горный
Пашни — работу быков — и посевы тучные губит,
Валит леса и влечет за собой,— пастух изумленный,
Став на вершине скалы, отдаленному шуму внимает.
Тут только стала ясна мне истина; козни данайцев
Все открылись теперь. Побежденный силой Вулкана,
Дом Деифоба упал; горит жилище соседа
Укалегона, и блеск отражают Сигейские воды.
Клики труб и воинов крик раздаются повсюду.
Я вне себя хватаюсь за меч, хоть пользы в нем мало.
Жаждем соратников мы найти, сплотившись отрядом,
Крепость занять. И ярость и гнев опрокинули разум:
Кажется нам, что достойней всего—с оружьем погибнуть.

Тут появляется Панф, ускользнувший от копий ахейских,
Панф Офриад, что жрецом был в храме Феба высоком:
Маленький внук на руках, и святыни богов побежденных
В бегстве с собой он влечет, к моему поспешая порогу.
«Где страшнее беда, о Панф? Где найти нам твердыню?»
Только промолвил я так, со стоном он мне ответил:
«День последний пришел, неминуемый срок наступает
Царству дарданскому! Был Илион, троянцы и слава
Громкая тевкров была,— но все жестокий Юпитер
Отдал врагам; у греков в руках пылающий город!
В крепости конь одного за другим выпускает аргивян,
И победитель Синон, ликуя, полнит пожаром
Трою. Данайцы — одни к отворенным воротам подходят,—
Столько же некогда к нам из Микен великих явилось;
Выставив копья, заняв теснины улиц, другие
Строем стоят с обнаженным мечом, сверкая клинками,—
Каждый готов убивать. У ворот лишь первые стражи,
В бой вслепую вступив, противятся натиску тщетно».
Речи Панфа такой повинуясь и воле бессмертных,
Мчусь я в бой и в огонь, куда призывает богиня
Мрачная мщенья, и шум, и до неба подъятые вопли.
Встретив меня при свете луны, Рифей и отважный
В битвах Эпит, Гипанид и Димант ко мне примыкают,
Чтобы со мной заодно сражаться; с ними подходит
Сын Мигдона Кореб: на этих днях лишь явился
Юноша к нам, полюбив безрассудной любовью Кассандру.
Прибыл на помощь как зять к Приаму он и к фригийцам
И наставленьям внимать невесты своей исступленной
Не пожелал.
Видя, что все собрались затем, чтоб сражаться без страха,
К ним обратился я так: «О юноши, тщетно пылают
Храбростью ваши сердца! Вы готовы идти, не колеблясь,
С тем, кто решился на все,— но исход вам известен заране!
Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.
Что же! Погибнем в бою, но горящему граду поможем!
Для побежденных спасенье одно — о спасенье не думать!»
Яростью я их зажег. И вот, точно хищные волки
В черном тумане, когда ненасытной голод утробы
Стаю вслепую ведет, а щенки с пересохшею глоткой
Ждут по логовам их,— мы средь вражеских копий навстречу
Гибели верной бредем по срединным улицам Трои,
Сумрачной тенью своей нас черная ночь осеняет.

Кто о кровавой резне той ночи страшной расскажет?
Хватит ли смертному слез, чтобы наши страданья оплакать?
Древний рушится град, царивший долгие годы.
Всюду — вдоль улиц, в домах, у дверей заповедных святилищ —
Груды тел неподвижных лежат, во прахе простертых.
Пеню кровавую тут не одни лишь платят троянцы:
Даже в сердца побежденных порой возвращается храбрость,
И победитель тогда данаец падает наземь.
Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду.

Первый данаец, что нам повстречался, толпой окруженный,
Был Андрогей. За соратников нас в неведенье принял
Он и с речью такой приветливо к нам обратился:
«Эй, торопитесь, друзья! Как можно медлить так долго
В праздности? Грабят без вас и разносят Пергам подожженный!
Вы же только теперь с кораблей высоких идете!»
Молвил — и понял он вдруг, не услышав ясных ответов
Ни от кого, что в гуще врагов оказался нежданно.
Тотчас же с криком назад Андрогей изумленный отпрянул,—
Так же, случайно ступив, в колючем терновнике путник
Вдруг потревожит змею — и с трепетом прочь он стремится,
Видя, что гад поднялся и свирепо раздул свою шею.
Так отступил Андрогей, когда нас узнал, устрашенный.
Сомкнутым строем на них мы со всех сторон нападаем,
Видим: сопутствует нам Фортуна в первом сраженье.
Духом воспрянул Кореб, мимолетным ободрен успехом,
Молвит: «Друзья, если нам указала Фортуна к спасенью
Путь, где она благосклонна была,— последовать должно
Этим путем. Обменяем щиты и знаки данайцев
Мы к доспехам своим приладим. Хитрость и храбрость
Равны в битве с врагом! Сам недруг даст нам оружье».
Молвив так, надевает он шлем Андрогея косматый,
Пышно украшенный щит и меч аргосский хватает.
Делают то же Рифей и Димант, и радостно следом
Юноши все оружье берут, добытое с бою.
Без изволенья богов мы рыщем ночью слепою,
Тут нападаем и там, с толпой смешавшись данайцев;
Многих отправили мы в обитель мрачную Орка.
Враг разбегается: те на берег спешат безопасный —
Спрятаться возле судов, а те, в постыдном смятенье,
Лезут опять на коня,— чтоб в знакомом чреве укрыться.

Но против воли богов ни на что нельзя полагаться!
Видим: из храма влекут, из священных убежищ Минервы,
Деву, Приамову дочь, Кассандру; волосы пали
На плечи ей; пылающий взор возвела она к небу,—
Только взор, ибо руки поднять не давали оковы.
Зрелище это Кореб снести не мог и, взъярившись,
В самую гущу врагов устремился на верную гибель.
Следом за ним и мы напали сомкнутым строем.
Тут посыпались вдруг с высокой святилища кровли
Копья троянцев на нас: началась плачевная битва,—
Из-за доспехов чужих, из-за греческих шлемов гривастых.
Враг сбежался на крик: за добычу отбитую в гневе,
Мчатся со всех сторон данайцы — оба Атрида,
Пылкий Аякс и за ним долопов грозное войско.
Так иногда срывается вихрь, и встречные ветры
Борются: Нот, и Зефир, и Эвр, что радостно гонит
Коней Зари; и стонут леса, и свирепо трезубцем
Пеной покрытый Нерей до глубин возмущает пучины.
Даже и те, кого удалось во тьме непроглядной
Хитростью нам разогнать и рассеять по городу,— снова
Все появляются здесь: щиты и подложные копья
Тотчас они узнают, услыхав наш выговор странный.
Враг подавил нас числом. Сражен рукой Пенелея,
Падает первым Кореб к алтарю копьеносной богини.
Пал и Рифей, что всегда справедливейшим слыл среди тевкров,
Следуя правде во всем (но иначе боги судили).
Пал Гипанид и Димант, убиты троянцами оба.
Панф! И тебя не спасли, когда был ты повержен врагами,
Ни благочестье твое, ни повязки жреца Аполлона!
Трои прах и огонь, в котором друзья погибали,
Вы мне свидетели: в час крушенья я не стремился
Копий данайских бежать и уйти от участи грозной.
Гибель я заслужил — но рок мне иное назначил.
Вырвался с Пелием я и с Ифитом (Ифит отягчен был
Возрастом, Пелий был слаб от ран, нанесенных Улиссом).
Крики и шум непрестанно влекли нас к дому Приама.

Битва такая здесь шла многолюдная, словно нигде уж
Не было больше войны, и бойцов не удерживал город.
Лютый свирепствует Марс. Данайцы рвутся в чертоги,
Тщатся входы занять, прикрываясь сверху щитами,
Лестницы ставят к стенам и у самых дверей по ступеням

Лезут все выше они, против стрел щиты выставляя
Левой рукой, а правой уже хватаясь за кровли.
Башни рушат на них, черепицу мечут дарданцы,—
Видя последний свой час, на краю неминуемой смерти
Этим оружьем они от врагов хотят защититься.
Дедовских древних времен красу — золоченые балки
Катят сверху одни; другие, мечи обнаживши,
Встали в дверях изнутри, охраняют их сомкнутым строем.
Духом воспрянув, спешим скорее к царским чертогам,
Чтобы пополнить ряды и помощь подать побежденным.

Дверь потайная была и ход, покинутый всеми:
Сзади он вел во дворец через все покои Приама,
Здесь ходила не раз, пока наше царство не пало,
Без провожатых, одна, Андромаха к родителям мужа,
К деду несчастная мать носила Астианакса.
Быстро выбежал я на высокую крышу, откуда
Бедные тевкры свои безвредные копья метали.
С краю там башня была, до самых звезд поднималась
Кровлей высокой она, с нее видна была Троя,
Ряд привычный судов данайских и лагерь ахейский.
Башню вокруг обступив, мы железом крушим основанья
Там, где высокий настил расшатался в швах ослабевших,
Вниз толкаем ее, и внезапно с грохотом грозным
Рушится все, и вражеский строй засыпают обломки.
Но подступают еще и еще данайцы, и градом
Камни и копья летят.

Возле самых сеней на пороге царском ярится
Пирр, и ярко блестит доспех, сверкающий медью.
Так выходит на свет, напитавшись травой ядовитой,
Змейка: зимой холода под землей ее долго держали;
Юностью ныне блестя и сбросив старую кожу,
Скользкую спину она извивает и грудь поднимает
К солнцу опять, и трепещет язык раздвоенный в пасти.
Рядом стоит великан Перифант и возница Ахилла
Автомедонт-щитоносец и с ним скиросское войско:
Все, дворец обступив, на крышу факелы мечут.
Пирр — в передних рядах: схватив топор двулезвийный,
Рубит порог и дверь, обитую медью, срывает
Прочь с косяка. Уж насквозь прорубил он дубовую доску;
Словно раскрытая пасть, широко в ней зияет отверстье:

Внутренность дома видна, череда чертогов открылась,
Виден Приама покой и царей наших древних палаты,
Люди с оружьем видны, что стоят за первою дверью,

Полнится дом между тем смятеньем и горестным стоном:
В гулких чертогах дворца отдаются женские вопли,
Крик долетает до звезд. Объятые трепетом, бродят
Матери, жены везде по обширным покоям, и двери
Держат в объятьях они, поцелуями их покрывая.
Натиском Пирр подобен отцу: и запоры и стражи —
Все бессильны пред ним. От ударов частых тарана
Дверь подалась наконец, сорвалась с шипов и упала.
Сила путь пролагает себе: вломились данайцы,
Первых стражей свалив, разлились по дворцу, словно волны.
С меньшей силой поток вспенённый, прорвавши плотины,
Натиском волн одолев на пути стоящие дамбы,
Бешено мчит по лугам и по нивам стремит свои волны,
Вместе со стойлами скот унося. Разъяренного Пирра
Видел я сам и Атридов двоих на высоком пороге,
Видел Гекубу, и сто невесток ее, и Приама,—
Кровью багрил он алтарь, где огонь им самим освящен был.
Брачных покоев полста — на потомков обильных надежда,
Двери, щитами врагов и варварским гордые златом,—
Рушится все. Что огонь пощадил,— досталось данайцам.

Спросишь, быть может, о том, какова была участь Приама?
Видя, что занят врагом разрушенный город, что входы
Взломаны царских палат, что дворец наполняют данайцы,
Старец, отвыкший от битв, дрожащей рукой облачает
Дряхлое тело в доспех, надевает меч бесполезный,
Прямо в гущу врагов устремляется в поисках смерти.
В самом сердце дворца, под открытым сводом небесным
Был огромный алтарь, и старый лавр густолистый
Рос, нависая над ним, осеняя ветвями пенатов.
В тщетной надежде вокруг с Гекубой дочери сели,
Жались друг к другу они, как голубки под бурею черной,
Статуи вечных богов обнимая. Когда же Гекуба
Мужа увидела вдруг в доспехах, приличных лишь юным,—
Молвила: «Бедный Приам, о, что за умысел страшный
Это оружие взять тебя заставил? Куда ты?
Нет, не в таком подкрепленье, увы, не в таких ратоборцах
Время нуждается! Нет, если б даже был здесь мой Гектор...

Так отойди же сюда! Защитит нас жертвенник этот,
Или же вместе умрем!» И, промолвив, она привлекает
Старца к себе и сажает его в укрытье священном.

В этот миг, ускользнув от резни, учиняемой Пирром,
Сын Приамов Полит появился. Средь вражеских копий,
Раненый, вдоль колоннад он летит по пустынным палатам,
Следом гонится Пирр, разъяренный пролитой кровью,—
Кажется — вот он схватит его или пикой настигнет.
Все же Полит убежал: истекающий кровью, упал он
Наземь и дух испустил на глазах у Приама с Гекубой.
Тут Приам, хоть над ним уже верная смерть нависала,
Гнев сдержать не сумел и воскликнул голосом слабым:
«Пусть за злодейство тебе и за дерзость преступную боги,—
Если еще справедливость небес карает преступных,—
Всем, что ты заслужил, воздадут и заплатят достойной
Платой за то, что меня ты заставил сыновнюю гибель
Видеть и взоры отца запятнал лицезрением смерти.
Нет, не таков был Ахилл (ты лжешь, что тебе он родитель):
Прав молящего он устыдился и чести был верен,
Отдал Приаму-врагу бездыханное Гектора тело
Для погребенья и нас отпустил домой невредимо».
Вымолвив так, без размаха копье бессильной рукою
Старец в Пирра метнул, но застряла безвредная пика
В выпуклой части щита, отраженная гулкою медью.
Пирр отвечал: «Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Все рассказать не забудь и о выродке Неоптолеме.
Так умри же!» И вот, промолвив, влечет к алтарю он
Старца, который скользит в крови убитого сына;
Левой рукой Приама схватив за волосы, правой
Меч он заносит и в бок вонзает по рукоятку.
Так скончался Приам, и судил ему рок перед смертью
Трои славной пожар и крушенье Пергама увидеть,
После того как владыкою он земель и народов
Азии некогда был. Лежит на прибрежье троянском,
Срублена с плеч, голова и лежит безымянное тело.

Я обомлел, и впервые объял меня ужас жестокий:
Милого образ отца мне представился в это мгновенье,
Ибо я видел, как царь, ровесник ему, от удара
Страшного дух испустил. Предо мной предстала Креуса,
Дом разграбленный мой, малолетнего Юла погибель.

Я оглянулся, смотрю, вокруг осталось ли войско?
Все покинули бой: ослабевши, трусливо на землю
Спрыгнули или огню истомленное предали тело.

Был я один, когда вдруг на пороге святилища Весты
Вижу Тиндарову дочь, что в убежище тайном скрывалась
Молча, в надежде спастись,— но при ярком свете пожара
Видно было мне все, когда брел я, вокруг озираясь.
Равно страшась, что ее за сожженный Пергам покарают
Тевкры и что отомстят покинутый муж и данайцы,
Спряталась у алтаря и, незримая, в храме сидела
Та, что была рождена на погибель отчизне и Трое.
Вспыхнуло пламя в душе, побуждает гнев перед смертью
Ей за отчизну воздать, наказать за все преступленья:
«Значит, вернется она невредимо в родные Микены,
Спарту узрит и пройдет царицей в триумфе, рожденном
Ею самой? Увидав сыновей и родителей снова,
В дом свой войдет в окруженье толпы рабов илионских,
После того как Приам от меча погиб, и пылает
Троя, и кровью не раз орошался берег дарданский?
Так не бывать же тому! Пусть славы мне не прибавит
Женщине месть,— недостойна хвалы такая победа,—
Но, по заслугам ее покарав, истребив эту скверну,
Я стяжаю хвалу, и сладко будет наполнить
Душу мщенья огнем и прах моих близких насытить».
Мысли такие в уме, ослепленном гневом, кипели,
Вдруг (очам никогда так ясно она не являлась)
Мать благая, в ночи блистая чистым сияньем,
Встала передо мной во всем величье богини,
Точно такая, какой ее небожители видят.
Руку мою удержала она и молвила слово:
«Что за страшная боль подстрекает безудержный гнев твой?
Что ты безумствуешь, сын? Иль до нас уж нет тебе дела?
Что не посмотришь сперва, где отец, удрученный годами,
Брошен тобой, и живы ль еще супруга Креуса,
Мальчик Асканий? Ведь их окружили греков отряды!
Если б забота моя не была им надежной защитой,
Их унес бы огонь или вражеский меч уничтожил.
Нет, не спартанки краса Тиндариды, тебе ненавистной,
И не Парис, обвиненный во всем,— лишь богов беспощадность,
Только она опрокинула мощь и величие Трои.
Сын мой, взгляни: я рассею туман, что сейчас омрачает
Взор твоих смертных очей и плотной влажной завесой

Все застилает вокруг. Молю: материнских приказов
Ты не страшись и советам моим безотказно последуй.
Там, где повержены в прах громады башен, где глыбы
Сброшены с глыб и дым клубится, смешанный с пылью,—
Стены сметает Нептун, сотрясая устои трезубцем,
Город весь он крушит и срывает его с оснований.
Тут Юнона, заняв ворота Скейские первой,
Яростным пылом полна и мечом опоясана, кличет
Войско от кораблей.
Видишь: там, в высоте, заняла твердыни Паллада,
Села, эгидой блестя, головой Горгоны пугая.
Сам Отец укрепляет дух данайцев, и силы
Им придает, и богов возбуждает против дарданцев.
Бегством спасайся, мой сын, покинь сраженья! С тобою
Буду всегда и к отчим дверям приведу безопасно».
Вымолвив, скрылась она в непроглядном сумраке ночи;
Я же воочью узрел богов, Илиону враждебных,
Грозные лики во тьме.
Весь перед взором моим Илион горящий простерся.
Вижу: падает в прах с высоты Нептунова Троя,
Будто с вершины горы, беспощадным подрублен железом,
Ясень старый, когда, чередуя все чаще удары
Острых секир, земледельцы его повергнуть стремятся,
Он же стоит до поры, и трепещущей кроной качает,
И наконец, побежден глубокими ранами, с тяжким
Стоном рушится вниз, от родного хребта отрываясь.

Вниз я бегу и, богиней ведом, средь врагов и пожаров
Двигаюсь в путь: пропускают меня огонь и оружье.
Но лишь только достиг я порогов гнезда родового,
Старого дома отцов,— тот, к кому я всех больше стремился,
В горы кого унести всех прежде желал я,— родитель
Мне говорит, что не хочет он жить после гибели Трои,
Чтобы изгнанье сносить: «У вас не тронула старость
Крови, и силы крепки, и тела выносливы ваши,
Вы и бегите!
Если бы век мой продлить небожителям было угодно,
Это жилище они б сохранили. Довольно однажды
Город взятый узреть, пережить паденье отчизны!
Здесь положите меня, здесь проститесь со мной и бегите!
Смерть от своей руки я приму, иль враг пожалеет:
Ради добычи убьет. Мне лишиться гробницы не страшно!
Слишком уж я зажился, ненавистный богам, бесполезный,

С той поры как родитель богов и людей повелитель
Молнией дунул в меня и огнем коснулся небесным».
Так упорствовал он и одно твердил непреклонно;
Я взмолился в слезах, и со мной Креуса, Асканий,—
Весь наш дом отца умолял, чтобы всех не губил он
Вместе с собой и гнетущему нас не способствовал року.
Все мольбы он отверг и стоял на том, что замыслил.
Вновь я в битву стремлюсь и желаю смерти, несчастный;
Был ли выход иной у меня, иное решенье?
«Мог ты подумать и впрямь, что, покинув тебя, убегу я?
Как с родительских уст сорвалось нечестивое слово?
Если угодно богам до конца истребить этот город,
Прежде могучий, и ты желаешь к погибели Трои
Гибель прибавить свою и потомков своих, то для смерти
Дверь открыта: ведь Пирр, Приамовой залитый кровью,
Сына пред взором отца и отца в святилище губит.
Мать всеблагая! Так вот для чего сквозь пламя, сквозь копья
Ты меня провела: чтоб врагов в этом доме я видел,
Чтоб на глазах у меня и отец, и сын, и Креуса
Пали мертвыми здесь, обагряя кровью друг друга!
Мужи, несите мечи! Последний рассвет побежденных
Ныне зовет! Отпустите меня к врагам и позвольте
В новую битву вступить, чтоб не умерли мы без отмщенья!»

Вновь надеваю доспех, и снова щит прикрепляю
К левой руке, и опять поспешаю из дому в битву,
Но на пороге меня удержала жена, припадая
С плачем к коленям моим и Юла к отцу протянувши:
«Если на гибель идешь, то и нас веди за собою!
Если ж, оружье подняв, на него возлагаешь надежды,—
Раньше наш дом защити! На кого покидаешь ты Юла,
Старца-отца и меня, которую звал ты супругой?»
Так причитала она, чертог оглашая стенаньем.

Тут изумленным очам явилось нежданное чудо:
Юл стоял в этот миг пред лицом родителей скорбных;
Вдруг привиделось нам, что венцом вкруг головки ребенка
Ровный свет разлился, и огонь, касаясь безвредно
Мальчика мягких волос, у висков разгорается ярко.
Трепет объял нас и страх: спешим горящие кудри
Мы погасить и водой заливаем священное пламя.
Очи воздел родитель Анхиз к созвездьям, ликуя,
Руки простер к небесам и слова промолвил такие:

«Если к мольбам склоняешься ты, всемогущий Юпитер,
Взгляд обрати к нам, коль мы благочестьем того заслужили,
Знаменье дай нам, Отец, подтверди нам эти приметы!»
Только лишь вымолвил он, как гром внезапно раздался
Слева, и, с неба скользнув, над нами звезда пролетела,
Сумрак огнем разорвав и в ночи излучая сиянье.
Видели мы, как она, промелькнув над кровлею дома,
Светлая, скрылась в лесу на склоне Иды высокой,
В небе свой путь прочертив бороздою огненной длинной,
Блеск разливая вокруг и запах серного дыма.
Чудом таким убежден, родитель, взор устремляя
Ввысь, обратился к богам и почтил святое светило:
«Больше не медлю я, нет, но пойду, куда поведете,
Боги отцов! Лишь спасите мой род, мне внука спасите!
Знаменье вами дано, в вашей власти божественной Троя.
Я уступаю, мой сын: тебе я спутником буду».
Так промолвил Анхиз. Между тем доносился все громче
Пламени рев из-за стен и пожары к нам зной приближали.
«Милый отец, если так,— поскорей садись мне на плечи!
Сам я тебя понесу, и не будет мне труд этот тяжек.
Что б ни случилось в пути — одна нас встретит опасность
Или спасенье одно. Идет пусть рядом со мною
Маленький Юл и по нашим следам в отдаленье — Креуса.
Вы же наказы мои со вниманьем слушайте, слуги:
Есть за стеной городской пригорок с покинутым храмом
Древним Цереры; растет близ него кипарис, что священным
Слыл у отцов и лишь тем сохранен был долгие годы.
С вами в убежище то мы с разных сторон соберемся.
В руки, родитель, возьми святыни и отчих пенатов;
Мне их касаться грешно: лишь недавно сраженье и сечу
Я покинул, и мне текучей прежде струею
Должно омыться».
Вымолвив так, я плечи себе и склоненную спину
Сверху одеждой покрыл и желтой львиною шкурой,
Поднял ношу мою; вцепился в правую руку
Маленький Юл, за отцом поспешавший шагом неровным;
Шла жена позади. Потемней выбираем дорогу;
Я, кто недавно ни стрел, летевших в меня, не боялся,
Ни бессчетных врагов, толпой мне путь преграждавших,—
Ныне любых ветерков, любого шума пугаюсь:
Страшно за ношу мою и за спутника страшно не меньше.
Вот и ворота видны; я думал, путь мой окончен —
Но показалось мне вдруг, что до слуха доносится частый

Шорох шагов. И родитель, во тьму вперившийся взором,
Крикнул: «Беги, мой сын, беги: они уже близко!
Вижу: щиты их горят и медь мерцает во мраке».
Тут-то враждебное мне божество (не знаю, какое)
Разум похитило мой, помутив его страхом: покуда
Я без дороги бежал, выбираясь из улиц знакомых,
Злая судьба у меня отняла супругу Креусу:
То ли замешкалась где, заблудилась ли, села ль, уставши,—
Я не знаю досель,— но ее мы не видели больше.
Я ж оглянулся назад, о потерянной вспомнил не раньше,
Чем на священный холм к старинному храму Цереры
Мы добрались. Пришли сюда все — одной не хватало;
Мужа, и сына, и слуг ожиданья она обманула.
О, кого из богов и людей в тот миг, обезумев,
Я не винил? Что видал я страшней в поверженной Трое?
Юного сына, отца Анхиза, троянских пенатов
Я поручаю друзьям, укрыв их в изгибе долины,
Сам же в город стремлюсь, облачившись доспехом блестящим.
Твердо решаю опять превратности боя изведать,
Трою пройти до конца средь смертельных опасностей снова...
Прежде спешу я к стене и к воротам, откуда я вышел,
Тем же путем возвращаюсь назад и во тьме озираюсь:
Жутко повсюду душе, сама тишина устрашает.
К дому — может быть, здесь, быть может, сюда воротилась?—
Я подхожу, но в чертог уже проникли данайцы.
Пламя жадное вверх до высокой взвивается кровли,
Ветер вздувает огонь, и пожар до неба бушует.
Дальше иду: предо мной Приамов дворец и твердыня;
Храма Юноны пусты колоннады — только отборных
Двое стражей стоят: Улисс проклятый и Феникс,
Зорко добычу храня. Сюда несли отовсюду
Трои казну и престолы богов, из горящих святилищ
Взятые дерзко врагом, золотые чаши литые,
Груды одежд. И тут же, дрожа, вереницею длинной
Матери, дети стоят.
Даже голос подать я решился в сумраке ночи,
Улицы криком своим наполнил и скорбно Креусу
Снова и снова к себе призывал со стоном,— но тщетно.
Так я искал без конца, вне себя по городу рыскал;
Вдруг пред очами предстал печальный призрак Креусы:
Тень ее выше была, чем при жизни облик знакомый,
Тотчас я обомлел, и голос в горле пресекся.
Мне сказала она, облегчая заботы словами:

«Энеида»

Книга третья

«Пользы много ли в том, что предался ты скорби безумной,
Милый супруг? Не без воли богов все это свершилось,
И не судьба тебе спутницей взять отсюда Креусу:
Не́ дал этого нам властитель бессмертный Олимпа!
Долго широкую гладь бороздить ты будешь в изгнанье,
Прежде чем в землю придешь Гесперийскую, где тихоструйный
Тибр лидийский течет средь мужами возделанных пашен.
Ты счастливый удел, и царство себе, и супругу
Царского рода найдешь; так не плачь по Креусе любимой!
Мне не придется дворцы мирмидонян или долопов
Гордые видеть и быть у жен данайских рабыней,—
Внучке Дардана, невестке Венеры.
Здесь удержала меня богов Великая Матерь.
Ныне прощай и храни любовь нашу общую к сыну!»
Слезы я лил и о многом сказать хотел, но, промолвив,
Призрак покинул меня и растаял в воздухе легком.
Трижды пытался ее удержать я, сжимая в объятьях,
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
Словно дыханье легка, сновиденьям крылатым подобна.

Ночь на исходе была, когда вновь друзей я увидел.
Тут, удивленный, нашел я толпу огромную новых
Спутников: к нам, что ни час, стекалися матери, му́жи,
К нам молодежь собралась—поколенье изгнанников жалких!
Шли отовсюду они, и сил и решимости полны
В землю любую со мной отплыть, куда захочу я.
Тою порой Люцифер взошел над вершинами Иды,
День выводя за собой. Охраняла данайская стража
Входы ворот. Наши силы уже не крепила надежда.
На плечи взял я отца и безропотно двинулся в горы».

КНИГА ТРЕТЬЯ

«После того, как был истреблен безвинно Приамов
Род по воле богов, и в поверженном царстве Азийском
В прахе простерлась, дымясь, Нептунова гордая Троя,
Нас же в изгнанье искать свободных земель побуждали
В знаменьях боги не раз,— корабли мы начали строить
Возле Антандра, в лесах, у подножья Иды Фригийской,
Стали людей собирать, хоть не знали, куда понесет нас
Рок и где позволит осесть. Весна наступила,
Вверить судьбе паруса приказал Анхиз, мой родитель.
Гавань, и берег родной, и поля, где Троя стояла,
Я покидаю в слезах и в открытое море, изгнанник,
Сына везу и друзей, великих богов и пенатов.

Есть земля вдалеке, где Маворса широкие нивы
Пашет фракийцев народ, где царил Ликург беспощадный.
Были пенаты страны дружелюбны пенатам троянским
Встарь, когда Троя цвела. Прибыв туда, у залива
Стены я заложил — хоть рок был враждебен — и дал им
Имя свое, назвав Энеадой первый мой город.

Правя у моря обряд, я мать молил Дионею,
С нею бессмертных других, чтобы нам даровали удачу
В новых трудах, и быка приносил Юпитеру в жертву.
Рядом пригорок стоял. На его вершине разросся
Куст кизила и мирт, ощетинивший сучья густые.
Только, поднявшись на холм, я куст попробовал вырвать,
Чтобы покрыть алтари зеленой листвой и ветвями,—
Страшно сказать — явилось очам небывалое чудо:
Стоило первый росток мне из почвы вытащить,— тотчас
Черная кровь из корней разорванных стала сочиться,

Землю пятная вокруг. Холодным ужасом схвачен,
Весь задрожал я, и кровь, леденея, застыла от страха.
Снова попробовал я лозину гибкую вырвать,
Чтобы чуда причин доискаться, глубоко сокрытых,
Снова черная кровь из-под тонкой коры выступает.
Тяжкой тревогой объят, я сельских нимф умоляю,
С ними Градива-отца, владыку пажитей гетских,
Чтобы знаменье нам они обратили на благо.
Но лишь только налег я на третий сучок посильнее,
Твердо коленом в песок упершись (молвить об этом
Иль промолчать?),— вдруг жалобный стон до нашего слуха
Прямо из недр холма долетел, и голос раздался:
«Что ты терзаешь меня, Эней? Погребенных не трогай,
Праведных рук не скверни. Для тебя не чужим был рожден я:
Знай, что троянская кровь из стволов надломленных льется!
Горе! Беги от жестокой земли, от алчных прибрежий!
Я — Полидор: поднялись над пронзенным железные всходы
Копий, и густо сплелись, разросшись, острые дроты».
Замер я: ужас двойной потрясает смущенную душу,
Волосы дыбом встают, пресекается голос в гортани.

Некогда был Полидор с обильной казной золотою
Тайно отправлен к царю фракийцев несчастным Приамом:
Веру утратил тогда в оружье дарданское старец,
Видя, что город кольцом осады плотно охвачен.
Но, когда счастье от нас отвернулось и силы сломились,
Царь, побежденных предав, Агамемнона сторону принял,
Высшее право презрев, Полидора убил он и силой
Золото все захватил. О, на что только ты не толкаешь
Алчные души людей, проклятая золота жажда!

Только лишь страх покинул меня,— о чуде поведал
Я отцу и народа вождям и спросил их совета.
Мненье у всех одно: от преступной земли удалиться,
Гостеприимства закон осквернившей, и с ветром умчаться.
Вновь погребальный обряд мы над телом творим Полидора,
Холм насыпаем большой; воздвигаем жертвенник манам,
Мрачный от черных ветвей кипариса и темных повязок;
Вкруг троянки стоят, распустив по обычаю косы,
Пенные чаши несут с парным молоком и сосуды
С жертвенной кровью мужи, и в последний раз громогласно
Все взывают к нему, схоронив его душу в могиле.
Чуть лишьввериться вновь волнам смогли мы, и в море

Ветры открыли нам путь, и Австр призвал нас в просторы,
На воду снова спустив корабли, собралися троянцы.
Гавань покинув, плывем; отступают селенья и берег.

Остров средь моря лежит, почитаемый всюду священным,
Мать Нереид и Эгейский Нептун его возлюбили.
Долго блуждал он вдоль берегов, пока Стреловержец
Прочно его не связал с Миконом, с Гиаром высоким,
Не́ дал ветры презреть и средь волн пребывать неподвижным.
Мчимся туда; приняла утомленных спокойная гавань.
На берег вышли мы все поклониться городу Феба.
Смертных царь и жрец Аполлона Аний нас встретил,
Лавром священным чело увенчав и повязками бога,
Руки пожал нам, узнав Анхиза — старого друга,
Гостеприимства союз заключил и повел нас в чертоги.

Фебов храм я почтил, из старинного строенный камня.
«Дай нам собственный дом, Тимбрей, дай стены усталым,
Трое дай новый Пергам, дай потомков и град долговечный
Нам, что от греков спаслись и от ярости грозной Ахилла.
Молви, за кем нам идти? Куда? И где поселиться?
Знаменье дай нам, отец, снизойди, вселись в наши души».
Только лишь вымолвил я, как все содрогнулось внезапно:
Фебово дерево — лавр, пороги, окрестные горы,
Дверь распахнулась сама, загремели треножники в храме;
Все мы простерлись ниц, и донесся голос до слуха:
«Та же земля, где некогда род возник ваш старинный,
В щедрое лоно свое, Дардана стойкие внуки,
Примет вернувшихся вас. Отыщите древнюю матерь!
Будут над всею страной там царить Энея потомки,
Дети детей, а за ними и те, кто от них народится».
Так вещает нам Феб. Раздаются шумные клики
Радости; все, как один, вопрошают, в который же город
Феб скитальцев зовет, куда велит он вернуться.
Тут, вспоминая отцов преданья древние, молвит
Старец Анхиз: «Узнайте, друзья, на что уповать вам:
Остров Юпитера — Крит — лежит средь широкого моря,
Нашего племени там колыбель, близ Иды высокой.
Сто больших городов там стоит,— обильные царства.
Если все, что слыхал, я верно помню,— то прибыл
Славный предок наш Тевкр оттуда к пашням Ретейским,
Место для царства ища. Илион на высотах Пергамских
Не был еще возведен; в низинах люди селились.

Матерь — владычица рощ Кибелы и медь корибантов,
Имя идейских лесов, нерушимое таинств молчанье,
Львы, в колесницу ее запряженные,— все это с Крита.
Что же! Куда нас ведут веленья богов, устремимся,
Жертвами ветры смирим и направимся в Кносское царство.
Нам до него невелик переход: коль поможет Юпитер,
Третий рассвет корабли возле критского берега встретят».
Молвив так, он заклал богам почетные жертвы:
Бык — Нептуну и бык — тебе, Аполлон пышнокудрый,
Буре — черных овец, белоснежных — попутным Зефирам.

К нам долетела молва, что покинул отчее царство
Изгнанный Идоменей и безлюдны Крита прибрежья:
Бросил домá свои враг, и пустыми остались жилища.
Подняли спутники крик, вперебой побуждая друг друга
Плыть скорее на Крит, воротиться в страну наших предков.
Гавань Ортигии мы покидаем, по морю мчимся
Мимо Наксосских хребтов, оглашаемых воплем вакханок,
Мимо зеленых брегов Донусы и белых — Пароса,
Путь наш лежит меж Киклад, по пучине разбросанных часто,
Ветер попутный догнал корабли, с кормы налетевший,—
Так прибываем мы все на старинный берег Куретов.
Стены спешу возвести и, назвав Пергамеей желанный
Город, зову мой народ, довольный именем этим,
Новых жилищ любить очаги и воздвигнуть твердыню.

Быстрые наши суда уж давно стояли на суше,
Свадьбы справлять начала молодежь и вспахивать нивы,
Я же строил дома и законы давал; но внезапно
Мор на пришельцев наслал вредоносный воздух прибрежья:
Всходы, деревья в тот год смертоносный зараза губила.
Люди один за другим испускали дух иль в недуге
Тело влачили без сил, и пашни Сириус выжег,
Травы горели в лугах, не давал посев урожая.
Плыть в Ортигию вновь мне велит родитель и снова,
Море измерив, молить о милости Фебов оракул:
Где мытарствам конец и где искать повелит он
Помощи в горькой беде? Куда нам путь свой направить?
Ночь опустилась, и сон объял на земле все живое;
Тут изваянья богов — священных фригийских пенатов,
Те, что с собой из огня, из пылавшей Трои унес я,
Мне предстали во сне, к изголовью приблизившись ложа:
Ясно я видеть их мог, озаренных ярким сияньем

Полной луны, что лила свой свет в широкие окна.
Так они молвили мне, облегчая заботы словами:
«Тот же ответ, что тебе был бы дан в Ортигии Фебом,
Здесь ты услышишь от нас, по его явившихся воле.
Мы пошли за тобой из сожженного края дарданцев,
Мы на твоих кораблях измерили бурное море,
Мы потомков твоих грядущих до звезд возвеличим,
Городу их даруем мы власть. Но великие стены
Ты для великих создай. Не бросай же трудов и скитаний!
Должно страну вам сменить. Не об этих краях говорил вам
Делий; велел Аполлон не здесь, не на Крите селиться:
Место на западе есть, что греки зовут Гесперией,
В древней этой стране, плодородной, мощной оружьем,
Прежде жили мужи энотры; теперь их потомки
Взяли имя вождя и назвали себя «италийцы».
Там исконный наш край: там Дардан на свет появился,
Там же Иасий рожден, от которых наш род происходит.
Встань и радостно ты непреложные наши вещанья
Старцу-отцу передай: пусть Корит и Авзонии земли
Ищет он. Вам не дает Юпитер пашен Диктейских!»
Вещий голос богов и виденья меня поразили:
Видел я не во сне пред собою лица пенатов,
Облик богов я узнал и кудри в священных повязках.
Вмиг все тело мое покрылось потом холодным.
С ложа вскочив, я ладонями вверх простираю, ликуя,
Руки с мольбой к небесам и вином неразбавленным тотчас
Над очагом возлиянье творю. По свершенье обряда
Я обо всем рассказал по порядку старцу Анхизу.
Вспомнил он тут о рожденье двойном и о двух наших предках,
Понял, что, древний наш край назвав, он снова ошибся.
Молвит он: «О мой сын, Илиона судьбою гонимый,
Мне лишь Кассандра одна предсказала превратности эти;
Нашему роду она предрекала грядущее, помню,
И называла не раз Гесперию и край Италийский.
Кто бы поверил тогда, что придут к берегам Гесперии
Тевкры? Кого убедить могли предсказанья Кассандры?
Феб указал нам пути — так последуем вещим советам».
Так он промолвил, и все подчинились, ликуя, Анхизу.
Снова отплыть мы спешим, немногих сограждан оставив,
И, паруса распустив, разрезаем килем пучины.

Вышли едва лишь суда в просторы морей, и нигде уж
Видно не стало земли — только небо и море повсюду,—

Как над моей головой сгустились синие тучи —
Тьму и ненастье суля, и вздыбились волны во мраке,
Вырвавшись, ветер взметнул валы высокие в небо,
Строй кораблей разбросав, и погнал по широкой пучине.
Тучи окутали день, и влажная ночь похищает
Небо, и молнии блеск облака́ разрывает все чаще.
Сбившись с пути, в темноте по волнам мы блуждаем вслепую.
Сам Палинур говорит, что ни дня, ни ночи не может
Он различить в небесах, что средь волн потерял он дорогу.
Солнца не видя, три дня мы блуждаем во мгле непроглядной,
Столько ж беззвездных ночей по бурному носимся морю.
Утром четвертого дня мы видим: земля показалась,
Горы встают вдалеке и дым поднимается к небу.
Тотчас спустив паруса, мы сильней налегаем на весла,
Пену вздымая, гребцы разметают лазурные воды.

Принял нас берег Строфад, когда из пучины я спасся.
Страшные те острова, что зовут Строфадами греки,
В море великом лежат Ионийском. С ужасной Келено
Прочие гарпии там обитают с тех пор, как закрылся
Дом Финея для них и столы они бросили в страхе.
Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.
Птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы на лапах;
Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,
Щеки их бледны всегда от голода.

В гавань вошли мы, куда пригнала нас буря,— и видим:
Тучное стадо коров на равнине вольно пасется,
Мелкий скот по траве гуляет, никем не хранимый.
Мы нападаем на них, и Юпитера мы призываем,
С ним великих богов, чтобы приняли долю добычи.
Начали мы пировать, у залива ложа устроив,—
К ужасу нашему, тут внезапно с гор налетают
Гарпии, воздух вокруг наполняя хлопаньем крыльев.
С гнусным воплем напав, расхищают чудовища яства,
Страшно смердя, оскверняют столы касаньем нечистым.
Вновь в углубленье скалы, в укрытье надежном поодаль
Ставим столы и снова огонь алтарей зажигаем,—
Вновь с другой стороны из незримых тайных убежищ
Шумная стая летит, крючковатые когти нацелив,
Пастями яства скверня. Друзьям тогда приказал я
Взять оружье и в бой вступить с отродьем проклятым.

Точно приказ выполняют они и в травах украдкой
Острые прячут мечи и щиты скрывают надежно.
Только лишь стая, слетев, огласила изогнутый берег
Криками, в гулкую медь затрубил Мизен и с утеса
Подал нам знак, и друзья в небывалую битву вступили,
Мерзких пернатых морских поразить пытаясь мечами.
Самый сильный удар их перьям не страшен, и ранить
Их нельзя: уносятся ввысь они в бегстве поспешном,
Гнусный оставив след и добычу сожрать не успевши.
Только Келено одна на скале высокой уселась,
Горьких пророчица бед, и такие слова она молвит:
«Даже за битых быков и за телок зарезанных в битву
Вы готовы вступить, потомки Лаомедонта,
Гарпий изгнать, не повинных ни в чем, из отчего царства?
Так внемлите же мне и мои запомните речи!
Все я скажу, что Фебу Отец всемогущий поведал,
Все, что Феб-Аполлон мне открыл, величайшей из фурий.
Де́ржите вы в Италию путь: воззвавши к попутным
Ветрам, в Италию вы доплывете и в гавань войдете,
Но окружите стеной обещанный город не прежде,
Чем за обиду, что вы нанесли нам, вас не заставит
Голод жестокий столы пожирать, вгрызаясь зубами».
Кончила речь и в леса унеслась на крыльях Келено.
В жилах кровь леденит у спутников ужас внезапный,
Духом упав, уверяют они, что мира добиться
Нужно уже не мечом, но мольбою и просьбой смиренной,
Будь хоть богини они, хоть нечистые мерзкие птицы.
С берега руки простер отец мой Анхиз, призывая
Милость великих богов, и назначил почетные жертвы.
«Боги! От нас отвратите беду и отриньте угрозы!
Молим: смягчитесь и нас благочестия ради спасите!»
Молвив, канаты велит отвязать он причальные тотчас.

Нот напряг паруса; по волнам пробегаем вспененным,
Путь направляем, куда поведут нас ветер и кормчий.
Вот появился уже лесистый Закинф средь пучины,
Са́ма, Дулихий за ним и крутые утесы Нерита.
Держимся дальше от скал Итаки, Лаэртова царства,
Край проклиная, где был рожден Улисс беспощадный.
Вот перед нами встают в тумане вершины Левкаты,
Виден и Фебов храм, мореходам внушающий трепет,
Мчимся, усталые, к ним, заходим в маленький город,
С носа летят якоря, корма у берега встала.

К суше надежной приплыв, мы Юпитеру жертвы приносим,
И возжигаем алтарь, совершая обряд очищенья,
И на Актийской земле илионские игры справляем.
Словно в отчизне, друзья меж собой состязаются, масло
С тел стекает нагих. На душе становится легче:
Путь меж врагов позади, позади твердыни аргивян.
Солнце свой круг пролетело меж тем и год завершило,
И ледяная зима ураганами волны вздымает.
Медный выпуклый щит, Абанта могучего ношу,
Вешаю в храме на дверь, стихом приношенье прославив:
«Грек-победитель носил, посвятил же Эней побежденный».
Место занять на скамьях приказал я и гавань покинуть.
Влагу взрыли гребцы, ударяя веслами дружно.
Быстро скрылись из глаз поднебесные горы феаков,
Вдоль берегов Эпира свой путь в Хаонийскую гавань
Мы направляем — и вот подплываем к твердыне Бутрота.

Странные вести молва до нашего слуха доносит:
Будто Гелен Приамид городами правит данайцев,
Жезл и жену отобрав у Пирра, потомка Эака,
Будто бы вновь отдана Андромаха троянскому мужу.
Весть поразила меня и зажгла мне сердце желаньем
Встретиться с ним и узнать о таких судьбы переменах.
Берег покинув и флот, я вышел из гавани в город.
Вижу: печальный обряд приношений и тризны надгробной
Там, где ложный течет Симоент за городом в роще,
Правит, взывая к теням, Андромаха над Гектора прахом
И возлиянья творит на кургане пустом, где супругу
Два алтаря посвятила она, чтобы плакать над ними;
Чуть лишь завидела нас и узнала доспехи троянцев,—
Тотчас застыл ее взгляд, и холод тело сковал ей,
Наземь упала без сил, испугана страшным виденьем.
Долго молчала она и потом лишь промолвила слово:
«Подлинно ль вижу твой лик? И правдивую ль весть ты принес мне,
Сын богини? Ты жив? Если ж света благого лишен ты,
Где же мой Гектор тогда?»—Залилась Андромаха слезами,
Воплями лес огласив; но немного ей, исступленной,
Мог я сказать: срывался и мой от волнения голос.
«Жив я, но вся моя жизнь протекает над гибельной бездной.
Да, это я, сомненья отбрось.
Что же изведала ты, потерявшая мужа такого?
Беды одни или вновь обрела достойную долю?

Гектору прежде жена, ты терпишь Пиррово ложе?»
Взор опустила она и промолвила, голос понизив:
«Всех счастливей одна Приамова дева, которой
Жертвою пасть по приказу пришлось на вражьем кургане,
Возле Троянской стены. Никому не досталась по жребию
И не коснулась она победителей ложа в неволе!
Родину нашу спалив, увезли нас по водным равнинам;
Сына Ахиллова спесь, надменность юнца я терпела,
В рабстве рожая детей. Когда ж он в Спарту уехал,
Брачный союз заключить с Гермионой, внучкою Леды,
Отдал рабыню свою он Гелену-рабу во владенье.
Но, любовью горя к невесте отнятой, мучим
Местью фурий, Орест застиг внезапно Пелида
И на Ахиллов алтарь его поверг бездыханным.
После смерти его во власть Гелену досталась
Царства часть; Хаонийскими он назвал эти земли,
Имя Хаонии дал стране в честь троянца Хаона
И на высотах воздвиг Пергам — Илиона твердыню.
Но какою судьбой или ветром сюда ты заброшен?
Бог ли привел тебя к нам, хоть о нас ты прежде не ведал?
Где Асканий, твой сын? Он жив ли? Видит ли небо?
В Трое был он тебе . . . .
Не позабыл ли еще погибшей матери мальчик?
Будит ли мужество в нем и старинную доблесть троянцев
Мысль, что Энею он сын и что брат его матери — Гектор?»

Так говорила она и долго рыдала, не в силах
Слезы унять; но от стен городских уже приближался
К нам Гелен Приамид, окруженный густою толпою;
Тотчас узнал он друзей и увел, ликуя, к воротам,
Слезы обильные льет, произносит бессвязные речи.
С ним я иду и гляжу на подобие Трои великой —
Малый Пергам и на скудный ручей, именуемый Ксанфом,
Новых Скейских ворот порог и створы целую.
Радостно в город друзей со мною тевкры вступают,
Царь принимает нас всех в своих палатах обширных:
Мы средь чертогов творим возлиянье Вакховой влагой,
Чаши подняв и держа золотые с яствами блюда.

День пролетел, а за ним и другой, и легкие ветры
В путь зовут нас, и Австр полотно парусов наполняет.
Тут к прорицателю я обратился с просьбой такою:

«Трои сын, глашатай богов! Ты Фебову волю
Видишь в движенье светил, в треножниках, в лаврах
кларийских,
Птиц ты знаешь язык и приметы проворных пернатых.
Все святыни рекли, что путь мой будет удачным,
Волю являя свою, все боги меня убеждали
Плыть к Италийской земле и счастье пытать на чужбине.
Гарпия только одна Келено (мерзко промолвить)
Горе сулит, предсказав небывалое чудо и кару,—
Голод гнусный. Скажи, каких опасностей должно
Мне избегать и как превозмочь грозящие беды?»

Прежде всего Гелен, заклав по обычаю телок,
Молит о мире богов, и повязки жреца распускает
Он на священном челе, и меня, о Феб, на порог твой
За руку сам он ведет, потрясенного близостью бога.
После отверз он уста, вдохновленные Фебом, и молвил:
«Сын богини! С тобой — и в это твердо я верю —
Воля великих богов, ибо эту тебе предназначил
Участь бессмертный Отец и таков непреложный порядок.
Ныне из многого я лишь немногое вправе поведать,
Чтобы измерить моря и войти в Авзонийскую гавань
Мог безопаснее ты. Остальное Парки Гелену
Знать не дают и Сатурна дочь открыть запрещает.
Помни: Италию ту, которую мнишь ты уж близкой,
Гавань, куда ты вскоре войти в неведенье мыслишь,
Долгий путь отделяет от вас и обширные земли.
Весла гнуть придется тебе в волнах тринакрийских,
На кораблях пересечь Авзонийского моря равнину,
Воды подземных озер и Цирцеи остров увидеть,
Раньше чем ты в безопасной земле свой город воздвигнешь.
Знак я открою тебе (ты в душе сохрани его прочно):
Там, где, тревогой томим, у потока реки потаенной,
Возле прибрежных дубов ты огромную веприцу встретишь,—
Будет она лежать на земле, и детенышей тридцать
Белых будут сосать молоко своей матери белой,—
Место для города там, там от бед покой обретешь ты.
Также не бойся, что грызть столы вас голод заставит:
Путь отыщет судьба, Аполлон моленья услышит.
Только ближних земель, берегов италийских восточных,
Тех, в которые бьют валы вот этого моря,
Ты избегай: живут в городах там злобные греки.

Стены на этой земле нарикийские локры воздвигли,
С войском своим овладел Саллентинской равниной ликтиец
Идоменей; а вождь Филоктет, Мелибею покинув,
Прочной стеной оградил Петелию, маленький город.
После, когда корабли остановятся, море измерив,
И, возведя алтари, ты у берега будешь молиться,
Волосы должно накрыть и укутать пурпурным покровом,
Чтоб меж священных огней, в честь богов зажженных, враждебный
Лик не предстал пред тобой, не нарушил, зловещий, обряда.
Впредь и ты и друзья — сохраняйте обычай священный,
Пусть и у внуков завет этот так же свято блюдется.
После отплытья тебя примчит к берегам сицилийским
Ветер — туда, где расступятся вширь теснины Пелора;
Влево к земле поверни и по морю влево плыви ты
Кружным путем: берегись и волн, и берега справа!
Слышал я: материк там обрушился в страшном крушенье
(Могут всё изменить бесконечно долгие сроки!),
Две страны разделив, что прежде были едины;
Вторгшись меж ними в провал, волнами могучими море
От Гесперийской земли сицилийский берег отторгло
И между пашен и сел потекло по расселине узкой.
Справа Сцилла тебя там ждет, а слева — Харибда:
Трижды за день она поглощает бурные воды,
Море вбирая в провал бездонной утробы, и трижды
Их извергает назад и звезды струями хлещет.
Сцилла в кромешной тьме огромной пещеры таится,
Высунув голову в щель, корабли влечет на утесы.
Сверху — дева она лицом и грудью прекрасной,
Снизу — тело у ней морской чудовищной рыбы,
Волчий мохнатый живот и хвост огромный дельфина.
Лучше Пахина тебе обогнуть тринакрийского меты,
По морю дольше идти, от прямого пути отклониться,
Чем хоть раз увидать безобразную Сциллу в обширном
Гроте ее между скал, оглашаемых псами морскими.
Дальше: если Гелен прозорлив и можно пророку
Верить и дух его Феб наполняет истинным знаньем,—
Только одно, одно лишь тебе повторю многократно,
Сын богини, и вновь, и вновь о том же напомню:
Прежде всего преклонись пред божественной силой Юноны,
Ей молитвы твори, приноси обеты и жертвы,
Чтобы владычицы гнев одолеть: с такою победой
Можешь в Италию плыть, покинув Тринакрии берег.

В Кумы ты попадешь, лишь только в край тот прибудешь;
Там у священных озер, у Аверна средь рощи шумящей
Ты под скалою найдешь пророчицу, что в исступленье
Людям вещает судьбу, письмена же листьям вверяет;
Все предсказанья свои записав на листьях древесных,
Дева их в гроте глухом оставляет, сложив по порядку,
Должной чредою они до тех пор лежат неподвижно,
Не повернется пока дверная ось и не сдвинет
Листья с мест ветерок, отворенной поднятый дверью.
Но не желает ловить по пещере летящие листья,
Ни разложить по местам, ни собрать вещания дева,
Все уходят ни с чем, Сивиллы приют проклиная.
Время здесь потерять не бойся и не досадуй,
Если друзья упрекнут, если в море властно дорога
Вновь паруса призовет и наполнит их ветер попутный.
Вещую ты посети, предсказаний добейся мольбами,—
Пусть лишь предскажет сама и уста разомкнет добровольно.
О племенах италийских она, о будущих войнах
Все расскажет тебе и укажет, как бед избежать вам,
Если ж ее ты почтишь, то и путь безопасный дарует.
Бог только это тебе открывает устами моими.
В путь! И возвысь до небес великую Трою делами!»

Так пророк говорил, друзьям судьбу открывая;
После велел он снести к кораблям дары золотые,
Флот нагрузить серебром и резною костью слоновой.
Множество медных котлов додонских нам подарил он,
Также Пирра доспех — золотую кольчугу тройную,
И островерхий шлем, увенчанный гривой косматой,
Дар наилучший Гелен вручил Анхизу, а нам он
Дал коней и возниц,
Спутникам роздал мечи и число гребцов нам пополнил.
Всем кораблям поднять паруса повелел тут родитель,
Чтоб не замешкаться нам, когда ветер подует попутный.
Феба глашатай к нему обратился с великим почтеньем:
«Ты, что славного был удостоен союза с Венерой!
Боги пеклись о тебе и спасали из гибнущей Трои
Дважды. Взгляни, пред тобой Авзонии берег: ты можешь
К ней повернуть паруса. Но придется мимо проплыть вам:
Тот далеко еще край, что вам Аполлон обещает!
В путь, счастливый отец, сыновней гордый любовью!
Долгой речью зачем я мешаю крепчающим Австрам?»
Тут Андромаха несет, опечалена нашим отъездом,

Юлу фригийский плащ средь иных одежд разноцветных,
Затканных пряжей златой, и, от мужа отстать не желая,
Нас осыпает она дарами ткацкого стана.
«Мальчик! От той, что была женою Гектора прежде,
Дар прими: пусть руки мои тебе он напомнит,
Давней залог любви, от родных последний подарок.
Вижу в тебе лишь одном я образ Астианакса:
Те же глаза, и то же лицо, и руки, и кудри!
И по годам он тебе сейчас ровесником был бы».
К ним, со слезами в глазах, обратился я, отплывая:
«Счастливы будьте, друзья! Ваша доля уже завершилась;
Нас же бросает судьба из одной невзгоды в другую.
Вы покой обрели; ни морей бороздить не должны вы,
Ни Авзонийских искать убегающих вдаль побережий,
Видите вы пред собой подобье Ксанфа и Трою,
Вашей рукой возведенную здесь,— при лучших, надеюсь,
Знаменьях: с греками ей не придется впредь повстречаться.
Если Тибра и нив, прилегающих к Тибру, достигну
Я и стены узрю, что даны будут нашему роду,—
Город Эпирский, и тот, Гесперийский, и оба народа —
Близки они искони, ибо предок Дардан им обоим,
Ибо судьба их одна,— в Илион, единый по духу,
Слиты будут навек: пусть о том не забудут потомки!»

В море выходим мы вновь, близ Керавнии скал проплываем:
Путь в Италию здесь, средь зыбей здесь короче дорога,
Солнце упало меж тем, и горы окутались тенью.
Мы улеглись у воды на лоне суши желанной,
Жребием выбрав гребцов; сухое песчаное ложе
Тело покоит, и сон освежает усталые члены.
Оры, ведущие Ночь, не прошли полпути кругового,—
А Палинур уже встал, незнакомый с праздною ленью;
Чутко воздуха ток и веянье ветра он ловит,
Бег наблюдает светил, в молчаливом небе скользящих,
Влажных созвездье Гиад, Арктур, и двойные Трионы,
И Ориона с мечом золотым — он всех озирает.
После, увидев, что все неизменно в безоблачном небе,
Звучный сигнал с кормы подает; мы лагерь снимаем,
Снова в дорогу летим, парусов крыла расправляем.

Вот заалела Заря, прогоняя ночные светила.
Тут увидали вдали очертанья холмов и отлогий
Берег Италии мы. «Италия!» — крикнул Ахат мой,

Берег Италии все приветствуют радостным кличем.
Сам родитель Анхиз наполняет емкую чашу
Чистым вином до самых краев и богов призывает,
Встав на высокой корме:
«Боги, владыки морей, земель и бурь быстрокрылых!
Легкий даруйте нам путь и ветер попутный пошлите!»
Ветер желанный подул сильней, и приблизилась гавань,
И на вершине холма Минервы храм показался.
Спутники, сняв паруса, к берегам корабли повернули.
Берег изогнут дугой и омыт волнами с востока,
Скал преграду прибой кропит соленою пеной,
Бухту с обеих сторон, стене башненосной подобна,
Скрыла утесов гряда; а храм отбежал от прибрежья.
Первое знаменье тут увидал я: вдали на равнине
Вместе паслись на траве четыре коня белоснежных.
Молвит Анхиз: «Войну, о приветливый край, ты сулишь нам:
Грозны кони в бою, и грозят эти кони боями!
Только в том, что порой, запряженные вместе в повозку,
Терпят покорно узду и ярмо скакуны эти, вижу
Я надежду на мир». Тут Палладе звонкодоспешной
Первою, радостных, нас принявшей, мольбы вознесли мы,
Головы пред алтарем окутав покровом фригийским,
И, первейший завет Гелена помня, заклали
Жертвы, что он повелел, по обряду Юноне Аргосской.
Медлить времени нет, и, моленья окончив, тотчас же
Реи, груз парусов несущие, мы повернули,
Край подозрительных нив, обиталища греков покинув.
Вот и Тарент над заливом своим вдали показался
(Если преданье не лжет, он основан был Геркулесом),
Храм Лакинийский за ним, Скилакей и твердыни Кавлона;
Вот вдали поднялась из волн Тринакрийская Этна,
Громкий рокот зыбей, об утесы бьющихся с силой,
К нам донесся и рев, от прибрежных скал отраженный.
Воды бурлят и со дна песок вздымают клубами.
Молвит родитель Анхиз: «Воистину, это — Харибда!
Все предсказал нам Гелен: и утесы, и страшные скалы.
Други, спасайтесь скорей, равномерней весла вздымайте».
Все выполняют приказ; наш корабль повернулся со скрипом
Влево, от берега прочь, Палинуром направлен проворным,
Следом на всех парусах и на веслах флот устремился.
Вздыбившись, нас подняла до небес пучина и тотчас
Схлынувший вал опустил глубоко к теням преисподней.
Трижды в пространстве меж скал раздавалось стенанье утесов,

Трижды пена, взлетев, орошала в небе светила,
Солнце зашло между тем, и покинул ветер усталых.
С верного сбившись пути, к берегам циклопов плывем мы.

Бухты огромной покой никогда не тревожат там ветры,
Но громыхает над ней, словно рушась, грозная Этна:
То извергает жерло до неба темную тучу —
Дым в ней, черный как смоль, перемешан с пеплом белесым,—
И языками огня светила высокие лижет,
То из утробы гора изрыгает огромные скалы,
С силой мечет их ввысь, то из недр, бурлящих глубоко,
С гулким ревом наверх изливает расплавленный камень.
Там Энкелада лежит опаленное молнией тело,—
Так преданья гласят,— громадой придавлено Этны:
Через разрывы горы гигант огонь выдыхает,
Если же он, утомлен, с боку на бок вдруг повернется,—
Вздрогнет Тринакрия вся, небеса застелятся дымом.
Мы терпели всю ночь ужасное зрелище это,
Скрывшись в лесу и не зная причин столь грозного шума,
Ибо ни звездным огнем, ни в эфире разлитым сияньем
Не был мир озарен, но скрывала ненастная полночь
Небо от глаз и луну застилала облаком плотным.

Новый день едва занялся и, поднявшись с востока,
Ночи влажную тень прогнала с небосвода Аврора.
Тут из чащи лесной незнакомец странного вида
Вдруг появился— худой, изможденный, в рубище жалком,
Шел он вперед и с мольбой протягивал к берегу руки.
Видим мы: весь он в грязи, лицо обросло бородою,
Сколот колючками плащ — но можно узнать еще грека,—
Верно, из тех, что пришли из отчизны под Трою когда-то.
Издали он увидал на нас дарданское платье,
Тевкров доспехи узнал и на месте замер в испуге,
После, помедливши миг, он быстрей устремился на берег,
С плачем стал нас молить: «Светилами вас заклинаю,
Властью богов и светом небес, дыханье дарящих,
Тевкры, возьмите меня, уведите в земли любые!
Только об этом молю! Пусть я был во флоте данайском,
Пусть войной — признаюсь — на троянских шел я пенатов.
Если поныне сильна обида за наше злодейство,
В волны бросьте меня, потопите в глубокой пучине:
Если умру я — то пусть хоть умру от рук человека».
Молвив, колени склонил он и, наши колени обнявши,

Долго стоял. Рассказать, от какой происходит он крови,
Кто он, мы просим его, и какая судьба его гонит.
Юноше руку Анхиз протянул, не замедливши долго,
Душу ободрил ему залогом дружбы родитель.
Он же, отбросив страх, о себе наконец нам поведал:
«Я на Итаке рожден, Улисса несчастного спутник.
Имя мне — Ахеменид; Адамаст, мой отец небогатый
(Мне бы долю его!), меня отправил под Трою.
Спутники, в страхе спеша порог жестокий покинуть,
Здесь позабыли меня в пещере огромной Циклопа.
Своды ее высоки и темны от запекшейся крови
Всех, кто сожран был в ней. Хозяин — ростом до неба
(Землю избавьте скорей, о боги, от этой напасти!),
С виду ужасен для всех и глух к человеческой речи,
Кровью и плотью людей Циклоп насыщается злобный.
Видел я сам, как двоих из наших спутников сразу
Взял он огромной рукой, на спине развалившись в пещере;
Брызнувшей кровью порог окропив, тела́ их о скалы
Он раздробил и жевал истекавшие черною жижей
Члены, и теплая плоть под зубами его трепетала.
Но не замедлила месть: Улисс не вынес такого,
Верным себе и в этой беде итакиец остался.
Только лишь сытый Циклоп головой поник, усыпленный
Чистым вином, и в пещере своей разлегся, огромный,
Мяса куски вперемешку с вином во сне изрыгая,
Мы, великим богам помолясь и по жребью назначив,
Что кому совершать, на него все вместе напали,
Острым шестом проткнули ему огромное око,
Что лишь одно под челом свирепым Циклопа скрывалось,
То ли аргосцев щиту, то ли светочу Феба подобно.
Рады мы были тому, что за тени друзей отомстили...
Но бегите скорей, несчастные, берег покиньте!
Рвите причальный канат!
Как ни велик Полифем, что в пещеру овец загоняет,
Скот шерстоносный доит,— но таких же огромных и диких
Сто циклопов других населяют изогнутый берег
И по высоким горам, несказанно страшные, бродят.
Трижды меж лунных рогов пространство заполнилось светом
С той поры, как в лесах по заброшенным норам звериным
Жизнь я влачу, наблюдаю со скал циклопов огромных
И трепещу, услыхав только шум их шагов или голос.
Твердый, как галька, кизил и оливки — жалкую пищу —
Ветви мне подают, и кореньями травы питают.

Часто я озирал окоем, но сегодня впервые
Здесь корабли увидал у берега. Вам предаюсь я,
Что бы ни ждало меня: лишь бы страшных избегнуть чудовищ!
Лучше от вашей руки любою смертью погибнуть».

Только промолвил он так — на вершине горы увидали
Мы самого пастуха Полифема. Высокой громадой
Двигался он средь овец, направляясь на берег знакомый.
Зренья лишенный Циклоп, безобразный, чудовищно страшный,
Ствол сосновый держал, им, как посохом, щупал дорогу.
Следом — отара овец, что отрадой единственной были
И утешеньем в беде для него.
Так он спустился к воде и, глубокого места достигнув,
Стал текущую кровь смывать с пронзенного ока,
После в бухту вошел, скрежеща зубами, стеная,
Но и колен у него не смочили глубокие воды.
Мы же, молящего взяв с собой (того заслужил он),
В страхе кинулись прочь, перерезав молча причалы,
Моря гладь размели, налегая дружно на весла.
Все же услышал Циклоп и на звук голосов устремился,
Но, поняв, что до нас дотянуться рукой не удастся
И кораблей не настичь, ионийской волной уносимых,
Громкий поднял он крик, от которого море, и зыби,
И берега Италийской земли содрогнулись в смятенье,
И отвечали глухим гуденьем Этны пещеры.
Тут на зов из лесов и с гор окрестных сбежалось
Племя циклопов и весь заполнило берег залива,
Видим — встали толпой сыны ужасные Этны,
Смотрят свирепо на нас, бессильной полные злобы,
Все, как один,— до небес; так стоят, высóко вознесши
Пышные кроны свои, дубы в лесах громовержца,
Так кипарисы стоят шишконосные в рощах Дианы.
Страх жестокий велит нам причал подобрать поскорее,
Мчаться на всех парусах, попутному ветру доверясь.
Но приказал нам Гелен, чтобы мы ни к Харибде, ни к Сцилле
Путь не смели держать, ибо равно обе дороги
К смерти ведут. Потому паруса повернуть мы решили.
Тут, на счастье, подул от проливов узких Пелора
Посланный нам Борей. Близ Пантáгии устий скалистых
Мы прошли. Вот низменный Тапс над Мегарским заливом —

Вспять плывя по пути скитаний своих, называл нам
Местности Ахеменид, Улисса злосчастного спутник.

Там, где Племирия мыс Сиканийские волны разрезал,
Остров напротив лежит, что Ортигией издавна звался.
Молвят: Алфея поток, таинственный путь под глубоким
Дном морским проложив, течет сюда из Элиды,
В устье сливаясь твоем, Аретуза, с волной сицилийской.
Местных почтивши богов, как велено было, прошел я
Мимо тучных земель, затопляемых часто Гелором,
После Пахин обогнул, к утесам, к скалам прибрежным
Ближе держась; показались вдали Камарина, которой
Быть недвижимой велит судьба, и Гелойские пашни;
Гелу, что имя свое от реки получила бурливой,
Видим вдали, и крутой Акрагант, обнесенный стеною
Мощной (прежде он был благородными славен конями).
С ветром попутным тебя, Селинунт пальмоносный, покинув,
Я через мели проплыл меж подводных скал Лилибея,
Принял меня Дрепанский залив, безрадостный берег.
Здесь, после стольких трудов, после бурь, по морям меня гнавших,
Горе! — Анхиза-отца утратил я — утешенье
В бедах, в заботах моих. Усталого сына покинул
Лучший отец, от опасностей всех спасенный напрасно!
Ни прорицатель Гелен,— хоть много невзгод предсказал он,—
Горя этого мне не предрек, ни даже Келено.
Это — последняя скорбь, предел далеких скитаний.
Плыл я оттуда, когда меня к вам боги пригнали».

Так родитель Эней средь гостей, ему лишь внимавших,
Вел о скитаньях рассказ, о богами ниспосланных судьбах.
Тут он умолк наконец и на этом повесть окончил.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Злая забота меж тем язвит царицу, и мучит
Рана, и тайный огонь, разливаясь по жилам, снедает.
Мужество мужа она вспоминает и древнюю славу
Рода его; лицо и слова ей вре́зались в сердце,
И благодатный покой от нее прогоняет забота.

Утром, едва лишь земля озарилась светочем Феба,
Только лишь влажную тень прогнала с небосвода Аврора,
Верной подруге своей, сестре, больная царица
Так говорит: «О Анна, меня сновиденья пугают!
Гость необычный вчера приплыл к нам в город нежданно!
Как он прекрасен лицом, как могуч и сердцем отважен!
Верю, и верю не зря, что от крови рожден он бессмертной:
Тех, кто низок душой, обличает трусость. Его же
Грозная участь гнала, и прошел он страшные битвы...
Если бы я не решила в душе неизменно и твердо
В брак ни с кем не вступать, если б не были так ненавистны
Брачный покой и факелы мне с той поры, как живу я.
Первой лишившись любви, похищенной смерти коварством,—
Верно, лишь этому я уступить могла б искушенью.
Анна, признаюсь тебе: после гибели горькой Сихея,
После того, как брат запятнал пенатов убийством,
Только пришелец один склонил мне шаткую душу,
Чувства мои пробудил! Былой огонь я узнала!
Пусть, однако, земля подо мной разверзнется прежде,
Пусть всемогущий Отец к теням меня молнией свергнет,
К бледным Эреба теням, в глубокую ночь преисподней,
Чем тебя оскорблю и нарушу закон твой, Стыдливость!

Тот любовь мою взял, кто первым со мной сочетался,—
Пусть он ее сохранит и владеет ею за гробом!»
Молвив, слезами она закипевшими грудь оросила.

Анна ей молвит в ответ: «Сестра, ты мне света дороже!
Что же, всю молодость ты проведешь в тоске, одиноко
И ни любимых детей, ни Венеры даров не узнаешь?
Мнишь ты, что помнят о том погребенных маны за гробом?
Пусть никто не склонил тебя, скорбевшую, к браку
В Тире родном и в Ливии, здесь; ты Ярба презрела,
Также и прочих вождей, питомцев триумфами славной
Африки! Будешь теперь и с желанной бороться любовью?
Иль позабыла совсем, на чьих ты полях поселилась?
Там — города гетулийцев стоят, необорных в сраженьях,
Здесь — нумидийцев народ необузданный, страшные Сирты,
Там, где жаждущий край пустынь, кочуют баркейцы...
Что говорить о войне, которую Тир нам готовит,
Или о том, чем брат нам грозит?
Кажется мне, по воле богов, с изволенья Юноны
Ветер принес к нам сюда корабли беглецов илионских.
О, великие ты создашь здесь город и царство
С мужем таким! Если силы сольют троянец с пунийцем,
Славой невиданных дел увенчается наше оружье!
Лишь у богов снисхожденья моли и, коль приняты будут
Жертвы,— гостям угождай, измышляй для задержки предлоги,
В море, мол, бури шумят, и взошел Орион дожденосный,
И расшатались суда, и для плаванья время опасно».

Речь такая зажгла любовью душу Дидоны,
Узы стыда разрешив и ум соблазняя надеждой.
В храмы сёстры идут, к алтарям припадают, о мире
Молят, в жертву заклав по обычаю ярок отборных
Фебу, Лиэю-отцу и дающей законы Церере,
Прежде же всех — Юноне, что брак меж людьми освящает.
Собственной держит рукой Дидона прекрасная чашу
И возлиянье творит меж рогов белоснежной телицы
Или к обильным спешит алтарям — предстать пред богами,
Что ни день, обновляет дары и с жадностью смотрит
В грудь отверстую жертв, угадать стараясь приметы.
Разум пророков слепой! Что ей, безумице, пользы
В храмах, в пылких мольбах? По-прежнему пламя бушует
В жилах ее, и живет в груди сокрытая рана.
Жжет Дидону огонь, по всему исступленная бродит

Городу, словно стрелой уязвленная дикая серна;
В рощах Критских пастух, за ней, беспечной, гоняясь,
Издали ранил ее и оставил в ране железо,
Сам не зная о том; по лесам и ущельям Диктейским
Мечется серна, неся в боку роковую тростинку.
То Энея вдоль стен царица водит, чтоб видел
Город отстроенный он и сидонских богатств изобилье.
Только начнет говорить — и тотчас голос прервется...
То на закате опять гостей на пир созывает,
Бедная, просит опять рассказать о Трои невзгодах,
Повесть слушает вновь с неотрывным жадным вниманьем.
После, когда все гости уйдут и в небе померкнет
Месяц и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
Ляжет на ложе она, с которого встал он, и в доме
Тихом тоскует одна, неразлучная с ним и в разлуке.
То на колени к себе сажает Аскания, словно
Сходство с отцом обмануть любовь несказанную может.
Юноши Тира меж тем упражненья с оружьем забыли,
Начатых башен никто и гавани больше не строит,
Стен не готовят к войне: прервались повсюду работы,
Брошена, крепость стоит, выраставшая прежде до неба.

Стоило только узнать громовержца супруге, что мучит
Злая Дидону болезнь, что молва — не преграда безумью,
Тотчас к Венере с такой обратилась речью Юнона:
«Да, немалую вы и добычу и славу стяжали —
Ты и крылатый твой сын; велико могущество ваше:
Женщину двое богов одну победили коварно!
Ведомо мне уж давно, что наших стен ты страшишься,
Что опасенья тебе Карфаген внушает высокий.
Где же предел? Куда приведут нас распри такие?
Вечный не лучше ли мир заключить, скрепив его браком?
Ты достигла всего, к чему душою стремилась;
Жарко пылает любовь в крови безумной Дидоны.
Будем же вместе царить и сольем воедино народы,
Поровну власть разделив; покорится мужу-фригийцу
Пусть Дидона и вам принесет в приданое царство».

Но Венера, поняв, что кривит Юнона душою,
Ради того, чтоб в Ливийском краю, не в Италии крепло
Царство, сказала в ответ: «Неужели найдется безумец,
Кто предпочел бы с тобой враждовать и ответил отказом?
Лишь бы Фортуна была благосклонна к тому, что сулишь ты!

Но сомневаюсь я в том, согласятся ль Судьба и Юпитер,
Чтобы город один у троянцев был и тирийцев,
Оба народа слить и союз заключить разрешат ли?
Ты — жена, ты к нему подступиться вправе с мольбами,—
Ты и начни, а я за тобой». И сказала Юнона:
«Это забота моя. Но внемли́: я поведаю кратко,
Как нам лучше свершить то, чему предстоит совершиться.
Ехать собрался Эней с Дидоной несчастною вместе
Завтра охотиться в лес, чуть только Титан над землею
Встанет и ночи покров распахнет лучами своими.
Тучу, несущую град, разолью над ними, едва лишь
Конный рассыплется строй, окружая рощу облавой;
Бурю обрушу на них, всколыхну все небо громами.
Все разбегутся врозь, затерявшись во тьме непроглядной;
Вместе в пещере одной троянский вождь и Дидона
Скроются. Буду я там, и, твое коль твердо желанье,
Там совершится их брак». Киферея, в спор не вступая,
С ней согласилась, смеясь над ее уловкой коварной.

Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув,
С первым лучом из ворот отборный отряд выезжает,
Сети, тенета у всех и с широкими жалами пики,
Мчат массилийцы верхом и прыгает чуткая свора.
Медлит в покоях своих царица; ее на пороге
Знать пунийская ждет; в пурпурной с золотом сбруе
Конь звонконогий грызет удила, увлажненные пеной.
Вот в окруженье толпы сама царица выходит:
Плащ сидонский на ней с расписною каймой; за плечами —
Звонкий колчан золотой, в волосах золотая повязка,
Платья пурпурного край золотою сколот застежкой.
Следом фригийцы идут, средь них ликует Асканий;
Сам Эней впереди, смыкая оба отряда,
Шествует, спутников всех красотой лица затмевая,
Словно бог Аполлон, когда он, холодный покинув
Край Ликийский и Ксанф, на родной возвращается Делос,
Вновь хороводы ведет, и с шумом алтарь окружают
Толпы дриопов, критян, агатирсов с раскрашенным телом;
Шествует бог по Кинфским хребтам, волнистые кудри
Мягкой листвой увенчав и стянув золотою повязкой;
Стрелы в колчане звенят... Такой же силы исполнен,
Шел Эней, и сияло лицо красотой несказанной.
Только лишь в дебрях лесных на горах они появились,—
Прянув с высокой скалы, помчались дикие козы

Вниз по хребту; с другой стороны по открытым полянам,
Пыль поднимая, стада побежали быстрых оленей,
В страхе сбившись тесней, чтоб родные горы покинуть.
Мальчик Асканий верхом на лихом скакуне по долинам
Быстро мчится вперед, то одних, то других обгоняя.
Страстно молит, чтоб вдруг повстречался средь смирных животных
С пенною пастью вепрь иль чтоб лев с горы появился.

Громкий рокот меж тем потряс потемневшее небо,
Черная туча пришла, чреватая градом и бурей.
Свита тирийская вся, молодые троянцы и с ними
Внук Венеры благой, Дардана правнук, помчались
По полю, крова ища. Побежали по кручам потоки.
В темной пещере вдвоем троянский вождь и Дидона
Скрылись. Тотчас Земля и Юнона, вершащая браки,
Подали знак: огнями эфир, соучастник союза,
Вспыхнул, и воплями нимф огласились окрестные горы.
Первой причиною бед и первым к гибели шагом
Был тот день. Забыв о молве, об имени добром,
Больше о тайной любви не хочет думать Дидона:
Браком зовет свой союз и словом вину прикрывает.

Тотчас Молва понеслась меж ливийцев из города в город.
Зла проворней Молвы не найти на свете иного:
Крепнет в движенье она, набирает силы в полете,
Жмется робко сперва, но потом вырастает до неба,
Ходит сама по земле, голова же прячется в тучах.
Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом за Кеем
И Энкеладом Молву, как преданья гласят, породила,
Ног быстротой ее наделив и резвостью крыльев.
Сколько перьев на ней, чудовищной, страшной, огромной,
Столько же глаз из-под них глядят неусыпно и столько ж
Чутких ушей у нее, языков и уст говорливых.
С шумом летает Молва меж землей и небом во мраке
Ночи, и сладостный сон никогда ей век не смежает;
Днем, словно стражник, сидит на верхушке кровли высокой
Или на башне она, города устрашая большие,
Алчна до кривды и лжи, но подчас и вестница правды.
Разные толки в те дни средь народов она рассыпала,
Радостно быль наравне с небылицей всем возвещая:
Будто явился Эней, рожденный от крови троянской,
Принят Дидоной он был и ложа ее удостоен;

Долгую зиму теперь они проводят в распутстве,
Царства свои позабыв в плену у страсти постыдной.
Людям вложила в уста богиня гнусная эти
Речи везде и к Ярбу-царю направила путь свой,
Вестью душу ему зажгла и гнев распалила.

Царь был нимфой рожден и Аммоном в стране гарамантов;
Сто святилищ Отцу огромных в царстве обширном,
Сто он воздвиг алтарей и возжег огонь негасимый,
Стражу бессменную к ним приставил и жертвенной кровью
Почву вкруг них утучнил и цветами украсил пороги.
Царь в исступленье души, оскорбленный горькой молвою,
Перед лицом великих богов к алтарям припадая,
Руки к небу воздев, горячо молил громовержца:
«О всемогущий Отец, тебе возлияния мавры
Влагой Ленея творят, на ложах пестрых пируя.
Видишь ли ты? Иль молний твоих мы напрасно страшимся?
Иль вслепую огни сверкают в небе, пугая
Души людей, и впустую гремят раскаты, Юпитер?
Женщина, в наших краях блуждавшая, город ничтожный,
Нам заплатив, создала: уступил я ей берег под пашню,
Я указал ей, где жить,— а она потом отказалась
В брак со мною вступить и власть вручила Энею
В царстве своем! Этот новый Парис с полумужеской свитой,
Митрой фригийской прикрыв умащенные кудри, владеет
Тем, что похитил у нас! Так зачем дары в изобилье
В храмы твои мы несем и мечтою тешимся тщетной?»

Этой горячей мольбе алтарь обнявшего сына
Внял всемогущий и взор устремил на чертоги царицы
И на любовников двух, о доброй славе забывших.
Тотчас Меркурию он такое дает повеленье:
«Сын мой, ступай, Зефиров зови и к владыке дарданцев
Ты на крыльях слети: он теперь в Карфагене тирийском
Медлит, забыв об иных городах, судьбой ему данных,—
Все, что скажу я, ему отнеси ты с ветром проворным:
Мать, за сына моля, не это нам обещала
И не затем два раза его спасала от греков,—
Но чтоб Италией он, вековую державу зачавшей,
Правил средь грома боев и от крови Тевкра высокой
Род произвел и весь мир своим подчинил бы законам.
Если ж его самого не прельщает подвигов слава,
Если трудами хвалу он себе снискать не желает,—

Вправе ли сына лишить он твердынь грядущего Рима?
Что он задумал? Зачем средь враждебного племени медлит?
Разве о внуках своих, о Лавиния пашнях не помнит?
Пусть отплывает! Вот все, что от нас ему возвестишь ты!»

Так он молвил, и сын, готовый исполнить немедля
Волю отца, золотые надел сандалии тотчас
(Крылья на них высоко над землей и над гладью морскою
Носят повсюду его с быстротой дуновения ветра);
После взял он свой жезл, которым из Орка выводит
Тени бледные бог иль низводит их в Тартар угрюмый,
В сон погружает людей и спящим глаза отверзает.
Вот средь клубящихся туч полетел он, жезлом погоняя
Ветры; пред ним крутые бока и темя Атланта:
Небо суровый Атлант головой подпирает могучей,
Черные тучи ему кедроносное темя венчают,
Ветер и дождь его бьют; покрывает широкие плечи
Снег пеленой; с подбородка бегут, бушуя, потоки,
Вечным скована льдом, борода колючая стынет.
В воздухе замер над ним, на оба крыла опираясь,
Бог Килленский на миг, — и вновь, встрепенувшись всем телом,
К морю ринулся; так над водой и над берегом низко
Птица морская кружит близ богатых рыбой утесов.
Так же несся стремглав меж землей и небом, к песчаным
Ливии мча берегам, рассекая ветер в полете,
Нимфы Килленской сын, покинув деда-титана.
Хижин тирийских едва он коснулся подошвой крылатой,
Сразу Энея узрел, что дома воздвигал и твердыни;
Меч у него на боку был усыпан яшмою желтой,
Пурпуром тирским на нем шерстяная пылала накидка,
Вольно падая с плеч: богатый дар тот Дидона
Выткала, ткань золотым украсив тонким узором.
Так упрекал его бог: «Ты сейчас в Карфагене высоком
Зданий опоры кладешь, возводишь город прекрасный?
Женщины раб, ты забыл о царстве и подвигах громких?
Сам повелитель богов с Олимпа меня посылает,
Кто мановеньем своим колеблет небо и землю;
Он мне велел передать приказанье с ветром проворным:
Что ты задумал? Зачем в Ливийских мешкаешь землях?
Если тебя самого не прельщает подвигов слава,
Помни: Асканий растет! О надеждах наследника Юла
Ты не забудь: для него Италийское царство и земли
Рима ты должен добыть». И бог Килленский, промолвив,

Речь внезапно прервал и скрылся от смертного взора,
Быстро исчезнув из глаз, растворившись в воздухе легком.
Бога увидев, Эней онемел, охвачен смятеньем,
Волосы вздыбил испуг, и голос в горле пресекся.
Жаждет скорее бежать, покинуть милые земли,
Грозным веленьем богов и упреками их потрясенный.
Горе, что делать? И как посмеет к царице безумной
Он обратиться теперь? С чего начнет свои речи?
Мечется быстрая мысль, то туда, то сюда устремляясь,
Выхода ищет в одном и к другому бросается тотчас.
Лучшим ему наконец показалось такое решенье:
Он Мнесфея призвал и Сергеста с храбрым Клоантом,
Флот велел снарядить и спутников на берег тайно
Всех собрать и оружье снести,— но причин перемены
Не открывать никому; а он, покуда Дидона
Верит ему и не ждет, что любовь такая прервется,
Выберет время и сам попробует к ней подступиться,
Мягче речь повести и все уладить. И тевкры
С радостью бросились вмиг выполнять приказанья Энея.

Но, предчувствий полна и всего опасаясь, Дидона
Хитрость раскрыла его,— обмануть влюбленных возможно ль?—
Близкий отъезд угадав. И Молва нечестивая также
Ей донесла, что суда снаряжают к отплытью троянцы.
Стала метаться она, совладать не в силах с безумьем,—
Так тиада летит, когда, призывая к началу
Буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни
И в Киферонских лесах вакхический клич раздается.
С речью такой наконец обратилась к Энею Дидона:
«Как ты надеяться мог, нечестивый, свое вероломство
Скрыть от нас и отплыть от нашей земли незаметно?
Что ж, ни любовь, ни пожатие рук, что союз наш скрепило,
Ни жестокая смерть, что Дидону ждет,— не удержат
Здесь тебя? Снаряжаешь ты флот и под зимней звездою
В море выйти спешишь, не страшась ураганов и вихрей?
Если бы ты не в неведомый край к обиталищам новым
Путь свой держал и старинный Пергам стоял бы доныне,
В Трою по бурным морям ты бы так же стремился упрямо?
Не от меня ли бежишь? Заклинаю слезами моими,
Правой рукою твоей,— что еще мне осталось, несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность,

Если тебе я была хоть немного мила,— то опомнись,
Я умоляю тебя, и над домом гибнущим сжалься.
Из-за тебя номадов царям, ливийским народам,
Даже тирийцам моим ненавистна стала я; ты же
Стыд во мне угасил и мою, что до звезд возносилась,
Славу сгубил. На кого обреченную смерти покинешь,
Гость мой? Лишь так назову того, кто звался супругом!
Что мне медлить и ждать, пока эти стены разрушит
Брат мой Пигмалион или пленницей Ярба я стану?
Если бы я от тебя хоть зачать ребенка успела,
Прежде чем скроешься ты! Если б рядом со мною в чертогах
Маленький бегал Эней и тебя он мог мне напомнить,—
То соблазненной себе и покинутой я б не казалась».

Молвила так. А он, Юпитера воле послушен,
Взор опустил и в душе подавить заботу старался.
Кратко он ей отвечал: «Всё, что ты смогла перечислить,
Все заслуги твои отрицать я не стану, царица.
Помнить буду всегда Элиссу, пока не покинет
Тела душа и пока о себе самом не забыл я.
Кратко о деле скажу: ты не думай, что я вероломно,
Тайно хотел убежать; и на брачный факел священный
Не притязал никогда, и в союз с тобой не вступал я.
Если бы мне разрешила судьба повелителем жизни
Собственной быть и труды избирать по собственной воле,—
Я бы их Трое родной, где покоятся близких останки,
Прежде всего посвятил, и дворец Приама стоял бы,
И для сограждан моих побежденных Пергам я воздвиг бы.
Но лишь в Италию нас Аполлон посылает Гринийский,
Только в Италию плыть велит Ликийский оракул:
Там и любовь, и отечество там! Если вид Карфагена
Радует взор твой и мил финикиянке город ливийский,—
Как не позволить и нам в Авзонийском краю поселиться?
За́ морем царство искать и тевкры право имеют!
Каждый раз, когда ночь окутает сумраком влажным
Землю и светочи звезд загорятся,— старца Анхиза
Тень тревожная мне предстает в сновиденьях с укором.
Юла обида меня гнетет: Гесперийского царства
Я лишаю его и судьбой обещанных пашен.
Ныне и вестник богов, самим Юпитером послан,
С ветром проворным слетев,— тобой и мною клянусь я! —
Мне повеленье принес. Средь бела дня я увидел
Бога, и голос его своими слышал ушами.

Так перестань же себя и меня причитаньями мучить.
Я не по воле своей плыву в Италию».

Молвил он так. А она на Энея молча глядела,
Взглядом враждебным его с головы до ног измеряя,
И наконец, не стерпев, ему ответила в гневе:
«Нет, не богини ты сын, и род твой не от Дардана,
Кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет породили,
В чащах Гирканских ты был тигрицей вскормлен свирепой!
Что же, смолчать мне сейчас, ожидая большей обиды?
Разве от слез моих он застонал? Или взоры потупил?
Разве меня пожалел? Разве, тронут любовью, заплакал?
Есть ли жестокость страшней? Ужель царица Юнона,
Сын Сатурна ужель равнодушно смотрят на это?
Верить нельзя никому! Безумная, с ним разделила
Царство я, подобрав занесенного на́ берег бурей,
Флот вернула ему и друзей, от смерти спасенных.
Горе! С гневом нет сил совладать! Так, значит, Ликийский
Гонит оракул тебя, и Феб, и, Юпитером послан,
Вестник богов повеленья принес жестокие с неба?
Право, забота о вас не дает и всевышним покоя!
Что ж, я тебя не держу и согласна со всем, что сказал ты!
Мчись, уплывай, убегай, ищи в Италии царства!
Верю: найдешь ты конец средь диких скал, если только
Благочестивых богов не свергнута власть,— и Дидоны
Имя не раз назовешь. А я преследовать буду
С факелом черным тебя; когда же тело с душою
Хладная смерть разлучит,— с тобою тень моя будет,
К манам моим молва долетит о каре Энея!»
Тут прервала свою речь, обессилев внезапно, царица,
Бросилась прочь, от света спеша укрыться, покинув
В страхе Энея, хоть ей он о многом сказать собирался.
Но подхватили ее поникшее тело служанки,
В дальний чертог отнесли, уложили на мягкое ложе.

Благочестивый Эней, подавляя в сердце желанье
Боль успокоить ее и унять утешеньем тревогу,
Горько стонал от любви, колебавшей слабую душу;
Все же, веленьям богов повинуясь, флот озирал он.
Тевкры спешат между тем корабли высокие сдвинуть
С берега,— и на волнах закачались смоленые днища.
Из лесу весла несут, от листвы не очистивши бревна:
Плыть не терпится всем.

К морю тевкры бегут, со всех стекаются улиц;
Так же, когда муравьи собирают зерна усердно,
Помня о скудной зиме, и в жилища сносят запасы,
По полю черный строй идет и по узкой тропинке
Тащит добычу меж трав: одни, толкая плечами,
Крупное катят зерно, подгоняют ленивых другие
Иль собирают ряды,— и кипит на дорожке работа.
Что же вынесла ты, Дидона, все это видя?
Как ты стонала, когда с высоты твердыни глядела
На́ берег, где у тебя на глазах работа кипела,
Где над водою гудел толпы неразборчивый гомон?
Злая любовь, к чему только ты сердца́ не принудишь!
Вновь приходится ей молить со слезами Энея,
Гордость смиряя в душе во имя любви и желая
Средства все испытать — чтобы смерть принять не напрасно.

«Анна, ты видишь, бегут отовсюду на́ берег тевкры,
Все собрались, и ветер к себе паруса призывают;
Каждому судну корму украшают венком мореходы.
Если бы только, сестра, ждала я горе такое,—
Легче бы все я снесла; а теперь ты просьбу несчастной
Выполни, Анна, одну: почитал всегда вероломный
Только тебя, доверял лишь тебе он тайные мысли;
Знаешь ты, как и когда к нему подступиться возможно,—
Ты и пойди, и моли врага надменного, Анна:
Вместе с данайцами я не давала клятвы в Авлиде
Весь троянский народ истребить, и к Пергаму не слала
Я кораблей, и Анхиза-отца не тревожила праха:
Что ж непреклонный свой слух он к мольбам склонить не желает?
Что он спешит? Пусть возлюбленной даст последний подарок:
Пусть подождет попутных ветров и легкой дороги.
Я не прошу, чтобы он был союзу нашему верен,
Чтоб навсегда пренебрег в прекрасном Лации царством,—
Жалкой отсрочки прошу, чтоб утихнуть успело безумье,
Чтобы страдать научили меня, побежденную, судьбы.
Сжалься, молю, над сестрой, окажи мне последнюю милость,
Буду тебе за нее благодарна до смертного часа».

Так умоляла она, и мольбы ее слезные Анна
Вновь и вновь к Энею несла — но не тронули речи
Скорбное сердце его, и просьбам слезным не внял он:
Слух склонить не велит ему бог и судьба запрещает.

Так нападают порой на столетний дуб узловатый
Ветры с альпийских вершин: то оттуда мча, то отсюда,
Спорят они, кто скорей повалить великана сумеет,
Ствол скрипит, но, хоть лист облетает с колеблемых веток,
Дуб на скале нерушимо стоит: настолько же в недра
Корни уходят его, насколько возносится крона.
Так же со всех сторон подступают с речами к герою,
Тяжкие душу томят заботы и думы, но все же
Дух непреклонен его, и напрасно катятся слезы.

В горе Дидона меж тем, устрашенная роком грядущим,
Смерть звала, не в силах смотреть на купол небесный.
Все побуждает ее исполнить замысел страшный,
Свет покинуть скорей. На алтарь дары возлагая,
Вдруг увидала она, как чернеет священная влага,
Как в зловещую кровь возлияний вино обратилось
(Даже сестре не сказала о том виденье Дидона).
Был в чертогах ее посвященный супругу Сихею
Храм, который она с особым чтила усердьем,
Яркой его украшала листвой и белою шерстью;
Ночью, когда вся земля объята тьмою, из храма
Голос послышался ей и зов усопшего мужа.
Часто на кровле дворца заводил похоронную песню
Филин, и голос его протяжно плакал во мраке.
Вспомнила также она и о прежних вещаньях пророков,
Ей суливших беду, и все время в ее сновиденьях
Гнался свирепый Эней за безумной царицей, она же,
Брошена всеми, одна, брела по длинной дороге,
Долго-долго ища тирийцев в поле пустынном.
Так же видит Пенфей Эвменид ряды в исступленье,
Солнца два в небесах и города два семивратных,
Так же по сцене бежит Агамемнона сын, за которым
Гонится с факелом мать и змей в руке поднимает;
Мчится Орест — но сидят на пороге мстящие Диры.

Сломленной болью душе не под силу бороться с безумьем:
Твердо решилась на смерть и выбрала втайне царица
Смерти способ и час, но, за мнимым спокойствием пряча
Замысел свой от сестры, ей сказала с надеждой притворной:
«Анна, я средство нашла,— порадуйся вместе со мною,—
Как его мне вернуть иль от этой избавиться страсти.
Там, где течет Океан и в него погружается солнце,

Место есть на краю Эфиопской земли, где огромный
Держит Атлант на могучих плечах небосвод многозвездный.
Мне указали, что там живет массилиянка-жрица,
Храм Гесперид охраняла она и кормила дракона,
Также плоды стерегла на ветвях священных деревьев,
Мед возливала и сок снотворный алого мака.
Жрица сулит от любви заклинаньями душу избавить
Иль, коль захочет, вселить заботы тяжкие в сердце;
Рек теченье она остановит, и звезд обращенье
Вспять повернет, и в ночи из Орка вызовет тени,
Землю заставит стонать и вязы спускаться по склонам.
Боги свидетели мне, твоей головою клянусь я,
Что против воли, сестра, к волшбе прибегаю и чарам.
Втайне сложи ты костер во дворце под небом открытым,
Мужа оружье, что он повесил в нашем чертоге,
Все одежды его и меня погубившее ложе
Брачное ты на костер положи: уничтожить отрадно
Все, что напомнит о нем, да и жрица так приказала».
Вымолвив, смолкла она, и покрылись бледностью щеки.
Анна понять не могла, что скрыть погребенье Дидоны
Должен странный обряд, не ждала, что сестра, обезумев,
Мучиться будет сильней, чем после смерти Сихея.
Все исполняет она.

Вот посредине дворца под открытым небом высокий
Сложен костер из смолистых ветвей и поленьев дубовых,
Весь плетеницами он и листвой погребальной украшен,
Сверху на ложе кладет, о грядущем зная, царица
Платье Энея, и меч, и образ, отлитый из воска,
Вкруг стоят алтари. Распустивши волосы, жрица
Сто призывает богов и трижды клич повторяет,
Хаос зовет и Эреб с трехликой Дианой-Гекатой,
Мнимой Аверна водой кропит обильно чертоги,
Травы берет, что медным серпом при луне на полянах
Срезала в полном цвету, ядовитым налитые соком,
Также нарост, что со лба жеребенка тотчас по рожденье
Сорван, чтоб мать упредить.
Рядом царица стоит, муќу священную держит,
Ногу разувши одну, распустив на одежде завязки;
К смерти готова, зовет в свидетели звезды, которым
Ведомо все, и молит богов,— если бог справедливый
Мстит вероломным в любви и печется о тех, кто обманут.

«Энеида»

Книга четвертая

Ночь опустилась, и сон успокоил тела утомленных
Смертных по всей земле; уснули рощи, утихли
Волны свирепых морей; полпути пролетели светила,
Смолкли луга, и поля, и стада, и пестрые птицы,
Что на просторе озер и в кустарниках частых гнездятся:
Всех молчаливая ночь в глубокий сон погрузила.
Только царица одна ни на миг не может забыться
Сном; не приносит ночь ни очам, ни сердцу покоя;
Снова любовь беспощадная в ней вздымается бурно,
Множит заботы в душе и прибоем гнева бушует.
Так Дидона твердит, одержима думой одною:
«Что ж мне делать? Опять, женихам на посмешище прежним,
Мужа искать и с мольбой идти к ливийским номадам,
Чьи домогательства я не раз отвергала с презреньем?
Или к нему на корабль бежать и любому приказу
Тевкров покорствовать? Пусть по душе им была моя помощь,—
Разве помнят о ней и хранят они благодарность?
Сделаю так,— но кто на корабль надменный допустит
Всем ненавистную? О, неужель до сих пор не узнала
Лаомедонтовых ты потомков нрав вероломный?
Что же дальше? Одна ль за ликующим флотом троянским
Я помчусь иль, собрав в отряды верных тирийцев,
Мною спасенных с трудом из Сидона, вслед за собою
Их увлеку и вверить ветрам паруса прикажу им?
Нет! По заслугам умри и мечом оборви эту муку!
Ты, сестра, уступив слезам моим и безумствам,
Первой беду на нас навлекла, врагу меня выдав.
Мне не дано было жить, не ведая брачного ложа,
Горькой не зная вины и заботы, как дикие звери,
Верность блюсти, в которой клялась я праху Сихея!»
Так причитала она, надрывая сердце слезами.

Той порою Эней на корме вкушал корабельной
Мирный сон, собираясь отплыть и все подготовив.
Снова герою во сне явился божественный образ,
Всем с Меркурием схож: лицо, румянец и голос
Те же, и светлых кудрей волна, и цветущая юность.
Снилось Энею, что бог обратился к нему с увещаньем:
«Сын богини, как можешь ты спать, хоть беда уже близко,
Как обступивших тебя опасностей можешь не видеть?
Дует попутный Зефир,— и того ты, безумец, не слышишь?
Ныне, решившись на смерть, нечестивые козни царица

В сердце лелеет, и гнев оскорбленной бушует прибоем.
Что ж ты бежать не спешишь, пока поспешить еще можно?
Скоро увидишь ты сам, как от весел вспенится море,
Факелы грозно блеснут, озарится пламенем берег,
Если тебя на Ливийской земле Аврора застанет.
Медлить не смей! Отплывай! Изменчива и ненадежна
Женщина». Вымолвив так, в ночи растаял он черной.

Тотчас поднялся Эней, устрашен виденьем нежданным,
Сон отряхнул и спутников стал торопить, говоря им:
«Встаньте, проснитесь, мужи, на скамьях места занимайте!
Все паруса поднимайте скорей! С высокого неба
Послан, бог нам велит обрубить витые канаты,
Без промедленья бежать. Тебе повинуемся, боже!
Кто бы ты ни был, твои повеленья исполним охотно,
Лишь благосклонным пребудь и яви сочетанья созвездий,
Благоприятные нам!» Промолвив, меч свой блестящий
Выхватил он из ножон и канат перерезал причальный.
Все в порыве одном бегут, за дело берутся,
Берег вмиг опустел, корабли всё море покрыли.
Пену вздымая, гребцы разрезают лазурь торопливо.
Чуть лишь Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
С башни высокой дворца в сиянье первом рассвета
Ровный строй парусов уплывающих видит царица,
Видит: пусты берега и гребцы покинули гавань.
Трижды в прекрасную грудь и четырежды больно ударив,
Кудри терзая свои золотые, стонет Дидона:
«Внемли, Юпитер! Ужель надо мной посмеется пришелец?
Прочь он бежит — а у нас и оружья нет, и вдогонку
Город не бросится весь, не предаст корабли истребленью?
Эй, несите огонь, паруса распускайте, гребите!..
Где я? Что говорю? Помутило разум безумье...
Только теперь ты скорбишь о его злодеяньях, Дидона?
Надо б тогда, когда власть отдавала! — Вот она, клятва,
Вот она, верность того, кто родных спасает пенатов,
Кто, говорят, на плечах отца престарелого вынес!
Я ль не могла растерзать, по волнам разметать его тело,
Спутников всех погубить, умертвить Аскания, чтобы
Дать отцу на пиру отведать страшного яства?
Был бы той битвы исход неясен... Пусть и неясен,—
Мне ли, готовой на смерть, бояться? Лагерь троянский

Я бы спалила дотла, и сожгла корабли, и убила
Сына с отцом, весь род истребив — и Элиссу в придачу.
Солнце, ты, что огнем земные труды озаряешь,
Ты, Юнона,— тебе я всегда мою боль поверяла,—
Ты, Геката, к кому на ночных перекрестках взывают,
Диры мстящие, вы, и вы, божества моей смерти,
Взгляд обратите на нас — заслужила я этого мукой,—
Нашим внемлите мольбам. Если должен проклятый достигнуть
Берега и корабли довести до гавани, если
Воля судьбы такова и Юпитера цель неизменна,—
Пусть войной на него пойдет отважное племя,
Пусть изгнанником он, из объятий Аскания вырван,
Бродит, о помощи всех моля, и жалкую гибель
Видит друзей, и пусть, на мир согласившись позорный,
Не насладится вовек ни властью, ни жизнью желанной:
Пусть до срока падет, пусть лежит на песке не зарытый.
С этой последней мольбой я в последний мой час обращаюсь.
Вы же, тирийцы, и род, и потомков его ненавидеть
Вечно должны: моему приношеньем праху да будет
Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!
О, приди же, восстань из праха нашего, мститель,
Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море —
Морю и меч — мечу: пусть и внуки мира не знают!»
Так говорила она и металась мыслью нестойкой;
Жизни постылые дни ей хотелось прервать поскорее.
Барку Дидона к себе, Сихея кормилицу, кличет
(Ибо свою схоронила еще на родине прежней):
«Милая няня, найди сестру мою Анну, скажи ей,
Чтобы тело себе омыла водою проточной,
Чтобы овец привела и все, что жрица велела,
Мне принесла; и сама на висках затяни ты повязки:
Жертвы, что я начала готовить стигийскому богу,
Нынче хочу завершить, навсегда с заботой покончить,
Сжечь на жарком костре дарданца коварного образ».
Так сказала она,— и старуха спешит что есть силы.

Замысел страшный меж тем несчастную гонит Дидону:
Мчится она, не помня себя, с блуждающим взором
Кровью налитых очей; на щеках ее бледные пятна —
Близкой гибели знак; в глубине дворца на высокий

Всходит царица костер и клинок обнажает дарданский,—
Не для того этот дар просила она у Энея!
Но, увидав илионскую ткань и знакомое ложе,
Слезы сдержала на миг, на костер опустилась Дидона,
Молвив в последний раз: «Вы, одежды и ложе,— отрада
Дней, когда бог и судьба мне отраду узнать разрешили!
Душу примите мою и меня от муки избавьте!
Прожита жизнь, и пройден весь путь, что судьбой мне отмерен,
В царство подземное я нисхожу величавою тенью.
Город могучий создав, я свои увидела стены,
Брата могла покарать, отомстить за убитого мужа,—
Счастлива, о, как счастлива я была б, если б только
Наших вовек берегов дарданцев корма не касалась!»
Тут устами она прижалась к ложу — и молвит:
«Хоть неотмщенной умру — но умру желанною смертью.
С моря пускай на огонь глядит дарданец жестокий,
Пусть для него моя смерть зловещим знаменьем будет!»
Только лишь молвила так — и вдруг увидали служанки,
Как поникла она от удара смертельного, кровью
Руки пятная и меч. Полетел по высоким покоям
Вопль и, беснуясь, Молва понеслась по смятенному граду.
Полнится тотчас дворец причитаньями, стоном и плачем
Женщин, и вторит эфир пронзительным горестным криком.
Кажется, весь Карфаген иль старинный Тир под ударом
Вражеским рушится в прах и объемлет буйное пламя
Кровли богов и кровли людей, пожаром бушуя.
Слышит крик и бежит, задыхаясь, с трепещущим сердцем,
В кровь расцарапав лицо, кулаками в грудь ударяя,
Анна и кличет сестру, на смертном простертую ложе:
«Вот в чем твой замысел был! Меня обмануть ты стремилась!
Вот что этот костер, и огонь, и алтарь мне сулили!
Плач мой с чего мне начать, покинутой? Ты не хотела
Спутницей взять и меня... О, когда б меня позвала ты,—
В то же мгновенье двоих один клинок погубил бы!
Этот костер я сложила сама, и сама я взывала
К отчим богам — лишь затем, чтоб не быть здесь в миг твой последний...
Ты, себя погубив, погубила меня и народ свой,
Город и тирских отцов. Дайте, влагой рану омою
И, коль осталось у ней дыханье в груди, я устами
Вздох последний приму». На костер со словами такими
Анна взошла и сестру умиравшую грела в объятьях,
Темную кровь одеждой своей утирала, стеная.

Тяжкие веки поднять попыталась Дидона — но тщетно;
Воздух, свистя, выходил из груди сквозь зиявшую рану.
Трижды старалась она, опершись на локоть, подняться,
Трижды падала вновь и блуждающим взором искала
Свет зари в небесах — и стонала, увидев сиянье.

Тут царица богов, над столь долгой сжалившись мукой
Трудной кончины ее, с Олимпа Ириду послала
Дать свободу душе, что со смертью боролась упорно,
Ибо судьбе вопреки погибала до срока Дидона,
Гибели не заслужив, лишь внезапным убита безумьем,
И не успела ее золотистую прядь Прозерпина
Прочь унести и Дидону обречь стигийскому Орку.
С неба Ирида летит на шафранных крыльях росистых,
В утренних солнца лучах стоцветный след оставляя;
Встав над несчастной, она произносит: «Прядь эту в жертву
Диту я приношу, и от тела тебя отрешаю!»
Вымолвив, прядь срезает она — и тотчас хладеет
Тело, и жизнь покидает его, развеяна ветром.

КНИГА ПЯТАЯ

В это же время Эней продолжал свой путь неуклонно,
Мчался пó ветру флот, рассекая темные волны.
Вспять поглядел Дарданид: костер несчастной Элиссы
Город весь озарял. Кто зажег столь яркое пламя,
Он не знает, но боль и терзанья попранной страсти,
Мысль, что способна на все в исступленье женщина, полнят
Мрачным предчувствием грудь Энея и спутников верных.
Только лишь вышли суда в открытое море и берег
Скрылся из глаз,— куда ни взгляни, лишь небо и волны,—
Над головой беглецов собралась дожденосная туча,
Бурей и тьмою грозя, и волна поднялась в полумраке.
Тут с кормы прозвучал Палинура-кормчего голос:
«Горе! Зачем небосвод застилают тяжелые тучи?
Что ты нам, отче Нептун, готовишь?» И тотчас велит он
Снасти скорей подобрать и налечь на могучие весла,
Сам же, парус тугой поставив наискось к ветру,
Молвит Энею: «Пусть мне хоть Юпитер клянется,— не верю
Я, что в Италию мы доплывем при такой непогоде.
Ветер, свой путь изменив, от заката темного с воем
Нам навстречу подул, и сгустились в воздухе тучи.
Ни против ветра идти, ни бури выдержать натиск
Нам не под силу. Но есть исход — уклониться с дороги,
Следуя зову судьбы. Сиканийский, я думаю, берег,
Братский Эрикса край и надежные гавани близко,—
Если мне память верна, когда путь ищу я по звездам».
Тевкров вождь отвечал: «Да, я вижу, стараешься тщетно

Ты против ветра идти, что велит нам с пути уклониться.
Что ж, поверни паруса! Для меня же места желанней
Нет, и охотней нигде не поставлю я флот утомленный,
Чем в земле, что для нас сберегла дарданца Акеста,
Ныне же в лоне своем покоит Анхиза останки».
Так он сказал, и кормчий к земле повернул, и попутный
Ветер надул паруса, корабли средь зыбей полетели,
Тевкров радостных мча к берегам песчаным знакомым.

Издали видит Акест с высокой горной вершины,
Как подплывают суда, и к друзьям навстречу выходит,—
Копья в руке, на плечах ливийской медведицы шкура.
Кримисом, богом речным, и троянкой смертной рожденный,
Помнил Акест о давнем родстве — и радостно встретил
Тевкров вернувшихся он и дарами простыми почтил их,
Помощью щедрой своей утомленных друзей утешая.

Утром, едва занялся на востоке, звезды прогнавши,
День светозарный,— Эней со всего побережья на сходку
Тевкров созвал и к ним обратился с вершины кургана:
«Вы, что от крови богов рождены, Дардана потомки!
Лун исполнился счет и гóда круг завершился
С той поры, как почил богоравный родитель и в землю
Прах опустили его и печальный алтарь освятили.
День настает (если я не ошибся), который вовеки
Горек будет и свят для меня,— так боги хотели!
Где б он меня ни застиг — иль в изгнанье у Сирт Гетулийских,
Иль посреди арголидских морей, иль даже в Микенах,—
Все же свершу я обряд ежегодный и шествием пышным
Старца почту алтари, отягчив их, как должно, дарами.
Ныне же мы оказались опять у могилы Анхиза,—
Нас не без воли богов, я верю, ветры примчали
В гавань друзей, в тот край, где лежат родителя кости.
Справим же все сообща по нем священную тризну,
Будем о ветрах молить, о том, чтоб обряд ежегодный
В собственном храме его совершали мы, город воздвигнув.
По два быка на каждый корабль дарит вам сегодня
Троей рожденный Акест; призовите же к трапезе нашей
Отчих пенатов и тех, что радушным чтимы Акестом.
После, когда взойдет в девятый раз над землею
День благодатный и мир озарит лучами Аврора,
Я состязанье судов быстроходных устрою для тевкров.

Всякий из вас, кто силою рук иль проворством гордится,
Всякий, кто мечет копье иль тонкие стрелы искусно,
Кто, обвив кулаки ремнями, бьется отважно,
Пусть приходит и ждет по заслугам пальмы победной.
Ныне ж сомкните уста и ветвями чело увенчайте».

Так он сказал и чело материнским миртом украсил;
Вслед по примеру его Гелим и Акест престарелый,
Юный Асканий и все троянцы сделали то же.
После родитель Эней, многолюдной толпой окруженный,
Прямо к могиле пошел, и тысячи шли за героем.
Там, возлиянье творя, две чаши Вакховой влаги
Чистой и столько же чаш молока и крови священной
Он пролил и, цветы разбросав пурпурные, молвил:
«Ты, о родитель святой, понапрасну мною спасенный,
Праху привет твоему, привет и тени и духу!
Нет, не дано мне было с тобой назначенных роком
Нив италийских и вод неведомых Тибра достигнуть».
Так говорил он — и вдруг появилась змея из гробницы:
В семь огромных колец изогнув упругое тело,
Холм семь раз обвила, с алтаря на алтарь проползая.
В темных пятнах спина, чешуя переливчатым блеском
Золота ярко горит; так, против солнца играя
Тысячей разных цветов, сверкает радуга в небе.
Замер Эней. А змея, извиваясь лентою длинной,
Между жертвенных чаш и кубков хрупких скользила,
Всех отведала яств и в гробнице снова исчезла,
Не причинивши вреда и алтарь опустевший покинув.
Вновь начинает обряд в честь отца Эней и не знает,
Гений ли места ему иль Анхиза прислужник явился.
Двух родителю он заклал по обычаю ярок,
Столько же тучных свиней и быков молодых черноспинных,
Чашами льет он вино и взывает к духу Анхиза,
Маны великого вновь с берегов зовет Ахеронта.
Также и спутники все несут, что каждый имеет,
Радостно в дар на алтарь и, быков для пира зарезав,
Прямо в траве на лугу расставляют котлы, разжигают
Под вертелами огонь и на углях убоину жарят.

День долгожданный настал; в девятый раз выезжает,
Ясным светом горя, на конях Фаэтона Аврора.
Люд окрестный, молвой привлечен и славой Акеста,

На берег валом валит, энеадов увидеть желая;
Многие также хотят помериться силами с ними.
Вот у всех на виду средь ристалища ставят награды:
Есть и треножники здесь, и венки из листьев зеленых,
Ветви пальм победителям в дар, пурпурное платье,
Золота целый талант, и талант серебра, и оружье,

С вала запела труба, начало игр возвещая.
Первыми вышли гребцы состязаться на веслах тяжелых;
Выбраны были для игр четыре судна огромных;
Юношей пылких собрал Мнесфей на «Ките» быстроходном
(Стал италийцем Мнесфей и рода Меммиев предком);
Вел «Химеру» Гиас — корабль огромный, как город,
С силой гнали его, в три яруса сидя, дарданцы,
В три приема они три ряда весел вздымали.
Правил «Кентавром» Сергест — от него получил свое имя
Сергиев дом; а Клоант управлял синегрудою «Сциллой»
(Храбрый Клоант был твоим, Клуенций-римлянин, предком).

Есть утес вдалеке от пенной кромки прибоя;
Волны бушуют вокруг и вершину его заливают
В зимние дни, когда Кор застилает тучами небо;
Но в безветренный день он из вод выступает недвижных,
Манит птиц водяных в тишине на солнце погреться.
Там родитель Эней из зеленых веток дубовых
Мету воздвиг — чтобы знал мореход, откуда вернуться
Должно ему и где поворот его ожидает.
Жребий места́ кораблям указал. На корме возвышаясь,
Золотом блещут вожди и нарядов пурпуром ярким.
То́поля свежей листвой увенчались гребцы молодые,
Плечи нагие блестят и лоснятся, маслом натерты.
Все сидят на скамьях и руки держат на веслах,
Знака ждут, замерев; лишь в груди трепещет, ликуя,
Сердце и бьется сильней, одержимое жаждою славы.
Громко пропела труба — и немедля с места рванулись
Все корабли, и соперников крик взвился в поднебесье.
Рук не жалея, гребцы разметают пенную влагу,
Тянется след за кормой, расступаются воды под килем,
Гладь рассекают носы кораблей и длинные весла.
Так не мчится стремглав, пожирая пространство ристалищ,
Парных упряжек чреда, вылетая из-за решетки,
Так не рвутся вперед, сотрясая извилистый повод,

К самому крупу коней наклоняясь с бичами, возницы.
Криком и плеском рук между тем ободряли любимцев
Зрители, шум голосов по лесистому несся прибрежью
И возвращался назад, от холмов отражаясь окрестных.
Первым несется средь волн Гиас, остальных обогнавший,
Вслед ему крики толпы летят; за ним поспешает
Грузный Клоанта корабль; хоть гребцы на нем лучше, но тяжесть
Ход замедляет его. И на равном от них расстоянье
Сзади «Кит» и «Кентавр» обойти друг друга стремятся:
То «Кентавр» впереди, то «Кит» его обгоняет
Мощный, то рядом они бок о бок мчатся, и вместе
Длинные кили судов бороздят соленую влагу.
«Сцилла» с «Химерой» меж тем приближались к утесу и мете.
Тут Гиас, что всех впереди летел, побеждая,
Громким голосом так Меноту-кормчему крикнул:
«Что же ты правишь в обход? Поворачивай к берегу ближе,
Влево бери, чтоб утес задевали лопасти весел.
Пусть другие идут в открытое море!» Но кормчий
Вывел корабль на простор, подводных скал опасаясь.
Снова воскликнул Гиас: «Да куда же ты правишь, упрямый?
К скалам сверни!» — а меж тем озирается сам на Клоанта:
Сзади Клоант нагонял и дорогу срезать старался.
Вот, между гулкой скалой и огромным судном Гиаса
Круто налево свернув, победителя «Сцилла» обходит
И вылетает в простор, за кормою мету оставив.
Жгучей обидой тогда переполнилось юноши сердце,
Брызнули слезы из глаз; позабыв о том, что́ достойно,
Что́ недостойно вождя и о спутников благе не помня,
В море Гиас с корабля нерадивого сбросил Менота,
Сам же на место его у кормила встал, продолжая
Криком гребцов ободрять, и корабль повернул к побережью.
Тою порой престарелый Менот, из пучины насилу
Вынырнув, медленно плыл, отягченный намокшей одеждой,
Прямо к утесу — и там на сухую вылез вершину.
Тевкры смеялись над ним, когда падал и плыл он неловко
И на скале изрыгал из груди соленые струи.
Тут и отставших сердца зажглись надеждой отрадной:
Можно теперь обогнать потерявшего время Гиаса.
Вырвался пылкий Сергест вперед на подходе к утесу,
Но на длину корабля не мог «Кита» обойти он,—
Вровень с бортом его плывет упорный соперник.
Ходит вдоль борта Мнесфей и гребцов своих ободряет

Речью такой: «На весла сильней, сильней налегайте,
Гектора славная рать, вы, кого после гибели Трои
Выбрал в спутники я! Покажите мужество ваше,
Силу, что вам помогла одолеть Гетулийские Сирты,
Бурный Малеи прибой и натиск волн Ионийских.
Первым прийти не стремлюсь, победить я не тщусь в состязанье
(О, если б так! Но Нептун пусть пошлет, кому хочет, победу)—
Стыдно последними быть! Не допустим такого позора,
Граждане Трои!» И тут с удвоенным рвеньем на весла
Все гребцы налегли; от рывков корма задрожала,
Море навстречу бежит, дыханье грудь разрывает,
Губы сохнут, и пот по лицу струится ручьями.
Случай сам им помог добиться чести желанной,
Ибо Сергест повернул, одержим неистовым пылом,
Ближе к мете и, мча хоть и кратким путем, но коварным,
Вдруг налетел на гряду из воды выступавших утесов.
Скалы сотряс удар; об острые камни ломаясь,
Весла громко трещат, и корма нависает над бездной.
Вскрикнули разом гребцы, со скамей своих повскакали,
В ход пускают шесты и багры с наконечником острым,
Сняться пытаясь с камней, и ловят весел обломки.
Силы Мнесфею придал успех нежданный: помчали
Быстрые весла корабль и ветер, внявший молитве.
Выйдя на вольный простор, по волнам благосклонным летит он.
Так, если выгонит страх из пещеры глубокой голубку
(Вьет гнездо и выводит птенцов она в полых утесах),
Выпорхнув, плещет она над пашней крыльями громко,
Мчится над домом своим — а потом в безмятежном эфире,
Не шелохнувши крылом, скользит спокойно и плавно.
Так же Мнесфей рассекал с разлета пенные волны,
Так же движенье само влечет отставшее судно.
Раньше всего за кормой Мнесфей оставил Сергеста,—
С мелью боролся Сергест и взывал о помощи тщетно,
Сняться пытался со скал, гребя обломками весел.
«Кит» уже мчится меж тем по пятам за «Химерой» огромной,
И остается она, лишенная кормчего, сзади.
Только Клоант впереди несется к цели все ближе,—
Гонится следом Мнесфей, догоняет, сил не жалея...
С берега крики сильней: настигающих хочет ободрить
Зритель ревнивый, и гул широко отдается в эфире.
Тем, кто считал уж своей и награду и славу, обидно
Все потерять: за честь заплатить они жизнью готовы.
Этих ободрил успех: побеждает, кто верит в победу.

Оба в единый миг, разделив награду, пришли бы,
Если бы руки Клоант не простер с мольбою к пучине,
Громко к богам не воззвал, творя такие обеты:
«Боги, владыки морей, по чьим плыву я просторам!
На берег выйду едва — и тельца белоснежного в жертву,
Вам принесу, исполняя обет, и в соленые волны
Брошу мясо его, и вином совершу возлиянье!»
Так молился Клоант — и вняла ему дева Панопа,
Внял и хор Нереид, и Форка хор под водою.
Мощной рукой родитель Портун бегущему судну
Дал толчок,— и Нота быстрей иль стрелы оперенной
К берегу «Кит» подлетел и вошел в глубокую гавань.
Сын Анхиза созвал по обычаю всех мореходов,
И, когда объявил победителя зычный глашатай,
Сам виски увенчал он Клоанту лавром зеленым.
По три быка на каждый корабль по выбору дал он,
Дал и вина, и талант серебра вручил полновесный,
Каждый вождь сверх того получил по награде почетной:
Был победитель Клоант награжден плащом златотканым,
Дважды тот плащ обегала кайма узором пурпурным,
Царственный отрок на нем по рощам Иды тенистой
Гнал, потрясая копьем, быстроногих оленей проворно,—
Словно живой, он дышал тяжело,— но, когтями вцепившись,
Спутник Юпитера вдруг вознес его в поднебесье,—
Тщетно руки к нему воспитатели старые тянут,
Своры яростный лай понапрасну ветер разносит.
Тот, кто отвагой стяжал и упорством место второе,
Панцирь из легких колец золотых, в три слоя сплетенный,
В дар получил: тот панцирь Эней совлек с Демолея,
Под Илионом его победив у вод Симоента,
Ныне ж Мнесфею вручил — украшенье и в битве защиту.
Панцирь тройной с трудом рабы Фегей и Сагарий
Вместе несли на плечах; а когда-то в этом доспехе
Тевкров гнал Демолей, в беспорядке с поля бегущих.
Третья награда была — два медных блюда и кубки
С множеством ценных камней, в серебре сверкающих ярко.
Шли, дары унося, гордясь наградою щедрой,
Трое вождей, увенчавших виски пурпурной повязкой.
В это время, с трудом исхитрившись сняться с утеса,
Вел с позором Сергест, осыпаемый градом насмешек,
Судно, где вёсел теперь на один только ряд оставалось.
Так порою змея, когда ее на дороге
Ободом медным своим колесо придавит иль путник

Сильным ударом прибьет, на камнях полумертвой оставив,
Тщетно стремится ползти и всем извивается телом,
Шея тянется вверх, шипеньем страшным раздута,
Злобой сверкают глаза,— но недвижен хвост перебитый,
Как ни корчится гад и в тугой ни свивается узел.
Так же к берегу плыл корабль неуклюжий на веслах;
Только парус подняв, он вошел под парусом в гавань.
Все же Сергесту Эней обещанный отдал подарок,
Радуясь, что возвращен корабль и спутники целы.
С Крита рабыня ему досталась в награду, Фолоя,
Мать двоих близнецов, искусная в деле Минервы.

Так состязанье одно завершилось. На луг травянистый
Тотчас Эней поспешил,— туда, где в широкой долине
Между пологих холмов и лесов ристалище было
С множеством зрительских мест. Посреди толпы многолюдной
На возвышенье герой скамью почетную занял.
Вызвал он всех, кто хотел состязаться в беге проворном,
И, чтобы души зажечь, на виду расставил награды.
Много тевкров на зов и сиканцев много явилось.
Первыми Нис с Эвриалом пришли:
Юности свежей красой Эвриал блистал, и любовью
Чистой любил его Нис. За ними вышел немедля
Царственный отпрыск Диор, от Приамовой крови рожденный;
Салий вышел за ним и Патрон: один — акарнанец
Родом, тегеец — другой, из семьи аркадской старинной;
Юношей двое пришли тринакрийских — Гелим с Панопеем,
Оба привыкли бродить по лесам с престарелым Акестом;
Много пришло и других — имена их молва позабыла.
Стал между ними Эней, и такую речь произнес он:
«Нашим внемлите словам и примите их радостно в сердце!
Сколько бы ни было вас, ни один не уйдет без награды:
По два кносских копья, лощеной блистающих сталью,
К ним двуострый топор с насечкой серебряной дам я
Всем без различия в дар. Но три особых награды
Я победившим вручу, увенчав их бледной оливой:
Первый получит коня в драгоценной сбруе наборной,
Ждет второго колчан, добытый в стране амазонок,
Полный фракийских стрел; обвивает его золотая
Перевязь, пряжкой она скреплена с самоцветом округлым.
Этот аргосский шлем наградой третьему будет».
Так он сказал — и встают на места бегуны и, по знаку
Разом сорвавшись, летят, подобно граду из тучи,

С цели не сводят очей и начальный предел покидают.
Первым ринулся Нис и, оставив всех за плечами,
Мчится проворней ветров и крылатых молний быстрее;
Следом, всех ближе к нему, но на много шагов отставая,
Салий бежит; а за ним позади, на большом расстоянье,
Третьим бежит Эвриал.
За Эвриалом — Гелим; за его спиною вплотную
Мчится проворный Диор, наступая Гелиму на пятки,
Тяжко дыша у него над плечом; и если бы дольше
Им оставалось бежать, то соперника он обогнал бы.
Ближе и ближе неслись бегуны усталые к цели,
Путь завершая,— и вдруг несчастный Нис поскользнулся,
В лужицу крови ступив (когда на лугу приносили
В жертву быков, эту кровь на зеленые пролили травы).
Не находя под ногой опоры твердой, с разбега
Наземь падает Нис, заранее гордый победой,
Тело в священной крови и в нечистом навозе марая.
Но и тут, не забыв о любимом своем Эвриале,
Телом он Салию путь преградил, приподнявшись из грязи.
Тотчас на плотный песок упал споткнувшийся Салий.
Вырвался сразу вперед и под плеск ладоней и крики
Первым пришел Эвриал — победитель по милости друга.
Следом Гелим прибежал, а Диор взял третью награду.
Тут перед всею толпой, пред скамьями граждан старейших,
Криками дол огласив, потребовал Салий награды:
Только-де хитростью он был лишен победы и чести.
Но благосклонна толпа к Эвриалу, льющему слезы:
Доблесть милее вдвойне, если доблестный телом прекрасен.
За Эвриала стоит и Диор, всех громче кричащий:
Он последним пришел и лишился бы третьей награды,
Если бы первой теперь удостоен был Салий упавший.
Им отвечал родитель Эней: «Остаются за вами
Ваши дары, и порядка наград никто не изменит.
Мне же дозвольте друзьям, в неудаче своей не повинным,
Жалость явить». И Салию в дар с такими словами
Шкуру мохнатую льва с золотыми когтями поднес он.
Нис на это сказал: «Если ты упавших жалеешь,
Если так щедро дары раздаешь побежденным,— то чем же
Ниса ты наградишь? Ведь венок он первый стяжал бы,
Если бы злою судьбой, как и Салий, не был обманут».
Вымолвив, он показал на лице и на теле могучем
Пятна грязные всем. И со смехом добрый родитель
Щит приказал принести,— Дидима́оном сделан искусным,

Сорван был он с дверей в данайском храме Нептуна,
Ныне же юному стал герою славной наградой.

Так завершился бег, так награды розданы были.
«Все, в ком отвага жива, чье сердце страха не знает,
Пусть придут, обвязав кулаки боевыми ремнями!» —
Громко Эней возгласил и бойцам назначил награды:
В дар победителю — бык в золотых повязках и лентах,
Шлем драгоценный и меч побежденного ждут в утешенье.
Тотчас Дарет, похваляясь своей непомерною силой,
Вышел вперед из рядов, громогласным ропотом встречен.
Некогда он лишь один выходил сражаться с Парисом,
Им же в кулачном бою над могилой Гектора свежей
Бутес огромный, никем дотоле не побежденный,
Предком звавший своим бебрикийцев владыку Амика,
Сбит был с ног и на желтый песок полумертвым повержен.
Голову гордо подняв, Дарет, готовый к сраженью,
Встал, чтобы видели все могучие плечи и руки,—
Ими он наносил в пустоту удар за ударом.
Ищет противника он, но никто из толпы многолюдной
Выйти не смеет к нему и надеть ремни боевые.
Тут, решив, что победу ему без борьбы уступают,
Перед Энеем он встал, нетерпеньем радостным полон,
Левой рукою за рог быка схватил и промолвил:
«Сын богини, никто не решается ввериться битве!
Долго ль еще мне стоять? Когда конец ожиданью?
Взять награду вели!» Зашумели громко дарданцы,
Требуя, чтобы дары Дарету отданы были.
В это время Акест упрекал сердито Энтелла,
Рядом сидевшего с ним на скамье из зеленого дерна:
«Зря, как видно, Энтелл, средь героев был ты храбрейшим,
Если можешь стерпеть, чтоб такие награды без боя
Взял он! Ужель обучал нас божественный Эрикс? Не зря ли
Я поминаю его? Где молва об Энтелле, что мчалась
Встарь по Тринакрии всей? Где за прежние битвы награды?»
Так Энтелл отвечал: «Нет, стремленья к славе из сердца
Страх не прогнал; но в жилах моих бессильная старость
Кровь леденит и покинула мощь остывшее тело.
Если б, как в прежние дни, и я, словно этот надменный,
Был уверен в себе, полагался на юные силы,—
Не за награду, поверь, не тельцом прекрасным прельщенный,
Вышел бы я: мне дары не нужны!» С такими словами
На поле пару ремней небывалого веса он бросил:

Прежде, на бой выходя, надевал их Эрикс отважный,
Мощный кулак обвязав и запястье твердою кожей.
Все в изумленье глядят на ремни из семи необъятных
Бычьих шкур, с нашитым на них свинцом и железом.
Больше всех изумлен, Дарет назад отступает.
Великодушный Эней непомерному весу дивится,
Пут огромный клубок и так и этак он вертит.
Тут престарелый Энтелл слова промолвил такие:
«Что, если б видели вы ремни самого Геркулеса,
Пагубный видели бой на песчаном этом прибрежье?
Некогда Эрикс, твой брат, сражался этим оружьем,—
Видишь — доселе ремни забрызганы кровью и мозгом!
Против Алкида он в них стоял; а после носил их
Я, покуда мне кровь разливала силы по жилам
И на обоих висках не белела завистница старость.
Если троянец Дарет перед нашим робеет оружьем,
Если на этом стоят и Эней и Акест, побудивший
Выйти на бой,— уравняем борьбу: не надену я этих
Кож,— не бойся! — а ты ремни троянские снимешь!»
Молвил он так и с плеч одеянье сбросил двойное,
Мышцы мощные рук и костистое мощное тело
Статный старик обнажил и встал на поле песчаном.
Вынес две пары ремней одинаковых отпрыск Анхиза,
Чтобы обоим обвить кулаки оружием равным.
Встали тотча́с на носки и высо́ко подняли руки
Чуждые страха бойцы; чтоб лицо защитить от ударов,
Голову оба назад откинули, руки скрестили,—
И началось на лугу между юным и старым сраженье.
Первый проворством силен и крепостью ног молодою,
Весом и мощью рук превосходит второй, но в коленях
Слабые ноги дрожат, сотрясает тело одышка.
Много ударов мужи нанесли понапрасну друг другу,
Много раз кулаки опускались на ребра, рождая
Гулкий отзвук в груди. У висков то и дело мелькают
Руки, и скулы трещат под градом частых ударов.
Твердо стоит Энтелл, ни на шаг не двигаясь с места,
Зорко следит за врагом, кулаков его избегая.
Словно воин, что взять неприступный город стремится
Или с ружьем в руках осаждает горную крепость,
Рыщет Дарет, то отсюда к нему, то оттуда пытаясь
Подступ найти, и уловки свои в нетерпении множит.
Встав на носки, размахнулся Энтелл и правой ударил
Сверху вниз; но Дарет ожидал удара недаром;

Вправо проворно скользнув, увернулся он ловким движеньем.
В воздух ударил Энтелл, понапрасну силы истратив,—
И тяжело на песок тяжелое рухнуло тело;
Рушатся так иногда дуплисты старые сосны,
Вырваны с корнем, со скал Эриманфа иль Иды лесистой.
Тевкры с мест поднялись, тринакрийцы вскочили в тревоге,
Крик полетел к небесам. Подбежал к ровеснику первым
Старый Акест и друга с земли заботливо поднял.
Но от паденья герой не утратил отваги и пыла:
Снова рвется он в бой, возрастают силы от гнева,
Силы и стыд придает, и вера в прежнюю доблесть.
Вот, на Дарета напав, по всему его гонит он полю,
Правой рукой наносит удар и тотчас же левой,
Не отпускает врага ни на миг. Как частый на кровли
С грохотом рушится град — так удары справа и слева
Сыплет и сыплет Энтелл, оглушает и гонит Дарета.
Но допустить родитель Эней не мог, чтобы ярость
В сердце старца росла и свирепый гнев разрастался;
Бой неравный прервав, изнемогшего вырвал Дарета
Он у врага, укротив спесивца такими словами:
«Что за безумье тобой овладело, несчастный? Не видишь,—
Сломлены силы твои. Божество от тебя отвернулось!
Богу, Дарет, уступи!» Так сказал он, бойцов разнимая.
Тотчас друзьями Дарет (у него подгибались колени,
Кровь лилась по лицу, голова болталась бессильно,
Вместе с кровавой слюной изо рта он выплевывал зубы)
Был отведен к кораблям; и друзья по зову Энея
Шлем получили и меч, быка оставив Энтеллу.
Гордый наградой такой и победной пальмой, сказал он:
«Сын богини, узнай и вы узнайте, дарданцы,
Как я могуч и силен был в юные давние годы
И от какой вы сейчас избавили смерти Дарета».
Молвил он так и лицом к быку повернулся, который
Дан был в награду ему; и вот, широко размахнувшись,
Правой рукой он ударил быка меж рогов, проломивши
Череп ремнями и в мозг загоняя кости осколки.
Вздрогнул бык и упал, наповал убитый ударом.
Голосом звучным Энтелл над простертым телом промолвил:
«Лучшую жертву тебе взамен Дарета принес я,
Эрикс! Теперь, победив, со своим я расстанусь искусством».

Следом вызвал Эней всех, кто хочет в стрельбе состязаться,
Меткость свою показать, и, стрелкам назначив награды,

Мощной рукой он воздвиг с корабля Серестова мачту,
Сверху к ней привязал на бечевке тонкой голубку,
Чтобы в крылатую цель направляли соперники стрелы.
Вот стрелки собрались, и опущены жребии были
В медный шлем; поднялся в толпе одобрительный ропот:
Первый выпал черед Гиртакиду Гиппокоонту.
Следом Мнесфей, в состязанье судов победитель недавний,
Вытащил жребий,— Мнесфей, увенчанный свежей оливой.
Третий достался черед Эвритйону, Пандара брату,
Что по веленью богов перемирье нарушил под Троей,
Первым бросив стрелу в ряды ахейского войска.
В шлеме осталось на дне последнее имя — Акеста:
Сам средь юношей он попытать свои силы решился.
Каждый стрелок свой лук изогнул могучей рукою,
Каждый сейчас же стрелу достает себе из колчана.
Первой слетела стрела с тетивы Гиртакида запевшей,
В быстром полете она, оперенная, воздух пронзает
И глубоко впивается в ствол воздвигнутой мачты.
Вздрогнул ствол, встрепенулась на нем в испуге голубка,
Громким плесканием рук толпа огласила долину.
Следом выходит Мнесфей и встает, тетиву натянувши,
Целится вверх, и взгляд и стрелу на мишень направляя,
Птицу, однако, не мог поразить он острым железом,
Только стрелой разорвал узлы и путы льняные,—
За ногу ими была голубка привязана к мачте.
Тотчас же взмыла она, к облакам улетая знакомым.
Но Эвритион меж тем уж стоял с натянутым луком;
К брату с мольбою воззвав, он стрелу, что держал наготове,
В небо пустое метнул, где, ликуя, голубка летела,
И среди туч поразил трепетавшую крыльями птицу.
Пала она с высоты, в поднебесье с жизнью расставшись,
С гибельной меткой стрелой возвратилась снова на землю.
Только родитель Акест лишен был пальмы победной.
Все же стрелу в вышину наудачу метнул он, являя
Всем искусство свое в обращенье с луком звенящим.
Тут внезапно очам предстало чудо, в грядущем
Многие беды суля: доказали это событья,
Ибо пророческий смысл толкователи поздно постигли.
Между прозрачных летя облаков, загорелась тростинка,
Пламенем след за собой прочертив, растаяла легким
Дымом в воздухе; так, с небосвода сорваны, звезды
Часто проносятся вниз и влекут хвосты огневые.
Тут словно гром поразил тринакрийских мужей и троянцев:

Молятся в страхе богам... Отвратить примету не просит
Только Эней: Акеста герой обнимает, ликуя,
Щедро дарами его осыпает с такими словами:
«Дар мой прими, отец: повелитель великий Олимпа
Знаменье это послал, чтоб тебя всех прежде почтил я.
Старца Анхиза кратéр, самоцветами ярко горящий,
Будет наградой тебе; фракийцем когда-то Киссеем
Был драгоценный сосуд отцу Анхизу в подарок
Отдан на память о нем и в залог любви нерушимой».
Молвив, старца чело увенчал он лавром зеленым
И объявил среди всех победителей первым Акеста.
Но Эвритион ничуть не завидовал почести этой,
Хоть удалось лишь ему подстрелить в поднебесье голубку.
Тот, кто путы порвал, получил вторую награду,
Третью — тот, кто попал стрелой летучею в мачту.

Не завершилось еще состязанье, когда Эпитида,
Что опекал и берёг безотлучно отрока Юла,
Вызвал родитель Эней и шепнул ему на ухо тихо:
«К сыну ступай и ему возвести: коль построить успел он
Свой малолетний отряд и готов к ристаниям конным,
Пусть выводит его и себя покажет с оружьем
Деду в честь». И толпе, что рассеялась в цирке огромном,
Он повелел отойти и очистить просторное поле.
Юный блистающий строй на виду у отцов выезжает,
Взнузданных гонит коней,— и дивится, на мальчиков глядя,
Весь тринакрийский народ, и шумит с троянцами вместе.
Коротко стрижены все, по обычаю все увенчали
Кудри, и каждый по два кизиловых дротика держит.
Легкий колчан у иных за плечом, и цепь золотая,
Гибко спускаясь на грудь, обвивает стройную шею.
На три турмы разбит отряд, перед каждою турмой —
Юный вождь, и за ним двенадцать отроков скачут,
Строй соблюдая тройной, блистая равным уменьем.
Всадники в первом строю за Приамом едут, ликуя,—
Славный твой отпрыск, Полит, нареченный именем деда,
Вскоре возвысит твой род на земле италийцев; а ныне
Мальчика мчит фракийский скакун — весь в яблоках белых,
С белой звездою на лбу, с перетяжкой белой у бабок.
Атис — ведут от него латиняне Атии род свой —
Атис, Аскания друг, пред вторым красуется строем.
Юл — прекраснее всех — перед третьим строем гарцует;
Конь сидонский под ним был подарен прекрасной Дидоной

Мальчику в память о ней и в залог любви нерушимой.
Отроков мчат остальных тринакрийские кони, которых
Дал им Акест.
Трепетный юный отряд дарданцы плеском ладоней
Встретили, с радостью в нем черты отцов узнавая.
После того как они мимо зрителей всех проскакали,
Близким радуя взор, Эпитид им голосом громким
Подал издали знак и бичом оглушительно щелкнул.
По трое в каждом ряду разделился строй, и немедля
Два полухория врозь разъехались; после, по знаку,
Вспять повернули они, друг на друга копья наставив,
Встретились, вновь разошлись и опять сошлись на широком
Поле; всадников круг с другим сплетается кругом,
Строй против строя идет, являя битвы подобье.
Вот одна сторона убегает, а вот, повернувшись,
С копьями мчится вперед; вот обе смыкаются мирно,
Рядом летят...— На критских холмах, повествуют, когда-то
Был Лабиринт, где сотни путей меж глухими стенами
В хитрый сплетались узор и где все путеводные знаки
Людям помочь не могли, безысходно блуждавшим вслепую.
Так же теперь следы перепутались юных троянцев,
То убегавших стремглав, то сходившихся в битве потешной,
Словно дельфины, когда в многоводном море Ливийском
Или Карпафском они затевают резвые игры.
Эти ристания ввел, состязанья устроил такие
Первым Асканий, стеной опоясав Долгую Альбу;
Древним латинянам он искусство передал это,
Отроком сам обучившись ему с молодежью троянской.
Внукам своим завещали его альбанцы, от них же
Рим воспринял его и хранит, как наследие предков.
Отроков строй «троянским» зовут и «троянскими» — игры,
Что и доныне у нас в честь святого прадеда правят.

Тут изменила опять Фортуна коварная тевкрам:
Тою порой как они над могилой игры справляют,
Дочь Сатурна с небес к кораблям троянским Ириду
Шлет и летящей вослед посылает попутные ветры,
Ибо по-прежнему боль и тревога мучат Юнону.
Дева быстро с небес по дуге скользнула стоцветной,
Кратким путем достигла земли, незрима для смертных.
Видит стеченье толпы и проходит по берегу дальше,
Мимо пустых кораблей и безлюдной гавани — к мысу,
Где, поодаль от всех, собрались троянки оплакать

Старца Анхиза в тиши, и опять в слезах озирали
Моря безбрежнего даль и одно повторяли: «О, горе!
Сколько пучин переплыть предстоит еще нам, истомленным!»
Молят о городе все: даже мысль о море претит им.
Дева к ним подошла, искушенная в кознях зловредных,
Облик богини сменив на обличье старой Берои,
Темный накинув плащ жены тмарийца Дорикла,
Некогда гордой детьми, и знатностью рода, и славой.
В круг матерей дарданских вступив, она говорит им:
«Жалкие! Пусть на смерть не влекли вас руки ахейцев
В битвах у отческих стен — но Фортуна вам жизнь сохранила,
Племя несчастное, с тем, чтоб на новую гибель послать вас!
Лето седьмое пошло с тех пор, как разрушена Троя,
Семь уже лет по земле, по морям средь скал неприступных
Бродим под звездами мы, убегающий край Италийский
Всё стремимся настичь, по волнам гонимые бурным.
Жил здесь Эрикс, наш брат, здесь Акест нас встретил радушно.
Кто же мешает нам здесь для граждан город построить?
Родина! Вы, от врагов спасенные тщетно пенаты!
Город ужель никакой называться Троей не будет?
Гектора рек не увидим ужель — Симоента и Ксанфа?
Все поджигайте со мной корабли, что сулят нам несчастья!
Ибо явился во сне мне Кассандры пророчицы образ:
Факел горящий она мне вручила, промолвив: «Ищите
Трою здесь! Здесь ваши дома!» За дело же, сестры!
Медлить знаменье нам не велит! Стоят в честь Нептуна
Здесь алтари: значит, бог нам и факелы даст и отвагу!»
Молвив такие слова, головню, горящую грозно,
Первой схватила она, широко размахнулась и с силой
Бросила факел, сердца изумленьем и страхом наполнив
Женам троянским. Но тут из них старейшая — Пирго,
Грудью вскормившая всех сыновей Приама, сказала:
«Нет, не Берой была среди нас, не супруга Дорикла,
Родом с Ретейских хребтов; красоты божественной знаки
Видны в ней: и очи горят, и речь вдохновенна!
Вслушайтесь в звук ее слов, на лицо и на поступь взгляните!
Я лишь недавно сама ушла от Берои недужной:
Горько она сожалела о том, что лишь ей не удастся
Долг исполнить, почтить по заслугам маны Анхиза».
Пирго промолвила так.
Взглядом недобрым сперва корабли озирали троянки,
И колебались в душе между жарким желаньем остаться
В этой стране и призывом судьбы к неведомым царствам.

Тут вознеслась к небесам на раскинутых крыльях богиня,
Скрылась среди облаков, по дуге промчавшись огромной.
С громким криком тогда потрясенные знаменьем жены
Из очагов похищают огонь, алтари разметают,
Ветви со свежей листвой и факелы мечут в безумье.
Сбросив узду, ярится Вулкан, пожаром объемля
Весла судов, и скамьи, и кормы расписную обшивку.
Весть о том, что горят корабли, к могиле Анхиза
Тотчас приносит Эвмел; да и сами зрители видят
Черную тучу золы, гонимой издали ветром.
Первым Асканий, что вел, ликуя, всадников юных,
В лагерь смятенный коня повернул на скаку, и, пытаясь
Тщетно его удержать, понеслись наставники следом.
«Что вы творите? Какой небывалый недуг ослепил вас? —
Крикнул Юл.— О троянки, ведь вы не вражеский лагерь —
Ваши надежды спалить хотите! Вот я перед вами,
Ваш Асканий!» И шлем, что ради битвы потешной
Был надет, он сорвал с головы и под ноги бросил.
Тут Эней подоспел, подбежали тевкров отряды.
Тотчас по берегу все рассеялись женщины в страхе,
Чтобы в расселинах скал и в лесах незаметно укрыться;
Стыдно на свет им глядеть; узнают, опомнившись, близких,
Гаснет безумье в сердцах, покидает души Юнона.
Но не унялся пожар, набирает по-прежнему силу
Неукротимый огонь: под сырой древесиною в пакле
Тлеющей пламя живет и медлительный дым изрыгает,
Доски гложет тайком, по всему кораблю расползаясь.
Тщетны усилья мужей, и потоки воды бесполезны.
Благочестивый Эней, на себе разрывая одежды,
К небу руки простер и призвал бессмертных на помощь:
«О всемогущий Отец! Коль не все, как один, ненавистны
Стали троянцы тебе, если есть в тебе прежняя жалость
К бедам людским,— о Юпитер! — не дай уничтожить пожару
Все корабли и спаси достоянье жалкое тевкров!
Если же я заслужил, то разящими стрелами молний
Все истреби, что осталось у нас, и предай меня смерти!»
Только лишь вымолвил он, как из тучи, ливнем набухшей,
Грянул громовый удар и сотряс равнины и горы;
Небо внезапной грозой полыхает, струями хлещет
Ливень, и мрак над землей сгущают буйные Австры.
Доверху полны водой корабли, и влага немедля
Тлеющий гасит огонь, в обгорелых таившийся досках;
Все от язвы суда спасены — лишь четыре погибли.

Долго родитель Эней, потрясенный горькой бедою,
То к одному склонялся душой, то к другому решенью,
Долго выбрать не мог, на полях ли осесть Сицилийских,
Волю судьбы позабыв, или плыть к Италийским прибрежьям.
Старец один только Навт, кому Тритония-дева
Мудрость дала и средь всех одного отличила искусством
Истинно всем открывать, чего добиваются боги,
Гнев свой явив, и каков судеб непреложный порядок,—
Навт лишь один утешил его такими словами:
«Сын богини, пусть рок, куда захочет, влечет нас,—
Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпеньем.
Здесь ведь дарданец Акест, от божественной крови рожденный:
В замыслы наши его посвяти и союзником сделай.
С ним пусть останутся те, чьи суда огонь уничтожил,
Также и те, для кого непосилен твой подвиг великий:
Дряхлых старцев и жен, истомленных невзгодами в море,
Всех, в ком нет уже сил и кому опасности страшны,
Выбери ты и для них на земле этой город воздвигни.
Пусть называется он с твоего изволенья Акестой».
Старшего друга слова взволновали сердце Энея,
Множество новых забот раздирают тревожную душу.

Черная ночь вершины небес в колеснице достигла.
К сыну с неба слетел Анхиза-родителя образ
И в сновиденье к нему обратился с такими словами:
«Сын мой, ты был при жизни моей мне жизни дороже!
Сын мой, по всей земле судьбой Илиона гонимый!
Послан к тебе Юпитером я, корабли от пожара
Спасшим, ибо теперь преисполнен он жалости к тевкрам.
Мудрым советам, Эней, престарелого Навта последуй:
Должен отборных мужей, отважных сердцем и юных,
Ты в Италию взять. С народом суровым и диким
В Лации долго тебе воевать придется. Но прежде
В царство Дита сойди, спустись в глубины Аверна,
Сын мой, и там меня отыщи: не во мраке унылом
Тартара я обитаю теперь, но средь праведных сонмов
В светлом Элизии. Путь пред тобою откроет Сивилла
Кровью черных овец, обильно пролитой в жертву.
Там узришь ты свой род и город, что дан тебе будет.
Сын мой, прощай: росистая ночь полпути пролетела,
Веет уже на меня коней восхода дыханье».
Так он сказал и, как легкий дымок, растаял в эфире.
Вслед ему молвил Эней: «От кого ты бежишь? И куда ты

Так поспешаешь? Ужель даже сына обнять ты не вправе?»
Так он сказал и огонь оживил, под золою уснувший,
Жертвенной полбой алтарь пергамского лара осыпал
И перед Вестой седой воскурил благовонья обильно.

Спутников тотчас созвав, пригласив всех прежде Акеста,
О наставленьях отца, о Юпитера воле поведал
Им Эней и о том, что решил он в душе непреложно.
С ним согласился Акест, и вот без долгих советов
Женщин в списки они заносят и всех, кто желает
В городе жить, кому не нужна великая слава.
Прочие — в малом числе, но воинственной доблести полны,—
Чинят скамьи для гребцов, обгорелые доски меняют,
Новые весла несут и ладят новые снасти.
Сам Эней между тем обводит плугом границу
Города, гражданам всем назначает по жребью жилища.
Здесь Илиону стоять, здесь Трое быть повелел он!
Новому царству Акест дает законы, ликуя.
Был заложен и храм Идалийской Венеры на высях
Эрикса, близ облаков; окружил могилу Анхиза
Рощей священной Эней и жреца приставил к святыне.

Девять дней народ пировал, алтари отягчая
Жертвами. Бурных валов не вздымали свежие ветры,
Австр один лишь крепчал, корабли призывая в просторы.
Горестный плач поднялся по всему побережью залива,
Тевкры и день и ночь разомкнуть не могут объятья.
Даже и жены, и те, кому казался ужасен
Моря вид, кто не мог выносить больше прихотей бога,
Жаждут отплыть и терпеть скитаний тяготы снова.
Плача, добрый Эней утешает их ласковой речью
И поручает друзей Акесту, родному по крови.
В жертву Эриксу трех тельцов заклать повелел он,
В жертву Бурям — овцу,— и отчалил в должном порядке.
Сам вдали на носу, листвой оливы увенчан,
С чашей в руках он стоял и бросал в соленые волны
Части закланных жертв и творил вином возлиянье.
Ветер попутный догнал корабли, с кормы налетевши,
Взрыли влагу гребцы, ударяя веслами дружно.

В небе Венера меж тем, терзаема тяжкой тревогой,
Сетуя горько, с такой обратилась речью к Нептуну:
«Гневом Юнона своим и яростью неутолимой

Ныне меня, о Нептун, снизойти до мольбы заставляет.
Ни благочестье ее не смягчило, ни долгие сроки,
Рок ее не смирит и не сломит Юпитера воля.
Мало ей было отнять у фригийского племени город,
Сгубленный злобой ее и сквозь все прошедший мученья,—
Праху троянцев она не дает покоя и гонит
Тех, кто еще уцелел. Пусть припомнит сама свою ярость!
Сам ты свидетель тому, как недавно в водах Ливийских
Страшную смуту она подняла, понапрасну смешала
Море и небо, призвав на помощь Эоловы бури,
В царство вторгшись твое.
Ныне она, подстрекнув коварно женщин троянских,
Флот злодейски сожгла, и Эней, корабли потерявший,
Спутников был принужден на неведомых землях оставить.
Тем же, кто с ним отплыл,— я молю,— даруй безопасный
Путь по волнам, пусть достигнут они Лаврентского Тибра,
Если дозволено то, что прошу я, и Парки дадут им
Город в этих местах». И в ответ укрощающий волны
Молвил: «На царство мое положиться ты можешь по праву:
В нем ты сама рождена, Киферея. Сам заслужил я
Также доверья: не раз усмирял я море и небо.
А об Энее твоем — мне свидетель Ксанф с Симоентом —
Я и на суше пекусь: когда троянские рати
К стенам отбросил Ахилл, изнемогших преследуя тевкров,
Много тысяч убил и наполнил реки телами,
Так что стонали они и не мог излить свои воды
В море Ксанф, и когда Эней с отважным Пелидом
В бой неравный вступил, от богов не имея защиты,
Облаком скрыл и унес я его, хоть и жаждал низвергнуть
Стены, что сам возводил вкруг Трои клятвопреступной.
Чувства мои неизменны с тех пор. Не бойся, исполню
То, что ты хочешь: придет невредимо он в гавань Аверна.
Плакать придется тебе об одном лишь в пучине погибшем:
Жизнью один заплатит за всех».
Речью такой облегчив богине радостной сердце,
В упряжь родитель коней золотую впряг и взнуздал их
Пенной уздой, и волю им дал, отпустивши поводья,
И по вершинам валов полетел в колеснице лазурной;
Зыбь замирает пред ним, и равниною стелется гладкой
Бурный простор под его колесом, и тучи уходят.
Спутники плещутся вкруг разноликой толпою: дельфины,
Сын Ино Палемон и Главка хор седовласый,
Форк с отрядом своим и проворное племя Тритонов;

Слева Фетида плывет и с нею дева Панопа,
Фелия, Ниса, Спио́, и Мелита, и Кимодока.

Чувствует вновь родитель Эней, как светлая радость
Входит в сердце его на смену долгим сомненьям.
Мачты поставить скорей и поднять паруса повелел он,
Все за работу взялись: повернули реи направо,
Слева ослабив канат, и потом, отпустив его справа,
Влево парус они повернули, гонимые ветром.
Плотный строй кораблей возглавлял корабль Палинура;
Все получили приказ за ним идти неуклонно.
В небе росистая ночь к середине пути приближалась,
Мирный покой сковал тела гребцов утомленных,
Что возле весел своих на жестких скамьях отдыхали.
Легкий Сон той порой, слетев с эфирных созвездий,
Тихо во тьму соскользнул, рассекая сумрачный воздух:
Прямо к тебе он летел, Палинур, без вины обреченный,
Нес он тебе забытье роковое; с кормы корабельной
Бог обратился к тебе, приняв обличье Форбанта:
«О Палинур Иасид, нас несет морское теченье,
Ровно дыханье ветров. Пора предаться покою!
Ляг, избавь от труда утомленные бдением очи!
Сам я кормило возьму и тебя заменю ненадолго».
Взгляд поднявши едва, Палинур ему отвечает:
«Мне ли не знать, как обманчив лик спокойного моря,
Стихшие волны? И ты мне велишь им довериться, грозным?
Вверить Энея судьбу могу ль вероломному ветру
Я, кто столько уж раз был обманут безоблачным небом?»
Так отвечал Палинур и держал упрямо кормило,
Не выпуская из рук, и на звезды глядел неотрывно.
Ветвью, летейской водой увлажненною, силы стигийской
Полною, бог над его головой взмахнул — и немедля
Сонные веки ему сомкнула сладкая дрема.
Только лишь тело его от нежданного сна ослабело,
Бог напал на него и, часть кормы сокрушивши,
Вместе с кормилом низверг и кормчего в глубь голубую,
Тщетно на помощь из волн призывавшего спутников сонных;
Сам же в воздух взлетел и на легких крыльях унесся.
Но безопасно свой путь по зыбям корабли продолжали:
Свято хранили их бег отца Нептуна обеты.

Прямо к утесам Сирен подплывали суда незаметно,—
Кости белели пловцов на некогда пагубных скалах,
Волны, дробясь меж камней, рокотали ровно и грозно.
Тут лишь заметил Эней, что, утратив кормчего, сбился
Флот с пути, и в море ночном стал править родитель
Судном, хоть сам и стенал, потрясенный гибелью друга:
«Слишком доверился ты, Палинур, безмятежному морю,—
Непогребенным лежать на песке чужбины ты будешь».

КНИГА ШЕСТАЯ

Так он промолвил в слезах, и замедлил флота движенье,
И наконец близ Кум подошел к побережьям Эвбейским.
Носом в простор корабли повернули тевкры; вонзились
В дно якорей острия, и кормою к берегу встали
Длинным рядом суда. Молодежь спешит в нетерпенье
На Гесперийский песок; семена огня высекают,
Скрытые в жилах кремня; расхищают древесные кущи
В дебрях густых, где прячется дичь, и реки находят.
Благочестивый Эней к твердыне, где правит великий
Феб, и к пещере идет — приюту страшной Сивиллы:
Там, от всех вдалеке, вдохновеньем ей душу и разум
Полнит Делосский пророк и грядущее ей открывает.

К роще Гекаты они, к златоверхому храму подходят.
Сам Дедал, говорят, из Миносова царства бежавший,
Крыльям вверивший жизнь и дерзнувший в небо подняться,
Путь небывалый держа к студеным звездам Медведиц,
Здесь полет свой прервал, над твердыней халкидских пришельцев;
В этих местах, где землю он вновь обрел, Аполлону
Крылья Дедал посвятил и построил храм величавый.
Вот на дверях Андрогей и убийцы его — кекропиды,
Что в наказанье должны посылать на смерть ежегодно
Семь сыновей; вот жребий уже вынимают из урны.
Кносские земли из волн на другой поднимаются створке:
Вот Пасифаи, к быку влекомой страстью жестокой,
Хитрость постыдная; вот о любви чудовищной память,
Плод двувидный ее, Минотавр, порожденье царицы.

Вот знаменитый дворец, где безвыходна му́ка блужданий;
Только создатель дворца, над влюбленной сжалясь царевной,
Сам разрешил западни загадку, нитью направив
Мужа на верный путь. И тебе, Икар, уделил бы
Места немало Дедал, если б скорбь его не сковала:
Дважды гибель твою он пытался на золоте высечь,
Дважды руки отца опускались. Разглядывать двери
Долго бы тевкры могли, если б к ним не вышли навстречу
Посланный раньше Ахат и жрица Гекаты и Феба,
Главка дочь, Деифоба, и так царю не сказала:
«Этой картиной, Эней, сейчас любоваться не время:
В жертву теперь принеси из ярма не знавшего стада
Семь быков молодых и столько же ярок отборных».
Так сказала она — и приказ исполнить священный
Тевкры спешат и во храм по зову жрицы вступают.

В склоне Эвбейской горы зияет пещера, в нее же
Сто проходов ведут, и из ста вылетают отверстий,
На́ сто звуча голосов, ответы вещей Сивиллы.
Только к порогу они подошли, как вскрикнула дева:
«Время судьбу вопрошать! Вот бог! Вот бог!» Восклицала
Так перед дверью она и в лице изменялась, бледнея,
Волосы будто бы вихрь разметал, и грудь задышала
Чаще, и в сердце вошло исступленье; выше, казалось,
Стала она, и голос не так зазвенел, как у смертных,
Только лишь бог на нее дохнул, приближаясь. «Ты медлишь,
Медлишь, Эней, мольбы вознести? Вдохновенного храма
Дверь отворят лишь мольбы!» Так сказала дева — и смолкла.
Тевкров страх до костей пронизал холодною дрожью.
Сердце Эней между тем изливал в горячей молитве:
«Феб, ты всегда сострадал Илиона бедствиям тяжким,
Ты дарданской стрелой поразил Эакида, направив
Руку Париса, и ты по морям, омывающим земли,
Многие годы нас вел — вплоть до пашен, за Сиртами скрытых,
Где, от всех вдалеке, племена живут массилийцев.
Вот я настиг наконец убегающий брег Италийский —
Трои злая судьба пусть за нами не гонится дальше!
Сжалиться также и вам над народом пора илионским,
Боги все и богини, кому Пергам ненавистен
Был и слава его. И ты, пророчица-дева
Вещая, дай троянцам осесть на землях Латинских,—
То, о котором прошу, мне судьбой предназначено царство!
Дай поселить бесприютных богов и пенатов троянских.

Тривии с Фебом тогда я воздвигну из мрамора прочный
Храм, и празднества дни нареку я именем Феба.
В царстве моем и тебя ожидает приют величавый:
В нем под опекой мужей посвященных буду хранить я
Тайны судьбы, которые ты, о благая, откроешь
Роду нашему впредь. Не вверяй же листам предсказаний,
Чтоб не смешались они, разлетаясь игрушками ветра.
Молви сама, я молю!» И на этом речь он окончил.

Вещая жрица меж тем все противится натиску Феба,
Точно вакханка, она по пещере мечется, будто
Бога может изгнать из сердца. Он же сильнее
Ей терзает уста, укрощает мятежную душу.
Вот уже сами собой отворились святилища входы,
В сто отверстий летят прорицанья девы на волю:
«Ты, кто избавлен теперь от опасностей грозных на море!
Больше опасностей ждет тебя на суше. Дарданцы
В край Лавинийский придут (об этом ты не тревожься) —
Но пожалеют о том, что пришли. Лишь битвы я вижу,
Грозные битвы и Тибр, что от пролитой пенится крови.
Ждут тебя Симоент, и Ксанф, и лагерь дорийский,
Ждет и новый Ахилл в краю Латинском, и также
Враг твой богиней рожден. И Юнона тевкров, как прежде,
Гнать не устанет, и ты, удрученный нуждою проситель,—
Сколько ты обойдешь городов и племен италийских!
Вновь с иноземкою брак и жена, приютившая тевкров,
Будут причиной войны.
Ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее,
Шествуй, доколе тебе позволит Фортуна. Начнется
Там к спасению путь, где не ждешь ты,— в городе греков».
Так из пещеры гостям возвещала Кумская жрица
Грозные тайны судьбы — и священные вторили своды
Истины темным словам. Аполлон, сотрясая поводья,
Деву безумную гнал и вонзал ей под сердце стрекало.

Пыл безумный угас, и уста исступленные смолкли;
Молвит на это герой: «Я не вижу нежданных и новых
Бед и трудов впереди: их лицо привычно мне, дева!
Знал и прежде о них, и в душе их все одолел я.
Лишь об одном я прошу: если вход к царю преисподней —
Здесь, где водой Ахеронт питает мрачные топи,
Дай туда мне сойти и лицо родителя видеть,
Путь укажи, отвори предо мной заповедные двери.

Я на этих плечах его из пламени вынес,
Спас от вражеских толп, что за нами с копьями гнались,
Спутником был он моим в морских скитаньях, со мною
Все сносил наравне, чем грозили нам небо и волны,
Больше в нем, немощном, сил, чем отпущено старости, было.
Он и в приют твой войти, и к тебе обратиться смиренно
Мне с мольбой наказал. Над отцом и сыном, о дева,
Сжалься, благая, молю! Ты можешь все, и недаром
Тривия власти твоей поручила Авернские рощи.
Некогда маны жены повел Орфей за собою,
Сильный фракийской своей кифарой и струн благозвучьем;
По́ллукс, избавив ценой половины бессмертья от смерти
Брата, вперед и назад проходит этой дорогой;
Шел здесь Тесей и Алкид. Но и я громовержца потомок!»
Так он Сивиллу молил, к алтарю прикасаясь рукою.
Молвила жрица в ответ: «О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего! Лишь немногим, кого справедливый
Царь богов возлюбил, вознесенным доблестью к звездам
Детям богов удалось возвратиться оттуда, где темный
Вьется Коцит, ленивой струей леса обегая.
Но если жаждет душа и стремится сердце так сильно
Дважды проплыть по стигийским волнам и дважды увидеть
Тартар, если тебе отраден подвиг безумный,
Слушай, что сделать тебе придется. В чаще таится
Ветвь, из золота вся, и листы на ней золотые.
Скрыт златокудрый побег, посвященный дольней Юноне,
В сумраке рощи густой, в тени лощины глубокой.
Но не проникнет никто в потаенные недра земные,
Прежде чем с дерева он не сорвет заветную ветку.
Всем велит приносить Прозерпина прекрасная этот
Дар для нее. Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
Золотом тем же на ней горят звенящие листья.
Взглядом кроны дерев обыщи и ветвь золотую,
Рви безоружной рукой: без усилья стебель поддастся,
Если судьба призывает тебя; если ж нет — никакою
Силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым железом.
Знай и о том, что пока ты у нашего медлишь порога,
Просишь ответа у нас,— твой друг лежит бездыханный,
Тело его погребения ждет, корабли оскверняя.
Прежде приют ему дай в глубокой гробнице, а после

Черных овец заколи искупительной жертвою первой.
Иначе ты не узришь для живых недоступное царство —
Сень стигийских лесов». И уста сомкнула Сивилла.

Грустный потупивши взор и нахмурив чело, из пещеры
Вышел родитель Эней. Неизвестностью душу томила
Мысль о грядущем ему. За героем медленным шагом
Брел неразлучный Ахат, тревогой той же томимый.
Часто друг друга они вопрошали: кто из троянцев
Умер, кого хоронить им придется, по слову Сивиллы?
Так они подошли к побережью сухому — и видят:
Спутник их верный Мизен унесен недостойною смертью,
Сын Эола Мизен, что не знал себе равных в искусстве
Медью мужей созывать, зажигать их Марсовым пылом.
Некогда Гектору был он соратником, с Гектором рядом
В грозные битвы ходил с копьем и витою трубою;
После ж того как Ахилл похитил жизнь у героя,
Спутником стал отважный Мизен дарданца Энея,
Следуя в битвах теперь за вождем, не менее славным.
Ныне он звонко трубил в одну из раковин полых
И, оглашая простор, вызывал богов состязаться;
Тут соперник Тритон,— если верить можно преданью,—
В пенные волны меж скал безумца надменного сбросил.
С воплем друзья окружили его. Всех больше горюет
Благочестивый Эней. Повеленья Сивиллы исполнить
Все со слезами спешат и воздвигнуть алтарь погребальный,
Чтобы — из целых стволов возведен — до небес он поднялся.
Тевкры торопятся в лес, приют зверей стародавний:
Падают сосны, шумит топором подрубленный падуб,
Клинья вонзаются в ствол, и клен и ясень расколот,
Буки огромные вниз по горным катятся склонам.
В новом труде никому не уступит Эней: за секиру
Сам берется герой и примером друзей ободряет;
В сердце печальном меж тем он такую думает думу,
Лес бесконечный кругом озирая с мольбою безмолвной:
«Если бы в дебрях таких на дереве вдруг мне сверкнула
Ветвь золотая в глаза! Ведь, на горе, слишком правдиво
Вещая жрица нам все о тебе, Мизен, предсказала».
Только подумал он так — и сейчас же пара голубок
С неба слетела, мелькнув перед самым лицом у героя,
И на зеленой траве уселась. Немедля пернатых
Матери спутниц узнал и взмолился он, радости полон:
«Если дорога здесь есть,— провожатыми будьте моими,

«Энеида»

Книга пятая

В рощу направьте полет, где на тучную почву бросает
Тень драгоценный побег. И ты, бессмертная, сына
В трудный час не оставь». И, промолвив, за птицами следом
Он поспешил и глядел, куда упорхнут они дальше,
Знак подавая ему,— а они отлетали за кормом,
Но лишь настолько, чтоб он ни на миг не терял их из виду.
Так очутились они возле смрадных устий Аверна.
Птицы взмыли стремглав, рассекая воздух летучий,
И на раздвоенный ствол желанного дерева сели;
Золота отсвет сверкал меж ветвей его темно-зеленых,—
Так средь зимы, в холода, порой на дереве голом
Зеленью чуждой листвы и яркостью ягод шафранных
Блещет омелы побег, округлый ствол обвивая.
Так же блистали листы золотые на падубе темном,
Так же дрожали они, дуновеньем колеблемы легким.
Тотчас упрямую ветвь схватил Эней в нетерпенье
И, отломивши ее, унес в обитель Сивиллы.

Тевкры у моря меж тем по Мизене все так же рыдали,
Правя последний обряд над бесчувственным прахом героя.
Сложен высокий костер из дубовых стволов и смолистых
Веток; со всех сторон оплетен он зеленью темной.
Ставят дарданцы пред ним печальный ряд кипарисов,
Сверху кладут на костер блестящие мужа доспехи,
После снимают с огня котлы с бурлящей водою,
Чтобы омыть и потом умастить охладелое тело.
Вновь поднимается стон. Возлагают героя на ложе,
Алый набросив покров — одежду, знакомую тевкрам.
Грустный долг исполняют друзья: поднимают носилки,
В сторону глядя, несут к костру опрокинутый факел,
Отчий обычай блюдя. И сгорают в пламени жарком
Ладан, яства, елей, из сосудов пролившийся емких.
После того как огонь прогорел и угли угасли,
Жаждущий пепел вином, омывая останки, залили;
Кости собрал Кориней и сокрыл их в бронзовой урне,
Он же, с чистой водой обошедши спутников трижды,
Всех окропил, увлажнив плодоносной ветку оливы;
Этим очистив мужей, произнес он прощальное слово.
Благочестивый Эней, курган высокий насыпав,
Сам возложил на него трубу, весло и доспехи,
Возле подножья горы, что доныне имя Мизена
Носит и впредь сохранит его на долгие годы.

Все совершив, он спешит наставленья Сивиллы исполнить.
Вход в пещеру меж скал зиял глубоким провалом,
Озеро путь преграждало к нему и темная роща.
Птица над ним ни одна не могла пролететь безопасно,
Мчась на проворных крылах,— ибо черной бездны дыханье,
Все отравляя вокруг, поднималось до сводов небесных.
Жрица сюда привела четырех тельцов черноспинных,
После, над их головой сотворив вином возлиянье,
Вырвала между рогов у них волоски и первины
Эти сожгла на священном огне, призывая Гекату,
Мощную между богов, и в Эребе и в небе владыку.
Спутники, снизу ножи вонзив им в горло, собрали
В чаши теплую кровь. Овцу черноруную в жертву
Матери дев Эвменид и сестре ее величавой
Сам Эней заклал и телицу — Дита супруге.
Стикса владыке затем алтари воздвиг он ночные,
Целые туши быков на огонь возложил и обильно
Жирным елеем полил горевшие в пламени жертвы.
Вдруг, едва небосвод озарился лучами восхода,
Вздрогнув, на склонах лесá закачались, земля загудела,
Псов завыванье из тьмы донеслось, приближенье богини
Им возвещая. И тут воскликнула жрица: «Ступайте,
Чуждые таинствам, прочь! Немедля рощу покиньте!
В путь отправляйся, Эней, и выхвати меч свой из ножен:
Вот теперь-то нужна и отвага, и твердое сердце!»
Вымолвив, тотчас она устремилась бурно в пещеру,
Следом — бесстрашный Эней, ни на шаг не отстав от вожатой.

Боги, властители душ, и вы, молчаливые тени,
Хаос, и ты, Флегетон, и равнины безмолвья и мрака,
Дайте мне право сказать обо всем, что я слышал; дозвольте
Все мне открыть, что во мгле глубоко под землею таится.

Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной,
В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита,—
Так по лесам при луне, при неверном свете зловещем,
Путник бредет, когда небеса застилает Юпитер
Темной тенью и цвет у предметов ночь отнимает.
Там, где начало пути, в преддверье сумрачном Орка
Скорбь ютится и с ней грызущие сердце Заботы,
Бледные здесь Болезни живут и унылая Старость,
Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный советчик,
Муки и тягостный Труд — ужасные видом обличья;

Смерть и брат ее Сон на другом обитают пороге,
Злобная Радость, Война, приносящая гибель, и здесь же
Дев Эвменид железный чертог и безумная Распря,—
Волосы-змеи у ней под кровавой вьются повязкой.
Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись.
В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топи шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...
Меч Эней обнажил, внезапным страхом охвачен,
Выставил острый клинок, чтобы встретить натиск чудовищ,
И, не напомни ему многомудрая дева, что этот
Рой бестелесных теней сохраняет лишь видимость жизни,
Ринулся он бы на них, пустоту мечом рассекая.

Дальше дорога вела к Ахеронту, в глубь преисподней.
Мутные омуты там, разливаясь широко, бушуют,
Ил и песок выносят в Коцит бурливые волны.
Воды подземных рек стережет перевозчик ужасный —
Мрачный и грязный Харон. Клочковатой седой бородою
Все лицо обросло — лишь глаза горят неподвижно,
Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно.
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мертвых на утлом челне через темный поток перевозит.
Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую силу.
К берегу страшной реки стекаются толпы густые:
Жены идут, и мужи, и героев сонмы усопших,
Юноши, дети спешат и девы, не знавшие брака,
Их на глазах у отцов унес огонь погребальный.
Мертвых не счесть, как листья в лесу, что в холод осенний
Падают наземь с дерев, иль как птиц, что с просторов пучины,
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, в края, согретые солнцем.
Все умоляли, чтоб их переправил первыми старец,
Руки тянули, стремясь оказаться скорей за рекою.
Лодочник мрачный с собой то одних, то других забирает,
Иль прогоняет иных, на песок им ступить не давая.
Молвил Сивилле Эней, смятенью теней удивляясь:
«Дева, ответь мне, чего толпа над рекою желает?
Души стремятся куда? Почему одни покидают

Берег, меж тем как по серым волнам отплывают другие?»
Жрица старая так отвечала кратко Энею:
«Истинный отпрыск богов, Анхиза сын! Пред тобою
Ширь Стигийских болот и Коцита глубокие воды.
Ими поклявшийся бог не осмелится клятву нарушить.
Эти, что жалкой толпой здесь стоят,— землей не покрыты.
Лодочник этот — Харон; перевозит он лишь погребенных.
На берег мрачный нельзя переплыть через шумные волны
Прежде теням, чем покой обретут в могиле останки.
Здесь блуждают они и сто лет над берегом реют,—
Только потом к желанной реке их вновь допускают».
Шаг Эней задержал, погружен в глубокую думу,
Жребий несчастных ему наполнил жалостью душу.
Видит: меж тех, кто лишен последних почестей, грустно
Флота ликийского вождь Оронт стоит и Левка́спид.
Вместе плыли они из Трои, вместе погибли
В день, когда ветры, напав, и корабль и мужей потопили.

Тут же бродил Палинур, что держал лишь недавно кормило,
Бег направляя судов, из ливийского города плывших;
В море упал он с кормы, наблюдая ночные светила.
Чуть лишь во мраке густом узнав печального друга,
Первым к нему обратился Эней: «О, кто из всевышних
Отнял тебя у нас, Палинур, и бросил в пучину?
Все расскажи! Ибо только в одном Аполлон обманул нас,
Хоть и доселе во лжи уличен он не был ни разу:
Он предрекал мне, что ты невредимо в край Авзонийский
Через моря проплывешь. Таковы богов обещанья!»
Но Палинур отвечал: «Правдив был Феба треножник:
Я от руки божества не погиб в пучине глубокой.
В воду внезапно упав, я с силой вырвал кормило,—
Ибо при нем неотлучно стоял, корабль направляя,—
И за собою увлек. Клянусь тебе морем суровым,
Я не так за себя, как за твой корабль испугался:
Что, если он, потеряв и кормило и кормчего сразу,
Справиться с натиском волн, все сильней вскипавших, не сможет?
Нот свирепый меня три долгих ночи ненастных
Гнал по безбрежным морям. На рассвете четвертого утра
С гребня волны увидал я вдали Италии берег.
Медленно плыл я к земле, и прибой уже не грозил мне,
Но на меня напало с мечом, на добычу надеясь,
Дикое племя, когда, отягченный мокрой одеждой,

Стал на скалу карабкаться я, за вершину цепляясь.
Ныне катают меня у берега ветер и волны.
Сладостным светом дневным и небом тебя заклинаю,
Памятью старца-отца и надеждой отрока Юла,—
Мне избавление дай: отыщи Велийскую гавань,
Тело мое схорони — ибо все ты можешь, великий,—
Или же, если тебе всеблагая мать указала
Путь (ибо думаю я, что не против воли всевышних
Ты собираешься плыть по широким Стигийским болотам),
Руку несчастному дай и меня переправь через волны,
Чтобы мирный приют я обрел хотя бы по смерти».
Так он сказал, и ему отвечала вещая жрица:
«Как ты посмел, Палинур, нечестивой жаждой гонимый,
Непогребенным прийти к стигийским водам суровым,
Как воротиться дерзнул к реке Эвменид самовольно?
И не надейся мольбой изменить решенья всевышних!
Но запомни слова, что тебе я скажу в утешенье:
Явлены будут с небес городам и народам окрестным
Знаменья, чтобы они искупили вину и воздвигли
Холм над тобой и жертвы тебе на холме приносили;
Место же это навек Палинура имя получит».
Девы слова изгнали печаль из скорбного сердца,
Рад Палинур, что будет земля его именем зваться.

Путь продолжали они и к реке подходили все ближе.
Издали, с лодки своей перевозчик старый увидел,
Как они шли меж безмолвных дерев, поспешая на берег.
Первым окликнул он их, прокричав пришельцам сердито:
«Ты, человек, что к нашей реке с оружьем спустился!
Стой и скажи, зачем ты пришел! И дальше ни шагу!
Место здесь только теням и ночи, сон приносящей.
В этом стигийском челне возить живых я не вправе;
Был я не рад, когда взял на эту лодку Алкида
Или на берег на тот перевез Пирифоя с Тесеем,
Хоть от богов рождены и могучи были герои.
Этот схватил и связал преисподней трехглавого стража
Прямо у царских дверей и дрожащего вывел на землю,
Те госпожу увести из покоев Дита хотели».
Так отвечала ему Амфризийская вещая дева:
«Козней таких мы не строим, старик, оставь опасенья!
Не для насилья наш меч обнажен; пусть чудовищный сторож
Вечно лаем своим бескровные тени пугает,
Пусть блюдет в чистоте Прозерпина ложе Плутона.

Видишь: троянец Эней, благочестьем и мужеством славный,
К теням Эреба сошел, чтобы вновь родителя встретить.
Если не тронет тебя такая преданность сына,—
Эту узна́ешь ты ветвь!» И под платьем скрытую ветку
Вынула жрица и гнев укротила в сердце Харона,
Больше ни слова ему не сказав; и старец, любуясь
Блеском листвы роковой, давно не виданным даром,
К берегу лодку подвел вперед кормой потемневшей.
Души умерших прогнав, что на длинных лавках сидели,
Освободил он настил и могучего принял Энея
В лодку. Утлый челнок застонал под тяжестью мужа,
Много болотной воды набрал сквозь широкие щели;
Но через темный поток невредимо героя и жрицу
Бог перевез и ссадил в камышах на илистый берег.

Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.
Видя, как шеи у пса ощетинились змеями грозно,
Сладкую тотчас ему лепешку с травою снотворной
Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,
Дар поймал на лету. На загривках змеи поникли,
Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной
Прочь от реки, по которой никто назад не вернулся.
Тут же у первых дверей он плач протяжный услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной жизни
Рок печальный унес во мрак могилы до срока.
Рядом — обители тех, кто погиб от лживых наветов.
Но без решенья суда не получат пристанища души;
Суд возглавляет Минос: он из урны жребии тянет,
Всех пред собраньем теней вопрошает о прожитой жизни.
Дальше — унылый приют для тех, кто своею рукою
Предал смерти себя без вины и, мир ненавидя,
Сбросил бремя души. О, как они бы хотели
К свету вернуться опять и терпеть труды и лишенья!
Но не велит нерушимый закон, и держит в плену их
Девятиструйный поток и болота унылые Стикса.
Краткий пройден был путь — перед взором Энея простерлась
Ширь бескрайних равнин, что «полями скорби» зовутся:
Всех, кого извела любви жестокая язва,
Прячет миртовый лес, укрывают тайные тропы,
Ибо и смерть не избавила их от мук и тревоги.

Федру увидел он здесь, и Прокриду, и с ней Эрифилу,—
Раны зияли на ней, нанесенные сыном свирепым;
Здесь и Эвадна была, Лаода́мия и Пасифая,
С ними бродил и Кеней, превращенный из юноши в деву,
Ибо по смерти судьба ему прежний облик вернула.
Тут же Дидона меж них, от недавней раны страдая,
Тенью блуждала в лесу. Герой троянский поближе
К ней подошел — и узнал в полумраке образ неясный:
Так на небо глядит в новолунье путник, не зная,
Виден ли месяц ему или только мнится за тучей.
Слез Эней не сдержал и с любовью ласково молвил:
«Значит, правдива была та весть, что до нас долетела?
Бедной Дидоны уж нет, от меча ее жизнь оборвалась?
Я ли причиною был кончины твоей? Но клянусь я
Всеми огнями небес, всем, что в царстве подземном священно,—
Я не по воле своей покинул твой берег, царица!
Те же веленья богов, что теперь меня заставляют
Здесь во тьме средь теней брести дорогой неторной,
Дальше тогда погнали меня. И не мог я поверить,
Чтобы разлука со мной принесла тебе столько страданий!
Стой! От кого ты бежишь? Дай еще на тебя поглядеть мне!
Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой дозволяет».
Речью такою Эней царице, гневно глядевшей,
Душу старался смягчить и вызвать ответные слезы,
Но отвернулась она и глаза потупила в землю,
Будто не внемля ему, и стала, в лице не меняясь,
Твердая, словно кремень иль холодный мрамор марпесский.
И наконец убежала стремглав, не простив, не смирившись,
Скрылась в тенистом лесу, где по-прежнему жаркой любовью
Муж ее первый, Сихей, на любовь отвечает царице.
Долго Эней, потрясенный ее судьбою жестокой,
Вслед уходящей смотрел, и жалостью полнилось сердце.

Снова пустился он в путь, назначенный труд продолжая
Края равнины достиг, где приют воителей славных.
Здесь повстречались ему Тидей, прославленный в битвах,
Партенопей и бледная тень владыки Адраста,
Здесь же дарданцы, по ком на земле так долго рыдали,
Павшие в битвах; Эней застонал, когда длинной чредою
Тевкры прошли перед ним: Полифет, посвященный Церере,
Антенориды, Идей,— он и тут колесницею правит,
Держит и тут он копье — и Медонт, и Главк с Терсилохом.
Тени со всех сторон обступили с криком Энея,

Мало им раз взглянуть на него: всем хочется дольше
Рядом побыть и спросить, для чего он спустился к усопшим.
Рати данайской вожди, Агамемнона воинов тени,
Вдруг увидав, как во мраке горят героя доспехи,
В страхе дрожат перед ним: одни бросаются в бегство,—
Так же, как раньше они к кораблям убегали; другие
Еле слышно кричат, ибо голос нейдет из гортани.

Вдруг Деифоб Приамид предстал перед взором Энея:
Весь изувечен, лицо истерзано пыткой жестокой,
Обе руки в крови, и оба отрезаны уха,
Раны на месте ноздрей безобразно зияют. Несчастный
Страшные эти следы прикрывал рукою дрожащей;
Друга с трудом лишь узнал Эней и окликнул печально:
«Славный в боях Деифоб, благородный Тевкра потомок!
Кто решился тебе отомстить так жестоко и гнусно?
Так над тобою кому надругаться дозволено было?
Мне донесла молва, что в последнюю ночь ты немало
Греков сразил и упал, изнемогший, на груду убитых.
Холм над могилой пустой у прибрежий Ретейских воздвиг я,
Трижды к манам твоим над гробницей воззвал громогласно.
Имя твое и доспех пребывают там; но не мог я,
Друг, увидеть тебя и землей родною засыпать».
Молвил в ответ Деифоб: «Все, что должно, ты свято исполнил:
Пред Деифобом ты чист, перед тенью убитого друга.
Только роком моим и спартанки злодейством погублен
Я,— такую она по себе оставила память!
Как последнюю ночь в ликованье обманчивом все мы
Встретили,— знаешь ты сам: слишком памятно все, что свершилось.
Только лишь конь роковой на крутые склоны Пергама
Поднят был и принес врагов и оружье во чреве,
Тотчас она повела, как бы оргию Вакха справляя,
Жен хороводом вокруг; выступая сама между ними
С факелом ярким в руках, с высоты призывала данайцев.
Я же, устав от забот, с отягченным дремотою взором,
В брачный злосчастный покой ушел и забылся на ложе
Сладким, глубоким сном, безболезненной смерти подобным.
Славная эта жена между тем уносит оружье
Из дому всё — даже верный мой меч, что висел в изголовье,—
В дом Менелая зовет, растворяет настежь все двери,
Думала, видно, она угодить любимому мужу,
Тем заставив молву о былых преступленьях умолкнуть.

Что же еще? Ворвался Эолид, подстрекатель убийства,
Вместе с Атридом ко мне... О боги, если о мести
К вам взывать не грешно — за бесчестье грекам воздайте!
Но и ты мне ответь, тебя, живого, какие
Бедствия к нам привели? Заблудился ль ты, в море скитаясь,
Боги ль прислали тебя? Какая судьба тебя гонит
В мрачный край, в унылый приют, где солнце не всходит?»

Долго беседа их шла; между тем на алой четверке
Мира среднюю ось миновала в эфире Аврора.
Мог бы Эней весь отпущенный срок в разговорах растратить,
Если б Сивилла ему не напомнила речью короткой:
«Близится ночь, пролетают часы в бесполезных стенаньях!
Две дороги, Эней, расходятся с этого места:
Путь направо ведет к стенам великого Дита,—
Этим путем мы в Элизий пойдем; а левой дорогой
Злые идут на казнь, в нечестивый спускаются Тартар».
Ей отвечал Деифоб: «Не сердись, могучая жрица,
Я ухожу обратно в толпу и во мрак возвращаюсь!
Ты, наша гордость, иди! Пусть счастливей судьба твоя будет!»
Так он сказал и прочь отошел с напутствием этим.

Влево Эней поглядел: там, внизу, под кручей скалистой
Город раскинулся вширь, обведенный тройною стеною.
Огненный бурный поток вкруг твердыни Тартара мчится,
Мощной струей Флегетон увлекает гремучие камни.
Рядом ворота стоят на столпах адамантовых прочных:
Створы их сокрушить ни людская сила не может,
Ни оружье богов. На железной башне высокой
Днем и ночью сидит Тизифона в одежде кровавой,
Глаз не смыкая, она стережет преддверия Дита.
Слышится стон из-за стен и свист плетей беспощадных,
Лязг влекомых цепей и пронзительный скрежет железа.
Замер на месте Эней и прислушался к шуму в испуге.
«Дева, скажи, каковы обличья злодейства? Какие
Казни свершаются там? Что за гул долетает оттуда?»
Жрица в ответ начала: «О вождь прославленный тевкров,
Чистому боги вступать на преступный порог запрещают.
Но Геката, отдав мне под власть Авернские рощи,
Всюду водила меня и возмездья богов показала.
Кносский судья Радамант суровой правит державой;
Всех он казнит, заставляет он всех в преступленьях сознаться,
Тайно содеянных там, наверху, где злодеи напрасно

Рады тому, что придет лишь по смерти срок искупленья.
Мстительным гневом полна, Тизифона с насмешкою злобной
Хлещет виновных бичом, и подносит левой рукою
Гнусных гадов к лицу, и свирепых сестер созывает.
Только потом, скрежеща, на скрипучих шипах распахнутся
Створы священных ворот. Посмотри,— ты видишь обличье
Той, что на страже стоит и порог изнутри охраняет?
Гидра огромная там, пятьдесят разинувши пастей,
Первый чертог сторожит. В глубину уходит настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше,
Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа.
Там рожденных Землей титанов древнее племя
Корчится в муках на дне, низвергнуто молнией в бездну.
Видела там я и двух сыновей Алоэя огромных,
Что посягнули взломать руками небесные своды,
Тщась громовержца изгнать и лишить высокого царства.
Видела, как Салмоней несет жестокую кару,—
Тот, кто громам подражал и Юпитера молниям жгучим.
Ездил торжественно он на четверке коней, потрясая
Факелом ярким, у всех на глазах по столице Элиды,
Требовал, чтобы народ ему поклонялся, как богу.
То, что нельзя повторить,— грозу и грома раскаты,—
Грохотом меди хотел и стуком копыт он подделать,
Но всемогущий Отец из туч густых огневую
Бросил в безумца стрелу — не дымящий факел сосновый,—
И с колесницы низверг, и спалил его в пламенном вихре.
Видеть мне было дано и Земли всеродящей питомца
Тития: телом своим распластанным занял он девять
Югеров; коршун ему терзает бессмертную печень
Клювом-крючком и в утробе, для мук исцеляемой снова,
Роется, пищи ища, и гнездится под грудью высокой,
И ни на миг не дает отрастающей плоти покоя.
Надо ль лапифов назвать, Иксиона и Пирифоя?
Камень черный висит над тенями и держится еле,
Будто вот-вот упадет. Золотые ложа, как в праздник,
Застланы пышно, и пир приготовлен с роскошью царской,
Яства у самого рта,— но из фурий страшнейшая тут же
То за столом возлежит, не давая к еде прикоснуться,
То встает и, громко крича, поднимает свой факел.
Те, кто при жизни враждой родных преследовал братьев,
Кто ударил отца, или был бесчестен с клиентом,
Или, богатства нажив, для себя лишь берёг их и близким
Не уделял ничего (здесь таких бессчетные толпы),

Или убит был за то, что бесчестил брачное ложе,
Или восстать на царя дерзнул, изменяя присяге,
Казни здесь ждут. Но казни какой — узнать не пытайся,
Не вопрошай об участи их и о видах мучений.
Катят камни одни, у других распятое тело
К спицам прибито колес. На скале Тесей горемычный
Вечно будет сидеть. Повторяя одно непрестанно,
Громко взывая к теням, возглашает Флегий злосчастный:
«Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость!»
Этот над родиной власть за золото продал тирану
Или законы за мзду отменял и менял произвольно,
Тот на дочь посягнул, осквернив ее ложе преступно,—
Все дерзнули свершить и свершили дерзко злодейство.
Если бы сто языков и столько же уст я имела,
Если бы голос мой был из железа,— я и тогда бы
Все преступленья назвать не могла и кары исчислить!»
Долгий окончив рассказ, престарелая Фебова жрица
Молвила: «Дальше ступай, заверши нелегкий свой подвиг.
В путь поспешим: уж стены видны, что в циклоповых горнах
Кованы; вижу я там под высоким сводом ворота:
Нам возле них оставить дары велят наставленья».
Молвила так — и они, шагая рядом во мраке,
Быстро прошли оставшийся путь и приблизились к стенам.
Там за порогом Эней окропляет свежей водою
Тело себе и к дверям прибивает ветвь золотую.

Сделав это и долг пред богиней умерших исполнив,
В радостный край вступили они, где взору отрадна
Зелень счастливых дубрав, где приют блаженный таится.
Здесь над полями высок эфир, и светом багряным
Солнце сияет свое, и свои загораются звезды.
Тело себе упражняют одни в травянистых палестрах
И, состязаясь, борьбу на песке золотом затевают,
В танце бьют круговом стопой о землю другие,
Песни поют, и фракийский пророк в одеянии длинном
Мерным движениям их семизвучными вторит ладами,
Пальцами бьет по струнам или плектром из кости слоновой.
Здесь и старинный род потомков Тевкра прекрасных,
Славных героев сонм, рожденных в лучшие годы:
Ил, Ассарак и Дардан, основатель Трои могучей.
Храбрый дивится Эней: вот копья воткнуты в землю,
Вот колесницы мужей стоят пустые, и кони
Вольно пасутся в полях. Если кто при жизни оружье

И колесницы любил, если кто с особым пристрастьем
Резвых коней разводил,— получает все то же за гробом.
Вправо ли взглянет Эней или влево,— герои пируют,
Сидя на свежей траве, и поют, ликуя, пеаны
В рощах, откуда бежит под сенью лавров душистых,
Вверх на землю стремясь, Эридана поток многоводный.
Здесь мужам, что погибли от ран в боях за отчизну,
Или жрецам, что всегда чистоту хранили при жизни,
Тем из пророков, кто рёк только то, что Феба достойно,
Тем, кто украсил жизнь, создав искусства для смертных,
Кто средь живых о себе по заслугам память оставил,—
Всем здесь венчают чело белоснежной повязкой священной.
Тени вокруг собрались, и Сивилла к ним обратилась
С речью такой,— но прежде других к Мусею, который
Был всех выше в толпе, на героя снизу взиравшей:
«Ты, величайший певец, и вы, блаженные души,
Нам укажите, прошу, где Анхиза найти? Ради встречи
С ним пришли мы сюда, переплыли реки Эреба».
Ей в немногих словах Мусей на это ответил:
«Нет обиталищ у нас постоянных: по рощам тенистым
Мы живем; у ручьев, где свежéй трава луговая,—
Наши дома; но, если влечет вас желание сердца,
Надо хребет перейти. Вас пологим путем поведу я».
Так он сказал и пошел впереди и с горы показал им
Даль зеленых равнин. И они спустились с вершины.

Старец Анхиз между тем озирал с усердьем ревнивым
Души, которым еще предстоит из долины зеленой,
Где до поры пребывают они, подняться на землю.
Сонмы потомков своих созерцал он и внуков грядущих,
Чтобы узнать их судьбу, и удел, и нравы, и силу,
Но лишь увидел, что сын к нему по лугу стремится,
Руки порывисто он протянул навстречу Энею,
Слезы из глаз полились и слова из уст излетели:
«Значит, ты все же пришел? Одолела путь непосильный
Верность святая твоя? От тебя и не ждал я иного.
Снова дано мне смотреть на тебя, и слушать, и молвить
Слово в ответ? Я на это всегда уповал неизменно,
День считая за днем,— и надежды мне не солгали.
Сколько прошел ты морей, по каким ты землям скитался,
Сколько опасностей знал,— и вот ты снова со мною!
Как за тебя я боялся, мой сын, когда в Ливии был ты!»
Сын отвечал: «Ты сам, твой печальный образ, отец мой,

Часто являлся ко мне, призывая в эти пределы.
Флот мой стоит в Тирренских волнах. Протяни же мне руку,
Руку, родитель, мне дай, не беги от сыновних объятий!»
Молвил — и слезы ему обильно лицо оросили.
Трижды пытался отца удержать он, сжимая в объятьях,—
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
Словно дыханье, легка, сновиденьям крылатым подобна.

Тут увидел Эней в глубине долины сокрытый
Остров лесной, где кусты разрослись и шумели вершины:
Медленно Лета текла перед мирной обителью этой,
Там без числа витали кругом племена и народы.
Так порой на лугах в безмятежную летнюю пору
Пчелы с цветка на цветок летают и вьются вкруг белых
Лилий, и поле вокруг оглашается громким гуденьем.
Видит все это Эней — и объемлет ужас героя;
Что за река там течет — в неведенье он вопрошает,—
Что за люди над ней такой теснятся толпою.
Молвит родитель в ответ: «Собрались здесь души, которым
Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой летейской
Пьют забвенье они в уносящем заботы потоке.
Эти души тебе показать и назвать поименно
Жажду давно уже я, чтобы наших ты видел потомков,
Радуясь вместе со мной обретенью земли Италийской».
«Мыслимо ль это, отец, чтоб отсюда души стремились
Снова подняться на свет и облечься тягостной плотью?
Злая, видно, тоска влечет несчастных на землю!»
«Что ж, и об этом скажу, без ответа тебя не оставлю,—
Начал родитель Анхиз и все рассказал по порядку.—
Землю, небесную твердь и просторы водной равнины,
Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и звезды,—
Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело.
Этот союз породил и людей, и зверей, и пернатых,
Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью.
Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели, гасит.
Вот что рождает в них страх, и страсть, и радость, и муку,
Вот почему из темной тюрьмы они света не видят.
Даже тогда, когда жизнь их в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубо́ко в них вкоренилось,

С ними прочно срослось — не остаться надолго не может.
Кару нести потому и должны они все — чтобы мукой
Прошлое зло искупить. Одни, овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.
Маны любого из нас понесут свое наказанье,
Чтобы немногим затем перейти в простор Элизийский.
Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки,—
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
Времени бег круговой отмерит десять столетий,—
Души тогда к Летейским волнам божество призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться».

Вот что поведал Анхиз, и сына вместе с Сивиллой
В гущу теней он повлек, и над шумной толпою у Леты
Встали они на холме, чтобы можно было оттуда
Всю вереницу душ обозреть и в лица вглядеться.
«Сын мой! Славу, что впредь Дарданидам сопутствовать будет,
Внуков, которых тебе родит италийское племя,
Души великих мужей, что от нас унаследуют имя,—
Все ты узришь: я открою тебе судьбу твою ныне.
Видишь, юноша там о копье без жала оперся:
Близок его черед, он первым к эфирному свету
Выйдет, и в нем дарданская кровь с италийской сольется;
Будет он, младший твой сын, по-альбански Сильвием зваться,
Ибо его средь лесов взрастит Лавиния. Этот
Поздний твой отпрыск царем и царей родителем станет.
С этой поры наш род будет править Долгою Альбой.
Следом появится Прок, народа троянского гордость,
Капис, Нумитор и тот, кто твоим будет именем назван,—
Сильвий Эней; благочестьем своим и доблестью в битвах
Всех он затмит, если только престол альбанский получит.
Вот она, юных мужей череда! Взгляни на могучих!
Всем виски осенил венок дубовый гражданский.
Ими Пометий, Номент, и Фидены, и Габии будут
Возведены, и в горах Коллатия крепкие стены,
Инуев Лагерь они, и Кору, и Болу построят,
Дав имена местам, что теперь имен не имеют.
Вот и тот, кто навек прародителя спутником станет,
Ромул, рожденный в роду Ассарака от Марса и жрицы
Илии. Видишь, двойной на шлеме высится гребень?

Марс-родитель его отличил почетной приметой!
Им направляемый Рим до пределов вселенной расширит
Власти пределы своей, до Олимпа души возвысит,
Семь твердынь на холмах окружит он единой стеною,
Гордый величьем сынов, Берекинфской богине подобен,
Что в башненосном венце по Фригийской стране разъезжает,
Счастлива тем, что бессмертных детей родила, что и внуки
Все — небожители, все обитают в высях эфирных.
Взоры теперь сюда обрати и на этот взгляни ты
Род и на римлян твоих. Вот Цезарь и Юла потомки:
Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,
Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья.
Столько стран не прошел ни Алкид в скитаниях долгих,
Хоть и сразил медноногую лань и стрелами Лерну
Он устрашил и покой возвратил лесам Эриманфа,
Ни виноградной уздой подъяремных смиряющий тигров
Либер, что мчится в своей колеснице с подоблачной Нисы.
Что ж не решаемся мы деяньями славу умножить?
Нам уж не страх ли осесть на земле Авзонийской мешает?
Кто это там, вдалеке, ветвями оливы увенчан,
Держит святыни в руках? Седины его узнаю я!
Римлян царь, укрепит он законами первыми город;
Бедной рожденный землей, из ничтожных он явится Курий,
Чтобы принять великую власть. Ее передаст он
Туллу, что мирный досуг мужей ленивых нарушит,
Двинув снова в поход от триумфов отвыкшее войско.
Анк на смену ему воцарится, спеси не чуждый:
Слишком уж он и сейчас дорожит любовью народа.
Хочешь Тарквиниев ты увидать и гордую душу
Мстителя Брута узреть, вернувшего фасции Риму?
Власти консульской знак — секиры грозные — первым
Брут получит и сам сыновей, мятеж затевавших,
На́ смерть осудит отец во имя прекрасной свободы;
Что бы потомки о нем ни сказали,— он будет несчастен,

Но к отчизне любовь и жажда безмерная славы
Все превозмогут. Взгляни: вдалеке там Деции, Друзы,
С грозной секирой Торкват и Камилл, что орлов возвратит нам.
Видишь — там две души одинаковым блещут оружьем?
Ныне, объятые тьмой, меж собой они в добром согласье,
Но ведь какою войной друг на друга пойдут, если света
Жизни достигнут! Увы, как много крови прольется
В дни, когда тесть от Монековых скал с Альпийского вала
Спустится, зять же его с оружьем встретит восточным!
Дети! Нельзя, чтобы к войнам таким ваши души привыкли!
Грозною мощью своей не терзайте тело отчизны!
Ты, потомок богов, ты первый о милости вспомни,
Кровь моя, меч опусти!..
Этот, Коринф покорив, поведет колесницу в триумфе
На Капитолий крутой, над ахейцами славен победой.
Тот повергнет во прах Агамемнона крепость — Микены,
Аргос возьмет, разобьет Эакида, Ахиллова внука,
Мстя за поруганный храм Минервы, за предков троянских.
Косс и великий Катон, ужель о вас умолчу я?
Гракхов не вспомню ли род? Сципионов, как молния грозных,
Призванных гибель нести Карфагену? Серрана, что ниву
Сам засевал? Иль Фабриция, кто, довольствуясь малым,
Был столь могуч? О Фабии, вас назову и усталый...
Ма́ксим, и ты здесь, кто нам промедленьями спас государство!
Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды,— не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!»

Так Анхиз говорил изумленным спутникам; после
Он добавил: «Взгляни, вот Марцелл, отягченный добычей;
Ростом он всех превзошел, победитель во многих сраженьях,
Тот, кто Рим укрепит, поколебленный тяжкою смутой,
Кто, воюя в седле, разгромит пунийцев и галлов,—
Третий доспех, добытый в бою, посвятит он Квирину».
Молвил на это Эней, увидев рядом с Марцеллом
Юношу дивной красы в доспехах блестящих, который
Шел с невеселым лицом, глаза потупивши в землю:
«Кто, скажи мне, отец, там идет с прославленным мужем?
Сын ли его иль один из бессчетных потомков героя?

Спутников сколько вокруг! Каким он исполнен величьем!
Но осеняет чело ему ночь печальною тенью».
Слезы из глаз полились у Анхиза, когда отвечал он:
«Сын мой, великая скорбь твоему уготована роду:
Юношу явят земле на мгновенье сýдьбы — и дольше
Жить не позволят ему. Показалось бы слишком могучим
Племя римлян богам, если б этот их дар сохранило.
Много стенаний и слез вослед ему с Марсова поля
Город великий пошлет! И какое узришь погребенье
Ты, Тиберин, когда воды помчишь мимо свежей могилы!
Предков латинских сердца вознести такою надеждой
Больше не сможет никто из рожденных от крови троянской,
Больше таких не взрастит себе во славу питомцев
Ромулов край. Но увы! Ни к чему благочестье и верность,
Мощная длань ни к чему. От него уйти невредимо
Враг ни один бы не мог, пусть бы юноша пешим сражался,
Пусть бы шпоры вонзал в бока скакуна боевого.
Отрок несчастный,— увы! — если рок суровый ты сломишь,
Будешь Марцеллом и ты! Дайте роз пурпурных и лилий:
Душу внука хочу я цветами щедро осыпать,
Выполнить долг перед ним хоть этим даром ничтожным».

Так бродили они по всему туманному царству,
Между широких лугов, чтобы всех разглядеть и увидеть.
После того, как сыну Анхиз перечислил потомков,
Душу его распалив стремленьем к славе грядущей,
Старец поведал ему о войне, что ждет его вскоре,
О племенах лаврентских сказал, о столице Латина,
Также о том, как невзгод избежать или легче снести их.

Двое ворот открыты для снов: одни — роговые,
В них вылетают легко правдивые только виденья;
Белые створы других изукрашены костью слоновой,
Маны, однако, из них только лживые сны высылают.
К ним, беседуя, вел Анхиз Сивиллу с Энеем;
Костью слоновой блестя, распахнулись ворота пред ними,
К спутникам кратким путем и к судам Эней возвратился.
Тотчас вдоль берега он поплыл в Кайетскую гавань.
С носа летят якоря, корма у берега встала.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Здесь же скончалась и ты, Энея кормилица, чтобы
Память навек о себе завещать побережиям нашим:
Место, где прах твой зарыт, сохраняет имя Кайеты,
Чтят гесперийцы его; так не это ли славой зовется?
Благочестивый Эней, совершив обряд погребальный,
Холм насыпал над ней и, когда успокоилось море,
В путь поспешил на всех парусах и гавань покинул.
Ветер в ночи́ понес корабли, и луна благосклонно
Свет белоснежный лила и дробилась, в зыбях отражаясь.
Плыл вдоль берега флот, минуя царство Цирцеи,
Где меж дремучих лесов распевает денно и нощно
Солнца могучая дочь и, в ночную темную пору,
В пышном дворце, засветив душистый факел кедровый,
Звонкий проводит челнок сквозь основу ткани воздушной.
С берега львиный рык долетает гневный: ярятся
Звери и рвутся с цепей, оглашая безмолвную полночь;
Мечется с визгом в хлеву свиней щетинистых стадо,
Грозно медведи ревут, завывают огромные волки,—
Все, кого силою трав погубила злая богиня,
В диких зверей превратив и обличье отняв человека.
Чтобы Цирцеи волшба не коснулась троянцев, чтоб волны
К берегу их не снесли, не пригнали в опасную гавань,
Ветром попутным Нептун паруса энеадов наполнил,
Бег ускорил судов и пронес через бурные мели.

Море зарделось в лучах золотистой Авроры, сверкавших
С неба, где мчалась в своей колеснице алой богиня.
Ветер внезапно упал, дуновенья больше не морщат

Мраморной глади — одни с безветрием борются весла.
Видит с моря Эней берега, заросшие лесом,
И меж огромных дерев поток, отрадный для взора:
Это струит Тиберин от песка помутневшие воды
В море по склонам крутым. Над лесами стаи пернатых,
Что по речным берегам и по руслам вьют себе гнезда,
Носятся взад и вперед, лаская песнями небо.
Тотчас Эней повелел корабли повернуть и направить
К берегу; так он вошел, торжествуя, в тенистые устья.

Ныне о древних веках, Эрато́, дозволь мне поведать,
О стародавних царях и о том, что в Лации было
В дни, когда с войском приплыл к берегам Авзонийским пришелец,
Также о том, отчего разгорелась распря впервые.
Ты певца вдохнови, о богиня! Петь начинаю
Я о войне, о царях, на гибель гневом гонимых,
И о тирренских бойцах, и о том, как вся Гесперия́
Встала с оружьем в руках. Величавей прежних событья
Ныне пойдут чередой — величавей будет и труд мой.

Мирно старый Латин городами и нивами правил.
Фавну его родила лаврентская нимфа Марика,—
Так преданье гласит; был Пик родителем Фавна,
Пика отцом был Сатурн, положивший роду начало.
Волей богов не имел Латин мужского потомства,
После того как судьбой был похищен сын его юный.
Дочь лишь была у него, наследница многих владений:
Стала невестой она, по годам созрела для брака,
Много из Лация к ней женихов и со всей Гесперии
Сваталось, прежде других — красотою всех превзошедший
Турн, могучих отцов и дедов славный потомок.
Юношу всем предпочла и мечтала царица скорее
Зятем сделать его — но мешали ей знаменья свыше.
Лавр посредине дворца стоял меж высоких чертогов,
Долгие годы храним и всеми чтим, как священный:
Сам Латин, говорят, когда клал основанья твердыни,
Дерево это нашел и его посвятил Аполлону,
Город же новый нарек по имени лавра Лаврентом.
Вдруг на вершину его,— и рассказывать дивно об этом! —
В воздухе путь проложив, прилетели с громким жужжаньем
Пчелы тучей густой, и, сцепившись ножками плотно,
Рой нежданный повис, точно плод, меж листьев на ветке.

Вмиг прорицатель изрек: «Я зрю иноземного мужа,
С той же он стороны, что и рой, сюда же стремится
С войском своим, чтобы здесь воцариться в твердыне высокой».
Факела чистый огонь к алтарям подносила однажды,
Стоя рядом с отцом, во дворце Лавиния-дева;
Тут привиделось им, будто длинные кудри царевны —
Чудо грозное! — вдруг охватило шумное пламя,
Следом убор занялся, занялся на челе самоцветный
Царский венец — и вот, золотым окутана дымом,
Сеет она Вулканов огонь по просторным палатам.
Дивное знаменье так всем на страх истолковано было:
Слава Лавинию ждет и удел высокий в грядущем,
Но принесет народу она великие войны.
Царь в тревоге спешит обратиться к оракулу Фавна,
Вещего старца-отца вопросить в лесу Альбунейском,
Самом большом из лесов, где звенит источник священный,
Воздух смрадом своих испарений густых заражая.
Вся Энотрия, все племена италийские в этот
Сходятся лес, чтоб сомненья свои разрешить. Если щедрый
Дар принесет в него жрец, и расстелит в ночи молчаливой
Жертвенных шкуры овец, и уснет на ложе овчинном,
Много узрит он во сне витающих дивных видений,
Будет многим внимать голосам, удостоен беседы
Вечных богов и теней, прилетевших из глуби Аверна.
Здесь и родитель Латин искал в тревоге ответа.
Сто тонкорунных заклал он сам по обычаю ярок,
Шкуры в лесу расстелил — и едва лишь возлег на овчинах,
Тотчас голос к нему долетел из чащи древесной:
«Дочери мужа найти, о мой сын, не стремись средь латинян,
С тем, кто избран тобой, не справляй задуманной свадьбы:
Зять из чужбины придет и кровью своей возвеличит
Имя наше до звезд, и к ногам наших правнуков общих
Будет повержен весь мир, и все, что видимо Солнцу
В долгом пути меж двумя Океанами, — им покорится».
Этих советов отца, что ему в ночи молчаливой
Фавном были даны, не таил Латин — и повсюду
Мчалась на крыльях Молва и о них городам авзонийским
Весть несла, когда флот потомков Лаомедонта
Встал на причал у крутых берегов, травою поросших.

Вышли с Энеем вожди и прекрасный Асканий на сушу,
Наземь легли отдохнуть в тени высокого бука.
Тут же друзья на траве расставляют для трапезы яства,

Их, как Юпитер внушил, разложив на лепешках из полбы,
Диких приносят плодов, на столы из хлеба кладут их...
Быстро скудный запас истребили троянцы, и голод
Их заставил доесть и Цереры дар необильный.
Только успели они хлебов, отмеченных роком,
Дерзкой коснуться рукой и вкусить от круглых лепешек,
Юл воскликнул: «Ну вот, мы столы теперь доедаем!»
Он пошутить лишь хотел,— но, услышав слово такое,
Понял Эней, что конец наступил скитаньям, и сыну
Смолкнуть велел, поражен изъявленьем божественной воли.
Тотчас: «Привет тебе, край, что судьбою мне предназначен! —
Молвит он.— Вам привет, о пенаты верные Трои!
Здесь наш дом и родина здесь! Вспоминаю теперь я:
Тайну судьбы мне открыв, завет оставил родитель:
«Если ты приплывешь на неведомый берег и голод
Вдруг заставит тебя поедать столы после пира,
Знай, что там обретешь пристанище ты, истомленный,
Первые там дома заложи и стены воздвигни».
Голод наш тем голодом был — последним из бедствий,
Нашим кладет он скитаньям конец.
Радуйтесь! Следует нам с лучами первыми солнца
В разные стороны всем разойтись от гавани, чтобы
Эти разведать места, разузнать о селеньях и людях.
Ныне Юпитеру вы сотворите из чаш возлиянье,
Снова налейте вина и Анхиза с мольбой призовите».
Молвив, себе увенчал он чело зеленой листвою,
Гения места призвал и первую между бессмертных
Землю, и нимф, и богов неизвестных покуда потоков,
После, порядок блюдя, он призвал Фригийскую матерь,
Бога Идейского, Ночь и ее восходящие звезды,
К матери в небе воззвал и к Анхизу во мраке Эреба.
Тут с небесных высот всемогущий светлый Родитель
Трижды удар громовой послал и руки мановеньем
Облако тевкрам явил, золотым осиянное светом.
Гул пробежал по троянским рядам: исполнились сроки,
Обетованная здесь воздвигнута будет твердыня.
Тевкры готовят пир, и, великому радуясь чуду,
Ставят кратéры они, вином их наполнив до края.

Только лишь день озарил лучами первыми землю,
Тевкры окрест разбрелись и вкруг стана разведали местность.
В этих тонях — исток Нумиция, Тибром зовется

Эта река, и живет здесь отважное племя латинян.
Сын Анхиза тогда ото всех выбирает сословий
Сто послов и велит им взять увитые шерстью
Ветви Паллады с собой и пойти к чертогам владыки,
Дар отнести и мира просить для троянских пришельцев.
Без промедленья послы исполняют приказ и поспешным
Шагом пускаются в путь. А Эней воздвигает жилища,
Место для них над водой бороздой неглубокой наметив,
И, словно лагерь, дома частоколом и валом обводит.
Путь свой прошли между тем послы и увидели башни,
Кровель верхушки крутых и приблизились к стенам латинян.
Отроки там у ворот и юноши в первом расцвете
Гнали резвых коней, укрощая в пыли колесницы,
Лук напрягали тугой, метали гибкие дроты
И вызывали друзей потягаться проворством и силой.
Вдруг верховой гонец Латину доносит седому:
Прямо к столице идут мужи огромного роста
В платье неведомом. Царь велит в чертоги позвать их,
Сам же на отчий престол в срединном покое садится.
В городе был на вершине холма чертог величавый
С множеством гордых колонн — дворец лаврентского Пика,
Рощей он был окружен и священным считался издревле.
Здесь по обычаю все цари принимали впервые
Жезл и фасции, здесь и храм и курия были,
Здесь и покой для священных пиров, где, заклавши барана,
Долгие дни за столом отцы проводили нередко.
Дедов царственных здесь изваянья из кедра стояли
В должном порядке: Итал и отец Сабин, насадитель
Лоз (недаром кривой виноградаря серп у подножья
Статуи старца лежал); и Сатурн, и Янус двуликий
Были в преддверье дворца, и властителей образы древних,
Что за отчизну в бою получили Марсовы раны.
Здесь надо всеми дверьми прибито было оружье:
Взятые в плен колесницы видны, кривые секиры,
Копья, щиты, и ворот крепостных затворы, и ростры,
С вражеских сняты судов, и с мохнатою гривою шлемы.
Пик, укротитель коней, сидел в короткой трабее,
Щит священный держа и загнутый жезл квиринальский.
Страстной любовью к нему горя, превратила Цирцея,
Ядом сперва опоив и лозой золотою ударив,
В пеструю птицу его, по стволам стучащую громко.
Так изукрашен был храм, куда посланцев троянских
Царь латинский призвал, восседавший на отчем престоле.

С речью приветливой он обратился первый к вошедшим:
«Дайте ответ, дарданцев послы,— ведь и род ваш и город
Ведомы нам, и слышали мы, что сюда вы плывете,—
Что вам нужно? Зачем, какой гонимы нуждою
Вы через столько морей к берегам пришли Авзонийским?
Сбились ли вы с пути, принесла ли вас непогода
(Бури нередко пловцов застигают в море открытом),—
Если уж в устье реки вы зашли и в гавани встали,
То не презрите наш кров, дружелюбью латинян доверьтесь.
Мы справедливость блюдем не под гнетом законов: Сатурнов
Род добровольно хранит обычай древнего бога.
Помню я,— хоть молва с годами сделалась смутной,—
Так старики аврункские мне говорили когда-то:
Родом отсюда Дардан, что отплыл на Са́мос Фракийский
(Назван теперь Самофракией он) и добрался до Иды,
Начал отсюда он путь, из Корита в крае Тирренском,
Ныне же занял престол в чертогах звездного неба,
Свой прибавив алтарь к алтарям бессмертных высоким».

Илионей отвечал на эти речи Латину:
«Фавна царственный сын, не волна, не черная буря
К вашей земле подойти нас принудила натиском злобным,
Берег неведомый нас и светила с пути не сбивали:
Сами избрали мы путь и в твой город пришли добровольно,
Мы, изгнанники царств, которые в славе и блеске
Солнце видело встарь, восходя от края Олимпа;
Род от Юпитера наш, Юпитера племя дарданцев
С гордостью предком зовет, от высокой Юпитера крови
Царь наш рожден, троянец Эней, к тебе нас пославший.
Что́ за губительный вихрь поднялся в Микенах жестоких
И пролетел по Идейским полям, каким приговором,
Рок два мира столкнул — Европу и Азию — в битве,
Слышал и тот, кто живет в краю, где по кругу струится
Ток Океана, и тот, чье жилище в поясе пятом,
Меж четырех поясов простертом под солнцем жестоким.
Мы от потопа спаслись и, скитаясь по водным равнинам,
Малого просим клочка земли безопасной — приюта
Отчим богам, и воды, и воздуха — ими владеют
Равно смертные все. Мы для вас бесчестьем не будем,
Вы же славу навек стяжаете добрым деяньем;
Трою на лоно приняв, не раскается край Авзонийский.
Я Энея судьбой клянусь и могучей десницей,—
Ведома верность ее и отвага испытана в битвах,—

Много племен и народов чужих (презирать нас не должно,
Если с ветвями в руках и с мольбой на устах мы приходим)
Звали в свои нас края, чтобы мы среди них поселились,
Но веленья богов и судьба заставляли Энея
Вашу землю искать. Этот край, отчизну Дардана,
Вновь обрести мы должны — такова необорная воля
Феба — и Тибр Тирренский найти, и Нумиций священный.
Кроме того, наш вождь от былых богатств посылает
Дар ничтожный тебе, из горящей Трои спасенный:
Для возлияний богам эта чаша служила Анхизу,
В этом уборе Приам, по обычаю граждан созвавши,
Суд перед ними творил; вот наряд, троянками тканный,
Вот и жезл, и священный венец».

Илионея словам Латин внимал неподвижно,
Голову низко склонив и блуждая задумчивым взглядом
В землю потупленных глаз. Ни наряд с пурпурным узором
Не занимает его, ни Приамов жезл драгоценный:
Дочери будущий брак владеет думой Латина,
Царь повторяет в душе прорицанье старого Фавна.
Вот предреченный судьбой, из далекой прибывший чужбины
Зять, которого он назовет царем равноправным,
Чьи потомки, в веках грядущих доблестью славны,
Мощью своей покорят весь круг земель населенных.
Радостно молвит Латин: «Да помогут нам боги, исполнив
Все предвещанья свои! Дам я то, что ты просишь, троянец,
И не отвергну даров. И пока Латин на престоле,
Тук изобильных полей и богатства не меньше троянских
Будут у вас. Но пусть, если узы гостеприимства
Хочет Эней меж нами скрепить и союзником зваться,
Сам он без страха придет и пред взором друга предстанет.
Будет пожатие рук залогом мира меж нами.
Вы же царю своему передайте то, что скажу я:
Выросла дочь у меня, но из нашего племени зятя
Выбрать ни знаменья мне не велят, ни в святилище отчем
Голос, который предрек, что жених с берегов чужедальних
Явится к нам и, слив свою кровь с латинскою кровью,
Имя наше до звезд вознесет. Это он мне указан
Роком,— так думаю я и, если правду провидит
Дух мой, желаю того». И, промолвив так, выбирает
Сам он прекрасных коней (их триста в стойлах стояло),
Каждому дарит послу скакуна крылоногого старец,
В пестрых все чепраках и в пурпурных попонах узорных;

Звонко бренчат у коней золотые подвески под грудью,
В золоте сбруя у всех и в зубах удила золотые.
В дар Энею он шлет колесницу с парной упряжкой:
Пышет огонь из ноздрей у коней, что от предков небесных
Род свой ведут — от тех полукровок, которых Цирцея
Тайно добыла, впустив к коням отцовским кобылу.
Эти дары получив, унося порученья Латина,
Прочь уезжают верхом энеады с вестью о мире.

Тою порой в колеснице своей громовержца супруга
Мчалась воздушным путем, покинув Йнахов Аргос.
Вдруг увидала она, над Пахином летя сицилийским,
Издали тевкров суда и Энея, который, ликуя,
Строил с друзьями дома и, доверясь суше, оставил
Брошенный флот. Застыла она, пронзенная болью,
И, головою тряхнув, излила в стенаниях сердце:
«О, ненавистный народ! О, моей непокорная воле
Воля судьбы их! Ужель не могли они пасть на сигейских
Бранных полях? Или в рабство попасть? Иль сгореть в подожженной
Трое? Но нет, средь огня и средь вражеских толп находили
Выход они! Или сила моя, быть может, иссякла
И успокоилась я, неустанной враждою пресытясь?
Нет, и средь волн я осмелилась гнать лишенных отчизны
Беглых фригийцев, по всем морям им ставя преграды!
Сил, чтобы тевкров сломить, не хватило и морю и небу.
Чем зияющий зев Харибды, и Сцилла, и Сирты
Мне помогли? От меня и от моря в устье желанном
Тибра укрылись они! Но ведь Марсу силы достало
Диких лапифов сгубить, и Диане разгневанной отдал
Сам родитель богов Калидон на расправу старинный.
Так ли была велика Калидона вина и лапифов?
Я же, царица богов, супруга Юпитера, средства
Все, что могла испытать, испытала, ничем не гнушаясь,—
Но победил троянец меня! Так что ж, если мало
Власти великой моей — я молить других не устану.
Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну.
Пусть не дано мне Энея лишить грядущего царства,
Пусть Лавинии рок, предназначивший деву пришельцу,
Будет незыблем,— но я могу замедлить свершенье,
Вправе я истребить у царей обоих народы.
Тесть и зять за союз пусть жизнью граждан заплатят!
Дева! Приданым твоим будет ру́тулов кровь и троянцев,

В брачный покой отведет тебя Беллона! Не только
Дочь Киссея на свет родила горящее пламя,—
Также рожден и тобой, Венера, для Трои воскресшей
Новый Парис и второй губительный свадебный факел».

Вымолвив это, она устремилась в гневе на землю,
Там из приюта богинь, приносящих муки, из мрака
Кличет к себе Аллектó, которой любезны раздоры,
Ярость, и гнев, и война, и злодейства коварные козни.
Все ненавидят ее — и отец Плутон, и родные
Сестры: так часто она изменяет гнусный свой облик,
Так свиреп ее вид, так черны́ на челе ее змеи.
Стала ее подстрекать такими речами Юнона:
«Ради меня потрудись, о дочь безбрачная Ночи,
Ради меня, чтобы честь и слава моя оставались
Неколебимы, чтоб царь обольщен энеадами не был,
Чтоб не досталися им ни лаврентские пашни, ни дева.
Ты способна свести в поединке любящих братьев,
Дом наполнить враждой и бедой, чтобы в нем погребальный
Факел не гас, ты сотни имен принимаешь и сотни
Способов знаешь губить. Так найди в душе своей щедрой
Средство разрушить союз и посеять преступную распрю.
Пусть возжаждут войны и тотчас же схватят оружье».

В тот же миг Аллектó, напоенная ядом Горгоны,
В Лаций летит, в крутоверхий чертог владыки Лаврента,
Там садится она у дверей молчаливых Аматы.
Тевкров нежданный приход и брак отвергнутый с Турном
Сердце царице зажгли обидой женской и гневом.
Черную вырвав змею из волос, богиня метнула
Гада царице на грудь и под платьем скрыла у сердца,
Чтобы, беснуясь, она весь дом возмутила безумьем.
Гад под одеждой скользит, по гладкой груди извиваясь,
Тела касаясь едва, исступленной Амате не виден;
Буйное сердце ее наполняет он злобой змеиной,
То повисает у ней золотым ожерельем на шее,
То, как венец, обвивает чело, то по телу блуждает.
В душу покуда ее проникала первая порча,
Влажный яд, разгораясь в крови, мутил ее чувства,
Но не пылало еще пожаром пагубным сердце,—
Речь, привычную всем матерям, повела она кротко,
Стала оплакивать дочь и с фригийцем брак ненавистный:
«Дочь неужели отдашь ты, отец, изгнанникам-тевкрам?

Значит, не жалко тебе ни себя, ни Лавинии? Значит,
Ты не жалеешь и мать, от которой с первым порывом
Ветра разбойник умчит за моря широкие деву?
Разве не так же проник пастух фригийский к спартанцу,
Чтобы Елену с собой увести к троянским твердыням?
Где же верность твоя? Где забота о близких былая?
Где обещанья, что ты давал племяннику Турну?
Если латиняне взять должны чужеземного зятя,
Если незыблемо то, что родителем велено Фавном,—
Все, что жезлу твоему неподвластны, земли чужими
Я почитаю,— и нам о том же боги вещали.
Вспомни и Турна род: он возник в далеких Микенах,
Инах там и Акрисий ему положили начало».
Тщетно к Латину она подступалась с такими речами:
Старец стоял на своем. Между тем все глубже и глубже
Яд змеи проникал, разливался по жилам царицы,
Бредом рассудок ее помутив,— и вот по Лавренту
Стала метаться она, одержимая бешенством буйным.
Так от ударов бича кубарь бежит и кружится,
Если дети его на дворе запускают просторном;
Букс, гонимый ремнем, по дуге широкой несется,
И, позабыв за игрой обо всем, глядит и дивится
Дружно проворству его толпа простодушных мальчишек,
Пуще стараясь взбодрить кубарь ударами. Так же
Средь разъяренной толпы по Лавренту носилась Амата.
Вот, менадой себя возомнив, летит она в дебри,
Бешенство все тяжелей, тяжелей беззаконье вершится:
Дочь увлекает она и в лесистых горах укрывает,
Чтобы у тевкров отнять невесту и свадьбу расстроить.
«Вакх, эвоэ! только ты,— голосит она,— девы достоин!
Тирс для тебя лишь взяла, в хоровод для тебя лишь вступила,
Лишь для тебя растила она священные кудри!»
Мчится Молва и сердца матерей зажигает безумьем,
То же неистовство их в убежища новые гонит.
Все покидают дома, распускают по ветру косы,
Полнят чуткий эфир переливами воплей протяжных,
Копья из лоз в руках, на плечах — звериные шкуры.
Мать несется меж них с горящей веткой смолистой.
Брачные песни поет, величая Лавинию с Турном;
Кровью налившийся взгляд блуждает; вдруг восклицает
Голосом хриплым она: «Ио, латинские жены!
Если, как прежде, жива любовь к несчастной Амате
В преданных ваших сердцах, если прав материнских лишиться

Горько вам — рвите с волос повязки, оргию правьте
Вместе со мной!» Так по чащам лесным, где лишь звери таились,
Гонит ее Аллекто́ и вакхическим жалит стрекалом.

Видит богиня: сильны порывы первые буйства,
Рухнули замыслы все царя, и дом его рухнул.
Мрачная, тотчас она на черных крыльях взлетает,
Быстрый Нот ее мчит к безрассудному рутулу в город
(Был аргосцами он и беглянкой Данаей основан,—
Так преданье гласит,— и назвали предки то место
Ардеей; ныне оно сохраняет гордое имя,
Но не величье свое). Здесь Турн в чертоге высоком
Сон отрадный вкушал во мраке ночи беззвездной.
Образ пугающий свой изменить Аллекто́ поспешила:
Злобное скрыла лицо под обличьем дряхлой старухи,
Гнусный изрезала лоб морщинами, в кудри седые
Ветку оливы вплела и стянула их туго повязкой.
Так превратилась она в Калибу, жрицу Юноны,
И предстала во сне перед взором Турна, промолвив:
«Стерпишь ли, Турн, чтоб труды твои все понапрасну пропали,
Чтобы твой жезл перешел так легко к пришельцам дарданским?
Царь невесту тебе с приданым, купленным кровью,
Дать не желает: ему иноземный нужен наследник!
Что ж, на посмешище всем истребляй тирренские рати,
Даром иди хоть на смерть, покой охраняя латинян.
Мирный сон твой смутить и все сказать тебе прямо
Дочь Сатурна сама всемогущая мне приказала.
Так не замедли призвать италийцев юных к оружью,
Радостно в бой их веди на вождей фригийских, разбивших
Стан у прекрасной реки, и сожги корабли расписные!
Мощная воля богов такова. И если невесту
Царь Латин не отдаст и своих обещаний не сдержит,—
Пусть узнает и он, каково оружие Турна».

Юноша жрице в ответ с улыбкой насмешливой молвил:
«Нет, заблуждаешься ты, если думаешь, что не достигла
Слуха нашего весть о заплывших в Тибр чужеземцах.
Мнимыми страхами нас не пугай. Меня не забудет
Вышних царица богов!
К правде бывает слепа побежденная немощью старость,
Вот и терзает она тебя напрасной тревогой,

Вещую страхом пустым средь раздоров царских морочит.
Мать! Забота твоя — изваянья богов и святыни,
Битвы и мир предоставь мужам, что сражаются в битвах».

Гневом от этих слов загорелось фурии сердце.
Речь свою Турн оборвал, внезапной дрожью охвачен,
Взор застыл у него: зашипели эринии змеи,
Страшный лик открылся пред ним, и очи, блуждая,
Пламенем злобным зажглись. В замешательстве вновь порывался
Турн говорить, но, грозя, поднялись на челе у богини
Гады, и, щелкнув бичом, Аллекто́ его оттолкнула.
«Вот я,— вскричала,— кого побежденная немощью старость,
К правде слепая, средь битв морочит ужасом тщетным!
Видишь меня? Я пришла из приюта сестер ненавистных,
Битвы и смерть — забота моя!»
В бешенстве вымолвив так, горящий пламенем черным
Факел метнула она и вонзила юноше в сердце.
Ужас тяжкий прервал героя сон беспокойный,
Пот все тело ему омыл холодной волною.
С криком ищет он меч в изголовье, ищет по дому,
Страстью к войне ослеплен и преступной жаждой сражений,
Буйствует, гневом гоним,—так порой, когда с треском пылает
Хворост и медный котел окружает шумное пламя,
В нем начинает бурлить огнем нагретая влага,
Пенится, словно поток, и дымится, и плещет, как будто
Тесно ей стало в котле, и клубами пара взлетает.
Мир презрев и союз, призывает в поход на Латина
Турн друзей молодых и велит готовить оружье,
Встать на защиту страны и врага из Италии выбить:
Сил довольно у них одолеть и латинян и тевкров.
Только лишь молвил он так и вознес всевышним моленья,
Рутулы все, как один, за оружье с жаром берутся:
В бой призывает одних красотой цветущая юность,
Предки цари — других, а третьих — подвигов слава.

Тою порой, как Турн зажигает отвагою души,
Прочь летит Аллекто́ и несется на крыльях стигийских
К тевкрам и новые там затевает козни: приметив
Место, где дичь над рекой травил прекрасный Асканий,
Бешенством свору его распаляет исчадье Коцита,
Чутких коснувшись ноздрей знакомым запахом зверя,
Чтобы упорней гнались за оленем собаки. И это

Было началом всех бед, пастухов толкнуло на битву.
Жил там красавец олень, высокими гордый рогами,
Был он еще сосунком похищен у матки и вскормлен
Тирра детьми и самим родителем Тирром, который
Царские пас стада и стерег окрестные пашни.
Сильвия, дочь пастуха, о ручном заботилась звере,
Нежных цветов плетеницы ему вкруг рогов обвивала,
Гребнем чесала шерсть и купала в источнике чистом.
Трогать себя позволял и к столу подходил он охотно
И, набродившись в лесах, всегда к знакомым порогам
Сам возвращался назад, хоть порой и позднею ночью.
Это его вдалеке учуяли Юла собаки.
Зверя вспугнули они, когда, от зноя спасаясь,
Плыл он вниз по реке в тени зеленых откосов.
Сам Асканий, горя желаньем охотничьей славы,
Лук согнул роговой и стрелу в оленя направил.
Бог неверной руке помог: с тетивы зазвеневшей
С силой стрела сорвалась и в утробу зверю вонзилась.
Раненый мчится олень домой, под знакомую кровлю,
В стойло со стоном бежит, истекая кровью обильной,
И, словно слезной мольбой, весь дом своей жалобой полнит.
Сильвия, первой его увидав, ударяет руками
В грудь, и на помощь зовет, и соседей суровых скликает.
Тотчас же (ибо в лесной Аллекто́ затаилась засаде)
Все прибегают: один узловатую тащит дубину,
Кол обожженный — другой. Превращает ярость в оружье
Все, что нашлось под рукой. И Тирр, что, клинья вгоняя,
В щепы раскалывал дуб, топор поспешно хватает,
Односельчан созывает в ряды, безудержный в гневе.
Злая богиня, решив, что для распри время приспело,
Из лесу мчится скорей и с кровли хлева покатой
Громко трубит в изогнутый рог и пастушьим призывом
Все будоражит вокруг: содрогнулась от адского рева
Роща, и шум пробежал по вершинам дремучего леса,
Тривии озеро звук услыхало, услышал сернистый
Нар с белесой водой и Велина исток отдаленный,
Матери в страхе тесней к груди прижали младенцев.
Быстро труба Аллекто́ собирает зычным призывом
Буйные толпы — и вот, на ходу хватая оружье,
В бой земледельцы бегут; но из лагеря Юлу на помощь
Воины Трои спешат, распахнувши настежь ворота.
Стали противники в строй. Началась уж не дикая свалка,
В ход не дубины идут и не колья с концом обожженным, —

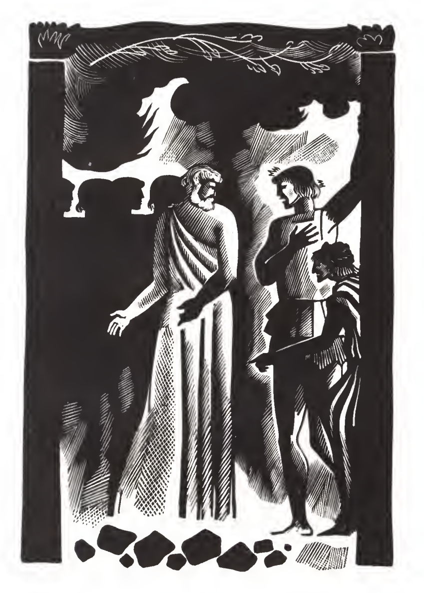
Боя решает исход секир двуострых железо,
Частой стернею клинков ощетинилась черная нива,
Медь на солнце горит и мечет отблески к небу.
Так под ветром сперва покрывается белою пеной
Море, потом все сильней и выше вздымаются волны,
И, наконец, до небес глубокая плещет пучина.
Вот просвистела стрела, и в переднем ряду италийцев
Юный Альмон упал, прекрасный первенец Тирра:
В горло впилось острие, и дорогой голоса влажной
В рану хлынула кровь, пресекая жизнь и дыханье.
Валятся наземь тела. Простерт Галез престарелый
В миг, когда вышел вперед он, чтоб стать посредником мира
(Всех справедливей он был и богаче в краю Авзонийском:
Пять овечьих отар, пять стад коров загонял он
В хлевы, и сто плугов поля́ его бороздило).

Бились покуда враги, одолеть не в силах друг друга,
Взмыла ввысь Аллекто, обещанье исполнив и кровью
Павших в первом бою напоив ненасытную распрю,
К своду крутому небес унеслась от земли Гесперийской,
Гордо Юноне она, торжествуя победу, сказала:
«Вот тебе все: и война, и раздор, разделивший народы.
Вновь попробуй теперь их связать союзом и дружбой,
После того как гостей окропила я кровью латинской.
Больше сделаю я, если воля твоя неизменна:
Ближние все города подниму и, слухи посеяв,
Дух авзонийцев зажгу безумной к битвам любовью,
Всех на подмогу пошлю, все поля покрою оружьем».
Молвит Юнона в ответ: «Довольно страхов и козней,
Повод есть для войны, и враги схватились вплотную,
Случай вручил им мечи — но клинки уж отведали крови.
Пусть же такую они теперь отпразднуют свадьбу —
Славный Венеры сын и царь Латин вероломный.
Но не дозволил Отец, повелитель великий Олимпа,
Чтобы при свете дня ты носилась по́ небу вольно.
Прочь уходи! Если ну́жны еще труды и усилья,
Справлюсь я и сама!» Так Сатурна дочь говорила.
Фурия, крылья раскрыв, на которых змеи шипели,
Верхний покинула мир, улетела в обитель Коцита.
Есть в Италийской земле меж горами высокими место,
Славится всюду оно, и молвой поминается часто
Имя Ампсанктских долин. Густолистым покрытые лесом

Кручи с обеих сторон нависают здесь, и меж ними
Речка, гремя по камням и клубясь воронками, мчится.
Здесь зияет провал пещеры — в страшное царство
Дита отверстая дверь; Ахеронта волной вредоносной
Выход этот пробит, чрез который эриния скрылась,
Мерзкая всем, от себя избавив землю и небо.

Дочь Сатурна меж тем, завершая фурии дело,
Пуще раздор разжигать принялась. Устремляется в город
С поля рать пастухов и несет с собою убитых —
Альмона тело и труп изувеченный старца Галеза.
Все взывают к богам и Латина в свидетели кличут,
Тевкров в убийстве винят. Появляется Турн средь смятенья,
Множит укорами страх: недаром призваны тевкры,
Сам он отвергнут не зря — царь желает с кровью фригийской
Кровь свою слить. И пока по лесам в вакхическом буйстве
Матери мчат без пути, увлекаемы славой Аматы,—
Их сыновья, собравшись толпой, к Маворсу взывают.
Знаменьям всем вопреки, вопреки велениям рока,
Требуют люди войны, извращая волю всевышних.
Царский дворец окружив, как на приступ, латиняне рвутся,
Царь же незыблем и тверд, как утес в бушующем море,
Словно в море утес, когда он средь растущего гула
Всей громадой своей отражает бешеный натиск
Воющих волн, а вокруг громыхают скалы и камни
В пене седой, и с боков отрываются травы морские.
Но, уж не в силах сломить слепую волю сограждан
(Все совершалось в тот миг по манию гневной Юноны),
Царь, взывая к богам и к пустому небу, воскликнул:
«Рок одолел нас, увы! За собой нас вихрь увлекает!
Сами запла́тите вы своей святотатственной кровью,
О злополучные! Ждет и тебя, о Турн, за нечестье
Горькая казнь, и поздно богам принесешь ты обеты.
Мне ж уготован покой, но, хоть гавань открыта для старца,
Мирной кончины и я лишился». Вымолвив, смолк он
И, запершись во дворце, бразды правленья оставил.

Есть обычай один в Гесперийском Лации; прежде
Свято его блюли города альбанцев, а ныне
Рим державный блюдет, начиная Марсовы брани,
Гетам ли он готовит войну и плачевную участь,
В грозный идет ли поход на гиркан, арабов иль индов,

«Энеида»

Книга шестая

Шлет ли войска навстречу заре, чтоб значки легионов
Римских отнять у парфян. Почитают все как святыню
Двери двойные войны, перед Марсом яростным в страхе;
На сто засовов они из железа и меди надежно
Заперты, и ни на миг не отходит бдительный Янус.
Но коль в сенате отцы порешат, что война неизбежна,
Консул тогда, облачен по-габински надетою тогой
И квиринальским плащом, отворяет скрипучие створы,
Граждан на битву зовет, и за ним идут они следом,
В хриплые трубы трубят, одобренье свое изъявляя.
Должен был бы Латин, объявляя войну энеадам,
Мрачную дверь отворить, соблюдая тот же обычай,—
Но погнушался отец совершить обряд ненавистный,
Скрылся во мраке дворца, роковых не коснувшись запоров.
Тут слетела с небес царица богов и толкнула
Створы своею рукой; неподатливый шип повернулся,
Прочный сломался засов — и двери войны распахнулись.

Мирный и тихий досель, поднялся весь край Авзонийский.
В пешем строю выходят одни, другие взметают
Пыль полетом коней, и каждый ищет оружье.
Тот натирает свой щит и блестящие легкие стрелы
Салом, а этот вострит топор на камне точильном,
Радуют всех войсковые значки и трубные звуки.
Звон наковален стоит в пяти городах: обновляют
Копья, доспехи, мечи в Крустумерии, в Тибуре гордом,
В Ардее, в стенах Антемн башненосных и в мощной Атине.
Тела прикрытье — щиты — плетут из ивовых прутьев,
Полый куется шлем и надежный панцирь из меди,
Мягкие гнутся листы серебра для блестящих поножей.
Больше ни серп не в чести, ни плуг: пропала к орудьям
Мирным любовь; лишь наследственный меч накаляется в горне.
Трубы ревут, идет по рукам дощечка с паролем.
Шлем со стены снимает один, другой запрягает
Бьющих копытом коней, или верный меч надевает,
Или кольчугу, из трех золотых сплетенную нитей.

Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона,
Песнь о царях, что на бой поднялись, и о ратях начните,
Песнь о мужах, что цвели в благодатной земле Италийской
В давние эти века, о сраженьях, в стране запылавших.
Сами вы помните все и поведать можете, девы,
Нам, до которых едва дуновенье молвы долетело.

Первым выстроил рать и на бой из Тирренского края
Враг надменный богов, суровый вышел Мезенций.
Юный сын его Лавз был рядом с ним; красотою
Только Турн, лаврентский герой, его превзошел бы.
Лавз, укротитель коней и лесных зверей победитель,
Тысячу вел за собой — но вотще! — мужей агиллинских;
Был он достоин иметь не такого вождя, как Мезенций,
Лучшего также отца — не Мезенция — был бы достоин.

Следом летел по лугам в колеснице, пальму стяжавшей,
Гордый победой коней прекрасного сын Геркулеса,
Столь же прекрасный и сам, Авентин; в честь отца он украсил
Щит свой сотнею змей — оплетенной гадами гидрой.
Рея-жрица его средь лесов на холме Авентинском
Тайно на свет родила, сочетавшись — смертная — с богом,
Тою порой как, убив Гериона, Лаврентские пашни
Мощный тиринфский герой посетил и в потоке Тирренском
Выкупал стадо быков, в Иберии с бою добытых.
Воины копья несут и шесты с оконечьем железным,
Круглым клинком поражают врагов и дротом сабинским.
В шкуру огромного льва с ощетиненной грозною гривой
Был одет Авентин; голова с белозубою пастью
Шлемом служила ему. Так, набросив покров Геркулесов
Нá плечи, в царский дворец входил воитель суровый.

Следом два близнеца покидают Ти́бура стены
(Город был так наречен в честь Тибуртия, третьего брата),
Пылкий Кор и Катилл, молодые потомки аргивян.
Братья всех впереди через чащу копий несутся,—
Так с Офрийских вершин или с круч заснежённых Гомолы
Быстрым галопом летят два кентавра, рожденные тучей,
И расступается лес перед ними, бегущими бурно,
С громким треском вокруг ломается частый кустарник.

Не уклонился от битв и создатель твердынь пренестинских
Цекул; верят века преданью о том, что, Вулканом
В сельской глуши рожденный средь стад, в очаге был он найден.
Строем широким шагал за царем легион деревенский,—
Все, кто в Пренесте живет, кто холодным вспоён Аниеном
Иль Амазеном-отцом, кто в полях Габинских, любезных
Сердцу Юноны, взращен, или в щедрой Анагнии, или
В крае ручьев, меж Ге́рникских скал. Без щитов, без доспехов,

Без колесниц выступают они; свинец тускло-серый
Мечут одни из пращей, у других — два дротика легких
В крепких руках; вместо шлемов у всех чело защищают
Бурые шкуры волков, и босою левой ногою
Пыль попирают они — лишь на правой сапог сыромятный.

Также Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль,—
Ранить его не дано никому ни огнем, ни железом,—
Весь свой праздный народ и от битв отвыкшее войско
Тотчас к оружью призвал и меч схватил в нетерпенье.
Он фесценнинцев ряды ведет и эквов-фалисков,
Тех, кто живет на Флавинских полях и на кручах Соракта,
В рощах Капены и там, где над озером холм Циминийский.
Мерно ступали они и властителя славили песней,—
Так между туч дождевых лебедей белоснежная стая
С пастбищ обратно летит и протяжным звонким напевом
Все оглашает вокруг, и ему Азийские вторят
Топь и поток.
Если б смешались ряды, то не ратью, в медь облаченной,
Всем бы казались они, но пернатых плотною тучей,
Что из просторов морских к берегам возвращаются с криком.

Мощные вывел войска и потомок древних сабинян,
Клавз, который и сам подобен мощному войску:
Клавдиев племя и род от него пошли и проникли
В Лаций, когда уделил место в Риме сабинянам Ромул.
С ним амитернский отряд и когорта древних квиритов,
Все, что в Эрете живут и в оливковых рощах Метуски,
Иль на Розейских полях близ Велина, иль в стенах Номента,
Иль на Севéрской горе и на Тéтрикских скалах суровых;
Все, что из Форул пришли, из Касперии, быстрой Гимеллы,
Все, кого Тибр поит и Фабарис, кто из холодной
Нурсии прибыл и кто из Латинских пределов, из Горты,
Жители мест, где текут зловещей Аллии струи,—
Воинов столько же шло, сколько волн бушует в Ливийском
Море, когда Орион в ненастные прячется воды,
Сколько в Ликийских полях золотых иль на нивах над Гермом
Спелых колосьев стоит под солнцем нового лета.
Звон раздается щитов, и земля гудит под ногами.

Вслед Агамемнона друг, Алез, ненавистник троянцев,
Впряг в колесницу коней и воинственных сотни народов
Турну на помощь повел: тех, что пашут Массик, счастливый
Вакха дарами, и тех, кого аврункские старцы

Выслали в бой от высоких холмов и равнин Сидицина,
Тех, что из Калы пришли и от струй мелководных Вольтурна;
Оски шли за царем и суровые сатикуланцы.
Тонкий дротик, из тех, что ремнем привязаны гибким,
Каждый воин несет и кожаный щит для прикрытья;
Меч кривой на боку, чтобы им в рукопашную биться.

Óбал! Также тебя помянуть не забуду я в песне.
Нимфой Себета речной был рожден ты Гелону, который
Правил на склоне годов телебоями в царстве Капрейском.
Но уж давно его сын, не довольствуясь отчим наделом,
Власти своей подчинил племена, что живут на равнинах,
Сарна обильной струей орошенных; ему покорились
Жители Бáтула, Руфр, земледельцы на нивах Целемны,
Те, на кого с высоты плодоносные смотрят Абеллы.
Все на тевтонский лад бросают кельтские копья,
Пробковый дуб ободрав, из коры его делают шлемы,
Искрятся медью мечи, и щиты их искрятся медью.

В битву также тебя послали гористые Нерсы,
У́фент, прославленный царь, неизменно счастливый в сраженьях,
Тверд и суров твой народ и привычен к долгим охотам
В дебрях лесных и к нелегкой земле Экви́кульских пашен.
Здесь земледельцы идут за плугом с мечом и в доспехах,
Любят они за добычей ходить и жить грабежами.

Также служитель богов из Маррувия, города марсов,
Прибыл отважный Умброн по веленью владыки Архиппа,
Шлем увенчав зеленой листвой плодоносной оливы.
Гадов ползучий род и гидр с ядовитым дыханьем —
Всех он умел усыплять прикасаньем руки иль заклятьем,
Ярость змей укрощал, врачевал их укусы искусно.
Но, поражен дарданским копьем, не мог исцелить он
Рану свою: ни слова навевающих дрему заклятий
Не помогли ведуну, ни травы с марсийских нагорий.
Рощ Ангитийских листвой и Фуцина стеклянной волною,
Влагой озер оплакан ты был.

Шел сражаться и ты, Ипполита отпрыск прекрасный,
Вирбий. Ариция в бой тебя послала родная,
В ней ты возрос, где шумит Эгерии роща, где влажен
Берег, где тучный алтарь благосклонной Дианы дымится.

Ибо преданье гласит: когда Ипполита сгубили
Мачехи козни и месть отца, когда растерзали
Тело его скакуны, в исступленном летевшие страхе,—
Вновь под небесный свод и к светилам эфира вернулся
Он, воскрешен Пеана травой и любовью Дианы.
Но всемогущий Отец, негодуя на то, что вернулся
Смертный из царства теней к сиянью сладкому жизни,
Молнию бросил в того, кто лекарство создал искусно,
Феборожденного сам к волнам стигийским низринул.
А Ипполит между тем унесен благодатной Дианой
В рощи Эгерии был и сокрыт в приюте надежном.
Имя себе изменив и назвавшись Вирбием, здесь он
Век в безвестности свой средь лесов провел италийских.
Вот почему и теперь в заповедную Тривии рощу
К храму доступа нет крепконогим коням, что на скалы
Юношу сбросили, мчась от морского зверя в испуге.
С пылом отцовским и сын скакунов гонял по равнинам.
Он и сейчас на битву летел, колесницею правя.

Турн средь первых рядов, то там, то тут появляясь,
Ходит с оружьем и всех красотой превосходит и ростом.
Шлем украшает его Химера с гривой тройною,
Дышит огнем ее пасть, как жерло кипящее Этны,—
Чем сраженье сильней свирепеет от пролитой крови,
Тем сильней и она изрыгает мрачное пламя.
В левой руке его щит, а на нем — златорогая Ио,
Шерстью покрыта уже, уже превращенная в телку;
Аргус ее стережет на щите огромном, и рядом
Ѝнах-отец изливает поток из урны чеканной.
В пешем строю за царем щитоносное движется войско,
Плотною тучей поля покрывая: выходят аврунки,
Древних сиканцев отряд, и аргивян, и рутулов славных,
Вслед — из Лабиция рать, со щитами цветными сакрапы,
Те, кто долины твои, Тиберин, и Нумиция берег
Пашут священный и плуг ведут по холмам рутулийским,
Иль по Цирцейским горам, или там, где нивами правит
Анксур-Юпитер и с ним Ферония, рощи владыка,
Там ли, где Са́туры топь, где по темным низинам студеный
Уфент ищет пути, чтобы в море излить свои воды.

Вместе с мужами пришла и Камилла из племени вольсков,
Конных бойцов отряд привела, блистающий медью.
Руки привыкли ее не к пряже, не к шерсти в кошницах,

Дева-воин, опа трудов Минервы не знала,—
Бранный был ведом ей труд и с ветрами бег вперегонки.
В поле летела она по верхушкам злаков высоких,
Не приминая ногой стеблей и ломких колосьев,
Мчалась и по морю, путь по волнам пролагая проворно,
Не успевая стопы омочить в соленой пучине.
Смотрит ей вслед молодежь, поля и кровли усеяв,
Издали матери ей дивятся в немом изумленье;
Глаз не в силах толпа отвести от нее, лишь завидит
Пурпур почетный, что ей окутал стройные плечи,
Золото пряжки в кудрях, ликийский колчан за спиною,
Острый пастушеский дрот, из прочного сделанный мирта.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Только лишь выставил Турн на Лаврентской крепости знамя,
Знак подавая к войне, и трубы хрипло взревели,
Только лишь резвых коней он стегнул, потрясая оружьем,
Дрогнули тотчас сердца, и весь, трепеща в нетерпенье,
Лаций присягу дает, и ярится буйная юность.
Первые между вождей — Мессап и У́фент и с ними
Враг надменный богов, Мезенций,— приводят на помощь
Войску отряды, согнав земледельцев с полей опустевших.
Ве́нул отправлен послом к Диомеду великому в город,
Звать на помощь его и поведать, что прибыли в Лаций
Тевкров суда и с собой привезли побежденных пенатов,
Что утверждает Эней, будто царский престол предназначен
Роком ему, что много племен к дарданцам примкнуло,
Ибо слава вождя возрастает в крае Латинском.
Что же замыслил Эней и чего стремится достигнуть,
Если будет к нему благосклонна в битвах Фортуна,—
То Диомеду видней, чем царю Латину иль Турну.

Вот что в Латинской земле совершалось в то время. И это
Видит Эней — и в душе, словно волны, вскипают заботы,
Мечется быстрая мысль, то туда, то сюда устремляясь,
Выхода ищет в одном и к другому бросается тотчас.
Так, если в чане с водой отразится яркое солнце
Или луны сияющий лик,— то отблеск дрожащий
Быстро порхает везде, и по комнате прыгает резво,
И, взлетев к потолку, по наборным плитам играет.
Ночь опустилась на мир, и в глубокой дреме забылись

Твари усталые — птиц пернатое племя и звери.
Только родитель Эней, о печальной войне размышляя,
Долго в тревоге не спал и лишь в поздний час под холодным
Небом у берега лег, обновляя силы покоем.
Тут среди тополей, из реки поднявшись прекрасной,
Старый бог этих мест, Тиберин явился герою;
Плащ голубой из тонкого льна одевал ему плечи,
Стебли густых тростников вкруг влажных кудрей обвивались.
Так он Энею сказал, облегчая заботы словами:
«Славный потомок богов! От врагов спасенную Трою
Нам возвращаешь ты вновь и Пергам сохраняешь навеки.
Гостем ты долгожданным пришел на Лаврентские пашни,
Здесь твой дом и пенаты твои — отступать ты не должен!
Грозной войны не страшись: кипящий в сердце бессмертных
Гнев укротится, поверь.
Думаешь ты, что тебя сновиденье морочит пустое?
Знай: меж прибрежных дубов ты огромную веприцу встретишь,
Будет она лежать на траве, и детенышей тридцать
Белых будут сосать молоко своей матери белой.
Место для города здесь, здесь от бед покой обретешь ты.
Тридцать кругов годовых пролетят — и Асканий заложит
Стены, и городу даст он имя славное — Альба.
Это ты знаешь и сам. А теперь со вниманьем послушай:
Как победить в грозящей войне, тебя научу я.
В этом краю аркадцы живут, Палланта потомки;
В путь за Эвандром они, за знаменем царским пустились,
Выбрали место себе меж холмов, и построили город,
И нарекли Паллантеем его в честь предка Палланта.
Против латинян они ведут войну непрестанно,
С ними союз заключи, призови в свой лагерь на помощь.
Сам вдоль моих берегов по реке тебя поведу я,
Чтобы на веслах ты мог подняться против теченья.
Сын богини, проснись! Уж заходят ночные светила,
Тотчас Юноне мольбы вознеси по обряду, чтоб ими
Гнев ее грозный смирить. А меня и после победы
Можешь почтить. Пред тобой полноводной смыкающий гладью
Склоны двух берегов, через тучные нивы текущий
Тибр, лазурный поток, небожителей сердцу любезный.
Здесь величавый мой дом, столица столиц, вознесется!»

Кончил речь свою бог и в глубокой заводи скрылся.
Тотчас же сонная тьма с очей Энея слетела,
Встал он, взгляд устремил восходящему солнцу навстречу,

Влагу речную в горсти по обряду поднял высоко,
Молвил, мольбы обратив к просторам светлеющим неба:
«Нимфы лаврентские, вы, породившие племя потоков,
Ты, отец Тиберин, с твоей рекою священной,
Нас храните от бед и на лоно примите Энея!
Где бы ни бил из земли твой родник, в каких бы озерах
Твой ни таился исток,— ты, кто сжалился в горе над нами,
Будешь всегда дарданцами чтим, всегда одаряем,
Бог рогоносный речной, Гесперийских вод повелитель,—
Знак мне яви, о благой, подтверди свои прорицанья!»
Вымолвив, два корабля двухрядных выбрал из флота,
Спутникам роздал мечи и число гребцов он пополнил.

Тут изумленным очам внезапно чудо явилось:
Веприцу между стволов увидали белую тевкры,
С выводком белым она на траве лежала прибрежной.
Тотчас справляет обряд дарданский вождь и приносит
В жертву свинью и приплод на алтарь твой, царица бессмертных.
Воды Тибр укротил, всю ночь бурлившие грозно,
Ток свой быстрый сдержал и смирил шумливые волны,
Тихая, словно в пруду иль в стоячем топком болоте,
Гладь простерлась реки, не противясь вёсел усильям.
Мчатся быстрей корабли, и рокочут приветливо струи,
Плавно скользит смолёная ель, и волны дивятся,
Берег дивится лесной небывалому зрелищу, видя,
Как на корме расписной сверкает медью оружье.
Веслами влагу гребцы и днем и ночью тревожат.
Скрыты стеною лесов, плывут вдоль долгих излучин
И рассекают ладьи в реке отраженную зелень.
Солнца огненный круг с вершины неба спускался
В час, когда тевкры вдали увидали твердыню и стены,
Редкие кровли домов, что теперь до неба возносит
Гордый Рим; а тогда владел небогатым наделом
Царь Эвандр. И к нему корабли повернули дарданцы.

Праздничным был этот день: приносил владыка аркадцев
Сыну Алкмены и всем богам торжественно жертвы
В роще у стен городских. Паллант с родителем рядом,
Граждан цвет молодых и сенаторы в бедных одеждах
Ладан жгли, и алтарь дымился теплою кровью.
Вдруг сквозь чащу они увидали: мчатся все ближе
Стройные два корабля, и бесшумно работают весла.

Смотрят со страхом на них и срываются с места аркадцы,
Бросив столы. Но отважный Паллант прерывать запрещает
Им священный обряд и, с копьем к реке устремившись,
Издали кличет с холма: «Какая нужда, о пришельцы,
Вас погнала в неизведанный путь? Куда вы плывете?
Кто вы? Откуда ваш род? Нам войну или мир принесли вы?»
Молвил в ответ родитель Эней и с кормы корабельной
К юноше руку простер с миротворной ветвью оливы:
«В Трое мы рождены, и враждебны латинянам наши
Копья: на нас, беглецов, нападает надменное племя.
Мы к Эвандру плывем. Так скажите ж ему, что явились
Во́йска дарданцев вожди о подмоге просить и союзе».
Замер Паллант, поражен незнакомцев именем славным:
«Кто бы ты ни был, сойди на берег скорей и поведай
Сам отцу обо всем и гостем будь в нашем доме!»
Юноша долго в руке сжимает руку героя,
Вместе берег они покидают и в рощу вступают.

Дружеской речью Эней царя приветствовал, молвив:
«Лучший из греков, из всех, к кому по воле Фортуны
Я обращался с мольбой, простирая увитые ветви!
Не устрашило меня, что данайцев ты вождь и аркадец,
Связанный кровным родством с Агамемноном и Менелаем.
Вера в доблесть мою и богов прорицанья святые,
Громкая слава твоя и наши общие предки,—
Все заставляло меня стремиться к тебе и с охотой
Выполнить волю судьбы. Ведь был среди тевкров пришельцем
Трои создатель Дардан, Атлантидой Электрой рожденный
(Греки так говорят). А отцом прекрасной Электры
Был многомощный Атлант, подпирающий небо плечами.
Вам же Меркурий — отец, а он на студеной Киллене
В горных лесах был зачат и рожден Юпитеру Майей;
Майи родителем был, если верить можно преданьям,
Тот же Атлант, подъемлющий свод многозвездного неба.
Значит, вырос твой род из того же корня, что род мой.
Помня об этом, к тебе я послов не слал, не старался
Ловко тебя испытать, но, судьбу и жизнь тебе вверив,
Сам я пришел и с мольбой к твоему явился порогу.
Да́вново племя на нас, как на вас, ополчилось войною;
Рутулы мнят, что, тевкров изгнав, уж не встретят преграды
И Гесперийскую всю повергнут землю под иго,
Оба себе подчинив ее омывающих моря.
Клятву мне дай и прими! Ведь средь нас немало отважных

В битвах сердец, немало бойцов, испытанных в деле».
Так Эней говорил. А царь собеседнику в очи
Пристальным взором смотрел и разглядывал долго героя.
Кратко он молвил в ответ: «О ка́к, храбрейший из тевкров,
Рад я тебя принять и узнать! Как счастлив я вспомнить
Облик Анхиза-отца и голос друга услышать!
Помню я: некогда сын владыки Лаомедонта,
Ехал к сестре Гесионе Приам в Саламинское царство
И по пути посетил холодной Аркадии землю.
Юность первым пушком мне щеки тогда одевала,
Всем я дивился гостям — и троянским вождям, и Приаму,—
Но выделялся Анхиз и средь них красотою и ростом.
Юной любовью к нему загорелось в груди моей сердце,
Жаждал я с ним в беседу вступить, пожать ему руку.
Вот почему я к нему подошел и увел за собою
В дом Финея. И он на прощанье плащ златотканый
Мне подарил, и колчан, ликийскими стрелами полный,
И золотую узду,— я теперь ее отдал Палланту.
Тот, что ты просишь, союз уж давно заключен между нами,
Вам и припасов я дам, и завтра, чуть загорится
Новый рассвет, вы пуститесь в путь, подкрепленьем довольны.
Ныне же, если пришли вы на праздник наш ежегодный,
С нами справьте его (отложить мы не вправе обряды),
К новым союзникам вы привыкайте за трапезой общей!»

Вымолвив так, повелел он снова кубки расставить,
Яства подать и гостей усадил на сиденья из дерна;
Только Энея Эвандр отличил, пригласив его рядом
Сесть на кленовый престол, на мохнатую львиную шкуру.
Юноши тут во главе со жрецом приносят проворно
Бычьи туши с огня и корзины с дарами Цереры,
Тяжкие ставят на стол кувшины с Вакховой влагой.
Мясо с бычьих хребтов вкушают Эней и троянцы,
Также и части берут, что для жертв очистительных ну́жны.

Только лишь голод гостей утолен был лакомой пищей,
Начал владыка Эвандр: «Не пустым суеверьем, забывшим
Древних деянья богов, нам навязаны эти обряды:
Чтим мы обычай пиров и алтарь великого бога
В память о том, как все мы спаслись от страшной напасти,
И по заслугам дары избавителю снова приносим.
Прежде, троянский мой гость, погляди на утес тот нависший:

Видишь,— отброшены вдаль обломки скал, и покинут
Дом на склоне горы, и с откоса осыпались камни.
Там пещера была, и в глубинах ее недоступных
Прятался Как-полузверь и скрывал от света дневного
Гнусный свой лик. У пещеры его увлажненная теплой
Кровью дымилась земля, и прибиты над дверью надменной
Головы были мужей, оскверненные гноем кровавым.
Чудище это Вулкан породил,— потому-то из пасти
Черное пламя и дым изрыгал великан кровожадный.
Время, однако, и нам принесло желанную помощь,
Бога к нам привело. Появился мститель великий:
Подвигом гордый, сразив Гериона трехтелого в битве,
Прибыл в наш край победитель Алкид и добычу, ликуя,—
Стадо огромных быков — вдоль реки он гнал по долине.
Кака неистовый дух соблазняло любое злодейство,
Хитрость любая; не мог он и тут удержаться от козней:
Самых прекрасных быков четырех увел он из стада,
Столько же телок украл, отобравши самых красивых.
Но, чтобы след их прямой похитителя тотчас не выдал,
Чтобы указывал он в обратную сторону,— вел их
Дерзкий разбойник за хвост, и упрятал в недрах пещеры.
Ищущим путь указать не могли никакие приметы.
С пастбища тою порой погнал Юпитера отпрыск
Сытое стадо свое, чтобы дальше в дорогу пуститься.
Тут замычали быки, огласив призывом протяжным
Рощи окрест, и с холмов побрели они с жалобным ревом.
Голос в ответ подала из пещеры глубокой корова,
Сделав напрасными вмиг сторожившего Кака надежды.
Гневом вспыхнул Алкид, разлилась от обиды по жилам
Черная желчь; узловатую он хватает дубину,
Мчится по склонам крутым к поднебесной горной вершине.
Тут-то впервые мы все увидали испуганным Кака:
Бросился тотчас бежать в испуге он прямо к пещере,
Эвра быстрей полетел, словно выросли крылья от страха.
Цепи железные он оборвал, на которых над входом
Камень тяжелый висел, прилаженный отчим искусством,
Глыбою дверь завалил и в пещере заперся прочно.
Но приближался уже, скрежеща зубами свирепо,
Славный тиринфский герой и рыскал яростным взором
В поисках входа везде. Обежал он, гневом пылая,
Трижды весь Авентин, понапрасну трижды пытался
Камень-затвор отвалить и садился трижды, усталый.
Глыба кремня на хребте над пещерой Кака стояла,

Между утесов крутых выдаваясь острой вершиной;
Там, как в удобном дому, гнездились гнусные птицы.
Влево клонилась она, над рекой нависая высоко,—
Справа налег Геркулес и скалу расшатал, обрывая
Корни в недрах горы, и, со склона обрушившись, глыба
Пала; паденье ее отдалось словно громом в эфире,
Дрогнули берег и дол, и поток отхлынул в испуге.
Кака подземный чертог открылся взору Алкида,
Новый провал обнажил глубины темной пещеры,—
Так разверзает порой напор неведомой силы
Пропасть в толще земной, и богам ненавистное царство
Взору является вдруг в глубине зияющей бездны,
И от проникших лучей трепещут бледные маны.
Вор, застигнут врасплох внезапно хлынувшим светом,
Заперт в полой скале, метался с воем истошным;
Стрелами сверху его осыпал Геркулес и любое
В ход оружье пускал — и огромные камни, и сучья.
Видит Как, что ему от погибели некуда скрыться;
Начал он дым изрыгать из пасти,— дивное дело! —
Все свое логово мглой непроглядной наполнил поспешно.
Зренья героя лишив, сгустилась под сводом пещеры
Дымная тьма — лишь порой прорезáл ее пламени отблеск.
Тут не стерпел Геркулес и в провал, огнем полыхавший,
Прыгнул стремглав — туда, где сильней колыхался волнами
Дым, где черный туман по пещере бурно клубился.
Кака во тьме он настиг, изрыгавшего дым бесполезный,
Крепко руками обвил, и прижал, и сдавил его, так что
Вылезли тотчас глаза, пересохло бескровное горло.
Двери сорвав, отворил Геркулес пещеру злодея,
Небо увидело вновь похищенный скот (отпирался
Вор понапрасну) и труп безобразный, который Алкидом
За ноги вытащен был. А мы, наглядеться не в силах,
Страшным дивимся глазам и мохнатой груди полузверя,
Смотрим в раскрытую пасть, из которой не бьет уже пламя.
С той поры Геркулеса мы чтим, и потомки охотно
Праздник этот блюдут. А Потиций — его учредитель,
С ним Пинариев дом хранит Геркулеса святыни.
Этот алтарь, что у нас будет зваться Великим вовеки,
Бог воздвиг, чтобы он был для нас великим вовеки.
Юноши! С нами и вы почтите подвиг столь славный,
Свежей листвой увенчайте чело и, кубки подъемля,
К общему богу воззвав, возлиянье вином сотворите».
Молвил — и в кудри себе Геркулесова тополя ветви

Вплел он, и пали ему на чело двухцветные листья.
Кубок священный своей он наполнил рукой — и немедля
Гости, взывая к богам, над столом творят возлиянье.

Ниже Веспер меж тем спустился по склону Олимпа.
Вот подходят жрецы во главе с Потицием ближе,
Факелы держат они, по обычаю в шкуры одеты.
Вновь накрывают на стол: те, что после пира приятны,
Яства несут и алтарь отягчают блюдами щедро.
Салии с песней меж тем окружают жертвенник дымный,—
Тополя ветви у всех вкруг висков обвиваются мягко.
Слева — юношей хор, а справа — старцев, и песней
Подвиги бога они прославляют: как задушил он
Змей, что ему в колыбель были посланы мачехой злобной,
Как Эхалии он и Трои могучие стены
Приступом взял и сколько трудов он вынес суровых,
Отданный в рабство царю Эврисфею по воле Юноны.
«Ты, кто стрела́ми настиг, необорный, Гилея и Фола —
Тучи двувидных сынов, ты, сразивший критское диво
И под Немейской скалой исполинского льва победивший!
Страшен и Стиксу ты был, и псу, что Орк охраняет,
Лежа на груде костей обглоданных в гроте кровавом,—
Ты же страха не знал: ни чудовищ вид, ни Тифея
Поднятый меч не пугали тебя, был ясен твой разум
В час, когда Лерны змея тебе сотней жал угрожала.
Праздник свой посети, громовержца истинный отпрыск,
К нам благосклонен пребудь, Олимпа новая гордость!»
Бога песней такой прославляли они, прибавляя
Повесть о Каке, о том, как наполнил он дымом пещеру.
Роща вторила им, и эхом холмы отвечали.

Праздничный был закончен обряд, и в город обратно
Двинулись все. Впереди шел Эвандр, удрученный годами,
Рядом с собой удержал Энея он и Палланта
И, чтобы путь скоротать, о многом беседовал с ними.
Смотрит Эней, проворный свой взор обращая повсюду:
Место ему по душе. Обо всем расспросить он стремится,
Радостно слушает все, что о древних мужах повествует
Царственный старец Эвандр, основатель римской твердыни:
«Жили в этих лесах только здешние нимфы и фавны;
Племя первых людей из дубовых стволов тут возникло.
Дикие нравом, они ни быков запрягать не умели,
Ни запасаться ничем, ни беречь того, что добыто:

Ветви давали порой да охота им скудную пищу.
Первым пришел к ним Сатурн с высот эфирных Олимпа,
Царства лишен своего, устрашен оружием сына.
Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались,
Слил в единый народ, и законы им дал, и Латинской
Землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.
Век, когда правил Сатурн, золотым именуется ныне:
Мирно и кротко царил над народами бог,— но на смену
Худший век наступил, и людское испортилось племя,
Яростной жаждой войны одержимо и страстью к наживе.
Вскоре явились сюда авзонийская рать и сиканы,
Стали менять имена все чаще Сатурновы пашни.
Много здесь было царей и средь них — суровый и мощный
Тибр,— в честь него нарекли и реку италийскую Тибром,
И потеряла она старинное Альбулы имя.
Так же меня, когда я, из родного изгнанный края,
В море бежал, всемогущая власть Фортуны и рока
В эти места привела, где и матерью, нимфой Карментой,
И Аполлоном самим мне остаться велено было».
Молвив, прошел он вперед и алтарь показал и ворота,
Что и по сей еще день Карментальскими в Риме зовутся,
Ибо доныне у всех здесь в почете имя Карменты,
Нимфы-провидицы, встарь предрекавшей великую славу
Роду Энея в веках и удел Паллантея высокий.
Рощу царь показал, которой Убежища имя
Ромул дарует опять, и под камнем холодным Луперкал
(Имя дано ему в честь паррасийского Пана-Ликея);
Лес Аргилетский Эвандр показал и, поклявшись священным
Этим местом, гостям о кончине Арга поведал;
Дальше к Тарпейской горе он повел их — теперь Капитолий
Блещет золотом там, где тогда лишь терновник кустился.
Но и тогда уже лес и скала вселяли священный
Трепет в простые сердца и внушали благоговенье.
Молвил Эвандр: «Ты видишь тот холм с вершиной лесистой?
Там обитает один — но не ведаем, кто — из бессмертных.
Верят аркадцы, что здесь мы Юпитера видим, когда он
Темной эгидой своей потрясает и тучи сзывает.
Видны еще там двух городов разрушенных стены,
Память о древних мужах, следы времен стародавних:
Янусом был основан один, другой же — Сатурном,
Звался Сатурнией он, а первый Яникулом звался».
Так в разговорах они до чертогов дошли небогатых
Старца Эвандра. Стада попадались навстречу повсюду —

Там, где Форум теперь и Карин роскошных кварталы.
Царь у порога сказал: «Сюда входил победитель —
Сын громовержца и был во дворце этом принят радушно.
Гость мой, решись, и презреть не страшись богатства, и дух свой
Бога достойным яви, не гнушаясь бедностью нашей».
Молвив, под низкий свой кров он могучего вводит Энея
И предлагает ему опочить на ложе из листьев,
Сверху набросив на них ливийской медведицы шкуру.

Ночь опустилась, обняв крылами темными землю.
Мать Венера, томясь ненапрасным страхом за сына,
Смутой встревожена злой и угрозами буйных латинян,
Речи такие вела в золотых палатах Вулкана,
Чтобы опять воспылал супруг божественной страстью:
«В годы, когда разоряли войной цари Арголиды
Отданный роком врагу Пергам, огню обреченный,
Я не просила тебя несчастным помочь и оружье
Выковать тевкрам твоей рукой искусной, супруг мой:
Я не хотела, чтоб ты свой растрачивал труд понапрасну,
Хоть перед царскими я была в долгу сыновьями
И со слезами не раз на труды Энея смотрела.
В землю рутулов он по веленью Юпитера прибыл,
Значит, вправе я — мать — молить о доспехах для сына.
К просьбе да будет твоя благосклонна священная воля:
Некогда внял ты Авроры слезам и мольбам Нереиды.
Сколько народов — взгляни! — собралось, какое оружье
Точат они на погибель и мне, и сыну, и внуку!»
Молвив, она обвила белоснежными мужа руками,
Нежно прильнула к нему, ибо он все медлил с ответом;
Жаром знакомым Вулкан загорелся тотчас, и пламя
В теле его разлилось, пробежав по костям и по жилам.
Огненной трещиной так разрывает темные тучи
Молний мигающий блеск под удары могучие грома.
Хитростям рада всегда и власть красоты своей зная,
Видит Венера, что вновь побежден он вечной любовью.
Молвит Вулкан: «Для чего начинаешь ты издали речи?
Где же твое доверье ко мне? Если б ты захотела,
Я и тогда бы посмел сковать для тевкров оружье:
Не запрещал ведь ни рок, ни Отец всемогущий, чтоб Троя
Десять еще простояла бы лет и продлилась Приама
Жизнь. И если теперь ты решилась готовиться к битвам,—
Все посулю, что стараньям моим и искусству под силу,

Все, что создать я могу, расплавляя электр и железо,
Все, что горнам моим и мехам доступно. Не нужно
Просьб: на силу мою положись». С такими словами
Ласкам желанным Вулкан предался, и мирной дремотой
Он опочил, поникнув на грудь супруги прекрасной.

Ночь прошла полпути, и часы покоя прогнали
Сон с отдохнувших очей. В это время жены, которым
Надобно хлеб добывать за станом Минервы и прялкой,
Встав, раздувают огонь, в очаге под золою заснувший,
И, удлинив дневные труды часами ночными,
Новый урок служанкам дают, ибо ложе супруга
Жаждут сберечь в чистоте и взрастить сыновей малолетних.
Столь же бодро восстал в такую же раннюю пору
С мягкого ложа и бог огнемощный, чтоб взяться за дело.
В море Сиканском лежит близ Липары Эоловой остров,
Скалы крутые на нем день и ночь окутаны дымом,
Почву под ними изъел огонь циклоповых горнов,
Гулко в пещерах звучат удары молотов тяжких,
Докрасна раскалено, скрежещет железо халибов,
Пламя гудит в очагах, и несется грохот наружу.
Здесь — Вулкана чертог, и Вулканией остров зовется.
С выси небесной сюда низошел огнемощный владыка.
Тут железо куют в огромном гроте циклопы:
Бронт, и могучий Стероп, и Пира́кмон с голою грудью.
Форму и блеск под руками у них в тот миг обретала
Молнии грозной стрела, какие во множестве мечет
С неба на землю Отец. Не закончили труд свой циклопы:
Облака три волокна, три нити ливня, три части
Алого пламени, три дуновенья летучего Австра
Сплавить успели они, а теперь добавляли сверканье,
Гул, и смятенье, и страх, и пожара проворного ярость.
Тут же крылатых колес ободья для Марса ковали,
Чтобы их грохотом в бой поднимал он мужей и твердыни.
Рядом Паллады доспех, наводящую ужас эгиду,
Спешно лощили — затем, чтобы золотом ярче блестела
Змей чешуя, чтоб грозней с груди богини глядела
Взором мертвых очей голова Горгоны убитой.
Молвит этнейским Вулкан циклопам: «Оставьте немедля
Все, что начали вы, и мне внемлите! Должны мы
Храброму мужу сковать доспехи. Теперь-то потребны
Сила, и рук быстрота, и наставник надежный — искусство.
Время терять нам нельзя!» И едва он закончил, циклопы

Сразу за дело взялись, разделив по жребъю работы.
Медь ру́чьями течет, и золото плавится в горнах,
Льется халибский металл, наносящий смертельные раны,—
Щит создается такой, чтобы стрелы и копья латинян
Все он один отразил: в огромный круг семислойный
Семь скрепляют кругов. Нагнетают, мехи раздувая,
Воздух одни, шипящую медь окунают другие
В воду. Пещера гудит от ударов молота гулких,
Мерно один за другим поднимают руки циклопы
И, зажимая в клещах, раскаленное вертят железо.

Бог лемносский пока на Эолии спешно трудился,
В скромных палатах Эвандр был разбужен благими лучами
Утра и песнею птиц, что под низкою кровлей гнездились.
Старец с ложа восстал, облачился ту́никой белой,
Голени плотно обвил ремнями тирренских сандалий,
Перевязь через плечо с мечом тегейским повесил,
Шкуру пантеры подняв, прикрывавшую левую руку.
Тут же к нему подбежали два пса, сторожившие двери,
Рядом пошли, ни на шаг от хозяина не отставая.
К гостю в дальний покой поспешил герой седовласый,
Помня и речи свои, и вчерашние все обещанья.
Встал на заре и Эней, и царю навстречу он вышел,
С ним был верный Ахат, а с Эвандром — сын его юный.
Встретившись, руки они пожали друг другу и сели
В среднем покое дворца, чтоб вести без помехи беседу.
Начал Эвандр:
«Тевкров доблестный вождь, пока ты жив — не призна́ю
Я, что погиб Илион и потеряно дело троянцев.
Силы наши, поверь, нашей славе не равны, и мало
Проку от нас в столь грозной войне: Этрусским потоком
Здесь отрезаны мы, а оттуда рутул теснит нас.
Я же тебе союзником дам народ многолюдный,
Царств обильных войска: этот путь к спасенью надежный
Случай пред вами открыл. Ты самой приведен к нам судьбою!
Здесь по соседству живет, основав на старинных утесах
Город Агиллу, народ, отвагой воинской славный:
Прибыл из Лидии он и средь гор поселился этрусских.
Долгие годы потом угнетал надменный Мезенций
Этот гордый народ, подчинив его силой оружья.
Что вспоминать о жестоких делах, о неслыханных казнях?
О, если б их на него самого обрушили боги!
Заживо жертвы свои он привязывал путами к трупам

Так, чтобы руки сплелись и уста к устам прижимались,—
Пытки мучительной род, убивавший медленной смертью
Тех, кто в объятьях лежал среди тленья, гноя и смрада.
Дольше не в силах терпеть несказанные эти злодейства,
Город восстал на царя: дворец окружают с оружьем,
Факелы мечут в него и тирана друзей истребляют.
Но средь резни ускользнул и у рутулов скрылся Мезенций,
Гостя преступного Турн под защиту принял охотно.
Ныне Этрурия вся, справедливой местью пылая,
Требует выдать его, угрожая Марсовой силой.
Я тебя, о Эней, во главе этих полчищ поставлю:
Сомкнутым строем стоят их суда, к сраженьям готовы,
Рвутся войска знамена поднять; лишь седой прорицатель
Тщится их удержать, предрекая: «О, цвет меонийцев,
Гордость отцов! Отвага бойцов и гнев справедливый
Вас влекут на врага, и Мезенций мести достоин,—
Но не дано победить столь могучий народ италийцам:
Нужно вождей иноземных найти!» И рати этрусков
В здешних остались полях, устрашенные волей бессмертных.
Сам Тархон посылал ко мне послов, предлагая
Знаки власти — венец и царский жезл, чтобы только
В лагерь к ним я пришел и власть над тирренцами принял.
Но не дают мне властителем стать леденящая тело
Старость и долгий мой век: не по силам подвиги старцу!
Сына отправил бы я — но сабинянки-матери кровью
Более с этой землей, чем с чужбиной, связан он. Ты лишь
Призван богами, тебе ни года, ни род не преграда:
К ним ступай, о могучий вождь италийцев и тевкров!
Вместе с тобой я пошлю утешенье мое и надежду —
Сына Палланта, чтоб ты в труде Маворса нелегком
Был наставник ему, чтоб твои он подвиги видел,
Чтобы тобою привык он с юных лет восхищаться.
Двести отборных мужей, аркадских всадников крепких
Дам я тебе, и столько же даст союзник твой юный».

Так говорил он гостям; но сидели, взоры потупив,
Сын Анхиза Эней и верный Ахат, и томили
Грустное сердце мужам непрестанные мрачные думы.
Тут ниспослала им знак Киферея с ясного неба:
Вспыхнул мерцающий блеск высоко над землей, и внезапный
Грохот раздался вокруг, будто рухнули своды эфира,
Ревом тирренской трубы огласились неба просторы,

Снова и снова звучал оглушительный грохот над ними.
Подняли взоры они: там, где неба не застили тучи,
В алом блеске мечи и копья с шумом сшибались.
В страхе замерли все. Лишь троянец, грохот заслышав,
Тотчас постиг, что дает бессмертная мать обещанье...
Молвил он: «Друг, не старайся понять, какие невзгоды
Знаменья эти сулят: лишь ко мне взывают с Олимпа!
Мать-богиня мне знак подает: если грянут сраженья,
С неба мне будет доспех, Вулканом кованный, послан,
Помощь нам будет дана.
Горе! Сколько смертей ожидает несчастных лаврентцев!
Как ты поплатишься, Турн! Как много, Тибр, повлечешь ты
Панцирей, шлемов, щитов и тел троянцев отважных!
Пусть нарушают союз! Пусть громче требуют битвы!»

Так промолвил Эней и с высокой поднялся скамейки.
Прежде всего, пробудил он уснувший огонь Геркулесов
На алтаре и лара почтил, и малых пенатов,
Радости полный; и с ним Эвандр и юноши Трои
В жертву богам принесли по обычаю ярок отборных.
После того, к кораблям и спутникам вновь воротившись,
Самых отважных средь них отобрал Эней, чтобы в битвы
С ними вместе идти; а другим предстояло спуститься
Вниз по реке и проплыть, не тратя труда, по теченью,
Чтобы скорей об отце привезти Асканию вести.
Дали аркадцы коней отъезжавшим в Этрурию тевкрам,
Лучший скакун был вождю приведен: как чепрак, покрывала
Львиная шкура его и сверкала когтей позолотой.

Тотчас молва понеслась и наполнила маленький город
Слухом о том, что к царю тирренскому всадники едут.
Вдвое усердней мольбы возносят матери; ближе
Марса пугающий лик; обгоняют страхи опасность.
Долго держит Эвандр уходящего сына в объятьях,
Не оторвется никак, и ему говорит со слезами:
«О, если б сделал меня, воротив минувшие годы,
Вновь Юпитер таким, каким под Пренестой сразил я
Строй передний врагов и щиты их сжег, победитель;
Этой отправил рукой я владыку Эрула в Тартар,
Хоть при рожденье ему Ферония-мать даровала —
Страшно сказать — три души и три доспеха носил он;

Трижды его пришлось убивать — но этой рукою
Три души я исторг и сорвал с него столько ж доспехов.
Мне бы тогда не пришлось от твоих отрываться объятий,
Сын мой! Тогда б не посмел от меня так близко Мезенций
Столько людей истребить беспощадным железом и город
Стольких граждан лишить, на меня позор навлекая.
К вам, о боги, к тебе, о Юпитер, богов повелитель,
Я взываю теперь: над властителем сжальтесь аркадцев,
Просьбам внемлите отца! Если вашей воле угодно
Сына мне возвратить, если рок сохранит мне Палланта,
Если живу я, чтоб вновь увидать его, встретиться снова,—
Дайте мне жизнь! Я бремя ее понесу терпеливо.
Если же мне небывалый удар ты готовишь, Фортуна,
Дайте, о дайте сейчас оборваться жизни жестокой,
Есть надежда доколь и неведом исход опасений,
Сына доколе — ведь в нем лишь одном моя поздняя радость —
Крепко в объятьях держу, доколе вестник несчастья
Ранить мой слух не успел». Так отец, стеная, прощался
С сыном; и тут же без чувств унесли его слуги в чертоги.

Всадники тою порой из ворот отворенных скакали,
Ехал Эней впереди, и с ним Ахат неразлучный,
Следом — Трои вожди, и меж них — Паллант, привлекавший
Взоры широким плащом и украшенным ярко доспехом.
Так же средь звездных огней увлажненный водой Океана
Блещет в ночи Люцифер, больше всех любимый Венерой,
Лик свой являя святой и с неба тьму прогоняя.
Матери, встав на стенах, провожают взором тревожным
Облако пыли и в нем горящие медью отряды.
Мчит напролом по кустам, сократить стараясь дорогу,
Конных воинов строй; далеко их разносятся клики,
Глухо копыта коней колотят по рыхлому полю.
Есть близ Церейской реки прохладная роща густая,—
Издавна чтима она как святыня; ее окружают
Склоны крутые холмов, темнохвойной елью поросших.
Рощу и празднество в ней, как гласит преданье, Сильвану,
Богу пашен и стад, в старину посвятили пеласги,
Первыми в давние дни владевшие краем Латинским.
Неподалеку Тархон и тирренцы в местах безопасных
Лагерь разбили; с холма крутого был всадникам виден
Стан многолюдный его и шатры на поле просторном.
Спешился здесь родитель Эней и отряд его юный,
Чтобы могли отдохнуть и усталые люди, и кони.

Тою порой в облаках эфирных летела Венера,
Дар Энею несла, и, в долине укрытой увидев
Сына от всех вдалеке за рекою теплой, богиня
Вышла навстречу ему и такое молвила слово:
«Вот он, обещанный дар, искусством создан Вулкана,
Можешь ты вызвать теперь из надменных лаврентцев любого
Без колебаний на бой, не страшась и отважного Турна».
Молвив так, обняла Киферея любимого сына
И положила пред ним под дубом доспех лучезарный.
Рад богини дарам и горд великою честью,
Смотрит и смотрит Эней, и очей не может насытить,
Вертит подолгу в руках и со всех сторон озирает
С грозной гривою шлем, и с клинком, как пламя, горящим
Меч, роковой для врагов, и прочный панцирь из меди
Алой, как свежая кровь иль как туча на небе закатном,
В час, когда солнца лучи раскалят ее блеском пурпурным.
Легкие он поно́жи берет из чистейшего сплава
Золота и серебра, и копье, и щит несказанный.
Бог огнемощный на нем италийцев и римлян деянья
Выковал сам, прорицаний не чужд и грядущее зная:
Был там Аскания род до самых далеких потомков,
Были и все чередой сраженья грядущих столетий.
Вот волчица лежит в зеленой Марса пещере
Щенная; возле сосцов у нее играют без страха
Мальчики — два близнеца — и сосут молоко у мохнатой
Матери; нежно она языком их лижет шершавым,
Голову к ним повернув, и телам их расти помогает.
Рядом виден и Рим и цирк, где похищены были
В пору Великих игр беззаконно сабинские девы,
Из-за которых войной на дружину Ромула тотчас
Старец Татий пошел, властитель Курий суровых.
Тут же оба царя, прекратив сраженье, стояли
С чашами пред алтарем и, союз народов скрепляя,
Вместе они приносили свинью Юпитеру в жертву;
654 Новый за ними дворец стоял под соломенной кровлей.
642 Выковал рядом Вулкан и квадриги, что, врозь разбегаясь,
Меттия лживого рвут — чтоб держал ты слово, альбанец!
По лесу Тулл за собой влечет клочки его тела,
Капли кровавой росы окропляют колючий кустарник.
Здесь же Порсенна велит, чтоб Тарквиний изгнанный принят
В Риме был вновь, и город теснят осадой этруски,
Но за свободу идут на мечи врагов энеады.
Вот он — словно живой, словно дышит гневной угрозой —

Царь, услыхавший, что мост обрушен Коклитом дерзко,
Что, через Тибр переплыв, избежала Клелия плена.
Вот в середине щита, высокий заняв Капитолий,
Манлий у храма стоит, охранитель твердыни Тарпейской;
Вот и серебряный гусь меж колонн золотых пролетает,
Воинам громко кричит, что противник уже у порога,—
Галлы меж тем по кустам под защитой тьмы и безлунной
Ночи идут в тишине и уже занимают твердыню.
Золотом ярко горят и волосы их и одежды,
Блещут полоски плащей, и вкруг белых шей золотые
Вьются цепи у них; в руках у каждого по два
Дрота альпийских, и каждый щитом прикрывается длинным.
Рядом выковал бог островерхие фламинов шапки,
Салиев древних прыжки и щиты, упавшие с неба,
Также луперков нагих и повозок праздничный поезд,
Строгих везущий матрон. А поодаль виден был Тартар,
Дита глубокий провал и жестокие кары злодеев:
Здесь, Катилина, и ты, прикованный к шаткому камню,
В лица фурий глядишь, неотступным терзаемый страхом.
Рядом — праведных сонм и Катон, им дающий законы.
Весь опоясало щит из червонного золота море,
Волны седые на нем взметают пенные гребни,
Светлым блестя серебром, проплывают по кругу дельфины,
Влагу взрывая хвостом и соленый простор рассекая.
Медью средь моря суда сверкали: Актийскую битву
Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати,
Всю Левкату заняв, и плескались валы золотые.
Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов;
Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и двойное
Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей.
Здесь и Агриппа — к нему благосклонны и ветры и боги —
Радостно рати ведет, и вокруг висков его гордо
Блещет ростральный венок — за морские сраженья награда.
Варварской мощью силен и оружьем пестрым Антоний,
Берега алой Зари и далеких племен победитель:
В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной
Бактров; с ним приплыла — о нечестье! — жена-египтянка.
В бой устремились враги, и, носами трехзубыми взрыта,
Веслами вся взметена, покрылась пеной пучина.
Дальше от берега мчат корабли; ты сказал бы — поплыли
Горы навстречу горам иль Циклады сдвинулись с места —
Так толпятся мужи на кормах, громадных, как башни,

Копий летучий металл и на древках горящую паклю
Мечут, и кровью опять обагряются нивы Нептуна.
Войску знак подает царица египетским систром
И за спиной у себя не видит змей ядовитых.
Чудища-боги идут и псоглавый Анубис с оружьем
Против Нептуна на бой и Венеры, против Минервы.
В гуще сражения Марс, из железа кован, ярится,
Мрачные Диры парят над бойцами в эфире высоком,
В рваной одежде своей, ликуя, Распря блуждает,
Ходит следом за ней с бичом кровавым Беллона.
Сверху взирая на бой, Аполлон Актийский сгибает
Лук свой, и в страхе пред ним обращается в бегство Египет,
Следом инды бегут и арабы из Савского царства.
Вот и царица сама призывает попутные ветры,
Все паруса распустить и ослабить снасти готова.
Как побледнела она среди сечи в предчувствии смерти,
Как уносили ее дуновенья япигского ветра,—
Выковал все огнемощный кузнец. А напротив горюет
Нил: одежды свои на груди распахнул он широкой,
Кличет сынов побежденных к себе на лазурное лоно.
Здесь же, с триумфом тройным вступивший в стены столицы,
Цезарь исполнить спешит свой обет богам италийским,
Триста по Риму всему освящая храмов огромных.
Улицы вкруг ликованьем полны и плеском ладоней,
В каждом святилище хор матрон и жертвенник в каждом,
Пред алтарем тельцы на земле в изобилье простерты.
Сидя у входа во храм Аполлона лучистого, Цезарь
Разных племен разбирает дары и над гордою дверью
Веша́ет их; вереницей идут побежденные длинной,—
Столько же разных одежд и оружья, сколько наречий.
Здесь и номадов народ, и не знающих пояса афров
Му́льцибер изобразил, гелонов, карийцев, лелегов
С луками; тут и Евфрат, укротивший бурные воды,
Рейн двурогий, Аракс, над собой мостов не терпящий,
Даги, морины идут, дальше всех живущие смертных.
Видит все это Эней, материнскому радуясь дару,
И, хоть не ведает сам на щите отчеканенных судеб,
Славу потомков своих и дела на плечо поднимает.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Эти покуда дела вдалеке от Лаврента вершатся,
Дочь Сатурна с небес посылает на землю Ириду
К дерзкому Турну,— в тот час он сидел в долине священной,
Там, где предка его Пилумна роща шумела.
Дочь Тавманта ему устами алыми молвит:
«Турн, по воле своей быстротечное время дарует
То, что тебе обещать не дерзнул бы никто из бессмертных.
Спутников, город и флот Эней покинул и отбыл
В царство, где старец Эвандр с Палатина аркадцами правит.
Больше того, он проник до твердынь далеких Корита,
Чтобы к оружью призвать земледельцев лидийских отряды.
Что же ты медлишь? Пора заложить коней в колесницу!
Время не трать! Врасплох нападн на лагерь смятенный!»
Тут вознеслась к небесам на раскинутых крыльях богиня,
Скрылась среди облаков, по дуге промчавшись огромной.
Вестницу Турн узнал и, простерши к звездам ладони,
Молвил такие слова вослед убегавшей Ириде:
«Неба краса! Кто тебе повелел на облаке легком
К нам на землю слететь? Отчего лучи золотые
Льются дождем, и небесная твердь распахнулась, являя
Взору блужданье светил? Повинуюсь знаменьям, боги,
Кто бы из вас к оружью ни звал!» И, промолвив, спустился
Турн к реке и, воды зачерпнув с поверхности светлой,
Он к бессмертным воззвал, эфир наполнив мольбами.

Тотчас выходит в поля несметная рать италийцев,
Гордых обильем коней, и одежд узорных, и злата.
В первых рядах выступает Мессап, отряд замыкают

Тирра сыны, а Турн, предводитель войск,— посредине
Едет с оружьем и всех красой превосходит и ростом.
Так, полноводный от струй семи спокойных притоков,
Ганг молчаливый течет или Нил, когда тучная влага
Схлынет с полей и в привычное вновь воро́тится русло.
Видят троянцы, как пыль поднимается облаком темным,
Как внезапная тьма закрывает равнину от взора.
Первым Каик закричал с укреплений, к полям обращенных:
«Тевкры, взгляните, какой туман там стелется черный!
Быстро несите мечи, поднимайтесь на стены с оружьем!
Эй! Подступают враги!» И немедля с криком дарданцы
В лагере скрыться спешат и взбегают на́ стену, ибо
Им наказал, уезжая, Эней, многоопытный в битвах,
Чтобы они, если вдруг неожиданно что приключится,
В строй не смели вставать, не вверялись открытому полю,
Но защищали свой стан под прикрытьем стен укрепленных.
Гонит их стыд и гнев с врагом схватиться вплотную,
Но замыкают они, повинуясь приказу, ворота,
В башнях с оружьем засев, приближенья врагов ожидают.
Вдруг, вперед пролетев и медлительный строй обогнавши,
Двадцать отборных бойцов на конях за собой увлекая,
К лагерю Турн подскакал. Фракийский в яблоках белых
Мчит его конь, и золотом шлем горит красногривый.
«Кто со мною, друзья? На врага кто бросится первый?..
Вот вам!» И, вымолвив так, метнул он дротик с размаху —
Новой начало войны — и стремглав по равнине понесся.
Встретило пущенный дрот грознозвучным криком и шумом
Войско союзных племен. Непонятна им робость дарданцев:
Что же не выйдут они на равнину, не встретят с оружьем
Натиск врагов, но за валом сидят? Вдоль всех укреплений
Рыщет Турн и в стене неприступной ищет прохода;
Так, пытаясь попасть за ограду полной овчарни,
Рыщет за полночь волк, под дождливым упорствуя ветром,
Бродит вокруг и рычит,— но в укрытье надежном ягнята
Блеют и маток сосут; к недоступной рвется добыче
В ярости зверь, ощетинивши шерсть, и по крови томится
Жадная глотка его, иссушённая голодом долгим.
Ярости той же огнем загорается рутул при виде
Башен и стен, и до мозга костей проникает обида:
Как подступиться ему, как троянских бойцов из-за вала
Выбить? Как выманить их, чтоб в открытом поле сразиться?
Ринулся Турн к кораблям, что стояли с лагерем рядом,
Скрытые валом крутым и рекой огражденные быстрой,

Мчится он вскачь и огня у соратников радостных просит,
Жадно хватает рукой сосны́ горящие сучья.
Бросились воины вслед, увлеченные натиском Турна,
Из очагов расхищают огонь — и каждый несется
С факелом черным в руках; смоляные дымные ветви
Ярко пылают, до звезд взметая искры и пламя.

Муза! Кто из богов от такого избавил пожара
Тевкров? Кто уберег корабли от Вулкановой силы?
Молвите! Повесть о том стара, но слава нетленна.
В те времена, когда флот свой Эней на Иде Фригийской
Строил, готовясь отплыть в морские безвестные дали,
К сыну — преданье гласит,— богов Берекинфская Матерь
С просьбой такою пришла и промолвила: «Сын мой! Исполни
Матери милой мольбу, о властитель, Олимп усмиривший!
Рощу сосновую я любила долгие годы:
Лес мой стоял на вершине горы; приносили мне жертвы
В сумраке между стволов тенистых кленов и сосен.
Внуку дарданскому я, когда флот пришлось ему строить,
С радостью их отдала,— а теперь тревожится сердце.
Страх мой рассей и к просьбе моей снизойди благосклонно:
Пусть мой лес ни тягостный путь, ни ветры, ни вихри
Не одолеют — затем, что моими взращен он горами».
Матери сын отвечал, вращающий звездное небо:
«Волю рока склонить ради них ты мнишь, о родная?
Есть ли закон, чтоб корабль, рукой построенный смертной,
Жребий бессмертный обрел и путем, опасностей полным,
Плыл безопасно Эней? Не дано богам это право!
Те лишь челны, что, всё одолев, Авзонийских достигнут
Гаваней, те, что средь волн уцелеют и к пашням Лаврентским
Тевкров царя привезут, я от смертных избавлю обличий:
Станут они по воле моей божествами морскими,
Будут, подобно Дото́, Галатее прекрасной подобно,
Грудью бессмертной простор пучины пенить безбрежной».
Молвив, поклялся Отец рекой стигийского брата,
Черным потоком смолы и обрывом над пропастью мрачной
И головою кивнул, сотрясая Олимпа громаду.

Ныне настал обещанный день, исполнился ныне
Паркой отпущенный срок, и, разгневана Турна нечестьем,
Мать от священных челнов отвратила огонь дерзновенный.
Вдруг ударяет в глаза неведомый свет, и с восхода
По небу туча летит; за ее завесой огромной

Хор идейский звучит, и с высот разносится грозный
Голос, дарданским бойцам и рати рутулов внятный:
«Страх за мои корабли отбросьте, тевкры! Не нужно
Их мечом защищать: подожжет пучину морскую
Турн скорей, чем священный мой лес. А вы уплывайте
Вольно, богини морей: так велит вам Великая Матерь!»
Тотчас же все корабли обрывают причальные путы,
Ростры в реку погрузив, ныряют, словно дельфины,
Вглубь уходят, и вот — о чудо! — девичьи лица
Выплыли вдруг из глубин и в открытом море исчезли.
Рутулов ужас сковал, и Мессап, охваченный страхом,
Робких сдержал скакунов, и поток внезапно замедлил
Влаги рокочущей бег, и Тибр от моря отхлынул.
Турн один среди всех не утратил спесивой отваги,
Вновь окликая друзей, он сердца им вновь ободряет:
«Тевкрам одним это чудо грозит: отнимает привычный
Путь к спасенью у них Юпитер сам, не дождавшись
Наших мечей и огней. Нет в морях троянцам дороги,
Нет надежды бежать: им теперь полвселенной закрыто!
Что же до суши,— она в руках у нас, италийцев,—
Столько нас вышло на бой. И богов роковые вещанья
Мне ничуть не страшны, хоть и хвалятся ими фригийцы:
Хватит с судьбы и с Венеры того, что троянцы достигли
Щедрых Авзонии нив. Я тоже призван судьбою,
Мне повелевшей мечом истребить преступное племя
За похищенье жены. Не одних лишь коснулась Атридов
Эта печаль, и дозволена месть не одним лишь Микенам.
Гибели с них довольно одной. Не довольно ль и прежних
Было грехов, чтобы стало навек для них ненавистно
Женщины имя само? Не на этот ли вал полагаясь,
Стали отважны они, не на этот ли ров, что отсрочит
Гибель едва ли на миг? Но они ль не видали, как стены
Трои — даром что их Нептун возвел — разрушались?
Кто же из вас, отборная рать, со мною решится
Эту преграду взломать и ворваться в трепещущий лагерь?
Мне не нужны ни тьмы кораблей, ни доспехи Вулкана,
Чтобы на тевкров идти,— пусть хоть все этруски вступают
С ними в союз; и нечего им бояться, что ночью,
Стражей твердыни убив, украдем трусливо Палладий
Или во чреве глухом коня мы прятаться будем:
Нет, я верю, и днем окружим мы их стены пожаром!
Я их заставлю признать, что они не с полками пеласгов
Дело имеют, что нас десять лет отражать не могла бы

Гектора мощь. Но лучшая дня половина минула,
Сделали дело свое мы на славу; отдайте же вечер
Отдыху вы и веселью, мужи, перед завтрашней битвой».
Но против каждых ворот не забыл Мессап караулы
Выставить на ночь и весь опоясать лагерь кострами.
Чтобы следить за врагом, высылают в дозор италийцы
Дважды семь человек, и за каждым — юношей сотня
Следует, в золоте все и в шлемах с гривой багряной;
Стражи расходятся врозь и, черед караульным назначив,
Пьют, разлегшись в траве, осушают медные чаши,
Тьму разогнав огнями костров, без сна коротают
Ночь за игрой.

Тевкры смотрят на них, с оружьем стоя на стенах;
Воины створы ворот проверяют, полны тревоги,
Копья несут и проводят мосты ко всем укрепленьям.
Пылкий Сергест и Мнесфей ободряют их и торопят.
Им двоим повелел родитель Эней, коль нежданно
Грянет беда, возглавить мужей и начальствовать в битвах.
Рать на валах залегла, разделив по жребью опасный
Труд, и долг в свой черед исполняет бдительно каждый.

Нис, неудержный в бою, у ворот стоял в карауле,
Сын Гиртака; его охотница Ида послала
В путь за Энеем — стрелка и метателя легкого дрота.
С Нисом был Эвриал; ни в рядах энеадов, ни прежде
Воин такой красоты не носил троянских доспехов.
Юность лишь первым пушком ему отметила щеки.
Общая их связала любовь и подвигов жажда.
Ныне они у ворот в одном карауле стояли.
Нис говорит: «То боги ли жар нам в душу вливают,
Или влеченье свое представляется каждому богом?
Битву с врагом завязать иль на дело иное решиться
Дух мой давно мне велит, не довольствуясь праздным покоем.
Видишь: поверив в успех, разлеглись италийцы беспечно,
Сну и вину предались,— лишь мигают костры, догорая;
Тихо стало кругом. Так послушай, что́ я задумал,
Мой Эвриал, и какое в душе решение зреет.
Требуют все — и народ и сенат — к Энею отправить
Вестников, чтоб о войне он узнал и вернулся скорее.
Если награду тебе посулят, о какой попрошу я,—
Мне же и славы одной довольно,— там, меж холмами,
Путь я сумею найти и пробраться к стенам Паллантея».

Жаждою славы тотча́с загорелась душа Эвриала;
Так, в изумленье застыв, он ответил пылкому другу:
«Что же, меня допустить ты не хочешь к славному делу?
Должен тебя одного я отправить на подвиг опасный?
Нет, не таким мой родитель Офельт, привычный к сраженьям,
Вырастил сына средь бед, что терпела Троя родная,
И средь аргосских угроз! Разве так поступал я с тобою,
Следуя воле судеб, с благородным скитаясь Энеем?
Есть и во мне этот дух, презирающий жизнь и готовый
Светом дня заплатить за обоим желанную славу».
Нис отвечал: «Неужто я мог в тебе усомниться?
Нет — или пусть мне не даст к тебе вернуться с победой
Сам Юпитер иль тот из богов, кто на нас благосклонно
Смотрит. Если же бог или случай не даст мне удачи,—
Это бывает не раз средь опасностей,— нужно, чтоб друга
Ты пережил: тому, кто младше, жить подобает.
Будет тогда, кому унести мое тело из боя,
Выкуп ли дать за него, коль позволит Фортуна, и в землю
Прах опустить, иль хоть жертвы принесть над пустою гробницей.
И причинить не могу я такого тяжкого горя
Матери бедной твоей,— ведь из всех матерей наших с сыном
Только она уплыла, не осталась в Акесте великой».
Молвил в ответ Эвриал: «Отговорки напрасно ты множишь:
Твердо решенье мое, и тебе его с места не стронуть.
Так поспешим же!» И вот, остальных разбудив караульных,
Вместо себя на часах оставляет он их и уходит
В лагерь царя отыскать, и уводит друга с собою.

Твари все на земле успокоились в мирной дремоте,
Сбросив заботы с души и бремя трудов позабывши,
Только тевкров вожди и лучшие воины ночью
Долгий держали совет о первейших делах государства:
Что предпринять им теперь и кого к Энею отправить.
В лагере темном кружком стояли на площади средней
Все, не снимая щитов, опершись на длинные копья.
Вдруг подбегают к ним Нис с Эвриалом и выслушать просят:
Время не даром вожди, но на важное дело потратят!
Первым Юл разрешил подойти друзьям оробевшим,
Нису велел говорить. «Я прошу, энеады, без гнева
Выслушать то́тчас же нас. Не судите о замыслах наших,
Глядя на наши года. За стенами рутулы смолкли,
Сломлены сном и вином. Заприметили место мы сами:

Там, где к развилке дорог, и там, где к морю выходят
Наши ворота, у них все костры погасли, и к небу
Черный тянется дым. Если, случаем пользуясь этим,
Нам дозволите вы в Паллантей пойти за Энеем,
В лагерь троянский войдет он с обильной добычею вскоре,
Всех врагов истребив. А уж мы не собьемся с дороги:
Часто охотились мы и в долине видели темной
Города край, и теченье реки хорошо нам знакомо».
Молвил на это Алет, поседелый и опытом зрелый:
«Отчие боги, всегда в вашей воле судьба Илиона!
Но до конца погубить вы тевкров род не хотите,
Если с такою душой, с таким бестрепетным сердцем
Юноши есть среди нас! — И друзей с такими словами
Обнял зá плечи он, проливая обильные слезы.—
Чем — я не ведаю сам — наградить мы можем достойно
Подвиг такой? Ваших собственных дум величье и боги
Лучшую вам воздадут награду. А все остальное
Благочестивый Эней вам даст и юный Асканий,—
Он не забудет вовек великой вашей заслуги».
«Также и я, для кого лишь одно остается спасенье,—
Скорый возврат отца,— подхватил Асканий,— молю вас
Весты седой очагом, Ассарака ларом, святыней
Наших пенатов,— ко мне воротите родителя, дайте
Снова увидеть его! Вся судьба моя, все упованья —
В ваших руках. Лишь его обрету — и покинет нас горе.
Кубка серебряных два, самоцветами ярко горящих,—
Их как добычу отец захватил в побежденной Арисбе,—
Два треножника вам, два таланта золота дам я,
С ними старинный кратéр, поднесенный тирийской Дидоной.
Если же нам над Италией власть подарит победа,
Если придется делить меж бойцов по жребию добычу,—
Видели вы, на каком скакуне, весь в золоте, мчался
Турн? И щит, и коня, и шлем с пурпурною гривой
Я на раздел не отдам — все в награду достанется Нису.
Даст и отец мой тебе из захваченных пленных двенадцать
Лучших рабынь-матерей и бойцов со всем их оружьем,
Землю тебе пожалует он из надела Латина.
Ты же меня, Эвриал, обогнал не намного годами,
Друга такого, как ты, я всей душой принимаю,
Чтобы со мной средь превратностей был ты всегда неразлучен.
Пусть без тебя никогда не стяжаю я подвигом славы!
В мирные дни и в бою докажу я делом и словом,
Как доверяю тебе». Эвриал в ответ ему молвил:

«День не наступит, когда уличен я буду в измене
Дерзкой отваге моей,— только б нам явила Фортуна
Милость свою, не вражду. Но превыше всякой награды
Я молю об одном: не покинь моей матери старой!
Род от Приама ее; из Троянской земли, из Акесты,
Вместе со мной уплывала она, нигде не осталась.
Ей об опасностях знать, ожидающих сына, не должно,
Я не простившись уйду, ибо — тьмой ночной и рукою
Правой твоею клянусь — не снести мне слез материнских.
Немощной ты помоги и покинутой дай утешенье!
Если с этой уйти мне позволишь надеждой,— смелее
Встречу превратности я». Всколыхнулись души дарданцев,
Пролили слезы мужи, и всех обильней — Асканий:
Образ сыновней любви об отце напомнил и сердце
Сжал тоскою ему; и ответил он так:
«Верь, исполню я все, что твоих достойно деяний.
Именем лишь для меня от родной моей матери будет
Впредь отличаться она: благодарность за сына такого
Ей воздастся. И знай: чем бы ваш ни кончился подвиг,—
Этой клянусь головой, как родитель ею клянется,—
Все, чем тебя наградить я сулил при счастливом исходе,
Матери будет твоей и вашему отдано роду».
Так он промолвил в слезах и снял свой меч золоченый,—
Выкован был этот меч Ликаоном, искусником кносским,
Он же и ножны к нему из слоновой вырезал кости.
Нису Мнесфей отдает мохнатую львиную шкуру,
Сняв ее с плеч, и верный Алет с ним меняется шлемом.
Быстро доспехи надев, друзья уходят — и всюду,
Вплоть до ворот, где стоит караульный отряд, пожеланья
Счастья сопутствуют им. И Асканий, с отвагою мужа
Бремя несущий забот, что лишь зрелому мужу под силу,
Просит отцу передать и то и это — но ветер
Тщетные речи его между туч летучих разносит.

Вышли друзья, в ночной темноте через рвы перебравшись,
Двинулись к стану врагов, и себе на погибель, и многим
Рутулам. Видят они: на траве лежат италийцы,
Скованы сном и вином; над рекою в ряд колесницы
Дышлами кверху стоят; меж колес и разбросанной сбруи
Люди вповалку лежат, и кувшины с вином, и оружье.
Нис говорит: «Пора нам дерзнуть! Сам случай зовет нас!
Здесь нам идти. Но чтоб нас враги врасплох не застигли,
В спину вонзив нам мечи,— сторожи́, назад озираясь,

«Энеида»

Книга восьмая

Я же расчищу твой путь, проложу тебе шире дорогу».
Шепотом вымолвив так, на Рамнета надменного тотчас
Нис нападает с мечом. На коврах лежал он, простершись,
Сон выдыхал из широкой груди в забытьи непробудном;
Царь и Турну-царю из гадателей самый любезный,
Все же не мог он свою отсрочить гибель гаданьем.
Рема прислужников трех, где попало лежавших меж копий,
Оруженосца его убивает Нис и вознице,
Что у ног лошадей примостился, голову свесив,
Шею ударом меча разрубает; потом господину
Голову сносит и труп на подстилке, пропитанной кровью,
Он оставляет лежать. Не щадит и Ламира и Лама
Нис и Серрана разит, красотой блиставшего юной;
Долго в ту ночь веселился Серран, но Лиэем обильным
Был побежден и уснул; а счастливей бы все обернулось,
Если б веселье и пир продолжались всю ночь до рассвета.
Словно несытый лев, что в овчарне мечется полной,—
Голод гонит его, и ревет, и хватает, и рвет он
Пастью кровавою скот беззащитный, затихший от страха,—
Так же сеял смерть Эвриал: увлеченный убийством,
Воинов он безымянных разил без числа и без счета;
К спящим подкравшись, убил он Абариса, Фада, Гербеза;
Рету — один он не спал и, видя все, что свершалось,
Спрятаться в страхе хотел, за огромным присевши кратéром,
В грудь вонзил Эвриал, едва лишь враг приподнялся,
До рукояти клинок и вновь из раны смертельной
Алый выдернул меч. Умирающий Рет изрыгает
Кровь вперемешку с вином. Эвриал все дальше крадется,
К стану Мессапа уже подбирается он, где последний
Хворост в костре догорал и, стреножены, кони щипали
В сумраке ночи траву. Но окликнул Нис Эвриала,
Видя, что друг обуян сверх меры жаждой убийства:
«Остановись, Эвриал! Ведь враждебный рассвет уже близко!
Путь мы открыли себе! Не довольно ли мстить италийцам?»
Тут побросали они серебра литого доспехи,
Снятые с вражеских плеч, и ковры, и прекрасные чаши,—
Только взял Эвриал золотым блиставший набором
Пояс Рамнета себе; когда-то был этот пояс
Щедрым Цедиком в дар тибуртинскому Ремулу послан,—
Дружбы взаимной залог,— и завещан Ремулом внуку.
Им — ненадолго, увы! — Эвриал опоясался храбрый;
Впору пришелся ему и Мессапа шлем пышногривый.
Стан покидают друзья, поспешая к местам безопасным.

Той порою отряд из столицы ехал латинской,
Выслан был он вперед на равнине оставшимся войском
С вестью к Турну-царю. Прикрываясь большими щитами,
Триста конных бойцов во главе с Вольцентом скакали.
К стану царя приближались они и к стенам троянцев,
Но увидали вдали, как на левую тропку свернули
Двое друзей: ударил в глаза лучом отраженным
Шлем Эвриала во мгле и беспечного юношу выдал.
Встречей встревожен не зря, их Вольцент окликнул из строя:
«Стойте! Кто вы, мужи? Зачем спешите с оружьем?
Держите путь свой куда?» Но, в ответ не промолвив ни слова,
Юноши в лес устремились бегом, на тьму полагаясь.
Тотчас всадники врозь по знакомым рассыпались тропам,
Стали стеречь, перерезав пути беглецам окруженным.
Лес был велик и дремуч, и в дебрях падубов черных,
В гуще колючих кустов, в непролазных терновника чащах
Редко виднелся просвет и по просеке тропка бежала.
Мрак под густою листвой и добычи груз Эвриалу
Быстро идти не дают и страх с дороги сбивает.
Нис незаметно ушел вперед и, врагов миновавши,
Места достиг, где тогда загоны были Латина,
Ныне ж зовется оно по имени Альбы Альбаном.
В поисках друга лишь здесь он назад оглянулся — но тщетно!
«Где потерял я тебя, Эвриал несчастный? Какую
Выбрать из путаных троп, чтобы тем же путем мне пробраться
Вспять средь обманчивых чащ?» И вот, ни мгновенья не медля,
В лес он спешит по следам, в молчаливых дебрях блуждает.
Вдруг услыхал он топот копыт и врагов перекличку,
Краткое время спустя донеслись и громкие крики..,
Вот наконец перед ним Эвриал: коварные тропы,
Смутный сумрак лесной и смятенье предали друга
Рутулам в руки, хоть он отбиваться напрасно пытался.
Что предпринять? С оружьем напасть и отбить Эвриала?
Хватит ли сил? Или в гущу врагов на мечи устремиться,
Чтобы от множества ран самому погибнуть со славой?
Тотчас же Нис размахнулся с плеча и с копьем занесенным,
Взоры к Луне обратив, произнес такую молитву:
«Ты, что взираешь на нас, помоги в беде, о Латоны
Дочь, владычица рощ, краса многозвездного неба!
Если Гиртак, мой отец, хоть однажды принес на алтарь твой
Дар за меня, если сам я хоть раз добычу лесную
В храме повесил твоем иль прибил над дверью священной,—
Дай мне врагов расстроить ряды, направь мои копья!»

Так он промолвил — и вот, всем телом откинувшись, бросил
С силой копье. Непроглядную тень на лету рассекая,
Быстро помчалось оно и Сульмону в спину вонзилось.
Древко сломалось, пробив навылет рутулу сердце,
Всадник скатился с седла, захлебнувшись горячей струею,
Долгие всхлипы ему холодевшую грудь сотрясали.
Стали враги озираться вокруг. Ободрен успехом,
Нис с размаху копье метнул от правого уха.
Рутулы в страхе дрожат. А копье впивается Тагу
В череп и, оба виска пронзив, в мозгу застревает.
В ярости рыщет Вольцент, но метателя копий не видит,
Не с кем сражаться ему и в погоню не за кем мчаться.
«Ты мне один за двоих заплатишь кровью горячей!» —
Пленнику крикнул Вольцент и, занесши меч обнаженный,
Кинулся в гневе к нему. Но тут от страха за друга
Разум утративший Нис закричал, не в силах таиться
Больше во мраке ночном и боль сносить молчаливо:
«Вот я, виновный во всем! На меня направьте оружье,
Рутулы! Я задумал обман! Без меня б недостало
Сил и отваги ему,— мне свидетели небо и звезды!
Вся вина его в том, что любил он несчастного друга».
Так он Вольценту кричал, но уже направленный с силой
Меч меж ребер впился в белоснежную грудь Эвриала.
Тело прекрасное кровь залила, и, поверженный смертью,
Весь он поник, и к плечу голова бессильно склонилась.
Так пурпурный цветок, проходящим срезанный плугом,
Никнет, мертвый, к земле, и на стеблях склоняют бессильных
Маки головки свои под напором ливней осенних.
В гущу врагов бросается Нис — но только к Вольценту
Рвется он сквозь толпу, одного лишь видит Вольцента.
Ниса плотней и плотней отовсюду враги обступают,
Колют, теснят,— но сдержать не могут натиск упорный,
Быстрый как молния меч их сечет,— и вот, умирая,
Нис вонзает клинок орущему рутулу в горло.
Только тогда он упал и приник израненным телом
К телу друга, и смерть осенила Ниса покоем.

Счастье вам, други! Коль есть в этой песне некая сила,
Слава о вас никогда не сотрется из памяти века,
Капитолийским доколь нерушимым утесом владеет
Род Энея и власть вручена родителю римлян.

Юных друзей победив и вновь отбив их добычу,
Рутулы с плачем несли бездыханное тело Вольцента
В лагерь, где горестный стон стоял с тех пор, как Рамнета
Труп бескровный нашли, и Серрана, и Нуму, и многих
Сгубленных тайно вождей. Вкруг убитых толпы теснятся,
Вкруг полумертвых от ран, вкруг дымящихся свежею кровью
Мест и полных ручьев, струящих алую пену.
Рутулы все узнают Мессапа шлем и наборный
Пояс Рамнета, назад дорогой ценою отбитый.

Вот и Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
Солнце зажглось, от темных пелен весь мир избавляя.
В битву с утра снаряжен, вождей поднимает на битву
Турн, и каждый из них собирает строй меднобронный,
Гнев зажигает в сердцах о ночном побоище вестью.
Тут же,— страшно глядеть,— подняв на копьях, выносят
Головы юных друзей, и толпой спешат италийцы
С громкими криками вслед.
Дать готовы отпор, энеады стойкие слева
Заняли вал,— ибо справа его ограждали потоки,—
Взоры на рвы устремив, на высоких башнях стояли,
Скорби полны: не узнать не могли несчастные тевкры
Вздетых на копья голов, истекавших черною кровью.

Тут понеслась на крылах, облетая трепещущий город,
Вестница горя — Молва, и несчастную мать Эвриала
Быстро настигла она. В тот же миг из рук охладелых
Выпал челнок у нее, опрокинулась с пряжей корзинка.
Вон выбегает она и, с пронзительным воплем терзая
Волосы, мчится к валам и в безумье врывается в первый
Воинов ряд, позабыв о мужах и о вражеских копьях,
Ей угрожавших, и плач полетел со стены в поднебесье:
«Ты ли это, мой сын? Ты, опора старости поздней,
Как в одиночестве мог ты меня покинуть, жестокий?
О, почему на верную смерть уходившего сына
Бедная мать не могла последним напутствовать словом?
В поле чужом добычею птиц и псов италийских
Ты — о горе! — лежишь, и тебя на костер погребальный
Мать не положит, и глаз не закроет, и ран не омоет,
И не укутает в плащ, что днем и ночью ткала я,
Тяготы старческих лет облегчая работой усердной.
Где мне тебя отыскать? Где собрать рассеченное тело?

В поле каком? Иль вернешь ты мне, сын, лишь голову эту?
Ради того ль за тобой по морям я скиталась и землям?
Копья в меня, в меня направьте, рутулы, стрелы,
Первой убейте меня, коль знакома душе вашей жалость!
Ты, о богов всемогущий отец, ненавистную небу
Голову мне порази и низринь меня молнией в Тартар,
Чтобы жестокую жизнь хоть так могла оборвать я!»
Стон прошел по рядам потрясенных жалобой тевкров,
Души сковала печаль, надломила силы пред боем.
Ту, что сеяла скорбь, подхватили Актор с Идеем
(Илионей дал им знак и рыдавший горько Асканий),
В дом отнесли на руках, уложили в дальнем покое.

Тут в отдаленье труба пропела громко и грозно,
Следом послышался крик и под небом гулко отдался.
Тотчас на приступ пошли, черепахой построившись, вольски,
Тщатся рвы завалить и за вал высокий прорваться,
Подступов ищут везде и по лестницам лезут на стены
Там, где реже ряды, где в строю троянцев нечастом
Бреши видны. Осыпают врагов потомки Дардана
Ливнем копий и стрел и шестами сшибают их с лестниц:
Приступ от стен отражать после долгой войны им не внове.
Скатывать стали они с откоса тяжкие глыбы,
Кровлю щитов пытаясь пробить,— но любые удары
Стойким бойцам нипочем, черепахой построенным плотно.
Все ж подались и они: нависавшая грозно громада
Грянулась вниз с высоты, руками сброшена тевкров,
Сомкнутых кровлю щитов прорвала и наземь повергла
Рутулов. Больше враги наступать не решались вслепую,
Только дарданцев со стен пытались прогнать, осыпая
Издали стрелами их.
Веткой этрусской сосны потрясает страшный Мезенций,
Рвется к валам с другой стороны и огнем угрожает.
Рядом Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль,
Сам укрепленья крушит и для приступа требует лестниц.

О Каллиопа, к тебе и к твоим я сестрам взываю:
Песнь помогите сложить о кровавых подвигах Турна,
Молвите, кто из мужей кого к Ахеронту отправил,
Свиток чудовищных битв разверните со мною, богини!

Ярусы ввысь вознося перед взором глядевших с равнины,
Башня стояла, заняв наилучшее место для боя;

Приступом взять и разрушить ее италийцы старались,
Все свои силы собрав, все отряды двинув,— но сверху
Сыпались густо на них из бойниц и камни и копья.
Первым Турн в ту башню метнул пылающий факел:
Тотчас стена занялась и огонь, раздуваемый ветром,
Доски настилов объял, затаился в тлеющих балках.
В трепете тевкры спешат от беды убежать — но напрасно!
Только лишь все подались назад и столпились у края,
С той стороны, где пожар не пылал, как от тяжести башня
С грохотом рухнула вдруг, и по́ небу гром прокатился.
Воинов полуживых засыпают руины громады,
Копья свои протыкают им грудь и пронзают обломки
Острых досок. Из всех спаслись только Лик с Геленором.
Юностью цвел Геленор; рабыней Ликимнией был он
Тайно рожден меонийцев царю и послан под Трою;
Права он не имел похваляться пышным оружьем,
Меч лишь носил без ножон и гладкий щит без чеканки.
Встав, Геленор огляделся вокруг: отряды латинян
Справа стоят и слева стоят, подступивши вплотную.
Словно как загнанный зверь в кольце охотников плотном,
Чуя верную смерть, в исступленье несется на копья,
Чтобы единым прыжком одолеть частокол из рогатин,
Юноша в гущу врагов устремился на верную гибель,
Бросился грудью туда, где щетинился пиками чаще
Рутулов строй. А Лик меж врагов, меж клинков занесенных
В бегство пустился к стенам, полагаясь на резвые ноги;
Руку уже протянул он к зубцам, к простертым навстречу
Тевкров рукам — но Турн, с беглецом состязаясь в проворстве,
Кинулся следом, крича: «Не от нас ли ты чаешь, безумный,
Целым уйти?» И вот на зубцах повисшего Лика
С силой такой он схватил, что кусок стены обвалился.
Белого лебедя так или зайца кривыми когтями
Мощный хватает орел, громовержца стрелы носящий,
Так из овчарни порой от протяжно блеющей ярки
Марсов уносит волк ягненка. Рутулы с громким
Криком бросаются в брешь: одни засыпают землею
Рвы, другие огонь на башни мечут и кровли.
Илионей Луцета сразил обломком утеса
В миг, когда с факелом тот в ворота лагеря рвался;
Эматиона Ли́гер убил, Азил — Коринея,
Дротиком первый, второй — стрелою, разящей нежданно.
Был Ортигий сражен Кенеем, Кеней-победитель —
Турном, и следом — Промол, Диоксипп, Сага́рис и Клоний,

Итис и тот, кто стоял, словно башня огромная,— Идас.
Капис Приверна поверг: его сначала задел лишь
Дротик Темилла, но он, безумец, щит свой отбросив,
К ране руку поднес — и тут стрела подлетела,
К левому боку ладонь пригвоздила и глубже проникла,
Путь дыханья в груди рассекая смертельною раной.
Сын Арцента стоял, красотой и убором блистая;
Плащ его алый горел, иберийским окрашенный соком,
Золотом панцирь сиял; Арцент-родитель в сраженья
Сына послал, что в лесах материнских над током Симета
Вскормлен был — там, где Паликов алтарь стоит, примиренный.
Сам, отставив копье и пращой свистящею трижды
Круг над собой описав, свинцовый слиток в героя
Метко Мезенций послал: полетел свинец, расплавляясь —
И с размозженным виском на песке противник простерся.

В этот день во врага стрелу впервые направил
Юл, что привык устрашать лишь пугливых зверей на охоте:
Молвят, что храброй рукой поверг он наземь Нумана,—
Ремула прозвище тот носил и совсем лишь недавно
С младшею Турна сестрой сочетался браком счастливым.
Ремул, достойную речь с похвальбой недостойной мешая,
Гордый с царями родством, надутый новою спесью,
Шествовал всех впереди и громко кричал осажденным:
«В третий раз не стыдно ли вам, завоеванным дважды,
Вновь за валами сидеть и от смерти стеной заслоняться?
Вам ли, фригийцы, у нас отнимать невест наших с бою?
Кто из богов лишил вас ума и в Лаций направил?
Нет Атридов средь нас, лжеречивого нету Улисса!
Крепкий от корня народ, мы зимой морозной приносим
К рекам младенцев-сынов и водой закаляем студеной;
Отроки ухо и глаз изощряют в лесах на охоте,
Могут, играючи, лук напрягать и править конями.
Юность, упорна в трудах и довольна малым, привыкла
Землю мотыгой смирять и приступом брать укрепленья.
Панцирей мы не снимаем весь век и, словно стрекалом,
Древком копья погоняем быков, и старости хилой
Наших сил не сломить, не убавить твердости духа.
Мы седины свои прикрываем шлемом, и любо
Нам за добычей ходить и все новыми жить грабежами.
Вам по сердцу наряд, что шафраном и пурпуром блещет,
Праздная жизнь вам мила, хороводы и пляски любезны,

С лентами митры у вас, с рукавами ту́ники ваши,—
Истинно вам говорю: фригиянки вы, не фригийцы!
Вас на высокий Диндим созывает Идейская Матерь
Звоном тимпанов своих и двухладным флейты напевом.
Право сражаться мужам уступите и сдайтесь сильнейшим!»

Наглой не снес похвальбы и речей обидных Асканий,
Лук он согнул, положил стрелу на конскую жилу,
Руки широ́ко развел, лицом к врагу обратившись,
Тверже встал и пред выстрелом так громовержцу взмолился:
«Будь к дерзаньям моим благосклонен, о бог всемогущий!
Сам я в храме твоем принесу торжественно жертву:
Там на алтарь бычок с золочеными рожками ляжет,
Белый, который уже сравнялся с матерью ростом,
В гневе песок копытами рыл и бодаться пытался».
Отроку внял родитель богов — и в безоблачном небе
Слева гром прогремел; зазвенел и лук смертоносный,
С грозным свистом стрела сорвалась с тетивы напряженной,
Ремулу в череп впилась и виски ему жалом пронзила.
«Что ж, насмехайся теперь над отвагой нашей, надменный!
Рутулы, вот вам ответ завоеванных дважды фригийцев!»—
Юный воскликнул герой, и дружно вторили кличем
Тевкры ему, и радость до звезд сердца́ вознесла им.
Тою порой с эфирных высот Аполлон пышнокудрый
На авзонийскую рать и на город глядел осажденный;
С облака сам приветствовал бог победителя Юла:
«Так восходят до звезд, о сияющий доблестью новой
Отрок, потомок богов и предок! Род Ассарака
Явится, призван судьбой, и конец всем войнам положит.
Троя тесна для тебя!» И, промолвив, бог устремился
Наземь с высоких небес, рассекая воздушные струи;
Прямо к Асканию он подошел, изменивши обличье,
Образ Бута приняв (Дарданиду Анхизу он верно
Оруженосцем служил и привратником в старые годы,
Ныне же к сыну его Эней-родитель приставил).
Всем старику уподобился Феб — и походкой, и станом,
Голосом, и сединой, и бряцающим грозно доспехом;
Мальчика радостный пыл укротил он такими словами:
«Будет с тебя, мой Энид, и того, что повергнуть Нумана
Мог безнаказанно ты. С изволенья великого Феба
Первый свой подвиг свершив, ты зависти бога не вызвал,
Меткий стрелок. Но теперь покинь сражения, мальчик!»
Речь он внезапно прервал и скрылся от смертного взора,

Быстро исчезнув из глаз, растворившись в воздухе легком.
Феба и стрелы его узнают предводители тевкров,
Слышат, как зазвенел колчан взлетевшего бога.
Волю его и наказ исполняя, с вала уводят
Юла вожди, хоть и рвется он в бой, а сами немедля
В битву вернуться спешат, чтоб опасностям душу подвергнуть.

Крик раздается по всем укрепленьям и башням; троянцы
Дротики мечут со стен; с тетивы напряженной слетают
Стрелы, равнину вокруг устилая; звенят от ударов
Шлемы врагов и щиты; разгорается жаркая битва.
Так равнину секут, налетая с запада, ливни
В дни, когда в небе горят дожденосные Геды; так зимний
На́ море рушится град, когда Австр, Юпитером послан,
Тучи летучие рвет и взметает влажные вихри.

Па́ндар и Битий, сыны Альканора, жителя Иды,—
В роще Юпитера их вскормила нимфа Иера,
Ростом подобных горам или елям лесистой отчизны,—
Отперли створы ворот, что охране их вверены были,
И зазывают врагов, на отвагу свою полагаясь,
Сами же, встав за стеной, словно башни, справа и слева,
Ждут с ме́чом, и горят в высоте их гривастые шлемы.
Так на двух берегах, высоко над водою бегучей,
Там ли, где Пада поток иль где Атез отрадный струится,
Пышные кроны свои к небесам два дуба вздымают,
Из-за широкой реки головой друг другу кивая.
Рутулы вмиг ворвались, лишь увидели вход отворённый,
Вскоре, однако, Кверцент и Акви́кол в пышных доспехах,
Пылкий душою Тмар и Гемон, Маворса любимец,
Или пустились бежать, за собой увлекая отряды,
Иль на пороге ворот полегли и с жизнью простились.
Пуще ярость и гнев сердца бойцов обуяли.
Вскоре у тех же ворот собрались троянцы, дерзая
Вылазку сделать и бой завязать наконец рукопашный.

Яростный Турн между тем по другую сторону поля
В битву мужей поднимал; но вестник донес, что погоней
Враг увлечен далеко и стоят открыты ворота.
Тотчас начатый бой покидает вождь и несется
В гневе к воротам врага, где стояли надменные братья.
Встретился первым ему Антифат — и первым упал он,
Сын Сарпедона-царя, фиванкой рожденный безвестной,

Дротиком Турна сражен: италийского ветка кизила,
Воздух разрезав пустой, вонзилась в горло, проникнув
Дальше в высокую грудь; из глубокой раны волною
Пенной хлынула кровь, и железо в теле согрелось.
После поверг он мечом Эриманта, Меропа, Афидна;
Битий, что шумно дышал и глядел пылающим взором,
Пал — но не дротом простерт, ибо дроту бы жизнь он не отдал:
Мощная пика в него, просвистев, ударила, словно
Молнии быстрой стрела; не сдержала железного жала
Кожа двойная щита и двойной чешуйчатый панцирь,
Весь из пластин золотых,— и огромное рухнуло тело,
И застонала земля, и щит ответил ей звоном.
Падает так же порой возле Бай, у Эвбейских прибрежий,
Глыба, когда, из камней изготовив заране громаду,
В море бросают ее, воздвигая мол, и в паденье
Гладь разбивает она и на дне глубоком ложится,
Воды вскипают вокруг, и песок клубится в них темный,
Гром, разносясь, сотрясает Прохит и жесткое ложе,
Где по веленью Отца придавлен Тифей Инаримой.

Марс, повелитель войны, латинян силы умножил,
Мужество их подстегнул, вонзив им в сердце стрекало,
Мрачный Ужас наслал и постыдное Бегство на тевкров.
Мчат отовсюду враги, настоящего боя дождавшись,
Бог-воитель душой овладел их.
Пандар, когда увидал простертого брата и понял,
С кем Фортуна теперь, как Случай битву направил,
Тотчас же створы ворот поворачивать стал, налегая
Мощным плечом изнутри,— и многим воинам Трои
Путь отрезал назад, за стеной их оставив на гибель.
Но, пропуская других, затворяя за ними ворота,
Пандар не видел, увы, средь толпы вбежавшего Турна,—
Сам италийцев царя он в лагере запер, безумный,
Словно среди беззащитных овец беспощадного тигра.
Новым огнем загорается взор, грознее оружье
Турна звенит, и на шлеме колышется красная грива,
Мечет молнии медь щита. Устрашенные тевкры
Тотчас могучий рост и лицо ненавистное Турна
Все узнают — и навстречу ему выбегает огромный
Пандар, горя отомстить убийце брата, и молвит:
«Здесь тебе не дворец, что хотел за дочкой Аматы
Взять в приданое ты, и не отчей Ардеи стены:
В лагерь врагов ты попал, и уж выхода нету отсюда!»

Рутул ему отвечал, улыбаясь и сердцем не дрогнув:
«Что ж, если мужество есть, начинай поединок; расскажешь
Сам ты Приаму о том, что и здесь нашли вы Ахилла».
Вымолвил он, — и копье с узловатым, покрытым корою
Древком Пандар метнул, изо всех своих сил замахнувшись.
Ветер копье подхватил, Сатурна дочь отвратила
Раной грозящий удар, и в ворота пика вонзилась.
«Видишь копье в руке у меня? От него не уйдешь ты,
Ибо тебе не чета тот, кто им наносит удары!»
Молвил Турн и, выпрямив стан, мечом замахнулся,
Пандара он поразил в середину лба и огромной
Раной рассек и виски, и пушком не покрытые щеки.
Грохот раздался, земля содрогнулась от тяжести страшной:
Пандар всем телом упал и простерся в песке, умирая,
Мозгом обрызган доспех, головы половина склонилась
Вправо к плечу, и влево к плечу склонилась другая.
Трепетный ужас погнал энеадов в постыдное бегство.
Если бы вспомнил в тот миг о воротах Турн-победитель,
Если б затворы взломал и впустил соратников в лагерь,
Был бы последним тот день и для битв, и для рода дарданцев.
Но, увлеченный слепой, безумной жаждой убийства,
Бросился он за врагом.
Первыми Гига настиг и Фалерия рутул, и Гигу
Связки колена рассек. Из убитых выхватив копья,
В спину он бьет бегущих бойцов; умножает Юнона
Силу и храбрость его. Пал Фегей, к щиту пригвожденный,
Галис погиб, а за ним Ноэмон, Алькандр и Приганий
(Бились они на валах и противника с тыла не ждали).
Громко сзывая друзей, Линцей устремился на Турна,
Но, врага упредив и клинком замахнувшись проворным,
С вала разит его Турн, и, отрублена взмахом единым,
С плеч далеко голова отлетает вместе со шлемом.
Пал истребитель зверей Амик, который всех лучше
Жала копий умел смертоносным смазывать ядом;
Турн Эолида повергл и за ним любезного Музам
Спутника Муз, Крефея-певца, которому любо
Мерные песни слагать и бряцать на струнах кифары,
Любо коней воспевать, и битвы мужей, и оружье.

Тевкров вожди наконец, о резне кровавой услышав,
К месту битвы спешат — Мнесфей с отважным Сергестом;
Видят: бойцы врассыпную бегут и в лагере рутул.
Молвит Мнесфей: «Куда же еще, куда убегать вам?

Где у вас другие дома, где стены другие?
Как же один человек, от подмоги отрезанный валом,
Граждане, мог пролить безнаказанно в городе вашем
Столько крови и в Орк низринуть юношей лучших?
Трусы! Не стыдно ли вам и не жаль несчастной отчизны,
Древних наших богов и великого духом Энея?»
Речью такой зажжены и ободрены, встали и строем
Плотным сомкнулись бойцы, а Турн отступать понемногу
К берегу начал — туда, где река опоясала лагерь.
С громким криком его теснят сильней и сильнее
Тевкры, собравшись в отряд; так порою, выставив пики,
Ловчих толпа наступает на льва, а он, ощетинясь,
В страхе свирепо глядит и отходит назад, ибо в бегство
Гнев и отвага ему не велят пуститься, а прямо
Броситься против врагов хоть и жаждет он, но не может.
Так же, к дарданцам лицом, отступает шагом неспешным,
Будто бы нехотя, Турн, и в душе его ярость бушует.
Снова на вражеский строй нападает он дважды отважно —
Дважды по лагерю вновь разбегаются тевкры в испуге.
Но наконец собрались отовсюду поспешно троянцы,
Турну же силы придать Сатурна дочь не дерзнула,
Ибо Юпитер послал на крылах воздушных Ириду,
Чтобы она отнесла наказ суровый Юноне,—
Если тотчас же Турн не покинет троянского стана...
Сил не хватает ему щитом от стрел заслоняться,
Меч выпадает из рук; со всех сторон засыпают
Копьями тевкры его; у висков от частых ударов
Шлем протяжно звенит; уступает прочная бронза
Граду летящих камней; на гребне растерзана грива;
Гнется выпуклый щит. Умножают удары дарданцы,
Быстрый Мнесфей впереди. По телу Турна стекает
Пота поток смоляной; не хватает дыханья герою,—
Только усталую грудь вздымают хриплые вздохи.
Так достиг он реки и, как был, в доспехах тяжелых
Ринулся с берега вниз — и поток в замутненные воды
Принял его и вынес наверх, и омытым от крови
Кроткие волны друзьям победителя Турна вернули.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Вновь распахнулся меж тем чертог всемогущий Олимпа;
Всех на совет родитель богов и людей повелитель
В звездный сзывает покой, из которого он озирает
Земли все с высоты, и дарданский стан, и латинян.
Боги сошлись в двухвратный покой — и начал Юпитер:
«О небожители, что изменило ваши решенья?
Вновь почему разделила вражда озлобленные души?
Я не желал, чтоб Италия шла войною на тевкров.
Что за раздор вопреки моему запрету? Какие
Страхи заставили вас иль за тех, иль за этих вступиться?
Сроки войны придут в свой черед — торопить их не смейте!—
Римским твердыням когда Карфаген необузданный будет
Гибелью страшной грозить и отверстые Альпы к ним двинет.
Всё расхищайте тогда, во вражде не знайте преграды!
Ныне же мир и союз заключите в добром согласье».
Но на короткую речь Отца золотая Венера
Долгую речь произносит в ответ:
«О повелитель людей и природы предвечный властитель!
Кроме тебя, кого умолять мы о милости можем?
Видишь, как рутулы там ликуют, как перед строем,
Гордый удачей в бою, на прекрасной мчится упряжке
Турн? А троянцам уже не защита ни стены, ни башни:
Битва врывается в стан, одолев и валы, и ворота,
Кровью наполнены рвы. И Эней в неведенье бедствий
Медлит вдали. Ужель никогда ты не дашь из осады
Вызволить тевкров, отец? К стенам новорожденной Трои
Новые рвутся враги, подступает новое войско!
Вновь на дарданцев Тидид в этолийских сбирается Арпах.

Верно, на долю и мне опять достанутся раны,
Ибо придется мне вновь против смертного биться оружья.
Если они вопреки твоей божественной воле
В Лаций стремились, то пусть свой грех искупят троянцы,
Помощь утратив твою. Но ведь их вели прорицанья
Манов и вышних богов,— почему же всё, что велел ты,
Кто-то мог отменить и воздвигнуть новые судьбы?
Стоит ли вновь говорить о сожженном близ Эрикса флоте,
О властелине ветров, и о бешеном вихре, который
Выпущен был из пещер, и о посланной с неба Ириде?
Ныне же, все испытав, что возможно в мире надземном,
Манов она призвала, и, внезапно вырвавшись к свету,
Словно вакханка, летит Аллекто́ по латинским селеньям.
Что мне держава теперь? Только в дни удач уповали
Мы на нее... Ты сам ниспошли, кому хочешь, победу.
Но если нет на земле страны, где приют энеадам
Даст супруга твоя,— заклинаю обломками Трои,
Дымом пожарищ ее,— дозволь, чтоб из битв невредимым
Вышел Асканий один, дозволь, чтоб хоть внук мне остался.
Пусть мой скитается сын по морям неведомым снова,
Пусть любыми плывет, что укажет Фортуна, путями,—
Мальчика только хочу я спасти средь боев беспощадных.
Есть у меня Амафунт, и высокий Пафо́с, и Кифера,
Есть идалийский чертог; пусть, ни войн, ни славы не зная,
Там проживет он весь век. Прикажи — пусть Авзонию тяжкой
Властью гнетет Карфаген: города тирийцев не встретят
Больше преград. Что пользы нам в том, что военной напасти
Тевкры избегли, что путь сквозь огонь проложили аргосский,
Что испытали в морях они опасностей столько,
Если новый Пергам ожидал их в крае латинян?
Разве не лучше бы им поселиться там, где стояла
Троя, где пепел ее? Симоент и Ксанф, о родитель,
Им, несчастным, верни и судьбу Илиона троянцам
Снова пытать разреши!» Но в ответ царица Юнона
С яростью ей говорит: «Для чего нарушить молчанье
Ты вынуждаешь меня и тайную боль обнаружить?
Кто из богов заставлял и кто из смертных Энея
Вновь войну затевать, враждовать с владыкой Латином?
Знаю, в Италию он по велению рока стремился,
Веря безумным речам Кассандры; но лагерь покинуть
Я ль побудила его и вверить жизнь свою ветру,
Войско оставив и стан под началом малого сына?
Мирный народ подстрекать, добиваться с тирренцем союза?

Кто из богов на него наслал беду? Уж не я ли
Властью жестокой моей? Но при чем тут Юнона с Иридой?
Значит, преступно лишь то, что с огнем к новорожденной Трое
Рать италийцев спешит и отчизу Турн охраняет,
Внук Пилумна и сын Венилии, славной богини?
Вправе троянцы зато чужие захватывать пашни,
Грабить, вторгаясь в страну латинян с факелом черным,
Вправе невест уводить, выбирая тестя любого,
Кротко о мире молить — и оружье вешать на мачтах?
Если могла ты спасти от рук ахейцев Энея,
Воздух пустой и туман под мечи вместо сына подставив,
Если в нимф ты могла корабли превратить — почему же
Права мне не дано помогать моим италийцам?
Медлит Эней в неведенье бед,— пусть медлит он дольше!
Есть у тебя и Пафос, и Кифера, и храм Идалийский,—
Город, чреватый войной, и сердца суровые что же
Ты искушаешь? Ужель это я обломки фригийской
Мощи низвергнуть хочу? Кто троянцев предал ахейской
Мести? Причиной какой и Европа и Азия были
К брани подвигнуты? Кто разрушил мир похищеньем?
Спарту приступом взять обольстителю я ль помогала,
Я ли оружье дала, вожделеньем взлелеяла войны?
Надобно было тогда за своих опасаться, теперь же
Тяжбу не в пору вести и бросать понапрасну упреки».

Так говорила она. Кто одной, кто другой сострадая,
Боги взроптали вокруг. Так порывы первые ветра
Ропщут, встречая в пути преграду рощи, и смутный
Шорох вершин возвещает пловцам приближение бури.
Тут всемогущий Отец, верховный мира владыка,
Начал, и, внемля ему, небожители смолкли в чертоге,
В страхе глубины земли и выси небесные смолкли,
Стихли Зефиры, и зыбь улеглась на море безбурном.
«Запечатлейте в душе то, что вам теперь возвещу я:
Если нельзя союзом связать авзонийцев и тевкров,
Если меж вами раздор бесконечен,— будут отныне,
Кто бы каких надежд ни питал, какая бы участь
Их ни ждала, равны для меня троянец и рутул,—
Судьбы повинны ли в том, что тевкры снова в осаде,
Иль в заблужденье ввела их ложь безумных пророчеств.
Воли и рутулам я не даю. Пусть каждый получит
Долю трудов и удач. Для всех одинаков Юпитер.
Пусть без помех вершится судьба!» И, кивнув головою,

Стикса струей смоляной и пучиной черной поклялся
Бог, и Олимп задрожал, потрясенный его мановеньем.
Этим и кончил он речь и с престола встал золотого,
И небожители все проводили его до порога.

Рутулы тою порой ко всем подступают воротам,
Стены огнем окружив и троянских бойцов истребляя.
Заперт их легион в кольце валов осажденных,
Нет им надежды бежать. На высоких башнях, по стенам
Редким строем стоят понапрасну несчастные тевкры.
Азий, Имбраса сын, престарелый Ка́стор и Ти́мбрид,
Два Ассарака, Тимет, Гикета́она сын, занимают
Место в первом ряду, и меж них — сыновья Сарпедона,
Клар и Темон, что к Энею пришли с Ликийских нагорий.
Вот огромный валун, горы немалый обломок,
А́кмон лирнесец несет, напрягая могучие плечи,
Клитию ростом отцу под стать и брату Мнесфею.
Катят камни одни, другие копьями бьются,
Мечут огонь иль с тугой тетивы стрелу посылают.
Юл — воистину он попеченья Венеры достоин —
Блещет в троянском строю, головы не покрыв благородной,—
Так самоцвет в цепи золотой, обвивающей шею
Или чело, меж звеньев горит, так дивным искусством
В букс ли оправлена иль в теребинт орикийский, сверкает
Ярко слоновая кость; лишь из гибкого золота обруч
Кудри Юла прижал, ниспадавшие вольно на плечи.
Видели также тебя племена отважные, Исмар,
Как ты раны средь них ядовитыми стрелами сеял,
Исмар, рожденный в краю Меонийском, где тучные нивы
Мощные пашут мужи и Пактол золотой орошает.
Был средь бойцов и Мнесфей, лишь вчера вознесенный высоко
Славой за то, что прогнал он проникшего за́ стену Турна,
Был и Ка́пис, что дал кампанскому городу имя.
Так меж собой племена в беспощадных битвах рубились.

Плыл между тем по волнам Эней среди ночи глубокой,
Ибо, когда от Эвандра пришел он в лагерь этрусский,
Там предстал пред царем и назвал ему имя и род свой,
Все рассказав: и с чем он пришел, и зачем, и какое
Войско Мезенций собрал, примкнув к свирепому Турну,
Также напомнил о том, сколь дела людские непрочны,
К речи прибавив мольбы,— Тархо́н, ни мгновенья не медля,
С ним союз заключил. От запретов рока свободен,

Всходит лидийский народ на суда, по веленью всевышних
Вверясь пришельцу-вождю. Дарданида корабль выплывает
Первым; стоят на носу фригийские львы, и над ними
Ида возносится вверх, любезная изгнанным тевкрам.
Тут и сидел родитель Эней, о войне размышляя
И о превратностях битв, а Паллант прильнул к нему слева,
Мужа расспрашивал он о ночных путеводных светилах
И обо всем, что вынес Эней в морях и на суше.

Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона,
Песнь о мужах, что в Этрусской земле ополчились, начните,
Молвите, кто снарядил корабли и пошел за Энеем.

Массик плывет впереди на «Тигре», окованном медью,
Тысячу юношей он ведет, покинувших стены
Козы и Клузия: все за плечами носят колчаны,
Легких полные стрел, и копье, и лук смертоносный.
Рядом — грозный Абант; доспехами пышными блещет
Вся его рать, и горит на корме Аполлон золоченый.
С ним Популония-мать шестьсот послала отважных,
Опытных в битвах мужей, и остров Ильва три сотни,—
Край, где халибский металл в нескудеющих недрах родится.
Третьим едет Азил, толкователь бессмертных и смертных;
Чрева отверстые жертв и светила подвластны Азилу,
Внятен пернатых язык и зарницы вещие молний.
Сомкнутым строем мужей копьеносный отряд его грозен,
Тысячу Пиза бойцов дала ему под начало
(Пизу в Этрусской земле основали пришельцы с Алфея).
Астир, наездник лихой, пестроцветным сверкая доспехом,
Ратников триста ведет, в стремленье к битвам единых;
Цере — отчизна одним, с берегов Миниона другие,
Третьи — из древних Пирг и туманной Грависки явились.

Можно ль тебя не назвать, о Кинир, лигурийцев отважный
Вождь, и тебя, Купавон, с малочисленной ратью прибывший,
Чье осенили чело лебединые белые перья,
В память о горькой любви и чудесном отца превращенье?
Ибо в тот час, когда Кикн, о любимом скорбя Фаэтоне,
Пел под сенью сестер, в тени тополей густолистых,
Боль души и любовь утишая силою Музы,
Мягкими перьями вдруг, как сединами старец, одевшись,
Дол он покинул и взмыл с протяжной песнею к звездам.

Сын его по морю плыл с отрядом сверстников храбрых,
Весла мчали вперед корабль, и кентавр исполинский
С носа на волны глядел, угрожая им камнем огромным,
И по воде борозда за длинным килем тянулась.

Также и Окн привел отряд из отчего края,
Тибра этрусского сын и Мантó, провидицы вéщей;
Стены тебе он, Мантуя, дал и матери имя.
Мантуя, предки твои от разных племен происходят:
Три здесь народа живут, по четыре общины в каждом;
Кровью этрусской сильна, их столицей Мантуя стала.
Рать в пятьсот человек этот край на Мезенция выслал,
Минций, Бéнака сын, тростником увенчанный бледным,
По морю вел сосновый корабль, на врага устремленный.
Плыл и могучий Авлест, и взметенная сотнею вёсел
Водная гладь за кормой беломраморной пеной вскипала.
Судно влечет могучий Тритон, пугая просторы
Раковиною своей; голова человечья и плечи,
Как у пловца, поднялись над водой, а кончается тело
Рыбьим хвостом; рокочет волна у груди полузверя.
Лучшие эти вожди на помощь Трое спешили,
На тридцати кораблях бороздя соленое море.

День между тем угас в небесах, и ночная упряжка
Фебы благой полпути пролетела по высям Олимпа.
Но и во мраке Эней от забот не знает покоя,
Сам у кормила сидит и сам паруса направляет.
Вдруг посредине пути повстречался герою нежданно
Хор его спутниц былых — тех нимф, что нимфами стали
И божествами морей по веленью великой Кибелы.
Рядом плыли они, словно в дни, когда были челнами,—
Столько же их, сколько прежде судов на причале стояло,—
И, лишь завидев царя, окружили его хороводом.
Та, что была среди них всех речистей — Кимодокея,—
Судно догнав, за корму схватилась правой рукою,
Левою стала грести, поднимаясь из волн молчаливых,
И говорить начала: «Ты спишь, богами рожденный?
Встань ото сна и канаты ослабь, паруса распуская!
Сосны мы, те, что росли на вершине Иды священной,
После — твои корабли, а ныне — нимфы морские.
В час, когда рутул грозил нам коварно огнем и железом,
Мы, поневоле порвав причалов путы, пустились

В море отыскивать вас. Ибо сжалилась Матерь над нами,
Нам повелев богинями стать и жить средь пучины.
Знай же: Асканий теперь за стенами заперт и рвами,
Копий кольцом окружили его одержимые Марсом
Рутулы. Пусть отважный этруск и всадник аркадский
Встали уже на места — против них намерен направить
Турмы конные Турн и не дать им к стану пробиться.
Встань же с зарей, призови к оружью союзников новых,
Чтобы врагов упредить, и возьми свой щит, что окован
Золотом весь по краям, огнемощного бога созданье.
Завтрашний день — коль мои не сочтешь ты напрасными речи,—
Многих латинян узрит, в беспощадной поверженных битве».
Молвив, она отплыла, но сначала рукою умелой
С силой толкнула корму — и корабль полетел меж зыбями,
Скоростью споря с копьем иль стрелой, настигающей ветер.
Следом и все корабли убыстряют свой бег. В изумленье
Вести внимал Анхизид, но, ободренный знаменьем новым,
Взор устремил к небесам и вознес молитву Кибеле:
«Матерь благая богов, возлюбившая горы Диндúма,
Башни, и стены, и львов, в колесницу парой впряженных!
Будь нам в битвах вождем, приблизь исполненье вещаний,
Вновь низойди благосклонной стопой к фригийцам, богиня!»
Так он сказал. Между тем заалела заря, воротилось
Утро, и темную ночь лучи его с неба прогнали.
Прежде всего приказал Эней друзьям, чтобы каждый
В битву готов был идти и послушен первому знаку.
Вот уж и тевкров своих, и лагерь отпрыск Анхиза
Видит с высокой кормы, и когда на солнце горящий
Поднял он щит на левой руке,— до небес долетели
Крики дарданцев со стен; разжигают их ярость надежды,
Стрелы их чаще летят. Так весной к потокам Стримона
В небе плывут журавли, окликая друг друга протяжно,
Между мятущихся туч уносимые Нотом попутным.
Крикам дивились и Турн, и вожди авзонийцев, покуда
К берегу мчавшийся флот не заметили все, оглянувшись,
Не увидали судов, подлетавших по глади все ближе.
Шлем горит на челе, пламенеет грива на гребне,
Выпуклый щит золотой посылает огненный отсвет,—
Так в прозрачной ночи среди звезд алеет зловеще
Пламя кровавых комет или Сириус всходит, сверкая,
Жажду с собой принося и поветрия людям недужным,
Жаром зловредным своим удручая широкое небо.

Турн один среди всех не утратил спесивой отваги:
Верит, что берег займет и прибывших не пустит на сушу.
«Срок желанный настал с врагом схватиться вплотную!
Марс, о мужи,— он в наших руках! Пусть каждый, сражаясь,
Помнит свой дом и жену, пусть великие подвиги предков
Каждый в душе воскресит. Так захватим берег, покуда
Строем не стали враги и неверны шаги их на суше.
С теми Фортуна, кто храбр!»
Молвит он так — и в душе размышляет, кого за собою
К морю вести и кому поручить осажденные стены.

Той порою Эней высаживал нá берег войско,
Сходни спустив с кормы. Отливом затихшего моря
Пользуясь, многие вниз в неглубокую прыгают воду
Или по веслам скользят. А Тархон, приметивши место,
Где не бушует прибой, не рокочет волна, разбиваясь,
Но далеко на песок набегает вал безопасный,
Тотчас корабль направляет туда и соратников молит:
«Воины, славная рать, налегайте сильнее на весла,
Мчите, гоните челны! Пусть во вражью землю вонзятся
Острые ростры, пусть киль бороздой ее ранит глубокой!
Что мне с того, что корабль разобьется, с разлету ударясь,—
Только бы нá берег нам скорей ступить!» И едва лишь
Речь окончил Тархон, как гребцы, на скамьях приподнявшись,
К пашням Латинским челны, покрытые пеной, погнали.
Врезались в берег суда, и в дно их кили зарылись,
Все невредимы — лишь твой, о Тархон, корабль быстроходный
Встал на мели, налетев на песок, нанесенный волнами.
Долго противился он, шатаясь, напору прибоя,
Но раскололся — и вот мужи в воде очутились;
Плавают вкруг и мешают идти им обломки и доски,
Зыбь сбивает их с ног и, отхлынув, относит от суши.

Времени Турн между тем не терял, но все свое войско
К морю повел за собой и построил, чтобы недруга встретить.
Трубный разносится звук, и — добрый знак! — нападает
Первым Эней на полки земледельцев — и первою жертвой
Воин латинский упал: бегом навстречу герою
Бросился мощный Терон, но, пробив его медные латы,
Туники ткань разорвав, тяжелой от золота, в ребра
Впился Энея клинок. И Ли́хас пал, посвященный
Фебу: он был извлечен из утробы матери мертвой,

Но лишь младенцем ему удалось избегнуть железа.
Пали Гиас и Киссей, валившие палицей толстой
Толпы врагов: ни сила рук, ни оружье Алкида
Их не спасли, ни родитель Меламп, Геркулеса помощник,
С ним неразлучный, доколь земля отягчала трудами
Бога. Бросает Эней в понапрасну вопившего Фара
Дрот — и в раскрытых устах застревает острое жало.
Пал бы и ты, о Кидон, за возлюбленным следуя новым,
Клитом, чьи щеки покрыл впервые пушок золотистый,
В прахе лежал бы и ты, от руки Дарданида погибнув,
Страстью, что к юношам лишь тебя влекла, не тревожим,
Если бы братья твои не примчались когортой сплоченной,
Форка сыны; как один, все семеро копья бросают,
Но отскочили они от щита и шлема Энея
Или, Венерой благой отклоненные, только задели
Тело ему. Тут верному царь промолвил Ахату:
«Копья подай! Из них ни одно не метнет понапрасну
В рутулов эта рука: ведь под Троей не раз оставались
Копья мои у аргивян в груди!» И, промолвив, схватил он
Пику и бросил ее, и она у Меона с разлета
Медь пробивает щита и сквозь панцирь в грудь проникает.
Брат Альканор подбегает к нему, чтоб Меона в паденье
Правой рукой поддержать, но копье, не утратившт силы,
Дальше бег свой стремит и пронзает плечо Альканору,
И, омертвев, повисает рука, держась лишь на жилах.
Нýмитор, вырвав копье из тела брата, в Энея
Метит,— но поразить не дано ему было героя:
Только Ахата в бедро могучего ранила пика.
Юной силою горд, подбегает воитель из Курий,
Клавз, и Дриопа разит он издали пикой негибкой;
Брошена сильной рукой, говорившему что-то Дриопу
В горло вонзилась она, и речь и жизнь обрывая;
Вниз лицом он упал и кровью густой захлебнулся.
Трое фракийских бойцов, Борея дальних потомков,—
Идас-отец их прислал из отчего Исмара в битвы,—
Клавза рукой сражены, погибли от ран. Подбегает
С войском аврунков Алез, и Мессап, Нептунова отрасль,
Мчит на прекрасных конях. И одни, и другие стремятся
Вспять врагов оттеснить. На пороге Авзонии битва
Грозно кипит. Так ветры порой, враждуя в эфире,
Борются между собой, равны отвагой и силой,
И не хотят уступить ни они, ни море, ни тучи:
Долго упорствуют все, и неясен исход их сраженья.

Так же троянская рать с латинской ратью схватилась,
Грудью в грудь, нога к ноге, противники бьются.

В поле с другой стороны, где поток весенний оставил
Множество шатких камней и с обрыва смытых деревьев,
Дрогнул аркадцев отряд, непривычных к пешему строю
(Местность неровная их заставила седла покинуть);
В бегство пустились они от латинян, в погоне упорных.
Это увидев, Паллант — что еще в нужде остается? —
Доблесть друзей стремится зажечь то мольбой, то упреком:
«Что же бежите вы все? Эвандра именем громким,
Славой деяний его и былых побед и надеждой
Сына сравняться с отцом и стяжать хвалу — заклинаю:
В бегстве спасенья себе не ищите! Мечами должны мы
Путь прорубить! Туда, где враги лавиной густою
Мчатся на нас, отчизна зовет и вас и Палланта.
Нас не боги теснят: противник преследует смертный
Смертных,— не меньше у нас и сердец, и рук, и оружья!
Стойте! Волна преграждает нам путь, кончается суша:
Некуда дальше бежать! Иль помчитесь вы по морю в Трою?»
Так он промолвил — и сам врубился в гущу латинян.
Первым злая судьба послала навстречу Палланту
Лага: тяжелый поднять хотел он камень, нагнувшись,
Но размахнулся Паллант и копье вонзил ему в спину
Там, где ребра хребет раздвигает,— и вытащил с силой
Жало копья из костей. Тут Гисбон, напрасно надеясь
Юношу первым сразить, нападает, забыв осторожность,—
Ум помрачил ему гнев и боль за убитого друга,—
Но принимает его на клинок Паллант и вонзает
В легкое меч. Анхемол, старинного рода потомок,
Рета дерзостный внук, осквернивший мачехи ложе,
Пал на латинских полях, и Сфений, и Тимбер с Ларидом,—
Давка сыны-близнецы, меж собой вы были похожи
Так, что мать и отец в заблужденье сладостном часто
Путали вас,— но отнял Паллант ваше сходство жестоко:
Голову, Тимбер, тебе мечом Эвандра отсек он,
Правая прочь от плеча отлетела рука у Ларида,
Пальцы щупают меч, в содроганье предсмертном сжимаясь.
Речью вождя зажжены, на его деянья аркадцы
Смотрят — и вновь на врага посылают их стыд и обида.
Сбросил Ретея Паллант с колесницы двуконной, в которой
Мимо летел он,—и тем отсрочилась Ила погибель:
Ибо в Ила Паллант нацелил издали пику,

Но под удар попал Ретей, от вас убегавший,
Братья отважные, Тир и Тевтрант; с колесницы упал он,
В землю латинскую бьют стопы в содроганьях предсмертных.
Словно как знойной порой, когда ветер подует желанный,
В разных местах поджигает пастух жнивье —и, достигнув
Вмиг середины стерни, воедино сливается пламя,
Строем широким летит по полям Вулканово войско,
Он же, ликуя, с холма на пожар победный взирает,—
Так воедино слилась и доблесть друзей, загоревшись:
Все к Палланту спешат. Но Алез, безудержный в битве,
Бросился прямо на них, под прикрытьем щита пригибаясь,
Вмиг он Ладона сразил, и Ферета, и вслед Демодока,
Руку Стримоний занес над затылком Алеза — но тотчас
Меч ее острый отсек. В лицо он ударил Фоанта
Камнем — и брызнул мозг вперемешку с осколками кости.
Рока страшась, укрывал средь лесов Алеза родитель,
Но лишь только смежил старик побледневшие веки,
Парки на сына тотчас наложили руку и в жертву
Копьям Эвандра его обрекли. Паллант, замахнувшись,
Тибру взмолился: «Отец, копью, которым я целюсь,
Дай удачу, открой дорогу в сердце Алеза!
Я же с доспехом врага копье на дуб твой повешу».
Внял мольбе Тиберин, и Алез, прикрыв Имаона,
Сам безоружную грудь под копье аркадца подставил.
Но италийцам не дал устрашиться гибелью мужа
Лавз, что в ратном труде нес один огромную долю:
Пал Абант, преграда врагам, средоточие битвы,
Тусков редеют ряды, погибают аркадцы и с ними
Вы, кто вотще избежал ахейских копий,— троянцы.
Рати вплотную сошлись, и вожди равны их, и силы.
Задние рвутся вперед, уплотняется строй, невозможно
Руку в толпе занести. Отсюда Паллант наступает,
Лавз оттуда теснит. Почти ровесники оба,
Оба прекрасны лицом — но обоим нé дали судьбы
К отчим вернуться домам; повелитель великий Олимпа
Им не дозволил сойтись лицом к лицу в поединке:
Вскоре обоих ждала от врага сильнейшего гибель.

Турну меж тем благая сестра указала, что должно
Лавзу помочь, и герой в колеснице крылатой помчался
И, увидавши своих, закричал: «Покиньте сраженье!
Я нападу на Палланта один, обречен он в добычу
Мне одному! О, если бы нас и отец его видел!»

Молвит он так, и бойцы по приказу его отступают.
Смотрит Паллант, изумлен, как, надменным приказам послушны,
Рутулы вмиг отошли, и врага во весь рост исполинский
Мерит он взглядом угрюмым, и поле вокруг озирает,
И, выступая вперед, отвечает на речи тирана:
«Или доспех, что с тебя я сорву, прославит Палланта,
Или прекрасная смерть. Отец к обоим исходам
Равно готов. Угрозы оставь!» И, промолвив, средь поля
Встал Паллапт — и в груди застыла кровь у аркадцев.
Спрыгнул и Турн с колесницы своей, чтобы пешим сражаться.
Сходятся ближе враги. Словно лев, что, завидев с утеса
В поле далёко быка, к смертельной готового схватке,
Мчится,— так Турн подлетел, подобный хищному зверю.
Видя, что враг подошел па бросок копья, и решившись
Первым напасть,— если храбрым помочь при силах неравных
Жребий может,— Паллант к небесам с мольбой обратился:
«Гостеприимством отца и столом, за которым однажды
Ты пришельцем сидел, Алкид, тебя заклинаю:
Подвиг свершить помоги! Пусть увидит Турн, умирая,
Как снимаю с него доспехи я, победитель!»

Слышит Палланта мольбу и глубоко в груди подавляет
Горестный стон Геркулес и слезы льет понапрасну.
Сына Юпитер меж тем утешает ласковой речью:
«Каждому свой положен предел. Безвозвратно и кратко
Время жизни людской. Но умножить деяньями славу —
В этом доблести долг. Под высокими стенами Трои
Многие дети богов погибли. Мною рожденный
Пал в их числе Сарпедон. Знай, судьба уже призывает
Турна, и близок конец ему отмеренной жизни».
Так он промолвил и взор отвратил от пашен латинских.

С силой Паллант между тем метнул копье — и немедля
Меч сверкающий свой из полых выхватил ножен.
Вровень с плечом, одетым в броню, ударила Турна
Пика, у края щита пробив дорогу с разлета,
Но лишь задела слегка могучее рутула тело.
Турн, потрясая копьем с наконечником острым железным,
Целился долго — и вот во врага послал его, молвив:
«Сам погляди, не острей ли у нас наточены копья!»
Так он сказал. В середину щита пришелся тяжелый
Турна удар,—и, пробив многослойную медь и железо,

Бычьи кожи прорвав, одевавшие щит, наконечник
Юноше в ребра впился, не задержанный панцирем прочным.
Вытащить хочет Паллант копье из раны — но тщетно:
Кровь из тела и жизнь одним путем утекают.
Раною вниз умирающий пал; загремели доспехи;
К вражьей земле он приник обагренными кровью губами.
Встал над поверженным Турн:
«Слово мое,— он сказал,— передайте Эвандру, аркадцы:
Сына ему возвращаю таким, каким заслужил он
Видеть его. Почетный курган, обряд погребальный —
Все в утешенье отцу я дарю. За союз с иноземцем
Платит недешево он!» И, промолвив, царь наступает
Левой ногою на труп, чтобы перевязь снять золотую:
Дев преступленье на ней, и фалангу мужей, умерщвленных
В первую брачную ночь, и залитые кровью чертоги
Клон Эвритид на литом отчеканил металле искусно.
Полон радости Турн и горд прекрасной добычей.
О человеческий дух! Судьбы он не знает грядущей,
Меры не может блюсти, хоть на миг вознесенный удачей!
Время настанет — и Турн согласится цену любую
Дать, лишь бы жив был Паллант, и добычу и день поединка
Сам проклянет. Аркадцы кладут, стеная и плача,
Юноши тело на щит, и друзья уносят героя.
Вновь ты вернешься домой, о родителя горе и гордость!
Тот же унес тебя день, который в битву отправил,
Но и короткий свой путь ты устлал телами убитых.

С вестью о страшной беде не Молва, но нáрочный верный
Тотчас к Энею летит: на краю погибели тевкры,
Самое время прийти разбитой рати на помощь.
Встречных косит клинком и сквозь вражеский строй пролагает
Путь широкий Эней: к тебе стремится он, гордый
Кровью пролитой Турн. Всё стоят у него пред глазами
Старец Эвандр, и Паллант, и столы, к которым явился
Он пришлецом, и пожатия рук... Рожденных в Сульмоне
Юных бойцов четверых и вспоённых Уфентом столько ж
В плен живыми берет, чтобы в жертву манам принесть их,
Вражеской кровью залить костра погребального пламя.
После в Мага метнул он издали грозную пику,
Но пролетела над ним, увернувшимся с ловкостью, пика,
Сам же Маг, колена врага обнимая, взмолился:
«Тенью Анхиза тебя заклинаю, надеждами Юла:
Ради отца моего, ради сына жизнь подари мне!

В доме высоком моем серебра чеканного много,
Золота много лежит в издельях и слитках тяжелых,
Скрыто в земле. Решится не здесь победа троянцев,
Воина жизнь одного для исхода войны безразлична».
Так он сказал, и ему Эней на это ответил:
«Золото и серебро, которыми ты похвалялся,
Для сыновей сбереги: торговаться о выкупе поздно,
Выкупы Турн отменил, когда отнял он жизнь у Палланта.
Так же решают и Юл, и Анхиза родителя маны».
Вымолвив, голову он откинул Магу, схватившись
Левой рукою за шлем, и клинок погрузил ему в горло.
Феба и Тривии жрец Гемонид вдали показался,
Были виски у него обвиты священной повязкой,
Пышный доспех на солнце горел и одежда сверкала.
Бросился он от Энея бежать, но упал, и троянец
Сверху вонзил в него меч и укрыл его тьмой непроглядной,
Снял же доспехи Серест, чтоб царю посвятить их Градиву.
Снова бойцов собирают в ряды рожденный Вулканом
Цекул и храбрый Умброн, от Марсийских нагорий пришедший.
Яростно бьется Эней. Отсекает он левую руку
Анксуру,— и со щитом отлетела она под ударом.
Веря, что сила — в словах, говорил надменные речи
Анксур не раз и душой до небес возносился, быть может,
Сам он себе и седины сулил, и долгие годы.
Вышел навстречу Тарквит, сверкающим гордый оружьем
(Фавном, богом лесным, он рожден был и нимфой Дриопой),
Гневный героя напор сдержать он хотел, но с размаху
Пикой ударил Эней, и кольчугу и щит отягчая
Весом ее, и голову снес умолявшему тщетно,
Долгую речь оборвав, и упавшее теплое тело
Навзничь он повернул, и промолвил враждебное слово:
«Воин грозный, лежи отныне здесь! Не зароет
Прах твой добрая мать, не почтит его родовою гробницей:
Хищные птицы тебя разнесут или волны в пучину
Смоют, и к ранам твоим присосутся голодные рыбы».
После погнался Эней за Антеем и Лу́кой, что бились
В первых рядах, и за Нумой лихим, и за рыжим Камертом
(Был угодьями он богаче всех авзонидов,
Царь молчаливых Амикл, благородным рожденный
Вольцентом).
Словно встарь Эгеон, про которого молвят, что сотня
Рук была у него, и полсотни уст, изрыгавших
Пламя, и тел пятьдесят, что от молний Отца заслонялся

Он полусотней щитов, пятьдесят мечей обнажая,—
Так победитель Эней по всей равнине носился,
С теплым от крови клинком. Колесницу Нифея заметив,
Против четверки коней упряжных устремился он грудью.
Грозно крича, широко он шагал колеснице навстречу,—
Кони, завидев его, назад метнулись в испуге,
Сбросив Нифея и мча колесницу пустую к прибрежью.
Но вылетает еще скакунов белоснежная пара;
Лигер держит бразды и конями правит, а рядом
Брат его, быстрый Лукаг, вращает мечом обнаженным.
Юношей яростный пыл преисполнил гневом Энея,
Тотчас занес он копье и, огромный, встал перед ними.
Лигер сказал:
«Не Диомеда коней, не упряжку Ахилла ты видишь,
Здесь — не Пергама поля: и войну и жизнь ты окончишь
Нынче на этой земле!» Безрассудные Лигера речи
Слышны далёко вокруг, но в ответ не желает ни слова
Молвить троянский герой,— лишь в противника дротик бросает.
Весь наклонившись вперед, погоняет ударами пики
Резвую пару Лукаг и, левую выставив ногу,
К схватке готовится он — но Энеев дрот пробивает
Нижнее поле щита и в пах впивается левый,
Падает мертвым Лукаг, по равнине катится тело.
Благочестивый Эней проводил его словом недобрым:
«Нет, не медленный бег скакунов твою колесницу
Предал, Лукаг, и не призрак пустой на противников не́ дал
Ей налететь: ты сам соскочил и упряжку покинул!»
Молвив, схватил он коней под уздцы — с колесницы несчастный
Лигер упал и к нему протянул безоружные руки:
«Ради тебя, ради тех, кто тебя родил столь могучим,
Сжалься, троянский муж, не губи молящего душу!»
Долгие просьбы Эней прервал: «Не такие недавно
Речи ты вел! Так умри! Расставаться братьям не гоже!»
Молвив, рассек он Лигеру грудь и выпустил душу.
Так летел по полям предводитель дарданцев и всюду
Сеял смерть, словно яростный смерч иль поток в половодье,
А уж навстречу ему из лагеря мчался Асканий,
Тевкры летели, прорвав кольцо напрасной осады.

Той порою к себе призвал Юпитер Юнону:
«Что же ты скажешь, сестра и любезная сердцу супруга?

Вправду ль сбылось, что предвидела ты? Помогает Венера
Тевкрам и впрямь, и нету у них ни проворных в сраженье
Рук, ни ярости нет в душе, ни стойкости в бедах?»
Кротко Юнона ему отвечала: «Супруг мой прекрасный!
Скорбную зря не тревожь! Мне страшны твои гневные речи.
Если бы прежней была и такой, какой подобает,
Сила твоей любви,— хоть в одном бы ты, всемогущий,
Мне не мог отказать: чтобы я невредимым из битвы
Вынесла Турна, спасла бы его для родителя Давна.
Но суждено ему умереть и невинною кровью
Тевкрам за все заплатить, хоть он и нашего рода,
Ибо прапрадед ему — Пилумн, хоть нередко дарами
Щедро он сам отягчал твоих святилищ пороги».
Кратко сказал ей в ответ повелитель высот Олимпийских:
«Если для юноши ты, обреченного гибели скорой,
Просишь отсрочки и ждешь на то моего дозволенья,—
Турна заставь убежать, у судьбы настигающей вырви.
В этом я волен тебе угодить. Но если таится
В просьбах твоих о большем мольба, если ты замышляешь
Битв исход изменить, знай, напрасны эти надежды».
Молвит Юнона в слезах: «О, когда бы ты согласился
В сердце на то, на что согласиться вслух не желаешь,
Турну оставил бы жизнь... Но ему лишь смерть остается,
Иль заблуждаюсь я... О, если б так, если б сердце томилось
Тщетной тревогой и ты — ты ведь можешь! — смягчил приговор свой!»
Так сказала она и с высоких небес устремилась,
Воздух вихрями взвив, облеченная облаком плотным,
Прямо к троянским войскам, к лаврентскому лагерю тевкров.
Здесь, из тумана соткав бессильный призрак летучий,
Образ Энея ему придает богиня,— о чудо!—
Всем снаряжает его: и щитом, и дарданским доспехом,
Поступь, божественный лик героя — всё повторяет,
Голос влагает в уста — только звук пустой без значенья.
Тенью такой, говорят, человек после смерти витает,
Лживые сны таковы, что морочат спящие чувства.
Словно ликующий вождь, перед строем вьется троянским
Призрак и Турна зовет, и копьем, и голосом дразнит.
Только лишь рутул, напав, метнул свистящую пику,—
Призрак к нему повернулся спиной и в бегство пустился.
Тотчас поверил Турн, что воистину враг отступает,
Дух помраченный его загорелся напрасной надеждой.
«Что же бежишь ты, Эней, перед свадьбой покинув невесту?

Землю, к которой ты плыл, от меня ты сегодня получишь!»
Так, потрясая мечом, он кричал и, преследуя призрак,
Не замечал, что радость его развеяна ветром.
Вдруг, причален к скале, перед ним корабль оказался,
Спущены лестницы вниз и на берег проложены сходни,—
Прибыл на нем из Клузийской земли владыка Осиний.
Тотчас на судно взлетел Энея трепетный призрак,
Чтобы укрытье найти,— но, препятствия все презирая,
Турн вдогонку за ним по высоким сходням взбегает.
Только на палубу он ступил, немедля Юнона
Оборвала причальный канат, и, влекомый отливом,
В море понесся корабль. Из укрытья ненужного призрак
Быстро взмыл в высоту и смешался с темным туманом.
Рутула ищет меж тем и на бой Эней вызывает,
Встречных врагов по дороге разит, предавая их смерти,—
Турна же ветер несет посреди широкого моря,
Смотрит он вспять и, руки подняв, в неведенье судеб
Небу такие слова вместо слов благодарности молвит:
«О всемогущий Отец, неужели такого позора
Счел ты достойным меня и такую кару послал мне?
Где я? Куда я несусь? Кем вернусь из нежданного бегства?
Вновь увижу ли я лаврентского лагеря стены?
С теми, кто вышел за мной на бой,— что станется с ними?
Всех — о нечестье! — друзей я покинул на страшную гибель.
Вижу: в смятенье они разбрелись, умирающих стоны
Слышу... Что делаю я? Где земля разверзнется бездной,
Чтобы меня поглотить? Хоть вы пожалейте, о ветры!
Турн по воле своей вас молит: на скалы, на камни
Мчите проклятый корабль и на мели свирепые бросьте,
Чтобы ни рутулы там, ни молва меня не настигла!»
Так он в тоске говорил и душою метался, колеблясь,
Броситься ль грудью на меч и, великий позор искупая,
Сердце пронзить беспощадным клинком в порыве безумном,
В море ли прыгнуть и плыть к излукам берега дальним,
Чтобы снова пойти под удары копий троянских.
Трижды пытался Турн совершить и то и другое,—
Сжалившись, трижды его удержала царица Юнона.
По морю быстро скользит между тем корабль, и относят
Турна прибой и прилив к столице Давна старинной.

В битву на смену ему, подстрекаем Юпитером, вышел
Грозный Мезенций, напав на ликующих тевкров нежданно.
Тут же тирренская рать, подбежав, его окружает;

Всем ненавистен один, в одного направлены копья.
Он же подобен скале, что в морском просторе далёко
Высится, ярости волн отовсюду открыта, и вéтров
Натиск выносит двойной и удары моря и неба,
Но не дрогнет вовек. Сражены Мезенцием, пали
Гебр, Долихáона сын, и Латаг, и Пальм убегавший:
Тяжким обломком горы, огромным камнем ударил
Он Латага в лицо, а Пальму подсек под коленом
Жилы, и рухнул в песок непроворный беглец, а Мезенций
Лавзу добытый доспех подарил и шлем пышногривый.
Был и Эвант им убит, и Париса спутник и сверстник,
Сын Амика Мимант, рожденный жрицей Феано
В ту же самую ночь, когда в чреве носившая факел
Дочь Киссея на свет родила Париса; но в Трое
Пал Парис, а Мимант под Лаврентом лежит, позабытый.
Если согнанный с гор собак кусливою сворой
Вепрь, которого бор на склонах Вéзула диких
Долгие годы скрывал иль который средь топей Лаврентских
Пасся в густых камышах, а теперь попался в тенета,
Злобно ворчит и на месте стоит, ощетинив загривок,—
Издали ловчие все, подойти к нему ближе не смея,
Дроты бросают в него и кричат с безопасного места;
Так и бойцам, в ком по праву сильна на Мезенция злоба,
Меч обнажить и напасть на него не хватает отваги,
Все лишь поодаль шумят и мечут копья и стрелы,
Он же стоит до поры, вокруг озираясь без страха,
Только зубами скрипит, отряхая бессильные копья.
С тусками прибыл Акрон из пределов старинных Корита;
Родом грек, он бежал из отчизны, не справивши свадьбы.
Видит Мезенций: Акрон средь смятенного носится войска,
Пурпуром перья горят и плащ — подарок невесты.
Если несытый лев, что у хлева высокого рыскал,
Движимый голодом злым, заметит проворную серну
Или высокие вдруг рога оленя увидит,
Страшно разинет он пасть, ощетинит гриву, ликуя,
К теплой добыче прильнет и терзает ее, омывая
Кровью клыки.
Так же в гущу врагов Мезенций ринулся быстрый.
Рухнул несчастный Акрон; умирая, пятками бьет он
В черную землю, и кровь на обломки копий струится.
Бросился в бегство Ород; но почел недостойным Мезенций
В спину удар нанести и сразить его брошенной пикой:
Сам обогнав беглеца, он лицом к лицу с ним сошелся,

Чтоб не обманом его одолеть, но отвагой и мощью.
Павшего грудь он ногой придавил, на копье опираясь,
Молвил: «ПоверженОрод, вершивший немалую долю
Ратных трудов!» И соратники клич подхватили победный.
Но умирающий вдруг: «Кто бы ни был ты, победитель,—
Молвил,— недолго тебе ликовать без отмщенья осталось!
Ждет тебя та же судьба, и на той же равнине падешь ты!»
С гневом в душе, но смеясь, отвечал Мезенций: «Умри же!
А обо мне родитель богов и людей повелитель
Пусть, что захочет, решит!» И копье он вырвал из раны.
Тотчас же тяжкий покой, железный сон опустился,
Очи Орода застлав навеки тьмой непроглядной.
Цедик Алькага поверг, сразил Сакратор Гидаспа,
Орс, бесстрашный силач, и Парфений Рапоном убиты,
Клоний и с ним Эрихет, Ликаонов отпрыск,— Мессапом:
Спешившись, пешего он поразил Эрихета, а Клоний
Наземь упал, когда конь оступился. Агид-ликиец
В прахе Валером простерт, не чуждым доблести древней,
Фрония Салий убил и сам убит был Неалком,
Ловко владевшим копьем и стрелой, нежданно разящей.

Поровну скорбь и потери делил Маворс меж врагами,
То в свой черед побеждают одни, отступают другие,
То побежденный теснит — но никто не мыслит о бегстве.
С жалостью смотрят на них из чертогов Юпитера боги:
Тяжко невзгоды людей и гнев напрасный им видеть.
Дочь Сатурна глядит, глядит благая Венера,
Как меж враждующих толп Тизифона бледная рыщет.
Злобы неистовой полн, огромным копьем потрясая,
По полю битвы идет Мезенций. По морю так же
Шел великан Орион, когда сквозь Нереевы топи
Пеший он путь пролагал, лишь до плеч погруженный в пучину,
Или, с высокой горы принося многолетние вязы,
Шествовал сам по земле, голова же пряталась в тучах.
Ростом подобен ему и огромным доспехом Мезенций.
Мужа увидев среди многолюдного строя, собрался
Выйти навстречу Эней. А Мезенций, не ведая страха,
Храброго ждет врага, и стоит недвижимой громадой,
И, чтоб достигнуть копьем, расстоянье мерит глазами.
«Вы, о боги мои, копье и рука! Помогите
В этом бою! А ты, о мой сын, отцовской победы
Памятник будешь живой: доспех, с разбойника снятый,

Я тебе посвящу!» И, промолвив, издали бросил
Пику свистящую он, но, щитом отраженная прочным,
Прочь отлетела она и в живот вонзилась Антору;
Спутником был Геркулеса Антор, но, покинувши Аргос,
В бегстве к Эвандру примкнул и в Италии с ним поселился.
Пал он, несчастный, приняв за другого смертельную рану,
В небо глядел и родные края вспоминал, умирая.
Бросил копье и Эней. Три медных выпуклых круга
С бычьей кожей тройной и холстиной, щит одевавшей,
Пика пробила насквозь и, утратив силу удара,
В пах неглубоко впилась. Но, кровь тирренца увидев,
Выхватил меч, что висел у бедра, и, радости полный,
Начал Эней наступать, повергая противника в трепет.
Видит все это Лавз — и любовь к отцу исторгает
Стон из груди у него и из глаз — обильные слезы...
Здесь о кончине твоей, о твоих прекрасных деяньях —
Пусть лишь поверят века преданьям о подвигах древних,—
Не промолчу и тебя, незабвенный отрок, прославлю.
Шаг за шагом назад отступал, обессилев, Мезенций,
Пика торчала в щите и за ним тяжело волочилась.
Бросился Лавз к отцу из рядов и, встав меж врагами
В миг, когда руку с мечом занес Эней для удара,
Принял клинок на себя и сдержал напор смертоносный.
Ринулись с криком за ним друзья и, меж тем как Мезенций
Медленно вспять отступал, щитом сыновним прикрытый,
Издали копья метать принялись, врага отгоняя.
Щит выставляет Эней и сильней загорается гневом.
Так иногда средь летнего дня из тучи нависшей
Крупный посыплется град,— и бегут с полей земледельцы,
Пахарь торопится прочь и спешит прохожий укрыться
Иль под обрывом речным, иль в скале под сводом пещеры,
Чтобы грозу переждать, а когда воротится солнце,
Взяться опять за труды; и Эней, словно градом, засыпан
Копьями, ждет, чтоб ушла смертоносная туча, пролившись;
Лавзу меж тем он грозит, окликает Лавза: «Куда ты
Рвешься на верную смерть? Не по силам тебе, безрассудный,
То, на что ты дерзнул, ослепленный сыновней любовью!»
Не унимается Лавз. В душе предводителя тевкров
Выше вздымается гнев, и уже последние нити
Юноше Парки прядут. Могучим мечом ударяет
Лавза Эней и клинок вонзает в тело глубоко,
Легкий пробив ему щит, в нападенье заслон ненадежный,
Туники ткань разорвав, что золотом мать вышивала.

«Энеида»

Книга двенадцатая

Тотчас крови струя пропитала одежду, и грустно
Тело покинула жизнь, отлетев по воздуху к манам.
Сын Анхиза, едва умиравшего очи увидел,
Очи его, и лицо, и уста, побелевшие странно,
Руку к нему протянул, застонал от жалости тяжко,
Мысль об отцовской любви потрясла его душу печалью.
«Чем за высокий твой дух и за подвиг, о мальчик несчастный,
Может тебя наградить Эней, благочестием славный?
Свой доспех ты любил,— сохрани же его. Возвращаю
Манам и праху отцов твой прах, коль об этом забота
Есть хоть кому-то. И пусть одно тебя утешает:
Пал ты, сраженный самим великим Энеем!» Промолвив,
Медливших Лавза друзей он позвал и юношу поднял,—
Пряди коротких волос у него уже слиплись от крови.

Тою порой родитель его над струями Тибра
Влагою кровь унимал; изголовьем бессильному телу
Ствол упавший служил. Висел на ветке поодаль
Медный шлем, и в траве покоились праздно доспехи.
Между отборных бойцов лежал Мезенций, склонившись
Телом недужным на ствол; по груди борода разметалась,
Часто о Лавзе друзей вопрошал, задыхаясь, и часто
Слал он гонцов, чтоб к отцу печальному сын возвратился.
Но уж несли на щите рыдавшие воины тело
Лавза; в широкой груди широкая рана зияла.
Издали стон уловила душа, прозорливая в бедах.
Пылью седины свои осыпав и к небу простерши
Руки, Мезенций прильнул к бездыханному сыну, стеная:
«К жизни любовь, о мой сын, неужели во мне так упорна,
Что допустил я тебя, рожденного мною, погибнуть,
Встав за меня под удар? Твоею раной спасен я,
Гибель твоя мне жизнь сберегла! Увы мне! Теперь лишь
Смерть подступила ко мне, лишь теперь я воистину ранен!
Я преступленьем, мой сын, уж давно запятнал твое имя,
Был с престола отцов я изгнан, всем ненавистный.
Если отчизне платить и согражданам должен я пеню,—
Казнью любой у меня самого пусть бы отняли душу.
Я же и ныне живу средь живых и свет не покинул...
Нет, я покину его!» И, промолвив, на ногу больную
Встал он, хоть силы ему и сковала широкая рана,
И, непреклонный, велел привести коня (в утешенье
Только скакун остался ему, на котором с победой

Он возвращался из битв). И коню он печальному молвил:
«Долго, мой Реб,— если есть для смертных долгие сроки,—
Мы зажились. Но теперь или вновь ты с победой вернешься,
Голову вражью неся и кровавый доспех и за сына
Вместе со мной отомстив, или, если пути не проложит
Сила, со мною падешь. Ведь чужих приказов, я знаю,
Ты не снесешь, мой храбрец, и не вытерпишь рабства у тевкров».
Так он сказал и верхом на коня уселся привычно,
В обе руки набрал побольше дротиков острых,
Шлем блестящий надел с мохнатой гривою конской,
Реба вскачь он пустил и помчался к троянскому строю.
В сердце, бушуя, слились и стыд, и скорбь, и безумье.
Трижды Мезенций воззвал к Энею голосом громким.
Мужа Эней тотча́с же узнал и взмолился, ликуя;
«Дай, о родитель богов и Феб высо́коидущий,
Силой помериться с ним».
Так он сказал и, наставив копье, устремился навстречу.
Молвит Мезенций: «Меня ль устрашить ты задумал, жестокий,
После того, как сына убил? Но меня погубить ты
Только этим и мог! Ни богов не боюсь я, ни смерти,—
Ибо за смертью пришел! Не трать же слов! Но сначала
Эти подарки прими!» И, промолвив, дротик метнул он,
Следом еще и еще и, скача по широкому кругу,
Дрот за дротом бросал,— но все в щите застревали.
Трижды он обскакал Энея справа налево,
Трижды троянский герой повернулся на месте, и трижды
Круг описал устрашающий лес на щите его медном.
Но надоело ему извлекать бессчетные копья,
Медлить и пешим вести с верховым неравную битву:
Все обдумав в душе, он вперед рванулся и пикой
Череп пронзил от виска до виска коню боевому.
Взвился конь на дыбы и сечет копытами воздух,
Наземь стряхнув седока, а потом на передние ноги
Рушится сам, придавив упавшего всадника грудью.
Словно огонь, до небес взметнулись воинов крики.
Выхватив меч из ножон, к врагу Эней подбегает,
«Где же теперь,— говорит,— души необузданной сила,
Где Мезенций-храбрец?» И ответил тирренец, впивая
Взором небесный свет и вновь ободрившись духом:
«Худший мой враг, для чего меня ты смертью пугаешь?
Вправе меня ты убить, я с тем и вышел на битву,
Лавз о том же с тобой договор заключил перед смертью.

Лишь об одном я молю: коль в тебе к врагам нобежденным
Есть снисхожденье, дозволь, чтобы прах мой покрыли землею.
Знаю, как тускам моим ненавистен я стал. Укроти же
Ярость их, чтоб в могиле одной я покоился с сыном».
Так он сказал и горло под меч добровольно подставил,
Хлынула крови струя на доспех и душу умчала.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув.
Благочестивый Эней, хоть его и торопит забота
Павших предать земле, хоть печаль мрачит ему душу,
Все же с рассветом спешит богам обеты исполнить.
Холм насыпав и дуб от ветвей очистив огромный,
Он воздвигает трофей в честь тебя, Владыка сражений,
И одевает его с Мезенция снятым оружьем:
В брызгах кровавой росы косматый шлем и обломки
Копий вешает он и тяжелый панцирь, пробитый
В дюжине мест; а слева к стволу он прочно приладил
Щит из меди и меч в ножнах из кости слоновой.
После к друзьям — ибо плотно его обступили, ликуя,
Тевкров и тусков вожди — обратился он с речью такою:
«Главный труд совершен! Пусть и то, что сделать осталось,
Вас не страшит: вот первины войны, вот тирана доспехи,
Вот во что превращен моей рукою Мезенций.
Ныне поход предстоит на царя, на стены латинян.
Души свои и мечи с надеждой к битвам готовьте,
Чтобы, как только дадут всевышние нам изволенье
Вновь знамена поднять и войска из лагеря двинуть,
Праздными мыслями страх к промедленью нас не принудил.
Прежде, однако, земле предадим соратников павших;
Ждут погребенья они: ведь для тех, кто ушел к Ахеронту,
Почести нету иной. Наградите последним подарком
Храбрые души друзей, своею кровью добывших
Родину новую нам. Пусть в печальный город Эвандра
Будет отправлен Паллант, храбрейшим равный отвагой,
В черный день унесенный навек беспощадною смертью».

Так он в слезах произнес и назад направился к дому,
Где положили в сенях бездыханное тело Палланта.
Старец Акет его охранял, который Эвандру
Оруженосцем служил, а потом с питомцем любимым
В бой паррасийцев царем не в добрый час был отправлен.
Слуги теснятся вокруг, толпою сходятся тевкры,
В горе троянки стоят, распустив по обычаю косы.
Чуть лишь родитель Эней вошел в высокие двери,
Горестный вопль поднимают они, ударяя руками
В грудь, и эхом чертог отвечает скорбным стенаньям.
Сам Эней, увидав Палланта лик побелевший
И на гладкой груди от копья авзонийского рану,
Слез не мог удержать и промолвил: «Отрок несчастный!
Может ли быть, что, ко мне благосклонной явившись, Фортуна
Все же тебя отняла, не желая, чтоб новое царство
Наше ты сам увидал и к отцу вернулся с победой?
Нет, не то обещал я Эвандру-отцу на прощанье
В час, когда он, на великую власть меня посылая,
Нас по пути обнимал и с тревогой твердил, что придется
Встретить нам храбрых мужей, воевать с суровым народом.
Верно, он и сейчас надеждой тешится тщетной,
Небу обеты творит, алтари отягчает дарами.
Мы же Палланта — ведь он небесам ничего уж не должен! —
Грустно проводим к отцу, воздавая почесть пустую.
Горько будет ему погребенье сына увидеть!
Это ль победный возврат и триумф, которого ждал он?
В том ли я клялся ему? Но Палланта раны, о старец,
Не опозорят тебя, призывать тебе не придется
Смерть оттого, что спасся твой сын. О, какую опору
Ты потерял, Авзонийский край, и ты, мой Асканий!»

Юношу так оплакал герой, и поднять повелел он
На́ плечи прах и от всех отрядов тысячу выбрал
Лучших мужей, чтоб они проводили тело с почетом,
Чтоб разделили они и скорбь и слезы Эвандра,
Ибо возможно ль отцу отказать хоть в таком утешенье?
Тотчас из гибких ветвей дубов и дерев земляничных
Тевкры усердно плести погребальные стали носилки.
Ложе простое они затеняют густою листвою,
После кладут на него отважного юноши тело.
Сам он подобен цветку, что рукою девичьей сорван,—
Нежной фиалке лесной, гиацинту, склоненному томно:

Яркий цвет и красу до поры хранит он, но только
Мать-земля уж его не питает свежею силой.
Два пурпурных плаща, золотою затканных нитью,
Вынес родитель Эней,— те плащи своими руками
Сделала, рада трудам, для него царица Дидона,
Тонким утком золотым распещрив тяжелые ткани.
Полный печали, надел он один из плащей на Палланта,
Плотно окутал вторым обреченные пламени кудри;
К этим последним дарам он прибавил долю добычи,
Взятой вчера лишь в бою, и послов нагрузил вереницу.
Копья он шлет и коней, у врага захваченных в битве,
Руки связав за спиной, отправляет пленных для жертвы
Манам, чтоб кровью залить костра погребального пламя,
Также велит он к шестам имена прибить и доспехи
Всех побежденных врагов, чтобы сами вожди понесли их.
Сзади влачится Акет, удрученный годами и горем,
В грудь ударяя себя и лицо ногтями терзая
Иль простираясь в пыли и к земле припадая всем телом.
Вот колесницы ведут, обагренные рутулов кровью,
Следом скакун боевой Этон шагает, невзнуздан,
Голову низко склонив и роняя крупные слезы.
Шлем и копье Палланта несут, ибо прочим оружьем
Турн завладел. Выступают вослед печальной фалангой,
С копьями вниз острием, аркадцы, туски и тевкры.
После того, как прошли они все вереницею долгой,
Встал на месте Эней и промолвил со стоном глубоким:
«Рок суровый войны меня к слезам и потерям
Новым зовет. Прости же навек, Паллант мой отважный,
Вечная память тебе!» И умолк Эней, и направил
Шаг он к высоким стенам, возвращаясь к соратникам в лагерь.

Ждали Энея меж тем послы из столицы латинской;
Ветви оливы держа, перевитые шерстью, молили,
Чтобы дозволил он взять тела, лежащие в поле,
Там, где меч их скосил, и курган насыпать над ними:
С теми, кто света лишен, с побежденными можно ль сражаться?
Пусть ради дружбы былой пощадит он нава́ного тестя.
Добрый Эней не презрел посланцев законную просьбу,
Все разрешил им, о чем умоляли они, и промолвил:
«Злою судьбиной какой вы, латиняне, ввергнуты были
В эту войну? Почему вы союза с нами бежите?
Мира для мертвых, для тех, кто погублен жребием Марса,

Просите вы,— но мир и живым я дал бы охотно!
Я не пришел бы, когда б не назначил мне здесь поселиться
Рок, и войну я веду не с народом: царь ваш нарушил
Гостеприимства союз и доверился Турна оружью.
Выйти на смерть одному справедливее было бы Турну:
Если своею рукой войну окончить он хочет,
Хочет тевкров изгнать,— пусть сразится со мной, чтобы выжил
Тот, кому жизнь сохранит или бог, или сила десницы.
Но поспешите к себе, чтоб огню сограждан несчастных
Нынче предать». Промолвил Эней — и послы в изумленье
Замерли, только в глаза друг другу молча глядели.
Речью такой наконец ответил Дранк престарелый,
Турна юного враг, обвинитель его постоянный:
«О троянский герой, вознесен ты молвою, но выше
Мощью в бою вознесен! Чему нам прежде дивиться,
Что прославлять: справедливость твою или подвиг твой трудный?
В город родной отнесем твое с благодарностью слово,
Снова с Латином тебя, если путь укажет Фортуна,
Мы примирим. Пусть рутул других союзников ищет!
Стены с тобой возводить, возвещенные роком, и камни
Трои для вас на плечах подносить нам будет отрадно».
Так сказал он, и речь все одобрили криком согласным.
В дважды шесть дней установлен был срок, и, хранимые миром,
Стали без страха бродить по нагорным лесам меж латинян
Тевкры. Ясень звенит от ударов двуострой секиры,
Воины валят стволы до звезд поднявшихся сосен,
Клинья вгоняют в дубы и в смолистые кедры усердно,
Бревна кленовые вниз на скрипучих свозят телегах.

Той порою Молва, великого вестница горя,
В дом Эвандра летит, наполняет город Эвандра,
Та Молва, что досель возвещала победы Палланта.
Все к воротам спешат аркадцы; факел печальный
Каждый несет, как обычай велит; на дороге пылает
Ряд бесконечных огней и поля вырывает из мрака.
Скорбной фригийцы толпой приближались навстречу аркадцам;
Соединились ряды, и, едва вошли они в город,
Матери, их увидав, огласили улицы воплем.
Силой нельзя никакой удержать Эвандра: выходит
Он в середину, и лишь поставили наземь носилки,
Старец упал и к Палланту приник, стеная и плача;
Вырвался голос с трудом из горла, сжатого горем:

«Нет, не это, Паллант, обещал ты отцу, уезжая!
О, если б ты осторожнее был, когда вверился Марсу!
Знал я, как сильно влечет к неизведанной славе отважных,
Знал, как отрадно хвалу стяжать, сражаясь впервые!
Битвы приблизились к нам — и вот он, горестный опыт,
Вот награда твоя, вот обеты мои и молитвы, —
Им ни один не внял из богов! О супруга святая,
Счастье, что ты умерла, не дожив до этого горя.
Я же, судьбу победив долголетьем, живу, переживший
Сына отец. О, если бы сам я за войском союзным
Тевкров пошел, чтоб в меня вонзились рутулов копья,
Если б меня, не Палланта домой принесли бездыханным!
Тевкры, я вас не виню, не каюсь в том, что пожатьем
Рук мы скрепили союз: уготован был старости нашей
Этот удел, и если Паллант преждевременной смерти
Был обречен, то одно мне отрадно: пал он, сразивши
Тысячи вольсков и вам пролагая в Лаций дорогу.
С тем же почетом твой прах схороню я, с каким провожали
Благочестивый Эней тебя, Паллант, и фригийцы,
И тирренцев вожди, и все тирренское войско.
Вижу: доспехи несут врагов, тобою убитых.
Турн, тут стоял бы и ты — трофей, одетый оружьем,
Если б тебе был равен Паллант и годами и силой.
Но для чего не даю я троянцам вернуться в сраженье?
Тевкры, ступайте к царю и слова мои передайте:
Если постылую жизнь я влачу после смерти Палланта,
То лишь затем, что долг за мечом твоим остается.
Турна ты должен отцу и сыну. Платы лишь этой
Жду от тебя и судьбы. Не ищу я радостей в жизни, —
Сыну лишь в царство теней принести я хочу эту радость».

Встала Аврора меж тем, и несчастным смертным явила
Благостный свет, и с собой принесла труды и заботы.
У побережья Тархон и родитель Эней разложили
Утром костры и, блюдя старинный обычай, собрали
Воинов павших тела. Запылало черное пламя,
Дым непроглядной застлал пеленой высокое небо.
Трижды вокруг горящих костров бойцы обежали
В блещущих латах своих, и конные воины трижды
Вкруг погребальных огней проскакали с горестным воплем.
Слезы обильной струей орошают доспехи и землю.
Крики мужей и клики труб взлетают к светилам.

Воины мечут в огонь доспехи убитых латинян,
Пышные шлемы, мечи, с раскаленной осью колеса,
Конские сбруи; летят и дары знакомые в пламя:
Копья убитых друзей и щиты, несчастливые в битве.
В жертву Смерти быков приносят тут же без счета,
Кровью свиней и овец, что со всех похищены пастбищ,
Угли костров кропят. И глядят тирренцы и тевкры,
Как на кострах сгорают друзья по всему побережью,
И от обугленных тел отойти не смеют, доколе
Влажная ночь небосвод не украсила звездным убором.

Также в другой стороне у несчастных латинян не меньше
Ярких пылало костров. Зарывают многих убитых
Тут же на поле друзья; а других, собрав по равнине,
В ближние земли везут, в города возвращают родные.
Прочих же там, где лежали они беспорядочной грудой,
Всех италийцы сожгли без почета и счета,— повсюду
Пламенем частых костров озарилось просторное поле.
Третий рассвет прогнал с небосвода сумрак холодный.
Утром в глубокой золе авзониды собрали с печалью
Кости неведомо чьи и землей засыпали теплой.
Полнится скорбью меж тем Латина богатого город:
Стонут здесь горше всего, всего сильнее горюют.
Души любимых сестер, молодые несчастные жены,
Матери павших бойцов и отцов лишенные дети,—
Все проклинают войну и злосчастную Турнову свадьбу,
Требуют все, чтобы тяжбу мечом решил в поединке
Тот, кто на власть над страной и на высшую честь притязает.
Ропщущим сил придает свидетельство гневного Дранка:
Турна Эней вызывает на бой, одного только Турна.
Но и за Турна речей раздается немало повсюду:
Служит защитой ему царицы великое имя,
Прежних признанье заслуг и слава подвигов громких.

В эту пору, в разгар смятенных споров, вернулись
От Диомеда послы, из великого города греков;
Грустный ответ они привезли: понапрасну потратив
Столько трудов, ничего не добились они, и бессильны
Ценные были дары. У других пусть латиняне ищут
Помощи в этой войне или мира просят у тевкров.
Сил от горя совсем у царя Латина не стало.
Рок Энея привел и боги с ним,— убеждают

В том небожителей гнев и могилы свежие павших.
Тотчас Латин у себя великий совет собирает,
Первых из граждан призвав приказом в дом свой высокий.
Быстро сошелся совет, и толпой по улицам полным
Хлынул народ ко дворцу. Старше всех и годами и властью,
Царь Латин посредине сидит с челом омраченным.
В самом начале послам, пришедшим от стен этолийских,
С чем воротились они, рассказать он велит по порядку,
Что отвечал Диомед. И когда воцарилось молчанье,
Венул начал рассказ, повинуясь царскому слову.

«Граждане! Видели мы Диомеда и лагерь аргосцев;
Долгий измерили путь и тяготы все одолели,
Жали мы руку, что в прах Илионское царство повергла.
Город, названный им Аргирипой в честь города предков,
Он возводил на Япигской земле у подножья Гаргана.
После того, как ввели нас к царю и дали нам слово,
Мы дары поднесли и сказали, откуда и кто мы,
С кем воюем и что побудило нас в Арпы явиться.
Выслушав нас, Диомед в ответ нам сказал благосклонно:
«Вы, счастливый народ Сатурнова древнего царства,
Что за судьба не дает, авзонийцы, вам жить безмятежно,
Гонит вас затевать с врагом неведомым войны?
Всем, кто оружьем своим осквернил поля Илиона
(Я говорю не о тех, кто погиб, под стенами сражаясь,
Кто поглощен Симоента струей), несказанные казни
Рок за злодейство послал, по всему преследуя миру
Нас, кого и Приам пожалел бы. Знают об этом
Злая Минервы звезда, Кафарей и утесы Эвбеи.
В разные страны судьба занесла возвращавшихся греков:
Бродит Атрид Менелай за Столбами Протея в изгнанье,
Видел скиталец Улисс этнейских циклопов пещеры.
Сам властитель Микен, предводитель могучих ахейцев,
Пал на пороге родном от руки жены нечестивой:
Прелюбодей заманил победителя Азии в сети.
Локров ли я назову, заселивших берег Ливийский?
Идоменея ль очаг разоренный? Пирра ли царство?
Не́ дали боги и мне в Калидон возвратиться прекрасный,
Отчих пенатов алтарь и жену желанную видеть.
Даже и ныне меня виденья страшные мучат:
Спутников вижу моих, как они на крыльях взлетают,
В птиц — о, страшная казнь! — превратившись, как над рекою

Вьются и скалы вокруг оглашают жалобным криком.
Впрочем, иного и ждать с той поры не мог я, безумец,
Как дерзновенным копьем небожителей плоти коснулся,
Руку Венеры благой осквернил кровавою раной.
Нет, не вовлечь вам меня, не вовлечь в такие сраженья!
После того, как сожжен был Пергам, войны не веду я
С тевкрами: радости нет вспоминать и о прежних невзгодах.
Вижу, дары принесли вы мне из отчего края,—
Все дарданцев вождю отдайте! Острые копья
С ним я не раз преломил. Так поверьте опыту: грозен
Он, поднимает ли щит иль заносит летучую пику.
Если бы двое еще родилось на пашнях Идейских
Равных Энею мужей, то к стенам инахийским пошло бы
Племя Дардана войной, и оплакать судьбы перемену
Грекам пришлось бы. Коль мы под Троей медлили долго
И на десятый лишь год пришла к ахейцам победа,
То задержала ее Энея и Гектора сила:
Оба отвагой равны и оружьем — но благочестьем
Выше Эней. Пусть лучше рука сойдется с рукою,
Мир заключая, чем щит со щитом в поединке столкнется».
Слышал ты, славный наш царь, что ответил нам царь этолийцев,
Слышал сужденье его о войне великой и грозной».

Речь закончил посол, по устам авзонийцев тотчас же
Смутный ропот прошел; так в местах, где порог каменистый
Путь преграждает реки, стесненные быстрые струи
Ропщут, и рокоту волн отвечает обрывистый берег.
Только лишь смолкли уста и в сердцах утихло волненье,
Царь, к бессмертным воззвав, с престола высокого молвил:

«Как бы хотел я, чтоб мы о важнейшем деле решенье
Раньше успели принять! И совет полезнее было б
Нам собрать не тогда, когда враг стоит под стенами.
Против потомков богов мы ведем безысходную битву:
Непобедимы они и в сраженьях неутомимы,
Мы их не сломим вовек и сложить не заставим оружье.
Вы этолийцев призвать надеялись; замысел этот
Рухнул. Лишь на себя остается надежда,— но сами
Видите вы, как ничтожна она и в каком разрушенье
Всё, что осталось у нас. Убедитесь воочию в этом!
Я не виню никого: всё, что может высшая доблесть,
Сделано было, и сил не щадило в борьбе государство.

Ныне о том, к чему средь сомнений склоняется разум,
Вам я поведать хочу; так внемлите речи короткой.
Есть близ Этрусской реки у меня родовое владенье,
Что далеко на закат в пределы сиканцев простерлось.
Пашут рутулы там и аврунки лемехом острым
Склон каменистых холмов и пасут стада на стремнинах.
Весь этот край и хребет, одетый лесом сосновым,
Тевкрам уступим в залог грядущей дружбы и в царство
Наше их призовем, договор заключив справедливый.
Если уж так желают они — пусть город свой строят,
Если ж к пределам иным, к другим племенам пожелают
Тевкры отплыть и решат Авзонийскую землю покинуть,
Сколько они кораблей снарядить сумеют гребцами, —
Двадцать ли, больше ли,— все италийским оденем мы дубом.
Лес у берега есть. Пусть укажут нам вид и размеры
Всех кораблей,— мы дадим работников, медь и оснастку.
С тем, чтобы наши слова передать и добиться союза,
Пусть послами пойдут из числа знатнейших латинян
Сто человек, протянув оливы мирные ветви,
Золота в дар понесут и слоновой кости таланты,
Также и кресло и плащ — достоинства царского знаки.
Между собой совещайтесь теперь — и спасите отчизну!»

Тут поднимается Дранк, озлоблён, как всегда, ибо Турна
Слава язвила его стрекалом зависти тайной.
Был он богат и красно говорил, но пылок в сраженье
Не был; считался зато советчиком дельным и ловко
Сеял раздор. От матери Дранк унаследовал знатность,
Хоть и неведомым был рожден отцом. И сегодня
Так он сказал, громоздя обвиненья тяжкие в гневе:
«То, что советуешь ты, очевидно всем, и не нужны
Наши речи, о царь. Что сулит народу Фортуна,—
Спору нет,— понимает любой, да сказать не решится,
Если не даст говорить свободно и спесь не умерит
Тот, чье водительство нам, и кичливый нрав, и жестокость —
Все я скажу, хоть мне он мечом угрожает смертельным! —
Столько потерь принесли, по чьей вине закатилась
Многих знатных звезда и город в скорбь погрузился.
Он же, хоть небу грозит, лишь на бегство надеется в битвах.
К щедрым дарам, которые ты отправить дарданцам,
Царь наш добрый, хотел, одно прибавь порученье,
С тем чтобы волю твою насилье ничье не сломило:
Тевкрам вели передать, что дочь благородному зятю

Ты как отец отдаешь и навечно мир заключаешь.
Если же страх перед Турном сковал нам сердце и разум,
Будем его самого молить о милости слезно:
Пусть соизволит вернуть права царю и отчизне.
Ради чего бросаешь ты в бой на верную гибель
Стольких латинян, о Турн, наших бедствий исток и причина?
Нет спасенья в войне; у тебя мы требуем мира,
Мира залог уступи единственный и нерушимый!
Мнишь меня ты врагом, и без спора я в этом призна́юсь,—
Первым, однако, к тебе прихожу с мольбой о пощаде:
Гордый свой дух усмири и уйди, побежденный. Довольно
Видели мы похорон и просторных полей разорили.
Если же слава влечет, и в груди великую силу
Чувствуешь ты, и невеста тебе и царство желанны,
Будь смелей и грудью ступай навстречу Энею.
Нет, для того, чтоб тебе царевна в жены досталась,
Мы, ничтожный народ, неоплаканный, непогребенный,
Гибнуть должны на полях. Но коль есть в тебе сила и в сердце
Предков отвага жива, то врагу, что тебя вызывает,
Сам в лицо погляди».

Эти упреки зажгли неистовой яростью Турна,
С тяжким стоном слова из груди у него излетели:
«Дранк, я знаю, всегда тороват ты на речи бываешь
В час, когда руки нужны для войны. Ты в собранье старейшин
Первым спешишь, но чертог наполнять словами не время,
Хоть разглагольствуешь ты, не зная меры, покуда
На́ стену враг не взошел и рвы не наполнились кровью.
Что же, речами бряцай, как привык ты, и в трусости Турна,
Дранк, обвиняй: ты ведь сам истребил огромные толпы
Тевкров своею рукой, и по всей равнине трофеи
Ты водрузил. Между тем испытать нам нетрудно, что может
Доблесть живая свершить; далеко искать не придется
Нам врагов: отовсюду они к стенам подступают.
Вместе навстречу пойдем! Почему же ты медлишь? Иль знаться
С Марсом лишь твой болтливый язык и резвые ноги
Будут всегда?
Я побежден? Неужели меня назовет побежденным
Тот, кто увидит, как Тибр берега наводнил, переполнен
Кровью троянских бойцов, как Эвандра дом погубил я,
Корень его истребив, как совлек с аркадцев доспехи?
Нет, разбитым меня не видали ни Битий, ни Пандар
В день, когда сотни мужей я отправил в Орк, победитель,

Запертый в стенах врага и от вас отрезанный валом.
«Нет спасенья в войне». Для вождя дарданцев, безумный,
И для себя береги прорицанья свои! Продолжай же,
Страхом смущая сердца, восхвалять побежденного дважды
Племени мощь и втаптывать в грязь оружье латинян.
Ныне дрожат, мол, вожди мирмидонцев пред силой фригийской,
Ныне испуган Тидид и Ахилл трепещет ларисский,
От Адриатики вспять текут и Авфида струи.
Дранк притворился хитро, что моей опасается мести,
Страхом своим клевету отягчая преступно. Не бойся!
Низкую душу твою я своей рукой не исторгну,
Пусть остается с тобой и в твоей груди обитает.
Ныне к твоим я, отец, перейду высоким сужденьям.
Если ты все потерял на оружье наше надежды,
Если покинуты мы, если враг, потеснив нас однажды,
Силы наши сломил и Фортуна не может вернуться,—
Будем мира просить, простирая праздные руки.
Но когда бы хоть след в нас остался доблести прежней!
Всех счастливей в трудах, всех выше духом отважным
Тот для меня, кто смерть предпочтет такому исходу
И, чтоб не видеть его, будет землю грызть, умирая.
Есть еще силы у нас, и немало воинов цело,
Есть в Италийской земле города, что помочь нам готовы,
Славу и тевкры в бою обильной кровью купили,
Много потерь и у них, одинаково буря косила
Обе рати. Так что ж мы бежим от порога с позором?
Что от страха дрожим до того, как трубы пропели?
Многое времени труд изменяет, многое может
День исправить один, и Фортуны нрав переменчив:
То посмеется она, то дела наши снова упрочит.
Помощи пусть из Арп не пришлет нам царь этолийцев,—
С нами будет Мессап, и счастливый Толумний, и с нами
Многих народов вожди. Не минует великая слава
Лация лучших бойцов и воителей с пашен Лаврентских.
С нами Камилла, чей род средь вольсков издавна чтится,
Конных бойцов она привела, блистающих медью.
Если же тевкры на бой одного меня вызывают,
Если один только Турн — помеха общему благу,
Если угодно вам,— что ж! Я не столь ненавистен Победе,
Чтоб не решиться на всё во имя великой надежды.
Смело пойду на врага, пусть вторым он будет Ахиллом,
Пусть облечется в доспех, что рукою скован Вулкана;
Душу его посвящаю я вам и тестю Латину,

Ибо доблестью Турн никому не уступит из предков.
«Только меня вызывает Эней». Но о том и молю я!
Лишь бы Дранк не погиб искупительной жертвой, коль боги
В гневе на нас, иль меня не лишил победы и славы!»

Так меж собой препирались враги о неясном и темном
Будущем; тою порой покидали свой лагерь троянцы.
Вдруг пронеслась по дворцу, приводя в смятение толпы,
Весть и в единый миг наполнила ужасом город:
Сомкнутым строем идут от берега тибрского тевкры,
Следом тирренская рать по всей растянулась равнине.
Тотчас народ взволновался душой, и сердца встрепенулись,
Ярость в груди поднялась, разбужена острым стрекалом,
Руки рванулись к мечам, молодежь призывает к оружью,
Скорбные плачут отцы и ропщут тихо. Вскипают
Шумные споры везде и взлетают крики до неба.
Гомон такой же стоит, когда птиц перелетная стая
В роще опустится; так на обильной рыбой Падузе
Хриплый крик лебедей раздается по заводям звонким.
«Граждане! — рутул кричит, улучив мгновенье,— ну что же!
Долгий держите совет и в бездействии мир восхваляйте,—
Враг между тем уже вторгся в страну!» С такими словами
Быстро он бросился прочь и дворец высокий покинул.
«Ты, Волуз, прикажи снаряжаться манипулам вольсков,
Ты же и рутулов рать поведешь. Вы конницу в поле,
Кор, Камилл и Мессап, разверните строем широким.
Вы — на башни скорей, стерегите подступы к стенам,
Вы же, куда прикажу, за мною следуйте в битву».
Тотчас на стены бойцы со всего сбежались Лаврента.
Новой бедой удручен, Латин покидает собранье;
Замысел свой отложить надолго приходится старцу.
Вновь он винит себя в том, что по доброй воле не принял
В город и зятем своим не назвал дарданца Энея.
Перед воротами рвы горожане копают и носят
Камни и колья. И вот, кровавый бой возвещая,
Хрипло пропела труба. На стенах матроны и дети
Пестрым строем стоят, опасностью призваны крайней.
К храму Минервы меж тем, к высокой твердыне Паллады
Едет в толпе матерей с дарами царица Амата,
Дева Лавиния с ней, причина бедствий великих,
В землю глядит, не смея поднять прекрасные очи.
Матери входят и храм наполняют ладанным дымом,
Скорбные их голоса от высоких несутся преддверий;

«Ты, что оружьем сильна, о Тритония, браней владыка!
Мощной рукой сокруши копье врага, чтобы пал он
Возле высоких ворот, чтобы сгинул разбойник фригийский!»
Сам неистовый Турн снарядился в битву поспешно:
Панцирь чешуйчатый свой, горящий красною медью,
Он надел, застегнул на ногах золотые поножи,
К поясу меч привязал и, виски не покрыв еще шлемом,
С крепости вниз он сбежал, золотым окруженный сияньем,
Радостью бурной кипя и в мечтах врагов сокрушая.
Так застоявшийся конь выбегает из стойла на волю,
Привязь порвав, и стремглав по открытому полю несется:
То к табунам кобылиц на просторные пастбища мчится,
То к знакомой реке, где привык он купаться и плавать,
Ржет, резвится, летит, высо́ко голову вскинув,
Грива на шее крутой развевается вольно по ветру.

Турну навстречу скакал предводимый девой Камиллой
Вольсков отряд; возле самых ворот царица на землю
Спрыгнула; следом за ней с лошадей соскользнула немедля
Вся дружина ее; и сказала Турну Камилла:
«Турн, если вера в себя не напрасно дается отважным,
То обещать я осмелюсь тебе, что на турмы Энея
Я одна нападу и тирренскую конницу встречу.
Первой дозволь испытать мне сегодня опасности боя,
Сам же город храни, у стены оставаясь с пехотой».
Рутул, взор устремив на деву грозную, молвил:
«Как благодарность могу, о краса Италии, дева,
Словом иль делом тебе я воздать? Ты готова душою
Все превозмочь; раздели же со мной труды боевые!
Мне принесла и молва, и лазутчики верные вести:
Выслал вперед коварный Эней по равнине отряды
Конницы легкой, а сам, по обрывам карабкаясь горным,
Через пустынный хребет пробирается тайно к Лавренту.
Хитрость замыслил и я: в извилистом узком ущелье
Вход и выход заняв, я в лесу поставлю засаду.
Конницу ты тирренскую встреть — против знамени знамя.
Будут с тобою Мессап, тибуртинский отряд и латинян
Турмы; ты же возьми на себя полководца заботы».
Речью такою же он ободряет на битву Мессапа,
С ним и других союзных вождей — и выходит в сраженье.
Есть крутой поворот в ущелье; словно нарочно
Создан он для засад; здесь теснины темные склоны
Лесом густым заросли, и ведет лишь ничтожная тропка

К узким проходам меж гор в глубине зловещей лощины.
Прямо над ней высоко на горе поляна простерлась,
Можно за скалами там затаиться в безвестном укрытье,
Чтобы внезапно напасть на врагов или справа, иль слева,
Либо, засев на хребте, тяжелые скатывать камни.
Юноша в эти места поспешил по дорогам знакомым
И, поляну заняв, укрылся в лесу вероломном.

Дочь Латоны меж тем призвала проворную Опис,
Нимфу, средь спутниц ее блиставшую в сонме священном,
В свой небесный чертог и с такою скорбною речью
К ней обратилась: «На бой снаряжается ныне Камилла,
Наш надевает доспех, бесполезный в сече жестокой.
Всех мне дороже она. Не сегодня явилась к Диане
Эта любовь и зажгла внезапной нежностью душу:
В дни, когда был озлобивший всех произволом надменным
Свергнут с престола Метаб, то, старинный Приверн покидая,
В бегство средь распрей и смут пускаясь, унес он в изгнанье
Дочь-малютку с собой и, Касмиллы-матери имя
Чуть изменив, назвал в честь нее младенца Камиллой.
Шел он, дитя прижимая к груди, в далекие горы,
В дебри лесов, а вокруг с оружьем рыскали вольски,
Смертью Метабу грозя. И вдруг преграждает дорогу
Пенный поток беглецу: с берегами высокими вровень
Воды струил Амазен, от дождей разлившись обильных.
Хочет Метаб реку переплыть, но, любовью к младенцу
Скованный, медлит, боясь за бесценную ношу. И долго
Он размышлял, покуда в душе не созрело решенье:
Воин могучий, носил он всегда огромную пику,
Древком ей прочным служил узловатый дубок обожженный;
Лубом дочь спеленав и корою пробковой мягкой,
Ловко ее привязал к середине пики родитель;
В мощной руке потрясая копье, небесам он взмолился:
«Дева, владычица рощ, Латоны дочь всеблагая,
В рабство тебе посвящаю дитя! Убегая от смерти,
Ныне впервые она твоего коснулась оружья.
Дочь, о богиня, прими,— ее неверному ветру
Я поручаю!» И вот Метаб, с плеча размахнувшись,
Бросил копье; рокотала волна, и над быстрым потоком
Пика летела, свистя, унося малютку Камиллу.
Сам же Метаб, теснимый толпой, подступавшей все ближе,
Кинулся в воду, и вот, торжествуя, берет он младенца —
Тривии дар — и копье из травы вырывает прибрежной.

Люди его не пускали в дома, города не пускали
В стены свои, но Метаб не сдавался, свирепый, как прежде:
Век проводил он в пустынных горах пастухом одиноким,
В дебрях колючих кустов, средь лесных дремучих урочищ
Вскармливал дочь молоком кобылицы, не знавшей упряжки, —
Сам выдаивал он сосцы над губами младенца.
Только лишь первый свой след на земле отпечатала дочка,
Дротик наточенный дал ей родитель в нежные руки,
Стрелы в колчане и лук за плечо повесил малютке.
Вместо длинных одежд, вместо сетки в кудрях золоченой
Шкура тигрицы у ней с головы по спине ниспадала.
Детской рукой метала она нетяжелые копья,
Гибкой пращи ремешок раскрутить над собою умела,
Был то стримонский журавль, то лебедь добычей Камиллы.
В землях тирренских она могла бы невесткой желанной
Многим стать матерям, но, одной предавшись Диане,
Знает Камилла любовь лишь к оружью и к девственной жизни,
Свято блюдя чистоту. Как хотела бы я, чтоб Камиллу
Войны так не влекли, чтоб она не тревожила тевкров!
Спутницей ныне моей она была бы любимой.
Но, коль скоро близка неизбежная горькая участь,
С неба, о нимфа, слети, поспеши в пределы латинян,
Где завязалась уже при зловещих знаменьях битва.
Лук мой возьми и мстящую вынь стрелу из колчана:
Раною кто осквернит Камиллы священное тело,
Будь он тирренец иль тевкр, пусть своей заплатит мне кровью,
Я же в туче ее унесу и под отчим курганом
Скрою, прежде чем враг доспехи снимет с несчастной».
Так сказала она, и, окутана облаком черным,
Нимфа скользнула с небес, рассекая воздух шумящий.

Тою порой подходили к стенам Лаврента троянцы;
Конное войско вели, поделенное ровно на турмы,
Следом этрусков вожди. Скакуны звонконогие в поле
Ржут и встают на дыбы и, с уздой упорной воюя,
Носятся взад и вперед. Железной порослью копья
Всюду взошли на лугах, и равнина сверкает оружьем.
Но и с другой стороны латинян войско проворных,
С братом Кор, и Мессап, и всадники девы Камиллы
Вышли в поля навстречу врагу. Занесенные копья
Воины держат в руках и колеблют легкие дроты,
Топот пехоты слышней, лошадиное ржанье все громче.
Вот на полет копья сошлись два войска и встали

Строй против строя — и вдруг на врага кидаются с криком,
Бешеных гонят коней; отовсюду сыплются копья
Густо, как снег, и сияние дня затмевается тенью.
Мчатся лихой Аконтей и Тиррен друг другу навстречу,
Выставив пики вперед,— и с гулким грохотом оба
Первыми падают в прах, и с разлета сшибаются кони,
Грудью ломая грудь. Аконтей, ударом отброшен,
Словно баллисты снаряд или быстрая молния в небе,
Прочь отлетел далеко, и развеял жизнь его ветер.
Тут же, смешавши ряды и щиты закинув за спину,
Вспять погнали коней и помчались к стенам италийцы.
Тевкры несутся вослед, предводимые храбрым Азилом.
Лишь возле самых ворот италийцы, опомнившись, встали,
Подняли крик и назад скакунов повернули послушных.
Тевкры теперь убегают от них, отпустивши поводья.
Так, прилив и отлив чередуя, пучина морская
То прихлынет к земле и утесы накроет волною
И на прибрежный песок пошлет вспенённые струи,
То назад отбежит и, стоячие скалы сшибая,
Катит от берега их и сушу вновь обнажает.
Дважды до самых стен отгоняли рутулов туски,
Дважды, щиты за спиной, убегали, отброшены силой.
В третий раз наконец сошлись враги — и смешались
Между собою ряды, и схватился с воином воин.
Слышен везде умирающих стон, оружье и трупы
В лужах крови лежат, и на груду тел то и дело
Раненый валится конь; закипает бой беспощадный.
Прямо не смея напасть на Ремула, издали бросил
Пику в коня Орсилох, и под ухо вонзилось железо.
Раной взбешённый, взвился на дыбы скакун звонконогий,
Воздух копытами бьет, нестерпимой терзаемый болью,
Ремула сбросив с седла. И отвагой, и ростом, и силой
Всех превзошедший в бою, Иолай повержен Катиллом,
Им же Герминий убит; с головой непокрытой сражался
Он, распустив по плечам обнаженным светлые кудри,
Ранам тело открыв без боязни. Но пика пробила
Грудь от плеча до плеча, и согнулся он, болью пронзенный.
Черная кровь повсюду течет, и сеет железо
Смерть, и стремятся бойцы навстречу гибели славной.

Там, где сеча кипит, амазонка ликует Камилла:
Левая грудь открыта у ней, колчан за плечами,
То посылает она все чаще гибкие дроты,

То боевой свой топор рукой неслабеющей держит;
Лук золотой за спиною звенит — оружье Дианы.
Даже когда отступить заставляет Камиллу противник,
Стрелы она посылает назад, на бегу обернувшись.
Спутниц отборный отряд окружает Камиллу: Ларина,
Тулла несется за ней и Тарпея с медной секирой;
Лучших Италии дев избрала она — украшенье
Войска, и в мирные дни, и в бою надежных помощниц.
Так во фракийском краю по застывшим волнам Термодонта
Гонят со звоном коней амазонки в пестрых доспехах,
Мчат с Ипполитою в бой или вслед любимице Марса,
Пентесилее, летят за ее колесницей, и громкий
Женский разносится клич, и щиты луновидные блещут.
Первым кого и последним кого, суровая дева,
Пика настигла твоя? Сколько тел ты в прахе простерла?
Первым был Клития сын Эвней: летел на тебя он,
Но в обнаженную грудь впилось еловое древко.
Грянулся воин с коня и на рану упал, изрыгая
Крови потоки в песок и корчась в муках предсмертных.
Следом Пáгас и Лир погибли: первый пытался
Повод поймать, когда раненый конь его сбросил, второй же
К другу спешил, чтоб его подхватить рукой безоружной.
Так друг на друга они и рухнули оба. А дева,
Сына Гиппота сразив, Амастра, мчится в погоню
За Демофонтом, Тереем, и Хромием, и Гарпаликом.
Сколько бросает она в противника дротиков метких,
Столько и гибнет мужей. Но вот на коне апулийском
Óрнит, охотник лихой, в невиданных скачет доспехах:
Шкурой быка, воителя стад, широкие плечи
Орнит одел и покрыл огромную голову пастью
Волка, в которой клыки торчали из челюстей мощных;
Сельская пика в руках у него; меж всадников Орнит
Носится взад и вперед и ростом всех превосходит.
Дева его без труда средь врагов бегущих настигла,
Грудь пронзила ему и недоброе молвила слово:
«Мнил ты, тирренец, что здесь на лесного зверя облава?
День наступил, когда мы опровергнем женским оружьем
Ваши слова. Но к манам отцов и ты не без славы
Явишься, ибо сама тебя сразила Камилла».
Бута повергла она и за ним Орсилоха — из тевкров
Самых могучих мужей; убегавшему Буту вонзилось
В шею копье, где она меж кольчугой и шлемом открыта,
Где у всадников щит за спиною слева свисает;

Бегством притворным потом увлекла Орсилоха Камилла,
Влево пустила коня, чтоб скакать по меньшему кругу,
Мужа, что гнался за ней, догнала и, мольбам не внимая,
Дважды удар нанесла секирой тяжкой по шлему,
Медь и кость разрубив, так что мозг полился из раны.
Деве навстречу летел и внезапно замер в испуге
Авна воинственный сын, обитателя гор Апеннинских;
Был он, покуда судьба позволяла, хитрец не последний
Средь лигурийцев; и вот, увидав, что от встречи с царевной
Не уклониться никак, что бежать не удастся от битвы,
Стал он уловки в уме измышлять и Камилле лукаво
Молвил: «Пусть женщина ты — и для женщины много ли чести
В битве вверяться коню? Придержи скакуна и на землю
Смело ступи, чтоб со мной в поединке пешем сразиться.
Скоро узнаешь ты, кто будет ветреной славой обманут!»
Так он сказал; а она, уязвленная жгучей обидой,
Спутницам взять скакуна приказала и спешилась храбро,
Только с мечом и гладким щитом, чтоб сразиться на равных.
Он же, решив, что теперь одолел ее хитрым обманом,
Больше не медлил, но вмиг повернул коня и быстрее
Прочь полетел, торопя жеребца железною шпорой.
«Зря заносишься ты, лигурийский хвастливый спесивец!
Знай, тебя не спасут изворотливых предков уловки,
К лживому Авну живым не поможет вернуться коварство».
Молвила так и стремглав понеслась легконогая дева
И, обогнав скакуна, к беглецу лицом повернулась,
Повод схватила рукой — и кровавая кара свершилась.
Так, с утеса взлетев, священный хищник пернатый
Мчится легко на крылах, в облаках настигает голубку,
Жадно хватает ее и терзает когтями кривыми, —
Только капает кровь и кружатся в воздухе перья.

Не безразличным меж тем родитель бессмертных и смертных
Оком взирает на бой, восседая на высях Олимпа.
В битву вступить побуждает Отец тирренца Тархона,
Острым стрекалом язвит, разжигая в душе его ярость.
Там, где противника смял и смёл напор италийцев,
Мчится Тархон на коне, окликая по имени тусков,
Рать ободряя на бой и словом дух поднимая:
«Видно, неведомы вам ни стыд, ни обида, ни ярость!
Что за страх обуял вам ленивые души, тирренцы?
Женщина ваши ряды, словно стадо, гонит, как хочет!
Право, зачем вам клинки, для чего безобидные копья?

Вы лишь в любви горячи и горазды на битвы ночные,
Или, когда возвестят кривые флейты начало
Вакховых плясок, когда на столах и яства и кубки,
Тут и усердье у вас, и доброй воли хватает,
Если на жертвенный пир призовет вас в рощу гадатель».
Так он сказал и пришпорил коня, обреченный на гибель,
В гущу врагов, словно вихрь, влетел и правой рукою
Ве́нула сгреб на скаку и с коня сорвал его разом,
С силой притиснул к груди и помчался дальше с добычей.
Крик поднялся до небес, и немедля взгляды латинян
Все обратились к нему. А Тархон по равнине несется,
Муж и оружье в руках; от копья отломив наконечник,
Шарит по телу врага, ища неприкрытого места,
Чтобы удар нанести; но противится силою силе
Ве́нул, руку его оттолкнуть пытаясь от горла.
Словно как бурый орел, пролетающий в небе высоком,
В лапах уносит змею, вонзая в спину ей когти;
Ранена, в корчах она извивает гибкое тело,
Дыбом встает чешуя, шипенье несется из пасти,
Тянется вверх голова, но смиряет строптивого гада
Птица клювом кривым и взметает воздух крылами.
Так, увлекая стремглав из рядов тибуртинских добычу,
Мчится,. ликуя, Тархон. Увлеченные подвигом мужа,
Ринулись все меонийцы вперед. Обреченный судьбою,
Вертится хитрый Аррунт вокруг Камиллы проворной,
Ждет, не подарит ли вдруг удобный случай Фортуна.
В битве куда бы свой путь ни направила грозная дева,
Скачет повсюду за ней по пятам Аррунт молчаливый;
Стоит из гущи врагов ей назад умчаться с победой,
Юноша тотчас вослед скакуна направляет украдкой.
Можно ль отсюда напасть иль оттуда напасть, вероломный
Ищет Аррунт и рыщет вокруг с копьем наготове.
Некогда бывший жрецом Кибелы и ей посвященный,
Бился меж тевкров Хлорей, блиставший доспехом фригийским.
Мчит его взмыленный конь в чепраке из кожи, обшитой,
Словно перьями, сплошь чешуей позолоченной медной;
Сам Хлорей, облачен в багрец и пурпур заморский,
С рогом ликийским в руках, посылает гортинские стрелы;
Лук золотой за плечами звенит, золотой защищает
Вещую голову шлем, и желтым золотом в узел
Собраны полы плаща из шуршащих шафранных полотнищ;
Вышита туника вся и покров, одевающий бедра.
Дева — затем ли, чтоб в храм доспех троянский повесить,

Или затем, чтоб самой красоваться в золоте пленном,—
Гонится только за ним, одного его выбрав добычей,
В гущу врагов вслепую летит, позабыв осторожность:
Женскую жадность разжег в ней убор драгоценный Хлорея.
Тотчас же, миг улучив, Аррунт, не замеченный девой,
Поднял копье и с такою мольбой обратился к всевышним:
«Бог, величайший из всех, Аполлон, хранитель Соракта!
Первого чтим мы тебя, для тебя сосновые бревна
Жар пожирает, а мы шагаем, сильные верой,
Через огонь и следы оставляем на тлеющих углях!
Дай, всемогущий отец, мне смыть с оружья этрусков
Этот позор! Мне не нужен доспех побежденной Камиллы,
Ни горделивый трофей, ни добыча: делами иными
Пусть я стяжаю хвалу, пусть вернусь и без славы в отчизну,—
Лишь бы своей мне рукой извести эту злую заразу!»
Феб услышал его, и душой половине молитвы
Внял он, но ветрам велел половину другую развеять:
Дал изволение бог, чтоб Аррунт внезапным ударом
Насмерть Камиллу сразил, но гористую родину снова
Не́ дал увидеть ему, и слова его буря умчала.
Пущена меткой рукой, просвистела в воздухе пика;
Вольски увидели вмиг угрозу и взоры к царевне
Все обратили тотчас; но Камилла не слышала свиста,
Не увидала копья, что летело, эфир рассекая,
В тело доколе оно под грудью нагой не вонзилось,
Девичьей крови доколь не испило из раны глубокой.
Спутницы кинулись к ней в смятенье и не́ дали наземь
Раненой деве упасть. Аррунт, всех боле испуган,
Бросился прочь; смешались в душе ликованье и ужас,
Больше в царевну метнуть ни стрелу он, ни дротик не смеет.
Словно как волк, покуда за ним не пустились в погоню
Люди с оружьем, бежит без дорог в недоступные горы,
После того как убьет пастуха иль теленка зарежет
И, под брюхо поджав дрожащий хвост, убегает
В чащу лесную скорей, ибо знает вину за собою,—
Так же скрылся из глаз оробевший Аррунт и, доволен
Тем, что успел убежать, в ряды бойцов замешался.
Дева из раны копье рукой цепенеющей вырвать
Тщится, но в ребрах застрял глубоко наконечник железный.
Никнет, слабея, она, охладелые веки смежает
Смерть, и с девических щек исчезает пурпурный румянец.
И, умирая, она обратилась к одной из ровесниц —
Акке, которой всегда доверяла всех больше, с которой

Все заботы делить привыкла, и так ей сказала:
«Силам приходит конец, сестра моя Акка. От раны
Я умираю, и мрак пеленой мне глаза застилает.
К Турну беги, передай мое последнее слово:
Пусть он меня заменит в бою и тевкров отбросит.
Акка, прощай!» И, сказав, обронила поводья Камилла,
Наземь без сил соскользнула с коня; застылое тело
Медленно холод сковал, из рук упало оружье,
Тяжко склонилась на грудь голова, осененная смертью,
И отлетела душа к теням, ропща и стеная.
Тотчас же ввысь до светил золотых громогласный взметнулся
Крик, и свирепее бой закипел после смерти Камиллы.
Рвутся вперед, сплотивши ряды, троянские рати,
С ними тирренцев вожди и отряд аркадский Эвандра.

Тривией посланный страж, восседала Опис в ту пору
В ближних горах и с вершин наблюдала битву без страха.
Только лишь яростный крик бойцов она услыхала
И увидала вдали Камиллы скорбную гибель,
Вырвался стон у нее из груди, и промолвила нимфа:
«Слишком тяжко тебя, слишком тяжко судьба покарала,
Дева, за то, что войной ты осмелилась тевкров тревожить!
Жизнь твою не спасло то, что ты, людей избегая,
Чтила Диану в лесах и наши стрелы носила...
Горе! Но в смертный твой час не покинет владычица наша
На поруганье тебя; молва о гибели девы
Все племена облетит, и не скажет никто, что осталась
Ты неотмщенной: ведь тот, кто грудь осквернил тебе раной,
Смертью искупит вину». У подножья горы возвышался
Древний курган земляной, осененный густыми ветвями
Дуба: покоился там Дерценн, владыка лаврентцев.
Быстро на этот курган поднялась прекрасная нимфа,
Стала с вершины холма искать глазами Аррунта
И, завидев его, ликовавшего сердцем спесивым,
Молвила: «В сторону ты для чего уходишь? Приблизься!
Здесь ты погибнешь, Аррунт, за убийство Камиллы награда
Ждет тебя здесь: ты умрешь, пораженный стрелою Дианы».
Молвила так и, меж стрел, в золоченом лежавших колчане,
Выбрав одну, свой лук напрягла фракийская нимфа;
Долго сгибала его, пока не коснулись друг друга
Рога концы и стрелы́ острие руки не коснулось
Левой, а правая в грудь, отводя тетиву, не уперлась.
В воздухе свист Аррунт услыхал — и в то же мгновенье

В тело ему глубоко наконечник железный вонзился.
Стонам предсмертным его друзья не вняли, оставив
Мужа в пыли умирать, позабытым в неведомом поле.
Опис меж тем вознеслась на крылах к высотам Олимпа.

Легкий Камиллы отряд, потеряв царицу, пустился
В бегство первым, и вслед полетел Атин, убегая,
Рутулы с ним, и без войска вожди, и бойцы в беспорядке —
Все, коней повернув, спешат за стена́ми укрыться.
Нет и мысли о том, чтобы тевкров напор смертоносный
Стрелами остановить или встретить стойко с оружьем:
Держат все за спиной с тетивою спущенной луки.
Только копыта коней потрясают рыхлое поле.
Ближе и ближе к стенам несется темная туча
Пыли, толпа матерей, ладонями в грудь ударяя,
С башен глядит и зубцов, и до неба вопли взлетают.
Первый отряд беглецов в отворённые рвется ворота,—
Но по пятам подлетают враги беспорядочным строем,
Смерть латинян и здесь настигает — на самом пороге
Крепких отеческих стен, и среди домов безопасных
Всадники гибнут от ран. А другие скорей запирают
Створы ворот и не смеют впустить соратников в город,
Путь молящим закрыв. Меж своих начинается сеча:
Рвутся с мечами одни, их мечом отражают другие.
Вот на глазах матерей и отцов, рыдающих горько,
Те, что остались вне стен, во рвы срываются с кручи
Или, узду отпустив и коней погоняя вслепую,
В крепкие балки ворот, как таран, колотят с разлета.
Матери, жены — и те в разгаре схватки смертельной
(Путь им к отчизне любовь и Камиллы пример указали)
Стали дубины со стен и в огне заостренные колья,
Словно копья, метать во врагов рукою дрожащей;
В битве за город родной погибнуть каждая жаждет.

Турна в лесу между тем настигли горькие вести;
Акка их принесла, царя в смятенье повергнув:
Нет уж Камиллы в живых, и войско вольсков разбито,
Враг наступает, и Марс ему сопутствует в битве,
Поле у тевкров в руках, и страх до стен докатился.
В ярости Турн (такова громовержца суровая воля)
Сходит, безумец, с холмов, покидает лесную засаду.
Только лишь он отступил и достиг открытой равнины,
Как родитель Эней, миновав без помехи ущелье,

Горный хребет одолел и отряды из лесу вывел.
Так с войсками они, поспешая оба к Лавренту,
Шли друг другу вослед, разделенные малым пространством,
В тот же миг, когда увидал Эней в отдаленье
Строй италийских бойцов на полях, дымящихся пылью,—
Турн по доспехам узнал владыку грозного тевкров,
Ржанье коней услыхал и мерный топот пехоты.
Тотчас сошлись бы они, чтобы в битве помериться силой,
Если бы Феб утомленных коней в пучину Гибера
Не погрузил, заалев, и мрак, окутавший небо,
Лагерем стать не заставил врагов под самым Лаврентом.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Видит Турн: изнемог, враждебным сломленный Марсом,
Дух латинян, и все ожидают, что он обещанье
Выполнит, все на него одного глядят с укоризной.
Пуще гордость и гнев разгорелись в душе непреклонной:
Словно как лев на ливийских полях, когда ловчим он ранен,
Грозно готовится в бой, и на шее под гривой мохнатой
Мышцы играют, и рык излетает из пасти кровавой,
И бестрепетно зверь ломает дротик вонзенный,—
Так же неистовый Турн накалялся безудержной злобой.
В бурном волненье к царю он с такой обращается речью:
«Дело уже не за Турном теперь, и у тевкров трусливых
Повода нет отменять иль оттягивать то, что решили.
С ним я сражусь. Готовьте обряд, договор заключайте!
Либо своею рукой беглеца азиатского в Тартар
Сам я пошлю,— пусть праздно сидят и смотрят лаврентцы,
Как опровергну мечом я упреки, что все мне бросают,—
Либо пусть он побежденной страной и невестой владеет».

Турну Латин отвечал с преисполненным кротости сердцем:
«Воин, великий душой! Насколько всех превосходишь
Дерзкой доблестью ты, настолько мне подобает
Всё обдумать и все случайности взвесить с опаской.
Есть у тебя города, что ты сам покорил, и владенья
Давна-отца, и казны у Латина щедрого хватит.
Есть и в Латинской земле, и в Лавренте другие невесты,
Не из бесславных родов. Дозволь мне высказать прямо
То, о чем говорить нелегко, и запомни навеки:
Дочь отдавать никому из тех, кто сватался прежде,

Права я пе имел: так и боги и люди вещали.
Но, побежден любовью к тебе и слезами Аматы,
Помня о нашем родстве, разорвал я священные узы:
Отнял у зятя жену, нечестивое поднял оружье.
Видишь ты сам, какие с тех пор гнетут меня беды,
Войны какие: ведь ты всех больше тягот выносишь.
Враг — ты забыл? — нас дважды разбил, надежда латинян —
Только на стены теперь. От нашей крови доныне
В Тибре вода горяча, от костей поля побелели.
Сколько же раз мне решенье менять? Какое безумье
Дух мой мутит? Если с ними союз после гибели Турна
Я готов заключить, почему, пока еще жив он,
Мне войну не прервать? Что скажут все италийцы,
Если на смерть — да не даст судьба словам моим сбыться! —
Я обреку жениха, который дочь мою сватал?
Вспомни войны превратности все, над родителем сжалься
Старым, который теперь грустит о сыне в далекой
Ардее». Все ж не смирил Латин неистовство Турна,—
Больше его распалил, усугубив недуг врачеваньем.
Турн, едва только мог он слово вставить, ответил:
«Если тебя обо мне заботы мучат, оставь их,
Добрый отец, и дозволь выбирать между жизнью и славой.
Я ведь тоже метать умею копья, и крепко
Меч держать, и врагов железом до́ крови ранить.
Будет богиня-мать далеко от сына и женской
Тучей не скроет его, не подменит тенью бесплотной».

Тут зарыдала, страшась исхода битвы, царица,
Пылкого зятя обняв, обреченная смерти взмолилась:
«Турн, если сердцем ты чтишь Амату, если слезами
Тронуть могу я тебя,— ведь один ты покой и надежда
Старости жалкой моей, лишь тобою крепки Латина
Власть и честь, и в крушенье наш дом ты один подпираешь,—
Я молю об одном: не вступай в поединок с троянцем!
Та же участь, что ждет тебя в этой гибельной битве,
Ждет и меня: я покину с тобой этот мир ненавистный,
Чтобы, пленнице, мне не увидеть зятем Энея».
Матери слыша слова, залилась и Лавиния плачем,
Слезы лицо, запылавшее вмиг, орошают, и пламя
Рдеет на влажных щеках, разгораясь алым румянцем.
Словно слоновая кость, погруженная в пурпур кровавый,
Словно венчики роз, что средь бледных лилий алеют,
Так у царевны в лице с белизной боролся румянец.

Турн неотрывно глядит на нее и, гонимый любовью,
Рвется в сраженье сильней; и Амате ответил он кратко:
«Мать, слезами меня,— ведь сулят недоброе слезы, —
Не провожайте, молю, на суровую Марсову битву.
Турн ни отсрочить свою, ни приблизить не волен кончину.
Весть от меня, Идмóн, передай повелителю тевкров,
Хоть и придется она ему не пó сердцу: завтра,
Чуть лишь на небо взлетит в колеснице багряной Аврора,
Тевкров на рутулов пусть не ведет он, пусть отдыхает
Тевкров и рутулов меч: мы своею кровью положим
Битвам конец; пусть в бою женихи добывают невесту!»

Так он сказал, и, к себе удалившись поспешно, велел он
Тотчас коней привести и долго на них любовался;
Некогда их подарила сама Орифи́я Пилумну,
Спорили с ветром они быстротой, белизной — со снегами.
Вкруг обступив скакунов, по груди лихие возницы
Ласково хлопают их и чешут гривы густые.
Нá плечи Турн надевает меж тем чешуйчатый панцирь
(Золотом панцирь сверкал, и горел он светлою бронзой),
Меч берет он, и щит, и рогатый шлем красногривый
(Бог огнемощный сковал тот меч для родителя Давна,
В волны Стикса клинок погрузив, добела раскаленный);
После с силой схватил и потряс он могучею пикой,
Что прислоненной к столпу посреди чертога стояла
(Пику он эту добыл у аврунка Актора в битве).
Громко рутул вскричал: «Ты всегда безотказно внимала,
Пика, моим мольбам! Приближается срок! Помоги же
Турну, который тобой после Актора ныне владеет!
Дай полумужа сразить фригийца, и сорванный панцирь
Мощной рукой изломать, и в пыли ему выпачкать пряди
Влажных от мирры кудрей, завитых горячим железом».
Бешенство гонит его, от щек, пылающих жаром,
Искры летят, и в безумных глазах огонь полыхает.
Так бычок молодой, протяжным пугая мычаньем,
Пробует в гневе рога перед первою битвой, упёршись
В крепкий древесный ствол, и бодать пытается ветер
Или, готовясь к борьбе, песок копытами роет.

В это же время Эней, не меньшим гневом исполнен,
Сердце для битвы крепил, облачившись в доспех материнский,
Радуясь, что договор конец положит сраженьям.
Сам утешал он друзей и тревогу печального Юла,

Им открывая судьбу, и мужей отрядил, чтоб Латину
Твердый ответ отнести, известить об условиях мира.

Только лишь новый день, восходя, осыпал лучами
Горы, и ввысь поднялась из пучины Солнца упряжка,
Головы гордо подняв, из ноздрей выдыхая сиянье,—
Стали тотча́с же у стен великого города порознь
Тевкры и рутулов рать готовить поле для битвы,
Общим богам воздвигать алтари из зеленого дерна
И очаги. А другие огонь и воду приносят,
Бедра одев полотном и виски увенчавши вербеной.
Вот авзонидов войска выходят, строй копьеносный
В поле течет из ворот. Выступают навстречу троянцы,
Вслед тирренцев полки, непохожи на тевкров оружьем.
Каждый так снаряжен, словно Марсов бой беспощадный
Войско зовет. Меж бойцов в багреце и в золоте гордом
Скачут, красуясь, вожди: Мнесфей, Ассарака потомок,
Храбрый тирренец Азил; впереди ополченья латинян
Едет Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль.
Подали знак — и ряды по своим сторонам расступились,
Копья воткнули в песок, и щиты к ним бойцы прислонили.
Гонит на кровли домов, на высокие башни тревога
Весь безоружный народ, матерей и немощных старцев,
И у ворот городских толпой теснятся лаврентцы.

В это мгновенье с холма, что зовется ныне Альбанским,—
Встарь же ни имени он не имел, ни почета, ни славы,—
Дочь Сатурна поля оглядела с вершины, и оба
Войска враждебных на ней, и город владыки Латина.
Турна сестре сказала она, богиня — богине,
Властной над влагой озер и о звонких пекущейся реках,
Ибо возвысил ее священной почестью этой,
Девство похитив у ней, повелитель высокий эфира:
«Нимфа, потоков краса, моему любезная сердцу,
Ведаешь ты, что тебя среди жен латинских, деливших
Ложе, постылое мне, с Юпитером великодушным,
Я отличила одну, наградив небесным уделом.
Знай же, что горе тебе грозит, и меня не кори им:
Прежде казалось мне, что не враждебны Фортуна и Парки
Лация делу — тогда я хранила твой город и Турна,
Ныне же храбрый вступил с судьбой в неравную битву.
Паркой назначенный срок и десница врага уже близки.
Я не в силах смотреть ни на их договор, ни на битву.

Если отважишься ты ради брата хоть что-нибудь сделать, —
Действуй, пора! Быть может, придет к злополучным удача!»
Этим богини словам отвечала слезами Ютурна,
Дважды и трижды рукой в благородную грудь ударяя.
«Плакать не время, спеши,— говорит царица Юнона,—
Брата, коль способ найдешь, попытайся вырвать у смерти,
Вновь их сражаться заставь и разрушь союз заключенный.
Я отвечаю за все». И покинула нимфу Юнона,
Дух колебаньем смутив и ранив сердце печалью.

Тою порой показались цари: в колеснице четверкой
Едет могучий Латин, и венец на челе его блещет
Яркий, о дважды шести лучах золоченых,— отличье
Внуков Солнца; и Турн белоснежной парою правит,
Две в руке у него с широкими жалами пики.
Вот и родитель Эней, зачинатель племени римлян,
Звездным сверкая щитом, небесным доспехом сверкая,
С ним Асканий — второй залог величия Рима,—
Лагерь покинув, идут; облаченный в белое платье
Жрец поросенка ведет и овцу, не знавшую стрижки,
В жертву богам, к алтарям, пылающим пламенем жарким.
Взоры очей обратив восходящему солнцу навстречу,
Головы жертв посыпают цари соленой мукою,
Метят их острым клинком и творят на алтарь возлиянье.
Благочестивый Эней с мечом обнаженным взмолился:
«Солнце в свидетели я призываю и Лация землю,
Ради которой труды и невзгоды я тяжкие вынес!
Ты, всемогущий Отец, с твоей сестрой и супругой,
К нам благосклонной теперь по молитвам моим! Ты, родитель
Марс, прославленный бог, в чьей власти битвы и войны!
Будьте свидетели мне и вы, Родники и Потоки,
Вы, божества, сколько есть вас в морях и высоком эфире!
Если жребий отдаст авзонийскому Турну победу,
В город Эвандра тогда пусть уйдут побежденные тевкры,
Эти поля покинет мой сын, и впредь энеады
Ваших не будут держав мечом мятежным тревожить.
Если же судьбы пошлют победу нашему Марсу,—
В это я верю, и пусть не обманут всевышние веры,—
Тевкрам я подчинять италийцев не стану и царской
Власти искать для себя: пусть не будет никто побежденным,
Пусть неразрывный союз равноправные свяжет народы.
Я лишь богов и святыни вам дам. Пусть торжественной
властью

Тесть мой владеет, Латин, на войне и в мире,— для нас же
Тевкры град возведут, и Лавиния даст ему имя».
Так Эней говорил, и Латин вослед ему молвил,
К небу взор устремив, простирая руки к светилам:
«Теми же я клянусь Землей, Светилами, Морем,
Януса ликом двойным и чад Латоны четою,
Силой подземных богов и святилищем крепкого Дита!
Мне да внемлет Отец, освящающий молнией узы!
Вы, божества и огни алтарей, которых касаюсь,
Мне свидетели: мир и союз нерушим для латинян,
Что б ни случилось, вовек. Никакая сила отныне
Волю не сломит мою,— пусть бы даже в потопе смешались
Волны и суша и свод небес обрушился в Тартар,—
Так же, как этот жезл (был жезл в руке его правой)
Тени не даст никогда, не оденется легкой листвою,
После того как, в лесу со ствола материнского срезан,
Соков лишен, потерял под ножом он и кудри и ветви,
Некогда сук, но теперь рукой искусной оправлен
В медный убор и вручен отцам народа латинян».
Так говорили цари, договор скрепляя взаимно,
Перед очами вождей, а потом над огнем по обряду
Жертвы заклали они освященные, заживо вырвав
Сердце и печень у них и алтарь отягчивши дарами.

Но уж неравным теперь поединок царей представлялся
Рутулам; в душах у них несогласные борются чувства
Тем горячей, чем ближе они превосходство Энея
Видят. И пуще сердца́ взволновал лицом изможденным,
Взором потупленным Турн, когда он к алтарю, побледневший,
Шел и с мольбою к нему припал, не промолвив ни слова.
Слышит Ютурна: в толпе раздается ропот все громче,
Шаткие души людей обращаются к помыслам новым;
В гущу стоящих бойцов, приняв обличье Камерта
(С прадедов был могуч его род, и отец возвеличил
Доблестью имя его, и он сам был воин отважный),
В гущу бойцов замешалась она и стала умело
Сеять ропот меж них, подстрекая такими речами:
«Видеть не стыдно ли вам, как за нас за всех подставляет
Жизнь один под удар? Иль числом не равны мы и силой
Нашим врагам? Вот вся она здесь, аркадцев и тевкров
Рать роковая, и вот ненавистные Турну этруски:
Всем не хватит врагов, коль один на один мы сойдемся!
Турн к небожителям, чьим алтарям он себя посвящает,

Будет молвой вознесен, и не смолкнет в устах его имя.
Мы же, отчий наш край потеряв, надменным владыкам
Станем рабами, коль здесь сидеть останемся праздно».
Воинов рвенье она разожгла такими речами,
Громче и громче пополз по ратям рутулов ропот.
Даже латиняне все и лаврентцы, которые прежде
Лишь о спасенье страны, о покое и мире мечтали,
Рвутся к оружью опять и молятся, чтоб не успели
Клятвой скрепить договор, и об участи Турна жалеют.
Нимфе все мало, и вот, затеяв новую хитрость,
Знаменье в небе она явила (ничто италийцам
Ум не могло сильней помутить, чем обманное чудо):
В алом эфире летел орел Юпитера бурый,
Птиц прибрежных вспугнув, за крылатым гнался он строем;
Вдруг упал с высоты и прекрасного лебедя поднял
Злобный разбойник из волн, кривыми впившись когтями.
Духом воспрянув, глядят италийцы на дивное дело:
С криком всей стаей назад повернули бегущие птицы,
Свет крылами застлав и сбившись плотною тучей,
В небе погнали врага,— и, натиском их побежденный,
Выпустил хищник из лап, ослабевших от тяжести груза,
В воду добычу и сам в облака умчался трусливо.
Рутулов радостный клич предвестье лживое встретил.
Тянутся руки к мечам. И первым гадатель Толумний
Молвит: «Ниспослано то, о чем просил я в молитвах!
Вижу богов, богов узнаю! Берите оружье,
Я поведу, несчастные, вас, которых войною
Злобный пришлец запугал, словно птиц бессильных, явившись
Берег ваш разорять. Но на всех парусах убежит он
В море трусливо. А вы ряды дружнее сомкните:
В битве царя защитим и отнять его не позволим!»
Вымолвив, он из рядов выбегает и в тевкров бросает
Пику; прямо летит, рассекая воздух со свистом,
Ветка кизила. И вмиг раздаются крики повсюду,
Вмиг запылали сердца, и ряды смотревших смешались.
Пика меж тем,— у нее на пути живою преградой
Девять прекрасных сынов аркадца Гилиппа стояло,
Братьев, рожденных одной тирренкой-матерью старцу,—
В тело впилась одному, туда, где живот его стянут
Кожаным поясом был, скрепленным пряжкою сбоку;
Юношу дивной красы, блиставшего пышным доспехом,
Пика пронзила насквозь и в песок опрокинула желтый.
Братья, отважный отряд, пораженные скорбью внезапной,

Тотчас хватают мечи и железо летучее копий,
Рвутся вслепую вперед; навстречу им выбегает
Строй лаврентских бойцов; и уже агиллинцы и тевкры
Мчатся лавиной густой и аркадцы в пестрых доспехах.
Страсть одна у врагов: решить оружием тяжбу.
Все алтари сметены. Взвихрённой черною тучей
По небу копья летят, и железный рушится ливень.
Чаши несут и жаровни назад. Латин убегает,
Прочь уносит богов, изгоняемых попранной клятвой.
Впрячь в колесницы коней спешат одни, а другие
Прыгают в седла, летят на врага с мечом обнаженным.
Вот на Авлеста-царя Мессап коня направляет
В жажде разрушить союз, и тирренца в царском уборе
Гонит он и теснит, — пока, попятившись в страхе,
Вдруг на алтарь, что сзади стоял, не наткнулся несчастный.
Навзничь он пал и на жертвенник лег головой и плечами;
Быстрый примчался Мессап, о пощаде молившего мужа
Толстым, тяжелым копьем он с коня ударил и молвил:
«Этот готов! Принес я богам наилучшую жертву!»
С теплого тела доспех италийцы, собравшись, сорвали.
Вот Кориней, на бегу с алтаря головню подхвативший,
Бросил Эбузу ее, для удара занесшему руку,
Прямо в лицо; борода занялась у Эбуза густая,
Смрад паленых волос полетел; Кориней же немедля
Левой рукою схватил врага трепетавшего кудри,
Наземь бросил его, придавил, упершись коленом
В грудь, и твердый клинок вонзил меж ребер. За Альсом,
Храбрым хранителем стад, среди первых летавшим сквозь копья,
Мчался, меч занося, Подалирий; но Альс, обернувшись,
Острой секирой взмахнул и череп до подбородка
Надвое тевкру рассек, оросив доспех его кровью.
Тотчас же тяжкий покой, железный сон, опустившись,
Воину очи застлал навеки тьмой непроглядной.

Благочестивый Эней, не покрыв даже голову шлемом,
Громко к тевкрам взывал, протянув безоружную руку:
«Стойте! Куда вы? Зачем разгорелась распря нежданно?
Гнев сдержите, друзья! Заключен союз, и условья
Приняты: мне одному надлежит сражаться по праву!
В бой без страха меня пустите: узы скреплю я
Твердой рукой. Мне Турн обречен обрядом священным».
Но между тем как Эней увещал речами троянцев,

Вдруг со свистом к нему прилетела пернатая стрелка;
Ныне неведомо, чей послал ее лук, и какие
Ветры ее принесли, и кто осчастливил удачей
Рутулов — случай иль бог: погибла подвига слава,
Не похвалялся никто Энея пролитой кровью.
Турн, едва увидал, как Эней уходит из строя,
Как всполошились вожди, загорелся пылкой надеждой:
Требует вновь он коней и доспех и, вскочив в колесницу,
В руки поводья берет, преисполнен гордости новой.
Много могучих мужей, пролетая, он гибели предал,
То полумертвыми их валил, то давил колесницей,
То убегавших разил, из убитых выхватив копья.
Так окровавленный Марс над потоком Гебра студеным,
Звоном щита возбуждая вокруг беспощадные битвы,
Бешеных гонит коней, и быстрей Зефира и Нота
По полю мчатся они; под копытами быстрыми стонет
Фракии дальней земля; а следом спутники бога —
Мрачного Ужаса лик, и Гнев, и Козни несутся.
Марсу подобный, коней, от пота дымящихся, гонит
Турн окрыленный, глумясь над врагами, что жалкою смертью
Гибнут вокруг; летят от копыт горячие брызги
Алой кровавой росы, и песок стал от крови зыбучим:
Издали Турн Сфенела сразил, а Фамира и Фола —
В ближнем бою; издалёка настиг он двоих Имбрасидов —
Главка и Лада — копьем; в краю Ликийском взрастил их
Ймбрас и сам на войну снарядил, чтоб могли они равно
Биться и в пешем строю, и верхом, ветра обгоняя.
В поле с другой стороны на врагов устремился отважно
Славный воитель Эвмед, Долона древнего отпрыск;
Имя он деда носил, а мощью и храбростью равен
Был отцу, что лазутчиком шел к данайскому стану,
Дерзко в награду себе испросив упряжку Пелида;
Но заплатил за дерзость ему другою наградой
Сын Тидея, и он о конях уж не думал Ахилла.
Турн, чуть завидел вдали на равнине открытой Эвмеда,
Легким дротом в него метнул, прорезавшим воздух,
Резвых коней задержал, с колесницы спрыгнул проворно,
Кинулся прямо к врагу, лежавшему замертво в прахе,
Шею ногой придавил и, меч из рук его вырвав,
В горло клинок вонзил глубоко и над трупом промолвил:
«Землю хотел захватить ты в краю Гесперийском? Отмерь же
Собственным телом ее! Такую награду уносят
Все, кто на нас нападет; города здесь так воздвигают!»

Пику метнув, отправил он вслед за Эвмедом Асбута,
После — Хлорея, Дарета, Сиба́риса и Терсилоха,
С ними — Тимета, что был норовистой лошадью сброшен.
Если, шумно дыша, на эгейский простор налетает
Вдруг эдонийский Борей,— убегают к берегу волны,
И под напором его разбегаются по небу тучи.
Так же, где бы себе ни прокладывал рутул дорогу,—
Вспять отряды бегут. Порыв увлекает героя,
Грива на шлеме его развевается по́ ветру бурно.
Горько Фегею глядеть, как неистовый Турн побеждает.
Путь преградив упряжке врага, покрытые пеной
Он поводья схватил, на бегу повернул колесницу,
Сам же, конями влеком, повис на дышле, подставив
Бок удару копья,— прорвав двойную кольчугу,
Тело задел наконечник легко и крови отведал.
Тотчас к врагу повернулся Фегей, щитом прикрываясь,
Начал с мечом наступать, друзей призывая на помощь,
Но колесница вперед рванулась и с ног его сбила,
Бросила наземь его под колеса, и Турн набежавший
Шею ему мечом разрубил меж кольчугой и шлемом,
Голову снес и оставил в песке безглавое тело.

Тою порой, как Турн губил врагов, побеждая,
Верный Ахат и Мнесфей и с ними юный Асканий
В лагерь к шатрам привели залитого кровью Энея:
Шел он, за шагом шаг, опираясь на длинную пику,
В гневе обломок стрелы из раны вырвать пытался,
Требовал, чтобы друзья помогли ему способом скорым:
Рану широким мечом иссекли и скрытое в теле
Вынули жало стрелы и вернуться в бой разрешили.
Я́пиг, Иасия сын, подошел, Аполлона избранник;
Бог ему в давние дни, воспылав любовью великой,
Радостно все искусства свои предлагал и уменья:
Или пророчества дар, иль кифару, иль быстрые стрелы.
Япиг, желая продлить отца одряхлевшего годы,
Силу трав предпочел узнать, врачеванья приемы
Все изучить, чтоб в тиши заниматься скромным искусством.
Горько ропща, стоял Дарданид, на копье опираясь,
Рядом — троянцев толпа и плачущий отрок Асканий.
Только Эней недоступен слезам. А старец хлопочет,
Полы плаща подобрав по обычаю всех пеанидов:
То умелой рукой, то могучими травами Феба
Тщетно старается он помочь, и железо из раны

Пальцами хочет достать и цепкими вырвать щипцами.
Нет удачи ему, и на помощь отец врачеванья
Феб не приходит; меж тем на полях все больше и больше
Ужас растет, все ближе беда: застилается небо
Пылью, и всадников строй подступает, и стрелы на лагерь
Сыплются частым дождем, и в эфир высокий взлетают
Скорбные вопли бойцов, сражаемых Марсом суровым.
Горько Венере глядеть на мученья безвинные сына.
Тотчас она сорвала ясенец на Иде Диктейской —
Стебель с пурпурным цветком, от спелых листьев кудрявый;
Знают эту траву быстроногие горные козы,
Ищут ее, убежав со стрелой пернатою в теле.
Облаком темным лицо окутав, приносит Венера
Травку и тайно ее погружает в блестящую чашу;
Влаге, налитой в нее, придав целебную силу,
Сок амвросии льет и душистый состав всецелящий.
Рану влагой омыл ни о чем не ведавший Япиг —
Боль немедля ушла и покинула тело Энея,
Кровь перестала течь, осушилась глубокая рана,
Тотчас, покорно руке, без усилья вышло из тела
Жало стрелы, и к царю вернулись прежние силы.
«Что ж вы стоите? Скорей вождю несите оружье! —
Япиг вскричал и сердца наполнил мужеством новым.—
Нет, не силе людской, не стараньям искусства обязан
Ты избавленьем, Эней, не моей исцелен ты рукою:
Бог великий тебя для великих дел возвращает».
Быстро поножи надел герой, стосковавшись по битве,
Пикой тяжелой взмахнул; промедленье ему ненавистно.
Панцирь уже на плечах, и щит удобно прилажен.
Юла привлек родитель к груди, одетой в доспехи,
И хоть мешал ему шлем, коснулся сына губами,
Молвив: «Учись у меня трудам и доблести, сын мой,
Быть счастливым учись у других. Тебя защищу я
В битве своею рукой, поведу к великим наградам.
Ты же о нас не забудь и, когда созреешь годами,
Пусть побуждает тебя подражать высоким примерам
Мысль, что Эней — твой отец и что брат твоей матери—Гектор».

Молвив такие слова, он из лагеря вышел, огромный,
Мощною пикой в руке потрясая; за ним устремились
Быстро Анфей и Мнесфей, и густой толпой за ворота
Воины хлынули все. В непроглядном облаке пыли
Скрылись от взоров поля, задрожала земля под ногами.

Видит Турн, что враги из лагеря снова выходят,
Видят противника вновь авзонийцы — и трепет холодный
Их пронизал до мозга костей. Всех раньше Ютурна
Тевкров услышала клич и в бегство бросилась в страхе.
Мчится Эней и чернеющий строй ведет по равнине;
Так, если вихрь налетит,— к земле стремительно мчится
По морю столб водяной, и сердца земледельцев сжимает
Вещий страх, ибо смерч немало свалит деревьев,
Много посевов сметет, на пути своем все разрушая;
Грохот меж тем доносят до них предвестники-ветры.
Смерчу подобна, идет предводимая мужем ретейским
Рать на врага; сплотившись тесней, построились в клинья
Тевкры. И вот уж мечом Тимбрея повержен Осӣрид,
Вот уж Ахатом убит Эпулон, Арцетий — Мнесфеем,
Уфент Гиасом сражен; погиб и гадатель Толумний,
Тот, что первым копье во врагов безоружных направил.
К небу вздымается крик; в свой черед под натиском тевкров
Рутулы мчатся назад, убегая по пыльному полю.
Но не желает Эней истреблять ни бегущих постыдно,
Ни в рукопашную с ним дерзающих биться на равных;
Тех, кто бросает копье, не преследует он,— одного лишь
Турна ищет во мгле, лишь его на бой вызывает.
Ужас душу потряс Ютурне, деве отважной.
Сильным ударом она Метиска, Турна возницу,
Сбросила прочь с передка, и лежать в пыли он остался,
Нимфа же в руки сама взяла волнистые вожжи,
Голосом, ростом, лицом и оружьем подобна Метиску.
Ласточка вьется порой по дому богатого мужа,
В атрий высокий впорхнув, и на черных крыльях кружится,
И, для крикливых птенцов собирая скудную пищу,
То по просторным сеням, то над самой водою мелькает;
Ласточке этой под стать, летит меж врагами Ютурна,
Быстрых коней торопя, колесницу по полю гонит,
Дальше спешит без дорог, чтоб и там и здесь показался
Радостный Турн, но нигде не успел завязать поединок.
Встречи с Турном ища, и Эней кружит по равнине,
Пó следу мчится за ним, через головы ратей разбитых
Громко кличет врага,— но едва лишь, поймав его взглядом,
Пустит троянец быстрей скакунов крылоногих вдогонку,
Тотчас, коней повернув, ускользает в сторону нимфа.
Как же ему поступить? Понапрасну прибоем бушуют
Мысли и душу влечет то одно, то другое решенье.
Вдруг Мессап, что держал два дрота с жалом железным

Гибких в левой руке, замахнулся одним и направил
Метким броском в Энея его, налетевши нежданно.
Встал на месте Эней и, согнув колени, укрылся
Весь за огромным щитом,— и дрот лишь маковку шлема
Снес у него и с гребня сорвал мохнатую гриву.
Пуще коварство врага распалило ярость героя.
Видит он: вновь и вновь колесницу кони уносят,—
И, громовержца призвав на алтарь взглянуть, оскверненный
Попранной клятвою, сам устремился в толпу италийцев,
Страшную сечу меж них учинил, разя без разбора,
Гнева узду отпустив, благосклонным сопутствуем Марсом.

В песне кто из богов мне о грозной поведает сече,
Гибели горькой вождей, которых по полю гнали
В свой черед то троянский герой, то рутул отважный?
Ты ли, Юпитер, хотел племена, которым навеки
Мир уготовил ты сам, испытать великой войною?
Только лишь, в битву вступив, Эней напал на Сукрона,
Встали на месте бойцы, задержался натиск троянцев;
Сбоку ударил герой, и недолго противился рутул:
В ребра вонзился клинок и принес мгновенную гибель.
Турн Амика в тот миг, когда конь его сбросил, на пику
Принял в пешем бою, и следом брата Диора
Острым железом сразил; отсеченными их головами
Он колесницу свою украсил и дальше умчался.
Предал смерти Эней Танаиса, Цетега и Тала,
Против троих сражаясь один, и за ними Онита
(Был он, несчастный, рожден Перидие́й отцу Эхиону).
Турн ликийцев двоих, пришедших с Фебовых пашен
Братьев родных, распростер, и аркадца Менота — напрасно
Тот ненавидел войну и на Лерне, рыбой обильной,
Жил ремеслом рыбака в дому убогом, не зная
Тягот богатства, с отцом, засевавшим наемную ниву.
Словно огонь в сухостойном лесу, с двух сторон запаленном,
С ревом несется вперед по кустам низкорослого лавра,
Словно потоки в горах, водопадами с круч низвергаясь,
Пеной покрыты, стремят на равнину ревущие воды,
Все на своем сметая пути,— так оба героя
Турн и Эней, несутся сквозь бой. Теперь до предела
Ярость наполнила грудь, и привыкшие только к победам
Рвутся сердца; разят лишь теперь они с полною силой.
Камень, обломок скалы, метнул троянец в Муррана;
Прадедов, дедов своих именами Мурран похвалялся,

Ибо весь его род царил на землях латинских,
Но с колесницы низверг его Эней, и под нею
Между колес повлеклось на вожжах его тело, и кони
Долго топтали его, позабыв о хозяине в бегстве.
С криком неистовым Гилл напал на Турна, но рутул
Пикой встретил врага и в висок золоченый ударил:
Шлем пробило копье и в мозгу пронзенном застряло.
Мощь руки, о Крефей, между греков храбрейший, от Турна
Не охранила тебя, и тебя, Купенк, от Энея
Боги твои не спасли: под удар налетевшего тевкра
Грудь ты подставил, и щит не сберег злосчастного медный.
Пашни Лаврента в тот день и тебя, Эол, увидали,
Как ты навзничь упал и простерся, руки раскинув,
Ты, кого не могли погубить ни фаланги аргивян,
Ни великий Ахилл, разрушитель Приамова царства.
Здесь ожидал тебя смерти предел: был дом твой под Идой,
Был в Лирнессе твой дом, а могила — в полях под Лаврентом.
Друг ко другу лицом повернулись враги: италийцы,
Тевкры все, и средь них Мнесфей с отважным Серестом,
Храбрый Азил и могучий Мессап, коней укротитель,
Тусков полки и конный отряд аркадца Эвандра,—
Каждый являет в бою высочайшую сил своих меру,
Отдыха воинам нет, не медлит упорная битва.

Новый прекрасная мать тут внушила замысел сыну:
Чтобы к стенам он пошел, повернул против города войско,
Чтобы скорее сломил пораженьем внезапным латинян.
Сам он, когда меж рядов по следу Турна носился,
Все озирая кругом, увидал, что покоится в мире
Город, вине вопреки, и великой войною не тронут.
Сердце Энею зажгло виденье бóльшего боя.
Кликнув Сергеста к себе и Мнесфея с отважным Серестом,
Встал герой средь вождей на холме, и сбежались немедля
Тевкров отряды к нему и вокруг столпились, оружья
Не выпуская их рук. И сказал им Эней с возвышенья:
«Тотчас исполните все, что скажу я. С нами Юпитер!
Бой хоть по-новому мы поведем, но с прежней отвагой!
Город, причину войны, столицу Латина сегодня,—
Если не примут узды, не признают нашей победы,—
Я сокрушу и с землей подожженные кровли сровняю.
Должен ли ждать я, пока соизволит Турн побежденный
В битву вступить и один на один сойдется со мною?
Здесь и начало, друзья, и конец войны нечестивой!

Факелы дайте: огнем мы принудим латинян к союзу».
Так он сказал, и тотчас же все, соревнуясь отвагой,
Строятся в клин и к стенам спешат лавиною плотной.
Лестницы вдруг появились в руках и горящие ветки.
Мчатся к воротам одни, убивают стражу у входов,
Копий и стрел пеленой застилают небо другие;
Руку из первых рядов Эней к стенам простирает,
Громко Латина корит в том, что дважды вражду разжигал он,
Дважды союз разрывал, и клянется, богов призывая,
В том, что и ныне его против воли заставили биться.
В городе тотчас раздор между граждан испуганных вспыхнул:
Требуют те отворить перед войском дарданским ворота
И за собою влекут на стены старца Латина;
Эти оружье несут, к обороне готовясь упрямо.
Так порою пастух, нашедший в скважистом камне
Диких пчел, выкуривать их принимается дымом;
В страхе за царство свое, облетают пчелы вслепую
Стан восковой и гнев свой сильней разжигают жужжаньем,
Едкий запах меж тем по проходам течет, и гуденье
Слышится в полой скале, и дым подымается к небу.

Новое горе тогда истомленных постигло латинян,
До основанья Лаврент потрясло оно скорбью нежданной:
С кровли едва увидав, как враги стремятся на приступ,
Мечут огонь на крыши домов и влезают на стены,
И не противятся им, не дерутся рутулы Турна,—
Тотчас царица сочла, что погиб в сраженье несчастный
Юноша. Разум ее помутился от боли внезапной:
Громко причиной всех бед и началом себя именует
В скорбном безумье она и ведет бессвязные речи;
После, решив умереть и покров разорвав свой пурпурный,
Вяжет к балке сама безобразную смертную петлю.
Скоро об этой беде узнали латинские жены.
Пышные кудри свои растерзала Лавиния первой,
Щеки себе расцарапала в кровь,— и, наполнив чертоги
Воплями, женщины все предались неистовой скорби.
Горькая весть из дворца по всему разлетелась Лавренту.
Падают духом бойцы; Латин разрывает одежды;
Смертью жены потрясен и крушеньем города скорым,
Пылью нечистой себе осыпает седины несчастный.

Тою порой воинственный Турн по краю равнины
Редких гнал беглецов,— но уже не с прежним усердьем,

И ликовал уж не так, когда кони врага настигали.
Вдруг до него донеслись непонятного полные страха
Вопли по ветру; и вот напряженным ловит он слухом,
Как зловещий растет в смятенном городе ропот.
«Горе мне! Вновь отчего оглашаются стены стенаньем?
Чьи это вопли сюда из далекого города слышны?»
Молвив, коней задержал, натянув поводья, безумец.
Тотчас богиня-сестра, что, приняв обличье Метиска,
Место возницы заняв, колесницей правила брата,
Молвит ему вперекор: «Истребляй троянских пришельцев
Здесь, где дорогу тебе открывает впервые победа.
Чтобы дома защищать, бойцы другие найдутся.
Пусть италийцев Эней в упорной преследует битве,—
Мы беспощадной рукой предавать будем смерти троянцев:
Ты ни убитых числом не уступишь дарданцу, ни славой».
Турн отвечал:
«О сестра, тебя я узнал, как только искусно
Ты договор заключить помешала и ринулась в битву;
Тщетно ты хочешь меня обмануть, о богиня. Но кто же
С неба тебя из богов послал на труды и на муки?
Брата ль несчастного ты прозреваешь жестокую гибель?
Что же мне делать теперь? Где сулит спасенье Фортуна?
Звал нас на помощь Мурран, на моих глазах умирая;
Не оставалось друзей у меня дороже Муррана,—
Но и могучий Мурран погиб под ударом могучим.
У́фент несчастный пал, не желая позор наш увидеть,
Ныне и телом его и оружьем владеют троянцы.
Я ли стерплю, чтобы враг (лишь этого нам не хватало!)
Жег дома? Я ли Дранка навет не смогу опровергнуть?
Эти неужто поля бегущим Турна увидят?
Так ли гибель страшна? Вы ко мне благосклонны пребудьте,
Маны, коль скоро богов небесных мне воля враждебна!
К вам с непорочной душой я сойду, не запятнанный гнусной
Этой виной и дедов моих достойный великих».

Так говорил он. Но вот сквозь толпу врагов пролетает
Пеной покрытый скакун, и, стрелою в голову ранен,
Са́кет несется на нем, окликая по имени Турна:
«Сжалься над нами, Турн! На тебя лишь осталась надежда!
Молнией меч Энея разит, угрожает пришелец
В прах низвергнуть и сжечь пожаром твердыню латинян,
Факелы вражьи летят на кровли. Все италийцы
Взор обращают к тебе. Латин решиться не может,

С кем договор заключить, кого назвать ему зятем.
Та, что преданней всех тебя любила,— Амата
Жизни лишила себя и мир покинула в страхе.
Только Мессап и отважный Атин защищают ворота,
Дать пытаясь отпор отовсюду рвущимся тевкрам.
Вкруг железной стерней клинки врагов вырастают.
Ты же на поле пустом колесницу гонишь напрасно».
Замер Турн, поражен событий новым обличьем,
Молча вокруг озирается он. Воедино сливаясь,
В сердце бушуют сильней и стыд, и скорбь, и безумье,
Вера в доблесть свою и любовь, распаленная местью.
Только лишь сумрак исчез и вернулась к разуму ясность,
Взоры горящие Турн обратил к стенам и воротам
И с колесницы своей обозрел в тревоге твердыню.
Там уже огненный вихрь, пожирая доски настилов,
К небу взметнулся, клубясь над пожаром охваченной башней:
Сам он построил ее из надежно сколоченных бревен,
Снизу колеса подвел и мосты перекинул высоко.
«Рок побеждает, сестра! Теперь нельзя уже медлить!
Бог нас зовет и злая судьба — так пойдем же за ними.
Твердо решил я вступить в поединок с Энеем и горечь
Смерти узнать. Но в позоре меня не увидишь ты больше!
Только позволь мне, молю, отдаться ярости вольно!»
Так он сказал — и скорей с колесницы спрыгнул на землю,
Ринулся в гущу врагов, покидая печальную нимфу,
И, разрывая ряды, сквозь мечи и копья помчался.
Так тяжелый утес, оторвавшись от горной вершины,
Рушится с круч, иль подмытый дождем, или сваленный ветром,
Или древностью лет неприметно подточенный снизу;
Прыгая, катится он по кремнистым стремнинам в долину,
Злобною силой гоним, и в пути за собой увлекает
Скот, и леса, и людей,— и так же, ряды разметая,
Рутул несется к стенам, туда, где от пролитой крови
Влажной стала земля, где свищут в воздухе копья.
Знаки рукой подает он друзьям и громко взывает:
«Рутулы, стойте! И вы удержите, латиняне, копья!
Что ни готовит судьба — все мое! Договор оскверненный
Мне за всех искупать, мне решать эту тяжбу оружьем».
Все расступились бойцы, посредине очистив пространство.

Сам родитель Эней, лишь услышал противника имя,
Стены покинул тотчас, городскую покинул твердыню;
Все, что могло задержать, он спешит иль прервать, иль окончить,

Радости полный, встает, звеня доспехами грозно;
Словно Афон, огромен герой, словно Эрикс иль даже
Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега
Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет.
Вот уже рутулы взор обратили к Энею, и следом
Все троянцы и все италийцы — те, что на стенах
Сверху стояли, и те, кто снизу бил в них тараном,
С плеч поснимали щиты. Сам Латин дивится, увидев
Вместе могучих мужей, рожденных в разных пределах
Мира земного и здесь для последней сошедшихся битвы.
Оба врага между тем, едва опустела равнина,
Издали копья метнув, друг на друга бегом устремились:
Звонко столкнулись щиты, и Марсов бой разгорелся.
Тяжко стонет земля, ударяется чаще и чаще
В битве клинок о клинок; все смешалось — и доблесть и случай.
Так иль на Силе крутой, иль на склонах высоких Табурна
Два свирепых быка начинают сраженье, с разбега
Лбом ударяясь о лоб; трепеща, пастухи отступают;
В страхе немом, не мыча, ожидают покорно коровы,
Кто стада поведет, кто станет рощи владыкой;
С силой оба врага рога друг в друга вонзают,
Кровь широкой струей заливает подгрудки и плечи,
Громким отзвуком рев отдается по рощам окрестным.
Так же медью щитов сшибались оба героя,
Давна сын и Эней, наполняя грохотом небо.
Сам Юпитер меж тем, уравняв между чашами стрелку,
Взял весы и на них возложил противников су́дьбы:
Кто из двоих обречен, чья склонится к гибели чаша.
Турн устремился вперед, возомнив, что не встретит отпора,
Меч над Энеем занес и, во весь свой рост распрямившись,
Сверху обрушил удар. По рядам напряженно глядевших
Воинов крик пробежал. Но сломался меч вероломный,
Сделав напрасным удар и Турна предав. Кроме бегства,
Нет спасенья ему,— и пустился он, Эвра быстрее,
Лишь в безоружной руке рукоять чужую заметил:
В час, когда бой начался и Турн вскочил в колесницу,
Меч наследственный свой, как преданье гласит, позабыл он
И захватил второпях клинок возницы Метиска.
Честно служил этот меч, пока разбегались в испуге
Тевкры, но только лишь он скрестился с железом Вулкана,
Тотчас же смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась,—
Только на желтом песке заблестели тускло осколки.
Турн, обезумев, бежит, стремится к дальнему краю

Поля, несется то здесь, то там вслепую по кругу,
Тевкров густые ряды отовсюду его обступают,
Здесь — широкая топь, там — стена преграждает дорогу.
Столь же проворно Эней, хоть в колене, стрелою пронзенном,
Боль мешает подчас и шаги замедлять заставляет,
Гонится, гневный, бежит по пятам за трепещущим Турном.
Так за оленем, когда он рекой от леса отрезан,
Или обложен кольцом пугающих перьев пурпурных,
Мчится охотничий пес, настигая с лаем добычу;
Зверя страшит и обрыв, и коварный заслон; все по тем же
Он пробегает путям, но, не зная устали, умбрский
Гонится пес и, готовясь вот-вот вцепиться клыками,
Щелкает пастью — но зря: только воздух пустой он хватает.
Шум вокруг поднялся; берега и озеро вторят
Крикам толпы, и небесный свод оглашается воплем.
Турн кричит на бегу, окликая всех поименно
Рутулов, просит друзей, чтобы меч ему дали привычный.
Смертью Эней любому грозит, кто только посмеет
Выйти вперед из рядов, и врагов он пугает дрожащих
Тем, что разрушит Лаврент, и летит, невзирая на рану.
Пятый замкнули они уже круг, пять раз пробежали
Путь свой туда и назад: ведь не ради ничтожной награды
Так состязались они, но о жизни спорили Турна.
Дикая в поле росла посвященная Фавну олива;
Прежде чтили ее мореходы и, спасшись от бури,
Богу Лаврента дары меж горьких вешали листьев
Иль по обету сюда одежды свои приносили.
Но без вниманья к тому, что священным дерево было,
Тевкры срубили его, расчищая равнину для битвы.
Ныне же в нем Энея копье торчало, и цепко
Корень жало держал, что в него с разлета вонзилось.
С силой налег Дарданид, из дерева вырвать пытаясь
Пику, чтоб ею настичь того, за кем он напрасно
Гнался доселе. Но Турн, обезумев от страха, промолвил:
«Сжалься, о Фавн, я молю, и ты, Земля всеблагая,
Крепче держите копье, если чтил я ваши святыни,
Те, что ныне войной осквернило пришлое племя!»
Так он сказал, не напрасно воззвав к божественной силе:
Долго мешкал Эней и боролся с цепким обрубком,
Но из древесных тисков даже он могучей рукою
Пику вырвать не мог. А пока он старался и бился,
Давна бессмертная дочь, в обличье возницы Метиска,
Вышла вперед и меч подала бегущему брату.

В тот же миг, негодуя на то, что дозволено дерзкой
Нимфе вмешаться, копье вырывает из корня Венера.
Вновь оружьем враги и собою вновь овладели:
Турн — уповая на меч, и Эней — копьем своим грозен,
Встали, дыша тяжело, лицом к лицу для сраженья.

Молвил меж тем всемогущего царь Олимпа Юноне,
Сверху из туч золотых на битвы смертных взиравшей:
«Где же конец, о жена? Что еще тебе остается?
Знаешь ведь ты, и не споришь сама, что знаешь: на небе
Будет Эней Индигет, судьбой до звезд вознесенный.
Что замышляешь ты вновь, на что надеешься, прячась
В тучах? Пристало ль тебе стрелою смертною ранить
Бога и отнятый меч — без тебя что могла бы Ютурна? —
Турну опять возвращать, побежденных силы умножив?
Так не упорствуй, прошу, и к моим склонись увещаньям.
Чтоб не точила тебя безмолвная боль, пусть польются
Горькие пени твои из сладостных уст предо мною.
Мы до предела дошли. По морям ты могла и по суше
Тевкров бросать, могла ты разжечь несказанные войны,
Скорбными воплями дом вместо брачных песен наполнить.
Дальше идти запрещаю тебе!» Так начал Юпитер.
Взоры потупив, ему Сатурна дочь отвечала:
«Верь, о Юпитер, твоя мне, великий, ведома воля:
Лишь повинуясь тебе, я покинула землю и Турна,
Иначе ты бы меня не увидел меж туч одинокой,
Все готовой снести,— нет, одета огнем, между ратей
Встала бы я и на гибельный бой увлекла бы троянцев.
Да, признаюсь, это я убедила Ютурну на помощь
Брату прийти и на многое ей дерзнуть разрешила
Ради него,— но ни лук, ни копье ей брать не велела.
В этом тебе я клянусь беспощадного Стикса истоком,
Ибо пред ним лишь полны небожители страхом священным.
Что ж, я теперь отступлю, ненавистные битвы покину.
Но заклинаю: хоть то, что не связано рока веленьем,
Сделай для Лация ты, для величья Сатурнова рода.
Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу,
Но, с пришлецами союз на любых заключая условьях,
Древнего имени пусть не меняет племя латинян;
Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться,
Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться.
Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба,
Римский да будет народ италийской доблестью мощен,

Трои нет. Так дозволь, чтобы с ней даже имя исчезло».
Молвил с улыбкой в ответ людей и мира создатель:
«Вправду Сатурну ты дочь и сестра Юпитеру, если
Сердце твое бушует таким неистовым гневом!
Но позабудь и былую вражду, и напрасную ярость:
Просьбу исполню твою. Побежденный, сдаюсь добровольно.
Пусть и нравы отцов, и язык сохранят авзониды
С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры,
Но растворятся средь них. Учрежу я обрядов священных
Чин, единый для всех, и свяжу народы наречьем.
Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови,
Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных
Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет».
Тут, не переча ему, укротила дух свой Юнона,
С неба сошла за супругом вослед и покинула тучи.

Это свершив, на другое Отец помышленья направил:
Хочет из битвы изгнать он пособницу брата — Ютурну.
Есть две гнусных сестры, близнецы по прозванию Диры,
Мрачная Ночь родила вместе с третьей сестрою, Мегерой,
Дочерью Тартара, их, и таких же извивами гадов
Дир оплела, и дала им крыла, что ветер взметают.
Подле престола Отца, у порога сурового бога
Ждут приказов они, насылают на смертных недужных
Страх, если царь богов иль болезнью, иль гибелью хочет
Их покарать, иль войной устрашает город виновный.
С неба одной из сестер на проворных крыльях спуститься
Бог повелел и предстать пред Ютурной знаменьем грозным.
Взмыла она и к земле понеслась в стремительном вихре;
Так стрела в облаках, с тетивы сорвавшись со свистом,
Мчится: ее напитал ядовитым соком парфянин,
Или кидон, чтобы раны врагов исцеленья не знали;
Глазу незрима, стрела рассекает скользящие тени,—
Так же на землю с небес проносилось Ночи отродье.
Издали строй увидав илионский и Турна отряды,
Сжалась тотчас же она, обернулась малою птицей,
Что на могильных холмах иль на кровлях домов опустелых
Часто сидит по ночам и поет зловещую песню.
Облик той птицы приняв, перед Турном кружиться и виться
С шумом стала она и о щит колотиться крылами.
Страх цепенящий сковал ослабелое рутула тело,
Волосы вздыбил испуг, и голос в горле пресекся.

Шумной Диры полет и крыла издалёка узнала
Турна сестра, и волосы рвать принялась она в горе,
Щеки следами ногтей осквернять и грудь — кулаками.
«Чем теперь тебе, Турн, сестра поможет родная?
Что мне, упорной, еще остается? Каким ухищреньем
Жизнь тебе я продлю? Как противиться чуду такому?
Я оставляю борьбу. Не множьте, гнусные птицы,
Ужас мой: узнаю я погибельный шум и удары
Ваших крыл. Твой надменный приказ, о великий Юпитер,
Внятен Ютурне! Ты та́к за девство мое заплатил мне?
Вечную жизнь для чего ты мне дал? Почему у несчастной
Отнят смерти удел? Ведь конец положить этой муке
Я бы могла и к теням спуститься спутницей брата.
Нет, я бессмертна! Но что мне будет по-прежнему мило,
Брат, без тебя? Какая земля распахнет столь глубоко
Недра свои, чтобы я, богиня, к манам низверглась?»
Молвила так и, чело голубым покровом окутав,
С горестным стоном в реке богиня скрылась глубокой.

Турна троянец теснит, потрясая могучею пикой
С древком, огромным, как ствол, и молвит с сердцем суровым:
«Что же ты медлишь опять? Каких уверток ты ищешь?
Время не резвостью ног, но оружьем нам потягаться!
Можешь любое принять обличье, можешь на помощь
Все призвать, чем сильна иль отвага твоя, или хитрость,
Птицей ли к звездам взлететь иль укрыться в пещерах подземных».
Турн отвечал, покачав головой: «Твоих не боюсь я
Громких угроз: лишь богов я боюсь и вражды громовержца».
Речь он прервал, огляделся вокруг и камень увидел,
Камень старинный, большой, посредине положенный поля
Зна́ком межи и судьей, если тяжба о пашнях случится;
На плечи только с трудом его взвалили б двенадцать
Самых могучих мужей из рожденных ныне землею.
Камень дрожащей рукой схватил герой и с разбега
Бросил в Энея его, во весь свой рост распрямившись.
Но ни вперед выходя, ни спасаясь бегством, ни камень
Тяжкий подняв и метнув,— себя не помнил несчастный,
Кровь леденела в груди, подгибались ноги в коленях.
Камень его потому, в пустоте напрасно вращаясь,
Все расстоянье не мог пролететь и ударить Энея.
Словно ночью во сне, когда смежает нам веки
Томный покой, и мерещится нам, что стремимся мы жадно

Дальше бежать, но вотще; ослабев от первых усилий,
Никнем мы, цепенеет язык, и уж нам непокорны
Голос и слово, и сил привычных лишается тело.
Так же и Турн, куда бы свой путь ни направил отважно,
Нет ни в чем успеха ему от богини зловещей.
Чувства мятутся в душе у него; на друзей и на город
Смотрит он, медлит, дрожит, занесенной пики пугаясь,
Ни к отступленью пути, ни для боя сил не находит,
Нет колесницы нигде, и сестры-возницы не видно.
Враг роковое копье перед медлящим Турном заносит,
Целится, чтобы верней его направить,— и мечет,
Тело вперед устремив. Осадным пущен оружьем,
Камень грохочет не так, не таким рассыпается громом
Молнии грозный удар. Подобна черному вихрю,
Пика летит и гибель несет и, щит семислойный,
Круглый снизу пробив, разорвав у края кольчугу,
Мышцы бедра пронзает насквозь. Подсеченный ударом,
Турн колени согнул и поник на землю, огромный.
Вскрикнули рутулы все — и на голос ответили гулом
Горы, и рощи вокруг вернули отзвук протяжный.
Взор смиренный подняв, простирая руку с мольбою,
Молвил Турн: «Не прошу пи о чем: заслужил я расплаты.
Пользуйся счастьем своим. Но если родителя горе
Может тронуть тебя, то молю я — ведь старцем таким же
Был и отец твой Анхиз — пожалей несчастного Давна,
Сына старцу верни или тело сына, коль хочешь.
Ты победил. Побежденный, к тебе на глазах авзонийцев
Руки простер я. Бери Лавинию в жены — и дальше
Ненависть не простирай». Эней, врага озирая,
Встал неподвижно над ним, опустил занесенную руку...
Медлит герой, и склоняют его к милосердью все больше
Турна слова — но вдруг на плече засверкала широком
Перевязь. Вмиг он узнал украшенья ее золотые:
Раной смертельной сразив Палланта юного, рутул
Снял прекрасный убор и носил на плече его гордо.
Видит добычу врага, о потере горестной память,
Гневный Эней — и кричит, загораясь яростью грозной:
«Ты ли, одетый в доспех, с убитого сорванный друга,
Ныне уйдешь от меня? Паллант моею рукою
Этот наносит удар, Паллант за злодейство взимает
Кровью пеню с тебя!» И, промолвив, меч погрузил он
С яростью в сердце врага, и объятое холодом смертным
Тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном.

ПРИМЕЧАНИЯ

Научная критика, перевод, подражание — три пути, по которым входит наследие Вергилия в культурную традицию нового времени.

Вергилий считался классиком уже в античности. «Буколикам» Вергилия подражают в своих эклогах римские поэты Кальпурний (I в. н. э.) и Немесиан (III в. н. э.). Влияние «Энеиды» можно увидеть в римских эпических поэмах I века н. э.— «Фиваиде» Стация, «Пунических войнах» Силия Италика, «Аргонавтике» Валерия Флакка, «Фарсалии» Лукана. К этому же времени относится первый перевод «Энеиды», принадлежащий Полибию, вольноотпущеннику императора Клавдия,— таким образом, первым «иностранным» языком для Вергилия оказался древнегреческий (Полибию же принадлежит перевод Гомера на латинский).

Знание Вергилия — знак римской образованности, римской цивилизации, как для нового времени это знак цивилизации европейской. В риторических школах Древнего Рима на поэзии Вергилия учили грамматику, шлифовали стиль, оттачивали построение речей.

Первыми научными исследованиями поэзии Вергилия могут считаться связанные с той же практикой риторических школ комментарии к тексту — толкования реального, грамматического, мифологического и метрического характера. Среди первых комментаторов «Энеиды» — люди из ближайшего окружения Вергилия: Азиний Поллион, Луций Варий и Мелисс, вольноотпущенник Мецената. Этим же временем (I в. н. э.) датируются образцы римской полемической критики — направленное против «Энеиды» сочинение Корбилия Пиктора «Бич Энея» и книга Аскония Педиана, защищающая Вергилия от «завистников» и «хулителей».

Наиболее известные из ранних комментариев — не дошедшие до нас комментарии Юлия Гигина к «Георгикам» и «Энеиде», Люция Аннэя Корнута к «Энеиде», Эмилия Аспра к «Буколикам», «Георгикам» и «Энеиде» (все I—II вв. н. э.); более поздние — комментарии к «Энеиде» Элия Доната (ему же принадлежит написанная на основе не дошедшего до нас жизнеописания, составленного Светонием, биография Вергилия) и Тиберия Клавдия Доната

(IV в. н. э.). В неполном виде дошел до нас комментарий к «Буколикам» Марка Валерия Проба (I в. н. э.). Классическим комментарием ко всему корпусу произведений Вергилия считается комментарий Сервия (Мавр Сервий Гонорат, IV в. н. э.).

С этой же традицией школьного и библиотечного изучения, которую в средние века продолжили монастыри, связан процесс переписывания рукописей. Вергилий всегда оставался главным предметом изучения и эталоном мастерства в школе, переписывание его произведений не прекращалось вплоть до изобретения книгопечатания — благодаря этому мы имеем семь основных списков его поэм с датировкой от II—III до XV века.

Уже в толкованиях Элия Доната и Сервия проступают черты той «легендарности», которая ляжет в основание «мифа о Вергилии», сотворенного в средние века. В средневековье сложилось как бы два образа Вергилия. Один — Вергилий, изображавшийся на витражах соборов, пророк, предсказавший явление Христа, «светлый» Вергилий, томящийся среди своих языческих богов. Эта традиция идет еще от раннего христианства. Блаженный Августин видит в Вергилии «душу, христианскую по природе», святой Иероним ставит его выше всех языческих поэтов и включает его в круг изучаемых авторов в основанной им монастырской школе в Вифлееме (IV в. н. э.).

Другой Вергилий — колдун, чернокнижник и маг. Это превращение произошло также в средние века. Переосмысляется имя его деда с материнской стороны — Магий. Показывают зеркало, с которым Вергилий якобы занимался магией; изображение Вергилия носят как талисман; его книги используются для гаданья. Вергилий становится героем легенд, связанных с его «черной» репутацией. Он — маг-наставник в сказании о семи мудрецах, вошедшем в «Долопатос», собрание легенд конца XII в., объединенных Иоанном из Альта-Сильвы. Иоанн Сольсберийский (XII в.) приводит легенду, где с чарами Вергилия связывают основание Неаполя. В начале XVI века эти легенды были собраны в сборник и вскоре переведены на другие языки. По одной из них, Вергилий родился в Арденнах после основания Рима, в Толедо обучался магии, которой извел впоследствии императора римлян, влюбился в дочь вавилонского султана, основал Неаполь и таинственно исчез во время бури на море. Этот миф о черном Вергилии связан с представлением о Вергилии, сверхъестественным образом «предсказавшем», «предчувствовавшем» христианство.

Аллегорически-христианскому истолкованию языческого содержания подвергаются в средние века все три произведения Вергилия. «Буколики» становятся в то время особенно популярны. Это объясняется не только тем, что в таинственном младенце эклоги IV видели Христа, но и тем, что сама пастушеская основа жанра приобретает характерно «средневековый» смысл: образ буколического пастуха соотносится с образом Иисуса как доброго пастыря, в соотношение «пастух и его стадо» вкладывается значение «пастыря и его паствы». Кроме того, золотой век IV эклоги Вергилия у буколистов-

подражателей приурочивается к своему времени и связывается с весьма реальным носителем. В эклогах придворных поэтов Карла Великого (IX в. н. э.) Алкуина, Муадвина-Назона, Ангильберта обещанный Вергилием золотой век расцветает именно при императорском дворе. Распространению буколического жанра способствовала и его диалогическая форма. Излюбленный средневековый жанр — дебат — представлял собой наглядное состязание персонифицированных абстракций: «Спор Души и Тела», «Спор Разума и Плоти», «Спор Смерти и Человека» и т. п.; сюда же относятся бесчисленные «споры» цветов, животных, лиц разных званий. Состязание буколических пастухов легко входит в эту общую традицию средневекового состязания.

«Георгики» уступают «Буколикам» в популярности, но символико-христианское осмысление распространяется и на них. Раннехристианский римский писатель Боэций (ок. 480—524 гг.) истолковывает историю Орфея и Эвридики как аллегорию души, мятущейся между высоким и низким началами; в трактате епископа Рабана Мавра «О Вселенной» (IX в. н. э.) описание Вергилием полей толкуется как аллегория человеческого рода, сельскохозяйственные инструменты символизируют орудия, обрабатывающие «поле господне», и т. д.

Аллегорически-христианскому толкованию поддавалась и «Энеида» с ее шестой книгой — «адом», и Сивиллой, указывающей Энею золотую ветвь (символ бессмертия души) и почитавшейся в средние века святой, и, наконец, с благочестивым характером самого героя поэмы. Христианский писатель VI века н. э. Фульгенций видит аллегорический смысл «Энеиды» последовательно в песне, стихе и слове. В XII веке Иоанн Сольсберийский пытается истолковать в аллегорическом духе даже имя героя поэмы: «Эней» — возводится им к греческому ennaîos («обитающий») и осмысляется как аллегория души, обитающей в теле.

В «Божественной комедии» Данте Вергилий выбран в провожатые поэта и как великий мастер, и как христианин до рождества Христова, и как олицетворение Разума (в то время как Беатриче — олицетворение Веры). В христианско-аллегорической традиции использована «Энеида» и в «Доме славы» (1383—1384) Чосера, принадлежащем к жанру «видений».

К «Энеиде» обращается также светская латинская поэзия средневековья. Знаменитый придворный поэт Карла Великого Алкуин (IX в. н. э.) в эпической поэме «О святых Йоркской церкви» использует форму «Энеиды». Пронизана реминисценциями из «Энеиды» и другая эпическая поэма светского характера того времени — поэма Ангильберта о Карле Великом и его дворе. В IX веке была написана латинская поэма «Вальтарий», где древнегерманская сага облечена в вергилианскую форму.

Героико-эпическую традицию Вергилия приняла в средние века в свое русло и традиция рыцарского романа античного цикла, где описывались подвиги Гектора, Энея и других героев Троянской войны с явной симпатией к троянцам. В параллель «Роману о Трое» (ок. 1160 г.) французского поэта

Бенуа де Сен-Мора в конце XII века появился «Роман об Энее» — первое подражание «Энеиде», написанная на французском языке поэма французского трувера Жака Сальведра де Грава. Вергилиевский герой стал здесь куртуазным рыцарем, который служит своей даме Лавинии. Эта переделка «Энеиды» была переведена на фламандский язык (1170—1190) Генрихом фон Вальдеке и стала одним из первых фактов проникновения куртуазности в немецкую литературу.

Куртуазно-аллегорический характер принимает эпизод Энея и Дидоны и в «Романе о Розе» (1270) француза Жана де Мэна.

Отношение средневековья к триптиху Вергилия пронизано характерным для той эпохи чувством иерархии. Хронологическая последовательность произведений Вергилия воспринималась в средние века как иерархия, заложенная в самой природе вещей; здесь и градация социальная (пастух — земледелец — солдат), и иерархия стиля (низкий — средний — высокий), и иерархия растений (бук — фруктовые деревья — лавр), и иерархия места действия (лес — поле — город), и иерархия животных (козел — бык — конь); здесь и иерархия трех образов жизни поэта (созерцательный — чувствительный — активный).

В эпоху Ренессанса увлечение классической древностью сказалось на отношении ко всей поэзии Вергилия.

Буколическая традиция имеет в это время огромное распространение. В ней выделяются два течения. Первое из них — буколики, написанные на латинском языке непосредственно в подражание эклогам Вергилия. Таковы эклоги Петрарки, Данте. Пастушеская форма этих эклог скрывает сложное философско-религиозное содержание. В эклогах Петрарки, например, традиционная буколическая формула восхваления возлюбленной объединяет в себе несколько значений — любви к своей возлюбленной Лауре, к возвышенной поэзии, к божественной Истине и к господу. Другое течение в буколической традиции Возрождения — идиллия сентиментально-галантного характера. В этом новом буколическом жанре к чертам классической буколики присоединяется галантность французской пасторали, где менестрели и рыцари объясняются в любви пасту́шкам; здесь присутствует также игровой драматизм средневековых дебатов, приключенческий элемент рыцарского романа. Во всех этих идиллиях изображается идеальная утопическая страна Аркадия, где живут влюбленные пастухи и пастушки. Вместе с тем изображение имеет и аллегорический смысл. Такого рода идиллия может быть и романом, и драмой, и лирикой. Первый образец романа-идиллии — «Амето» (1341) Д. Боккаччо. В этом романе «низкая» любовь деревенского пастуха становится возвышенной любовью, когда он слышит рассказы семи влюбленных нимф, символизирующих семь добродетелей. Написанный в подражание «Амето» роман-идиллия «Аркадия» (1502) Я. Санадзаро, прозванного «неаполитанским Вергилием», рассказывает о пастухе, который ищет в Аркадии забвения от жестокой любви; роман имел необыкновенный успех и,

в свою очередь, вызвал ряд подражаний и переводов на другие языки. А в сборнике испанских эклог Гарсиласо де ла Вега (1503—1536) цитаты из Вергилия переплетаются с цитатами из Санадзаро. Не меньше, чем «Аркадия», был популярен роман-идиллия «Диана» (1542) испанского поэта Хорхе де Монтемайора. Небезынтересно, что в «Дон-Кихоте» Сервантеса «Диана» оказывается первой книгой из собрания хитроумного идальго, спасенной от сожжения. Первая драма-идиллия появилась в 1554 году — «Жертва» Агостино Беккари, поставленная в Ферраре. Наиболее известные драматические идиллии — «Аминта» (1573) Торквато Тассо, о любви пастуха и нимфы, и «Верный пастух» (1590) Джамбаттисты Гварини. Вергилиевская лиро-эпическая форма эклоги сохранена в идиллиях Клемана Маро (1496—1544), где французским пастухам покровительствует греческий Пан, а также в знаменитом «Календаре пастуха» (1579) Э. Спенсера (1552—1599), где пастухи носят уже типично английские имена, и в эклогах Луиджи Аламанни (1550).

«Георгики» всегда уступали «Энеиде» и «Буколикам» в популярности. В эпоху Возрождения с ее интересом к ботанике и практическому садоводству «Георгики» начинают играть более заметную роль и как практическое наставление начинающему земледельцу, и как поэтический образец. Петрарка в торжественной речи на Капитолии (1342 г.) контаминирует цитаты из «Буколик» и «Георгик»; в латинской поэме «Сельский житель» (1483) Полициано, написанной в подражание «Георгикам», деревня противопоставляется городу; тот же вергилиевский образ счастливого земледельца возникает в «Возделывании сада» (1546) Луиджи Аламанни и «Пчелах» (1539) Джованни Ручеллаи.

Среди почитателей «Георгик» во Франции — Пьер Ронсар, Жоакен Дю Белле и Мишель Монтень, считавший «Георгики» лучшим произведением Вергилия. В Англии довольно хорошо знали «Георгики» Спенсер и Шекспир.

Влияние «Энеиды» распространилось по всем основным направлениям ренессансного эпоса. «Энеида» — образец для прямого подражания в эпических поэмах, написанных на латинском языке; здесь можно назвать «Африку» (1341) Петрарки и «дополнение» к «Энеиде» — так называемую тринадцатую книгу «Энеиды» (1428) Мафея Вегия (вплоть до 1820 г. она включалась во многие издания Вергилиевой поэмы). И национальная эпопея, обращенная к мифическому прошлому своего народа и государства, становится непосредственной имитацией поэмы Вергилия: во «Франсиаде» (1572) Ронсара Франция, как и Рим у Вергилия, основана бежавшим из-под Трои героем (Франком), претерпевающим все испытания Энея.

Как фундамент классического стиля «Энеида» используется в попытках создать героическую поэму на современный сюжет в манере классицизма. Такова поэма «Лузиады» (1572) португальского поэта Камоэнса. Эпос с любовноприключенческими мотивами средневековых рыцарских романов заимствует из «Энеиды» целые эпизоды. К этой традиции можно отнести «Тезеиду» (1339—1340) Боккаччо, «Неистового Роланда» (1516—1532) Ариосто, «Короле-

ву фей» (1591—1596) Спенсера. Наконец, «Энеида» — часть сюжетной основы христианской эпопеи в «Освобожденном Иерусалиме» (1581) Торквато Тассо.

В эстетической теории гуманизма Вергилий занимает особое место. «Энеида» как образец риторики, логики, морали, как сама поэзия — общее место ренессансных поэтик. Характерно, что для теоретиков Возрождения поэзия Вергилия — образец не столько «умения», «искусства», сколько оригинальной силы, гения (Монтень, «Опыты»), в чем позже ему отказывали романтики; именно в этом отношении он считался выше Гомера и Феокрита. В предисловии к своей «Франсиаде» Ронсар строит на «Энеиде» свою теорию эпопеи. Манифест поэтов Плеяды «В защиту и прославление французского языка» (1549), написанный Ронсаром совместно с Дю Белле, объявляет подражание Вергилию одной из основ, на которых должна формироваться национальная литература.

Эпоха Возрождения — время первых научных изданий Вергилия. Editio princeps относят к 1469 году, оно появилось в Риме, издатели — Конрад Швейнгейм и Арнольд Паннарц. Через некоторое время (в 1475 г.) в Венеции вышло издание с комментариями Сервия. В 1501 году Вергилий вышел в знаменитой типографии Альда Мануция, с которой связаны многие первые издания классиков. На протяжении XV и XVI веков издания Вергилия выпускают столь же крупные типографии в Париже, Флоренции и Антверпене.

К этому же времени относятся и первые переводы. В 1467 году «Буколики» вышли на немецком языке в издании Ульриха Целля в Кельне, в 1482 году — на итальянском в переводе Бернардо Пульчи, в 1492—1496 годах — на испанском в переводе Хуана дель Энчина, в 1512 году — на английском в переводе У. Кэкстона. Первый французский перевод «Буколик» был сделан Мишелем Гильомом де Тур в 1516—1519 годах. В 1532 году вышел перевод эклоги I, выполненный Клеманом Маро. В 1555 году Ришар де Бланк выпустил перевод всех эклог на французский. Из немецких переводов этого времени наиболее известны перевод Стефана Рикка (1567) и вольный перевод Абрагама Флеминга (1589). Из ренессансных переводов «Георгик» наиболее известны перевод Хуана дель Энчина на испанский, изданный совместно с переводом «Буколик» (1492—1496), Мишеля Гильома де Тур на французский, также изданный вместе с «Буколиками» (1516—1519), Абрагама Флеминга на немецкий (1589).

Первые переводы «Энеиды» принадлежат к XV веку — прозаические на испанский язык Энрико де Виллена (1427), на французский Гильома де Леруа (1483) и поэтический на английский У. Кэкстона (1490). В 1509 году появился знаменитый поэтический французский перевод «Энеиды» Октавиана де Сен-Желе, в 1515 году — немецкая версия так называемой 13-й книги «Энеиды» Мафея Вегия в переводе Томаса Мюрнера, в 1533 году — знаменитый перевод «Энеиды» на шотландский язык, выполненный Гэвином Дугла-

сом. От XIV — начала XV века сохранилось несколько анонимных итальянских переводов отдельных книг «Энеиды». В 1540 году в Венеции шесть кавалеров перевели шесть первых книг поэмы в честь своих дам — одним из «переводчиков» был кардинал Ипполито Медичи. В 1556 году вышло первое полное издание Вергилия на итальянском языке, подготовленное Лодовико Доменики (перевод шести кавалеров в нем сохранен). Постепенно итальянские переводы становятся все более свободными, «Энеида» остается лишь предлогом для собственной фантазии многочисленных перелагателей. Дю Белле принадлежит перевод четвертой (1552) и шестой (1561) книг на французский. Пользовались известностью поэтический перевод Л. Демазюра на французский язык (1560) и Фэра, переложившего на английский девять книг (1562); в 1573 году он был дополнен Твином. В 1582 году Ричард Стейнхерст опубликовал свой перевод английским гекзаметром первых четырех книг «Энеиды». Тогда же появился и перевод александрийским стихом, выполненный Норманом Свиром и братьями д'Анье. Первый поэтический вольный перевод «Энеиды» на немецкий язык был сделан Иоанном Шпренгом в 1601 году.

Для литературы XVII и XVIII веков наследие Вергилия продолжает сохранять значение живой традиции.

В буколической традиции этого времени различаются несколько направлений. Как прямое подражание эклогам Вергилия с традиционным состязанием пастухов в пении и воспеванием возлюбленной написаны несколько пастушеских стихотворений Д. Мильтона (1608—1674) и А. Попа (1688—1744). Роман-идиллия «Астрея» (1607) Оноре д'Юрфе, где пастухи приобрели утонченность французских аристократов, связана с возрожденческим романом-идиллией типа «Аркадии» Санадзаро.

В «Рассуждении о природе эклоги» (1688) французского писателя Б. Фонтенеля (1657—1757) буколический жанр осмысляется как прямой призыв к добродетельной и счастливой жизни, приобретает характер дидактики. Так написаны идиллии знаменитой «десятой музы» Франции мадам Дезульер и прозаические идиллии немецкого писателя Соломона Гесснера, где пастушеская условность решена в духе рококо.

Появившаяся в конце XVIII — начале XIX века сентиментальная идиллия с ее интересом к пастуху как к «маленькому человеку» (Э. Юнг, 1683—1765, и Т. Грей, 1716—1771 — в Англии; И.-Г. Фосс, 1751—1826 — в Германии) связана скорее с Феокритом, чем с Вергилием. Кроме того, пастуха в этом типе идиллии часто заменяет учитель, сельский священник, так что о прямом следовании буколической традиции, а тем более традиции Вергилия, здесь говорить нельзя.

Семнадцатый и в особенности восемнадцатый век — время наибольшей популярности «Георгик». Английский поэт, драматург и литературный критик XVII века Д. Драйден (1631—1700) называет «Георгики» «божественным творением» Вергилия, Вольтер видит в Вергилии прежде всего творца «сладчайших» «Георгик».

В подражаниях и переработках поэмы вергилиевский «счастливый селянин» становится дворянином, наслаждающимся жизнью в своей усадьбе, причем хозяйственные наставления касаются садоводства, опущенного у Вергилия: «Сады» (1665) Рене Рапэна на латинском языке, «Английские сады» (1772—1778) Вильяма Мейсона, «Садовые Георгики» (1784) У. Купера.

Новейшие подражатели поэмы развивают римскую тему «Георгик». В Англии, например, на теме «похвалы Италии» возникает целая серия поэм, посвященных хвалебным описаниям усадеб «счастливой Англии». Материал «Георгик» служит основанием и сельскохозяйственных трактатов того времени.

Эстетика классицизма XVII и XVIII веков узнает в «Энеиде» и ее герое образец именно классицистического совершенства. «Энеида» является образцом для трагедии, и Расин строит «Андромаху» на коллизии третьей книги Вергилиевой поэмы. В 1674 году «Энеида» иллюстрирует каноны классицистического эпоса в «Поэтике» Буало и в «Письме в Академию» Ф. Фенелона, а в 1728 году она рекомендуется объектом для подражания в «Опыте об эпической поэме» Вольтера. В эпической практике XVII века следы «Энеиды» есть в написанных по гомеровскому сюжету «Приключениях Телемака» Фенелона, где классическая эпопея сталкивается с эпопеей воспитательного характера, а в XVIII веке Вольтер смог проверить свою теорию, написав эпическую поэму «Генриада» с использованием основных сюжетных линий «Энеиды» и с прославлением Генриха IV в параллель прославлению Вергилием Августа.

В XVII и XVIII веках расцветает бурлескная традиция переработок «Энеиды» — травестированная «Энеида» Лалли в Италии (1633), П. Скаррона во Франции (1648—1658), А. Блумауэра в Австрии (1784—1788). К этому времени принадлежат и наиболее значительные переводы из Вергилия. Известен французский перевод «Буколик», сделанный Грессе Блуа (1734). Классическим переводом «Георгик» считается перевод на немецкий язык И.-Г. Фосса (1798—1800). В лоне английского классицизма появился перевод «Энеиды» Д. Драйдена (1697), ставший таким же классическим переводом для Вергилия, как перевод А. Попа для Гомера. Во Франции классическим долгое время считался перевод Жака Делиля, выдержавший около полусотни изданий («Георгики» — 1769, «Энеида» — 1804). Вторую и четвертую книги «Энеиды» перевел Ф. Шиллер (1759—1805), эпизод о Нисе и Эвриале начал переводить Ф. Гельдерлин (стихи 176—317).

Эпоху в филологическом изучении Вергилия составили амстердамское издание 1676 года Николая Гейнзия и комментированное издание немецкого ученого Христиана Гейне (1729—1812).

Классицизм видит в Вергилии, и особенно в «Энеиде» и ее герое, воплощение долга и разума и поэтому ставит «организованного» Вергилия выше «дикого» Гомера. Романтики, особенно в Германии, отталкиваясь от классицистической регламентации, в той же «организованности» Вергилия видят недостаток оригинальности, гения, считают его холодным подражателем

Гомера. Но неприятие Вергилия романтизмом XIX века — скорее реакция на классицизм, чем на самого поэта.

При всей насмешливой неприязни романтиков к Вергилию, Рене Шатобриан (1768—1848) высоко оценивает его в «Гении христианства» (1802), Гюго (1802—1885) до конца жизни любил перечитывать «страшные» места из «Энеиды», Ш. Сент-Бёв в «Этюде о Вергилии» (1859) видит в «Энеиде» человечность, чувствительность и нежность. Характерно, что романтики и переводили из Вергилия. У П. Шелли (1792—1822) есть перевод эклоги X, Д. Китс полностью перевел «Энеиду» (перевод до нас не дошел). У У. Вордсворта (1770—1850) был замысел полного перевода поэмы,— в его бумагах найден фрагмент перевода первой книги. Вторую книгу перевел па итальянский язык Д. Леопарди (1798—1837).

Начиная с XIX века влияние Вергилия становится менее непосредственным, приобретая значение тщательно оберегаемого культурного наследия. Намеки на сюжеты из произведений Вергилия встречаются у В. Теккерея (1811—1863), Г. Флобера (1821—1880), Анатоля Франса (1844—1924). Но открытие новых аспектов поэзии Вергилия принадлежит уже в основном сфере научного исследования. Труды филологов конца XIX — начала XX века возвращают «Энеиде» репутацию оригинального произведения, а не рабского подражания гомеровским поэмам. Современную вергилиану отличает интерес к внутреннему строю поэзии Вергилия, к взаимосвязи формы и содержания в каждом из его произведений и во всех произведениях в целом. Развивается тенденция символического истолкования, утверждается трагический пафос поэзии Вергилия, особенно «Энеиды».

Образ трагического Вергилия, познавшего несовершенство языческого мира и осененного благословением ангела в час своей смерти, возникает в романе известного австрийского писателя Германа Броха (1886—1951) «Смерть Вергилия» (1941).

В русской литературе влияние Вергилия значительно менее ощутимо.

Идиллическая традиция имеет в России довольно широкое распространение в XVIII — начале XIX века, но это в очень малой степени традиция Вергилия. В идиллиях А. Сумарокова (1717—1777), Я. Княжнина (1742—1791), Вл. Панаева (1792—1859) угадывается влияние французских идиллий позднего классицизма. Идиллические стихотворения Г. Державина (1743—1816) («Призывание и явление Плениры», «Спящий Эрот») почти не отличаются от его анакреонтики. У Н. Карамзина (1766—1826) («Филлида») идиллия сливается с романсом, у В. Жуковского (1783—1852) («Жалоба пастуха») — с элегией. Знаменитые идиллии XIX века «Отставной солдат» А. Дельвига (1798—1831) и «Рыбаки» Н. Гнедича (1784—1833) имеют своим образцом скорее Феокрита, а также немецкую идиллию XVIII века. «Буколики» Вергилия встречаются в виде непосредственных реминисценций в «Ниссе» В. Тредиаковского (1703—1769) и «Полидоре» М. Ломоносова (1711—1765).

Русские переводы «Буколик» немногочисленны: перевод эклоги I В. Рубана (СПб. 1770); перевод александрийским стихом, сделанный А. Мерзляковым (СПб. 1807); перевод И. Соснецкого (М. 1871).

«Георгики» не вызвали подражаний и переделок в России. На русском языке они впервые появились в переводе В. Рубана (СПб. 1774). Перевод А. Воейковым «Садов» Ж. Делиля, написанных в подражание Вергилиевым «Георгикам», явился как бы косвенным переводом «Георгик». Переводы XIX века принадлежат университетским филологам А. Раичу и И. Соснецкому.

В советское время «Буколики» и «Георгики» вышли в переводе С. Шервинского: Вергилий, Сельские поэмы: Буколики, Георгики, перевод, вступительная статья и комментарии С. Шервинского, «Academia», М.—Л. 1933.

Непосредственное влияние на русскую литературу оказала «Энеида» в XVIII веке. Русская классическая эпопея от «Петриды» (1730) А. Кантемира до «Александриады» (1836) Д. Кашкина вырабатывала эпический язык и стиль на «Энеиде» в сочетании с гомеровскими поэмами. Вергилиевско-гомеровский язык — образец и для «чистой» героико-мифологической эпопеи («Телемахида» В. Тредиаковского, 1766; характерно, что, являясь переложением «Приключений Телемака» Фенелона, «Телемахида» имеет обороты, встречающиеся не у Фенелона, а у Вергилия и Гомера), и для героико-национальной эпопеи исторического характера: «Петрида» А. Кантемира, «Петр Великий» (1760—1761) М. Ломоносова, «Россиада» (1779) В. Хераскова.

Перевод Н. Гнедича сделал поэму Гомера фактом русской литературы. Этого не случилось с «Энеидой». Поэма вошла в русскую поэзию XIX века скорее материалом для литературных намеков и отсылок; так произошло с «Подражанием Данте» (1832) А. Пушкина или с его же «Городком» (1815).

Взгляды на «Энеиду» как на холодное, подражательное произведение нашли отклик у Пушкина («...чахоточный отец немного тощей «Энеиды» — «А. Л. Давыдову», 1824) и у В. Г. Белинского («Разделение поэзии на роды и виды»).

С бурлескной традицией связаны «Вергилиева Энеида наизнанку» Осипова (изд. 1791 г.) и «Перелицованная «Энеида» И. Котляревского. Эта последняя пользовалась в России и на Украине чуть ли не бо́льшим успехом, чем сам оригинал. В отличие от травестии Осипова, представляющей собой переделку на русский лад бурлеска Бламауэра с довольно грубым комикованием, «Энеида» Котляревского предлагает гибкий сплав сатиры на действительность с несколько насмешливой грустью по поводу героического прошлого Украины.

Первый полный русский перевод «Энеиды» — александрийским стихом — был сделан В. Петровым: «Еней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона» (первая книга — 1770 г., остальные публиковались позже). За ним последовал перевод трех первых книг В. Санковского (СПб. 1775). В 1808—1809 годах фрагменты из «Энеиды», также переведенные александрийским стихом, напечатал А. Мерзляков. Наконец, в 1822 году В. Жуковский напе-

чатал под названием «Разрушение Трои» перевод второй книги, сделанный гекзаметром.

Тридцать лет спустя, с конца 1851 года, «Современник» стал печатать (по одной книге в номере) полный перевод «Энеиды» размером подлинника, сделанный И. Шершеневичем. На этот перевод откликнулся подробной (не опубликованной при жизни) рецензией Н. Добролюбов, писавший: «...трудно передать вполне верно и художественно такое произведение, которое проникнуто чуждым для нас миросозерцанием, служит отражением чуждой современному человеку жизни, написанное на языке, навсегда умолкнувшем для нас...» («О Вергилиевой «Энеиде» в русском переводе г. Шершеневича», 1853—1854). В 1868 году И. Шершеневич издал свой перевод отдельной книгой в Варшаве. Чистым курьезом остался перевод И. Соснецкого, сделанный рифмованным анапестом (1878). Вскоре вышли переводы А. Фета (совместно с Владимиром Соловьевым; М. 1888) и Н. Квашнина-Самарина (1893).

В. Брюсов, отдавший много лет переводу «Энеиды», принимался за него дважды, исходя из совершенно различных переводческих принципов; однако работа осталась незавершенной, последние пять книг перевел Сергей Соловьев. В этом переводе «Энеида» вышла в издательстве «Academia» в 1933 году. Сравнительный анализ русских переводов «Энеиды» содержится в статье Ф. А. Петровского «Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода» (сборник «Вопросы античной литературы и классической филологии», М. 1966).

В настоящем томе «Библиотеки всемирной литературы» «Буколики» и «Георгики» публикуются в переводе С. Шервинского, коренным образом переработанном для этого издания; перевод «Энеиды», выполненный С. Ошеровым в 1954—1969 годах, публикуется впервые.

В основу перевода положено издание: P. Vergilii Maronis Opera... edidit... Albertus Forbiger. Partes I—III, Lipsiae, 1873—1875.

Учтены также следующие издания: P. Vergilius Maro, Opera omnia, vol. I—III, recensuit O. Ribbeck, Lipsiae, 1859—1868; «Oeuvres de Virgile», texte établi et commenté par Benoist, Paris, 1918; «Vergil's Gedichte», erklärt von Th. Ladewig, Berlin, zwölfte Auflage, 1902—1907.

БУКОЛИКИ

ЭКЛОГА I

В основе эклоги лежит действительный факт биографии Вергилия, о котором говорит еще античный комментатор «Буколик» Сервий: «...после того как был убит Цезарь... Август начал гражданскую войну против Антония... Одержав победу, он отдал своим воинам поля кремонцев, которые были настроены к нему враждебно. Этих полей оказалось недостаточно, и он приказал распределить также и землю мантуанцев, не в виде наказания, а потому, что

они жили по соседству... Вергилий, лишившись земельного участка, прибыл в Рим... ему в виде исключения возвратили поле». Эклога адресована Августу, хотя прямо он ни разу не назван. В Титире можно видеть самого Вергилия.

Стих 6. *...нам бог спокойствие это доставил...*— Имеется в виду Октавиан Август и его милость по отношению к Вергилию-Титиру. К этому времени Октавиан начал принимать божеские почести и называться богом,— в Пергаме и Никомедии уже были посвященные ему храмы, хотя официальный декрет сената об обожествлении был вынесен после его смерти (14 г. до н. э.).

Стих 17. *...мне предвещали не раз дубы, пораженные небом.*— Удар молнии в дерево считался дурным предзнаменованием; пораженная молнией олива предвещала неурожай, дуб — изгнание.

Стих 26. *Свобода* — то есть выкуп из рабства; раб-пастух добился этого от своего живущего в Риме господина уже стариком.

Стих 42. *Юношу видел я там...*— того же Октавиана, которому к этому времени было двадцать три года.

Стих 43. *...дней по дважды шести алтари наши дымом курятся.*— Римляне двенадцать раз в год — по одному разу в месяц — возжигали жертвенный огонь ларам, богам домашнего очага. Обряд совершался в один из главных дней месяца — в Календы (первый день месяца), или в Иды (пятнадцатый день), или в Ноны (девятый день).

Стих 54. *Гиблейские пчелы.*— Гибла, гора в Сицилии, была знаменита своим медом.

Стих 62. *Арар* — река в Галлии, ныне Сона.

Стих 65. *Окс* — местонахождение этой реки точно не известно. Вероятнее всего, это Аракс в Армении.

ЭКЛОГА II

Эклога построена на биографическом материале. Влюбленный Коридон — это сам Вергилий, добивавшийся благосклонности Александра, мальчика-слуги Азиния Поллиона, государственного деятеля, оратора и поэта, покровительствовавшего Вергилию. В благодарность за эклогу Поллион будто бы подарил мальчика Вергилию, и впоследствии Александр стал ученым грамматиком. В пределах жанра буколики — это традиционная песня-жалоба влюбленного пастуха.

Стих 24. *...пел Амфион у Диркэ на том Аракинфе Актейском.*— Амфион — сын Зевса и фиванской царевны Антиопы, обладавший божественным даром игры на кифаре. Вместе со своим братом-близнецом был по требованию мачехи подкинут на горе Аракинфе, на границе Беотии и Аттики, и там

воспитан пастухами, Дирка — источник в Беотии около Фив. Актейский — аттический (от древнего названия Аттики, буквально: прибрежный).

Стих 46. *Наяда* — речная нимфа.

Стих 58. *Австр* — южный, иссушающий растения ветер.

Стих 61. *Дарданец Парис* — потомок троянского царя Дардана; был воспитан пастухом Агелаем в лесах.

Паллада (Минерва) — считалась покровительницей городов и крепостей.

Стих 70. *Недообрезал листвы...* — С виноградных лоз, особенно тех, что обвивались вокруг деревьев, полагалось срезать листву дважды в год.

ЭКЛОГА III

В этой эклоге воспроизводится так называемое амебейное (поочередное) пение,— форма песенного состязания, восходящая к игровым народным обрядам. Непосредственным образцом для Вергилия послужили IV и V идиллии Феокрита. Амебейное состязание состоит в поочередном обмене песенными репликами аналогичного содержания и размера между двумя состязающимися в присутствии судьи, который и объявляет победу одного из спорящих или их равенство. В эклоге судья — это Палемон (один из древних комментаторов полагает, что под маской Палемона скрыт Азиний Поллион; Вергилий отдает ему на суд свою эклогу).

Стихи 1—2. *Ты мне, Дамет...* — Начало эклоги воспроизводит начало IV идиллии Феокрита:

Батт

Чьих же коров ты пасешь, Коридон? Это стадо Филонда?

Коридон

Стадо Эгоново это; пасти его мне он оставил.

В дальнейшем Вергилий также весьма часто переводит отдельные стихи Феокрита.

Стих 37. *Алкимедонт* — очевидно, имя, вымышленное Вергилием.

Стих 40. *Конон* — знаменитый математик и астроном, живший в III в. до н. э., друг Архимеда. Под *другим* подразумевается автор книги «Явления» астроном Эвдокс Книдский (IV в. до н. э.).

Стих 41. *...начертал весь круг мирозданья...* — то есть палочкой астронома очертил круг неба; на столе рассыпáли порошок, по которому чертили астрономические схемы.

Стих 59. *Камены* — музы.

Стих 64. *Яблоком бросив в меня...*— Брошенное юноше или девушке яблоко равнозначно было признанию в любви.

Стих 86. *В новом вкусе стихи Поллион сам пишет...*— Азиний Поллион (см. прим. к эклоге II), писавший лирические стихи, обратился в это время к трагедии.

Стих 89. *...аммом ежевика приносит.*— Одна из примет золотого века: на кустах дикой ежевики вырастут плоды экзотического благовонного растения — ассирийского аммома.

Стих 90. *Бавий и Мевий* — поэтические противники Вергилия.

Стихи 104—105. *В землях каких, скажи...*— Сервий сообщает ответ на эту загадку: небо кажется шириной в три локтя, когда оно отражается в водоеме.

Стихи 106—107. *...родятся цветы...*— Цветы эти — гиацинты; на их лепестках греки усматривали буквы AI или Y, соответствующие именам героя Аякса и любимца Аполлона царевича Гиацинта, из крови которых, согласно мифам, этот цветок и вырос.

ЭКЛОГА IV

Эклога представляет собой утопию о золотом веке. По верованиям римлян, по оракулу, записанному в книгах пророчицы Сивиллы, а также по системам академической и стоической школ философии,— мировой круг жизни проходит в смене периодов, кругов, соотносимых с десятью месяцами года и находящихся под покровительством определенных божеств. Ко времени написания эклоги (40 г. до н. э.) кончался круг Дианы (железный век) и начинался новый круг — Аполлона, в котором ожидалось возвращение золотого века, некогда уже бывшего на Земле и ушедшего вместе с кругом Сатурна (в античной поэтической традиции до Вергилия «золотой век» — всегда прошлое). Историческое основание для ожидания «золотого века» — мир, заключенный между Октавианом и Антонием, дававший надежду на спокойные времена и расцвет Италии. О таинственном младенце, который должен принести «золотой век», см. во вступительной статье к наст. тому.

Утопическая тема золотого века сливается в буколике с пастушеской темой счастливой Аркадии.

Стих 1. *Музы Сицилии...*— музы буколической поэзии; Сицилия — родина Феокрита.

Стих 3. *Консул.*— Консулом 40 г. до н. э. был Азиний Поллион, посредничавший между Октавианом и Антонием при заключении мира.

Стих 4. *...пророчицы Кумской...*— Имеется в виду Кумская Сивилла, предложившая царю Тарквинию Гордому так называемые Сивиллины книги, в которых, по преданию, записаны судьбы Рима и мира и которые хранились в храме на Капитолии.

Стих 6. *Дева* — Правда, Справедливость; дочь Юпитера и Фемиды, во время золотого века Сатурна жившая среди людей, она с наступлением железного века превратилась в звезду в созвездии Девы.

Стих 10. *Луцина* — одно из прозвищ Юноны (или Дианы) как богини-покровительницы рожениц. Последующие слова о наступлении века Аполлона заставляют предполагать, что здесь идет речь именно о Диане, сестре Аполлона, под знаком которой пребывал уходящий круг железного века.

Стих 32. *Фетида* — здесь вместо «море»: богиня моря.

Стих 34. *Тифис* — кормчий аргонавтов.

Стих 47. *Парки* (г р е ч. Мойры) — три богини судьбы; их представляли в виде старух, прядущих нить человеческой жизни. Одна из них (Клото) прядет нить, другая (Лахесис) тянет ее через все предназначения судьбы, и, наконец, третья (Атропос) обрывает нить.

Стих 55. *Лин* — «божественный пастух», сын Аполлона и музы Терпсихоры, мифический певец, подобный Орфею, сыну музы Каллиопы,

ЭКЛОГА V

Образцом для этой эклоги послужила I идиллия Феокрита, использовавшего сицилийский миф о Дафнисе. Идиллия Феокрита состоит из пролога — приглашения к пению, эпилога и центральной части — песни об умирающем Дафнисе. В эклоге Вергилия есть пролог, эпилог и тема Дафниса, раскрывающаяся в двух песнях (мотив пастушеского состязания) — одна о смерти, другая — о воскресении обожествленного Дафниса. Большинство исследователей видит в обожествлении Дафниса намек на причисление к богам Гая Юлия Цезаря; одновременно это и обещание будущего обожествления Октавиана.

Стихи 29—30. *Дафнис армянских впрягать в ярмо колесничное тигров установил...* — Здесь уже содержится намек на будущее обожествление Дафниса: Дафнис, подобно божеству, устанавливает обряды в честь Вакха-Диониса, совершающего свой поход из Индии в колеснице, запряженной тиграми. Армянский — здесь в значении восточный.

Стих 31. *...листвой обвивать... копья.*— Имеются в виду тирсы, шесты, увитые плющом или лозой, непременные атрибуты вакханок.

Стих 35. *Пáлес* — древнеиталийская богиня, покровительница пастухов и скота. У Вергилия тема божественного покровительства усилена: если у Феокрита боги скорбят об умирающем Дафнисе, то здесь они даже покидают поля.

Стих 59. *Дриады* — нимфы деревьев.

Стих 71. *Ареусия* — гора на греческом острове Хиосе, славящемся виноделием.

Стихи 86—87. *«Страсть в Коридоне зажег...»*, *«Скотина чья? Мелибея?»* — Стихи, начинающие соответственно II и III эклоги; здесь обе эти эклоги представлены как песни, известные аркадским пастухам.

ЭКЛОГА VI

Эклога посвящена Альфену Вару, проконсулу Цизальпинской Галлии, оказавшему поддержку Вергилию в деле о его имении. Вар обладал высоким литературным вкусом, который хвалил Гораций. По форме эта эклога — наставление лесного божества (Силена) пастухам. Песня Силена содержит отрывки эпикурейской космогонии (стихи 31—40)— дань эпикурейцу Сирону, в школе которого учились Вергилий и Вар. В форму песни укладывается и своеобразный каталог мифологических сюжетов, излюбленных в кругу Вергилия.

Стих 1. *Сиракузский стих.*— Имеется в виду буколический жанр. Сиракузы — главный город древней Сицилии, родины Феокрита.

Стих 2. *Талúя* — муза комедии, считавшаяся покровительницей и пастушеской поэзии; иногда изображалась с пастушеским посохом.

Стих 3. *Стал воспевать я царей и бои...*— Вар хотел увидеть себя прославленным в эпической поэме; цари и сражения — предмет эпической поэзии.

Кинфий — эпитет Аполлона, от названия горного хребта Кинф на острове Делосе, родине бога.

Стих 14. *Силен* — лесное божество, фигура одновременно и «низкая» (его вечное пьянство; комические ситуации, в которые он попадает) и «высокая»: он воспитатель Вакха, наделенный даром прорицания мудрец.

Стих 17. *Канфар* — сосуд для питья вина на низкой ножке, с двумя ручками.

Стихи 29—30. *Парнас* — обиталище Аполлона и муз. *Исмар* и *Родопа* — горные хребты во Фракии, где Орфей оплакивал Эвридику.

Стих 35. *Нерей* — морской старец, божество.

Стих 41. *Камни Пирры.*— Намек на миф о потопе и возрождении человеческого рода. Спасенные в ковчеге, Пирра и ее муж Девкалион (сын Прометея) должны были, по оракулу, бросать через плечо камни (кости матери-Земли). Камни Девкалиона превратились в мужчин, камни Пирры — в женщин.

Стих 42. *...о кавказских орлах, о хищенье... Прометея.*— Намек на миф о титане Прометее, похитившем огонь у Зевса; за это Прометей был прикован к скале на Кавказе, куда прилетал орел и выклевывал его печень.

Стих 43. *Гилл* — любимец и оруженосец Геракла, был похищен во время похода аргонавтов нимфой источника, к которому отправился за водой. Этот сюжет разработан в XIII идиллии Феокрита.

Стих 45. *Пасифая* — дочь Солнца и жена критского царя Миноса. Пасифая родила Минотавра от любовной связи с быком.

Стих 48. *Дочери* тиринфского царя *Прета* в безумии, насланном на них Юноной, воображали себя коровами.

Стих 60. *Гортинский* — от критского города Гортины.

Стих 61. *Деву, что яблок красой гесперидовых залюбовалась...* — Имеется в виду непобедимая в беге Аталанта. Ее удалось обогнать лишь хитростью, рассыпав на пути золотые яблоки из сада Гесперид, приковавшие ее внимание.

Стих 62. *Фаэтонтиады* — дочери Солнца, превратившиеся в деревья от тоски по погибшему брату Фаэтону, не сумевшему править колесницей Солнца и упавшему с неба.

Стихи 64—65. *Пермес* — река, стекающая с Геликона, обиталища муз. Пермесские *сестры* — одно из названий муз.

Стих 65. *Галл* — поэт Гай Корнелий Галл (69—26 гг. до н. з.), основоположник жанра римской элегии; его произведения не сохранились. Занимал видные государственные должности, во время написания эклоги был помощником Вара в Цизальпинской Галлии.

Стих 67. *...сказал ему Лин...* — Характерно, что вводит Галла в круг муз божественный пастух Лин (см. прим. к эклоге IV, 55); дар, полученный Галлом от муз и Лина,— дар буколический: свирель (стих 69).

Стих 70. *Аскрейский старец* — Гесиод, знаменитый греческий поэт, автор «Теогонии» и «Трудов и дней» (X в. до н. з.). Аскра в Беотии — его родина.

Стих 72. *Гринийская роща* — посвященная Аполлону роща в Малой Азии; ее воспел Галл в подражание александрийскому поэту Эвфориону.

Стих 74. *Сцилла* — у Вергилия здесь смешаны две Сциллы: Сцилла, дочь Форкия, чудовище, обитавшее у пролива между Сицилией и Италией и проглатывавшее проплывающих (Гомер, «Одиссея»), и Сцилла, дочь Ниса, мегарского царя, имевшего волшебные волосы, от которых зависела его жизнь. Сцилла, влюбившись в осаждавшего Мегару критского царя Миноса, погубила отца, срезав его волшебные волосы. После взятия города Минос утопил Сциллу.

Стих 78. *...превращенные члены Терея...* — Терей был превращен в птицу (удода) за надругательство над своей невесткой Прокной.

Стих 79. *...Филомелой... поднесенные яства.* — Филомела, сестра Прокны и жена Терея, накормила мужа мясом их убитого сына.

Стих 83. *Эврот* — река в Лаконии, юго-восточной области Пелопоннеса.

ЭКЛОГА VII

Эклога VII Вергилия, как и его эклога III, а также V и VI идиллии Феокрита, демонстрируют вариант состязания в пении.

Стих 13. *Минций* — река в Мантуе. Хотя пастухи названы аркадскими,

Вергилий приписывает Аркадии — не реальной, а утопической стране — ландшафт своей родины.

Стих 21. *Нимфы ... Либетриды!* — Музы выступают здесь как нимфы ручьев Геликона.

Стих 29. *Делия* — одно из названий Дианы-Артемиды, от острова Делоса, где родилась богиня.

Стих 34. *Приап* — бог плодородия (см. также прим. к «Георгикам», IV, 111).

Стих 41. *Сардонийский* — то есть сардинский, от острова Сардиния. Водившаяся там трава была так горька, что от нее перекашивало рот; отсюда выражение «сардонический смех».

Стих 60. *...и благотворным дождем многократно прольется Юпитер.* — Юпитер имеется здесь в виду в его функции оплодотворителя Земли: Юпитер-Плювий (Дождевой).

Стих 61. *Алкид* — Геркулес.

ЭКЛОГА VIII

Эклога содержит две пастушеские песни, первая из которых, жалоба влюбленного, восходит к III идиллии Феокрита, вторая — воспроизводит обряд заклинания возлюбленного, описанный во II идиллии Феокрита.

Стих 6. *Тимав* — река, впадающая в Адриатическое море.

Стих 7. *Иллирийское море* — Адриатика. Вергилий поздравляет Поллиона с победой на Балканах, после которой его войско возвращалось, вероятно, по Иллирийскому морю.

Стих 10. *...песни твои... достойны котурна Софокла?* — Указание на то, что Поллион писал трагедии.

Стих 17. *Светоносец* — утренняя звезда.

Стих 21. *Ряд меналийских стихов...* — Менал — гора в Аркадии.

Стихи 29—30. *Факелов... настругай... сыпь орехи!* — элементы римского свадебного обряда. При свете факелов невесту вели в спальню жениха, орехами жених откупался во время этого шествия от высмеивающей его молодежи.

Стих 44. *Тмар* — гора в Северной Греции. *Гараманты* — африканские племена, обитавшие, по представлениям римлян, на краю света.

Стих 55. *Арион* — греческий поэт и музыкант (VII—VI вв. до н. э.); по преданию, был спасен от смерти дельфином, зачарованным его пением.

Стих 66. *Заклятья.* — У Феокрита главная сила заклятия — зелье, у Вергилия — сами песни и заклинания. Латинское «carmen» обозначает и песню и заклинание.

Стих 72. *Изображенье твое...*— Героиня песни совершает магические действия над восковой и глиняной фигурками возлюбленного (см. также стих 79).

Стих 94. *Понт.*— Здесь имеется в виду Колхида, родина волшебницы Медеи.

ЭКЛОГА IX

Во время написания эклоги Вергилию вновь стала грозить опасность лишиться имения, поэтому пастух эклоги IX изгнан из счастливой Аркадии. Сам Вергилий скрыт под именем Меналка, о котором говорит Мерис. В жанровом отношении эклога представляет собой попытку состязания в пении: пастухи обмениваются началами традиционных песен о Галатее (стихи 39—43) и Дафнисе (стихи 46—50), которые здесь проходят как воспоминание и как символ Аркадии.

Стих 30. *Кирнейские.*— Кирн — греческое название Корсики.

Стих 35. *Варий и Цинна* — видные поэты эпохи Августа; принадлежали к одному направлению с Вергилием; их произведения не сохранились.

Стих 47. *Диона* — мать Венеры, родоначальница рода Юлиев. Одно из названий Венеры — Дионея.

Стих 59. *Бианор* — местный мантуанский герой.

ЭКЛОГА X

В маске пастуха на этот раз выступает поэт Корнелий Галл (см. прим. к эклоге VI, 65). Элегическая тема несчастной любви поэта к жестокой возлюбленной звучит в лесах Аркадии. Душевное состояние Галла уподоблено состоянию мифического героя Дафниса у Феокрита. Вергилий «оплакивает» страдания Галла довольно близким переводом из I идиллии Феокрита (стих 64 и след.).

Стих 1. *Аретуза* — сицилийская речная нимфа; намек на Феокрита. По мифу, поток Аретузы начинается в Греции, затем уходит под землю, протекает под дном моря и выходит на поверхность в Сицилии.

Стих 3. *Ликорида* — возлюбленная Галла, воспетая им в элегиях.

Стих 4. *Сиканский* — от Сикании, древнего названия Сицилии.

Стих 5. *Дорида* — одна из нереид, мать Аретузы.

Стих 11. *Пинд* — гора, посвященная Аполлону.

Стих 12. *Аганиппа* — речная нимфа.

Стих 15. *Ликей* — гора в Аркадии.

Стих 18. *Адонис* — прекрасный пастух, возлюбленный Афродиты.

Стих 23. *...в лагерь... Ликорида сбежала.*— Ликорида, покинув Галла, последовала за новым возлюбленным в поход на Галлию.

Стих 24. *Сильван* — лесное божество.

Стих 50. *...стихом пропою я халкидским...*— Имеется в виду поэт эллинистической эпохи Эвфорион Халкидский, один из греческих элегиков, которому подражал Галл.

Стих 57. *...леса парфенийские...*— Парфений — гора на границе Аркадии и Арголиды.

Стих 60. *Цидония* — критский город; его жители славились как отличные лучники.

Стих 65. *Гебр* — река во Фракии.

Стих 66. *Ситонийские берега* — местность во Фракии.

ГЕОРГИКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стих 7. *Либер с Церерой...*— то есть дары Вакха (Либера) и богини плодородия Цереры: виноградная лоза и хлеб.

Стих 8. *Хаония* — область в Эпире, славная священными дубами Юпитера. По представлениям римлян, люди до появления земледелия питались дикими плодами и желудями.

Стих 9. *Ахелоевы чаши.*— Ахелой — река в греческой области Этолии. Имя Ахелоя употреблялось в значении всякой реки и вообще воды. Древние употребляли вино, разводя его водой.

Стихи 10—11. *Фавны и дриады* — лесные божества.

Стихи 13—14. *...из... земли коня... вывел... Нептун!* — По мифам, Нептун произвел на свет первого коня, ударив трезубцем в скалу в горах Фессалии.

Стих 14. *Покровитель урочищ* — Аристей, сын бога Аполлона и нимфы, древнее земледельческое божество, герой четвертой книги «Георгик».

Стих 15. *Кея* — один из островов Архипелага.

Стих 18. *Тегеец.*— Тегея — местность в Аркадии, известная культом Пана. *Маслина* — священное дерево Минервы.

Стихи 19—20. *...юноша, нам показавший плуг...*— Имеется в виду мифический изобретатель плуга, царский сын Триптолем; искусству земледелия его обучала сама богиня плодородия Церера.

Стих 25. *Цезарь* — здесь Октавиан Август.

Стих 28. *Мирт* — священное дерево Венеры (от которой вел свое происхождение род Юлиев).

Стих 30. *Фула* — некий остров на северо-западе, предел населенной земли. Возможно, Исландия.

Стих 31. *Тефида* — морская богиня, супруга Океана.

Стихи 32—34. *...новой примкнешь ли звездой...*— Для созвездия обожествленного Октавиана было «подготовлено» место среди знаков Зодиака — между Девой (*Эригоной*) и *Скорпионом.*

Стих 36. *Тáртар* — подземное царство, Октавиан же будет принят в сонм «светлых», небесных богов.

Стих 38. *Элизийские поля* (или Элизий) — часть царства мертвых, где пребывали непорочные души.

Стих 39. *Прозерпина* (Персефона) — дочь Цереры (Деметры); была похищена царем преисподней Плутоном, стала его женой и царицей подземного царства; раз в году она выходила на землю.

Стих 44. *Зефир* — западный ветер.

Стихи 47—48. *Нива... два раза жар испытает и два раза холод.*— Обычно в Италии вспахивали землю трижды, но иногда и четырежды в год.

Стих 56. *Тмол* — гора в Малой Азии, славившаяся изготовлением благовоний и виноделием.

Стих 57. *Сабеи* — аравийское племя; *изнеженные* — постоянный эпитет аравийских народов в римской поэзии.

Стих 58. *Халибы* — обитавшее в Причерноморье племя, славившееся своими железными изделиями.

Стих 59. *Понт* — область малоазийского побережья Черного моря, царство Митридата Понтийского (см. также прим. к «Буколикам», VIII, 94).

Эпир — область в Северной Греции; лошади, выведенные в Эпире, нередко одерживали победы на конских состязаниях в Олимпии.

Стих 62. *...Девкалион побросал... каменья...*— см. прим. к «Буколикам», VI, 41.

Стих 67. *...незадолго ... до Арктура...*— то есть в начале сентября, незадолго до восхода Арктура — звезды из созвездия Волопаса.

Стих 78. *...мак, напитанный дремой летейской.*— Мак, как и река подземного царства Лета, дает забвение и сон.

Стихи 102—103. *Мизия, Гаргара* — плодородные области Малой Азии.

Стих 120. *Стримонийский журавль.*— По берегам реки Стримона во Фракии селились журавли, зимой перелетавшие в Италию.

Стих 125. *...не знали поля до Юпитера пахарей власти.*— В золотом веке, когда властителем был Сатурн, по представлениям древних, не было собственности. Земля, плодоносящая «сама по себе»,— обычный образ золотого века.

Стих 136. *...об ольхах долбленых...*— то есть о кораблях, сделанных из ольхи.

Стих 138. *Плеяды и Гиады* — звездные скопления в созвездии Тельца;

Аркт Ликаона — Большая Медведица (Ликаон — царь Аркадии, чья дочь Каллисто была превращена Юноной в медведицу. Когда ее убили охотники, Юпитер сделал ее созвездием).

Стих 149. *Додона* — здесь вместо «дуб»; в Додоне была дубовая роща со святилищем Юпитера.

Стих 163. *Элевсинская богиня* — Церера. Центром ее культа был Элевсин близ Афин, где совершались культовые таинства — элевсинские мистерии.

Стих 165. *Келей* — мифический царь Элевсина, которого сама Церера научила плести корзины из прутьев.

Стих 166. *Деревянные решета, веяла.*— Эти изделия использовались в культовых церемониях, посвященных Церере и Вакху.

Стхи 204—205. *Арктур, Козлята, Змей.*— С заходом и восходом этих звезд и созвездий древние связывали морские бури.

Стих 207. *Пролив Абидосский* — Геллеспонт (ныне Дарданеллы), на берегу которого стоял город Абидос.

Стих 208. *...уравняют Весы для сна и для бдения время...*— Речь идет об осеннем равноденствии, когда Солнце находится в созвездии Весов.

Стих 212. *...мак Цjudgeрин...*— Мак, как цветок сна и смерти, есть знак скорби Цереры по находящейся в царстве мертвых дочери Прозерпине (см. прим. к стиху 39).

Стих 215. *Мидийка* — люцерна; ее родиной считали Мидию, страну в Азии у истоков Тигра и Евфрата.

Стихи 217—218. *...Бык... год приоткроет...*— Созвездие Тельца (Бык), в котором Солнце находится в середине апреля, когда у римлян начинался год, гонит с неба созвездие Пса со звездой Сириус; Пес покидает небосвод в конце апреля.

Стих 221. *Атлантиды* — дочери титана Атланта, превращенные в звездное скопление Плеяд, которое заходит с восходом зари. Окончание периода видимости Плеяд — в середине ноября.

Стих 222. *Кносский Венец.*— Созвездие Северной Короны (Венца), окончание периода видимости которого приходилось на последние дни ноября, связывалось с представлением о превращенной в светило короне Ариадны, дочери критского царя Миноса. Кносс — главный город Крита.

Стих 225. *Майя*— старшая дочь Атланта, мать Меркурия, одна из Плеяд.

Стих 228. *Пелузийская чечевица* — из египетского города Пелузия. Египетская чечевица считалась самой лучшей.

Стих 229. *Боот* — созвездие Волопаса; сеять вику считалось удобным к окончанию периода видимости этого созвездия, в конце октября.

Стих 232. *Двенадцать созвездий* — знаки Зодиака.

Стихи 233—239. *Пять поясов.*— По представлениям древних, небо и Земля распределялись на соответствующие друг другу пять поясов, которые различаются между собой расположением по отношению к Солнцу.

Стих 237. *Пояса два...* — умеренные пояса, на которых и сосредоточена жизнь.

Стих 239. *...наклонных знаков порядок...* — ось Зодиака, вокруг которой вращаются звезды и совершает свой путь Солнце.

Стих 240. *Рифейские твердыни* — Урал; здесь в значении всех северных горных хребтов. *Скифия* — в значении всей северной части Европы и Азии.

Стих 241. *Австры Ливийские* — южные ветры, дующие из Ливии (Северная Африка).

Стихи 242—243. *Встала вершина одна над нами навечно, другую видит... Стикс...* — Речь идет о двух полюсах Земли — северном и южном; первый из них виден живым людям, второй — теням умерших, которые находятся «под ногами» живых, в Тартаре, помещающемся в глубине Земли. Стикс — река подземного царства, здесь — в значении самого царства; *маны* — духи умерших.

Стихи 245—246. *Змей* — созвездие Дракона близ Северного полюса, обвивается вокруг Большой и Малой Медведиц (*«оплетает Арктов обоих»*), которые на европейских широтах никогда не заходят за горизонт (им *«в волнах... страшно намокнуть»*).

Стих 250. *Кони Востока* — упряжка бога Солнца.

Стих 251. *Веспер* — вечерняя звезда.

Стих 265. *...жгуты америйские...* — Америя — город в Умбрии, славившийся своим лозняком, прутья которого шли на подвязку виноградных лоз.

Стих 278. *Эвмениды* — богини-мстительницы, то же, что эринии или римские фурии.

Стих 279. *Кей, Япет* — титаны, сыновья Земли и Неба; *Тифон* — чудовище, рожденное Землей и Тартаром.

Стих 280. *Братья* — сыновья Алоэя, Зет и Эфиальт, решившие захватить Олимп и для этого нагромоздившие друг на друга горы Пелион и Оссу; низвержены молнией Юпитера.

Стих 302. *Гения время, зима...* — Гений — у римлян бог-хранитель человека, сопутствующий ему всю жизнь и пробуждающий все лучшее, божественное в его душе. Все праздничное, веселое считалось соответствующим Гению. Зима — время римских праздников, Сатурналий, поэтому она время Гения.

Стих 309. *...пращи балеарской...* — Жители Балеарских островов (ныне — Мальорка и Менорка) в Средиземном море славились искусством метания из пращи.

Стих 332. *Афон* — гора в Македонии; *...Керавнии... горы...* — Керавнийский хребет в Эпире.

Стихи 336—337. *Сатурн, Килленец.* — Здесь названы только Сатурн и Меркурий (бог Меркурий был рожден на горе Киллене), так как из известных древним планет первая в своем вращении описывает наибольший, вторая — наименьший круг.

Стихи 338—339. *Годичные жертвы* — сельскохозяйственный весенний праздник амбарвалий, точный срок которого устанавливал для себя каждый земледелец. Полагалось приносить в жертву трех животных — теленка, ягненка и поросенка — и совершать возлияния молоком, медом и вином, дабы умилостивить, кроме *Цереры*, всех богов.

Стихи 380—381. *...воду радуга пьет...*— Считалось, что радуга выпивает из земли воду и дождем отдает ее обратно.

Стих 384. *Каистр* — река в Малой Азии, при впадении в море часто разливалась, образуя болота и заводи, где водилось множество водоплавающих птиц.

Стих 398. *...Фетиды любимицы, чайки...*— В подлиннике алкионы (alciones) — морские птицы, посвященные морской богине Фетиде. По мифу, Алкиона превратилась в птицу, бросившись в море, когда муж ее не вернулся из путешествия.

Стих 404. *Нис* (см. прим. к «Буколикам», VI, 74) был превращен в морского орла, его дочь *Сцилла* — в нырка.

Стих 416. *...дар... предвидеть событья.*— По народному поверью, вороны не только предчувствовали изменения в погоде, но вызывали их своим криком.

Стих 437. *...чадо Инó Меликерт...*— Инó — фиванская царица, бросилась в море вместе с сыном, младенцем Меликертом (Палемоном), спасаясь от преследования своего мужа, на которого Юнона наслала безумие; мать и сын стали морскими божествами.

Панопея (Панопа) — одна из нереид (см. также «Энеиду», V, 239—240).

Главк — морское божество, обладающее даром прорицания.

Стих 447. *...встанет Аврора, шафран покинув Тифонова ложа...*— Тифон — супруг Авроры, богини утренней зари. Этот стих повторяется Вергилием в «Энеиде» (IV, 584 и далее).

Стих 460. *Аквилон* — северный ветер, летом разгоняющий тучи и очищающий небо.

Стих 465. *...тайком набухающих войнах.*— Имеются в виду недавние гражданские войны в Риме.

Стих 466. *Цезарь* — здесь Гай Юлий Цезарь.

Стих 472. *Этна* — вулкан на Сицилии, где находилась, по мифу, кузница Вулкана, в которой работали великаны циклопы (см. также «Энеиду», VIII, 416 и след.). Перед убийством Цезаря произошло извержение Этны.

Стих 482. *Эридан* (По) — крупнейшая река Италии.

Стих 484. *...на требухе не к добру проступали зловещие жилы...*— то есть гадание по внутренностям жертвенных животных предвещало бедствия.

Стихи 490—492. *Филиппы* — местность в Фессалии, где Антоний и Октавиан разбили войско Брута и Кассия. Филиппы находились в той же провинции Македония (Вергилий называет ее древним именем *Гематия*),

что и Фарсал, где на пять лет раньше Цезарь победил Помпея. *Гем* — горный хребет во Фракии.

Стих 498. *Индигеты* — местные боги, культ которых слился с культом обожествленных предков, например, под именем Индигета почитался Эней («Энеида», XII, 795). *Ромул* — легендарный основатель Рима, ставший богом Квирином. *Веста* — богиня домашнего очага, хранительница римского государства.

Стих 499. *Тускский Тибр* — Тибр (или Тиберин), бог реки Тибра; Вергилий неоднократно называет этим именем саму реку. Тускский — этрусский; Тибр назван так, потому что он берет начало в Этрурии. *Палатин* — один из семи холмов, на которых стоит Рим.

Стих 502. *...пятно... Лаомедонтовой Трои.*— Войны и несчастья римлян Вергилий представляет как искупление вины предка — основателя Троянской стены Лаомедонта, обманувшего строивших ее богов Нептуна и Аполлона.

КНИГА ВТОРАЯ

Стих 4. *Леней* — греческий эпитет Вакха-Диониса.

Стих 8. *Котурны* — древняя обувь охотников, а впоследствии трагических актеров. На древних изображениях Вакх часто предстает в котурнах.

Стих 16. *Эскул* — разновидность дуба, священного дерева Юпитера.

Стих 18. *Лавр* — дерево, посвященное Аполлону. Святилище бога находилось в лавровой роще у подножия горы Парнаса.

Стих 38. *Исмар, Табурн* — непригодные для сева злаков горы во Фракии и Самниуме; Вергилий приводит их как пример разумного использования земли.

Стихи 43—44. *...нет, если даже я сто языков...*— Эти стихи, воспроизводящие стихи Гомера («Илиада», II, 488—490), повторяются в «Энеиде», VI, 625.

Стих 64. *Пафосский мирт* — мирт, посвященный Венере, центром культа которой был Пафос, город на острове Кипре.

Стих 66. *Древо Геракла* — тополь.

Стих 67. *Отец Хаонийский* — Юпитер, названный так по месту своего Додонского оракула — области Хаонии в Эпире.

Стих 84. *Идейские кипарисы.*— Гора Ида на Крите славилась кипарисами.

Стих 87. *Алкиной* — в «Одиссее» царь легендарных феаков. Его плодоносные сады вошли в пословицу.

Стих 88. *Крустумийские груши.*— Крустумий (или Крустумерий) — город в Италии, в округе сабинян.

Стих 115. *Гелоны* — племя сарматов, населявшее степи Причерноморья. Римляне считали, что все варвары раскрашивают тело.

Стих 120. *О эфиопских лесах, белеющих мягкою шерстью?* — Имеется в виду хлопок.

Стих 121. *Серийцы* — вероятно, китайцы, от которых к римлянам доходили шелка. Шелковую нить и имеет в виду Вергилий, говоря о *тончайшей пряже.*

Стих 127. *...плод благодатный...* — Описываемый Вергилием плод, вероятнее всего,— лимон.

Стих 137. *Герм* — река в Лидии, считавшаяся золотоносной.

Стих 138. *Бактрия* — царство около Индии.

Стих 139. *Панхайя* — легендарный остров в аравийских морях, славившийся изготовлением благовоний.

Стихи 140—141. *Пусть не вспахали быки...* — намек на миф об аргонавте Ясоне, который вспахал землю Колхиды плугом, запряженным изрыгающими пламя меднокопытными быками, и засеял *зубами* дракона.

Стих 143. *...массийская влага...* — вино из знаменитого сорта винограда, росшего на склонах горы Массик в Умбрии.

Стих 146. *Клитумн* — приток Тибра.

Стихи 147—148. *...бык, драгоценная жертва, римским триумфам... сопутствовал...* — Быков приносили в жертву Юпитеру; белые быки везли колесницу полководца-триумфатора.

Стих 152. *Аконит* — ядовитое растение, в Италии не встречающееся.

Стихи 159—160. *Ларий* — сейчас озеро Комо, *Бенак* — озеро Гарда.

Стихи 161—164. *Гавань Юлия* — порт, построенный Августом и названный в честь Юлия Цезаря; для его постройки бухта *Лукрин* близ Неаполя была соединена с озером *Аверн*, а гавань со стороны моря ограждена *молом.*

Стихи 167—168. *Сабинские потомки* (сабины), *марсы, вольски* — народности, населявшие Апеннинский полуостров.

Стихи 169—170. *Деции* — римский патрицианский род, из которого вышли многие знаменитые полководцы. Фурий *Камилл* — римский военачальник и диктатор (V—IV вв. до н. э.). *Сципионы* — патрицианский род, из которого вышли Корнелий Сципион, начавший войну с Ганнибалом, его сын Сципион Африканский Старший, успешно ее завершивший, и приемный сын последнего, Сципион Африканский Младший, разрушивший Карфаген (конец III — начало II в. до н. э.). Как собирательный образ римской доблести упоминается и римский полководец конца II — начала I в. до н. э. Гай *Марий.*

Стихи 171—172. *...Цезарь, который теперь победительно...* — Имеется в виду поход Октавиана через Сирию до берегов Евфрата.

Стих 173. *Сатурна земля* — Италия, куда, по местным преданиям, удалился Сатурн, свергнутый Юпитером. В Италии Сатурн стал родоначальником царского дома (см. «Энеиду», VII, 46—49).

Стих 176. *Аскрейская песня* — дидактический эпос о земледелии, написанный по образцу Гесиода из Аскры (см. прим. к «Буколикам», VI, 70).

Стихи 193—194. *...жирный тирренец меж тем на кости слоновой играет у алтаря...* — Тирренские (этрусские) флейтисты принимали участие в культовых церемониях. Жирные — презрительное прозвище этрусков у римлян.

Стих 197. *Тарент* — город и порт на юге Италии.

Стих 214. *Хелидра* — ядовитая змея с твердой кожей (буквально: морская черепаха).

Стих 224. *Капуя* — город в Кампании на юге Италии. Сервий сообщает, что в этой строке первоначально стояло вместо слова «берег» название города Нолы; однако ноланцы отказали поэту в воде для орошения участка, и он вычеркнул упоминание о Ноле.

Стих 225. *...немилостив Кланий к Ацеррам.* — Имеются в виду частые разливы реки Клания, протекавшей в Ацеррах близ Неаполя.

Стих 257. *Вредоносные тисы.* — Считалось, что плоды тиса ядовиты и одурманивают человека.

Стихи 380—381. *Козья вина такова... на просцении древние игры.* — Трагедия возникла из обрядов культа Вакха; важное место среди них принадлежало обрядам, связанным с козлом (само слово «трагедия» означает «песнь козла»). *Просцений* — передняя часть сцены, где находились актеры.

Стихи 382—384. *Вот почему ... порешили внуки Тесея...* — Имеются в виду деревенские обрядовые игры, посвященные Вакху. Козел служил *наградой* в различных состязаниях, среди которых было и состязание в прыжках на надутый *мех* (вспрыгнувший должен был дольше на нем удержаться). Внуки Тесея — потомки мифического царя Афин, здесь в значении «афиняне».

Стих 385. *Авзонийские селяне* — то есть италийские крестьяне.

Стихи 388—389. *...Вакх... подвесив... изображенья твои...* — Изображение бога подвешивалось к деревьям на межах, и по тому, как оно поворачивалось в ту или другую сторону, судили о расположении божества, о грядущем благополучии этой земли.

Стих 406. *Сатурнов зуб* — серп или кривой нож виноградаря, атрибут Сатурна.

Стих 437. *Китор* — гора в Малой Азии, поросшая буксом (самшитом).

Стих 438. *Нарик* — город на юге Италии.

Стих 448. *Итурейские луки* — от названия арабского племени итурейцев, славившихся как лучники.

Стихи 455—457. *Вакх и причиной бывал...* — В этих стихах, нередко считающихся интерполяцией (позднейшей вставкой), упоминается схватка фессалийских лапифов с кентаврами на свадьбе царя лапифов Пирифоя, где пьяные кентавры бросились похищать женщин. *Рет, Фол, Гилей* — имена кентавров.

Стих 462. *...волна желателей доброго утра...* — Имеются в виду клиенты, зависимые свободные граждане, по обязанности приходящие по утрам приветствовать своего патрона.

Стих 464. *...эфирейской бронзы не жаждут...*— Эфира — древнее название Коринфа. Коринфские вазы из особого сплава ценились в Риме больше золотых и серебряных.

Стих 465. *Ассирийский* — у Вергилия в значении «сирийский», «финикийский», «пунический». Финикийские города славились своим пурпуром — алой краской, изготовляемой из сока особых морских моллюсков.

Стих 466. *...не портят они оливковых масел корицей...*— Порошок корицы, смешанный с оливковым маслом, употреблялся как благовонное притиранне.

Стих 469. *Темпейская долина* в Фессалии была настолько прославлена своими красотами, что имя ее стало нарицательным.

Стихи 481—482. *...и в океан почему погрузиться...*— Эти стихи повторяются в «Энеиде», I, 745—746.

Стих 487. *Сперхий* — река в Фессалии, *Тайгет* — лесистый горный хребет, тянущийся из Аркадии через всю Лаконию.

Стих 490. *Счастливы те...*— то есть философы. Стих заимствован из поэмы Лукреция «О природе вещей», где посвящен Эпикуру. Намек на Эпикура, проповедовавшего «довольство малым» и «незаметную жизнь», делает естественной параллель между счастливой жизнью селянина и философа.

Стих 495. *Фасци* (фасции)— пучки прутьев с продетыми в них топорами, знаки консульского и преторского достоинства.

Стих 497. *Даки* — племя, жившее за Истром (Дунаем) и совершавшее частые набеги на территорию империи. Истр как бы становится союзником даков, разрешая им переправляться по льду.

Стихи 501—502. *...безумный Форум...*— Форум как средоточие всей общественной жизни Рима; у Вергилия — символ безумия, в противоположность счастливому покою сельского жителя.

Стих 506. *Сарранский багрянец* — тирийский пурпур. Сарры — древнее название Тира, города в Финикии.

Стих 508. *Ростры* — ораторская трибуна на Форуме; она была украшена рострами — медными носами, снятыми с потопленных вражеских кораблей.

Стих 509. *...плеском скамей...*— то есть зрителей в амфитеатре. *Отцы* — римские сенаторы; имеется в виду обычай приветствовать знаменитых граждан рукоплесканиями, когда они входили в амфитеатр.

Стих 519. *Сикионские ягоды* — маслины (от города Сикиона около Коринфа, славившегося маслинами).

Стих 535. *Семь твердынь* — намек на семь холмов, на которых стоит Рим. Стих повторяется в «Энеиде», VI, 783.

Стих 536. *Раньше, чем был у царя Диктейского скипетр...*— то есть в золотом веке, до того, как воцарился Юпитер, рожденный в Диктейской пещере на Крите.

Стих 537. *...нечестивый стал род быков... резать...* — Римский теоретик сельского хозяйства Колумелла пишет: «Бык так высоко почитался у древних, что за убиение быка карали так же, как за убиение гражданина».

КНИГА ТРЕТЬЯ

Стих 1. *Палес* — см. прим. к «Буколикам», V, 35.

Стих 2. *Пастырь Амфризский* — Аполлон, который пас некоторое время быков царя Адмета над фессалийской рекой Амфриз.

Стихи 4—5. *Эврисфей* — царь Микен, по приказанию которого Геркулес совершил свои двенадцать подвигов. *Бузирид* — царь Египта, приносивший чужестранцев в жертву Зевсу; был убит Геркулесом.

Стих 6. *Гилл* — см. прим. к «Буколикам», VI, 43. *Делос* — остров, где Латона родила Диану и Аполлона.

Стих 7. *Гипподамия, Пелоп.* — Пелоп, давший имя полуострову Пелопоннес, завоевал себе в жены Гипподамию, победив в беге на колесницах ее отца Эномая.

...с плечом из кости слоновой... — Отец Пелопа Тантал, разрубив сына на части, предложил его мясо олимпийским богам, созванным на пир. Прикоснулась к пище одна Церера, съев кусок плеча Пелопа. Оживив Пелопа, боги дали ему плечо из слоновой кости.

Стих 9. *...ввысь подымусь...* — Стих этот заимствован у староримского поэта Энния, создателя латинского эпоса. Вергилий впервые говорит здесь о том, что, пренебрегши мифологическим эпосом, он намерен взяться за исторический эпос и прославить Августа.

Стих 11. *Аонийская вершина* (Аония) — обиталище муз у Геликона; одно из названий муз — Аониды.

Стих 12. *Идумейские* — то есть иудейские, от Идумеи — области Иудеи, знаменитой своими пальмами.

Стих 15. *Минций* — см. прим. к «Буколикам», VII, 13.

Стих 16. *Цезарь будет стоять в середине хозяином храма.* — В середине храма ставилась обычно статуя божества.

Стихи 19—20. *Греция вся... будет... состязаться.* — Новый храм должен был быть освящен ритуальными играми. *Алфей* — название, напоминающее об Олимпийских играх, так как река Алфей протекает через Олимпию. *Малорк* — имя, связанное с Немейскими играми, учрежденными в честь Геракла. Малорк оказал гостеприимство Гераклу после его победы над Немейским львом. *Боевые ремни* — особые ремни, которыми обматывали руки для кулачного боя.

Стихи 24—25. *...сцену, где вертится пол... занавес... британнами ткаными вздернут.* — Речь идет о вращающихся вместе со сценой задниках декорации и о занавесе, не раздвигающемся, а поднимающемся вверх, —

поэтому создается впечатление, что его двигают вытканные на нем британны.

Стих 27. *Гангариды* — жители Индии, здесь вообще в значении восточных народов, против которых Август готовил поход. *Доспех Квирина* — римское оружие. Квирин — имя обожествленного Ромула.

Стихи 28—29. *...кипящий войной... Нил...* — подразумевается сражение с флотом Антония и Клеопатры в битве при Акциуме.

Стих 30. *...Азии грады явлю покоренные...* — Имеются в виду победные сражения в Армении и Парфии. *Нифат* — гора в Армении.

Стихи 35—36. *Ассарак, Трос* — троянские цари, отдаленные мифические предки Юлиев. Здесь Вергилий как бы намечает второй предмет для своего будущего эпоса: мифическое прошлое рода нынешнего повелителя Рима. Именно он и был разработан в «Энеиде». *Кинфий* — Аполлон, построивший стены Трои.

Стих 38. *Коцит* — река в подземном царстве.

Стихи 38—39. *Змей... вкруг Иксиона... неодолимого камня.* — Два образа адских мук: царь Иксион прикручен к вращающемуся колесу путами из змей, Сизиф должен вечно поднимать на гору камень, вечно скатывающийся вниз.

Стихи 43—44. *Киферон* — гора в Беотии, центр культа Вакха. *Эпидавр*, как и вся Арголида, славился лошадьми.

Стих 48. *...от рожденья Тифонова...* — Супруг Авроры, Тифон,— сын троянского царя Лаомедонта, к которому возводил свой род Октавиан (см. также прим. к «Георгикам», I, 447).

Стих 89. *...амиклейцем... Поллуксом...* — Амиклы — город в Лаконии, родина близнецов Поллукса и Кастора, сыновей Леды.

Стих 90. *Киллар* — один из коней, которых Нептун подарил Кастору и Поллуксу.

Стих 91. *...Марсовых пара коней и... выезд Ахилла.* — Описание упряжки Марса и Ахилла встречается у Гомера («Илиада», XV, 119; XVI, 148—154).

Стихи 92—94. *...Сатурн ... завидев жену...* — По одному из вариантов мифа, Сатурн принял вид коня и спрятался с океанидой Филирой на гору Пелион от ревности жены. Сыном Сатурна и Филиры был мудрый кентавр Хирон.

Стих 104. *...из затворов гремят колесницы.* — Во время конских состязаний в римском цирке колесницы наездников выезжали из-за решеток, одновременно поднимаемых по знаку консула.

Стих 113. *Эрихтоний* — мифический царь Афин, считается изобретателем квадриги, за что после смерти был превращен в созвездие Возничего.

Стих 115. *...от пелефронийцев лапифов...* — Пелефрон — долина в Фессалии, где жили лапифы.

Стих 122. *...из Нептунова рода.* — Имеется в виду Арион, сын Нептуна и Цереры, превратившийся в коня.

Стих 146. *Возле Силарских лесов...* — Силар — италийская река, впадающая в Тирренское море. *Альбурн* — гора, которую она омывает.

Стих 151. *Танагр* — приток Силара.

Стих 153. *Телица Инахова* — Ио, дочь Инаха, возлюбленная Юпитера. Юнона превратила ее в телку и наслала на нее овода.

Стих 180. *Пиза* — город около Олимпии на берегу Алфея, где проводились Олимпийские игры.

Стих 181. *...у Юпитера в рощах...* — В роще Юпитера происходили соревнования в беге на колесницах.

Стихи 196—197. *Гиперборейские страны* — то есть северные.

Стих 202. *...на ристаньях элейских...* — В Элиде, одной из областей Греции, происходили Олимпийские игры.

Стих 219. *Сильский лес* — лес на Апеннинских горах, в южной их части.

Стихи 232—234. *Он испытует себя и гневу рога свои учит.* — Эти строки повторены в «Энеиде», XII, 104—106.

Стихи 260—263. *...в самую бурю плывет...* — Излагается миф о Геро и Леандре. Леандр каждую ночь переплывал Геллеспонт по свету маяка на башне, который зажигала для него Геро. Когда же во время бури маяк погас и Леандр утонул, Геро бросилась в море.

Стих 264. *Вакховы рыси.* — Колесница Вакха запряжена львами, тиграми, пантерами и рысями. Вакх и сам являлся иногда в образе этих животных.

Стихи 267—268. *Пыл тот сама в них Венера влила...* — Главк, сын Сизифа, выраставший в Потнии (Беотия) кобыл, не подпускал к ним жеребцов. Когда же он оскорбил Венеру, богиня наслала на кобылиц любовное бешенство, и они растерзали хозяина.

Стих 269. *Асканий* — проток, соединяющий горное озеро Аскания в Малой Азии с Мраморным морем.

Стих 278. *Кавр* — очень холодный северо-западный ветер.

Стих 293. *Криница Кастальская* — источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам.

Стих 306. *Милетская шерсть.* — Милет — город на малоазийском берегу.

Стих 312. *...у кинифийских козлов...* — Кинифийские козлы были завезены из Африки в Италию для улучшения породы; Книф — река в Ливии.

Стих 344. *Лар* — дух умершего предка, покровитель дома.

Стих 349. *Меотийские воды* — Азовское море.

Стих 382. *Рифейский Эвр.* — Теплый ветер Эвр назывался холодным, когда он дул из северных областей. Рифейские горы — горы Скифии.

Стих 392. *Пан... обольстил тебя, Феба...* — По одному из мифов, Пан, воспылавший любовью к Луне (Фебе), превратился в белоснежного барана и увлек ее в рощу.

Стих 405. *Молоссы* — порода охотничьих собак, отличающаяся особенной злостью.

Стих 408. *Иберы* — незамирённые племена Пиренейского полуострова, жившие на территории современной Испании.

Стих 409. *Онагры* — дикие ослы, распространенные во Фригии и Аравии.

Стих 415. *Гальбан* — сирийская камедь, род ароматической смолы.

Стих 425. *Калабрийские ущелья.*— Калабрия — область на юге Апеннинского полуострова.

Стих 461. *Бизальты* — племена, населявшие Фракию и Македонию; *гелоны* жили по берегам Борисфена (Днепра).

Стих 475. *Норик* — территория современной западной Австрии. *Тимав* — см. прим. к «Буколикам», VIII, 6.

Стих 522. *Электр* — сплав золота и серебра.

Стих 550. *Мелампп* — сын Амифаона, прорицатель и врач, упоминаемый в «Одиссее». *Хирон* — см. прим. к стихам 92—94 этой книги.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Стих 1. *...о меде небесном...*— Считалось, что пчелы достают мед из капель росы.

Стих 30. *Касия* — дикая корица.

Стих 47. *...чтобы тис рос около пасеки...*— Тис придает меду горький вкус.

Стихи 47—48. *...раков... нельзя опалять...*— Раков опаляли для изготовления целебных снадобий; при этом распространялся едкий дым.

Стих 64. *...Матери бубен...*— Музыкальный инструмент, употреблявшийся во время неистовых оргиастических обрядов в честь Великой Матери богов — Кибелы.

Стих 111. *Приап* — бог плодородия, покровитель полей и садов. Вначале культ Приапа был местным малоазийским культом на побережье Геллеспонта, затем распространяется на всю Грецию и Италию.

Стих 119. *Пестум* — город на юге Италии, славившийся своими розовыми садами.

Стих 125. *Твердыни эбалийские* — город Тарент, основанный выходцами из Лакедемона. Эбалийский — спартанский, лакедемонский, от имени Эбала, древнего царя Лакедемона.

Стих 126. *Галез* — река, омывающая Тарент. Эпитет *черный* характеризует, очевидно, глубину потока.

Стих 127. *Корикийский* — от Корика, города в Малой Азии. Эпитет может означать принадлежность к городу или умение возделывать сады способом, который знали в этой области.

Стихи 150—151. *...пчелам сам даровал...— Куреты* — жрецы богини Реи, матери Юпитера. Позже она была отождествлена с Кибелой, а куреты смешались в позднейших представлениях с корибантами, участниками экстатических культов этой богини, отличительным знаком которых был медный бубен; но у Вергилия это бубен куретов.

Стихи 167—169. *...от прилетающих груз принимают...*— Эти строки повторены в «Энеиде», I, 434—436.

Стих 176. *Кекроповы пчелы* — то есть аттические, от имени Кекропа, мифического первого царя Аттики.

Стих 179. *...дедаловых зданий...*— то есть лабиринтов,— по имени дворца со множеством запутанных переходов, построенного на Крите мифическим афинским мастером Дедалом.

Стих 201. *Квириты* — римляне, названные так по имени Квирина, обожествленного Ромула; здесь в значении граждан, толпы.

Стих 209. *Фортуна* — римская богиня счастья, случая и удачи.

Стих 211. *Гидасп* — приток Инда.

Стихи 219—227. *Видя такие черты...*— Излагается доктрина Пифагора о переселении душ, о единой основе всей природы, разработанная впоследствии неоплатониками и стоиками.

Стих 232. *Тайгета Плеяда* — звезда в группе Плеяд. Вергилий указывает, что мед следует собирать в пору начала периода видимости Плеяд, то есть в мае, и его окончания — в ноябре. Плеяды как бы убегают от зимы, символизируемой созвездием Рыб, которое восходит лишь спустя некоторое время после захода Плеяд.

Стихи 246—247. *...ненавистный Минерве... паук...*— В паука Афина превратила лидийку Арахну, искусную рукодельницу, осмелившуюся вызвать богиню на состязание.

Стих 278. *Мелла* — река в Мантуе.

Стих 283. *Пастух-аркадиец* — Аристей (легенду о нем см. дальше в тексте этой книги «Георгик»).

Стих 287. *Канон* — египетский город; он стал называться *Пеллейским* по имени столицы Македонии Пелла, после того как Египтом стали править потомки одного из полководцев Александра Македонского. Эпитет *счастливые* прилагался к египтянам из-за плодородия земель вокруг Нила.

Стих 293. *Смуглые инды* — эфиопы.

Стих 317. *Пеней* — поток, нимфой которого была Кирена, мать Аристея.

Стих 323. *Тимбрейский* — Троянский, эпитет Аполлона, от Тимбры, местности в Троаде, где был храм Аполлона.

Стих 346. *...меры Вулкан принимал ...Марс исхищрялся...*— Намек на миф о любви Марса и Венеры, жены Вулкана.

Стих 347. *Хаос* — пустота, существовавшая, по греческой мифологии, до начала мира.

Стихи 367—371. *Фазис* — река Рион на Кавказе. *Ликос* — река в Малой Азии. *Энипей* — река в Греции. *Анио* — приток Тибра. *Гипанис* — ныне река Буг. *Каик* — река в Малой Азии. *Эридан* — мифическая река в стране гипербореев на северо-западе Европы; в эпоху Вергилия отождествлялась с Падом (По). *Золотые рога.*— Имеется в виду традиция, идущая от древнейших времен, изображать речное божество в виде быка.

Стих 377. *...полотенца с подстриженной шерстью.*— Древние пользовались мохнатыми шерстяными полотенцами, подрезая шерсть для мягкости.

Стих 387. *Карпаф* — остров в Средиземном море между Критом и Родосом.

Стих 388. *Протей* — морское божество, обладавшее даром прорицания и способностью принимать любой облик.

Стих 391. *Паллена* — гавань в Македонии (Гематии), первоначальное обиталище Протея.

Стих 392. *Нерей* — см. прим. к «Буколикам», VI, 35.

Стихи 394—414. *Благоволит к нему и Нептун...* (и далее) — реминисценция из «Одиссеи». Подобно тому как Кирена научила Аристея захватить морского старца, так дочь Протея Эйдофея научила Менелая захватить ее отца и заставить его открыть будущее.

Стихи 454—455. *...тебе Орфей... беды наслал...*— Аристей считался учеником мифического музыканта Орфея. Версию об Аристее, домогавшемся любви Эвридики, жены Орфея, приводит только Вергилий.

Стих 462. *Пангейские высоты* — горы во Фракии, на родине Орфея. *Рес* — фракийский царь, пришедший под Трою на помощь Приаму.

Стих 463. *Орифия* — дочь афинского (актейского) царя, похищенная северным ветром Бореем и ставшая его супругой. *Геты* — фракийское племя. *Гебр* — см. прим. к «Буколикам», X, 65.

Стих 467. *Тенар* — место в Лаконии, считавшееся входом в подземное царство. *Дит* (Плутон) — бог подземного царства, называемого далее Эреб и Орк.

Стих 502. *Лодочник Орка* — Харон, перевозчик душ умерших в подземное царство.

Стихи 520—522. *Кикония* — Фракия. По одному варианту мифа, вакханки разорвали Орфея на части за то, что он отказался принять участие в оргии, по другому — вакханки растерзали Орфея за то, что после смерти Эвридики он избегал женщин. Есть версия, по которой Орфей наказан Дионисом за служение Аполлону и пренебрежение к его, Диониса, культу.

Стих 524. *Гебр Оэагров.*— В одной из версий мифов Оэагр — отец Орфея. В более распространенных мифах Орфей называется сыном Аполлона. Бог реки Гебр из дружбы к Оэагру несет на поверхности голову его сына, не давая ей утонуть.

ЭНЕИДА

КНИГА ПЕРВАЯ

Стих 1. *...в Италию первым из Трои...*— В стихе 242 этой книги первым ступившим на италийскую землю назван Антенор. Но для Вергилия здесь нет противоречия: Антенор прибывает в ту часть Италии, которая, как объясняет Сервий, тогда еще собственно Италией не считалась. Новейшие комментаторы предпочитают указывать на то, что Эней был первым из тех, кому предназначено основать Рим.

Стих 2. *...к берегам приплыл Лавинийским.*— К западному берегу Италии. Вергилий называет его по имени города Лавиния, основанного, по преданию, Энеем и названного им в честь жены Лавинии.

Стих 6. *...в Лаций богов перенес...*— Имеются в виду пенаты, лары — боги-хранители домашнего очага, покровители человека и его труда. Свои пенаты имеет каждое государство, город, деревня, семья; их деревянные изображения, стоявшие на очаге, становились символом крепости дома, семьи, рода. Перенесение троянских пенатов в Лаций (область Центральной Италии с центром в Риме) означает, что Троя обретает в нем свою новую родину, дом.

Стих 7. *...города Альбы отцы...*— Основание древнейшего италийского города Альба-Лонга (Долгая Альба) приписывалось Асканию, сыну Энея. Легендарный основатель Рима Ромул — внук царя Альбы-Лонги Нумитора; они и были «отцами», прародителями для римлян.

Стих 9. *Царица богов* — Юнона.

Стих 12. *Город древний стоял...*— Карфаген, основанный в 814 г. до н. э. финикийцами, которых Вергилий называет то пунийцами, то, по названиям главных городов Финикии, тирийцами или сидонянами.

Стих 16. *...даже и Самос забыв...*— Остров Самос на Эгейском море — центр культа Юноны; по свидетельству Геродота, самосский храм Юноны был одним из самых больших храмов.

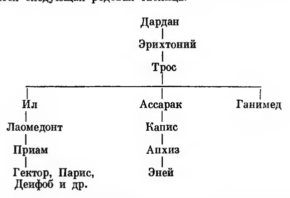
Стихи 19—20. *...возникнет от крови троянской род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.*— Имеются в виду римляне, победители Карфагена в трех Пунических войнах, в конце концов уничтожившие город в 146 г. до н. э. Однако часть комментаторов (включая Сервия) полагает, чтс Вергилий прямо указывает здесь на Сципиона Эмилиана Африканского Младшего, разрушителя Карфагена, поскольку считалось, что род Эмилиев происходит от Эмилия, сына Аскания.

Стихи 23—24. *...о битвах прежних, в которых она защищала любезных аргивян.*— В битвах под Троей Юнона была на стороне греков, которые пазваны здесь аргивянами, по имени города Аргоса. Аргос был одним из центров культа Юноны.

Стих 26. *Сатурна дочь* — Юнона.

Стих 227. *Парис* — сын царя Трои Приама; избранный судьей в споре о красоте между Юноной, Минервой и Венерой, отдал предпочтение последней.

Стих 28. *...царский род ненавистный...*— род троянских царей, происходящий от Дардана; к нему относятся и Эней и Парис. Дардан был рожден Юпитером и нимфой Электрой. Ненависть Юноны к земным детям Юпитера и их потомкам — традиционный мотив греко-римской мифологии. По Гомеру составляется следующая родовая таблица:

...почет Ганимеда...— Красавец Ганимед был похищен Юпитером и стал его виночерпием на Олимпе.

Стих 29. *Тевкры* — одно из названий троянцев, по имени Тевкра, первого царя Трои. Дочь Тевкра стала женой Дардана, их потомок Трос дал имя Трое.

Стих 30. *Данайцы* — греки, названные так по имени Даная, переселившегося из Египта в Грецию.

Стих 35. *...вспенили медью...*— то есть передней частью корабля, обитой медью.

Стихи 39—41. *...всех за вину одного Оилеева сына Аякса?* — Аякс, греческий герой, царь локров, нанес оскорбление Кассандре, дочери Приама, в храме Минервы (*Паллады*) в присутствии самой богини.

Стих 42. *Огонь громовержца* — молния Юпитера.

Стихи 52—55. *Эолия* — один из Липарских островов к северо-востоку от Сицилии. *Эол* — бог ветров, ветры — божественные существа, потомки титанов; как титаниды, они враждебны олимпийцам.

Стих 60. *Всемогущий Отец* — Юпитер.

Стих 67. *...по волнам Тирренским...*— Тирренское море — часть Средиземного у западного берега Италии, от Лигурии до Сицилии.

Стих 68. *Илион* — Троя (здесь — в значении троянцев).

Стих 86. *Африк* — юго-западный ветер.

Стих 96. *О Диомед, о Тидид...* — Диомед, сын Тидея, царь Аргоса. Эней спасся от его руки только с помощью своей матери Венеры.

Стих 99. *...Гектор сражен Ахилла копьем...* — Гектор погиб от руки Ахилла, внука Эака.

Стих 100. *Сарпедон* — предводитель ликийцев (см. ниже, прим. к стиху 113), союзник троянцев, был убит Патроклом, другом Ахилла. *Симоент* — река в Троаде.

Стих 109. *...зовут Алтарями...* — Имеются в виду скалистые острова напротив Карфагена.

Стих 113. *Ликийцы* — жители Ликии, союзной с Троей области на юго-западе Малой Азии.

Стихи 120—121. *Илионей, Абант* — гомеровские имена, но уже собственно вергилиевские герои, так как Илионей и Абант (Абас) в «Илиаде» погибают (XIV, 489 и V, 148).

Стих 144. *Тритон, Кимотоя* — морские божества.

Стихи 148—151. *Так иногда... возникает... бунт...* (и дальше).— Вергилий использует гомеровское сравнение, но переставляет его члены: в «Илиаде» (II, 144—146) бунтующая толпа сравнивается с бурным морем.

Стих 157. *Энеады* — спутники Энея.

Стих 177. *...благой Цереры орудья...* — инструменты для разделывания пищи. Имя богини плодородия употреблено здесь вместо самого понятия пищи — хлеба, муки, зерен.

Стих 182. *...кораблей... фригийских...* — Фригия — область Малой Азии, в которую входила Троада. Поэтому у Вергилия троянцы нередко именуются фригийцами.

Стих 183. *...не блеснут ли щиты с кормы...* — Оружие, прикрепленное к корме, считалось отличительным знаком корабля.

Стих 195. *Акест* — сын бога реки Кримиса и троянки Сегесты; основал в Сицилии город Сегесту (или Эгесту).

Стих 196. *Тринакрия* — древнее название Сицилии.

Стих 201. *Утесы циклопов* — берег Сицилии, населенный, по легенде, циклопами, одноглазыми великанами, выковавшими молнию Юпитеру.

Стих 242. *Антенор* — родственник троянского царя Приама, после падения Илиона высадился на северо-западном берегу Адриатики и основал там город Патавий (современная Падуя).

Стих 243. *...в бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства...* — Либурны — жители Иллирии, области на северном побережье Адриатики (современная Далмация).

Стих 244. *Источник Тимава* — то же, что Тимав (см. прим. к «Буколикам», VIII, 6).

Стих 257. *Киферея* — прозвище Венеры, по названию острова Кифера, куда она вышла, едва родившись из пены морской.

Стих. 266. *Рутулы* — латинское племя.

Стих 267. *Асканий* — сын Энея и Креусы; второе имя его — Юл — давало повод считать Аскания родоначальником Юлиев, к которым принадлежали Юлий Цезарь и Август.

Стихи 273—274. *...пока царевна и жрица Илия двух близнецов не родит...* — Согласно легенде, Илия (Рея Сильвия), дочь царя Альбы-Лонги Нумитора, жрица богини Весты, родила основателей Рима — Ромула и Рема — от бога Марса.

Стих 275. *...шкурой седой волчицы-кормилицы гордый...* — Ромула и Рема, по преданию, вскормила волчица.

Стих 276. *...Марсовы... стены...* — Стены Рима названы Марсовыми, так как их воздвиг сын Марса Ромул.

Стих 282. *Тога* — отличительная одежда римлянина; вместе с тем ношение тоги — знак мира.

Стихи 284—285. *...род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян.* — Предсказание говорит о том, что род Энея, правнука Ассарака, ставший римским родом, завладеет родиной греческих героев Ахилла (Фтией), Агамемнона (Микенами), Диомеда (Аргосом).

Стихи 289—290. *...отягченного славной добычей стран восточных...* — Намек на покорение Египта и столкновения с парфянским царем Фраатом.

Стих 292. *Верность* — древнейшее римское божество, в Риме был храм Верности. *Веста* — древняя богиня очага и огня; считалась покровительницей троянцев; перевезена Энеем вместе с пенатами в Италию.

Стих 293. *...войны проклятые двери...* — В Риме существовал старинный обычай во время войны отворять двери храма Януса, во время мира запирать их. Август обновил этот позабывшийся уже обряд и торжественно запер «двери войны» в 30 г. до н. э. после победы при Акциуме.

Стих 297. *...посылает рожденного Майей...* — то есть Меркурия, вестника богов, сына богини Майи.

Стих 316. *Гарпалика* — фракийская героиня, воительница и охотница; многие черты ее образа и детали ее истории Вергилий использовал для создания образа и истории Камиллы (книга XI).

Стих 338. *Агенор* — мифический царь Финикии.

Стих 368. *...шкурой быка охватить* (*потому и название Бирса*). — Финикийское Bosra (укрепленное место) перешло в греческое βύρσα (снятая шкура). Согласно легенде, финикийцы, купив столько земли, «сколько можно охватить одною бычьей шкурой», разрезали эту шкуру на ремни и охватили обширный участок.

Стих 389. Стих этот, считающийся во многих изданиях неподлинным, гласит:

Только скорее ступай и предстань пред порогом царицы.

Стих 394. *...Юпитера спутник крылатый...*— орел; спутницей Минервы была сова, Венеры — голубка.

Стихи 416—417. *...сабейский ладан...*— Сабея (теперь Йемен) славилась благовонными смолами.

Стих 426. Большинство издателей считает этот стих позднейшей интерполяцией. Он гласит:

Пишут закон, избирают святой сенат, магистратов.

Стих 444. *...быстрого череп коня...*— По преданию, конь служил знаменьем обещанных божеством военных побед. Изображения лошади были на карфагенских монетах.

Стих 458. *...и Атрид, и Приам, и Ахилл, обоим ужасный.*— Ахилл ужасен и Атриду (Агамемнону — вождю греков), на которого он разгневался из-за рабыни Бризеиды, отнятой у него Агамемноном, и Приаму, царю троянцев, как убийца его сына Гектора и других его детей.

Стих 466. *Пергам* — центр Трои, ее акрополь, крепость, где находился и царский дворец.

Стих 470. *Рес* — см. прим. к «Георгикам», IV, 462. Было предсказание оракула, что, если лошади Реса хотя бы раз сумеют поесть и напиться в осажденном городе, последний будет спасен. Тидид (Диомед) и Одиссей ночью проникли в лагерь Реса и увели лошадей.

Стих 474. *Троил* — сын Приама, убитый Ахиллом у алтаря Аполлона, в том месте, где вскоре пал сам Ахилл.

Стих 489. *Мемноновы рати.*— Мемнон, царь эфиопов, прибывший на помощь троянцам, считался сыном Авроры (Зари).

Стих 491. *Пентесилея* — царица дев-воительниц амазонок, сражавшихся на стороне троянцев. Пентесилея была убита Ахиллом.

Стих 498. *Эврот* — см. прим. к «Буколикам», VI, 83.

Стих 530. *Гесперия* — греческое название Италии, обычное для поэтов эпохи Августа.

Стих 533. *...имя вождя...*— имя Итала, царя энотров, легендарного племени потомков Энотра, бежавшего из Греции в Италию.

Стих 534. О незавершенных стихах в «Энеиде» биограф Вергилия Донат говорит: «Издание осуществил Варий, внеся в него лишь незначительные исправления, так что даже незавершенные стихи он оставил, как они были. Многие потом пытались их дополнить, но безуспешно: трудность была в том, что почти все полустишия обладали у Вергилия совершенно законченным смыслом, кроме одного: «В Трое был он тебе...» (III, 340).

Стих 535. *Орион* — созвездие, с восходом и заходом которого связывали волнение на море.

Стих 570. *Эрикс* — гора на северо-западе Сицилии; ее название связывают с легендой об Эриксе, сыне Венеры.

Стих 619. *Тевкр* — сын царя Теламона с острова Саламина, брат Аякса Теламонида; после возвращения из Трои был изгнан отцом, так как не ото-

мстил Улиссу (Одиссею) за смерть брата. Саламин, основанный им на Кипре, назван именем родного города.

Стих 621. *Бел.*— Так называет отца Дидоны только Вергилий, создав вымышленное имя на основе семитского слова «баал» — «повелитель». По другим источникам имя отца Дидоны было Муттон.

Стих 624. *...царей... пеласгийских* — то есть греческих.

Стих 626. *...от корня старинного тевкров.*— Матерью Тевкра была Гесиона, дочь троянского царя Лаомедонта, сестра Приама.

Стих 661. *...двоедушье тирийцев...*— Финикийцы считались в Риме олицетворением коварства, вероломства; существовало ироническое выражение «пунийская верность».

Стих 686. *Лиэй* — греческое название Вакха, связанное с его функцией освободителя от забот и печалей (г р е ч. глагол λύω — освобождаю, развязываю); то же значение имеет латинское прозвище Вакха — Либер.

Стих 692. *Идалийские рощи.*— Идалий — гора и город на Кипре с храмом Венеры.

Стих 741. *...Атлантом... обучен.*— Титан Атлант, держащий на плечах небесный свод, нередко отождествляется с горой Атласом (см. также прим. к «Энеиде», IV, 247—248). В позднейших сказаниях ему приписывают изобретение небесного глобуса, указание на падение звезд и перемену погоды; поэтому у Вергилия он учитель Иопада, раскрывающего астрономические тайны.

Стих 744. *Гиады* — см. прим. к «Георгикам», I, 138. *Трионы* — семизвездия Большой и Малой Медведиц.

КНИГА ВТОРАЯ

Стих 7. *..долоп, мирмидонец...*— Представители фессалийских племен, приведенные в Трою Ахиллом.

Стихи 46—47. *...возвели громаду эту, чтоб нашим стенам грозить...* Лаокоонт принимает коня за своеобразную осадную башню; такие башни римляне строили из дерева, ставили на колеса и во время приступа пододвигали вплотную к городским стенам.

Стих 76. Стих, повторяющий стих 612 из третьей книги, в этом месте является позднейшей вставкой.

Стих 83. *Ложно в измене его обвинив...*— Улисс написал подложное письмо от имени Приама к Паламеду и подбросил деньги в палатку Паламеда, что и послужило поводом к обвинению его в измене.

Стих 100. *...покуда помощь Калханта...*— Здесь у Вергилия фраза оборвана; это — риторическая фигура умолчания с очевидным подразумеваемым продолжением. Калхант — прорицатель в греческом войске под Троей.

Стих 104. *Атриды* — Агамемнон и Менелай, сыновья микенского царя Атрея.

Стих 113. *...коня из бревен кленовых.* — В дальнейшем Вергилий говорит, что конь был из дуба (стих 185) и сосны (стих 258). Это противоречие — результат незавершенности поэмы.

Стих 116. *...ветры смирить, заклав невинную деву...*— Речь идет об Ифигении, дочери Агамемнона, принесенной в жертву Артемиде. Перед отплытием под Трою посланные богиней противные ветры не давали грекам отчалить из гавани Авлида, и, чтобы умилостивить богиню, девушку заклали на алтаре.

Стих 122. *Итакиец* — Улисс (Одиссей), царь острова Итака.

Стих 133. *...соль с мукой пополам, вкруг висков мне тугие повязки.*— Солью с мукой посыпали голову жертвы, жертвенный огонь и ножи; повязки при жертвоприношении накладывались на жертву, на жрецов и изображение божества.

Стих 154. *Вечных огней божества...*— Вергилий заставляет Синона клясться ложной клятвой, так как небесные светила, которых он призывает в свидетели, не могли видеть его вымышленного столкновения с греками. Точно так же не существовало и атрибутов жертвоприношения, перечисленных дальше.

Стих 165. *...роковой... Палладий...*— Статуя Паллады со щитом и копьем считалась хранительницей Трои; похищение ее Диомедом и Улиссом — нечестие, вызвавшее гнев богини.

Стих 171. *Тритония* — эпитет Минервы по месту ее рождения (Тритонида — озеро в Ливии, или ручей в Беотии, именовавшийся Тритон).

Стих 178. *...в Аргосе вновь не испросят примет...*— Повторные гадания при неудачах — характерно римская деталь культа.

Стих 193. *Пелоповы стены.*— Имеются в виду пелопоннесские города Аргос и Микены. О Пелопе см. прим. к «Георгикам», III, 7.

Стих 246. *Кассандра* — дочь Приама; дар прорицания дан Кассандре Аполлоном; но, наказывая ее за ослушание, он же внушил троянцам неверие в ее предсказания.

Стих 261. *Фесандр.*— У Гомера он не упоминается. *Сфенел* — вождь аргивян, друг Диомеда.

Стих 262. *Фоант* — один из ахейских вождей. *Акамант* — греческий герой, сподвижник Диомеда.

Стих 263. *Неоптолем Пелид* — сын Ахилла, внук Пелея. *Махаон* — врач в стане греков.

Стих 264. *...Эпей, строитель засады* — мастер, воздвигший деревянного коня; то же определение Эпея (Эпеоса) имеется у Гомера («Одиссея», VIII, 493).

Стих 275. *...из битвы пришел в доспехах Ахилла...*— Когда Ахилл в обиде на Агамемнона отказался участвовать в битве, в его доспехах сражался Патрокл; убив его, Гектор и завладел доспехами Ахилла (см. «Илиада», XVI—XVII).

Стих 276. *...огонь на суда данайские бросил!* — Во время отступления ахейцев Гектору удалось дойти до побережья, где стояли греческие корабли, и поджечь их (см. «Илиада», XV, 592 и след.).

Стих 312. *Сигейские воды* — воды Сигейской бухты близ Трои.

Стих 348. *...к ним обратился я так...* — Обращение полководца с речью к воинам перед битвой — исконный римский обычай.

Стихи 351—352. *Все отсюда ушли... боги...* — По верованиям древних, боги-покровители покидали город, который должен был попасть в руки врага.

Стих 456. *Андромаха* — жена Гектора, мать Астианакса.

Стих 470. *Пирр* — Неоптолем.

Стих 477. *Скиросское войско* — войско Пирра, приведенное им со своей родины, острова Скироса.

Стихи 489—490. *...двери держат в объятьях они...* — В римском доме двери были священны и находились под покровительством бога дверей — двуликого Януса.

Стих 501. *Гекуба* — жена Приама.

Стих 504. *...двери, щитами врагов... гордые...* — У римлян был обычай вешать военную добычу над притолокой двери.

Стих 517. *...статуи вечных богов обнимая...* — Человек, укрывшийся у алтаря и коснувшийся рукой статуи бога, считался неприкосновенным.

Стих 562. *Креуса* — жена Энея, дочь Приама и Гекубы.

Стих 568. *Тиндарова дочь* — Елена, дочь спартанского царя Тиндара.

Стих 578. *...пройдет царицей в триумфе...* — Торжественный въезд полководца-победителя в родной город (триумф) — обычай чисто римский.

Стих 612. *Ворота Скейские* — ворота Трои, обращенные в сторону лагеря греков.

Стих 616. *Эгида* — панцирь из козьей шкуры, атрибут Зевса и Афины. *...головой Горгоны пугая.* — Три змееволосые дочери Форка — Сфеноя, Эврпала и Медуза — имеют общее наименование Горгоны; взглянувшие на них превращаются в камень. Голова Медузы Горгоны обычно изображалась на щите или на груди Паллады.

Стихи 642—643. *Довольно однажды город взятый узреть...* — Анхиз был свидетелем взятия Трои Геркулесом в пору царствования Лаомедонта.

Стих 646. *Мне лишиться гробницы не страшно!* — Для римского читателя в этом возгласе была вся сила отчаяния, так как лишиться погребения — значило обречь душу на вечное скитание.

Стихи 648—649. *...людей повелитель молнией дунул в меня...* — Юпитер поразил Анхиза молнией за то, что он рассказал о своем любовном союзе с Венерой, то есть за разглашение божественной тайны.

Стихи 692—693. *...гром... раздался слева...* — доброе знамение по римским верованиям.

Стих 762. *Феникс* — сподвижник Ахилла, предводитель мирмидонцев.

Стих 781. *...в землю придешь Гесперийскую...*— Еще одно противоречие, объясняемое незавершенностью поэмы: Креуса точно указывает Энею цель его странствий — Италию и Тибр, а в следующей книге он долго отыскивает места, куда ему предназначено плыть.

Стих 782. *Тибр лидийский.*— Тибр у Вергилия не раз именуется «этрусским», этруски же считались выходцами из Лидии. Отсюда — эпитет «лидийский».

Стих 801. *Люцифер* — утренняя звезда, буквально: «светоносец» (см. также «Буколики», VIII, 17).

КНИГА ТРЕТЬЯ

Стих 6. *Антандр* — город близ Илиона.

Стих 19. *...мать... Дионею...*— Дионея — одно из прозвищ Венеры, от имени ее матери Дионы.

Стих 35. *...Градива-отца, владыку пажитей гетских...*— Геты и фракийцы жили по берегам реки Данубия (Дуная) и почитали Марса-Градива.

Стих 50. *...царю фракийцев...*— Полиместору, мужу Илионеи, дочери Приама.

Стих 64. *...от черных ветвей кипариса и темных повязок...*— Кипарис и повязки черного цвета — символы траура.

Стихи 66—67. *...чаши... с парным молоком и сосуды с жертвенной кровью...*— При погребальных обрядах на могилу лили молоко, мед, кровь жертвенных животных и вино, чтобы умилостивить манов.

Стих 73. *Остров... почитаемый всюду священным...*— Делос, где родились Феб (Стреловержец) и Диана.

Стих 76. *Микон, Гиар* — соседние с Делосом острова.

Стих 85. *Тимбрей* — то же, что Тимбрейский (см. прим. к «Георгикам», IV, 323).

Стих 96. *Отыщите древнюю матерь.*— Имеется в виду Италия, откуда переселился в Малую Азию предок троянцев Дардан, уроженец города Корита в Этрурии.

Стих 104. *...остров Юпитера — Крит...*— Крит, считавшийся родиной Юпитера, Анхиз принимает за указанную цель, потому что первый троянский царь Тевкр был родом с Крита.

Стих 105. *...близ Иды высокой.*— Кроме Иды Фригийской, существовала и гора Ида Критская.

Стих 108. *...к пашням Ретейским...*— то есть к троянским; Ретейский мыс находится в Троаде.

Стих 111. *...медь корибантов...*— см. прим. к «Георгикам», IV, 150—151.

Стих 112. *...имя идейских лесов...*— Ида Фригийская определяется как соименница Иды Критской. *...нерушимое таинство молчанье...*— Участники культа Кибелы должны были хранить его обряды в тайне от непосвященных.

Стих 113. *...львы, в колесницу ее запряжённые...*— Кибелу изображали на колеснице, запряженной львами.

Стих 115. *Кносское царство* — то есть Крит. Кносс — главный город Крита.

Стих 122. *Идоменей* — царь Крита, согласно мифу, изгнанный жителями после его возвращения с Троянской войны.

Стих 124. *Ортигия* — древнее название Делоса.

Стих 125. *...мимо Наксосских хребтов, оглашаемых воплем вакханок...*— Горы острова Наксоса были известны культом Вакха.

Стих 126. *Донуса* — остров к востоку от Наксоса. *...белых — Пароса...*— Берега острова Пароса в Эгейском море названы белыми, так как Парос славился мрамором.

Стих 128. *Киклады* — Кикладские острова Эгейского моря.

Стих 131. *Куреты* — см. прим. к «Георгикам», IV, 150—151.

Стих 141. *...пашни Сириус выжег...*— Сириус — звезда из созвездия Пса, с ее появлением в июле связывалась сильная жара.

Стих 162. *Делий* — эпитет Феба от названия острова Делос.

Стих 168. *Иасий* — брат Дардана.

Стих 170. *Корит* — см. прим. к стиху 96 этой книги «Энеиды».

Стих 171. *...пашен Диктейских!* — Дикте — горы на Крите.

Стих 178. *...над очагом возлиянье творю.*— Домашний очаг был в то же время алтарем пенатов.

Стих 213. *Финей* — слепой фракийский прорицатель; он был преследуем Гарпиями за то, что ослепил своих сыновей от первого брака. Гарпии похищали его еду. Гарпии считались богинями бури. У Вергилия эти крылатые чудовища с девическими лицами — олицетворение голода.

Стих 230. Эта строка, повторяющая стих 311 книги первой, считается позднейшей вставкой.

Стих 248. *...потомки Лаомедонта...*— Намек на грех Лаомедонта, не пожелавшего отдать Геркулесу коней, которые предназначены были ему в уплату за помощь в постройке троянских стен. Оскорбленный Геркулес пошел войной на Трою.

Стих 252. *...величайшей из фурий.*— В позднейших сказаниях Гарпии отождествлялись с фуриями.

Стихи 270—271. *Закинф, Дулихий* — острова в Ионийском море. *Нерит* — гора на острове Итака.

Стих 272. *...Лаэртова царства...*— Лаэрт — отец Улисса (Одиссея).

Стих 274. *Левката* — мыс на острове Левкада, у западного берега Греции.

Стих 280. *...на Актийской земле илионские игры справляем.*— На мысе Акциум был храм Феба-Аполлона, где в древнейшее время каждые три года устраивались игры. После знаменитой битвы при Акциуме (31 г. до н. з.), в которой Октавиан одержал победу над Антонием, он возобновил игры.

Стихи 286—287. *...Абанта... ношу вешаю в храме на дверь...* — Имеется в виду обычай римлян вешать у дверей храма боевые доспехи с обозначением имени победителя и побежденного.

Стих 291. *Горы феаков* — горы греческого острова Коркира. Феаки — мифический народ, к которому попадает Одиссей в «Одиссее».

Стих 292. *Хаонийская гавань* — см. прим. к «Георгикам», I, 8; II, 67.

Стих 293. *Бутрот* — город в Эпире, на северо-западе Балканского полуострова.

Стихи 295—297. *Гелен* — сын Приама, прорицатель; он был взят в плен и уведен в Эпир Пирром (Неоптолемом). Излагая историю Андромахи, Вергилий близко придерживается сюжета трагедии Еврипида «Андромаха».

Стих 321. *Приамова дева* — Поликсена, дочь Приама, принесенная в жертву на могиле Ахилла после падения Трои.

Стихи 328—331. *Гермиона* — дочь Елены Спартанской, была невестой Ореста, сына Агамемнона. *...мучим местью фурий...* — Фурии преследовали Ореста за убийство им своей матери Клитемнестры, которой Орест мстил за своего отца Агамемнона, убитого Клитемнестрой.

Стих 335. *Хаон* — друг Гелена, по одним мифам, случайно убитый им на охоте, по другим — добровольно принесший себя в жертву богам ради спасения сограждан.

Стих 340. *В Трое был он тебе...* — см. прим. к книге I, 534. В некоторых рукописях этот стих имеет продолжение: «рожден счастливой Креусой».

Стих 360. *...в лаврах кларийских...* — В ионийском городе Кларосе находились священная лавровая роща, храм и прорицалище Аполлона.

Стих 361. *...приметы... пернатых.* — Имеется в виду гадание по полету птиц, известное и в Греции, но особенно широко распространенное в Риме.

Стих 381. *...Италию ту, которую мнишь ты уж близкой...* — Недалеко от Эпира (на западе Адриатики) находится восточный берег Италии; однако Эней не может высадиться на нем, потому что берег занят греческими переселенцами (см. стихи 396—402). Троянцы должны обойти полуостров с юга и высадиться в устье Тибра, на западном побережье страны.

Стих 386. *Цирцея* — волшебница, задержавшая у себя Улисса (см. Гомер, «Одиссея»).

Стих 399. *Нарикийские локры* — выходцы из города Нарика в Локриде, области на восточном берегу Греции. Основали на юге Италии город Локры. Царем племени локров был Аякс, сын Оилея.

Стих 400. *Саллентинская равнина* — в италийской местности Калабрии. *Ликтиец* — выходец из города Ликта на Крите.

Стих 401. *Филоктет* — греческий вождь. *Мелибея* — город в греческой Фессалии.

Стих 402. *Петелия* — город в южной Италии.

Стих 405. *...волосы должно накрыть и укутать пурпурным покровом...* — В отличие от греков, римляне совершали моления с покрытой головой;

черный покров предназначался подземным богам, пурпурный — «верхним», олимпийцам. Пурпур считался также талисманом от враждебной силы.

Стих 411. *Теснины Пелора* — узкий пролив между берегом Италии и мысом Пелор, северо-восточной оконечностью Сицилии.

Стихи 414—416. *...материк там обрушился... две страны разделив...*— Древние полагали, что Сицилия отделилась от Италии в результате землетрясения.

Стих 429. *Пахина... обогнуть... тринакрийского меты...*— Пахин — мыс, южная оконечность Сицилии. Гелен говорит, что Энею лучше обогнуть Сицилию (Тринакрию) с юга и запада, нежели плыть через Мессинский пролив, где ему угрожают Сцилла и Харибда. Мета — столб на ипподроме, вокруг которого состязающиеся колесницы должны были делать крутой разворот.

Стих 441. *Кумы* — приморский город около Неаполя.

Стих 466. *Котлы додонские.*— Додона — прорицалище Юпитера, где, по одной из версий предания, предсказания давались по звуку медных котлов, подвешенных к дубу.

Стихи 476—477. *...спасали из гибнущей Трои дважды.*— Первый раз — при разрушении Трои Геркулесом, второй раз — ахейцами.

Стих 505. *...пусть о том не забудут потомки!* — Август, основав после победы при Акциуме город Никополис в Эпире, распорядился, чтобы его граждане считались «родственниками» римского народа.

Стих 506. *Керавния* — прибрежная цепь гор в Эпире.

Стих 531. *Храм Минервы* — по преданию, был основан Идоменеем, врагом троянцев.

Стих 553. *Храм Лакинийский* — храм Юноны Лакинии на Лакинийском мысу в Бруттии. *Скилакей* и *Кавлон* — прибрежные города.

Стих 578. *Энкелад* — один из гигантов, восставших против олимпийцев. Был повержен молнией Юпитера и придавлен вулканом Этна.

Стих 616. *Спутники* — то есть спутники Улисса (Одиссея), попавшие в пещеру циклопа Полифема (см. «Одиссея», IX, 180—545).

Стих 688. *Борей* — северный ветер, оказавшийся попутным для огибающих Сицилию с юга троянцев. *Пантагия* — река в Сицилии.

Стих 692. *Племирий* — мыс в Сицилии близ Сиракуз и городка Тапса. *Сиканийские* — то есть сицилийские (от одного из племен — сиканов, населявших Сицилию).

Стих 693. *Ортигия* — островок в Сиракузской бухте, где находилась древнейшая часть города. Остров носил то же название, что и Делос (см. прим. к стиху 124 этой книги), так как был связан с культом Латоны и ее детей — Феба и Дианы.

Стих 694. *Алфея поток.*— По верованиям древних, Алфей продолжал свое течение под морем до Сицилии, где сливался с Аретузой — источником около Сиракуз.

Стих 698. *Гелор* — река в южной Сицилии, известная плодоносным илом.

Стихи 700—701. *...Камарина, которой быть недвижимой велит судьба...*— Камарина — город южной Сицилии. По древнему преданию, оракул запретил осушать камаринские болота, жители пренебрегли оракулом, и по осушенной земле неприятель подошел к городу. *Гелойские пашни* — местность около сицилийского города Гела.

Стихи 703—704. *...Акрагант... благородными славен конями.*— Акрагант — гора и знаменитый город; акрагантские кони часто одерживали победы на Олимпийских играх.

Стих 705. *Селинунт* — город на юго-западе Сицилии.

Стих 706. *Лилибей* — мыс и город на западе Сицилии,

Стих 707. *Дрепанский залив* — на западе Сицилии,

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Стих 9. *Анна* у Вергилия появляется только в этой книге. Историк Тимей из Тавромения выдвигал другую, нежели Вергилий, версию сказания, согласно которой Энея любила не Дидона, а Анна. По Овидию, после смерти Дидоны она переселилась в Италию, где уже был Эней, и, преследуемая ревностью жены Энея Лавинии, бросилась в реку. У римлян был культ Анны Перенны, с которой в эпоху Вергилия соединили Анну, сестру Дидоны.

Стих 27. *Стыдливость* — у римлян божество, подобное Верности.

Стихи 40—42. *Гетулийцы, нумидийцы, баркейцы* — воинственные племена Африки. *Сирты* — заливы на северо-западном и северном побережье Африки; здесь: народы, населяющие эти побережья.

Стих 118. *Титан* — здесь: солнце.

Стих 126. Эта строка, дословно повторяющая стих 73 книги первой, считается позднейшей вставкой.

Стих 132. *Массилийцы* — нумидийское племя; здесь: вообще жители Африки.

Стихи 143—144. *...Аполлон... холодный покинув край Ликийский и Ксанф, на родной возвращается Делос...*— Согласно мифам, Аполлон проводил зиму в Ликии на реке Ксанфе, а лето — на своей родине Делосе. Его прибытие сопровождается празднествами,— Вергилий называет разные народы, прибывшие на этот праздник (стих 146).

Стихи 178—179. *Кей, Энкелад* — титаны, пытавшиеся взобраться на небо и пораженные Юпитером. Об Энкеладе см. также прим. к «Энеиде», III, 571—582.

Стих 198. *Аммон* — бог африканского племени оадов; греки и римляне отождествляли его с Зевсом-Юпитером.

Стих 216. *Умащенные кудри* — признак изнеженности, которая по традиции всегда приписывалась фригийцам.

Стихи 242—244. *Орк, Тартар* — обозначения подземного царства, куда Меркурий сопровождал души умерших. Меркурию также приписывались функции бога сна.

Стихи 247—248. *Атлант* — титан, держащий на своих плечах небесный свод, отец Майи, матери Меркурия. В то же время Атлант — гора, в которую он был превращен (Атласский хребет).

Стих 273. Эта строка повторяет стих 233 и отсутствует в лучших рукописях. Не комментирует ее и Сервий.

Стих 301. *Тиада* — вакханка. Тиады, одетые в шкуры молодых оленей, ночью неслись к горе Киферон, выкликая имя божества.

Стих 305. *...нечестивый...*— Дидона, которой не дано понять божественное предназначение Энея, называет нечестивым то, что как раз составляет «благочестие» Энея,— его покорность воле богов.

Стих 335. *Элисса* — второе имя Дидоны.

Стих 345. *Аполлон Гринийский* — см. прим. к «Буколикам», VI, 72.

Стих 346. *Ликийский оракул* — оракул Аполлона в городе Патаре в Ликии.

Стих 367. *...в чашах Гирканских...*— Гиркания — область на южном побережье Каспийского моря.

Стихи 469—470. *Пенфей* — фиванский царь, препятствовал установлению культа Вакха-Диониса, преследовал вакханок, хотел убить самого бога. В наказание Вакх вдохнул безумие в мать Пенфея Агаву, и она в вакхическом экстазе растерзала своего сына, не узнав его. Сравнение Вергилия, однако, имеет в виду не героя мифа, а актера, играющего роль Пенфея в «Вакханках» Еврипида; об этом свидетельствует тот факт, что стих 470 перифразирует стих 912 Еврипидовой трагедии.

Стихи 471—472. *Агамемнона сын* — Орест, или, вернее, актер, играющий Ореста в одной из посвященных ему трагедий (здесь уже прямо сказано, что он *по сцене бежит*).

Стих 473. *Мстящие Диры* — фурии, Эвмениды.

Стих 484. *Геспериды* — сестры Атланта, имевшие сад с золотыми яблоками, охраняемый драконом.

Стих 511. *Трехликая Диана-Геката* — одна богиня в трех ипостасях: Луна (Феба) на небе, Диана на земле и Геката в преисподней. Геката считалась богиней призраков, волшебства, заклинательницей теней в подземном царстве. Это трехликое единое божество называли также Тривией.

Стих 512. *...мнимой Аверна водой...*— то есть водой, заменяющей воду Авернского озера.

Стих 513. *...медным серпом...*— При собирании трав для магических действий особую силу приписывали меди.

Стих 515. *...нарост... со лба жеребенка...*— По народному поверью, этот нарост кобылица пожирала тотчас после рождения жеребенка. Для

магического действа нужно было успеть сорвать его раньше. Считалось, что он возбуждает любовь.

Стих 528. Эта строка, повторяющая стих 225 книги девятой, отсутствует в старейших рукописях и не комментируется Сервием.

Стихи 612—620. *Если должен проклятый достигнуть...*— По верованиям древних, умирающий обретал дар прорицания. Пророческий смысл имеет и проклятие Дидоны: в Италии Энею действительно приходится воевать с рутулами, уезжать из лагеря, оставив Юла, и молить о помощи Эвандра. Умер Эней спустя три года после примирения с италийцами и не был погребен, так как тело его исчезло (признак сопричисления к богам).

Стих 624. *Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!* — Дидона предвещает вражду Рима и Карфагена.

Стих 625. *Мститель.*— Имеется в виду исторический враг римлян, карфагенский полководец Ганнибал.

Стих 638. *Стигийский бог* — Плутон, царь подземного царства.

Стихи 696—699. *...судьбе вопреки погибала до срока Дидона...*— Прозерпина, царствующая в подземном царстве и отзывающая души умерших, не имеет права на души тех, кто гибнет «до срока», и душу Дидоны приносит в жертву Ирида, посланная Юноной. Ирида — богиня радуги, соединяющей небо и землю, вестница богов.

Стихи 702—703. *Прядь эту в жертву Диту я приношу...*— Древние считали мертвых жертвами, приносимыми на алтарь подземных богов, которым и посвящался локон отрезанных волос. Дит — одно из имен Плутона.

КНИГА ПЯТАЯ

Стих 38. *Кримис* — река в Сицилии.

Стихи 64—65. *...взойдет в девятый раз над землею день...*— Римляне сжигали умершего на восьмой день, а на девятый устраивали погребальную тризну и игры.

Стих 81. *...праху привет твоему, привет и тени, и духу.*— По толкованию Сервия, тело умершего (прах) покоится в урне, душа отправляется на небо, а тень — в подземное царство.

Стих 84. *...появилась змея из гробницы...*— Змея считалась воплощением тени умершего.

Стих 95. *Гений места.*— У римлян своего гения-покровителя имело каждое место.

Стих 105. *...на конях Фаэтона Аврора.*— Фаэтон — сын Солнца, у Вергилия — само Солнце.

Стих 112. *Талант* — мера веса (около 26 кг) и денежная единица у греков.

Стих 116. *...на «Ките»...*— Корабли назывались по резной фигуре, украшавшей нос.

Стихи 117—123. *Меммии, Сергии, Клуенции* — патрицианские римские роды.

Стих 168. ...*дорогу срезать старался*.— Корабль, делающий крутой разворот ближе к мете, сокращает дистанцию.

Стих 193. ...*бурный Малеи прибой*...— Вспоминается буря, постигшая троянцев при входе в Ионийское море, у опасного мыса Малея.

Стих 239. *Панопа* — см. прим. к «Георгикам», I, 437.

Стих 240. *Форк* — брат Нерея.

Стих 241. *Портун* — римский бог гаваней.

Стих 252. *Царственный отрок* — Ганимед (см. прим. к «Энеиде», I, 28).

Стих 260. *Демолей* — греческий воин, в «Илиаде» не упоминающийся.

Стих 285. ...*искусная в деле Минервы*...— то есть в рукоделии; Минерва покровительствовала ремеслам.

Стихи 328—329. *Нис поскользнулся, в лужицу крови ступив*...— Деталь, заимствованная у Гомера («Илиада», XXIII, 774—797), где Аякс, состязаясь в беге на погребальных играх в честь Патрокла, падает, поскользнувшись в кучке навоза. Вергилий «облагораживает» эпизод, давая Нису возможность показать свою любовь к Эвриалу.

Стих 373. *Бебрикийцы* — народ фракийского происхождения, живший на берегах Черного моря. Их мифический царь Амик славился как кулачный боец.

Стих 449. *Эриманф* — гора в Аркадии, где Геркулес убил вепря.

Стихи 495—496. *Пандар* — знаменитый троянский стрелок; он пустил стрелу в Менелая по повелению Афины, чем и нарушил договор между греками и троянцами («Илиада», IV, 88 и след.).

Стих 536. *Киссей* — фракийский царь, отец Гекубы, жены Приама.

Стих 553. *Юный блистающий строй*...— Вергилий описывает упражнения всадников, именовавшиеся в Риме «Троянскими играми». Давно забытые, они были восстановлены Юлием Цезарем и справлялись в честь его предка Юла.

Стих 560. *Турма* — подразделение конницы в римском войске.

Стих 568. *Атис — ведут от него латиняне Атии род свой*...— Близость родов Юлиев и Атиев (из Атиев была мать Октавиана) возводилась к легендарному времени.

Стих 620. ...*тмарийца Дорикла*...— Тмар — см. прим. к «Буколикам», VIII, 44.

Стих 718. *Акеста* — второе название сицилийского города Сегесты, о которой Цицерон писал: «Сегеста — очень древний город в Сицилии, который основан, как доказывают, Энеем, бежавшим из Трои и приплывшим в эти места» («Против Верреса», IV, 33). Новый город называют Акестой «с изволенья» Энея, поскольку он, являясь фактическим, основателем, имеет право наречь город своим именем, но уступает эту честь Акесту.

Стих 739. *...веет уже на меня коней восхода дыханье.*— Наступает рассвет, при котором исчезают тени умерших.

Стих 750. *...в списки они заносят...*— Римская деталь: перед выведением колонии в Риме составляли списки ее будущих граждан.

Стихи 755—756. *...обводит плугом границу города...*— Сервий так комментирует это место: «Основатели городов впрягали справа быка, а с внутренней стороны корову и... держали рукоять плуга наклонно, так, чтобы глыбы земли отваливались внутрь круга. Так, ведя борозду, намечали место для стен, приподнимая плуг на местах ворот».

Стих 773. *...в жертву Бурям — овцу...*— Бури, как и ветры, считались божествами. Есть свидетельство римского историка Аппиана, что Октавиан, отправляясь на войну с Секстом Помпеем, молился Ветрам и Нептуну.

Стих 797. *Тибр* назван Лаврентским, так как он омывает город Лаврент.

Стих 810. *...унес я его...*— Этот эпизод рассказан в «Илиаде», XX, 156—339.

Стих 823. *...сын Инó Палемон... Главк...*— см. прим. к «Георгикам», I, 437.

Стих 826. Стих этот есть и в «Георгиках», IV, 338, где, по мнению многих издателей, он является позднейшей вставкой.

Стих 838. *Сон* — сын Ночи и брат Смерти; к Палинуру он летит как вестник последней.

Стих 854. *...летейской водой...*— Имеется в виду Лета, река подземного царства, в которой умершие пьют забвение о прошлой жизни. *...силы стигийской...*— силы смерти.

Стих 864. *Утесы Сирен* — три скалы около Сорренто. По преданию, Сирены — полуженщины, полуптицы, привлекавшие своим пением и убивавшие мореходов.

КНИГА ШЕСТАЯ

Стих 2. *...близ Кум... к побережьям Эвбейским.*— Кумы были основаны выходцами из Халкиды на острове Эвбея.

Стихи 11—12. *...вдохновеньем ей душу и разум полнит Делосский пророк и грядущее ей открывает.*— Феб-Аполлон внушает свою волю и знание пророчице, а она открывает ее смертным.

Стих 13. *Роща Гекаты* — роща, посвященная трехликому божеству Фебе-Диане-Гекате (см. прим. к «Энеиде», IV, 511).

Стих 14. *Сам Дедал... из Миносова царства бежавший...*— Дедал, легендарный афинский художник и зодчий, убив из художнической ревности своего племянника, бежал на Крит к царю Миносу, где построил знаменитый Лабиринт. Затем он решился бежать с помощью сделанных им крыльев. При полете его сын Икар упал в море, Дедал же прибыл в Италию и построил здесь храм Аполлону. Минос — сын Юпитера и Европы, царь Крита; после смерти вместе со своим братом Радамантом стал судьей в царстве мертвых.

Стихи 20—22. *Андрогей* — сын Миноса; став победителем всех игр в Афинах, был убит афинянами (*кекропидами* — по имени Кекропа, первого афинского царя), за что последние были обязаны ежегодно по жребию доставлять семь юношей и семь девушек на съедение критскому чудовищу Минотавру.

Стих 26. *...двувидный... Минотавр...*— Минотавра изображали человеком с головой быка.

Стих 28. *...создатель дворца, над влюбленной сжалясь царевной...*— Ариадна, дочь царя Миноса, по совету Дедала дала афинскому герою Тесею, убившему Минотавра, нить, с помощью которой он выбрался из Лабиринта.

Стих 36. *Деифоба* — одно из имен Кумской Сивиллы. Она дочь морского божества Главка, также обладающего даром прорицания (см. прим. к «Буколикам», IV, 4, и к «Георгикам», I, 437).

Стихи 57—58. *...ты... поразил Эакида, направив руку Париса...*— Ахилл, внук Эака, был убит Парисом при входе в храм Аполлона. Аполлон направил стрелу Париса по просьбе Нептуна, мстящего за своего сына, убитого Ахиллом.

Стихи 69—70. *Тривии с Фебом... воздвигну... храм...*— Этот храм Аполлона был воздвигнут Августом на Палатинском холме; статуя бога стояла между изображениями Латоны и Дианы (Тривии).

Стихи 71—74. *...и тебя ожидает приют величавый... мужей посвященных ...* — Имеются в виду так называемые «Сивиллины книги», по преданию проданные царю Тарквинию Гордому самой Сивиллой и предвещавшие судьбы Рима. «Сивиллины книги» хранились в главном римском святилище — храме Юпитера Капитолийского — под наблюдением особой коллегии жрецов.

Стихи 89—94. *...новый Ахилл...*— Сивилла уподобляет будущие войны Энея троянской войне. Новый Ахилл — Турн, сын нимфы Венилии. *...с иноземкою брак...*— Будущий брак Энея с Лавинией будет причиной войны, как брак Париса и Елены.

Стих 107. *...Ахеронт питает мрачные топи...*— Имеется в виду болото, образованное подземной рекой Ахеронтом, выступавшим на поверхность земли; здесь, по преданию, проходила граница преисподней.

Стихи 121—122. *...Поллукс, избавив ценой половины бессмертья от смерти брата...*— Речь идет о Касторе и Поллуксе — сыновьях Леды, близнецах, один из которых был смертным, а другой бессмертным. После смерти Кастора Юпитер позволил братьям один день вместе проводить на Олимпе, а другой в преисподней.

Стих 123. *Тесей* помогал своему другу Пирифою похитить Прозерпину из подземного царства. *Алкид* — Геркулес, который освободил Тесея, схваченного Плутоном и прикованного к скале за похищение Прозерпины.

Стих 132. *Коцит* — см. прим. к «Георгикам», III, 38.

Стих 134. *...дважды проплыть по стигийским волнам...*— Имеется в виду теперешнее, добровольное прибытие Энея в царство мертвых и обязательное — после смерти.

Стих 138. *Дольняя Юнона* — Прозерпина. Аналогично Плутон назывался стигийским Юпитером.

Стих 177. *Алтарь погребальный* — костер, на котором сжигали тело умершего.

Стихи 192—193. *...пернатых матери спутниц...*— Голуби были посвящены Венере.

Стих 201. *...смрадных устий Аверна...*— Воды озера Аверна были сернистыми; их смрад считался признаком того, что здесь находятся устья рек преисподней.

Стих 231. *...очистив мужей, произнес прощальное слово.*— После очищения совершавший его произносил ритуальное «кончено». Все присутствующие произносили троекратное ритуальное «прощай».

Стихи 234—235. *...горы, что доныне имя Мизена носит...*— Мыс Мизен в Неаполитанском заливе сохраняет это название и в наши дни.

Стих 242. Строка эта, гласящая: «Вот потому и зовут это место греки Аорном»,— отсутствует в большинстве рукописей и не комментируется античными толкователями. Потому она признается позднейшей вставкой.

Стих 250. *...матери дев Эвменид...*— Имеется в виду Ночь (она считалась матерью не только Эвменид, но всех мрачных богов: Смерти, Сна, Обмана, Раздора). *...сестре ее величавой...*— то есть Земле.

Стих 252. *...алтари... ночные...*— Подземным богам алтари воздвигались ночью.

Стих 257. *...псов завыванье...*— Псы сопровождали Гекату.

Стих 259. *...чуждые таинствам, прочь!* — Этот ритуальный возглас обращен к спутникам Энея; золотой веткой Эней приобщен к таинству.

Стих 265. *Флегетон* — река подземного царства, впадает в Ахеронт.

Стих 267. *...все мне открыть, что во мгле... таится.*— Исследователи убедительно показали, что Вергилий в описании загробного мира воспроизводил не дошедшее до нас апокалипсическое сочинение Посидония (135—50 гг. до н. э.), историка и философа-стоика, долгое время жившего в Риме.

Стихи 273—278. *...в преддверье... Орка Скорбь ютится... Заботы... Болезни... Старость, Страх...*— Бедствия, приносящие людям гибель и доставляющие Орку новые души, помещены в его преддверье, как прислуживающие божества.

Стих 287. *Бриарей* — стоголовый и сторукий великан, низвергнутый Юпитером в подземное царство.

Стихи 287—288. *...дракон из Лернейской топи...*— Лернейская Гидра, стоголовое чудовище, побежденное Геркулесом. *Химера* — изрыгавшее пламя чудовище с головою льва, туловищем козла и хвостом дракона.

Стих 289. *...великанов трехтелых...*— Имеется в виду Герион, чудовище о трех сросшихся телах.

Стих 295. *Дальше дорога вела к Ахеронту...*— Основная тема раздела, начинающегося этим стихом,— судьба душ, не допускаемых в подземное царство из-за того, что тела остались непогребенными. Иллюстрирует это посмертная судьба Палинура. Кроме того, этот эпизод является данью гомеровской традиции: Одиссей также встречает у границ Аида своего спутника Ельпенора («Одиссея», XI, 51 и след.).

Стих 324. *Ими поклявшийся бог не осмелится клятву нарушить.*— Бог, поклявшийся подземной рекой (ее божеством) и нарушивший клятву, изгонялся из сонма богов на девять лет и подвергался человеческим испытаниям.

Стих 365. *Велийская гавань.*— Велия — прибрежный город в Италии, основанный, по преданию, после прибытия Энея в Лаций.

Стих 394. *...хоть от богов рождены...*— Тесей был сыном Нептуна, Пирифой — Юпитера.

Стих 396. *...у царских дверей...*— у трона Плутона.

Стих 398. *Амфризийская* — то есть служащая Аполлону. Амфриз — см. прим. к «Георгикам», III, 2.

Стих 429. *...рок... унес... до срока.*— За Ахеронтом Вергилий помещает души тех, кто умер до срока, подобно Дидоне: невинно осужденных, самоубийц, а также умерших от любви, павших в битве и младенцев. Все они не несут наказания.

Стихи 434—435. *...кто своею рукою предал смерти себя...*— Пифагорейская и платоническая доктрины осуждают самоубийство. Стоики допускают его; Вергилий, очевидно, осуждает. Однако в эпоху Вергилия к самоубийцам не относились уже с той суровостью, как во времена республики, когда им отказывали в погребении.

Стих 443. *Миртовый лес.*— Мирт был посвящен Венере.

Стих 445. *Федра* — жена Тесея, покончила с собой от несчастной любви к своему пасынку Ипполиту. *Прокрида* — жена царя Кефала, по ошибке убитая им на охоте в то время, как она выслеживала его, подозревая в измене. *Эрифила* — была убита своим сыном Алкмеоном за то, что открыла врагам убежище своего мужа Амфиарая, не желавшего идти в поход, в котором, как он знал, ему суждено погибнуть. Эрифила была подкуплена Полиником, подарившим ей драгоценное ожерелье.

Стихи 447—448. *Эвадна* — бросилась в погребальный костер своего мужа Капанея, одного из семи вождей похода против Фив. *Лаодамия* — покончила с собой, не в силах перенести смерть своего мужа Протесилая, первого погибшего под Троей ахейца. *Кеней* — родился женщиной; позже, когда полюбивший ее Нептун обещал ей любую награду, она захотела стать мужчиной, неуязвимым для ран. Была в мужском образе Кенея задушена кентаврами и в подземном царстве обрела первоначальный девический облик.

Стих 471. *Марпесский мрамор* — мрамор с горы Марпес на острове Парос.

Стихи 479—480. *Тидей, Партенопей* и *Адраст* — три греческих героя, участники похода против Фив.

Стих 483. *...посвященный Церере...* — жрец Цереры. *Полифет* (Полифит) упоминается у Гомера в «Илиаде», XIII, 790.

Стих 484. *Антенориды* — сыновья Антенора: Агенор, Полиб и Акамант. *Идей* — возница Приама.

Стих 485. *Медонт* (Медон) — упоминается у Гомера в «Илиаде», XVII, 216. *Главк* — предводитель ликийцев, союзников троянцев. *Терсилох* — троянский воин, убитый Ахиллом.

Стих 511. *Спартанка* — Елена, ставшая женой Деифоба после гибели Париса.

Стих 528. *Эолид* — Улисс (Одиссей), который в позднейших сказаниях назван внуком бога ветров Эола, сыном Сизифа.

Стих 540. *Две дороги...* — Здесь у Вергилия впервые высказывается идея загробного воздаяния: праведные обретают блаженство в Элизии, злые искупают свою вину муками в Тартаре. Однако и души злых по истечении срока кары попадают в долину Леты и оттуда вновь выходят на свет, вселяясь в тела (см. стихи 722—751 этой книги «Энеиды»).

Стих 555. *Тизифона* — одна из фурий.

Стих 582. *Сыновья Алоэя* — см. прим. к «Георгикам», I, 280.

Стих 585. *Салмоней* — царь Элиды, пытался выдать себя за бога.

Стих 596. *Титий* — сын Земли, нанес оскорбление Латоне и был убит стрелами Дианы и Аполлона.

Стихи 601—606. *Лапифы* — см. прим. к «Георгикам», II, 455—457. *Иксион* — царь лапифов, *Пирифой* — его сын. Вергилий переносит на них наказание Тантала — муки голода в присутствии еды. Более традиционная версия о каре Иксиона — см. «Георгики», III, 38 и прим. к этому стиху.

Стих 617. *...на скале Тесей горемычный...* — Тесей, как и Пирифой, был прикован к скале Плутоном за похищение Прозерпины.

Стих 619. *Флегий* — отец Иксиона, поджег Дельфийский храм.

Стихи 635—636. *...Эней окропляет свежей водою тело...* — Обряд очищения, так как в Элизий, как в храм, могут войти только непорочные.

Стих 645. *Фракийский пророк* — Орфей, фракиец родом; здесь указывается на мистериальный характер его культа.

Стих 647. *Плектр* — палочка, которой ударяли по струнам кифары.

Стих 657. *Пеан* — первоначально гимн Аполлону-Пеану. Название произошло от повторяющегося обращения к божеству: «Пеан!» Позднее — всякая победная песнь.

Стих 667. *Мусей* — легендарный аттический певец; подобно Орфею, учредитель таинств.

Стихи 723—751. *...и все рассказал по порядку.*— В «откровении» Анхиза отразилось пифагорейское учение о метемпсихозе («переселении душ»). Мир, по этому учению, есть подобие тела, органы которого животворит *дух*, единый для неба, людей и животных. Дух — в данном случае термин стоической философии.

Стих 725. *Титана светоч* — солнце.

Стихи 726—727. *...все питает душа, и дух... движет весь мир...*— Место, наиболее податливое для христианских толкований. Именно на основании этих слов знаменитый магистр Абеляр (1079—1142), средневековый французский богослов и поэт, рекомендовал чтение языческого поэта христианским пастырям: «...ставит (Вергилий.— *Н. С.*) мировую душу выше прочих творений...»

Стих 760. *...копье без жала...*— одна из старинных римских военных наград.

Стихи 763—764. *...Сильвием зваться...*— Имя Сильвия, сына Энея и Лавинии, впоследствии стало родовым именем альбанских царей. *...ибо его средь лесов...*— Имя Сильвий связывается с латинским «silva» — «лес».

Стих 767. *Следом появится Прок...*— Перечисляя царей Альбы-Лонги, Вергилий не сохраняет традиционной исторической последовательности.

Стих 770. *...если только престол альбанский получит.*— Престол оспаривался у Энея Сильвия его опекуном.

Стих 772. *Венок дубовый* присуждался как награда за спасение полноправного гражданина.

Стихи 773—775. Вергилий называет восемь из тридцати колоний, основанных альбанскими царями в Лации. *Инуй* — италийский бог лесов и полей, покровитель стад, то же, что греческий Пан.

Стих 777. *...прародителя спутником станет...*— Будет обожествлен, как Эней.

Стихи 784—785. *Берекинфская богиня.*— Кибела, Матерь богов, которую изображали в венке, украшенном башнями. Берекинф — один из горных хребтов Иды Фригийской.

Стих 792. *...отцом божественным вскормленный...*— Август был усыновлен обожествленным Юлием Цезарем.

Стих 796. *...где не увидишь светил, меж которыми движется солнце...*— земли столь далекие, что они лежат вне круга Зодиака.

Стих 805. *Либер* — Вакх, по преданию, покоривший Индию, где находится гора Ниса.

Стих 810—812. *Римлян царь* — Нума Помпилий, второй римский царь, учредитель культовых церемоний (поэтому он со знаками жреца), создатель гражданских законов; за свою мудрость был приглашен из Курии, древнего сабинского города, чтобы править Римом.

Стих 813. *Тулл* Гостилий — преемник Нумы, отличавшийся от своего миролюбивого предшественника воинственностью.

Стих 815. *Анк... спеси не чуждый...* — гордыня четвертого царя, Анка Марция, вошла в народные предания.

Стих 817. *Тарквинии* — римские цари Тарквиний Древний и Тарквиний Гордый, этруски по происхождению.

Стихи 818—824. *Брут* — один из вдохновителей переворота, сбросившего в Риме власть царей и изгнавшего Тарквиния. Брут учредил в Риме республику и стал первым консулом. Своих сыновей, заподозренных в сочувствии Тарквиниям, Брут собственноручно казнил.

Стих 824. *Деции, Друзы* — римские патрицианские роды, из которых вышли знаменитые полководцы.

Стих 825. *Торкват* Тит Манлий — победитель галлов, напавших на Рим; известен также тем, что казнил собственного сына за невыполнение приказа. *Камилл* — в качестве диктатора дважды разбил галлов. *Орлы* — значки римского легиона, его знамена.

Стих 828. *...но ведь какою войной друг на друга пойдут...* — Предсказание гражданской войны Юлия Цезаря и Помпея.

Стих 830. *Тесть* — Гай Юлий Цезарь: Помпей был женат на его дочери. *...от Монековых скал с альпийского вала...* — Монековы скалы — нынешнее Монако. Цезарь, начиная гражданскую войну, шел в Италию из Галлии, отделенной от Италии Альпами, словно крепостным валом.

Стих 831. *...оружьем восточным!* — Помпей набрал войска в Азии и Греции.

Стих 836. *...этот, Коринф покорив...* — Имеется в виду полководец Луций Муммий, сжегший в 146 г. до н. э. греческий город Коринф.

Стихи 838—839. *Тот... разобьет Эакида, Ахиллова внука...* — Речь идет о Луции Эмилии Павле, который в 146 г. до н. з. нанес поражение македонскому царю Персею, ведшему свой род от Ахилла, внука Эака.

Стих 840. *...поруганный храм Минервы...* — Имеется в виду оскорбление Кассандры в храме Минервы и похищение Палладия (см. прим. к «Энеиде», I, 39—41 и II, 165).

Стих 841. *Косс* — победитель племени вейентов (428 г. до н. э.). *Великий Катон* — Марк Порций Катон старший Цензор (II в. до н. э.), образец древней суровой добродетели, известен своей ненавистью к Карфагену.

Стих 842. *Гракхи*, Тиберий и Гай (II в. до н. э.),— народные трибуны, борцы за наделение плебса землей. *Сципионы* Африканские — см. прим. к «Георгикам», II, 170.

Стихи 843—844. *Серран* — выдающийся полководец времен Первой пунической войны (264—241 гг. до н. э.). О своем избрании консулом он узнал в то время, как засевал свое поле.

Стихи 844—845. *Фабриций Гай* — консул 476 и 472 гг. до н. э., победитель эпирского царя Пирра и враждебного Риму италийского племени самнитов; был известен аскетическим образом жизни.

Стих 846. *Максим* — Квинт Фабий Максим, полководец из рода Фабиев; получил прозвище Кунктатор (Медлитель) за выжидательную тактику в войне с Ганнибалом, которую он вел в должности диктатора в 218—217 гг. до н. э. *...что нам промедленьями спас государство?* — цитата из поэмы старо-римского поэта Энния «Летописи», содержавшей поэтическое изложение истории Рима и во многом послужившей образцом для «Энеиды».

Стих 855. *Марцелл* — Марк Клавдий Марцелл (III в. до н. э.), победитель галльского племени инсубров, одержавший успехи и в войне с Ганнибалом. Марцелл посвятил Ромулу-Квирину доспехи галльского вождя, убитого им в единоборстве.

Стих 859. *...третий доспех...*— До Марцелла первые доспехи посвятил божеству (Юпитеру) Ромул, вторые — Косс (см. стих 841) Марсу.

Стих 861. *...юношу дивной красы...*— Имеется в виду соименный своему далекому предку Марк Клавдий Марцелл, сын сестры Августа, которого Август прочил в наследники. Марцелл умер на двадцатом году жизни. По свидетельству Светопия-Доната, чтение этого места Вергилием вызвало у Августа слезы.

Стих 872. *...с Марсова поля...*— Тело Марцелла было сожжено на Марсовом поле в Риме.

Стих 874. *Тиберин* — Тибр, по имени божества реки Тиберина. Над Тибром, в мавзолее Юлиев, был похоронен Марцелл.

Стихи 882—883. *Отрок несчастный... если рок суровый ты сломишь, будешь Марцеллом и ты!* — Вергилий обращается к душе Марцелла до ее земного воплощения. «Сломить рок» и «стать Марцеллом» означает обрести существование на земле. Возможно и иное толкование: если бы ты, победив рок, ушел от ранней смерти, ты стал бы равен своему пращуру Марцеллу.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Стих 3. *...сохраняет имя Кайеты...*— Рассказ о Кайете, кормилице Энея, как и рассказы о Мизене и Палинуре, должен объяснить происхождение названия местности.

Стих 12. *Солнца могучая дочь* — волшебница Цирцея.

Стих 17. *...свиней щетинистых стадо...*— В свиней Цирцея обратила спутников Улисса («Одиссея», X, 237 и след.).

Стих 37. *Эрато* — муза любовной поэзии, здесь вообще муза.

Стих 47. *Фавну его родила...*— В греческой традиции Латин — сын Одиссея и Цирцеи. Фавн — италийский бог, покровитель лесов и полей, пастухов и стад, отождествляемый с Паном.

Стих 48. *Пик* — бог лесов и полей, предсказатель будущего. Он же первый царь латинян. Когда Пик отверг любовь Цирцеи, она превратила его в дятла.

Стих 82. *...в лесу Альбунейском...*— Лес назван по имени Альбунеи — нимфы священного источника.

Стих 114. *...хлебов, отмеченных роком...*— Сбывается пророчество об окончании странствий Энея и его спутников (см. «Энеиду», III, 255—257).

Стих 123. *...завет оставил родитель...*— Одно из противоречий, свидетельствующих о незавершенности работы Вергилия над текстом поэмы: предсказание о поедаемых столах было сделано не Анхизом, а гарпией Келено.

Стих 138. *Фригийская матерь* — Кибела.

Стих 139. *Бог Идейский* — Юпитер Критский.

Стих 150. *Нумиций* — река в Лации, вытекающая из болота и впадающая в море. Служила границей между лаврентцами и рутулами.

Стих 154. *Ветви Паллады* — ветви оливы, священного дерева Афины-Паллады; обвитые белыми повязками, они служили знаком мира в руках послов.

Стих 174. *Курия* — место собраний сената.

Стих 178. *Итал* — легендарный царь, правивший энотрами. *Отец Сабин* — легендарный предок племени сабинян.

Стих 180. *Янус двуликий* — древний италийский бог. Он изображался с двумя лицами, старым и молодым, обращенными в разные стороны,— символ знания прошлого и будущего. Янус считался богом дверей, богом всех начал, а также вершителем войны и мира.

Стихи 187—188. *Трабея* — короткий плащ с пурпурными полосами; его носили цари и авгуры — жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц. *Квиринальский жезл* — кривой посох авгура.

Стих 206. *...старики аврункские...*— Аврунки — один из народов, населявших Лаций.

Стих 208. *Самофракия* — остров в Эгейском море.

Стих 211. *...свой прибавив алтарь...*— то есть став богом. Некоторые исследователи сомневаются в подлинности этого стиха, так как об обожествлении Дардана упоминаний больше не имеется.

Стих 224. *Европа и Азия* — здесь: Греция и Троя.

Стихи 225—227. *...по кругу струится ток Океана...*— Океан представляется в виде потока, обтекающего землю по кругу. Само выражение заимствовано у Гомера («Илиада», XVIII, 339). См. также прим. к «Георгикам», I, 233—239.

Стихи 282—283. *...которых Цирцея тайно добыла...*— Цирцея тайно случила обыкновенную лошадь с одним из огненных коней своего отца Солнца.

Стих 287. *Инахов Аргос.* — Инах — легендарный основатель Аргоса.

Стихи 304—305. *...Марсу силы достало диких лапифов сгубить...*— Царь лапифов Пирифой пригласил на свадьбу всех богов, за исключением

Марса. Разгневанный бог возбудил ссору и битву между лапифами и кентаврами, приглашенными на пир.

Стихи 305—307. *Калидона вина...*— Она заключалась в том, что царь города не почтил Диану жертвоприношениями. Диана наслала на город страшного вепря, охота на него вызвала распрю между героями, из-за которой погиб калидонский герой Мелеагр и многие другие.

Стих 319. *Беллона* — богиня войны, спутница Марса.

Стих 320. *Дочь Киссея* — Гекуба. Когда она была беременна Парисом, ей приснился сон, будто она рожает факел.

Стих 327. *...отец Плутон...*— Фурии не были детьми царя подземного царства, но, как подземные богини, могли называться детьми Плутона. Один из орфических гимнов, правда, именует их «дочерьми подземного Зевса и Персефоны».

Стих 363. *Пастух фригийский* — Парис. *Спартанец* — Менелай.

Стих 366. *...племяннику Турну?* — Венилия, мать Турна, была сестрою Аматы.

Стихи 371—372. *Вспомни и Турна род...*— Предки Турна Инах и Акрисий — аргивяне, поэтому Амата считает его тем чужеземцем, за которого предсказано выдать Лавинию. Даная, дочь Акрисия и внучка Инаха, прибыв в Италию и основав город Ардею, вышла замуж за вождя рутулов Пилумна — прапрадеда Турна.

Стих 391. *...растила она священные кудри!* — Иногда древние отращивали волосы, посвящая их божеству, и срезали их лишь в жертву этому богу.

Стих 412. *Ардея.*— Как населенный пункт в эпоху Вергилия Ардея не существовала, но место ее известно; в наши дни оно входит в черту города Рима.

Стихи 516—518. *...Тривии озеро... Нар с белесой водой... Велина исток...*— озера и реки Лациума; озеро Тривии славилось рощей и храмом Дианы, приток Тибра Нар — своей сернистой водой, ручей Велин был границей Умбрии и области сабинян.

Стих 532. *Альмон* назван по имени впадающей в Тибр реки, как и многие другие италийские персонажи Вергилия: *Галез* (стих 535), *Уфент* (стих 745), *Умброн* (стих 752).

Стих 565. *Ампсанктские долины* были известны удушливыми испарениями, которые связывались с представлениями об одном из входов в подземное царство.

Стихи 606—607. *...значки легионов римских отнять у парфян.*— В действительности Август дипломатическим путем добился возврата римских боевых значков, за три десятилетия до того захваченных парфянами у полководца Красса.

Стих 608. *...двери... войны...*— см. прим. к «Энеиде», I, 293.

Стих 612. *...по-габински надетою тогой...*— то есть таким образом, чтобы одна ее половина, переброшенная сзади, окутывала голову.

Стих 613. *Квиринальский плащ* — трабея (см. прим. к стиху 187 этой книги «Энеиды»).

Стих 621. *...шип повернулся...*— В древности двери не навешивались на петлях, а вращались на вертикальных шипах, входящих в пазы пола и верхней притолоки.

Стих 630—631. *Крустмерий, Тибур, Ардея, Антемны, Атина* — города Лация.

Стих 637. *Дощечка с паролем* — навощенная дощечка с написанным на ней паролем.

Стих 641. *Богини* — здесь музы. *Геликон* — гора в Беотии, обиталище муз. Далее следует перечисление италийских ратей, построенное по образцу гомеровского «списка кораблей» — перечисления ахейцев, пришедших под Трою («Илиада», II, 816 и след.).

Стих 659. *Авентинский холм* — один из семи холмов Рима.

Стих 661. *...убив Гериона...*— Похищение стад трехтелого великана Гериона — один из двенадцати подвигов Геркулеса. По местным преданиям, Герион жил в Иберии (Испании), и, возвращаясь в Грецию, Геркулес проходил через Италию.

Стих 662. *...тиринфский герой...*— то есть Геркулес; Тиринф — город в Арголиде, известный культом Геркулеса.

Стихи 670—672. *Следом два близнеца...*— Катилл, Кор и Тибурт (Тибуртий) — основатели города Тибура, по римскому преданию, внуки аргосского царя Амфиарая, погибшего в походе семерых против Фив.

Стих 674. *Офрийские вершины, Гомола* — горы в Фессалии.

Стих 678. *...твердынь пренестинских...*— Пренеста — город в Лации.

Стихи 682—683. *Аниен и Амазен* — боги рек Анио и Амазен в Лации.

Стих 695. *Фесценнинцы* — жители города Фесценния в Этрурии. *Эквы-фалиски* — племя, обитавшее в той же округе.

Стих 709. *...уделил место в Риме сабинянам Ромул.*— По преданию, для увеличения населения Рима Ромул пригласил на праздник соседей-сабинян, и во время пира римские юноши похитили сабинских девушек. После разгоревшейся из-за этого войны и примирения римляне и сабиняне составили единую общину.

Стих 710. *Амитернский отряд* — из древнего сабинского города Амитерна. *Древние квириты* — сабиняне, жители Курий (в другом произношении — куриты), в отличие от римлян, которые стали называться квиритами уже после слияния с сабинянами.

Стих 717. *...зловещей Аллии...*— Река Аллия названа зловещей, потому что римляне потерпели на ней поражение от галлов в 390 г. до н. э.

Стих 723. *Агамемнона друг, Алез...*— Алез, по свидетельству некоторых античных авторов, был возницей Агамемнона под Троей.

Стихи 725—726. *...Массик, счастливый Вакха дарами...*— см. прим. к «Георгикам», II, 143.

Стихи 727—728. *Сидицин* — город в Кампании. *Калы* — город южной Кампании, известный виноделием. *Вольтурн* — река в Кампании.

Стих 729. *Оски* — древний италийский народ. *Сатикуланцы* — жители Сатикула, города в горах Кампании.

Стихи 739—740. *Батул, Руфры, Абеллы* — города Кампании. *Целемна* — местность, посвященная Юноне.

Стих 744. *Нерсы* — город в центральной Италии.

Стих 747. *...Эквикульских пашен...*— Имеются в виду земли эквов, одного из племен Центральной Италии.

Стих 750. *Марсы* — народ, имевший репутацию знахарей.

Стих 759. *Рощ Ангитийских.*— Ангиция, сестра Медеи (а по некоторым сказаниям — сама Медея), была занесена бурей в Умбрию, к марсам, и научила их колдовству. *Фуцин* — озеро; местность, где почитали Ангицию.

Стих 761. *Ипполит* — любимец Дианы, проклятый отцом, Тесеем, из-за клеветы мачехи Федры. Вергилий излагает другую версию мифа; она повторяется только у живших после него писателей.

Стих 762. *Ариция* — нимфа, любившая Ипполита; по другому толкованию, местность около Рима, родина *Вирбия*.

Стих 763. *Эгерия* — нимфа, под защиту которой отдали воскресшего Ипполита Вирбия.

Стих 769. *...воскрешен Пеана травой...*— травой Эскулапа, мифического целителя, бога врачевания. Пеан — название Феба-Аполлона и Эскулапа как его сына.

Стих 773. *Феборожденный* — Эскулап.

Стих 789. *...златорогая Ио...*— Ио (см. прим. к «Георгикам», III, 153), как дочь Инаха,— прародительница Турна.

Стих 792. *Инах* — см. прим. к стиху 287 книги седьмой, считался также и богом реки.

Стих 794—796. *Аргивяне* — потомки аргивян, основавшие город Ардею в земле рутулов. *Сакраны* — скорее всего граждане, связанные с религиозным культом (sacra). *Аврунки, лабиканы* — соседи рутулов.

Стих 799. *Цирцейские горы* — Цирцейский мыс на побережье Лация.

Стих 800. *Анксур* — древнее италийское божество, слившееся впоследствии с Юпитером. *Ферония* — жена Анксура, которой была посвящена роща в трех милях от Рима.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Стих 1. *...выставил Турн на ...крепости знамя...*— По римскому обычаю, на Капитолии выставляли при объявлении войны два знамени: для конницы — красное, для пехотинцев — синее.

Стих 5. *...Лаций присягу дает...*— Римский военный обычай присяги под знаменами.

Стих 9. *Диомед* считался основателем нескольких городов, на юге Италии.

Стихи 45—48. *...матери белой.*— Альба по-латыни значит «белая».

Стих 51. *Палланта потомки...*— Хр. Гейне так комментирует это место: «Эвандр со своей матерью пустился в путь из Аркадии, привел своих пеласгов в место над Тибром и на горе, с тех пор именуемой Палатином, основал город Паллантей, вскоре названный Паллантий или Палатий. Паллантийский округ был и в Аркадии, и среди пращуров их был Паллант, из-за чего в этом месте оные аркадцы наречены «Палланта потомки»... То же имя дано и сыну Эвандра».

Стих 77. *...бог рогоносный...*— речной бог (см. прим. к «Георгикам», IV, 371).

Стих 103. *Сын Алкмены* — Геркулес.

Стих 130. *...кровным родством с Агамемноном и Менелаем.*— Эвандр был сыном Меркурия, Меркурий — сын дочери Атланта Плеяды Майи. Дед Агамемнона и Менелая Пелоп — внук другой Плеяды — Стеропы. Третья Плеяда — Электра — была матерью Дардана, родоначальника троянских царей.

Стих 146. *Давново племя* — рутулы. Давн — отец Турна.

Стих 183. *...части берут, что для жертв очистительных нужны.*— Имеются в виду внутренности жертвенных животных, обычно сжигавшиеся на алтаре; однако во время обрядов, посвященных Геркулесу, они съедались на жертвенном пиру.

Стихи 269—272. *...будет зваться Великим...*— Рассказ о Каке объясняет происхождение культа Геркулеса в Риме и старинного алтаря, носившего название «Великий». *Потиции* и *Пинарии* — римские роды, обязанные совершать обряды на Великом алтаре Геркулеса. Когда роды эти угасли, культ Геркулеса (в начале III в. до н. э.) стал государственным.

Стих 285. *Салии* — жрецы культа Марса; их торжественные шествия сопровождались магическими танцами и гимнами, слова которых в историческое время уже стали непонятны. По преданию, эту жреческую коллегию учредил царь Нума Помпилий. Однако вполне возможно, что в более древнюю эпоху «салиями» (прыгунами) назывались все жрецы, исполнявшие обрядовые танцы.

Стих 289. *Мачеха* — Юнона.

Стих 290. *Эхалия* — город на острове Эвбея, разрушенный, по преданию, Геркулесом из-за того, что царь Эврит не хотел ему отдать своей дочери Иолы. О взятии Геркулесом Трои см. прим. к «Энеиде», II, 643.

Стих 294. *Критское диво* — огнедышащий бык.

Стих 295. *Немейская скала* — возле города Немеи в Пелопоннесе.

Стих 298. *Тифей* — то же, что Тифон (см. прим. к «Георгикам», I, 279).

Стих 302. *...Олимпа новая гордость!* — Намек на недавнее обожествление Геркулеса.

Стихи 322—323. *...Латинской землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.*— Название «латинский» возводится к глаголу «latere» — скрывать, прятать.

Стих 329. *...менять имена...*— называться Гесперией, Авзонией, Энотрией.

Стих 335. *Нимфа Кармента* считалась в Риме пророчицей; ее имя связывалось с латинским словом «carmen» — предсказание, песня. В Риме был ее храм и ворота, именовавшиеся Карментальскими.

Стихи 342—343. *...Убежища имя Ромул дарует опять...*— Убежищем в эпоху Вергилия именовалось место между двумя вершинами Капитолийского холма. Тит Ливий пишет о том, что Ромул, не желая, чтобы новый город пустовал, «воспользовался старой хитростью основателей городов... и открыл убежище в том месте, что теперь огорожено... От соседних народов сбежались все жаждущие перемен — свободные и рабы без разбора,— и тем была заложена первая основа великой мощи».

Стихи 343—344. *...Луперкал... в честь... Пана-Ликея...*— Луперкал — посвященная Пану пещера в склоне Палатинского холма. Ее непонятное самим римлянам название связывали со словом «lupus» — волк и находили объяснение этому в культе Пана-Ликея («волчьего» — от греч. «lykos» — «волк»). По другим версиям, имя пещеры связывали с волчицей, вскормившей Ромула и Рема. *Паррасия* — область в Аркадии, центр культа Пана-Ликея.

Стихи 345—346. *Лес Аргилетский.*— Аргилет — квартал, находившийся в эпоху Вергилия в центре Рима. Для объяснения непонятного названия его разделили: Argiletum — Argi letum, «кончина Арга» и сочинили легенду о каком-то Арге, убитом аркадцами без ведома Эвандра.

Стих 347. *Тарпейская гора* — Капитолийский холм, религиозный центр Рима. Собственно, свое имя Тарпейский холм получил, согласно традиции, только при Ромуле, Капитолийским же был назван при шестом царе, Сервии Туллии.

Стих 361. *Карины* — аристократический квартал в Риме.

Стих 379. *...перед царскими я была в долгу сыновьями...*— Собственно, перед Парисом, отдавшим Венере награду в споре о красоте.

Стих 384. *...внял ты Авроры слезам и мольбам Нереиды.*— Вулкан выковал доспехи для Мемнона, сына Авроры, и для Ахилла, сына Фетиды (Фетида была дочерью Нерея).

Стих 454. *Бог лемносский...*— На остров Лемнос Вулкан был сброшен с неба Юпитером.

Стих 480. *...прибыл из Лидии он...*— О лидийском происхождении этрусков говорят многие античные авторы.

Стих 499. *Меонийцы* — лидийцы, здесь в применении к этрускам.

Стих 597. *Церейская река* — Церетан близ города Цере в Этрурии.

Стих 625. *Щит несказанный*.— Описание изображений на щите — дань гомеровской традиции; образцом послужило описание щита Ахилла в «Илиаде» (XVIII, 478—607). Тема изображений на щите — события римской истории.

Стихи 635—636. *...похищены были... сабинские девы...*— см. прим. к «Энеиде», VII, 709.

Стих 638. *Татий* — вождь сабинян.

Стих 639. *...прекратив сраженье...*— Похищенные сабинянки остановили битву между римлянами и сабинянами, Татий переселился в Рим, где царствовал вместе с Ромулом.

Стихи 643—644. *Меттий*.— Альбанский царь Меттий Фуффетий предложил решить спор между Римом и Альбой поединком сильнейших. После победы римлян Меттий задумал измену и за это был наказан: по приказанию римского царя Тулла Гостилия был разорван двумя колесницами, к которым его привязали.

Стихи 646—651. *Порсенна* — этрусский царь. Война с Порсенной (VI—V вв. до н. э.) началась потому, что он требовал возвращения изгнанного римлянами царя *Тарквиния* Гордого и его семьи. Гораций *Коклит* отбивал этрусков от деревянного моста, и когда он был сломан, бросился в Тибр и в доспехах переплыл его; *Клелия*, выданная заложницей Порсенне, вернулась в Рим, переплыв Тибр на коне.

Стих 652. *Манлий* — Тит Манлий Торкват, защитник Рима, осажденного галлами, которые ночью поднялись тайно на Капитолий (Тарпейскую твердыню). Однако священные гуси, заслышав шорох шагов, подняли гогот и привлекли охранявших крепость римлян.

Стих 663. *Фламины* — римская коллегия жрецов.

Стих 664. *...щиты, упавшие с неба...*— По преданию, особый продолговатый щит упал с неба в руки царю Нуме Помпилию в дни чумы — в знак грядущего спасения. Чтобы лучше сохранить его, Нума приказал изготовить одиннадцать его копий и поручил все щиты попечению салиев.

Стих 665. *...луперков нагих...*— жрецов Пана и Луперка, отождествляемого с Паном. Во время празднества в честь божества («луперкалий») луперки в одних фартуках бежали по городу, нанося встречным удары ремнем из шкур жертвенных коз. Считалось, что удары луперков исцеляют от бесплодия. *...повозок праздничный поезд...*— Торжественное шествие женщин в повозках устраивалось в Риме на праздники в честь Цереры и в честь Феронии.

Стих 668. *Катилина* — вождь заговора против республики в середине I в. до н. э.

Стих 670. *...Катон, им дающий законы*.— Катон здесь в роли Миноса или Радаманта — судей в подземном царстве. Какой из Катонов — Марк Порций Катон (III—II вв. до н. э.), известный своей суровой добродетелью, или Катон Утический, политический деятель и философ-стоик (I в. до н. э.),

здесь имеется в виду,— трудно определить. Катон Утический мог противопоставляться Вергилием Катилине как ярый республиканец — врагу республики, но как покончивший с собой он не может находиться в «сонме праведных».

Стих 675. *Актийская битва* — битва при Акциуме.

Стих 681. *...звездой отчей...*— В дни погребения Юлия Цезаря взошла комета, которую его сторонники объявили знамением, свидетельствующим о его обожествлении. В битве Цезарь как бы осеняет сына своей божественной силой.

Стих 682. *Агриппа* — Марк Випсаний Агриппа, сподвижник Августа.

Стих 684. *Ростральный венок* — награда победителю в морском сражении, металлический венок, украшенный изображениями корабельных носов. Агриппа был награжден за победу над Секстом Помпеем — сыном Помпея, врагом Августа.

Стих 688. *Бактры* — племена, жившие к востоку от Каспийского моря. *Жена египтянка* — Клеопатра.

Стих 696. *Систр* — металлическая трещотка, применявшаяся для обрядов в честь богини Изиды.

Стих 697. *...не видит змей ядовитых.*— Царица еще не знает о своей близкой смерти от укуса змей,— таким способом Клеопатра покончила с собой после победы Октавиана.

Стих 698. *Анубис* — древнеегипетский бог смерти, изображался с головой шакала. Битва при Акциуме изображается как столкновение римских богов с восточными.

Стих 707. *...царица сама...*— Клеопатра бежала на своем корабле еще до того, как решился исход боя.

Стих 710. *...япигский ветер...*— западный ветер, дующий из Апулии (древняя Япигия).

Стих 712. *...одежды свои на груди распахнул...*— знак гостеприимства и прощания с гостем у древних.

Стих 714. *Тройной триумф* Август справил как победитель при Акциуме, победитель далматинских племен и завоеватель Александрии.

Стих 716. *...триста... освящая храмов...*— После битвы при Акциуме Август восстановил в Риме множество храмов.

Стих 725. *Мульцибер* — прозвище бога Вулкана.

Стих 725. *Гелоны* — см. прим. к «Георгикам», II, 115. *Карийцы, лелеги* — народы Малой Азии.

Стихи 726—727. *Евфрат, Рейн, Аракс.*— Реки, названные Вергилием, олицетворяют народы, живущие около них; все они идут как пленники в триумфе Октавиана.

Стих 728. *Даги* — обитатели современного Дагестана. *Морины* — племена, населявшие побережья современной Бельгии.

Стих 5. *Тавмант* — сын Земли и Океана, отец Ириды и Гарпий.

Стих 10. *Корит* — основатель одноименного города в Этрурии.

Стих 82. *Сын* — Юпитер. *Берекинфская Матерь* — Кибела.

Стих 112. *Хор идейский* — все спутники Кибелы.

Стих 121. Строка эта, повторяющая стих 223 книги десятой, является позднейшей вставкой и отсутствует в лучших рукописях.

Стих 177. *Охотница Ида* — нимфа горы Иды Фригийской.

Стих 264. *Арисба* — город Троады, покоренный Энеем еще до Троянской войны.

Стих 388. *Альбан* — местность под Римом, где в эпоху Вергилия находилось множество загородных вилл.

Стих 449. *Родитель римлян* — по одним толкованиям — Август, по другим — Юпитер Капитолийский.

Стих 505. *...черепахой построившись...* — подняв над головой и соединив щиты. На эти щиты взбирался новый строй, образуя новую «черепаху».

Стих 525. *Каллиопа* — муза эпической поэзии.

Стих 529.— Эта строка, повторяющая стих 645 книги седьмой, является позднейшей вставкой.

Стих 566. *Марсов... волк...* — Волк посвящен Марсу, поскольку волчица вскормила близнецов Ромула и Рема, сыновей Марса.

Стих 582. *...иберийским... соком...* — испанским пурпуром.

Стих 584. *...над током Симета...* — Симет — река в Сицилии.

Стих 585. *...Паликов алтарь... примиренный.* — Культ близнецов Паликов, сыновей Зевса, в сицилийском городе Палике у подножия Этны был связан с человеческими жертвоприношениями. «Примиренный» означает, что божества были умилостивлены и человеческие жертвы прекращены.

Стих 588. *...расплавляясь...* — Древние полагали, что свинцовые слитки, которые мечут из пращи, расплавляются в воздухе.

Стих 618. *Диндим* — фригийская гора, посвященная Кибеле.

Стих 644. *Троя тесна для тебя!* — «Македония тесна для тебя», — говорили об Александре Македонском.

Стих 680. *Пад, Атез* — италийские реки, ныне По и Адидже.

Стих 710. *Байи* — курортная местность на берегу Неаполитанского залива.

Стихи 715—716. *Прохит, Инарима* — острова Неаполитанского залива.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Стихи 12—13. *...Карфаген... будет гибелью страшной грозить...* — Здесь предсказываются Пунические войны. *...отверстые Альпы...* — Вождь карфагенян Ганнибал совершил переход через Альпы и вторгся в Италию.

Стих 28. *Тидид* — Диомед. *Арпы* — позднейшее название города, основанного Диомедом.

Стих 30. *...вновь против смертного биться оружья.*— В битве под Троей Диомед ранил Венеру («Илиада», V, 330 и след.).

Стих 51. *Амафунт, Пафос, Кифера* — центры культа Венеры, со знаменитыми храмами.

Стих 76. *Венилия* — нимфа; сравнение ее с Венерой оскорбительно для богини.

Стих 80. *...оружье вешать на мачтах?* — Имеется в виду обычай римлян вывешивать на мачте или на носу преторского (флагманского) судна щит в знак начала войны.

Стихи 81—82. *...спасти от рук ахейцев Энея...*—Нептун по просьбе Венеры скрыл Энея в тумане и унес его из поединка с Ахиллом («Илиада», XX, 318—335).

Стих 128. *Лирнесец* — из города Лирнесс в Мизии (Малая Азия).

Стих 136. *Теребинт орикийский* — черное дерево из города Орика в Эпире.

Стихи 141—142. *...в краю Меонийском... Пактол золотой...*— Река Пактол в Лидии считалась золотоносной.

Стих 145. *...Капис, что дал кампанскому городу имя.*— Капис считался основателем Капуи.

Стих 154. *От запретов рока свободен...*— Прибытие иноземного вождя снимает запрет, явленный в знамениях (см. «Энеида», VIII, 498—503), и дает этрускам возможность выступить против Мезенция.

Стихи 157—158. *...на носу фригийские львы, и над ними Ида...*— Корабль Энея посвящен Кибеле, поэтому украшен эмблемами ее культа: львами из колесницы богини и символическим изображением Иды Фригийской — ее обиталища.

Стихи 168—172. *Коза, Клузий, Популония* — города Этрурии.

Стих 171. *Аполлон золоченый* — эмблема бога-покровителя корабля (как эмблемы Кибелы на корабле Энея).

Стих 173. *Остров Ильва* — ныне Эльба.

Стихи 176—177. *...чрева отверстые жертв...*— Вергилий называет четыре вида гаданий, которым римляне научились от этрусков: гадание по внутренностям принесенных в жертву животных, предсказание по звездам, гадание по птицам и по месту, в которое ударила молния.

Стих 188—193. *...чудесном отца превращенье?* — Лигуриец Купавон — сын Кикна, превращенного в лебедя в то время, когда он оплакивал смерть своего друга Фаэтона. *...под сенью сестер...*— сестер Фаэтона, превращенных в пирамидальные тополя.

Стих 199. *Мантó* — дочь фиванского прорицателя Тиресия.

Стих 202. *...три здесь народа живут...*— греки, этруски, умбры.

Стих 205. *...Минций, Бенака сын, тростником увенчанный бледным...*— На корабле О́кна — изображение бога реки Минция. Бенак — бог озера Бенак, откуда вытекает Минций. Венок из тростника — атрибут речного божества.

Стих 250. *Анхизид* — Эней, сын Анхиза.

Стих 315—316. *...посвященный Фебу...*— Дети, появлявшиеся на свет с помощью кесарева сечения, посвящались Фебу-Аполлону как богу-исцелителю.

Стих 350. *...Борея... потомков...*— Борей считался основателем царского дома во Фракии.

Стих 389. *...осквернивший мачехи ложе...*— Анхемол бежал к Давну, отцу Турна, спасаясь от преследований своего отца, узнавшего о любовной связи сына и своей жены (мачехи Анхемола) Касперии.

Стих 439. *...благая сестра* — нимфа Ютурна (Диутурна), древнее италийское божество.

Стих 470. *...многие дети богов погибли.*— Имеются в виду Сарпедон, сын Юпитера, убитый Патроклом; Ахилл, сын Фетиды, убитый Парисом; Кикн, сын Нептуна, убитый Ахиллом; Аскалаф, сын Марса, убитый Деифобом; Мемнон, сын Авроры, убитый Ахиллом.

Стихи 497—498. *...дев преступленье...*— На перевязи Палланта изображено преступление Данаид (дочерей Даная), которые, выйдя против своего желания за сыновей Египта, умертвили в ночь свадьбы своих мужей, по приказанию своего отца Даная.

Стих 517. *Сульмон* — местность в области вольсков; это же имя Вергилий дает Сульмону, убитому Нисом (IX,412).

Стих 519. *...в жертву манам принесть...*— то есть при погребении Палланта умилостивить подземных богов и души умерших человеческими жертвами.

Стих 542. *Градив* — Марс.

Стих 564. *...царь молчаливых Амикл...*— Амиклы — небольшой приморский город в Лации, основанный выходцами из одноименного лаконского города. Ко времени Вергилия город уже не существовал; по преданию, жители его, бывшие все учениками Пифагора, не смели убивать кишащих там змей и были вынуждены оставить город. Эпитет «молчаливый» может относиться к покинутому городу. Другое толкование связывает его с легендой о лаконских Амиклах, погибших из-за того, что, свято выполняя закон о молчании, изданный во избежание ложных слухов, граждане города не посмели нарушить его, даже когда город был извещен о приближении врагов — дорийцев.

Стих 704. *...в чреве носившая факел...*— см. прим. к «Энеиде», VII, 320.

Стих 761. *Тизифона* — одна из трех фурий; здесь она возбуждает ярость сражающихся.

Стих 764. *Орион* — великан-охотник; по некоторым сказаниям, он сын Нептуна, обладавший способностью ходить по воде. Однако у Феокрита и Вергилия он идет по морю благодаря своему непомерному росту.

Стих 773. *Вы, о боги мои, копье и рука!* — Вместо традиционного воззвания к богам и мольбы о помощи Мезенций, «враг надменный богов» (в оригинале — «презирающий богов»), обращается, как к божествам, к своей руке и копью.

Стихи 774—775. *Памятник победы* — так называемый трофей: столб, который воздвигали на поле боя, повесив на него весь доспех побежденного. Мезенций намерен облечь этим доспехом сына.

Стих 872. Этот стих, повторяющий стих 668 книги двенадцатой, считается позднейшей вставкой.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Стихи 3—4. *...хоть печаль мрачит ему душу...спешит богам обеты исполнить.*— В комментариях Сервия это место толкуется следующим образом: по римскому обычаю, оскверненные похоронами не приносили жертвы. Если же приходилось объединять похороны и жертвоприношения, то старались совершить сначала обряд жертвоприношения.

Стих 6. *Трофей* — см. прим. к «Энеиде», X, 774—775. *Владыка сражений* — Марс.

Стих 33. *Паррасийцы* — аркадцы (см. прим. к «Энеиде», VIII, 344).

Стих 51. *...небесам ничего уж не должен!* — Римляне считали, что у человека при жизни долг по отношению к «вышним», «небесным» богам; после смерти он «должен» только богам подземного царства, «нижним», как их называли римляне.

Стих 93. *...с копьями вниз острием...*— воинский похоронный обычай; обратной стороной поворачивали и щиты, чтобы не осквернять видом мертвого изображенные на них божества.

Стих 143. *...как обычай велит...*— По римскому обряду погребения, умершего встречали вне стен города ночью с факелами. Вергилий приписывает этот обычай аркадцам.

Стих 194. *...с раскаленной осью колеса...*— Ось колеса боевой или спортивной колесницы раскалялась от быстрого движения. Эпитет «раскаленный» настолько прочно сросся для римских поэтов с понятием оси, что Вергилий употребил его и здесь, где речь идет о неподвижных колесницах.

Стих 215. *Души любимых сестер...*— В переводе сохранен поэтический перифраз (вместо «любимые сестры»), свойственный Гомеру и порой воспроизводимый Вергилием.

Стих 246. *...в честь города предков...*— Имеется в виду город Аргос-Гиппион в Пелопоннесе. *Арпы* (стих 250) — позднейшее название Аргирипы.

Стих 247. *Гарган* — хребет в Апулии.

Стих 260. *...злая Минервы звезда...* — очевидно, буря, посланная Минервой, чтобы погубить флот Аякса, сына Оилея (см. «Энеиду», I, 39 и след.). Древние считали, что бури вызываются влиянием светил. *...Кафарей и утесы Эвбеи.* — Кафарей — скалистый мыс на острове Эвбея, где разбились греческие корабли.

Стих 262. *Столбы Протея* — смелое поэтическое обозначение острова Фарос у берегов Египта, где Менелай получил предсказание от Протея (см. «Одиссею», IV, 351 и след.). Столбами Протея Фарос назван потому, что он представляет собой как бы крайнюю восточную точку Средиземного моря, подобно тому как Столбы Геркулеса (Гибралтар) — его крайнюю западную точку.

Стих 266. *...сам властитель Микен...* — Агамемнон. Перестановка стихов по сравнению с рукописью принята во всех изданиях.

Стих 268. *Прелюбодей* — Эгисф, любовник Клитемнестры, жены Агамемнона (см. также прим. к «Энеиде», III, 331).

Стих 264. *Локры* — спутники Аякса, сына Оилея, отнесенные бурей к берегам Африки и там поселившиеся. Злоключения ахейцев на пути из Трои составляли сюжет не дошедшей до нас послегомеровской эпической поэмы «Возвращения».

Стих 272. *...спутников вижу моих...* — Спутники Диомеда были превращены Венерой в стонущих птиц и должны были летать между рекой и морем.

Стих 286. *...к стенам инахийским...* — то есть в Аргос.

Стих 405. *Авфид* — река в Апулии, впадающая в Адриатическое море.

Стих 457. *Падуза* — рукав реки Пада (По).

Стих 463. *Манипул* — римское воинское подразделение; легион состоял из тридцати манипулов.

Стих 540. *Приверн* — город Лация, принадлежавший сначала вольскам.

Стихи 542—543. *Касмилла, Камилла* — древнейшее латинское имя, имеющее множество значений мифологического и религиозного характера: 1) Камилл — бог-служитель Великих богов в мистериях Самофракии, 2) Камилл — имя Меркурия у этрусков, 3) камиллы — низшие служители культов у пеласгов, этрусков и римлян, 4) камиллами называли детей знатных фамилий, специально определенных в культовых церемониях для поднесения обрядовых предметов — кувшина с водой, соли, муки. Вергилий делает Камиллу жрицей Дианы, посвященной богине с рождения,— имя «Камилла» сохраняет свой сакральный смысл.

Стих 659. *Так во Фракийском краю...* — Для Вергилия Фракия — крайний север, поэтому «застыла» вода реки Термодонта. Амазонки считались фракиянками.

Стих 661. *Ипполита* — дочь Марса, амазонка, взятая в плен Тесеем, мать Ипполита.

Стихи 701—702. *...хитрец не последний средь лигурийцев...* — У лигу-

рийцев была репутация обманщиков; Сервий приводит даже мнение Катона, что «все лигурийцы обманщики».

Стих 721. *...священный хищник...* — ястреб; по полету ястребов гадали прорицатели-авгуры.

Стих 737. *...кривые флейты...* — фригийские флейты с загнутым верхним концом и широким раструбом.

Стих 773. *...с рогом ликийским...* — с луком. *...гортинские стрелы...* — критские (Гортина — город на острове Крите). Ликийцы и критяне славились как стрелки из лука.

Стихи 785—786. *...Аполлон, хранитель Соракта!* — На вершине горы Соракта в Этрурии, неподалеку от Рима, был культ древнеиталийского божества Вейовиса, в котором впоследствии признали Аполлона. Обряд жертвоприношений ему сопровождался шествием жрецов (гирпов, гирпинов) по пылающим бревнам. Сервий цитирует Варрона, утверждавшего, что ступни жрецов были смазаны особым составом.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стих 83. *Орифия* — жена северного ветра Борея. Кони ветров—самые сильные.

Стих 91. *...в волны Стикса клинок погрузив...* — Согласно верованиям древних, меч, закаленный в воде Стикса, не мог ни переломиться, ни притупиться.

Стих 120. *...увенчавши вербеной.* — Римский обычай: особые жрецы, совершавшие обряды заключения мира или объявления войны, венчали голову сорванной на Капитолии вербеной. Но уже Сервий замечает по поводу этого стиха: «Однако мы уже неправильно именуем вербеной всякую освященную зелень: и лавр, и оливу, и мирт».

Стих 164. *...внуков Солнца...* — Марика, мать Латина, отождествлялась, по свидетельству Сервия, с дочерью Солнца Цирцеей.

Стих 200. *...Отец, освящающий молнией узы!* — Юпитер, поражающий клятвопреступников, нарушителей договора.

Стих 347. *Долон* — троянский герой, убитый Диомедом, когда он шел в ночную разведку к ахейскому стану («Илиада», X, 314 и след.).

Стих 366. *Эдонийский* — Фракийский (от названия горы Эдон).

Стих 401. *Пеаниды* — врачеватели, потомки Пеана, божественного врачевателя.

Стих 419. *Сок амвросии* — напиток богов, исцеляющий смертных.

Стих 474. *Атрий* — открытый внутренний дворик римского дома; в середине его всегда находился бассейн (первоначально — для сбора дождевой воды).

Стих 516. *Фебовы пашни.*— Имеется в виду Ликия, где в городе Патаре был знаменитый храм и прорицалище Аполлона (Феба).

Стих 518. *Лерна* — река в Аркадии.

Стихи 539—540. *...тебя, Купенк... боги твои не спасли...*— По толкованию Сервия, Купенк — жрец; его не спасли боги, служителем которых он был.

Стихи 612—613. Эти строки, повторяющие стихи 471—472 книги одиннадцатой, являются позднейшей вставкой.

Стих 715. *Сила* — см. прим. к «Георгикам», III, 219. *Табурн* — см. прим. к «Георгикам», II, 38.

Стих 725. *Сам Юпитер...*— Образ Юпитера, взвешивающего судьбы сражающихся, заимствован у Гомера («Илиада», VIII, 69—74; XXII, 209—213).

Стих 750. *Пугающие перья.*— Цепочками красных перьев оцепляли лес, где травили зверя.

Стих 795. *...будет Эней Индигет, судьбой до звезд вознесенный.*— Юпитер предсказывает обожествление Энея. Культ Энея Индигета — культ Энея как местного бога.

Стихи 845—852. *Диры* — по большей части преданий, то же, что фурии — обитающие в подземном царстве (см. «Энеиду», VI, 280). По преданию, использованному здесь Вергилием, в Тартаре находится только Мегера; Тизифона же и Аллекто — в преддверии Олимпа.

Н. Старостина

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Том 6

Вергилий

БУКОЛИКИ ГЕОРГИКИ ЭНЕИДА

*

Редактор М.討Ваксмахер

Оформление «Библиотеки» Д. Бисти

Художественный редактор Л. Калитовская

Технический редактор Л. Платонова

Корректор Д. Эткина

*

Сдано в набор 29/III 1971 г. Подписано к печати 17/VI 1971 г. Бумага типографская № 1 60×84¹/₁₆. 28 печ. л. = 26,12 усл. печ. л. 25,614 уч.-изд. л. + 4 накидки + 1 вкл. = 26,204
Тираж 300 000 экз. Заказ № 1937.
Цена 1 р. 46 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

